

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова, Т.П. Хлынина

**ПОВСЕДНЕВНЫЙ МИР
СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА
1920–1940-х гг.:
ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ
СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2011

УДК 94 (47).084.3/.8
ББК 63.3 (235.7)
К82

Программа фундаментальных исследований
Отделения историко-филологических наук РАН
«Генезис и взаимодействие социальных, культурных
и языковых общностей»

Проект «Повседневный мир советского человека: стратегии выживания
и механизмы адаптации в условиях социальных трансформаций
1920–1940-х гг.»

Рецензенты:

д.и.н., профессор **И.Б. Орлов**,
д.и.н., профессор **М.Н. Потемкина**

Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.

К82 Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях
социальных трансформаций / Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова, Т.П. Хлыни-
на. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 360 с.

ISBN 978-5-4358-0019-7

Монография посвящена повседневной жизни советского человека 1920–1940-х гг. В ней рассматриваются практики удовлетворения основных жизненных потребностей, особенности труда, военной службы, отдыха и досуга советских граждан, восприятия ими времени и пространства, а также основные стратегии выживания населения СССР в условиях социальных трансформаций.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94 (47).084.3/.8
ББК 63.3 (235.7)

ISBN 978-5-4358-0019-7

© ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2011
© Кринко Е.Ф., 2011
© Тажидинова И.Г., 2011
© Хлынина Т.П., 2011

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
INSTITUTE OF SOCIAL-ECONOMIC
AND HUMANITIES RESEARCHES SSC RAS**

E.F. Krinko, I.G. Tazhidinova, T.P. Khlynina

**THE DAILY WORLD
OF THE SOVIET MAN
OF 1920–1940s:
THE LIFE IN THE CONDITIONS OF SOCIAL
TRANSFORMATIONS**

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2011

K82

The program of basic researches of Department of historical-philological sciences
by the Russian Academy of Sciences
«Genesis and interaction social, cultural and linguistic communities»

The project «the Daily world of the Soviet man: strategy of a survival
and ways of adaptation in the conditions of social transformations
1920–1940s»

Reviewers:

Dr (History) Professor **I.B. Orlov**,
Dr (History) Professor **M.N. Potemkina**

Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlynina T.P.

K82 The Daily world of the Soviet man of 1920–1940s: the life in the conditions of social transformations. – Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2011. – 360 p. (in Russian).

ISBN 978-5-4358-0019-7

The monograph is devoted a daily life of the Soviet man of 1920–1940s. In it looked are considered practice of satisfaction of the basic vital needs features of work, military service, rest and leisure of the Soviet citizens, perceptions by them of time and space, and also the basic strategy of a survival of the population of the USSR in the conditions of social transformations. The edition is intended for science officers, teachers, post-graduate students, students, and also all interested readers.

ISBN 978-5-4358-0019-7

© Institute of Social-Economic
and Humanities researches SSC RAS
© Krinko E.F., 2011
© Tazhidinova I.G., 2011
© Khlynina T.P., 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель любого предисловия – оправдание замысла и необходимости написания книги. В нем, как правило, находят свое отражение вопросы, связанные с актуальностью избранной темы, ее слабой изученностью и значимостью личного вклада авторов в преодоление стоящих перед наукой проблем. Оказавшись перед подобной задачей, мы решили поступить несколько иначе, рассказав читателю о тех возможностях, которые на сегодняшний день предоставляет современная историографическая практика исследователю раннего советского повседневья, и о тех трудностях, с которыми ему приходится сталкиваться при постижении этого довольно неудобного феномена нашего недавнего прошлого.

Прежде всего, следует отметить, что в обиходе отечественной историографии понятия советского повседневья длительное время не существовало. Его замещало собою более привычное и мало к чему обязывающее словосочетание «история жизни и быта». При этом понятие жизни и быта зачастую сводилось к тому, что когда-то обозначалось емким словом «рутина». Согласно толкованию В.И. Даля, рутинa и есть то «безотчетное следование преданию, обычаю», которое и наполняет собою течение всей человеческой жизни¹. Безусловно, верно отражающее содержимое повседневной деятельности человека и общества в целом, оно, тем не менее, плохо передает атмосферу советской действительности. Дело в том, что рутинa не только наследуется, но и остается «приватной» сферой человеческой жизни, неподвластной внешнему по отношению к ней контролю и воздействию. Советский же человек изначально не был укоренен в создаваемой на его глазах новой действительности, которая к тому же представляла большой интерес для ее созидателей.

В этом отношении термин «повседневье» оказывается более предпочтительным, так как указывает не на определенный тип существования, который требует внятно очерченного пространства и противопоставления «не быту», а на форму этого самого существования, которая может привноситься в любой вид деятельности. Более того, повседневье также регламентировано, как и официальная публичная жизнь граждан, поэтому оно «спокойно» уживается с вторжением в его пространство производственных, политических и идеологических потребностей времени.

Однако если в содержательном плане пространство повседневья оказывается предельно прозрачным и сопрягается с ежедневным, привычным ритмом жизнедеятельности огромного количества людей, то в вопросах понимания технологии своего осуществления оно все еще нуждается в основательном прояснении. Эта основательность относится, прежде всего, к возможностям и тем специфическим задачам, которые решает историческое познание в целом. Насколько оно в состоянии прояснить природу и течение таких слабо формализуемых показателей жизни обычного человека, как его повседневное существование, зависит исключительно от умелого взаимодействия исследователя и находящихся в его распоряжении свидетельств минувшей реальности. К сожалению, не все из них обладают достаточным уровнем информированности и способны удовлетворить нашу профессиональную

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. IV. С. 115.

любезность. Поэтому зачастую приходится полагаться на исследовательскую интуицию историка, его воображение и эрудицию, при помощи которых вот уже около двух тысячелетий не обходится ни одно проникновение в толщу ускользающего от нас времени.

Вместе с тем, несмотря на существующие трудности, о повседневной жизни советского человека, его взаимоотношениях с властью и пространством большой политики написано немало. В этом отношении представляемая вниманию читателя книга едва ли окажется открытием. Тем не менее ее авторы, вот уже более двадцати лет активно занимающиеся различными аспектами истории советского общества, твердо убеждены в необходимости продолжения подобного рода исследований. Такая убежденность зиждется, по крайней мере, на двух вполне очевидных обстоятельствах: растущем исследовательском интересе к истории повседневности и ее, в первую очередь, институциональному осмыслению, а также отчетливо обозначившемся стремлении профессионального сообщества вернуть ранней советской истории статус «нормального» периода нашего прошлого. Периода, в котором наряду с массовыми репрессиями, тотальным дефицитом предметов первой необходимости и всепроникающим страхом сосуществовали радости и горести обыденной жизни подавляющего большинства населения первой в мире страны победившего социализма. Именно эта обыденность помогла советскому человеку не только пережить десятилетия суровых испытаний, но и воспринимать их в качестве само собой разумеющегося течения времени, извилистые ответвления которого неизбежно возвращались в свое привычное русло. Вероятнее всего, данным обстоятельством и объясняется тот факт, что в памяти поколений строителей и защитников советского строя 1920–1940-е гг. стали временем пьянящего ощущения «весны человечества», полнокровной жизни и личной сопричастности ко всему происходившему в стране и мире.

На сегодняшний день повседневный мир советского человека оказывается точкой пересечения и сферой приложения усилий как теоретиков от истории, так и практически ориентированных специалистов. Их совместными усилиями к настоящему времени разработаны и введены в научный оборот основные категории и методологическая оснастка относительно нового для отечественной историографии направления исследовательского поиска – истории советской повседневности; созданы внушительные коллекции документальных свидетельств повседневной жизни и ее нередко ювелирно исполненные образы. Между тем, несмотря на столь впечатляющие достижения, повседневная жизнь советского человека по-прежнему остается заповедной территорией с плохо прочитываемыми взаимосвязями и индивидуально выстраиваемыми стратегиями освоения социальных норм и практик социалистического общежития.

В отличие от Т. Шанина, в свое время назвавшего крестьянина «великим незнакомцем» и поставившего перед собою цель как можно лучше узнать его, мы двигались в обратном направлении. Наш, казалось бы, хорошо знакомый и не требовавший особых методик выявления предмет лежал на поверхности и нуждался лишь в грамотном обрамлении. Однако при ближайшем рассмотрении он не только терял четкие границы, но и менял масштабы своего бытования. Положение существенно осложнялось и выбранными временными рамками исследования – периодом социальных трансформаций 1920–1940-х гг., не только перевернувшим устоявшийся уклад жизни огромной страны, но и ввергнувшим ее население в ежедневную борьбу за упорядочивание и придание элементарного здравого смысла происходящему.

Выходом из создавшейся ситуации стало решение написать книгу в несколько непривычном для академической науки жанре – монографию-пунктир. Как отмечает А.И. Миллер, уже попробовавший себя в этом жанре, «она, будучи менее плотно сбита единой темой, чем положено монографии, представляет собой в то же время нечто более целостное, чем собрание разрозненных статей»¹. Именно разреженность пространства новой формы позволила соединить воедино теоретические наработки авторского коллектива, больше отдающие дань собственной рефлексии, нежели поиску надлежащей эпистемологии советского повседневья, и конкретные сюжеты, посвященные ежедневным практикам выживания и встраивания в «большой мир» людей того времени.

Эта кропотливая и по-настоящему трудоемкая работа велась на протяжении трех лет, в течение которых не раз менялась структура книги, ее магистральные направления и содержание. За эти годы были заново «переоткрыты» и переосмыслены природа и границы советского повседневья; возможности различных свидетельств прошлого, отразивших его многоликие проявления; пространство и время обыденной жизни человека образца 1920–1940-х гг.; его увлечения, трудовые будни, праздники, соблазны потребления и практики удовлетворения насущных потребностей, превратившиеся со временем в полноценные стратегии выживания. Их выбор в качестве сюжетов исследования предопределился все еще сохраняющимся разрывом между теоретико-методологическими изысканиями и конкретно-историческими исследованиями повседневного мира советского человека 1920–1940-х гг., типичностью и характерностью проявлений обыденной жизни именно в этих видах деятельности, а также необходимостью укоренения ряда из них в самом пространстве советской повседневности. Речь, прежде всего, идет о таких моделях поведения, которые традиционно рассматривались и официальной властью, и наукой в качестве правонарушений или действий, несовместимых с природой советского человека (использование служебного положения в личных целях, дезертирство, коллаборационизм).

В своей работе авторы постарались учесть как те изменения, которые переживает в настоящее время история и посредством которых она все более приближается к познанию «истинной сути» человека, так и перемены, происходящие в социальных науках в целом. Собственно результатом такого учета и стала морфология повседневного мира советского человека в условиях социальных трансформаций 1920–1940-х гг., увиденная глазами людей, чье профессиональное взросление пришлось на годы решительного расставания с советским прошлым, где по иронии судьбы прошло их по большей части безмятежное детство.

Мы далеки от самонадеянной мысли о том, что поставленная нами задача – показать, как в годы кардинальных преобразований сохранялась и в то же время менялась жизнь советского человека, – полностью исчерпана. Эта работа будет продолжаться за пределами книги еще долгое время, постепенно встраивая в обширное полотно безбрежного пространства повседневной жизни советского общества все новые и новые детали. Вместе с тем полученные результаты и дальнейшие перспективы исследований в этом многообещающем направлении хотелось бы уже сейчас обсудить с коллегами и заинтересованными читателями. Надеемся, что книга станет

¹ Миллер А. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008. С. 5.

хорошим поводом для плодотворной дискуссии по проблемам состояния и дальнейшего развития истории советской повседневности.

Работа выполнена в Институте социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (научный руководитель – академик Г.Г. Матишов) в рамках проекта «Повседневный мир советского человека: стратегии выживания и механизмы адаптации в условиях социальных трансформаций 1920–1940-х гг.» Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей». Хотелось бы выразить искреннюю признательность всем тем, чьи труды и документальные публикации оказались созвучными авторским замыслам и во многом предопределили направленность и содержание представляемой книги.

Авторы

ГЛАВА 1

«ЖИЗНЬ КАК ОНА ЕСТЬ»: СОВЕТСКОЕ ПОВСЕДНЕВЬЕ В ПОИСКАХ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРОПИСКИ

Долгое время историки стремились обнаружить в прошлом проявления «высоких» чувств – гражданственности и патриотизма, мужества и отваги, верности долгу и других добродетелей. Особое значение придавалось выдающимся личностям, демонстрировавшим собственной жизнью и деятельностью примеры выполнения человеком своего предназначения. Т. Карлейль и Н.М. Карамзин, Н.К. Михайловский и другие авторы обосновывали идеи о том, что именно герои выступают главными творцами истории. В 1890–1907 гг. издательство Ф.Ф. Павленкова предприняло выпуск специальной серии биографических книг «Жизнь замечательных людей», возобновленной в 1933 г. по инициативе М. Горького. С 1938 г. она перешла в ведение издательства «Молодая гвардия», где и продолжает издаваться по настоящее время. Всего в данной серии вышло свыше 1,3 тыс. книг общим тиражом более 100 млн экземпляров¹.

Напротив, судьбы «незамечательных» людей чаще всего оставались в тени, хотя именно они и составляли то самое огромное большинство, определявшее, как считалось, ход мировой истории и голосов которого, как правило, прежде не было слышно на страницах исторических работ. Следует согласиться с современными авторами, отмечающими, что после прочтения основной массы исторических книг создается впечатление, «что наши предки, не ставшие великими людьми, появлялись на свет только для того, чтобы перейти от ручного труда к мануфактурному, поучаствовать в каком-нибудь антиправительственном выступлении, решить проблему территориальной экспансии. Из области общечеловеческого остается разве что гибель за Отечество и восприятие шедевров культуры и искусства. И на фоне несомненно значимых войн, экономических кризисов, революционных потрясений забывается, что обыкновенные люди в это время должны были рождаться и умирать, заботиться о жилье и пропитании, трудиться и развлекаться. А ведь именно мир обыденной жизни создает историческое пространство»².

Своеобразная «реабилитация» жизни и чувств «обычных», «маленьких» или «простых» людей в последнее время сопровождается обращением исследователей к проблемам их повседневного существования, позволяя осмыслить не только отдельные фрагменты, но и целые пласты исторической реальности, ранее остававшиеся за гранью их профессиональных интересов. Онтологическая «укорененность» человека в том, что и как он ест, как одевается и где живет, определяет и способы его действия, и стереотипы мышления, и, в конечном итоге, структуру социальной реальности³. Исследование повседневности заставляет осмыслить не только правила и запреты, регулировавшие поведение людей, но и способы увливания от них, на

¹ Жизнь замечательных людей. URL: <http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title>.

² Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003. С. 5–6.

³ Щербаков В.П. Homo soveticus в сетях повседневности // Человек постсоветского пространства: сб. материалов конф. Вып. 3. СПб., 2005. С. 472.

которых и держится повседневная жизнь. Ведь этика повседневного поведения «не сводится к высокоморальным тирадам, а состоит из незначительных, но решающих индивидуальных актов, решений и выборов»¹.

1.1. Повседневность как предмет социально-гуманитарных исследований

Понятие «повседневность» в русском языке имеет значение будничности, привычности, обыденности, того, что происходит регулярно, изо дня в день, и поэтому само по себе ничем не примечательно. Вследствие этого повседневность выступает как совокупность общедоступных, хорошо знакомых явлений действительности, при этом совершенно неуловимых, с большим трудом репрезентируемых, верифицируемых и переводимых на язык научных понятий, что существенно осложняет ее изучение. По словам С. Бойм, труднее всего «найти вещь, потерянную на самом видном месте, или обнаружить преступника, который не прячется, а беседует с соседкой и ест вареные сосиски. Повседневность тавтологична, чрезмерно знакома и потому невидима... Только потеряв возможность продолжать обычную повседневную жизнь – во время войны, в эпоху социальных катаклизмов или при переезде в другую реальность, – мы вдруг начинаем вспоминать и ценить ее. Но это уже не наша повседневность, а наша бывшая повседневность, приукрашенная ностальгией»².

Актуализация проблем повседневности обусловлена признанием ее фундаментальности, необходимости и неизбежности для существования человека как индивида, реализующего жизненные потребности. Каждому человеку необходимо уделять внимание своим повседневным заботам, что порождает неизбежность совершения тех или иных поступков и действий, вызывает соответствующие мысли и чувства. Постоянство в воспроизводстве повседневности как системы отношений и ценностей неизбежно заставляет все социальные институты, включая и само государство, вписываться в нее или, наоборот, подавлять ее.

Не менее важным признаком обыденного существования считается повторяемость, доходящая до цикличности и ритмичности времени и событий. В жизни большинства людей чередуются более или менее общие моменты: пробуждение, гигиенические процедуры, прогулки или занятия спортом, приготовление и прием пищи, пребывание на работе, учебе или службе, возвращение домой, досуг и отдых, уборка и другие хозяйственные дела, отход ко сну. Существуют недельные, сезонные, годовые ритмы жизнедеятельности, свои пульсы семейного, учебного, группового, профессионального, производственного, политического и других пространств. Устоявшийся жизненный ритм позволяет человеку, не задумываясь, совершать однообразные, но необходимые действия, облегчая удовлетворение существующих потребностей в привычных формах. При этом исследователи обращают внимание на замкнутость типичных пространств повседневности: домашнего – спальни, кухни, гостиной; учебного – аудиторий, лекционных и спортивных залов, рекреаций; производственного – офисных, складских, подсобных помещений³. Подобная локализация

¹ Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. М., 2002. С. 11.

² Там же. С. 10.

³ Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004. С. 15–16.

порождает соразмерность «рядовому» человеку повседневных задач и способов их решений. Устойчивость, выражающаяся в постоянстве окружающих вещей, а также социальных статусов и ролей, создающих привычную социальную структуру, сопровождается взаимозаменяемостью субъектов как их носителей и обеспечивает стабильное воспроизводство социальных отношений.

В отличие от других живых существ, поведение которых жестко запрограммировано инстинктами, человек сам создает собственный мир. Социологи отмечают, что в процессе формирования социального порядка, освоения определенной среды и привыкания к ней выработанные навыки человека «преобразуются в знания и умения, которые многократно воспроизводятся и воплощаются в материальных предметах. Это касается питания, одежды, продолжения рода, расположения жилища, распределения времени и т. п. – всего того, что принадлежит миру, близкому и знакомому для человека, миру, в котором он может свободно ориентироваться»¹.

Повседневность выступает результатом социального конструирования, вбирающего достаточно длительный исторический опыт, что придает обыденной жизни определенный консерватизм. Специфика повседневных форм жизнедеятельности выступает отличительным признаком социальной группы, основой для признания самобытности той или иной культуры. Резкая смена окружающих предметов и лиц, сложившихся прав и обязанностей, норм и правил, привычных способов их выполнения может приобрести для человека значение настоящей катастрофы. В то же время именно в повседневной сфере возникают новации, определяющие направления социальных трансформаций.

Стандартизация форм удовлетворения основных жизненных потребностей произвела своеобразную революцию в легкой и пищевой промышленности, а также в некоторых сопутствующих видах производств. Если ранее мастера-ремесленники работали на заказ, успешное выполнение которого выражалось в максимальном соответствии индивидуальному вкусу потребителя товара или услуги, то появление фабрично-заводского, конвейерного производства уже во второй половине XIX в. привело к выпуску серийной продукции. Позже появились типовые квартиры с соответствующей им типовой мебелью, бытовой и санитарной техникой, полуфабрикаты и магазины готовой одежды и обуви, изготовленной по стандартным номерам и размерам. Кардинально изменили возможности человека новые виды транспорта и связи, позволяя намного быстрее преодолевать расстояние. Глобализация неуклонно ведет к дальнейшему нивелированию этнокультурных различий.

Всеохватность повседневности, проникающей во все без исключения сферы человеческого существования, создает возможность и необходимость применения при ее анализе подходов, сложившихся в других науках. Феномен повседневности находится в центре внимания представителей различных областей гуманитарного и социального знания: философов и социологов, антропологов и культурологов, – обуславливая целесообразность осмысления теоретических истоков и предпосылок его изучения.

В эпоху Нового времени сформировалось критическое отношение к обыденному сознанию как неполноценному, эмпирическому, стихийному, несистемному, в отличие от научного и философского сознания. Это отношение было унаследовано

¹ Худенко А.В. Повседневность в лабиринте рациональности // Социологические исследования. 1993. № 4. С. 69.

позитивизмом и марксизмом с характерным для них культом науки, стремившейся объяснить объективную действительность при помощи точных эмпирических и аналитических процедур. В результате повседневность воспринималась в качестве жизненного пространства, противопоставлявшегося научным представлениям, а значит, не имевшего научного значения.

Методологической основой для возникновения другого отношения к обыденности человеческого бытия и сознания стала смена научной парадигмы и появление подходов, признающих ненаучные формы познания в качестве возможных способов постижения действительности. Современное понимание повседневности во многом опирается на принципы феноменологической социологии. Родоначальник феноменологии Э. Гуссерль первым обратил внимание на необходимость осмысления «сферы человеческой обыденности», которую он именовал «жизненным миром» и рассматривал как донаучные глубины бытия человека, в которых укоренена «чистота» научной мысли.

Находившийся под влиянием его идей А. Шюц рассматривал социальную реальность как совокупность предметов и событий социокультурного мира. В ходе повседневного существования люди вступают во множество отношений, принимая участие в социальных процессах в неизбежных и шаблонных формах. Каждый человек рождается и живет в социальном мире с присущей ему повседневностью, воспринимая его готовым и в то же время открытым для интерпретации и действия, всегда соотношенным с его биографически детерминированной ситуацией. Биографическая детерминированность означает, что она имеет свою историю, в которой отложился предшествующий опыт людей, систематизированный в привычных формах наличного запаса знаний, и при этом уникальна, дана только ему одному и никому другому. Согласно А. Шюцу, социальный мир intersубъективен, так как нас связывает общность забот, труда, взаимопонимание. Повседневность предстает смысловым универсумом, совокупностью значений, которые мы должны интерпретировать, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним. Эта совокупность значений, в отличие от природных явлений, возникла и продолжает формироваться в человеческих действиях: наших собственных и других людей, современников и предшественников¹.

Своим превращением в самостоятельный предмет изучения повседневность обязана и этнометодологии. Основатель данного направления Г. Гарфинкель считал его целью выявление методов, «которыми пользуется человек в обществе для осуществления обыденных действий», придавая серьезное значение господствующим речевым практикам. Он утверждал: «Ведя свои повседневные дела, люди никогда не позволяют друг другу таким способом понимать, “о чем они в действительности разговаривают”. Допустимыми свойствами обыденного дискурса являются ожидание, что люди сами поймут, что имеется в виду; случайность выбора выражений, характерная неопределенность ссылок, ретроспективное/перспективное ощущение событий настоящего; ожидание продолжения разговора, чтобы понять, что, собственно, имелось в виду раньше»².

Основатель «социогенетической теории цивилизаций» Н. Элиас рассматривал их развитие как переплетение разнообразных практик – воспитания, познания, труда,

¹ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.

² Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 1. С. 46.

власти – и способов их упорядочивания, закрепленных различными институтами. Специального изучения, по его мнению, заслуживали процессы «оцивилизовывания» разных сторон повседневности индивидов – их внешнего вида и манер поведения, намерений, чувств и переживаний, речи, этикета. На примере французского королевского двора XVII–XVIII вв. он исследовал такой общественный институт, как придворное общество, включавшее самого короля, членов его семьи, приближенных и слуг, составлявших единый механизм, функционировавший по строгим правилам. Н. Элиас показал, как размеры и планировка жилища, содержание разговоров, доходы и расходы, распорядок дня и другие стороны жизни людей двора заданы их положением относительно личности короля и стремлением сохранить и улучшить это положение¹.

Существенную роль в формировании теоретических предпосылок изучения повседневности сыграли и другие философские подходы. Согласно У. Джеймсу, автору теории прагматизма, полагавшему, что повседневность выражена в элементах жизненной прагматики индивида, философия должна перестать быть размышлением о мире, началах бытия и сознания и превратиться в общий метод решения практических проблем, ежедневно возникающих перед людьми в различных жизненных ситуациях. К. Гирц рассматривал культуру как стратифицированную иерархию структур, состоящих из актов, символов, знаков и составляющих повседневные типизированные людские практики. Л. Витгенштейн и его последователи считали основным предметом исследования анализ повседневного речевого поведения человека и особенностей естественного языка, в несовершенстве которого, по их мнению, и коренятся многие традиционные философские проблемы. Необходимо отметить и мифологию обыденной жизни Р. Барта, определявшего миф как тип речи, особую коммуникативную систему, язык культуры, позволяющий понять и осознать окружающий мир, культурные механизмы, при этом сам ученый становится одновременно и субъектом, и объектом своего исследования.

В 1960-е гг. возник ряд модернистских социологических концепций, привнесших свой вклад в осмысление феномена повседневности. Так, создатели теории социального конструирования П. Бергер и Т. Лукман утверждали, что всякая человеческая деятельность подвергается хабиутализации («опривычиванию»), а любое часто повторяющееся действие становится образцом². Типизация действия ведет к появлению институтов, однако институциональный мир нуждается в легитимации как способе его «оправдания» и объяснения. Для типизации форм действий «нужно, чтобы они имели объективный смысл, для чего в свою очередь необходима лингвистическая объективация». В результате человеческая реальность рассматривается как социально конструируемая реальность³.

Перемены в гуманитарном и социальном познании обусловили появление новых подходов в исторической науке. Основатели исторической школы «Анналов» французские историки М. Блок и Л. Февр еще до появления модернистских социологических и лингвистических концепций предметом исторического исследования считали «человека во времени». Понять человека прошлого, проникнуть в его сознание исследователь может, только отказавшись от собственного «я». Поэтому

¹ Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии: [пер. с нем.]. М., 2002.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 49, 124.

³ Там же. С. 37.

данные авторы существенное значение уделяли ментальности людей определенной исторической эпохи.

Продолжая традиции школы «Анналов», Ф. Бродель предложил идею «тотальной истории», не оставляющей без внимания ни одну из сфер человеческой жизни, и идею различных темпов исторического времени. Для анализа наиболее глубинных процессов, определявших жизнь общества, он ввел категорию «большой длительности». К практически «неподвижным» структурам повседневности Ф. Бродель отнес то, что окружает человека и опосредует его жизнь изо дня в день, – географические условия, базовые социальные потребности и возможности их удовлетворения, стереотипы мышления. В отличие от них перемены в экономической и социальной конъюнктуре, в частности, в уровне цен, происходили быстрее; еще мимолетней оказывались конкретные события, названные Ф. Броделем «пылью повседневности». В то же время он не оставлял повседневную жизнь за гранью изучения, утверждая: «Из маленьких происшествий, из путевых заметок вырисовывается общество. И никогда не бывает безразлично, каким образом на разных его уровнях едят, одеваются, обставляют жилище. Эти “мимолетности” к тому же фиксируют от общества к обществу контрасты и несходства вовсе не поверхностные»¹.

Современные представители школы «Анналов» стремятся реконструировать картины мира определенной эпохи или отдельных социальных групп, изучая взаимосвязи между образом жизни людей и их социальной психологией. Так, Э. Ле Руа Ладюри, в отличие от Ф. Броделя, сосредоточивает внимание не столько на экономике и материальных условиях жизни, сколько на мировосприятии средневековых крестьян, соединяя социально-демографический анализ с описанием их ментальных основ. В одной из книг он, опираясь на протоколы инквизиции, представил «плотное описание» одной деревни южной Франции в хронологически определенный период времени, включающее анализ ее географического положения, социальной и демографической структуры, хозяйственной и религиозной жизни, отношения жителей к богатству и детям, любви и сексу и других аспектов².

Свой путь в понимании повседневности предлагает микроистория как направление, обращающее внимание на судьбы отдельных людей, не попадающих в разряд «замечательных», или небольших социальных групп, локализованных в рамках определенного исторического времени и пространства. Через их жизненные истории микроисторики стремятся постичь пространство существовавших возможностей, степень свободы и несвободы индивида в заданных политических, социально-экономических и этнокультурных обстоятельствах. При этом один из основателей данного подхода Дж. Леви отмечал, что микроистория означает «не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях». По словам другого его сторонника, Х. Медика, «приверженность к особенностям жизненных и бытовых деталей и к истории маленького и захолустного локального общества никоим образом не исключает выхода как на масштабные исторические взаимосвязи, так и на обсуждение общих исторических проблем. Напротив, она сообщает им новое качество»³.

Возникнув в качестве реакции на упрощенные представления об общественных процессах, характерные для макроисторических и макросоциальных концепций, не

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII вв.: в 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.

² Ле Руа Ладюри Э. Монтайю. Екатеринбург, 2001.

³ Медик Х. Микроистория // THESIS. 1994. № 4. С. 200.

оставляющих человеку свободы выбора, рассматриваемое направление использует микроанализ в качестве своеобразного «увеличительного стекла» или «микроскопа», позволяющего разглядеть существенные стороны явлений и событий, ранее оставшихся за пределами исторических исследований. В контексте рассматриваемой проблемы немаловажное значение имеет и то, что микроисторики обращаются не только к способам жизни в обычных условиях, но и к особенностям выживания людей в экстремальных ситуациях, во время войн и революций. В то же время для микроистории особенно актуальна проблема репрезентативности изучаемого объекта, связанная с выяснением того, насколько его жизнь отразила наиболее важные процессы и закономерности эпохи, насколько он является типичным представителем своего времени.

Общим для двух подходов в изучении истории повседневности – и предложенного школой «Анналов», и разрабатываемого в рамках микроистории – стало новое понимание прошлого как «истории снизу» или «изнутри», позволившее расслышать «маленького человека» как жертву модернизационных процессов. Оба подхода в исследованиях повседневности также объединяет междисциплинарность, выражающаяся в тесной связи с социологией, психологией и этнологией. Наконец, сторонники и того, и другого подходов предполагают, хотя и на разных уровнях – макроисторическом и микроисторическом, – изучение «символики повседневной жизни»¹.

В советской историографии проблемы истории повседневности относились к малоизученным и, как правило, маргинальным сюжетам. Коллективный портрет «рядовых» людей – бояр и дружинников, смердов и монахов, а также картину нравов домонгольской Руси, опираясь на скрупулезный анализ сохранившихся письменных источников, представил в своей книге Б.А. Романов². Однако она подверглась резкой критике, а ее автора уволили из Ленинградского университета. Тем не менее отечественные медиевисты, прежде всего А.Я. Гуревич, разрабатывали проблемы средневековой истории и культуры с позиций, достаточно близких школе «Анналов».

Значительно больше внимания советские историки и обществоведы уделяли вопросам жизни и быта граждан СССР, однако и они, как правило, выступали лишь в качестве второстепенных дополнений, иллюстрирующих процессы социалистического строительства. Так, при подготовке фундаментальных трудов по истории советского рабочего класса и колхозного крестьянства описания культуры и материально-бытового положения данных социальных групп, а также их общественно-политической активности занимали неизменно последние страницы³. Изложение рассматриваемых вопросов неизбежно приобретало фрагментарный характер, находилось под значительным влиянием идеологии. В частности, все бытовые проблемы объяснялись сохранением «пережитков» прошлого или «нарушением принципов социализма», так как концепция коммунистического строительства пред-

¹ Пушкарева Н.Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник, 2007. М., 2008. С. 20–21.

² Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси (Историко-бытовые очерки XI – XIII вв.): сб. очерков. М.–Л., 1966.

³ См.: История советского рабочего класса: в 6 т. Т. 3: Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.). М., 1984.; История советского крестьянства: в 5 т. Т. 3: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. М., 1987 и др.

полагала непрерывность роста общественного благосостояния и улучшения условий жизни трудящихся.

В то же время работы советских историков содержат немало фактических сведений по вопросам развития образования и здравоохранения, решению женского вопроса, формированию социалистического образа жизни, складыванию новых форм досуга и быта граждан СССР. На основе статистических материалов были сделаны выводы о значительном увеличении продолжительности свободного времени городских рабочих благодаря перенесению в сферу общественного производства ряда бытовых занятий. Многие виды проведения досуга – чтение, посещение театра и особенно кино – перестали быть элитарной формой времяпрепровождения, хотя и не получили достаточного распространения среди всего населения¹. Уже в период перестройки вышли работы, в которых переоценивалось значение быденного сознания, оно стало соотноситься с философским, историческим, политическим, правовым, художественно-эстетическим сознанием. В частности, Е.И. Кукушкина признала его универсальной предпосылкой всех других форм познавательной активности².

Современные тенденции в развитии гуманитарных и социальных наук в России позволяют осмыслить повседневность как «полноправную» научную дефиницию³. Уже в первой половине 1990-х гг. прошли первые научные конференции, посвященные данной проблеме⁴. Она также включена в перечень приоритетных тем исследований Российской академии наук, в структуре которой создан совет «Человек в повседневности: прошлое и настоящее» (руководитель – академик Ю.А. Поляков). С 2001 г. под его эгидой проводятся научные конференции, по итогам которых выходят сборники статей⁵. Разработкой проблем истории повседневности на материалах разных исторических эпох занимается широкий круг различных исследователей, ей посвящена специальная серия популярных и далеко не равнозначных по содержанию книг, выпускаемых издательством «Молодая гвардия» («Повседневная жизнь»), описывающих в основном культуру и быт отдельных социальных групп, от древних египтян до советских подводников.

При этом сохраняются существенные различия в понимании природы и сущности повседневности как предмета исторического исследования. По словам Ш. Фицпатрик, некоторые «подразумевают под “повседневностью” главным образом сферу частной жизни, охватывающую вопросы семьи, домашнего быта, воспитания детей, досуга, дружеских связей и круга общения. Другие в первую очередь рассматривают жизнь трудовую, те модели поведения и отношения, которые возникают на рабочем месте. Исследователи повседневности в условиях тоталитарных

¹ Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Общий характер перемен в содержании бытовых занятий и функциях быта // Социологический калейдоскоп (памяти Леонида Абрамовича Гордона). М., 2003. С. 122–141.

² Кукушкина Е.И. Гносеологический анализ быденного сознания как способа отражения действительности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1985.

³ Авторы не ставили своей задачей дать максимально полную характеристику историографии истории повседневности, а остановились только на ряде общих, а также наиболее близких тем, которые рассматриваются в настоящей книге, идей и положений, высказанных российскими и зарубежными исследователями.

⁴ Российская повседневность, 1921–1941. Новые подходы. СПб., 1995 и др.

⁵ Человек в российской повседневности: сб. ст. М., 2001; Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг: сб. ст. М., 2004 и др.

режимов часто сосредотачиваются на активном или пассивном сопротивлении режиму, и целый ряд работ о жизни крестьян ставит во главу угла «повседневное сопротивление», имея в виду те житейские способы, с помощью которых люди, находящиеся в зависимом положении, оказывают неповиновение хозяевам»¹. При этом и первые, и вторые, и третьи оказываются по-своему правы, поскольку рассматриваемые ими сюжеты вполне могут быть отнесены к вопросам повседневной жизни советского общества. В то же время сторонники разных подходов порой с большим трудом могут договориться между собой, а механическое соединение их взглядов грозит не только эклектикой, но и полной утратой смысла в использовании данного понятия.

Б. Вальденфельс отмечал, что в этой ситуации следует соблюдать особую осторожность, «так как понятия, часто привлекающие к себе внимание ученых, могут приобретать неконтролируемую многозначность и потерять собственное содержание», в результате «обыденная жизнь» может стать названием для разнородных явлений. Он указывал, что обыденная жизнь не существует сама по себе, а возникает в результате процессов «оповседневнивания», которым противостоят процессы «преодолевания повседневности». Границы и значения выделенных сфер изменяются в зависимости от места, времени, среды и культуры. При этом речь о повседневности не совпадает с самой повседневной жизнью и с речью в повседневной жизни. Б. Вальденфельс предлагал «генеалогию повседневной жизни, которая не допускает преувеличения значения этой сферы, не возводит категорию повседневности в ранг универсального понятия и не абсолютизирует теорию обыденной жизни»².

Поэтому серьезное значение имеет определение четких границ повседневности как предмета исторического исследования и его соотнесения с другими близкими ему понятиями. В первую очередь это касается понятия быта как части физической и социальной жизни человека, включающей удовлетворение им духовных и материальных потребностей, обживания социального и природного пространства. В широком смысле быт рассматривается как уклад повседневной жизни.

Еще в XIX в. вышли работы, посвященные истории быта русского народа. Среди них выделяются основательные труды И.Е. Забелина, не только тщательно описавшего внутренний распорядок и взаимоотношения обитателей Московского двора, существовавшие в нем разнообразные обряды и церемонии, но и объяснившего их глубинный смысл. Его работы позволяют детально представить внутреннее и внешнее убранство царских покоев, ритуалы, связанные с персоной царя, придворный протокол, распорядок дня во дворце, а также формирование представлений о царской власти в Московском государстве³. Существенное значение уделяли истории русского быта Н.И. Костомаров, В.О. Ключевский и другие известные российские историки. Однако, как отмечает Н.Л. Пушкирева, историки быта часто фиксировали внимание не на самом распространенном и обыденном, а на «экзотике»: «Так, обращаясь к жизни древнерусских женщин,

¹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город: [пер. с англ.]. М., 2001. С. 7.

² Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. М., 1991. С. 39–50.

³ Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869; Его же. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1895.

бытописатели любили посетовать о скуке и однообразии жизни “женских половин” в теремах, как бы не замечая, что теремными затворницами была ничтожно малая часть населения – боярские “дщери” – то есть дочери родовитых московских землевладельцев»¹.

В конце XIX в. быт стал рассматриваться в передовой общественной мысли как «темное царство» застоя и рутины, и русская интеллигенция повела решительную борьбу с этим миром пошлости и мещанства. Волны борьбы с бытом периодически возникали и в Советской России. Революция и Гражданская война завершились нэпом, на смену комиссару в кожаной куртке, жертвовавшему личным счастьем во имя «светлого будущего», пришли бюрократы с партийными привилегиями. Но в 1928–1929 гг. была объявлена очередная кампания «по борьбе с домашним хламом». Она стихла только в 1930-е гг., когда многие борцы против старого быта сами оказались истреблены. В предвоенные и послевоенные годы революционный аскетизм вышел из моды, однако в конце 1940-х гг. борьба с «мещанством и пошлостью» вновь возобновилась.

В современной историографии подчеркиваются различия между этнографическим описанием быта и изучением истории повседневности: этнография, реконструируя быт той или иной социальной группы, уделяет главное внимание его материальной стороне, а историю повседневности интересует смысл, который вкладывали в свою повседневную жизнь люди определенной эпохи. Если этнограф воссоздает быт, то историк повседневности анализирует эмоциональные реакции, переживания отдельных людей в связи с тем, что их в быту окружало. К тому же быт и досуг нередко противопоставляются труду, а историки повседневности видят одну из своих задач в изучении каждодневных обстоятельств работы, мотивации труда, отношений работников между собой и их взаимодействий с представителями администрации и предпринимателями².

Нередко повседневность соотносят с частной и личной жизнью, означающими индивидуальное развитие человека. Само понятие личной жизни появилось сравнительно недавно, в Новое время, до этого человек воспринимался как представитель определенного сословия, социопрофессиональной, этнокультурной или кланово-корпоративной группы, а не как личность. В то же время частная сфера как совокупность эмоциональных отношений и связей, основанных на личных пристрастиях, существовала всегда. Сферы частной жизни и повседневной жизни достаточно близки, во многом пересекаются, но полностью не совпадают. Согласно Н.Л. Пушкаревой, историк частной жизни изучает лишь одну из сфер повседневной жизни, а именно ту, которая зависит от индивидуальных, частных решений³.

Интерес к истории советского повседневья впервые проявился у представителей ревизионистского направления в западной исторической науке – М. Левина, С. Коэна, но особенно Ш. Фицпатрик, уделяющей внимание «обиходной практике – т. е. тем формам поведения и стратегиям выживания и продвижения, которыми пользуются люди в специфических социально-политических условиях»⁴.

¹ Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 94.

² Там же. С. 96–97.

³ Там же. С. 100.

⁴ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город: [пер. с англ.]. М., 2001. С. 7.

Среди российских историков, специализирующихся на разработке рассматриваемой проблемы, в первую очередь следует отметить С.В. Журавлева и А.К. Соколова¹, Е.А. Осокину² и Е.Ю. Зубкову³, Е.С. Сенявскую⁴ и других авторов. Достаточно активно она разрабатывается и в современной историографии других постсоветских государств. Так, украинскими историками подготовлен целый ряд серьезных коллективных работ, посвященных эпохе нэпа (под редакцией С.В. Кульчицкого)⁵ и послевоенному периоду развития (под редакцией В.М. Даниленко)⁶ в рамках специальной серии исследований по истории повседневной жизни Украины⁷. Немало внимания уделяется и различным аспектам повседневности Украины в годы Второй мировой войны⁸.

Обращение к указанной проблеме определяется не только тем, что мир советского повседневья представляет собой уникальное и пока еще недостаточно изученное историческое явление, но и тем, что он оказался весьма устойчивым к переменам последующих десятилетий, а его влияние до сих пор продолжает оказывать свое воздействие на сознание и поведение многих современных россиян. Анализ жизненных стратегий советских граждан в условиях сталинизма позволяет понять их умения приспосабливаться к существующим нормам, навыки обхода запретов, выживания, казалось бы, в самых суровых и жестоких обстоятельствах, оценить степень действительного контроля власти над обществом и выявить зоны, оставшиеся ей неподконтрольными.

Обращение к истории советской повседневности в значительно большей степени способствует пониманию природы советского строя, чем возникшая в условиях «холодной войны» концепция тоталитаризма, акцентирующая внимание на его политических аспектах. Именно с переосмысления нацистского режима в контексте истории повседневности началось развитие данного направления и в Германии, продемонстрировав «истинные масштабы поддержки и преданности, которые оказывали нацистскому режиму самые «обыкновенные люди» в их стремлении «выжить»»⁹.

¹ Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998; Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электростанции в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000; Маркевич А.М., Соколов А.К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005 и др.

² Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1997; Её же. Золото для индустриализации: «ТОРГСИН». М., 2009 и др.

³ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999 и др.

⁴ Сенявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; Её же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

⁵ Нариси повсякденного життя радянської України в добу непу (1921–1928 рр.): у 2 ч. К., 2009–2010.

⁶ Повоєнна Україна: нариси соціальної історії (друга половина 1940-х – середина 1950-х рр.): у 2 кн., 3 ч. К., 2010.

⁷ Публикации данной серии представлены на сайте Института истории Украины Национальной академии наук Украины. См.: URL: <http://www.history.org.ua/index.php?urlcrnt=JournALL/select.php&seriaName=jittia>.

⁸ Сторінки воєнної історії України: зб. наук. ст. К., 2010. Вип. 13 и др.

⁹ Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. 1998. М., 1999. С. 78–79.

Основы нового уклада повседневной жизни в Советской России были заложены в 1920–1940-х гг., что обуславливает особый интерес к социокультурным и социально-психологическим процессам, происходившим в указанный период. 1920-е гг. стали переломной эпохой, парадоксально соединявшей в себе черты старого и нового быта. Реформирование самих основ жизнедеятельности даже в условиях полной концентрации власти, достигнутой большевистской партией, наталкивалось на устойчивость форм и способов удовлетворения жизненных потребностей, стереотипы мышления и поведения огромных людских масс. В экстремальных условиях глубоких социальных трансформаций 1930-х гг. и военного времени окончательно сформировалась новая советская повседневность. Подвергаясь в послевоенное время дальнейшим трансформациям вслед за зигзагами правительственного курса и общей логикой мирового развития, она просуществовала еще несколько десятилетий в качестве системообразующего комплекса отношений.

Анализ опыта осмысления концепта повседневности позволяет рассматривать ее как целостную социокультурную реальность, совокупность жизненных укладов, привычных социальных взаимодействий. В качестве важнейших составляющих повседневного мира советского человека выступают структуры повседневности, воплощенные в фундаментальных социальных потребностях и призванных их удовлетворять социальных институтах, повседневные поведенческие и речевые практики, стратегии выживания и адаптации людей к менявшимся условиям социальной и природной среды. В центре внимания исследований повседневности оказывается также анализ рутинных форм сознания и социальной практики, схем типизации объектов социального мира.

Основными для человека на протяжении всей его истории являлись потребности в пище, одежде и жилье для защиты от неблагоприятного воздействия окружающей среды, в поддержании здоровья, сохранении и продолжении рода, обеспечении душевного комфорта, безопасности и в общении с другими людьми. Изменения в быту советского человека свидетельствуют, что в 1920-е гг. в прошлое действительно уходила целая эпоха: сахар вытеснял мед, резиновые и кирзовые сапоги – прежние лапти и валенки, фабричной вязки свитеры – домотканые понёвы и шали, парикмахерские стрижки – косы, автомобиль – лошадь, запряженную в телегу¹. Однако быт и нравы советского социума нередко приукрашивались в науке, искусстве и литературе того времени.

В современной историографии ставятся под сомнение выводы советских историков о постоянном повышении уровня жизни населения СССР. Так, анализ материалов бюджетных обследований позволяет считать, что наиболее высокий уровень жизни рабочих в СССР пришелся на завершающий период нэпа, 1926–1928-е гг. Начало индустриализации привело к его быстрому падению в результате роста цен и снижения покупательной способности рубля, введению карточной системы, и только к концу 1930-х гг. он был восстановлен. Е.А. Осокина считает, что 1926 г. стал последним благополучным годом для городского населения, после которого в стране начал развиваться товарный кризис. Товарный дефицит обрекал население на низкий уровень жизни и порождал особую социальную психологию и культуру дефицита, ставшую важнейшей составляющей советской ментальности.

¹ Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004. С. 201; Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1997.

Неизбежными атрибутами советской жизни, видимым проявлением товарного дефицита в условиях плановой экономики и централизованного распределения являлись очереди. Превратившись в своеобразный символ целой эпохи, они довольно редко оказываются в поле профессионального внимания историков советского повседневья. Между тем появляющиеся в данном направлении изыскания свидетельствуют о том, что именно в этой толще народного соприкосновения зрело не только недовольство проводившейся политикой, но и рождались слухи и мифы времени¹.

Постепенно исследователи обращаются и к другим аспектам и феноменам повседневной жизни советского человека, в частности, к коммунальной квартире и связанному с ней коммунальному быту: «Чрезмерно знакомая и потому непристойная для изображения, вездесущая в жизни, но почти невидимая в официальном искусстве, коммуналка была одновременно первичным социальным коллективом и скомпрометированным образом советского коллективизма»². Поколения, выросшие в коммунальных или перенаселенных квартирах спальных районов, «по сути, не знают дома как личного обустроенного пространства, как места, концентрирующего память рода и традиции семьи»³.

Попытку представить историю советской России как совокупность окружающих человека житейских мелочей предприняла Н.Б. Лебина. Повседневная жизнь советских людей предстает в ее изображении множеством вещей, понятий, знаков и символов, образующих единую систему со своей внутренней логикой⁴. Неожиданный взгляд на советское общество и его повседневность предложила О.Ю. Гурова. Она рассматривает советский социум сквозь призму его отношения к нижнему белью, считая, что оно по-своему олицетворяло устройство государства, воплощая все признаки стандартизированной массовой вещи, безликого продукта социалистической промышленности. В то же время как вещь, максимально близкая человеку, нижнее белье становилось примером адаптации и переписывания идеологических постулатов, символическим жестом, заменившим советскому человеку другие проявления гражданской свободы, превращалось в арену настоящих баталий между государством и человеком⁵. Внимание исследователей привлекают алкогольная политика и «пьяная культура» в Советской России⁶, повседневная жизнь и быт различных, в том числе и маргинальных групп, организация досуга и отдыха, подвергавшихся значительному воздействию со стороны государства⁷.

Французский философ и историк М. де Серто ввел понятие «практик повседневной жизни», под которыми понимал разнообразные способы сопротивления, спонтанно изобретаемые и используемые «простыми» людьми, чтобы изменить, перевернуть, обратить в свою пользу те представления и ритуалы, которые насаждаются

¹ Николаев В.Г. Очередь как социальное наследие и элемент образа жизни // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2005. № 1. С. 96–112.

² Бойм С. Указ. соч. С. 162.

³ Щербаков В.П. Указ. соч. С. 475.

⁴ Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб., 2006.

⁵ Гурова О.Ю. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М., 2008.

⁶ Багдасарян В.Э., Орлов И.Б. Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX-й. М., 2005 и др.

⁷ Орлов И.Б., Юрчикова Е.В. Массовый туризм в сталинской повседневности. М., 2010 и др.

официальными институциями власти, идеологии или потребительской культуры. В двух томах работы под названием «Изобретение повседневности», оставшейся незавершенной, он рассматривал вытесненные за церковные стены бесноватость, мистику и ереси, обыденную «прозу мира», не попадавшую в «триумфальные анналы королей и духовных пастырей, воинов и хозяев жизни». М. де Серто также обратил внимание на риторику повседневной жизни, на использование приемов дискурса, которые он охарактеризовал как уловки, отклонения, как «браконьерство», мелкое ниспровержение официальных кодов поведения¹.

В свою очередь Н.Н. Козлова указывала, что повседневные практики никогда не выступают в форме проектов, программ или доктрин социального изменения: «Повседневные практики не воплощаются ни в каком официальном институте, они образуют своеобразные “свободные зоны”, защищенные или защищающиеся от институциональных давлений»². Она рассматривала повседневность как поле создания и функционирования различных систем символов, в первую очередь, особого идеологического языка. С его помощью, считала Н.Н. Козлова, реальный мир переописывается так, чтобы его структуры выглядели естественными. Обосновывая свою точку зрения, исследовательница проанализировала немало автобиографических и иных документов «человеческой истории советской эпохи» – писем, дневников, устных рассказов – как «документов наивного письма»³.

В последнее время российские и зарубежные исследователи обратились к различным неофициальным и неформальным практикам, сложившимся в СССР в предвоенный и военный период. Само их существование позволяет считать, что, помимо официального партийно-идеологического мира, существовало «некое подобие “гражданского общества”, охватывавшего широкий спектр практик от оппозиционных политических групп до совершенно деполитизированных “параллельных” способов жизнеустройства, “теневого рынка”, несмотря на борьбу с ним»⁴. В частности, в современной историографии раскрываются механизмы выживания советских граждан в голодные годы: «отход» на заработки и массовое «мешочничество», использование в пищу различных суррогатов и разгром мельниц, бандитизм и воровство. И.Б. Орлов полагает, что голод ослабил жизнеспособность выживших, резко изменил психику и поведение русских граждан, особенно молодого поколения: произошла нравственная и социальная деградация, проявившаяся в росте преступности, вымогательства и взяточничества⁵.

В данном контексте особое значение приобретают и вопросы взаимодействия советских граждан с властью. В условиях жесткого советского политического режима всеохватывающее влияние государства сказывалось особенно сильно, и советский гражданин был вынужден выстраивать свою жизненную траекторию, «вписываясь» в господствующие нормы и правила, стремясь соответствовать идеальным канонам:

¹ Серто де М. Хозяйство письма // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 29–46.

² Козлова Н.Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 48.

³ Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингвосociологического чтения. М., 1996.

⁴ Бибииков А., Медведев К., Олейников Н., Пензин А. Профилактики тотализующего мышления // Художественный журнал. 2009. Март. № 71/72. URL: <http://xz.gif.ru>.

⁵ Орлов И.Б. Между «Царь-голодом» и «Товарищем Урожаем» (1921–1922 гг.) // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М., 2004. С. 467–485.

«История повседневности направлена, в первую очередь, на описание и анализ явлений обыденных: жилища, одежды, семьи, досуга, питания, рождения, смерти. Но эта история маленьких житейских мирков прочно связана и с политикой, и с экономикой. Даже в мелочах быта человек любого общества в меньшей или большей степени подчиняется суждениям власти»¹. Историки показывают, «каким образом при тотальном контроле государства и его стремлении к повсеместной регламентации люди находили в себе силы самостоятельно думать и действовать, поступать сообразно собственным представлениям о хорошем и дурном, дозволенном и постыдном». Исследователи вплотную подошли и к разрешению самого, пожалуй, болезненного вопроса того времени, связанного с ценой и нравственными издержками, которые общество согласилось заплатить за построение нового и неведомого для себя будущего². Находит свое отражение в историографии и культура жалоб как особая система взаимодействий между властью и обществом³.

Дальнейшее развитие получают исследования повседневного существования различных социальных групп и страт советского социума. Постепенно находят осмысление вопросы, связанные с тем, каким образом люди жили и выживали в этих заданных контекстах, как они выстраивали свои поведенческие стратегии, преодолевали различные жизненные ситуации, реализовывали свои жизненные шансы. В данной связи вызывает интерес предпринятое кубанским историком А.Ю. Рожковым исследование жизненного мира молодого советского человека 1920-х гг. При этом понятием «жизненный мир» автор обозначает «весь мир повседневности, каким он представлялся молодым людям» 1920-х гг.; он рассматривается через систему социальных связей, повседневных практик дискурсов в реальных «группах равных». Поэтому в качестве предмета изучения выступают «группы школьников, студентов и красноармейцев, в которых молодой человек длительное время находился в кругу сверстников». Школа, вуз и армия рассматриваются автором «как социально-исторические контексты, важнейшие институты социализации, в рамках которых проходило формирование миллионов молодых людей того времени», отличавшиеся к тому же наибольшей организованностью и структурированностью⁴.

Предметом специального изучения становится военная повседневность, характеризующая усилением чрезвычайности во всех сферах жизни общества. Впрочем, советская повседневность вообще с трудом воспринимается как норма. Ш. Фицпатрик утверждает: «Эта жизнь, как в их (советских людей. – *Авт.*) собственном понимании, так и в нашем, не была нормальной: для живущих в чрезвычайное время нормальное существование становится роскошью»⁵. Война вызвала новую волну коренных сдвигов в жизни людей, массовую социальную мобильность, миллионы советских гражд-

¹ Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Указ. соч. С. 6.

² См.: Хлынина Т.П. Социальная история советской Адыгеи: очерки политической антропологии. 1930-е годы. Майкоп, 2004.

³ Николаенко Е.В. Психологическая интерпретация феномена жалобы в русской культуре: дис... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2008; Хлынина Т.П. Жалоба, или о чем писали в органы власти советские граждане в начале 1930-х годов // Диалоги с прошлым: Исторический журнал. Майкоп, 2004. Вып. 3. С. 65–70.

⁴ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: в 2 т. Краснодар, 2002. Т. 1. С. 12–13.

⁵ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. С. 7.

дан меняли место и образ жизни, свои занятия и основные предпочтения. В военное время трансформировалась социальная структура, изменилась система ценностей.

Начало разработки проблем военного повседневья в современной российской историографии связано с работами Е.С. Сеньявской. В ее исследованиях рассматривается формирование в годы Великой Отечественной войны особого типа личности, который она определила как комбатанта – «человека воюющего». Отмечая индивидуальный характер восприятия мира каждым человеком, Е.С. Сеньявская подчеркивает, что война порождает новые общие стереотипы поведения. При этом свое влияние на сознание людей оказывали как социально-демографические факторы, так и внешние условия – конкретная боевая обстановка, характер физических и нервных нагрузок, наиболее вероятный вид опасности, специфика контактов с противником, взаимодействие с техникой, особенности военного быта, формирование образа врага. В качестве самостоятельной проблемы она выделила роль религии и атеизма на войне, проанализировав солдатские суеверия как форму бытовой религиозности, солдатский фатализм и отношение к смерти на войне. Не ограничиваясь описанием фронтового быта, Е.С. Сеньявская впервые в историографии поставила вопросы о сложностях «выхода» из войны поколения фронтовиков¹.

В последнее время и другие исследователи обратились к повседневным практикам выживания советских военнослужащих в годы Великой Отечественной войны. Решению этих исследовательских задач во многом способствуют публикации воспоминаний о войне, а также выход новых работ, свидетельствующих о том, что жизнь советских солдат и командиров на войне в промежутках между боями была заполнена решением самых различных бытовых и далеко не всегда «героических» вопросов. Постепенно находит свое отражение в историографии и повседневная жизнь в советском тылу, в эвакуации², в партизанских отрядах и на оккупированной территории³. Непривычность подобного ракурса уже не вызывает резкой реакции отторжения у той части профессионального сообщества, которая привыкла к более традиционным представлениям, снимая «напряжение» в отношениях представителей разных подходов⁴.

Показательно, что в осмыслении самого феномена жизни в советскую эпоху происходит понимание того, что она представляла собой множество миров и измерений. Е.Ю. Зубкова одним из проявлений этой множественности назвала частную жизнь советского человека, ставшую для него «прибежищем инакомыслия и площадкой для развития неформальной публичности»: «Старый спор о том, была ли частная жизнь в СССР, становится анахронизмом. Вместе с тем остаются другие вопросы, касающиеся специфики ее функционирования в рамках “советского проекта” – о границах

¹ Сеньявская Е. С. 1941–1945: Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; Ее же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

² Потемкина М.Н. Эвакопоселение в Уральском тылу (1941–1948 гг.). Магнитогорск, 2008 и др.

³ Кринко Е.Ф. Повседневная жизнь населения оккупированной Кубани (1943–1943 гг.) // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, 1999. Вып. 1. С. 43–55; Его же. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000 и др.

⁴ Еще в 2000 г. негативную реакцию отдельных коллег вызвала выше указанная публикация одного из авторов данной книги, посвященная повседневной жизни населения оккупированной Кубани в 1942–1943 гг., поскольку в ней рассказывалось не о массовом героизме жителей, противостоявших захватчикам, а о том, как они «ели и пили в тылу врага».

приватности, о степени открытости и закрытости частной жизни, степени личной свободы и несвободы граждан в различные периоды советской эпохи»¹. Получает свою новую наполненность и неоднократно высказывавшаяся в литературе идея о необходимости разграничения частной и личной жизни советского человека, которую все чаще начинают соотносить с «приватной, сокровенной сферой»².

Многоликим проявлениям повседневного мира советского человека, разнообразным граням пересечения общественного, частного и личного в его деятельности посвящено монографическое исследование И.Б. Орлова, на страницах которого раскрыты основные аспекты советской повседневности в контексте ускоренной и неорганичной модернизации страны. Мир повседневной жизни советского человека представлен в нем бытовым обслуживанием и бытовыми практиками, производственным опытом и трудовыми отношениями, досугом и активными формами отдыха, семейными стратегиями выживания и «бытовым этатизмом». Отмечая трудности, сопряженные с исследовательской формализацией разнообразных и многогранных проявлений повседневной жизни советского общества, автор приводит к выводу, что «история повседневности не только способна к саморазвитию, но и активно ищет пути новой интеграции. Вполне резонно можно ожидать, что на фоне появления многочисленных “новых историй” (новая социальная, новая локальная, новая культурная, новая политическая и пр.) на историческом небосклоне вспыхнет очередная “сверхновая”»³.

Таким образом, в изучении истории повседневности сохраняется немалое количество трудностей теоретико-методологического характера, неизбежно сказывающихся на исследовательской практике конкретных сюжетов повседневной жизни людей любой эпохи. Вместе с тем их начавшееся преодоление в междисциплинарном пространстве социально-гуманитарных наук свидетельствует о наметившихся перспективах более плотного и всеобъемлющего изучения этого феномена.

Как свидетельствует анализ историографической практики, повседневный мир советского человека постепенно приоткрывает свой занавес перед исследователями. Подобный взгляд на историю позволяет значительно лучше представить себе то, каким образом складывались не только обстоятельства жизни и смерти отдельных людей, но и каковы характерные особенности существования советского социума в целом. Уже сделанные шаги способствуют постепенному преодолению нашего отчуждения от все более отдаляющегося прошлого, однако на этом пути остается еще много недосказанного.

1.2. От концептуализации понятия к возможностям источников

Бремя концепта: от описания к систематизации и обратно. Переосмысление прошлого – процесс всегда болезненный и, вопреки ожиданиям, далекий от созидания его новых образов. Вызываемый необходимостью переоценки некогда усвоенных представлений, ставших неотъемлемой частью национального самосознания, он

¹ Зубкова Е.Ю. Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения // Российская история. 2011. № 3. С. 159.

² Там же. С. 167.

³ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2009. С. 282.

неизбежно сталкивается с ситуацией очередного нравственного выбора. Выбора, где зарождающаяся система новых онтологических координат оказывается в плену многовековой традиции, оправдывающей различного рода цивилизационные сдвиги и культурные отклонения. В этом отношении мир советского повседневья несет на себе все те же «родовые» травмы преодоления груза прошлого, что и его менее ангажированные предшественники, правда с одним небольшим, но важным отличием. Звучащие в последнее время призывы к покаянию за преступления сталинизма и преодолению мифологии той эпохи¹ привносят в изучение повседневной составляющей советского общества несвойственную ей полемику. В потоке эмоционального накала она нередко теряет видимые границы, растворяясь в потоке более значимых событий времени, являя тем самым примеры профессионального бессилия перед хорошо знакомым, но все еще плохо категоризируемым пространством нашей жизни.

Будучи порождением пореволюционного времени, пришедшегося на «непредвиденно сложные и на редкость тяжелые годы»², мир советского повседневья унаследовал все его характерные признаки. Описанные в антиутопиях Е. Замятина и Дж. Оруэлла, они дают исчерпывающее представление о превращении будничного существования в жестко регламентированный самоподдерживающийся порядок. Вместе с тем в этом будничном существовании сохранялась и явно просматриваемая обособленность от «генеральной линии» развития, позволившая многим советским людям если и не сохранить чувство собственного достоинства, то, во всяком случае, дистанцироваться от происходивших в то время событий. Удивительное свойство будничной жизни быть «плавильным тиглем рациональности»³, в пространстве которого амортизируются, казалось бы, неразрешимые противоречия человеческого существования, вплоть до недавнего времени являлось предметом сугубо философских и социологических изысканий. Их итогом на сегодняшний день стало формирование представлений о том, чем собственно повседневность не является и каковы ее возможности в организации пространства современной жизни.

В данной связи следует отметить одну из последних парадигмальных манифестаций бывшего президента Международной социологической ассоциации, профессора Ягеллонского университета П. Штомпки, определившего нынешнее состояние социальных исследований как рождение «третьей социологии» или «социологии социальной экзистенции»⁴. Несколько лет тому назад, пытаясь найти действенное объяснение процессам социальных перемен, он предложил теорию *social becoming* (социального становления), которая и послужила концептуальным оформлением новой социологии. В центре ее внимания в отличие от социологии целостностей и социологии действий находится социальное событие, «человеческое действие в коллективных контекстах, ограниченное, с одной стороны, агентным (активным) потенциалом участников, с другой стороны, структурной и культурной окружающей средой действия»⁵.

¹ Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии. Международ. конф. Москва, 15 мая 2001 г. М., 2002.

² Искандеров А.А. Ленин, Троцкий, Сталин. Русская революция 1917 года в фокусе взаимоотношений ее вождей // Вопросы истории. 2009. № 7. С. 31.

³ Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. URL: http://sociologist.nm.ru/articles/vandelfels_01.htm

⁴ Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3–13.

⁵ Там же. С. 5.

Идея социальной экзистенции «сфокусирована на реально происходящее в обществе людей, на уровне между структурами и действиями, где ограничения структур и динамика действий производят реальные, проживаемые и наблюдаемые социальные события, социально-индивидуальные практики, составляющие повседневную жизнь, фактически – единственную жизнь, которая есть у людей и которая ни полностью детерминирована, ни полностью свободна»¹. Повседневная жизнь, таким образом, предстает перед нами в качестве «арены», «наиболее плодотворной стратегической исследовательской площадки», в пределах которой социальное существование проявляет себя в полной мере.

Между тем, и автор настойчиво артикулирует данное суждение, понятие повседневности не является самоочевидным и нуждается в уточнении своих «негативных» черт, т. е. тех жизненных форм, к которым оно не сводится. Это три «не»: повседневность не противостоит «священному», не ограничена деятельностью простых людей и не сводима к частной жизни. Она включает в себя отношения с другими людьми и протекает в социальном контексте, ее события повторяются и нередко приобретают рутинный характер; она предполагает ритуальные, стилизованные формы, типичные для привычных действий; «нагружает наши биологические данные», делая тела непрременными помощниками в отношениях с другими людьми; разворачивается и происходит в определенном пространстве и имеет определенное временное измерение, часто протекает без рефлексии. По мнению автора, столь разнообразный феномен по определению лишен какой бы то ни было стандартной концептуальной рамки. Однако в силу своей многоликости он как раз и позволяет вырабатывать «предварительные поисковые концепты», предоставляющие исследователю возможность «приблизиться к повседневной жизни более аналитично и системно»².

В отличие от «социальников» гуманитарное видение повседневности все эти годы двигалось в обратном направлении: от концептуализации к самой заурядной описательности. Созданные в последние десятилетия отечественными историками и переведенные на русский язык труды их зарубежных коллег по истории советского повседневья свидетельствуют об огромном интересе профессионального сообщества к сюжетам подобного рода. В этом возрастающем интересе подспудно угадывается не столько исследовательская неудовлетворенность сложившимися процедурами постижения прошлого, сколько стремление специалистов понять и прочувствовать те перемены, которые произошли со страной в минувшем столетии.

Следует особо отметить, что российское открытие повседневности, пришедшееся на беспокойные 1990-е гг. и совпавшее с бурными дискуссиями относительно кризиса исторической науки, буквально сразу же переросло в массовое профессиональное увлечение. О повседневной жизни россиян в прошлом за эти годы написано несколько десятков солидных и объемных трудов, защищена не одна диссертация, проведен ряд конференций и Интернет-форумов. Занятие повседневностью становится не только увлекательным времяпрепровождением, удовлетворяющим профессиональное любопытство исследователя, но и своеобразной позицией, неким вызовом истории как рационально обустроенной стратегии освоения прошлого.

Пристальный интерес профессионального сообщества к структурам и пространству повседневной жизни сталкивается с не менее пристальным вниманием

¹ Штомпка П. Указ. соч. С. 5–6.

² Там же. С. 10.

к нему со стороны современного общества. И хотя направленность этих интересов принципиально различна, вызвана она схожими мотивами – усталостью и прогрессирующей апатией к «большой» истории. При этом нарастающее пристрастие к более близкому и понятному сегменту нашей жизни все чаще сопровождается активным использованием и переопределением самого понятия повседневности в обыденном дискурсе. Однако, как отмечали в свое время Р. Брубейкер и Ф. Купер относительно другого, не менее употребительного понятия идентичности, «то обстоятельство, что слово широко используется обычными социальными акторами... не означает автоматически, что оно эффективно в качестве категории научного анализа. Напротив, дело обстоит как раз наоборот, жесткие концепции страдают эссенциализмом и фактически сливаются с языком практики, что делает их непригодными для ее анализа; мягкие же... означают слишком мало, почти ничего. Они всегда перегружены коннотациями, в силу чего двусмысленны» и лишены концептуальной ясности. По мнению исследователей, чрезмерная употребительность идентичности превратила ее в лишнюю категорию, подведя к рубежу, за которым она утратила свою способность интерпретации социальной реальности¹.

Постигнет ли подобная участь российскую повседневность, чье предельно широкое толкование уже поставило под сомнение не только оправданность ее применения в качестве научной категории, но и сам предмет осуществляемого таким образом анализа прошлого, – проблема, требующая своего самостоятельного обсуждения. В данной связи представляется целесообразным остановиться лишь на тех «шероховатостях» методологического порядка, с которыми неизбежно сталкивается исследователь советской эпохи при использовании им рассматриваемого понятия.

Стремление к «всеохватному исследованию повседневной жизни мужчин и женщин», зачастую сводящееся к арифметической всеядности, наталкивается на отсутствие продуманной концепции того, что собственно называется повседневностью. Бытующие в современной историографии пространные определители повседневности сводят ее к двум основным разновидностям или подходам. Внешний подход ограничивает повседневность материальной стороной жизни общества и «вооружает историков некими первичными данными о жизни “народных масс изучаемой эпохи”». Внутренний подход, или антропологизированный вариант истории повседневной жизни, исходит из того, что люди активно участвуют в постоянном процессе создания и переустройства структур повседневности, они пытаются «присвоить» и приспособить к себе тот жизненный мир, который их окружает².

В рамках этого подхода обращает на себя внимание исследование «общих мест» повседневной жизни американского слависта С. Бойм, предпринявшей попытку критического осмысления тех мифических представлений, посредством которых скреплялся повседневный быт России XX столетия. Определяя жанр и предмет собственного сочинения, автор отмечает, что «археология повседневности имеет дело с осколками, отбросами и подводными течениями, и только изредка – с затонувшими сокровищами». При этом повседневность относится ею к «хорошо забытому настоя-

¹ Малинова О.Ю. Идентичность как тема публичного дискурса и категория научного анализа: методологические проблемы // Судьба исторической науки в современной Восточной Европе: материалы науч.-практ. конф., Волгоград, 12 декабря 2007 г. Волгоград, 2009. С. 14.

² Кром М. Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 195–196.

щему. Это все то, что избегает анализа, не требует рефлексии и раздумья, а как бы само собой разумеется». Ссылаясь на французского критика и писателя М. Бланшо, исследовательница уподобляет повседневность «вечно нулевому пространству», где можно увидеть «длинные промежутки истории, разобраться в мелочах жизни, негероическом повседневном выживании. Здесь ничто не обещает эффектной концовки, окрашенной харизматическим пафосом обреченности»¹.

* * *

Тиски времени: границы и регистры повседневности. В пространстве исторических исследований этого трудноуловимого феномена решающее значение принадлежит его временному измерению, привязке к конкретной эпохе, ее ритму и характеру воздействия на последующие события в жизни отдельного человека или общества в целом. При этом реальная сложность изучаемого исторического процесса, ограниченного конкретным промежутком времени, всегда шире и неоднозначнее предлагаемых ему оценок. Эпоха раннего тоталитаризма, пришедшаяся на предвоенные годы и выбранная в качестве «исследовательской площадки» проявления социального существования советского человека, как нельзя нагляднее отражает данную сентенцию. Вобрав в себя грандиозный по масштабам и последствиям проект социального переустройства общества, она оказалась на редкость плохо сводимой к какому-либо исчерпывающему суждению. На это обстоятельство обращают внимание и исследователи, и живые свидетели, и официальные документы того времени². Столь явно ощущаемая несводимость к единому знаменателю находила отражение и в особенностях повседневной жизни эпохи, которая, по меткому замечанию Н.Н. Козловой, «как никогда ранее была лишена твердой реальности»: «Повседневность – то, что, казалось бы, меняется в последнюю очередь. Она течет подобно равнинной реке. Повседневность всегда чревата переменами, но бывают времена, которые можно определить как слом повседневности. Таким периодом были 20–30-е годы. Переворачивалась жизнь всех социальных групп»³.

В передаваемом современниками накале времени хорошо просматривается амортизирующая функция повседневности, которая, будучи формой протекания человеческой жизни, всегда оказывается до некоторой степени автономной. В ней «действуют логики практики, логики коммуникаций, а не целерациональности, логики аффективной и символической интеграции. Эти логики всегда перерабатывают решения власти. Власть, будучи всепроникающей, проявляется здесь в иных горизонтальных формах, в виде микрофизики власти»⁴. Появляющаяся таким образом множественность измерений социального и морального порядка формирует пространство свободы, названной Н.Н. Козловой «свободой по принуждению», свободой, заставляющей человека совершать тот или иной выбор. Выбор, который, в конечном итоге, помогает человеку выжить и находит свое отражение в разнообразных комментариях к общеизвестному: в биографиях, жалобах, прошениях, письмах и воспоминаниях времени.

¹ Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. М., 2002. С. 11.

² Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005; Илизаров Б.С. И слово воскрешает... или «Прецедент Лазаря». 25 тезисов и развернутое дополнение к светской теории воскрешения. По материалам Народного архива. М., 2007.

³ Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М., 1996. С. 14.

⁴ Там же. С. 15.

Ситуация, складывающаяся в последние десятилетия в гуманитарном познании в целом и в постижении прошлого в частности, свидетельствует о том, что так называемые «малые величины» исторического процесса обладают куда более широкими исследовательскими возможностями, чем представлялось ранее. Конкретные изыскания в области микроистории, повседневности и исторической картины мира больших коллективов людей наглядно продемонстрировали взаимосвязь, существующую между индивидуальными представлениями об окружающем мире и его групповым восприятием. Опосредованный характер этой взаимосвязи, являющийся следствием сложной и противоречивой системы общественных отношений, вплоть до недавнего времени сводился в исторических разработках к выражению объективной закономерности, чье непреложное действие и подлежало всестороннему анализу. Роль же так называемого человеческого фактора заключалась по преимуществу в оживлении ее многоликих проявлений. Столь упрощенный взгляд на реальную историю или ее отдельные страницы как раз и обязан своим происхождением длительной фетишизации архивных источников, исходящих от определенных ведомств, учреждений, политических и общественных организаций. Их предпочтение воспоминаниям, дневниковым записям, частной переписке или тривиальной жалобе «простых граждан» привнесло в наши представления о прошлом изрядную долю искривлений, замыкающихся, в конечном итоге, на бесплодии личностных усилий отдельного человека в определении не только собственной, но и коллективной судьбы поколения, общества, страны в целом.

Дискуссия, развернувшаяся в отечественной историографии относительно возможностей использования различного типа источников в постижении «высокого смысла ежедневного существования», показала, что подавляющее большинство исследователей отдает безусловное предпочтение многоликим проявлениям человеческой памяти. Воспоминания, дневники, частная переписка, завещания людей минувшего времени рассматриваются ими в качестве единственно доступного проводника в мир повседневной жизни наших предшественников. При этом отмечается, что «нет такого источника, в котором в той или иной форме не нашли свое отражение взгляды, мнения, настроения людей, их личные или групповые пристрастия... Меняется лишь иерархия источников: для изучения ментальностей важны в первую очередь не официальные документы, а материалы личного происхождения»¹.

Однако перемена иерархии требует не столько смены источниковедческих предпочтений, сколько нового взгляда на проблему достоверности используемых исследователем свидетельств прошлого. Несколько лет тому назад была предложена схематичная, но тем не менее действенная типология источников личного происхождения. Они подразделялись на «предназначенные для широкого круга читателей-современников или написанные в назидание собственным потомкам; адресованные друзьям, родным и знакомым; интимные мемуары, написанные, как правило, глубоко верующими людьми для немногих духовно близких людей. Разумеется, откровенность личных источников определялась не только тем, для кого они создавались, но и психологическими особенностями их авторов. И все же можно утверждать, что информация из последней (самой малочисленной) группы источников дает исследователю возможность проникнуть в подлинный духовный мир людей»².

¹ Куприянов А.И. Историческая антропология. Проблемы становления // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 377.

² Там же. С. 378.

Рассматриваемая типология, исходящая из принципа «психологической достоверности» источника, как и любая иная схематизированная версия, грешит некоторой абсолютизацией собственных возможностей. Во-первых, в ее пространстве исчезают различия между *достоверностью передаваемой информации* и *откровенностью повествователя*. Во-вторых, для эпохи официального торжества атеистического мировоззрения и превращения обыденной жизни в ежедневный подвиг основными источниками «личных впечатлений» становятся дневники, письма во власть, жалобы и доносы. Стремительно меняющийся ритм жизни в пореволюционной России влечет за собою поиск новых, более оперативных форм воздействия на «живую историю». Советский человек в меньшей степени, нежели его предшественник XIX в., стремился литературно осмысливать происходившие с ним изменения, он в большей мере хотел быть и во многих отношениях являлся их активным участником. Именно это обстоятельство определяет и окрашивает собою весь корпус советских источников личного происхождения.

Современница минувшего века и его чуткая спутница Л.Я. Гинзбург, характеризуя «коллективную память» эпохи, писала в своих «Записках 1970–1980-х гг.»: «Люди 20-х годов в стихах и прозе, в дневниках, письмах наговорили много несогласуемого. Но не ищите здесь непременно ложь, а разгадывайте великую чересполосицу – инстинкта самосохранения и интеллигентских привычек, научно-исторического мышления и страха»¹.

В принципе, не подвергая сомнению идею очевидной информативности официальной документации, хотелось бы обратить внимание на односторонний и во многом схематичный характер отображаемых ею событий. Этот схематизм, лишенный субъективной оценки, зачастую подменяет собою научную объективность, навязывая исследователю лишь ведомственное понимание некогда происходивших событий. Такого рода интерпретация прошлого, приходя в соприкосновение с его индивидуальным пониманием, лишается зачастую логики здравого смысла и порождает огромное количество вопросов. В свою очередь, индивидуальный опыт освоения прошлого способен если и не разрешить, то хотя бы снять указанное противоречие. Во-первых, он не столь масштабен и в силу этого внятн здравому смыслу. Во-вторых, позволяет на конкретном примере прояснить особенности исторического момента. И, наконец, придать ему так не достающую ныне «оживленность», от которой не в последнюю очередь зависит и достоверность отображаемого исторического события. В данной связи обратимся к двум «комментариям к общеизвестному» – воспоминаниям и жалобе.

* * *

Комментарий к общеизвестному (1): воспоминания. Несколько лет тому назад были опубликованы воспоминания известного отечественного историка Е.В. Гутновой². Их выбор в качестве анализируемого источника предопределен, с одной стороны, тем, что социализация и взросление автора пришлось на период формирования советского общества; с другой – возможностью решения в их пространстве проблемы относительности детских воспоминаний и их принципиальной верифицируемости.

¹ Гинзбург Л.Я. Человек за письменным столом. Л., 1989. С. 302.

² Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001.

Евгения Владимировна Гутнова (1914–1992 гг.) принадлежала к знаменитой своими революционными традициями семье, члены которой в соответствии с общепринятыми тогда партийными представлениями олицетворяли собою меньшевистское направление в российской революции. Ее отцом был известный социал-демократ В.О. Левицкий (Цедербаум), а родным дядей – «не требующий рекомендаций» Ю.О. Мартов¹. Вероятнее всего, именно эти биографические обстоятельства сформировали ее основные детские впечатления и предопределили их содержательные особенности: первые воспоминания, круг родных и близких, школьные годы. Их безусловным отличием следует признать относительно раннее и «политизированное» проявление: *«Мои воспоминания относятся к 1917 году. Тогда мне было три года, и мы жили в Петербурге, на Бассейной улице... Жизнь семьи после Февральской революции проходила бурно и шумно. Каждый вечер в большой столовой собиралось много народу, велись оживленные споры на политические темы, мелькали имена тогдашних политических деятелей»*². Показательно, что автору «запомнилась июльская демонстрация 1917 г., разогнанная полицией» и наблюдаемая с «широкого подоконника», а октябрьские дни никак не запечатлелись в его детской памяти³.

Объяснением тому могут быть как особенности детского восприятия, ориентированного на опыт зрительного припоминания, так и отношение к октябрьским событиям в самой семье Е.В. Гутновой. Современному сознанию, воспитанному на символах Октября 1917 г. и относящему к нему начало новой эпохи мировой истории, с такой избирательностью примириться довольно трудно. Однако ее наличие, причем далеко не единичного свойства, следует рассматривать как показатель автономного существования не только различных категорий людей, но и их сознания в рамках одного и того же общества даже в судьбоносные для его существования периоды. В этом отношении детские воспоминания и являются весьма ценным историческим свидетельством, так как позволяют очертить мир другой, невзрослой истории с существующими только ей памятным датами и привязанностями.

Более подробный и полный характер воспоминания обретают с 1919 г. Их тональность и содержание тяготеют к бытовой стороне жизни, сопряженной в памяти Е.В. Гутновой с ощущениями голода и холода, которые постепенно «входили в привычку, воспринимались как нечто естественное, к ним начинали приспосабливаться»⁴. Рассказывая о голодных днях 1919 г. в «пустынной и заснеженной Москве», на улицах которой валялись трупы павших лошадей, она упоминает об особенностях детского восприятия «всего ужаса того, что творилось вокруг»: «Но мы, ребята, не понимали... играли, шалили и даже отказывались от невкусной пшенной или манной каши, сваренной из добытой с таким трудом крупы. Пользуясь отсутствием взрослых, мы выбрасывали ее в ящики стола или за трельяж, стоявший в маминной комнате»⁵. Довольно обстоятельно на страницах воспоминаний представлена так волновавшая детское воображение автора история отопительной системы в коммунальных квартирах, «преобразованных из господских особняков». Описывая технические усовершенствования, привнесенные одним из родственников в устройство печки-

¹ Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001. С. 3.

² Там же. С. 22.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Там же. С. 23.

буржуйки, Е.В. Гутнова с удовольствием вспоминала не только исходившее от нее тепло, но и «черный, жирный деготь», сочившийся из образовавшихся трещин «на белые тканевые одеяла на кроватях».

Детское сознание автора отобразило и психологический перелом в восприятии окружающей его жизни. Он приходился на 1920–1921 гг., когда «иногда стали давать электрическое освещение», позволявшее «предаваться новым интересным занятиям – можно было рисовать, играть в лото, а главное, читать, усевшись перед горячей печкой»; «по-прежнему было голодно, но уже не так, как в 1919 г. Все взрослые в нашей семье работали. Все они получали пайки, более ценные, чем тогдашняя зарплата»¹. Описывая содержимое пайка, Е.В. Гутнова упоминает, что в нем, помимо продуктов, зачастую попадались «совсем неожиданные и не всегда нужные вещи: кастрюли, щетки, ножи». Но настоящим открытием в ее детской жизни стало начало нэпа, привнесшее с собою «деликатесы, которые нам, детям, не знаям другой пищи, кроме оладий, каши, мороженой картошки, казались чудом. Я помню, как была поражена, впервые увидев и попробовав пирожное – о существовании подобных яств я даже не знала; а каким чудом казалась мне ветчина, когда мама впервые купила для нас, детей, двести грамм этого лакомства»². Приметами нового времени становились центральное отопление в домах, телефон, «на центральных улицах зазвенели трамваи, появились первые маленькие автобусы, стало значительно больше автомобилей... Москва сделалась чище»³.

Вместе с тем неотъемлемой принадлежностью детской жизни автора стала и так называемая «тюремная тематика»: передачи, свидания в тюрьме, хождения в «Красный крест политзаключенных». Относительная либерализация хозяйственной и культурной жизни страны того времени в политической области ознаменовалась усилением идеологической бдительности партии. Прокатившаяся в этот период времени волна арестов ознаменовала собою начало «полусиротского» существования Е.В. Гутновой. Арест отца и его ссылка в Суздаль, а затем и в далекий Минусинск воспринимались ею как «настоящее горе», лишившее ее возможности общения с близким и любимым человеком.

Однако наряду с отчаянием и ощущением давящего «гнета арестов» в детской памяти автора сохранились и воспоминания о совершенно других впечатлениях, вызванных «поездками на свидания с папой»: «Путешествия в Суздаль впервые столкнули меня с жизнью и людьми, стоявшими вне круга моих прежних представлений, и в этом отношении давали мне много нового... Мне нравились эти путешествия, особенно зимой, по заснеженной равнине... Ровный бег пары упитанных лошадей под звон колокольчиков под дугой напоминал о старой Московской Руси, о путешествиях Пушкина, Чичикова, “русских женицин” – декабристок»⁴. Детская впечатлительность и особенности возраста отразили ту удивительную атмосферу 1920-х гг., которая нередко приводится исследователями в качестве неопровержимого подтверждения «светлой» стороны жизни советских людей. Невзгоды и лишения, вызванные бытовыми и политическими «неурядицами», не прекращавшиеся на протяжении жизни многих поколений наших соотечественников, тем не менее позволили автору прийти к заключению: «В общем, несмотря на все трудности и сложности, у меня было

¹ Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001. С. 25.

² Там же.

³ Там же. С. 26.

⁴ Там же. С. 33.

счастливого детства; счастливого в том отношении, что я жила среди любивших меня, порядочных и честных людей»¹.

Ощущение этой безмятежной «счастливости» прослеживается и в «театральных впечатлениях», и в школьных воспоминаниях автора. Передаваемая ими свежесть дыхания того времени, «кипучая атмосфера» 1920-х гг. с ее оживляющими подробностями воссоздают весьма далекий от привычной академичности образ того времени. И хотя последние годы отмечены повышенным вниманием специалистов к истории повседневности², их труды не способны в полной мере удовлетворить нашего вопрошающего любопытства к тому, что происходило в стране в те годы, и внятно ответить на вопросы о том, почему революция не принесла столь ожидаемого благополучия.

В этом отношении детские воспоминания оказываются как нельзя кстати полезными и информационно значимыми. В силу своей возрастной специфики они отражают плохо формализуемую научными методами противоречивость исследуемого времени. Не неся оценочных суждений относительно событий политического и идеологического свойства, передают бытовые особенности времени, его смутные и невыразимые желания, вкусы и запахи. Так, в воспоминаниях Е.В. Гутновой 1920-е гг. предстают перед нами калейдоскопом сменяющихся запахов опустошенных прилавков и необычной снеди, чадающей буржуйки и парового отопления, внезапно исчезающих и также необъяснимо быстро появляющихся близких ей людей. Ее детская память, не претендуя на замещение логики истории, позволяла автору в течение многих последующих лет жизни поддерживать невидимую, но прочную связь между прошлым и настоящим своей страны, безошибочно определяя грядущие перемены и знаковые события в ее развитии.

Едва ли все из попавших в поле профессионального внимания детских переживаний и впечатлений Е.В. Гутновой заинтересуют современного профессионального исследователя советского повседневья. Тем не менее их использование поможет ему воссоздать частицу той объемной и расколотой мозаики, которую мы нередко ошибочно воспринимаем в качестве единственно возможного способа существования целого. Советское повседневье и представляет собою такого рода мозаичную целостность, где детские воспоминания позволяют ощутить другое измерение жизни многих людей той эпохи.

* * *

Комментарий к общеизвестному (2): жалоба. О том, что жалоба с незапамятных времен выступала неизменным спутником во взаимоотношениях власти и подопечного ей населения, достоверно известно не одному поколению российских подданных. Многочисленные челобитные «царевой дворни» и «холопского племени человеков» со временем уступили свое место коллективным прошениям производственных и общественных объединений советских граждан, настоятельно требовавших от соответствующих органов власти «незамедлительно отреагировать» на явные и скрытые нарушения социалистической законности и норм пролетарского общежития. Будучи порождением потребностей конкретного человека или определенной группы людей, жалоба развивалась вслед за ними, вбирая в себя примечательные обстоятельства

¹ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 31.

² См., например: Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Указ. соч.

породившего ее времени. Постепенно в ее пространстве стала складываться и некая устойчивая форма, легко угадываемая по устоявшимся оборотам речи и последовательности их изложения. Именно они превращали любую расхожую сентенцию на несправедные действия власти в жалобу, сигнализирующую о нарушениях и требующую их устранения. Отличительной особенностью последней следует признать и то обстоятельство, что содержимое жалобы полагалось и до сих пор полагается «поверять» бумаге, скрепив ее собственноручной подписью.

Профессиональные историки, работающие с такого рода свидетельствами времени, неоднократно отмечали их весьма неточный и по большей своей части не беспристрастный характер. На этом основании многие из них отказывали ей и в самостоятельном видовом существовании, рассматривая жалобу в качестве особой разновидности «писем во власть»¹. Таким образом, любое письмо в официальную инстанцию, обращавшее внимание последней на вопиющее или досадное происшествие, неизбежно становилось жалобой – заявлением с просьбой об устранении обнаружившегося недостатка или несправедливости. Тем не менее являясь источником личного происхождения, жалоба несла на себе не только родовые отметины индивидуальной психологии просителя, но и представляла собою некий срез коллективных представлений целой эпохи. Поэтому ее привлечение к пониманию достаточно сложного и противоречивого процесса отношений населения и власти способно разрешить не одну трудно проницаемую проблему. Например, ответить на вопрос о том, чего ожидало подавляющее большинство населения от местного управления в 1930-е гг. и как представляло себе его возможности в жизни огромного советского государства.

Первое пореволюционное десятилетие в России ознаменовалось не только грандиозными социальными проектами и строительством нового мира. Оно железной поступью выковывало представления о революционной законности и достоинстве советского человека. Правда, о последнем все больше говорилось мало кому понятным языком «плакатов и площадей», кричавших словами «трибуна революции» В.В. Маяковского о том, что «у советских собственная гордость», смотрящая «на буржуев свысока». Полученное таким образом классовое превосходство в области скорее символической, нежели реальной осознавалось населением весьма медленно и крайне неохотно.

Подавляющее большинство новых граждан предпочитало разрешать новые проблемы испытанным способом, обращаясь в соответствующие органы власти с многочисленными жалобами, индивидуальными прошениями и коллективными ходатайствами. И хотя процентный показатель их удовлетворения был несоизмерим с общим количеством поданных заявлений, поток последних нарастал прямо пропорционально достижениям власти. Подобная практика уведомления государственных учреждений о насущных потребностях общества и его конкретных представителей не являлась чем-то уникальным и никаких специфических особенностей, казалось бы, не имела. Кроме, разве что, одного: власть рассматривала ее в качестве своеобразного индикатора, сигнализовавшего о предельно допустимой норме бытования в государстве тех или иных нарушений, не представлявших, с ее точки зрения, серьезной опасности.

Степень этой опасности и соответственно набор такого рода нарушений каждым конкретным ведомством определялся самостоятельно. Помимо общегосударствен-

¹ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2003. С. 10–11.

ного перечня прав и достоинств советских граждан, существовал еще целый ряд законодательно не регламентированных дозволений, сопровождавших более чем регулярные начинания отдельных ведомств и учреждений. Практически все они располагали надлежащими инстанциями, призванными «рассматривать поступающие с мест жалобы и правильно на них реагировать». Помимо всего прочего, в их обязанности входила и весьма ответственная задача аналитического порядка: жалобы сортировались по степени важности поднимавшихся вопросов и переправлялись на рассмотрение органов, призванных обеспечить в стране не только соблюдение законности, но и идеологическое спокойствие населения.

В начале 1930-х гг., как, впрочем, и ранее, граждане много и настойчиво писали во всевозможные органы власти о происходивших в стране безобразиях: указывали на несоблюдение норм социалистической законности, нарушение прав собственности и политического волеизъявления, превышение должностных полномочий отдельными лицами и целыми организациями. В свою очередь, власть не менее «расторопно» реагировала на полученные сообщения: увольняла нерадивых и зарвавшихся чиновников, подолгу переписывалась с просителями, требуя заручиться более надежными свидетельствами и соответствующими документами, выносила порицания и строгие выговоры виновным, уличала граждан в непонимании классовой сути происходящего в стране и мелочной рутине их собственных жалоб. В этом бесконечном и изначально неравноправном диалоге власти и ее подопечных вырисовывались основные вехи жизни советского общества, остроумно названной Е.А. Осокиной «обыденностью испытания»¹.

Различного рода испытания, выпавшие на долю советских граждан того времени, добросовестно регистрировались властью и оседали в форме жалоб в архивах ее многочисленных учреждений. Последние, имея определенную отраслевую специализацию и подведомственную только им область контроля, отражали и определенный круг волновавших население проблем. О некоторых из них, адресованных местным органам Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции, и пойдет речь в дальнейшем.

Наркомат рабоче-крестьянской инспекции был создан 7 февраля 1918 г. с целью преодоления «бюрократизма и волокиты» в работе органов государственного контроля. В круг его непосредственных обязанностей входили поиск наиболее рациональных форм управления учреждениями, наблюдение за мерой труда и мерой потребления, а также исполнением директив правительства². Столь широкий объем полномочий и нередкие столкновения с органами высшей государственной власти со временем превратили его в основного защитника прав трудящихся в стране. Немаловажную роль в этом сыграло и одно из предсмертных писем В.И. Ленина, возлагавшего на реорганизацию рабоче-крестьянской инспекции большие надежды.

На местах создавались областные, губернские и уездные РКИ, действовавшие на правах отделов исполкомов советов и являвшиеся инспекциями общего назначения. Именно на их долю приходился наибольший поток жалоб от населения, обеспокоенного «искривлением политической линии большевистской партии» и непониманием местной властью «суть распоряжений, поступавших из Москвы». В данной связи вполне закономерно задаться вопросом о том, кто и с какой целью обращался

¹ Осокина Е.А. Советская жизнь: обыденность испытания (на примере истории Торгсина и ОГПУ) // Отечественная история. 2004. № 2. С. 113–124.

² Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1994. С. 100.

в органы рабоче-крестьянской инспекции в трудные для страны 1930-е гг., если из литературы последнего времени хорошо известна вся мера опасности подобного диалога с властью?

Для ответа на этот вопрос обратимся к материалам фонда Рабоче-крестьянской инспекции Адыгейского областного исполкома, хранящегося в Государственном учреждении «Национальный архив Республики Адыгея». Одна из описей его фонда носит характерное название «Жалобы на неправильные действия организаций» и начитывает 324 дела¹. Пограничными датами их регистрации выступают 1928–1933 гг. – период, отмеченный тяжелейшими событиями в истории существования советского общества, ввергнутого в водоворот насильственной коллективизации сельского хозяйства и «малого террора» – не прекращавшихся многие годы чисток советского и партийного аппаратов власти. В этой ситуации, как свидетельствует содержимое многих жалоб, граждане не только сохраняли твердую убежденность и веру в торжество социалистической законности, но и чувство собственного достоинства.

Написанные разными людьми и по разным поводам, они тем не менее обнаруживали немало общего: в них просматривается упование на спасительное вмешательство власти, которая видится высшим арбитром в области разрешения любых конфликтов – от повсеместной грубости продавцов овощных магазинов до финансовых нарушений при начислении зарплаты. Наиболее часто встречаемыми сюжетами в жалобах того времени были сетования на грубое обращение с посетителями работников того или иного учреждения; несвоевременную выплату заработной платы, пенсии или денежного пособия; плохое снабжение организаций и колхозов продуктами питания, почтовой корреспонденцией; пьянство, вредительство и расхищение дефицитного имущества отдельными должностными лицами; семейственность при приеме на работу и злоупотребление служебным положением. Указанный перечень жалоб на «*неправильные действия организаций*» весьма типичен и от современных претензий к аналогичным ведомствам отличается лишь деталями. Вместе с тем есть в нем несколько примечательных особенностей, выдающих его принадлежность к рассматриваемому времени. Во-первых, граждане, обращавшиеся с жалобами к власти, полагали, что она твердо заинтересована в обнаружении и искоренении различного рода недостатков и правонарушений. Во-вторых, многие из них обращались к ней «по зову души», полагая делом чести информировать власть об изъянах социалистического общежития. В-третьих, люди искренне переживали «*виденные ими нарушения*» и жаждали их скорейшего разрешения. Именно этими намерениями продиктована большая часть жалоб, направленных в адрес рабоче-крестьянской инспекции областного исполкома.

Во многих из них обнаруживается хорошая осведомленность граждан о собственных правах и обязанностях обслуживающих их инстанций. Так, в одной из жалоб от 26 июля 1931 г. указывалось, что при покупке лука в одном из овощных магазинов потребкооперации покупательнице в нагрузку была «*всучена гнилая капуста*», от которой она на основании последнего постановления правительства «*совершено законно отказалась*». Однако парадокс заключался в том, что жаловалась она не на нарушение постановления высшего исполнительного органа власти, а на «*грубое обхождение с нею продавца*»².

¹ Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея (далее – ГУ НАРА). Ф. Р-19с/р41. Оп. 1. Д. 728–1052.

² ГУ НАРА. Ф. Р-19с/р41. Оп. 1. Д. 736. Л. 3.

В аналогичных жалобах, указывающих на грубое отношение к подчиненным со стороны начальства или обслуживающего персонала в больнице, прослеживаются те же мотивы, побудившие пострадавших взяться за перо и поверить инспекции свои невзгоды. По мнению посетителей Фарской районной больницы, обратившихся в официальные органы власти с жалобой на грубое отношение к ним со стороны регистратора, *«недоброжелательность в его работе... являлась следствием не просто плохого воспитания, а презрительного отношения к национальной политике партии и государства»*. Пострадавшие особо отмечали, что русскому человеку в лице регистратора *«должно быть стыдно называть посетительниц-черкешенок дикарями»*¹.

Сетования на такого рода «недопонимания» политических начинаний власти прослеживаются во многих обращениях граждан, даже в тех из них, которые по своему назначению никак не предполагали обсуждение «больших» государственных вопросов. Тем не менее в них иногда смутно, иногда явно прослеживались отзвуки наиболее злободневных хозяйственно-политических баталий, разворачивавшихся в стране. На страницах излагаемых жалоб они претерпевали соответствовавшие данному виду письма изменения, и в окончательной своей редакции являли вполне зрелые гражданские чувства обеспокоенного населения.

Например, одна из жалоб указывала на *«систематические злоупотребления кассиром Адыгторга своим служебным положением, проводившиеся им махинации с кассовыми чеками в целях личной наживы»*. В ней же отмечалось и неуважительное отношение кассира к покупателям, зачастую называемым *«собаками националов»*². Примечательно, что в решении областной инспекции по данному проверенному и подтвердившемуся факту первоначальная формулировка строгого выговора, объявленного кассиру, связывалась с *«бюрократическим отношением к покупателям и проявлением шовинизма»*. Однако в окончательной своей редакции она уже «потеряла» повседневную заостренность и звучала вполне безобидно: *«за грубое отношение к покупателям вынести кассиру магазина № 3 строгий выговор»*³.

Не менее любопытными выглядят и расхождения во взглядах на одни и те же события представителей инспекции и сигнализирующего им населения посредством так называемых «*публичных*» жалоб, т. е. газетных публикаций. 25 декабря 1930 г. газета «Серп и молот» поместила небольшую заметку с характерным для того времени названием «Не оппортунизм ли это?». В ней обобщались коллективные впечатления московских рабочих, прибывших в Псекупский район в качестве шефов, о деятельности местных органов власти. Они, в частности, отмечали, что *«работа в Красном селе, куда им с большими сложностями удалось добраться, слишком хаотична, малейший намек на организацию отсутствует... Найти кого-нибудь из ответственных работников чрезвычайно трудно, а те, которые оказываются на местах, понятия не имеют о значении шефства»*. В заключении содержался общепринятый в таких случаях вывод о том, что в подобном отношении к московскому шефству *«угадывается политическая близорукость и неумение в расстановке сил при выполнении ответственной политической кампании»*⁴.

Инспекция дважды рассматривала заметку и не обнаружила в ней «*обозначенных признаков оппортунизма*». Кроме того, она так и не смогла выяснить цели приезда

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-19с/р41. Оп. 1. Д. 870. Л. 1–2.

² Там же. Д. 883. Л. 1.

³ Там же. Л. 1об.

⁴ Там же. Д. 779. Л. 4.

«московской делегации». Поэтому в своем окончательном решении ограничилась краткой записью: «оппортунизма нет, а если и был, то в настоящий момент выправился»¹. Во что он мог перерасти и по какой причине не заинтересовал всегда чутких к отмеченным нарушениям представителей власти, можно только догадываться. Поток газетных публикаций, содержащих факты халатного и даже преступного отношения чиновников к своим непосредственным обязанностям, измерялся в те годы не единичными, а массовыми случаями. Проверялись они, как правило, выборочно, «на скорую руку», так как степень их важности далеко уступала задачам куда более важным – провалу колхозной кампании и разразившемуся в хлебобродных районах страны страшному голоду.

Обращает на себя внимание и тот факт, что многие из поступивших в областную рабоче-крестьянскую инспекцию жалоб были неоднократно вымараны, содержали плохо прочитываемые пометки, вкрапленные в текст, карандашные подчеркивания отдельных фраз, фамилий и социальной принадлежности «обидчиков». Следы подобного внешнего или внутреннего вмешательства однозначно определить весьма трудно, так как выполнены они зачастую одним и тем же почерком. Тем не менее они наглядно свидетельствуют о том, что и власть, и население были лично заинтересованы в обоюдном взаимопонимании: власть хотела, чтобы ее слышали, а население стремилось, по возможности, точно ее расслышать. Основным средством этой странной коммуникации и оказалась жалоба, в пространстве которой находили свое выражение разнообразные оттенки чувств и помыслов советских граждан начала 1930-х гг., зачастую ангажированные современными им реалиями дышавшей «политической прозой» жизнью. Следует ли их рассматривать в качестве повсеместного недоверия власти или эзопова языка безграничной веры в ее всемогущество, судить не беремся. Но вот тот факт, что народ был не только безгласной, растерянной жертвой тоталитарного режима и сопротивлялся ему не только путем политического диссидентства, становится понятным после ознакомления с содержимым самого любопытного источника того времени – жалобы.

* * *

Интерес к разнообразным осколкам прошлого, в отличие от исторических законосообразностей и социологических схем, всегда был высок и неизменен. Вместе с тем историю советского повседневья, во всяком случае, ее официальную версию, занимательной назвать весьма проблематично. Сводящаяся к будням и радостям ежедневного существования, трудностям продовольственного и жилищного порядка, она весьма скупо повествует о реальной атмосфере того времени. Ее оживлению во многом могли бы способствовать как воспоминания наших современников, оказавшихся свидетелями и участниками той непростой и до некоторой степени все еще закрытой эпохи, так и сведения, содержащиеся в источниках официального происхождения. Таким образом, «история повседневности существенно раздвигает источниковую базу исследований за счет микроисторических подходов и синтеза работы с различными группами источников»². Вместе с тем она одновременно «выдвигает принцип адекватности предлагаемых подходов и методов объекту и субъекту исследования, а также используемых источников»³.

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-19с/р41. Оп. 1. Д. 779. Л. 3.

² Соколов А.К. Путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004. С. 53.

³ Там же. С. 64.

1.3. Проверенные цензурой: письма военного времени как источник по истории советской повседневности

На протяжении значительной части истории человечества письма были наиболее распространенным средством общения между людьми, оказавшимися по тем или иным обстоятельствам на удалении друг от друга. Сам факт написания письма означал коммуникативный вызов, имевший собственную семантику, наряду с его стилем и содержанием. Под влиянием непрерывного совершенствования технических средств, особенно в течение последних двух столетий, менялись материал и способ доставки писем. Если первоначально текстовые сообщения создавались на бумаге и других материализованных носителях, то в настоящее время электронный способ передачи писем все шире распространяется не только в личной, но и в деловой переписке. Однако сама переписка по-прежнему сохраняет свою роль как одна из основных форм социального взаимодействия.

В годы Великой Отечественной войны, вызвавшей перемещения огромных масс людей, значение переписки многократно возросло в сравнении как с предшествующими, так и последующими периодами советской истории. Письма остались практически единственным способом коммуникации между людьми, оказавшимися в совершенно разных социальных «мирах» со своими границами. При сохранении прежних направлений переписки главные потоки писем в 1941–1945 гг. шли с фронта и на фронт. Лишенные на долгие месяцы, а то и годы самой возможности видеться и общаться с родственниками и знакомыми, участники боевых действий только через переписку могли синхронизировать события собственной жизни с перипетиями судеб близких им людей. Поэтому письма выступали главным каналом общения представителей фронта и тыла. Посредством переписки с родителями и детьми, любимыми и друзьями происходил обмен информацией и эмоциональными переживаниями, восполнялся дефицит интимности.

Как определенный вид исторических источников, содержащий значительный объем информации различного характера, письма не раз использовались советскими, зарубежными и современными российскими историками. В ряде работ нашли отражение источниковедческие особенности писем военного времени¹. Необходимо отметить, что за шесть с лишним десятилетий существования историографии Великой

¹ Жучков В.Н., Кондратьев В.А. Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник // История СССР. 1961. № 4. С. 103–114; Соломатин П.С. Фронтовые письма и корреспонденции в газету «Правда». 1941–1945 гг. // Исторические записки. 1965. Т. 75. С. 243–255; Кондратьев В.А. О публикации писем советских людей периода Великой Отечественной войны // История СССР. 1986. № 6. С. 96–105; Моисеева И.Ю. Фронтовые письма 1941–1945 гг. как источник по изучению темы «Человек и война» (на материалах Коми АССР) // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Материалы «круглого стола». Сыктывкар, 2004. С. 85–108; Булыгина Т.А. Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Ставрополь: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 530–540; Момотова Н.В., Петров В.Н. Ценностный мир военнослужащих в письмах с фронтов Великой Отечественной войны // Социология. 2005. № 2. С. 106–131; Сомов В.А. Письма участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 131–135; Иванов А.Ю. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник (по материалам Республики Татарстан): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009 и др.

Отечественной войны отношение к письмам как историческим источникам менялось, порой они подвергались острой критике за субъективность содержащейся информации. Гораздо реже исследователи впадали в другую крайность, считая письма «едва ли не наиболее информативным и достоверным источником по проблемам духовной жизни советского общества в годы войны»¹. Подобные «взлеты» и «падения» в отношении к письмам определялись изменениями в самих подходах к изучению истории Великой Отечественной войны. Долгое время в центре внимания советских и зарубежных исследователей находилась история государств и межгосударственных отношений, ход военных действий, вопросы дипломатии и внешней политики, а главное значение придавалось использованию официальных документов, включая и делопроизводственную переписку.

Напротив, появление новых направлений в современной историографии, нацеленных на изучение сознания и поведения человека на войне, создает потребность в использовании источниковой базы, соответствующей указанным исследовательским задачам. В данной связи обращают на себя внимание характерные особенности писем, в сравнении с другими источниками личного происхождения. Главным из них является то, что письма имели другое функциональное назначение, чем мемуары или дневники: они фиксировали информацию с целью ее передачи от автора (корреспондента) адресату непосредственно в военные годы. Между тем большинство воспоминаний были записаны уже после войны, на их содержание и тональность оказали влияние сложившиеся в советском обществе меморативные практики. Количество дневников военного времени крайне незначительно. Особенно это касается дневников фронтовиков, которым прямо запрещалось их вести. Впрочем, не следует забывать и о влиянии советского режима на переписку граждан, «всегда осознававших тот внутренний порог, далее которого отступать нельзя»², а также о жестких цензурных ограничениях военного времени. Тем не менее именно частная переписка представляется ценным и во многом незаменимым источником по истории повседневной жизни советских граждан в годы Великой Отечественной войны.

К настоящему времени в научный оборот введено значительное количество писем военного времени, но еще большая часть их только ожидает исследователей. В любом случае, это лишь малая доля от общего массива писем периода Великой Отечественной войны, исчислявшегося десятками и сотнями миллионов экземпляров. Основная масса писем просто не пережила военного времени, значительная часть была уничтожена в последующие годы. Во многом это объясняется тем, что, в отличие от большинства других видов исторических источников, личные письма находились в основном у самих адресатов, а условия их хранения далеко не всегда были благоприятными.

Между тем еще в начале июня 1943 г. на проходившей в Москве Всесоюзной конференции историков-архивистов, наметившей обширную программу сбора и публикаций документов по истории Великой Отечественной войны, А.Н. Толстой заявил: «Нужно собирать письма, идущие с фронта, нужно собирать дневники, нужно собирать по возможности рассказы очевидцев, записывать, отдавать в архив»³.

¹ Кожурин В.С. Народ и власть (1941–1945 гг. Новые документы). М., 1995. С. 8 и др.

² Там же. С. 8.

³ Мамонов В.М. О собирании документов личного происхождения государственными архивами СССР // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1980. С. 4.

Однако непосредственно в годы войны в архивы и музеи страны попали лишь отдельные группы писем. Помимо делопроизводственной переписки, это были письма в органы власти, периодические издания и другие эпистолярные источники, использовавшиеся в пропагандистской работе. В частности, в документах отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ военного времени отложились копии писем советских девушек, отправленных на работу в Германию, письма Героев Советского Союза девушкам-передовикам сельского хозяйства, использованные в молодежных радиопередачах, и другие письма¹.

В мае 1942 г. Секретариат ЦК ВЛКСМ принял постановление об организации выставки «Комсомол в Отечественной войне», а после ее ликвидации основная масса собранных материалов также поступила в архив ЦК ВЛКСМ. Среди них были и письма, рассказывавшие о помощи фронту, сборе денежных средств и теплых вещей в фонд обороны и других патриотических инициативах советских граждан²; письма, обращенные к советским руководителям; коллективные письма от комсомольцев и молодежи в воинские части и соединения, содержавшие приветия, поздравления с праздниками, пожелания успехов в боях³.

С начала Великой Отечественной войны началась и публикация фронтовых писем патриотического содержания на страницах центральных и местных газет, затем были изданы специальные сборники писем⁴. В первые послевоенные годы эти публикации были продолжены. Как правило, составители военных и первых послевоенных сборников писем, хоть и руководствовались задачами «введения публикуемых писем в научный обиход», на первое место ставили политико-воспитательный потенциал переписки фронтовиков для советских людей современной эпохи⁵. Подчеркивалась типичность выбранных для публикации писем: «Если в сборнике вместо этих писем были бы помещены другие фронтовые письма, то его содержание в основном не потерпело бы никаких изменений. С его страниц с той же силой продолжали бы раздаваться голоса советских патриотов, для которых интересы Родины выше всего»⁶. Универсальные рубрики, сводившиеся к нескольким каноническим разделам («О Родине и дружбе народов Советского Союза», «Героизм советских воинов», «Единство фронта и тыла» и др.), единство стиля и оформления (многие сборники открываются портретом Сталина) свидетельствуют о том, насколько ограничены были возможности публикации в подобных изданиях писем, характеризующих личные социальные и психологические проблемы бойца Красной армии, реалии фронтового быта и жизненные трудности оторванной от него семьи.

После войны комплектование архивов эпистолярными источниками практически прекратилось, за исключением писем партийных и государственных руководителей, деятелей науки и культуры. Основная же масса частных писем, особенно «рядовых» участников войны, имела немного шансов попасть в архивы. Оказались утрачены

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 32. Д. 174, 260 и др.

² Там же. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 262, 263, 494 и др.

³ Там же. Д. 1391, 1394, 1773, 2588, 3567, 4333, 6146 и др.

⁴ Письма гнева и ненависти. М., 1942; Кровью сердца. Петрозаводск, 1943; Наказ народа. М., 1943; Письма из немецкого рабства. М., 1943; Письма с фронта. Тамбов, 1943; Письма патриотов. М., 1944 и др.

⁵ Письма с фронта. Алма-Ата, 1944. С. 7; Письма с фронта. Ашхабад, 1946. С. 2; Письма с фронта. Ташкент, 1949. С. 3.

⁶ Письма с фронта. Алма-Ата, 1944. С. 8.

и крупные коллекции писем, сложившиеся в редакциях газет «Красная звезда», «Комсомольская правда», а также в фондах ряда союзных министерств, поскольку, по требованиям Главного архивного управления, их предписывалось хранить лишь в течение пяти лет¹.

Только в 1960–1980-е гг. фронтовые письма стали активно собирать архивы, музеи, а также широкие круги общественности, поисковые отряды, школьники и студенты. К сожалению, собранный материал не всегда проходил необходимую обработку и передавался в условия, обеспечивающие его сохранность; в результате многие источники впоследствии оказались безнадежно утрачены. Уже в 1990-е гг. при ликвидации ряда школьных и ведомственных музеев их коллекции, собиравшиеся несколькими поколениями поисковиков, педагогов и школьников, порой просто выбрасывались на свалку. В большей степени «повезло» материалам, собранным по инициативе партийных и комсомольских органов и централизованно переданным в государственные и партийные архивы и музеи.

В рассматриваемый период вышел ряд специальных сборников фронтовых писем, прежде всего, составленных на основе публикаций в периодической печати военного времени². Введению в научный оборот новых материалов способствовало издание сборников военных писем в отдельных регионах страны³. Но археографический уровень данных публикаций был не высок, в частности, в них не всегда указывались сведения о местонахождении документов⁴. Публикаторы акцентировали внимание на патриотических чувствах и настроениях советских военнослужащих, их ненависти к фашистским захватчикам как, безусловно, доминирующих мотивах фронтовых писем. В то же время сокращалось то, что не «вписывалось» в официальную концепцию истории Великой Отечественной войны.

Примером тому является публикация писем генерал-майора П.Л. Печерицы из фондов Государственного архива Краснодарского края (далее – ГАКК), при которой были исключены упоминания о предателях, данные о советских потерях, жесткие замечания о пленных немцах и нелюбезные – в адрес почтовых служб военного времени. Также была «вырезана» похвала «изумительной прозорливости» Сталина, пропущена размолвка с женой, опущены подробности «сдержанного» отношения к советским войскам в некоторых европейских странах⁵. Подобного рода купюрами отмечены и публикации писем других корреспондентов, представленные в том же издании. Из письма П.Ф. Зезеткина семье (и так незначительного по объему) исчез фрагмент о затяжном конфликте между его женой и матерью, а из письма танкиста Ф.Ф. Алексанкина – описание «*посылочной*» лихорадки, которая захватила советских военнослужащих в Германии⁶.

¹ Жучков В.Н., Кондратьев В.А. Указ. соч. С. 103.

² Солдатские письма. М., 1965; Великая Отечественная в письмах. М., 1980 и др.

³ Письма огненных лет // Кубань. 1972. № 7. С. 103–110; Письма с фронта. 1941–1945. Сб. документов. Краснодар, 1983; Огненные строки. Письма с фронта и на фронт 1941–1945 гг. Ставрополь, 1985 и др.

⁴ Булыгина Т.А. Указ. соч. С. 531.

⁵ Письма с фронта. 1941–1945. С. 75–84. Сокращенные фрагменты восстановлены в публикации: Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения. Краснодар, 2010. С. 137–155.

⁶ Письма с фронта. 1941–1945. С. 142, 149–152. Сокращенный фрагмент восстановлен в публикации: Герои терпения... С. 159.

В настоящее время крупные комплексы эпистолярных источников периода Великой Отечественной войны сложились во многих архивах страны, однако только в некоторых из них существуют специальные фонды или коллекции писем военного времени. Значительными коллекциями писем располагают Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ, фонды Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, министерств и ведомств, профсоюзов, Совинформбюро и других органов власти и общественных организаций), Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ, фонды секретариата Союза писателей, театров, а также личные фонды писателей, художников и других деятелей культуры), Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ, фонды соединений и частей) и другие архивы.

Наиболее крупная коллекция фронтовых писем содержится в Хранилище документов молодежных организаций РГАСПИ. В ее основе лежат письма, собранные в результате специальной акции, предпринятой в 1980 г. ЦК ВЛКСМ совместно с журналом «Юность», переданные журналом «Огонек» и поступившие непосредственно от бывших фронтовиков и их родственников. Среди них встречаются письма командиров с фронта родителям военнослужащих с выражением им благодарности за хорошее воспитание сыновей, письма однополчан женам и другим родственникам погибших товарищей, сообщавшие об обстоятельствах их гибели, а также коллективные письма¹. Однако их сравнительно немного, главная ценность рассматриваемой коллекции заключается как раз в том, что в ней содержится большой массив частных писем фронтовиков, адресованных своим родителям, детям, друзьям, близким, знакомым и незнакомым девушкам.

Уникальна по числу сохранившихся писем переписка М.Б. Ваила, начавшего войну в июле 1941 г. рядовым бойцом, а закончившего ее в 1945 г. в Восточной Пруссии политруком роты связи противотанкового артполка. Он лично передал в РГАСПИ 970 писем (по большей части, его письма с фронта жене и другим родственникам, а также их ответные письма на фронт), но поскольку первые восемь месяцев службы связь с семьей была прервана, то ряд писем за 1942 г. носит фактически характер дневниковых записей, рассказывающих о фронтовой повседневности (*«Дневник я не вел, но в памяти все живо осталось и все события я могу восстановить в строгом хронологическом порядке»*)².

Около 450 писем насчитывает переписка сотрудника редакции дивизионной газеты А.П. Поповиченко с женой, включающая десятки ее ответных писем³. Благодаря этому возникает редкая возможность восстановить диалог, который продолжался между супругами на протяжении нескольких лет войны. Комплекты писем И.С. Палицкого (168 писем жене, 1942–1944 гг.), Д.А. Абаева (117 писем жене и дочери, 1942–1945 гг.), А.И. Тыкина (67 писем жене и сыну, 1941–1944 гг.), подобно переписке А.П. Поповиченко, существенно расширяют представления о том репертуаре жизненно важных тем, который фигурировал в письменном общении зрелых, обремененных семьей, фронтовиков⁴.

Письменное общение с друзьями могло быть не менее интенсивным, что также доказывают дела, находящиеся на хранении в РГАСПИ. Такова, к примеру, пере-

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 169, 1442 и др.

² Там же. Д. 360. Л. 10.

³ Там же. Д. 369, 369а.

⁴ Там же. Д. 292, 1446, 1454.

писка санинструктора А.М. Сологуб с фронтовым другом, начатая в госпитале, куда девушка попала в 1943 г. после ранения, и продлившаяся далеко за пределы войны (63 письма)¹. Переписка военного переводчика В.Д. Раскина, без вести пропавшего в 1944 г., насчитывает 123 письма к знакомой девушке (1942–1944 гг.)². Поскольку автор (до ухода на фронт – студент Ленинградского политехнического института им. Калинина) был эрудированным, одаренным, в том числе и лингвистическими способностями, человеком, это наложило отпечаток на его письма, вдумчивые и ироничные, затрагивающие огромный спектр актуальных для военного времени вопросов. Письма Раскина отличает живой интерес к мельчайшим подробностям армейского быта, в который волею судьбы погрузился молодой человек.

Комплект писем одного автора, состоящий из нескольких десятков или даже единичных писем, порой оказывается не менее примечательным и информативным, чем та или иная объемная переписка. Это доказывают многие дела, находящиеся на хранении в фонде М-33 «Документы экспедиции по сбору фронтовых писем «Память»». Всего же в данном фонде содержится около полутора тысяч дел, основную массу которых составляют именно письма. Большинство материалов представляет собой подлинные документы, значительно меньшую часть составляют ксерокопии (подлинники писем в ряде случаев были возвращены их владельцам). В делах также встречаются фотографии, воспоминания, извещения о гибели и другие документы, сообщающие дополнительную информацию об авторах писем. Комплекты писем могут содержать интересные «вкрапления». Так, дело Д.А. Абаева включает в себя 12 писем, полученных его дочерью Кирой от заочно знакомого фронтовика³.

В большинстве региональных архивов и музеев письма советских граждан военного времени содержатся в фондах и коллекциях документов по истории Великой Отечественной войны, истории регионов, редакций местных газет, а также в личных фондах участников войны. Так, в Центре документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК) и ГАКК хранятся как единичные письма, принадлежащие перу одного автора (таких большинство), так и комплекты писем, насчитывающие десять и более посланий. Наряду с подлинниками достаточно много машинописных копий (в том числе заверенных авторами), ксерокопий, фотокопий. В ГАКК письма военного времени сосредоточены в коллекции документов по истории Великой Отечественной войны. Здесь отложилось десять дел с фронтовыми письмами кубанцев. Среди них письма родственникам и друзьям, письма в редакции газет «Апшеронский рабочий» и «Советская Кубань», а также в Краснодарский радиовещательный комитет.

Значительную часть дел коллекции документов по истории Кубани в ЦДНИКК составляют источники личного происхождения периода Великой Отечественной войны. Однако если обширный комплекс воспоминаний о войне нередко выступал предметом изучения исследователей, то подборка писем не столь значительна и пока еще обделена вниманием специалистов. Отчасти это объясняется сложностями поисковой работы. К примеру, в деле «Бланки писем, открыток, грамот, конвертов за 1943–47 гг.» хранятся письма, адресованные в Краснодарский крайком партии в связи с такими типичными для военного времени проблемами, как поиски родственников или потеря имущества. Там же обнаруживается письмо П.Ф. Зезеткина

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 318.

² Там же. Д. 1400.

³ Там же. Д. 1454.

жене, хотя другие его личные письма включены в специальное дело в составе данного фонда¹. Предположительно, еще несколько писем П.Ф. Зезеткина хранятся в ГАКК².

Пожалуй, наиболее ценной частью переписки частного характера в коллекции писем ЦДНИКК военного времени являются письма гвардии старшины В.В. Сырцылина. Более 70 писем с фронта, полученных его женой за годы войны и переданных в архив лично автором, отличаются чрезвычайной информативностью содержания. Кроме того, в данном деле находится несколько писем от заочно знакомых женщин в адрес Сырцылина, а также их письма, адресованные его жене. Несомненным достоинством писем В.В. Сырцылина является их высокая эмоциональность и редкая для эпистолярных документов этого периода откровенность в выражении чувств. Благодаря тому, что письма были написаны в широком временном интервале, с сентября 1941 г. по июнь 1945 г., существует возможность рассмотреть динамику восприятия событий комбатантом, выявить особенности его самоощущения на различных этапах войны, в разной обстановке (учеба в артиллерийском училище, участие в боевых действиях, лечение в госпитале и др.).

Письма В.В. Сырцылина охватывают широкий круг тем. Среди наиболее интересных сюжетов – организация быта и свободного времени, повседневные практики чтения в условиях фронта, восприятие материальной стороны жизни с позиций непосредственного участника военных действий, размышления о человеческих отношениях в экстремальных условиях войны. Практически все письма Сырцылина так или иначе касаются его личных взаимоотношений с женой, в них постоянно обсуждаются вопросы материальной помощи семье, здоровья (своего и близких), доверия между супругами.

В Государственном архиве Ставропольского края (далее – ГАСК) наиболее ценные в информационном отношении письма (до 10 дел), демонстрирующие широкий репертуар тем и различный стиль общения фронтовиков с близкими, отложились в коллекции документов по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Некоторые из них вошли в соответствующий раздел изданного к 60-летию Победы сборника документов и исследований³. Кроме того, фронтовые письма хранятся в фонде редакции газеты «Ставропольская правда» и коллекции документов о Героях Советского Союза – жителях Ставропольского края.

Внимания исследователей особенно заслуживают письма детей жительницы Ставрополя В.Г. Аненко, оказавшихся разбросанными по разным фронтам Великой Отечественной войны. Данная переписка привлекает внимание своим «перекрестным» характером, когда важные для жизни семьи события военного лихолетья становятся предметом обсуждения и глубоких переживаний в письмах детей, обращенных к матери. Интересный во многих аспектах материал для изучения представляют и письма директору совхоза «Коммунар» Молотовского района Ставропольского края А.М. Гусеву от его односельчан, ушедших на фронт. Они разнообразны по своему содержанию: большинство земляков тревожатся о своих семьях, ищут их или просят им помочь (иногда даже угрожают); некоторые, просто испытывая тягу к общению, делятся фронтовыми новостями и спрашивают о жизни в совхозе⁴.

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1186. Л. 21–21об., Д. 1230. Л. 2об.–3об.

² ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 67. Л. 88.

³ Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях.

⁴ ГАСК. Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 142, 15, 16.

Письма военного времени представлены в различных фондах Государственного архива Ростовской области (далее – ГАРО) и Центра документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Прежде всего, это фонды советских, партийных и комсомольских органов, коллекции документов воинских частей и соединений, созданных в Ростовской области, личные фонды участников войны. Среди наиболее информативных – коллекция из 167 писем в ЦДНИРО, присланных с фронта И.В. Шамаровым с сентября 1941 г. по май 1945 г. Ее дополняют 7 писем фронтовых друзей И.В. Шамарова, датируемых маем-ноябрем 1945 г. и присланных его вдове после смерти боевого товарища¹.

Существенное место занимают фронтовые письма в коллекции документов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Национальном архиве Республики Татарстан (далее – НА РТ). Особый интерес вызывает массив писем, которые были получены на протяжении войны редактором многотиражной заводской газеты «Сталинец» (г. Казань) Б.Д. Орешниковым². Согласно справке самого Б.Д. Орешникова, передавшего значительную часть своей коллекции в НА РТ в 1974 г., в конце 1941 г. он по собственной инициативе вступил в переписку с фронтовиками (друзьями и знакомыми – рабочими завода) и продолжал ее до конца войны. Постепенно ему стали писать и незнакомые люди. В итоге Орешников получил более 600 писем, половину которых сохранил.

Несмотря на то, что коллекция писем Орешникова, представленная в НА РТ, утратила свою целостность (часть писем была передана в республиканский, районный, заводской музеи и в школы), она производит солидное впечатление. Во-первых, кроме единичных посланий, там присутствуют комплекты из десяти и более писем одного автора. В этих письмах встречаются размышления о жизни, передаются непосредственные впечатления с театра военных действий, т. е. фигурируют темы, не столь распространенные в письмах, адресованных членам семьи, где гораздо чаще обсуждаются вопросы хозяйства и здоровья. Во-вторых, письма, обращенные к одному и тому же человеку, с которым корреспондентов связывали близкие отношения, расширяют наши представления о дружбе и практиках взаимопомощи, которые существовали в советском социуме в предвоенные и военные годы.

В фонде редакции областной газеты «Красная Татария» находится десять дел, содержащих письма фронтовиков и переписку с ними отдела писем газеты на протяжении всех военных лет³. Как правило, письма сопровождали литературные опыты военнослужащих (стихи, очерки, рассказы), которые те слали в адрес редакции в надежде быть напечатанными. Интерес представляет тематика и содержание собственно произведений, а также мотивация к творчеству, которую довольно часто обосновывали в своих письмах военнослужащие. Иногда они мимоходом, в нескольких штрихах описывали свою повседневность, наиболее яркие эпизоды фронтовой жизни и даже внутренние переживания. Практически каждое такое письмо содержало просьбу выслать один или несколько номеров газеты.

В данном фонде также выделяется блок писем военнослужащих (как индивидуальных, так и коллективных), в которых они просят помощи редакции в налаживании контактов с девушками в тылу. Они могут быть пространными или носить характер

¹ ЦДНИРО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 16–17.

² НА РТ. Ф. 2157. Оп. 8. Д. 34, 64, 66, 83.

³ Там же. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 1–10.

короткой записки: «Уважаемые товарищи из редакции. Мы, воины-фронтовики, не имея переписки с нашим героическим тылом, просим Вас поместить наш адрес в Вашу республиканскую газету, т. к. желаем иметь связь с нашими девушками-тыловиками»¹. В конце данного послания значится 15 подписей. Ответы сотрудников редакции и благодарности фронтовиков свидетельствуют, что такого рода поддержка нередко оказывалась (обращение печаталось в газете или передавалось непосредственно работницам какой-либо казанской фабрики).

В Центральном государственном архиве историко-политической документации Республики Татарстан (далее – ЦГА ИПД РТ) фронтовые письма отложились в составе нескольких личных фондов, среди которых выделяется фонд татарского писателя и общественного деятеля И. Гази (И.З. Мингазеева) (1907–1971). Несколько дел данного фонда содержат объемную подборку писем, датированных 1942–1945 гг., когда И. Гази служил корреспондентом фронтовых газет «Сталинское знамя» и «Красная Армия»². Они адресованы его жене и сыну, друзьям и коллегам по работе (написаны на русском и татарском языках). Письма И. Гази жене дают представление о взаимоотношениях между супругами, устоях семьи и воспитательных практиках, т. е. открывают завесу над миром интимных переживаний и частной жизни советских людей военной эпохи. Поскольку автор писем – профессиональный писатель, его послания особенно точны в передаче нюансов собственного настроения, описании окружающей обстановки.

В региональных архивах фронтовые письма можно встретить и в личных фондах ряда краеведов и историков, занимавшихся изучением Великой Отечественной войны. Так, в Центре документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦДНИ КБР), в личном фонде Е.Т. Хакушева (1928–1993) – автора ряда работ, посвященных истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны, собранные им письма фронтовиков составляют несколько дел³.

Собственные коллекции фронтовых писем возникли и в фондах негосударственных архивов. В частности, Архив Научно-просветительского центра «Холокост» (далее – Архив НППЦ «Холокост») в настоящее время располагает коллекцией из примерно 1,5 тыс. писем военнослужащих евреев с их родными и товарищами по оружию периода 1939–1945 гг. Эта коллекция создавалась на протяжении 20 лет. Кроме того, в архиве хранятся письма партизан, эвакуированных граждан, жителей блокадного Ленинграда и даже прощальные письма из гетто⁴.

Наряду с архивами значительными коллекциями писем военного времени располагают Государственный центральный музей современной истории России, Центральный музей Вооруженных сил, Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., другие федеральные, региональные и ведомственные музеи. В Ставропольском государственном объединенном краеведческом музее-заповеднике им. Г.К. Праве и Г.Н. Прозрителева фронтовые письма содержатся в специальном фонде, который включает более 100 экземпляров. Это несколько комплектов: пись-

¹ НА РТ. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.

² ЦГА ИПД РТ. Ф. 8288. Оп. 1. Д. 14, 15.

³ ЦДНИ КБР. Ф. Р-972. Оп. 3. Д. 404–410.

⁴ Терушкин Л.А. Письма и дневники периода Великой Отечественной войны в Архиве НППЦ «Холокост» // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. Материалы Международ. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д, 2010. С. 164.

ма семьи Виноградовых, В.П. Дегтярева, П.Н. Деркач, М.М. Еремина, Б.В. Портенко, а также одиночные письма. Кроме того, письма встречаются и в других фондах, содержащих материалы по истории Великой Отечественной войны, включая личные фонды участников войны.

Коллекция фронтовых писем Омского государственного историко-краеведческого музея насчитывает свыше 600 единиц хранения. Фронтовые письма появились в музее уже в послевоенные годы как составная часть личных коллекций, за исключением двух подшивок писем военного времени, адресованных в редакции омских газет. Большинство из них представляют собой коллективные письма, предназначенные для публикации на страницах периодической печати. В последние годы данные источники становятся предметом специальных экспозиций. В частности, в 2000 г. к 55-летию Победы в Омском историко-краеведческом музее была подготовлена и открыта выставка «Фронтовое письмо»¹.

В 2010 г. подобная выставка состоялась в ЦДНИРО под названием «Фронтовые письма: летопись Победы и хроника чувств». На ней были представлены материалы, как содержащиеся непосредственно в ЦДНИРО, так и в семейных архивах и частных коллекциях. В 2005–2010 гг. ЦДНИРО участвовал в телевизионном проекте «Просмотрено военной цензурой». Все это свидетельствует о том, что за фронтовыми письмами прочно закрепился особый статус «человеческих» документов эпохи, которые дополняют историю Великой Отечественной войны ярким эмоциональным рассказом о переживаниях ее участников².

В целом в распоряжении исследователей имеется значительный массив писем частного характера, относящихся к периоду Великой Отечественной войны. Однако работу с ними затрудняет ряд обстоятельств, включая фрагментарность и разрозненность архивных коллекций, рассеянность их по разным фондам, плохую сохранность писем, отсутствие необходимого научно-справочного аппарата.

В 1990–2000-е гг. существенно расширилась публикация писем военного времени³. Изданные в последние годы сборники содержат более полные тексты писем с разнообразной тематикой. Проявляется тенденция выпускать такого рода сборники как продолжающиеся, серийные издания⁴. Впервые опубликованы и письма, не пропущенные военной цензурой⁵. Всего к настоящему времени издано более 200 сборников писем участников Великой Отечественной войны, однако далеко не все из них полезны при изучении советской повседневности. Сложившееся положение объясняется, с одной

¹ Ермолина Л.Г. Фронтовые письма в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея // Известия ОГИК музея. 2002. № 9.

² Левендорская Л.В. Фронтовые письма в фондах ГУ «Центр документации новейшей истории Ростовской области»: источниковедческие особенности и перспективы использования // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. С. 162.

³ «Я пишу последнее быть может...». Омск, 1994; Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»): сб. документов. Тамбов, 2005; Герои терпения...; Письма с фронта. 1941–1945 гг. Сб. документов. Казань, 2010; Фронтовые письма из калужских архивов. Калуга, 2010 и др.

⁴ Солдатские письма: сб. документов. Саранск, 2005; Письма из войны: сб. документов. Саранск, 2010; Сохрани мои письма...: сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 2007; Сохрани мои письма... Вып. 2. М., 2010.

⁵ Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000.

стороны, специфическими характеристиками писем советской эпохи как исторического источника. В этом смысле необходимо учитывать влияние разного рода факторов: от уровня образования корреспондентов до «успехов» идеологической обработки, происходившей в довоенный и военный периоды. С другой стороны, стоит иметь в виду «угол зрения» составителей отдельных сборников, тщательно выбиравших из огромного массива писем с фронта и на фронт преимущественно те, которые могли бы использоваться «в качестве доказательства единства чаяний советских людей и политики власти, верности героев идеалам социализма и коммунизма»¹.

В результате публикации писем участников Великой Отечественной войны не всегда позволяют раскрыть бытовые подробности жизни, психологические переживания и основные социальные проблемы человека военного времени. Между тем именно эти сюжеты занимали главенствующее место в частной переписке советских граждан в годы Великой Отечественной войны, о чем свидетельствуют и данные военной цензуры. Так, итоги перлюстрации писем, направленных на Сталинградский фронт с 15 по 31 июля 1942 г., показали, что из 190 367 обработанных документов 105 372 письма (55,3 %) носили семейно-бытовой характер, 82 395 (43,3 %) содержали положительные сообщения, а 2 600 (1,4 %) – отрицательные сообщения².

Наибольшую часть эпистолярных источников военного времени составляют письма фронтовиков, гораздо меньше сохранилось писем, направленных на фронт. Передавая часть своей фронтовой переписки в архив, П.Ф. Зезеткин сообщал, что ответные письма от родственников «сжигал, хранить не разрешали»³. Кроме того, он отмечал «однообразие» основной массы собственных писем, которые, по его мнению, вряд ли заслуживают внимания. Подобные мысли посещали многих фронтовиков и, вероятно, удерживали их от передачи собственной переписки в архив. Писатель Д. Гранин так оценивал свои письма с фронта: «Читать их совершенно невозможно. Жуткий примитив, даже стыдно признаваться, насколько ужасно, скупо и неинтересно написано. Коротенькие послания, почти не содержавшие информации. Жив-здоров да и только»⁴. Такую лаконичность он во многом объяснял отвращением к военной цензуре.

Действительно, цензурные ограничения наложили серьезный отпечаток на данный вид источников. Выежая на фронт с территории Казахской ССР, А.П. Поповиченко предупреждал жену: «Это мое последнее подробное письмо о жизни, которая вокруг меня и около меня. Когда въедем на территорию РСФСР, там существует военная цензура, через рогатки которой такие подробности не пройдут, а значит придется ограничиваться десятком слов: жив – здоров»⁵. О том, насколько пресс цензуры довлел над военнослужащими, свидетельствует и письмо политрука Д.А. Абаева жене: «Нинусь, ты просишь меня написать что-либо конкретное о себе. Но неужели не понятно, что это значит говорить о делах части, что для тебя ясно, делать нельзя. Дальше ты меня просишь, чтоб я хоть намекнул, в каком месте я нахожусь, т. к. Украина, мол, большая. Очень тебе верю и сочувствую, что тебе хочется знать это. Однако этого делать не могу. Бывают такие факты, когда отдельный боец напишет место своего нахождения, но глядишь полевая привезет открытку этому бойцу, написанную от имени военной цензуры кем-то из цензоров

¹ Булыгина Т.А. Указ. соч. С. 530.

² Сталинградская эпопея... С. 161.

³ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 67. Л. 88.

⁴ Ванденко А. Дно великой войны // Итоги. 2010. № 18 (725). С. 52.

⁵ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 9.

примерно с таким текстом: «Товарищ! Вы в своем письме, адресованном тому-то, указываете место своего нахождения, что делать нельзя, этим совершаете преступление перед Родиной. Учтите, что такие письма мы задерживаем. Передайте и своим товарищам, чтоб не делали этого. Военная цензура». Я такую открытку обязательно вручаю адресату после громкого его прочтения всем бойцам. И вот, сознавая это, я должен выходить какими-то утонченными способами и намеками делать то же преступление»¹.

Вымарывания касались не только военной информации, но и подробностей фронтового быта, описания негативных переживаний. Реакцией на ограничения становилась эмоциональная сдержанность. И. Гази предупреждал жену: «В письме я о своих чувствах ничего не пишу... оно прочитывается цензурой...»² В.В. Сырцылин в одном из писем жене нервничал по тому же поводу: «Мои письма не доходят или доходят вроде твоих – все испачканные черными чернилами по строчкам»³.

Но поскольку комбатанты практически не имели иных, кроме «письменных», возможностей самовыражения и фиксации жизненно важных событий на бумаге, то со временем ими нарабатывался опыт «обходных маневров» (использовался родной язык; применялись иносказания и понятные только близким людям намеки; давались обещания рассказать о некоем событии или явлении «после войны»; послания передавались с оказией или в посылках), и, в конечном итоге, письмам доверялось немало значимой информации. Роль переписки военного времени в собственной судьбе была осознана некоторыми военнотружущими уже в первые недели фронтовой жизни. Г.В. Довятас, мечтавший стать писателем (после войны окончил Литературный институт им. Герцена и работал журналистом), заклинал жену: «Жаль, если пропадет хоть одно письмо – ведь в дальнейшем это богатый, нужный материал. Храни их, что бы ни случилось»⁴. В. Раскин предвкусил: «Если не убьют, то после войны посвящу несколько дней чтению толстой пачки, которая там (у родных. – Авт.) скопилась»⁵. Очевидно, что информационная насыщенность писем находилась в тесной зависимости от интеллектуального и эмоционального потенциала корреспондента, умения выражать свои мысли и чувства и, вероятно, отзывчивости его адресатов.

Согласно Постановлению Государственного комитета обороны СССР от 6 июля 1941 г. «О мерах по установлению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции», письма не должны были превышать четырех страниц формата почтовой бумаги⁶. Корреспонденты, в массе случаев, склонны были «выбирать» весь допустимый объем, однако помехой этому был катастрофический дефицит писчей и почтовой бумаги в стране. Подавляющее большинство корреспонденции написано на листах из школьных тетрадей, в том числе их обрывках. Немало примеров, когда для писем использовались бланки накладных, страницы из бухгалтерских ведомостей и другой казенной документации, оборотные стороны карт, книжных иллюстраций, телеграмм. Из переписки ясно, что в первые годы войны родственники часто снабжали военнотружущих (по их просьбам) бумагой и конвертами, вкладывая их в собственные письма. На заключительном этапе войны ситуация изменилась, и уже

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 16–17.

² Герои терпения... С. 178.

³ Там же. С. 115.

⁴ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 122.

⁵ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 7.

⁶ Письма из войны. С. 13.

военнослужащие пересылали из-за границы домой необходимые для написания писем канцелярские принадлежности.

Безусловно, личные письма участников Великой Отечественной войны, адресованные родным и близким, предоставляют наиболее широкие возможности для изучения истории повседневности, семейных, гендерных отношений, практик социализации военного времени, образа жизни и стиля мышления различных возрастных и социальных групп. Хотя тематика частной переписки имеет серьезные отличия в зависимости от адресата, к которому обращено послание, в ней фигурирует ряд общих тем, касающихся организации быта и свободного времени, потребительских практик, прогнозов насчет перспектив войны и собственной в ней судьбы.

Так, обсуждение текущих бытовых вопросов и новостей из жизни родственников является весомым компонентом переписки с семьей, но этим она отнюдь не исчерпывается. В письмах к женам поднимаются вопросы взаимной любви и доверия в супружеских отношениях, проблемы воспитания детей. Им фронтовики жалуются на одиночество *«среди людей»*,веряют планы на послевоенное будущее (переезд, смена места работы). В переписке с женами довольно часто обсуждается тема возросшей самостоятельности женщин, их права на независимые, порой судьбоносные для жизни семьи решения. В то же время немало писем, где мужчины пытаются морально поддержать женщин, преодолеть их уныние; они обычно уповают на общее тяжелое положение, а иногда, собственно, в тех же целях описывают им жуткую реальность военного времени, свидетелями которой становились.

Свои отличия имеет переписка фронтовиков с родителями. Круг тем здесь уже, зато практически отсутствуют выяснения отношений по поводу нерегулярности писем, крайне острые в случае с женами или подругами (для несемейных мужчин). Глубокое уважение, искренняя привязанность и стремление проявить заботу о своих *«стариках»* – вот основные мотивы такой переписки. Именно матерям мужчины, особенно молодые, чаще всего признаются в депрессивных настроениях и даже в страхе. Переписка же с детьми, в зависимости от их возраста, строится на наставлениях или советах. В письмах, предназначенных для маленьких детей, встречаются рисунки, сказки или стихи собственного сочинения.

Глубокая заинтересованность в переписке с друзьями (многие фронтовики постоянно находились в поиске их адресов) объясняется специфическими особенностями самого дружеского общения. В таких письмах, случалось, поднимались нетипичные для семейного общения темы, обсуждались этические дилеммы, нравственный выбор, нюансы отношений с товарищами по службе. К другу можно было обратиться с деликатной просьбой, например, помочь в налаживании письменного контакта с общей знакомой.

Впрочем, были и другие (кроме адресата) факторы, определявшие выбор тем. Важное место в этом смысле принадлежит обстоятельствам времени. Так, на завершающем этапе войны в письмах с фронта в изобилии представлены рассказы об увиденном за рубежом, отсутствии проблем с питанием, отношениях с теперь уже поверженным противником, с мирным населением Германии. Также фигурирует тема *«посылок»* домой и конкретика их наполнения. Все перечисленные темы преподносятся неоднозначно, противоречиво. Хотя актуализируется проблематика близости мира, возвращения к нормальной жизни, многие письма последнего периода войны передают ощущения усталости, одиночества и преждевременно наступившей старости.

Подводя итог, следует отметить, что наибольшую ценность, безусловно, имеют цельные комплекты писем, а также их комплексы (письма разным адресатам, исходящие от одного человека, либо письма от разных корреспондентов к одному адресату). Учитывая, что письма на фронт (по большей части «женские» письма) в основном утрачены, актуален вопрос о воссоздании ответных реакций, важных содержательных моментов этих писем, исходя из косвенных сведений, содержащихся в письмах с фронта. Таким образом, на первый план при работе с частной перепиской военного времени выходят сюжеты интерпретационного характера.

«Наша переписка и база ее не имеет себе ничего равного...» – заметил в одном из писем жене фронтовик А.З. Раскин¹. Эта мысль, в различных формах выраженная на страницах писем многих участников Великой Отечественной войны, с очевидностью указывает на огромную роль данной формы коммуникации в жизни этих людей. Однако ясно и другое – к настоящему времени потенциал эпистолярных документов периода Великой Отечественной войны использован для воссоздания фронтовой и тыловой повседневности в крайне незначительной степени. Таким образом, не оправдались ожидания казанского журналиста Б.Д. Орешникова, который в 1974 г. при передаче в архив своей уникальной коллекции писем с фронта писал: *«Чем дальше уходит в прошлое суровая пора Великой Отечественной войны, тем ценнее становится каждое письмо ее участника – живого свидетеля тех лет. Пройдет еще несколько десятилетий, а может быть и меньше, историки, исследователи будут разыскивать эти письма, читать, изучать их, писать свои книги. Будут издаваться сборники этих писем»*².

Сборники, действительно, издаются, чаще всего, к празднованию очередного юбилея Победы. Однако их содержательное наполнение далеко не всегда соответствует запросам современных исследователей. Да и сами исследовательские интересы в отношении писем военных лет прогрессируют достаточно медленно. Поэтому сохраняет свою актуальность, с одной стороны, задача формирования как можно более полного представлений о тех массивах писем, которые рассеяны по разным архивам, фондам, коллекциям. С другой стороны, все более ощутима потребность в серьезной «ревизии» такого источника, как письма военных лет, самих методов их анализа, постановке перед ними новых вопросов, в том числе в контексте развития такого направления, как история советской повседневности.

* * *

Пространство повседневной жизни советского человека оказывается весьма далеким от того привычно будничного и размеренного ритма жизни, который неминуемо вытекает из его «академического» представления. Комментарии к общеизвестному, создаваемые разными по своему социальному статусу и полученному образованию свидетелями и очевидцами времени, показывают все несовершенство и косность попыток ее концептуализации. Возможно, повседневная жизнь и есть тот горизонт «всеобъемлющей правдивости», к которому всегда стремилось знание об обществе, пытаясь разглядеть в его очевидных и банальных проявлениях сущность человеческого бытия. И нам остается только бережно собирать его проявления

¹ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 247.

² НА РТ. Ф. Р-2157. Оп. 8. Д. 2. Л. 5.

и внимательно вслушиваться в обертоны повседневных практик далеких от нас эпох, с присущим только им накалом страстей и тихой заводью заурядного семейного счастья. Однако такое положение дел едва ли способно удовлетворить современную исследовательскую экспансию с ее неукротимой жаждой к рационализации окружающей нас действительности, постижению ее самых, казалось бы, потаенных мест. В этом отношении повседневный мир советского человека остается той исследовательской лабораторией, которая, по честолюбивому замыслу П. Штомпки, «приближит нас к разрешению извечных социологических»¹, да и иных загадок устройства и существования человеческого общества. А его многоликие проявления позволят наконец-то разглядеть в пережитом времени не столько «великую трагедию», сколько испытание вышедшей за свои привычные рамки обыденностью.

¹ Штомпка П. Указ. соч. С. 12.

ГЛАВА 2

МОРФОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ПОВСЕДНЕВЬЯ: ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ И ГРАНИЦЫ

Повседневная жизнь любого человека протекает в рамках определенного исторического пространства. Сама эпоха задает собственные параметры, в пределах которых формируется все многообразие жизненных траекторий людей как субъектов исторического процесса. Поэтому представляются достаточно важными задачи локализации и структурирования советского повседневья, выявления его пространственно-временных границ, а также их восприятия советским человеком.

Необходимо отметить, что пространство и время являются предметом изучения различных естественных и гуманитарных наук – математики и философии, физики и психологии, в каждой из которых данные категории наполняются различным содержанием. Широко используются они и в исторической науке, традиционно описывающей события прошлого в их последовательном развитии и в конкретно-исторической обусловленности, т. е. в определенном времени и пространстве.

В самом общем смысле под пространством понимается определенная территория или среда, в которой разворачиваются события. Она имеет свои границы, свою структуру и другие специфические признаки, отличающие ее от других подобных территорий. Главным признаком, выражающим саму сущность пространства, является протяженность – способность предметов и явлений сосуществовать одно подле другого. Время определяется как последовательность происходящих событий. Его главным признаком выступает длительность как способность одного существовать после другого. В классической науке пространство и время рассматриваются как универсальные и абсолютные формы человеческого бытия, существующие объективно, независимо от воли и сознания человечества. Однако в XX в. возникли представления о многомерности и относительности пространства и времени, их зависимости от восприятия человеком.

Под восприятием в психологии понимается отражение в сознании человека предметов или явлений в форме целостных образов при их непосредственном воздействии на органы чувств. Восприятие носит осмысленный характер, а его результаты представляют собой синтез эмоциональной, познавательной и практической деятельности. Являясь членом определенного общества, человек переживает и осознает пространство и время в особых культурно-исторических знаках и символах. Поэтому в разных культурах возникали различные представления о времени и пространстве.

Социальная, культурная и историческая детерминированность времени и пространства вызывает значительный интерес в современной гуманитарной науке. Постепенно и историки обращаются к особенностям восприятия и освоения времени и пространства в различные периоды истории, поскольку оно выступает основой для определения человеком своего места в мире. Без изучения представлений о пространстве и времени невозможно понять особенности мировоззрения людей той или иной эпохи, раскрыть внутренние механизмы, регулировавшие их поведение.

В данной связи достаточно показательны восприятие и освоение пространства и времени советским человеком. В советское время сформировался особый мир человеческих взаимоотношений и представлений с соответствующими нормами и ценностями, церемониями, ритуалами и символами, с придаваемыми им специфическими значениями, сложилась система пространственной и временной ориентации советского человека, его восприятия последовательности и протяженности происходивших событий.

2.1. Пространство советского человека и особенности его восприятия

Восприятие пространства человеком – это совокупность его представлений о пространственных свойствах явлений и предметов, их пространственных отношениях и расположении относительно друг друга и самого воспринимающего субъекта. Они выступают необходимой основой как для физического, так и для социального освоения пространства. Второе выражается в различных формах и способах его обустройства и организации, позволяющих человеку адаптироваться к природной и социальной среде. Обращение к восприятию и освоению пространства советскими гражданами предполагает анализ осознаваемых ими видов пространства, их свойств и соотношения, практик организации и преодоления пространства как способов его «подчинения», а также выяснение той роли, которую играли описания пространства в письмах и воспоминаниях. Структурирование пространства позволяет выделять помимо природной или географической среды макро- и микросоциальное (локальное), политическое/государственное, духовное/религиозное, коммуникативное/речевое и другие виды пространств.

* * *

Восприятие и освоение пространства в 1920–1930-е гг. При внимательном изучении эпистолярного наследия людей 1920–1930-х гг. выясняется, что их «пространственная» жизнь была не столь широка, как об этом поется в известной советской песне. Необъятность родных просторов для подавляющего большинства по преимуществу крестьянского населения сводилась к неустроенности быта затерявшихся в глуши деревень, чье местоположение на карте определялось расстоянием от ближайшего районного центра или железнодорожного полотна. В одном из типичных для того времени писем с характерным названием *«Отчего в нашей деревне темнота вывелась?»* автор, предваряя суть излагаемой проблемы, очерчивает географию своей деревушки: *«далеко-далеко от сердца республики Москвы затерялась в густых лесах [и] оврагах наша заброшенная бедная деревня Самылово Мантуровской волости. Работники из волости и деревни редко заглядывали в нее, но крестьяне на это не обижались: “Чего мы их не слышали! Живем, как отцы и деды наши жили, – да и ладно!” И верно, наша деревня Самылово была самой несознательной и отсталой деревнюшкой. Жизнь в деревне была все по старинке. Не было в ней ничего нового, хорошего, светлого»*¹.

¹ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997. С. 143.

Несмотря на то, что речь велась о Костромской губернии, находившейся от Москвы на расстоянии чуть более 300 км, пространство, их отделяющее, виделось огромной пропастью, границей между светлой новой жизнью и темнотой, унаследованной от старого порядка. Представления о том, что свет глубоких перемен к лучшему исходит из города, масштаб которого не имеет принципиального значения, весьма характерны для народного сознания того времени. При этом город ассоциируется с другой, неизвестной крестьянину жизнью – «железными брянскими плужками» и «читалками, что горизонты сознания выводят за пределы прежней убогости», сознательностью и грамотностью¹.

При этом многие горожане имели за плечами крестьянское прошлое и не понаслышке представляли себе невзгоды и трудности сельской жизни. Поднятые с насиженных мест революционными потрясениями начала прошлого века, они оседали в городах, сохраняя память о родных местах. В своем письме к И.В. Сталину 15-летний пионер И. Тарлинский, излагая географические мытарства своей семьи, с гордостью писал, что он сын трудового народа, чьи родственники жили в деревне: «Мой дед, у которого я живу в настоящее время, был крестьянином Иркутской губ. В.-Удинского уезда села Петровского, но вот раз после неурожайного года он с семьей, и в том числе и с моим отцом, выехал на ст. Хилок и открыл лавку. Все шло спокойно до 1905 г... наступила реакция, в Хилок приехал ген. Рененкамф с карательной экспедицией, дедушка был арестован и находился в течение некоторого времени под угрозой расстрела, но, благодаря ошибке ген. Рененкамфа, отделался отсидкой в Алексеевском рavelине, пока не улеглась вспышка реакции и все карательные отряды покинули Сибирь... Отец мой во время ареста деда бежал и скрывался в бурятских улусах, а впоследствии был выслан в Верхне-Удинск под негласный надзор полиции как неблагонадежный элемент. Во время революции 1917 г. отец с семьей, и в том числе со мной, жил в Троицкославске... а, когда Верхне-Удинск заняли Красные войска, приехал сюда»².

За сравнительно небольшой промежуток времени семья поменяла несколько населенных пунктов, став типичным для того времени «перекати-полем», утрачивавшим родные корни и неизбежно вспоминаяшим о них в трудные периоды своей жизни³. Автор письма обращается к ним в тот момент, тогда ему необходима рекомендация для вступления в комсомол. Деревенское прошлое его семьи в данном случае уже не рассматривается пространством темноты и невежества, а выступает в своей другой ипостаси – места, заслуживающего доверия и не зря прожитой жизни. Таким образом, по мере продвижения строительства нового общества топос деревни, вернее, принадлежность к определенной части ее населения, обретает качество социальной благонадежности.

Для конструирования топоса рассматриваемого времени примечательно его увязывание с конкретной местностью, имевшей точные административные координаты, и встраивание в более широкое пространство. Точность атрибутирования местоположения адресата с указанием названия населенного пункта, его уездной и волостной принадлежности, а зачастую и протяженности, становится визитной карточкой многочисленной корреспонденции 1920–1930-х гг. Даже описывая какие-

¹ Голос народа. С. 143.

² Там же. С. 152–153.

³ Подробнее о концепте «перекати-поле» см.: Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001.

либо происшествия, респонденты старались подчеркнуть взаимосвязь с вызвавшим их к жизни местом. В небольшой заметке 1925 г., рассказывавшей о групповом изнасиловании в деревне Зайцево Киебаковской волости Барского кантона Башкирской республики, селькор пишет, что произошло оно в неказистой сборной избе, предназначенной для проведения культурных мероприятий: *«Никольско-игровский комсомол просветительских работ никаких не проводит, кроме нескольких жалких спектаклей, которые ставит в сборной избе починка Никольского, которая имеет обширность 28 квадратных аршин»*¹.

Размеры избы сопоставляются с крайне неудовлетворительной деятельностью деревенского комсомола, по чьей халатности пространство обыденной жизни заполняется не *«произведениями высокого искусства»*, а распущенностью и хулиганством. В данной связи весьма показательно позиционирование избы как культурного центра, призванного приобщить крестьянство к настоящей и светлой жизни. Именно таким центром являлась самыловская изба-читальня, где *«слушались доклады, велись беседы и читались всякие газеты»*².

Вместе с тем пространство воспринималось не только как граница между старым и новым, но и как маркер социальной дистанции. В одном из писем, адресованных «Крестьянской газете» и датированных 1926 г., респондент из деревни Лезно Чудовской волости Новгородской губернии рассказывал о беспорядках в детских яслях. Его источником называлась заведующая Елисеева – *«бывшая учительница (снята проверкою со школьных работников), воспитанница какого-то генерала, говорит, что она назначена Новгородом и вовсе не обязана отчитываться перед деревенскими бабами и, “наконец, я им не подруга, чтоб они называли меня на “ты”, и не для того же я училась, чтоб всякая грязная баба стала мне указывать свои порядки”, а когда ей посоветовали держаться поближе к крестьянке, то ответила, что для этого она знает “известные границы”»*³.

Граница между «своими» и «чужими» пролегалла не только по признаку происхождения и полученного образования, но по возможности *«пользования всякого рода благами»*. Речь, прежде всего, велась о возможности *«пожить в барских особняках»*, которые в большом количестве передавались под санатории или жилье. Наличие отдельной квартиры, символизировавшей пространство частной жизни, на фоне острого жилищного кризиса воспринималось отметиной старой жизни. Анонимный автор в своем письме В.И. Ленину, датированном 1921 г., в данной связи возмущенно писал: *«...во всех крупных промышленных городах Советской России наблюдаются такие явления, которые совсем не говорят о существовании диктатуры пролетариата. Я хочу указать на самые оскорбительные из них. В городе (в данном случае Казани, но это бывает, как я указал, во всех крупных городах) живут много из бывших крупных фабрикантов и буржуев, входя в квартиры которых, думается, что настало опять “старое доброе время”. Эти господа и не знают, что идет гражданская война, что власть находится в руках рабочих. Они, как прежде, живут в роскошных, обширных и теплых квартирах с роскошной мебелью, в кухне, где можно встретить жирного повара с белым колпаком, который варит или жарит, массу разной прислуги, опять звучат эти слова “барин”, “барыня”, а летом они, как прежде, едут “отдыхать”*

¹ Никольское происшествие // Голос народа... С. 154–155.

² Голос народа... С. 143.

³ В «Крестьянскую газету» // Голос народа... С. 167.

на дачи. И это в то время, когда у нас диктатура пролетариата, а рабочие почти голодают и холодают, и по-прежнему живут в тесных, сырых конурах. Когда я это вижу, мне просто становится стыдно за пролетарскую революцию... Почему рабочих не переводят в буржуазные квартиры, а буржуев – в рабочие подвалы?»¹

Подобные письма свидетельствовали о начавшейся инвентаризации пространства и его инверсии: новая жизнь теперь ассоциировалась со старой благоустроенностью, которая нередко виделась «раем на земле». Именно так воспринял свое «курортное путешествие» В.К. Куликов, уроженец глухой сибирской деревни Николаевской Устьянского района Каннского округа Елисейской губернии, проведенный на курорте Усолье полтора месяца: «Я не знаю, по какому счастью мне, грешному бедняку, пришлось попасть в рай... Когда я был в восхищении представлен к воротам этого рая, грязный, оборванный, грешный, от сохи крестьянин, то мне представилась следующая картина: ко мне откуда-то явился Ангел в чистой белой одежде и повел меня по мытарствам, которые мне неминуемо было пройти как грешнику бедноты. И вот первое мытарство: с моей головы остригли начисто волосы и потом обобрывали мне бороду, и я во всем подчинялся. После этого другой Ангел повел меня в теплое и светлое помещение, где мне было дано мыло и какое-то мягкое вещество, и мне было сказано чисто умыться под фонтаном чистой теплой воды... Пройдя это мытарство, передо мною явилась чистая, белая и красивая Ангельшиа, которая повелела мне следовать за ней... Она привела меня в чистое и светлое помещение, где мне было уготовано место покоя»².

Дальнейшие «мытарства» крестьянина привели его в уютную и чистую столовую, где подавалась исключительно «райская» пища. Однако по скромности и незнанию ему удалось отведать лишь русского борща, наименование остальных блюд, значившихся в карте, он попросту не знал. Огорчало крестьянина только одно – конечность земного рая, который заканчивался возвращением в «свой местный деревенский ад, где мне опять должны представиться ветхая изба, а в ней малолетние ребятишки в изорванных и грязных рубашонках. И мне потом опять этот рай будет представляться как будто во сне»³.

Новым в пространственном восприятии мира становилась чистота занимаемого человеком помещения, которая отграничивала его от грязи старого мира. Чистота оказывалась непременным атрибутом перерождения, освобождения от пут прошлого и гарантом его неповторимости. Недаром самые отрадные воспоминания современников того времени были связаны с посещением бани или «душевой на заводе».

Наиболее распространенным способом овладения пространством новой жизни стали широкие кампании по переименованию улиц, городов и наречение детей именами великих революционеров и памятных событий. Следует отметить, что в 1920-е гг. в пространственном ландшафте российского города еще не происходит сколько-нибудь существенных изменений, которые отличали бы его от дореволюционного состояния.

Так, согласно программе «Описания санитарного состояния городов Российской империи», подготовленной Министерством внутренних дел и разосланной в качестве «ведомственного циркуляра» органам общественного управления, пространство,

¹ Письмо анонимного автора В.И. Ленину // Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 217.

² О рае // Голос народа... С. 167–168.

³ Там же. С. 169.

занимаемое городской Майкопской равниной, на 1 января 1895 г. составляло около 8 кв. верст¹. В городе насчитывалась 51 улица, из которых только 1 была замощена полностью, 2 – наполовину, а остальные нуждались в скорейшем благоустройстве; 5 площадей, покрытых массивным булыжником, и 1 общественный сад. Разделенный на две части, город располагал торговыми банями и скотобойней, чье наличие вызывало особую санитарную обеспокоенность властей, а также водосточными ямами и очищался от «грязи и мусора самими домовладельцами»².

Послереволюционный облик города значительных изменений не претерпел. Как свидетельствовал доклад Майкопского городского совета, подготовленный в 1923 г. по основным вопросам благоустройства, «в этом отношении Майкоп оставляет желать лучшего даже в дореволюционное время. В период же империалистической и особенно гражданской войны городское хозяйство замерло и при полной бесхозяйственности... все подверглось разрушению». Одним из насущных вопросов благоустройства по-прежнему оставалось мощение улиц. В городе при общей длине всех улиц около 60 верст замощено всего лишь около 4 верст, т. е. около 6–7 %³.

В ознаменование 15-й годовщины Октябрьской революции улицы и районы города приобрели соответствующие наименования. Так, Покровский район города стал Красногвардейским, улица Тульская была переименована в Красногвардейскую, Базарная – в Партизанскую, улица Клубная получила имя Т. Швеца (первого военного комиссара Майкопа), Погорелая – Т. Костикова (бывшего комиссара станицы Курджипской), Константиновская – Могилина (командира красногвардейских частей), Ханская – Саватеева (бывшего заслуженного революционного работника), Подгорная – Чуйкова, Полевая – Жукова, Курганная – Никитенко (командира 4-го Майкопского батальона)⁴.

Широкое распространение в эти годы получили «красные крестины» – обряд вписывания новорожденного в несколько пространственных локусов. Так, крещение ребенка члена Кременчугского райкома Союза деревообделочников приобщало его посредством наречения именем «славного вождя т. Ленина (НИНЕЛ)» к делу революции. В данной связи председатель собрания дал торжественную клятву «воспитать ребенка в коммунистическом духе» и выразил надежду, что «новый член общества будет с гордостью носить имя нашего великого учителя»⁵. Затем ребенка зачислили кандидатом в члены Всероссийского союза деревообделочников, группу юных спартаковцев и ряды Коммунистического союза молодежи. Последним эстафету принял представитель РКП, отметивший, что, «пройдя вышеуказанные школы коммунизма, последняя должна будет вступить в боевые ряды РКП, каковая, закаляя ее в революционной борьбе за наши заветные идеалы, создаст из нее истинную защитницу интересов рабочего класса»⁶.

Завершился обряд посвящения зачислением новорожденной в отряд борцов за мировую революцию: «Ты родилась в момент ожесточенной классовой борьбы во всем мире и когда рабочие Германии окружены врагами и предателями, хотят дать решительный бой буржуазии, по примеру русских рабочих они готовятся взять власть в свои руки. Вместе с рабочими Германии будет бороться и весь мировой пролетари-

¹ ГУ НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

² Там же. Д. 28. Л. 3об.

³ Там же. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

⁴ Там же. Д. 9. Л. 28.

⁵ Голос народа... С. 170.

⁶ Там же. С. 171.

ат. И до тех пор, пока капитализм из всех уголков земного шара, нас ждут лишения, труды и жертвы. Мы не отступим перед ними, через все препятствия мы прорвемся к победе. Уже занялась заря новой жизни над измученной землей. Пусть горит яркое солнце коммунизма. В твоём лице мы приветствуем светлое будущее, ради которого мы готовы пойти на всякие жертвы. Мы даем тебе имя...»¹

Вместе с тем по мере уплотнения пространства и его освоения на фоне начавшихся форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства центрами притяжения населения все чаще становились города. Начавшиеся с конца 1920-х гг. и достигшие своего пика во второй половине 1930-х гг. перебои со снабжением продуктами питания превращали город в сосредоточение нескольких пространств сразу – городской округи и деревни, население которых видело в нем порой единственную возможность «разжиться хлебом». В письме М.И. Калинин, датированном 1937 г., рабочий В. Третьяков из г. Новозыбкова Западной области сообщал о той «ненормальной ситуации, что сложилась здесь в смысле продовольствия».

Наличие в городе нескольких закрытых распределителей и принятое правительством решение о получении хлеба в порядке живой очереди привели к его полному исчезновению: «У нас хлеб выпекают по норме населения города, а того не учтут, что близлежащие села и деревни 65 % хлеба забирают, и, придя из деревни, ночуют около магазинов. На почве этого происходят вражда и скандалы, а не смычка города и деревни, и они не виноваты. На село до I/I – 37 г[ода] возили хлеб, а с I/I это прекратили, и они хлынули в город. Даже, мало этого, есть такие районы, как Климовский, Новоропский, Семеновский, расстояние от Новозыбкова 25–60 километров, и те приезжают в Новозыбков за хлебом»².

Автор письма просил высшую государственную власть в лице всесоюзного старосты М.И. Калинина «выслать беспристрастного, надежного товарища». При этом он подчеркивал, что Новозыбков «не какая-то там глухомань», через него идет поезд из Москвы. В самом городе «пусть он возьмет извозчика и скажет ему, чтобы он его повозил по всем хлебным магазинам»³.

Основными средствами преодоления пространства в рассматриваемый период времени оставались железная дорога и извозчики. В отличие от телефона, который воспринимался по преимуществу способом межличностной коммуникации, и автомобиля, являвшегося дефицитным и дорогостоящим товаром, они являлись наиболее доступными и надежными средствами передвижения для населения. Недаром во многих жалобах граждане для искоренения «безобразий на местах и наведения порядка» требовали личного приезда представителей вышестоящей власти, а не их телефонного звонка.

Так, в заявлении членов и кандидатов партии Макеевских государственных рудников им. Томского, направленном на имя В.М. Молотова в 1928 г. с просьбой урезонить «распоясавшееся руководство», отмечалось, что телефон используется им для личных оскорблений, а автомобиль – для увеселительных поездок: «Вся эта компания принялась усердно пить и ездить на охоту за зайцами... мы подали заявление в К[онтрольную] К[омиссию], которая как будто бы начала следствие, но прошло уже три месяца и дело застыло. А проделки начали учащаться, причем это

¹ Голос народа... С. 131.

² Письмо рабочего В. Третьякова М.И. Калинин // Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 2002. С. 343.

³ Там же.

делалось даже с целью, чтобы показать, что мы, дескать, Вас не боимся и то, что Вы пишете, на нас не действует, что неоднократно высказывал мне по телефону сам управляющий Есин во время вызова лошадей или машины с конного двора, для развозки гулящих, говоря мне по телефону: «Пеший, подай мне на квартиру лошадей или машину и запиши себе в блокнот, что я сегодня еду на охоту или пьянствовать, а я все-таки потом за все твои записи посчитаюсь»¹.

Пространство новой жизни, границы которой полностью зависели от грядущей мировой пролетарской революции, вмещало в себя различные по масштабу и протяженности топоры: от глухих деревушек, затерявшихся в сибирской глуши, до крупных промышленных центров. Плотность их заселенности и пригодность для жизни определялись различного рода обстоятельствами – от соображений личной безопасности до текущих социально-экономических потребностей развития советского государства. Неоднородность и прерывистость советского пространства образца 1920–1930-х гг. преодолевались при помощи различных средств передвижения, наиболее распространенными среди которых являлись железная дорога и гужевой транспорт. Пространство все чаще выполняло функции социального маркера, отграничившего новую жизнь от неприглядного прошлого. При этом ландшафт городского пространства свидетельствовал о том, что непроходимых границ между ними пока еще не сложилось.

* * *

Пространство участников Великой Отечественной войны: специфика восприятия. Многие советские граждане до начала Великой Отечественной войны редко выбирались за пределы родного села или города, ограничивавших их реальное жизненное пространство. Однако, хотя агрессии подверглись, в первую очередь, западные регионы страны, на защиту Родины должны были встать жители всего Советского Союза. Пространство страны осознавалось не просто как территория на политической или физической карте, а как ценность, ради которой советские граждане были готовы пожертвовать жизнью, независимо от того, угрожал противник местам их собственного проживания или нет. Немало фронтовиков тревожило то, что враг уже дошел до «родного Дона» и «красавицы нашей Волги», устремился на «гордый Кавказ», даже если они были выходцами из других мест. «Да, это же Украина, но это наша Русская земля, а за нее мы дрались и будем драться зло, неистово, со всей силой», – писал в одном из писем А.М. Шкудов².

Разумеется, существовали и сепаратистские, регионалистские и автономистские настроения, особенно среди представителей этносов и этносоциальных групп, подвергавшихся репрессиям в годы советской власти или присоединенных к СССР незадолго до начала войны. Тем не менее желание отстоять Родину и ненависть к врагу стали главными, хоть и не единственными причинами возникновения добровольческого движения в годы Великой Отечественной войны³. В то же время расставание с близкими, ставшим привычным и родным природным и социальным

¹ Заявление группы коммунистов хозяйственного отдела Макеевских рудников В.М. Молотову // Письма во власть. 1928–1939... С. 24.

² РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 291. Л. 3.

³ Боле Е.Н. Движение добровольцев в годы Великой Отечественной войны: мотивация вступления в Действующую армию тылового населения страны // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. С. 233–248 и др.

пространством, происходило непросто: «До последнего момента все представлялось в некотором приподнято-романтическом ореоле. А когда настало время оторваться от дома, от родителей, от родной земли, не зная, вернешься ли когда-нибудь сюда и увидишь ли вновь все то, что тебе дорого, стало страшиновато»¹.

Практически единственным коммуникативным каналом, позволявшим поддерживать связь с «малой родиной», оставались письма. «До начала войны я регулярно получал письма и отвечал на них. Какая была для меня радость, когда я, бывало, получу письмо от родителей или знакомых», – писал 23 октября 1941 г. П.А. Грищенко в редакцию «Комсомольской правды». Однако его родные остались на оккупированной территории, товарищей разбросала война, а сам он вместе со своей частью оказался в другом месте службы: «Связь порвалась. Вторым годом я не получаю ни одного письма, не знаю, где сейчас находятся мои родные, товарищи, знакомые, какова их судьба»². Нарушение коммуникации, нередкое в силу постоянной смены мест дислокации, приводило к настоящим страданиям: «Ужасная тоска, что я о вас ничего не знаю...»³

Семьи красноармейцев также терялись в догадках об их местонахождении. Причем, по мысли родителей военного переводчика А. Раскина, такое неведение переносилось тяжелее. «Если ты, – писали Зельда и Залман Раскины сыну, – достаточно можешь иметь представление о нашей жизни, мы сказать того же о нашем представлении о твоей жизни не можем. Ты хорошо знаешь дорожки и улочки [Космодемьянска], путь от нашего домика к институту – тому институту с его кабинетами, огород с грядками, колодец, откуда носят воду для полива огорода, – и ты можешь в деталях представить себе все наши перемещения за день. Мы же не знаем о тебе ничего: ни места, ни улицы, ни жилища, ни твоего образа жизни. Это, конечно, очень досадно»⁴.

Поскольку военная цензура строго отслеживала и вымарывала из писем информацию о месте пребывания военнослужащих, то они приобрели навыки ее вуалирования. Если речь шла, к примеру, о Курске, то могли напомнить родным про «знаменитого» соловья. А особенно часто прибегали к помощи песен. «Сейчас нахожусь недалеко от населенного пункта, который хорошо известен по гражданской войне, песню под его названием распевала наша Лилечка, когда была еще совсем маленькая», – «просвещал» жену в ноябре 1943 г. П.И. Копысицкий⁵. Е. Рождественский в марте 1944 г. намекал родным на свое местоположение строчкой из популярной военной песни «Давай закурим»: «Знаете песенку “Славную Каховку, город Николаев где-нибудь, когда-нибудь мы будем вспоминать”»⁶.

Порой фронтовые дороги приводили советских бойцов и командиров к родным местам. Но и тогда не всегда была возможность добраться до своего дома, увидеться с семьей и близкими, а порой и встречаться оказывалось просто не с кем. Огромную радость вызывала любая случайная встреча с родственниками, друзьями, да и просто земляками. Даты и обстоятельства таких счастливых встреч обязательно вносились

¹ Жукова Ю.К. Девушка со снайперской винтовкой. Воспоминания выпускницы Центральной женской школы снайперской подготовки. 1944–1945 гг. М., 2006. С. 64.

² Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003. С. 108.

³ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 82.

⁴ Там же. С. 249–250.

⁵ Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 144.

⁶ Булыгина Т.А. Указ. соч. С. 531.

фронтовиками в дневники, передавались в переписке. Важно, что с родственниками и земляками можно было поговорить на родном языке, вспомнить дорогие сердцу места, обменяться новостями: *«Мы с ним обнялись. Радости нашей не было конца. Ведь за многие годы службы в этой страшной войне я впервые встретился с братом»*¹. Особенную потребность в такого рода общении испытывали бойцы, призванные из национальных автономий. *«Дорогие мамаша и папаша, никого из наших краев со мной нет – все казахи, хохлы, я один лишь мордвин. Мне скучно, они говорят на своем языке, а я только поглядываю на них...»* – писал в родное село младший сержант Я.Т. Кемайкин. Уроженец Мордовии И.М. Кузнецов также сетовал на то, что из земляков только один *«ардатовский эрзя»*².

Свои особенности восприятия пространства существовали у представителей разных родов и видов войск. Например, с воздуха оно представлялось совершенно иначе, чем с земли, *«будто черные кляксы, плывут пятна лесов, видны поля, населенные пункты, очертания рек и дорог»*³. При этом описания картин природы в письмах всегда наделены социальным или психологическим смыслом, выступая фоном, на котором происходили боевые действия: *«Я сейчас нахожусь на фронте, передо мной небольшие возвышенности по направлению на запад и вдали виднеется небольшой хутор или аул – не знаю; я и должен со своим другом отнять его у фашистов и освободить от фашистской нечисти»*⁴.

Нередко пейзажи в письмах приобретали откровенно лирический характер, отражая эмоции, переживаемые фронтовиками. В. Баранов писал любимой девушке, ставшей впоследствии его женой: *«Дуся, совсем недалеко от меня расположен один поселок, который поразительно похож на наше село. Та же вышка, мост, река, берег. Однажды вечером, проходя по мосту, я остановился. Сразу вспомнил нашу встречу год назад. Яркие звезды отражались в бегущей речушке, мерцали, напоминали мне подробности нашей встречи»*. Подобные впечатления заставляли еще острее воспринимать горечь разлуки: *«Война безжалостно нарушила нашу жизнь. Душа наполнилась местью к поджигателям, и лишь в уголке сердца я храню свою любовь»*⁵.

Жесткий характер борьбы с противником во время Великой Отечественной войны придавал особое значение самой линии фронта, разделявшей «свое» и «чужое» пространства, между которыми пролегла узкая полоса «нейтральной» территории. Пересечь линию фронта, оказаться на оккупированной территории и выполнять боевые задачи в тылу врага считалось особенно тяжелой задачей. Поэтому разведчики, призванные постоянно совершать переходы через линию фронта, считались представителями одной из наиболее опасных воинских профессий, а для летчика огромный риск заключался в возможности быть сбитым на территории, занятой противником. Зная о тяжелой судьбе советских военнопленных, участники войны порой предпочитали погибнуть, но не сдать противнику.

Ненависть к врагу нередко усугублялась непониманием языка, на котором он говорил. Звучание чужой речи на советской территории разрушало единое комму-

¹ За нашу Советскую Родину! Воспоминания ветеранов – участников Великой Отечественной войны. Майкоп. 1995. С. 50.

² Письма из войны. С. 160, 213.

³ Голубева-Терес О.Т. Ночные рейды советских летчиц. Из летной книжки штурмана У-2, 1941–1945. М., 2009. С. 42.

⁴ Письма с фронта: 1941–1945. Сб. документов. Краснодар, 1983. С. 121.

⁵ Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»). С. 153.

никативное пространство и закрепляло господство «нового порядка» в вербальной сфере. Описывая свой выход из окружения, военный фельдшер Я.В. Симакин отметил: «Мне не забыть ночи 30 октября, когда мы через реку Нару услышали русскую речь наших пехотинцев, саперов»¹. Свойством родной речи вызывать доверчивость у ее носителей пользовались как немецкие, так и советские диверсанты.

Речевое противостояние военного времени отражало реальное отчуждение между представителями разных культур как носителями различных систем ценностей и идеалов. Так, по словам И.И. Левина, в личных бумагах каждого немецкого солдата и офицера вместе с фотографиями жены, детей или невесты непременно присутствовали «*аляповатые мещанские открыточки с целующимися голубками, кукольными парочками, кошечками и прочей мишурой. А порой и просто откровенно порнографические снимки*». В военных библиотеках, наряду с уставами, Библией, «Майн Кампф», брошюрами Геббельса, Риббентропа и другими пропагандистскими нацистскими материалами обязательно имелись «*фривольные журнальчики с обнаженными красотками на обложках*». Воспитанный в другой культурной среде и на иных идеалах, советский офицер, как и многие другие его сограждане, не понимал и не принимал подобного «убогого мира», сделав вывод о «*непостижимой бездуховности и пучине мещанства, засасывавшей миллионы бюргеров*»².

Локальное пространство для большинства участников войны было ограничено казармой, окопом, землянкой, блиндажом, танком, кабиной самолета, рубкой или каютой боевого корабля. Отсюда возникало свое определенное понимание мужества, героизма, а также безопасности, защищенности. «*Ратный труд не только тяжелый, но и кровавый труд. На море особенно. Не укроешься, не убежишь. Вся территория – палуба*», – вспоминал краснофлотец В.С. Бирюк³. Танкисты любовно называли свои машины «*лимузинами*» и «*коломбинами*», но помнили об опасности заживо в них сгореть.

Вот как описывает попавшая в Центральную женскую школу снайперской подготовки Ю.К. Жукова свое новое «*жилище, которое на военном языке называлось казармой. Впечатление безрадостное. В помещении размером с обычную классную комнату – два ряда двухъярусных нар, стоящих вплоты друг к другу, две вешалки для шинелей, две пирамиды для винтовок, два небольших квадратных стола, две тумбочки и никаких стульев. В таком помещении и разместился наш взвод, более 30 человек*»⁴. Эта казарма стала для нее и других девушек родным домом на целых восемь месяцев. При этом автор воспоминаний отмечает: «*На размещение и бытовое устройство в нашем новом доме много времени не потребовалось. Когда мы пришли в казарму, там уже все было готово для проживания, а своих личных вещей мы теперь не имели*»⁵. Решительному разрыву с прошлой жизнью способствовали переодевание в военную форму и стрижка, подчинение новобранцев непривычным для них требованиям армейской и флотской жизни, вследствие чего девушки превращались в похожих друг на друга солдат.

На фронте большинству участников Великой Отечественной войны приходилось самостоятельно решать задачи по обустройству места своего нахождения. От красно-

¹ Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 103.

² Левин И.И. Записки военного переводчика. 2-е изд. М., 1986. С. 70, 248.

³ Я это видел... Новые письма о войне. М., 2005. С. 82.

⁴ Жукова Ю.К. Указ. соч. С. 69.

⁵ Там же. С. 71.

армейца на передовой требовалось выкопать окоп, соединить его траншеей с общей линией обороны, замаскировать свою позицию. Артиллеристы в первую очередь готовили позиции для орудий, места для хранения снарядов и только затем рыли окопы для себя, траншеи и пути сообщения. Нередко окапываться приходилось по ночам, чтобы не видел противник, а смена позиций могла происходить каждые сутки, а то и чаще. От того, насколько быстро и умело бойцы оборудовали позиции, порой прямо зависела их судьба в бою. Поэтому у значительной части солдат мозоли на руках были кровавыми от лопат.

Приоритетными на фронте для рядового и младшего командного состава были задачи выживания, а не удобства. По словам артиллериста П.В. Синюгина: *«Чтобы выжить, нам землянка не нужна была. Землянка – это уже обширное помещение, два на два метра. Нам же хватало узенького ровика. Снаряд упадет, тебе ничего не делает, осколки вверх полетят. Да еще в этом ровике делали подкоп, как мы называли, “лисью нору”. Там один сидит, дежурит, остальные отдыхают, если боя нет»*¹.

Большинству красноармейцев во время войны жить приходилось в окопах, траншеях, а то и просто в лесу. Например, лейтенант Михин в своих воспоминаниях пишет, что солдаты его части жили в окопах, на дне которых были ветки, а сверху натягивали плащ-палатку на случай дождя². Санинструктор 308-й стрелковой дивизии А. Добросмыслова жила с подругами в землянке на 11 чел. Сами ее обустроили – сделали стол и стулья из снарядных ящиков, вставили окно, настелили пол, поставили печку³. Танкист 92-го инженерно-танкового полка В.А. Москаленко жил в яме под танком, когда часть базировалась на одном месте. Когда же полк был в движении, то он с товарищами располагался прямо в танке: спал на снарядной боеукладке, подложив под голову вещмешок и постелив под себя шинель⁴.

Несколько лучшим было положение у командира взвода, роты или батареи («Ваньки-ротного»), которому бойцы совместными усилиями выкапывали землянку. В наиболее привилегированной ситуации находился средний и старший начальствующий состав, его фронтовая жизнь протекала в хорошо оборудованных землянках и блиндажах с деревянными перекрытиями и специальными спальными местами, столами и стульями для штабной работы. В холодную погоду командные пункты и места отдыха командно-начальствующего состава оборудовались печкой-«буржуйкой» и светильниками из снарядных гильз. Замкнутость и иерархичность социального пространства на войне еще более возросла по сравнению с мирным временем.

Дневать и ночевать на открытом воздухе приходилось в любое время года, в том числе и зимой. От холода страдали не только люди, но и лошади. 1 февраля 1942 г. командование 35-й кавалерийской дивизии просило перевести ее в другой район, *«удобный для размещения конницы, так как конский состав, стоя на дворе, мерзнет и не может получить отдыха, в котором сильно нуждается»*⁵.

Однако неприхотливость советского солдата в быту помогала стоически переносить все трудности военного времени. И до войны уровень жизни значительной

¹ Воспоминания П.В. Синюгина, 1924 г.р., записаны Е.Ф. Кринко в г. Майкопе 19 ноября 2001 г.

² Это было на Ржевско-Вяземском плацдарме. Ржев, 1998. Кн. 1. С. 22.

³ «Я пишу последнее, быть может...»: Письма с фронта. Омск, 1994. С. 97–98.

⁴ Ракова А.П., Шанев А.А. Фронтовой быт Советской армии в годы Великой Отечественной войны по воспоминаниям участников // Известия ОГИК музея. 2002. № 9.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 9. Л. 46.

части общества был не высок, а с ее началом он еще более снизился. Нормы питания советских бойцов и командиров в годы Великой Отечественной войны были даже выше, чем у мирных жителей в тылу. Стремясь успокоить родителей тем, что он находился в приемлемых условиях, ростовчанин С.М. Цветной писал: *«Живем мы в комнате. Наша комната очень похожа на нашу залу. Даже пожалуй по обстановке гораздо лучше»*¹.

Организация и обустройство жизненного пространства летчиков и моряков, танкистов и представителей других родов войск имели определенную специфику, в значительной степени определявшуюся особенностями использовавшейся военной техники. Например, на самолете У-2 было две открытых кабины, для летчика и штурмана: *«Они очень тесны, эти кабинки, состоящие из зеленых матерчатых стен, натянутых на деревянные палки. Перед глазами вмонтирована небольшая доска с закрепленными на ней приборами. Чуть сверху, над ними, впереди – туманно-желтый козырек из плексигласа. Перед коленями торчит ручка управления»*². Более удобными были кабины бомбардировщиков и истребителей, поступавших на вооружение уже в ходе Великой Отечественной войны. Однако по степени комфорта практически вся советская техника существенно уступала немецкой.

Выполнение боевых задач было тесно связано с успешной адаптацией к новому социальному пространству, во многом зависевшей от установления нормальных взаимоотношений с товарищами и соседями, начальством и подчиненными: *«Наш орудейный расчет состоял из пяти человек. Командир, наводчик, замковый, подносчик и ездовой. Мы – в одном окопе, без войскового товарищества тут никак не обойтись, что бы ты ни делал. Взаимозаменяемость и взаимоуважение было»*³. Фронтное товарищество позволяло надеяться на то, что всегда есть друг, который не выдаст, поддержит огнем, поделится последней затыжкой и куском хлеба. Потеря боевых друзей была невосполнимой утратой, поэтому фронтовики после ранений стремились попасть в свои прежние части, ставшие для них родными коллективами.

В ходе войны фронт превратился в отдельный социальный «мир», обособленный от тыловой и оккупированной территории страны. Однако само понятие фронта, как подчеркивают в своих воспоминаниях многие участники войны, также не было единым для всех, оказалось «растяжимым». Характеризуя тех, *«кто воевал по-настоящему, на переднем крае, а не в штабах и в прифронтовой дали»*, писатель-фронтовик В. Кондратьев писал: *«Для окопника глубоким тылом считалось все, что находилось дальше медсанбата, а там жизнь текла совсем другая»*⁴. Другой участник войны выделяет следующие группы фронтовиков на основе степени их близости к передовой: *«Мы соприкасались с немцами постоянно, у нас на передовой, у пехоты и артиллерии, один быт. Рядовые, командиры взводов, батарей, рот – это категория фронтовиков настоящих... Командир батальона, дивизиона – уже дальше. Это уже другая категория фронтовиков. У него и быт другой... Командир полка еще чуть-чуть дальше от фронта. Ну а штаб дивизии – за десять километров. Они там во весь рост ходят, начищенные...»*⁵

Восприятие пространства зависело от конкретных обстоятельств военного времени, в результате оно могло сжиматься и расширяться. Так, для попавшего под

¹ ГАРО. Ф. Р-4408. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

² Голубева-Терес О.Т. Указ. соч. С. 40.

³ Воспоминания П.В. Синюгина.

⁴ Кондратьев В. Не только о своем поколении // Коммунист. 1990. № 7. С. 117.

⁵ Воспоминания П.В. Синюгина.

бомбежку или артиллерийский обстрел человека, особенно в первый раз, его собственное тело и летящие бомбы казались чрезмерно большими, а места для спасения, напротив, слишком маленькими: *«Мины рвутся везде. Гром, треск, свист осколков, крики. От удушающего черного дыма тротила тошнит. Все мысли только об одном: как бы еще вдавиться в землю, хоть на сантиметр»*¹. Это состояние продолжалось и некоторое время спустя: *«Мне не верилось. Я продолжала вжиматься в землю, в тот целый кусок земли, что чудом уцелел от разрухи. Но минута, другая – по-прежнему тихо. Тело мало-помалу приобрело нормальные размеры, не казалось уже распухше-громоздким»*².

Практически невыносимую в нормальных условиях минимизацию личного пространства встречаем в описании размещения на ночлег лыжного батальона на пути его следования к линии фронта. *«Потом нас стали разводить. Три дома на батальон. В комнате, в которую попал я, набилось столько, что все стояли, тесно прижавшись друг к другу. Но не было ветра, и можно было не двигаться. Стали засыпать, сползая вниз. Заснул и я. Проснулся, потому что кто-то шел по мне – я очутился на полу, на ком-то, кто-то лежал на мне, – кто-то пробирался куда-то, ступая по телам»*³.

Перемещения в пространстве гигантских людских масс превратили фронтовые дороги в один из главных символов Великой Отечественной войны: *«Бесконечная дорога – тяжелая, солдатская, холодная дорога... Пустынная, теряющаяся без конца впереди, и едва бредущий с опущенной от нечеловеческой усталости головой, застывающий солдат; поднимешь голову: нет конца и не будет конца этого пути»*⁴. Нашло свое отражение в источниках и отступление первых лет войны, с постоянной угрозой окружения и плена, с господством в воздухе немецкой авиации, с нехваткой вооружения, боеприпасов и топлива. В наступлении были свои сложности: *«Танки впереди, мы пешком не успевали за ними по 60 км в сутки, на ходу спали, один спит, другой ведет, привал 30 мин. Дивизионный оркестр на маршах играл, подбирали ногу и все шли, шли»*⁵.

До и во время Великой Отечественной войны главными транспортными магистралями в СССР являлись железные дороги и речные системы. Бойцов и командиров Красной армии железнодорожными составами и речными судами перевозили в основном при отправке на фронт, передислокации частей, а также по пути домой, в отпуск или по демобилизации. В условиях громадного увеличения объема перевозок и сокращения передвижного состава вследствие боевых действий и бомбардировок основная масса как военнослужащих, так и гражданских лиц перемещалась не в пассажирских вагонах, а в теплушках, в которых до войны возили скот и грузы. Для перевозки людей в них устанавливали нары, а также печку-«буржуйку», не только обогревавшую вагон, но и позволявшую разогреть воду и пищу.

Нередко пребывание в пути существенно растягивалось. 20 февраля 1942 г. красноармеец А. Крылов писал домой: *«Мама, уже 12 суток я еду на защиту нашей*

¹ Соколов Б.Н. В плену. СПб., 2000. С. 14.

² Голубева-Терес О.Т. Указ. соч. С. 257–258.

³ Андреев Л.Г. Философия существования. Военные воспоминания. М., 2005. С. 137.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Хранилище документов новейшей истории Государственного учреждения «Национальный архив Республики Адыгея» (далее – ХДНИ ГУ НАРА). Ф. П-1123. Оп. 2. Д. 581. Л. 2.

прекрасной Родины. Проехал Арзамас, Муром, Александровскую станцию, Ярославль, Вологду и всего от Ленинграда 450 км, а от Москвы 550 км»¹. Получается, что средняя скорость движения состава составляла менее 100 км в сутки! Не всегда бойцам и даже командирам сообщался и конечный маршрут: «Даже вездесущая солдатская почта не смогла удовлетворить любопытства: куда едем? Известно было одно – на фронт!»²

Вторая мировая война в целом (и Великая Отечественная как ее важнейшая составная часть) нередко изображается как «война моторов». Действительно, судьбы сражений нередко определялись умелым использованием самолетов, танков и другой боевой техники. Впервые в мировой истории широкое применение получила и перевозка войска на автомобильном транспорте. В последние годы сложились представления о том, что противостоявшие советским войскам части вермахта были чуть ли не полностью механизированными и моторизованными. Обращение к документам позволяет считать подобные суждения явным преувеличением, возникшим, кстати говоря, не только в России, но и в Германии под влиянием нацистских пропагандистских кинороликов «последних новостей» с фронта, которые «пестрели вездесущими танками, самолетами (и мотоциклами!)»³.

Действительно, по штатному количеству автомобилей пехотная дивизия вермахта в начале войны превосходила советскую стрелковую дивизию почти в 4,5 раза, а танковая дивизия вермахта – соответствующую танковую дивизию РККА более чем в 1,5 раза⁴. После первых поражений, сопровождавшихся значительными потерями техники, это соотношение еще более ухудшилось для РККА. Ситуация стала меняться в противоположную сторону только уже после 1943 г. Тем не менее А. Людтке отмечает, что в своем большинстве и немецкие солдаты передвигались и сражались в пешем строю, а для транспортировки багажа, пищи и боеприпасов преимущественно привлекались лошади: «Даже артиллерия и подразделения инженерных войск вермахта в основном использовали лошадей для транспортировки и перемещения пушек, пулеметов и другого военного оборудования, независимо от того, было оно громоздким или нет»⁵.

В Красной армии в качестве основной тягловой силы также использовались лошади, на которых передвигалась не только кавалерия, но и значительная часть артиллерии, а также многочисленные тыловые и другие службы. Огромная убыль лошадей приводила к тому, что даже кавалерийские части пополнялись малопригодным конским составом, да и его не хватало. Резервы подготовленного конского состава оказались исчерпаны уже в первый год войны. Докладывая о состоянии только что сформированной 35-й кавалерийской дивизии 31 августа 1941 г., ее командование указывало, что 75 % конского состава «неуки», на 35–40 % – низкорослые⁶. В начале 1942 г. после тяжелых боев командир 35-й кавалерийской дивизии полковник Скляр и ее военком полковой комиссар Трубинов докладывали командиру отдель-

¹ Письма Великой Отечественной (из фондов ГЦ «ЦДНИТО»). С. 51.

² Мальцев М.Н. «Верблюжья дивизия» штурмует Берлин. Миллерово, 2007. С. 37.

³ Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 223.

⁴ Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне 1941/1942 гг., 1943 г. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2011. С. 43.

⁵ Людтке А. Указ. соч. С. 223.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 11. Л. 42.

ного кавалерийского корпуса генерал-майору Пархоменко о том, что во вверенном им соединении, насчитывавшем 1741 чел. и 1440 лошадей, около 400 рядовых, не имевших лошадей, пришлось свести в пешие эскадроны: *«Прибывшее незначительное пополнение конским составом оказалось весьма низкого качества (2–3 лет, не бывшие под седлом и в упряжке), к тому же истощенное. Лошади прибыли без седел и большую часть пришлось вести в заводу»*¹.

В своем дневнике писатель-фронтовик Ю. Нагибин оставил крайне выразительную запись о внешнем виде использовавшегося тяглового скота: *«Лошади на дорогах войны – не кавалерийские кони, а тягловые, грустные лошадки, самое печальное, что только можно вообразить. Шкура висит, словно непомерно большой чехол на кукольной мебели, черные, мутные глаза на длинных мордах с детской слезой, шаткий шаг»*². И тем не менее, попав из минометной роты в артиллерию, С.Г. Дробязко отмечал: *«Артиллеристам хорошо. Не то, что в стрелковых ротах, где каждый тащит все на себе. А мы несли только карабины. Скатки, вещмешки и каски умещались на передке»*³.

Помимо лошадей, в Красной армии использовались и другие тягловые животные. Например, во время битвы за Кавказ вооружение, боеприпасы и продукты перевозили по горным тропам на ишаках – как наиболее выносливом и пригодном для данных условий «виде» транспорта. Но наиболее «экзотической» выглядела 248-я стрелковая дивизия: при ее очередном переформировании не хватило лошадей, и в качестве тягловой силы были использованы двугорбые верблюды. Так и дошла «верблюжья» дивизия до самого Берлина⁴.

В механизированных войсках в годы Великой Отечественной войны наряду с «полуторками» (ГАЗ-АА) и «трехтонками» (ЗИС-5) отечественного производства широко использовались американские грузовики и тягачи – полученные по ленд-лизу «студебеккеры». За свои технические характеристики они в целом заслужили положительную оценку советских бойцов и командиров, вызывая порой чувство превосходства перед теми, кто шел в пешем строю: *«Не пыли, пехота!»*

Но и езда на автомобилях нередко осложнялась качеством фронтовых дорог и условиями передвижения по ним: *«Вместительный, хороший тягач, проходимый, но дороги плохие. Мы же не по хорошим дорогам ездили, больше по бездорожью. Командир ведет колонну, солдаты и сержанты в кузове. Я, как командир орудия, в кабине. Но машины идут без света, немецкие разведчики ночь летают, и нужно смотреть за дорогой, шофер не всегда увидит, ему тоже спать хочется. А у “студебеккеров” такая плоская площадка рядом с капотом. Так я ложусь на эту площадку, за ограждение держусь и смотрю все время за дорогой. Если где-то ров или что-нибудь еще, я кричу водителю, ему через стекло хуже видно»*⁵.

Однако большинство красноармейцев и младших командиров проделали свой путь на фронте пешком. И слова из известной песни о советских солдатах, которые *«прошагали пол-Европы, полземли»* вовсе не кажутся преувеличением: прямое расстояние от Москвы до Берлина составляет 1,6 тыс. км, а протяженность Европы с запада на восток равна 4,5 тыс. км. Однако советским войскам

¹ ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

² Нагибин Ю. Дневник. М., 1996. С. 11.

³ Дробязко С.Г. Путь солдата. С боями от Кубани до Днепра. 1942–1944. М., 2008. С. 173.

⁴ Мальцев М.Н. Указ. соч.

⁵ Воспоминания П.В. Синюгина.

приходилось сначала отступать, а затем наступать далеко не по прямой линии в различных погодных условиях: в летнюю жару, зимний мороз, промозглый осенний дождь.

Многокилометровые переходы, длившиеся не одну неделю и предполагавшие всевозможные лишения (голод, недосыпание, холод, грязь, бесконечную усталость) вспоминаются фронтовиками как самые тяжелые моменты своего военного опыта. Тягостное ощущение оставляет описание 800-километрового марша на восток из лагерей под Ногинском в 1941 г., который совершил Л.Г. Андреев. Переход длился один месяц и одну неделю, и только последние 40 км пути до Казани преодолевались на поезде. *«Совсем не было сил идти дальше. И почти не было желания. Хотелось лечь на землю... Командиры собирали бойцов, цеплявшихся за дома, заборы деревни...»* Каждую ночь – остановка в деревенских избах, каждый раз новых, с надеждой на сочувствие их жителей; поскольку в пути практически не снабжали, то есть приходилось то, *«чего не жалела тупая мужицкая доброта»*. Фронтовик вспоминал: *«Нас поднимали холодными утрами, часа в 2–3, до последних секунд мы сидели в избах еще несколько теплых мгновений, – пока нас, дремлющих на ходу, не выгоняли на мороз. Строились и шли. Шли, шли, шли. Исполнился месяц нашего движения, но мы все шагали и шагали. Вышли осенью – дошли до зимы, начали по грязи – шли по льду, по первому снегу, по инею морозных рассветов. Вперед уже не смотрел – надежды не было увидеть конец. И однажды мы подошли к Волге»¹.*

Особые трудности выпадали на зимние марши. Так, командование 35-й кавалерийской дивизии, докладывая об итогах такого марша в начале января 1942 г. по территории Восточного Донбасса, сообщало: *«Пурга сделала дороги почти непроходимыми, автотранспорт не прибыл, конный обоз передвигался с трудом, отстал от конных частей на 10–12 ч»*. К тому же дороги были загромождены одновременным передвижением по тем же маршрутам еще трех кавалерийских дивизий. При этом снабжение частей за все время марша *«было совершенно неудовлетворительным»*, а местных ресурсов было недостаточно, *«так как марш совершался по району со скудными кормами»*. В результате *«весь конский состав сильно утомлен»*, особенно в обозах, артиллерии, пулеметных тачанках, а 500 лошадей находилось в ослабленном состоянии. Дополнительно требовалось 550 лошадей, чтобы посадить пеших бойцов и заменить истощенный конский состав². 7 января 1942 г. комдив сообщил, что обозы не могли двигаться со скоростью больше 3 км в час³.

С переходом Красной армии в наступление преодоление пространства не стало легче. А.З. Лебединцев вспоминает марш в 450 км от Умани до Ботошанн в Румынии, который его полк совершил за 25 суток в самый разгар весенней распутицы 1944 г.: *«Тогда мы забывали не только дни недели, но и где и когда ели в последний раз, ибо все кухни тогда отстали из-за взорванных мостов. Кормили нас по “бабушкину аттестату” местные сердобольные хозяйки картофелем в мундире да квашеной капустой»⁴*. Танки и гусеничные бронетранспортеры превратили полевые дороги в сплошное месиво грязи: *«И если офицеры сумели получить взамен валенок кожаную*

¹ Андреев Л.Г. Указ. соч. С. 82–83, 85, 87.

² ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–2.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Отцы-командиры. М., 2004. С. 509.

обувь, то солдаты и наши полковые “толстушки” – связистки и медички – брели в валенках, телогрейках, ватных брюках и шинелях с ремнем». Единственную радость вызывало то, что за все время марша ни разу не выглянуло солнце, и потому не появилась авиация противника¹.

Самым большим психологическим испытанием была неизвестность о том, когда же завершится бесконечная «дорога». Поэт Николай Майоров, в октябре 1941 г. шагавший в колонне мобилизованных, «людей самых разных возрастов и профессий» по московскому шоссе Энтузиастов в направлении Муррома, не предполагал, что впереди его ждет тысяча километров дороги. Преодолев половину, записал: «А верховые столбы – без конца, идешь – идешь, думаешь – думаешь...»². Воспоминания о прошлом Л. Андреев называет тем единственным спасением, которое дано было на его изнурительном солдатском пути. «В памяти своей я вызывал все, что могло сохраниться в ней: от первых запомнившихся дней до последних, каждую мелочь, каждую деталь прожитого. Картины, образы проходили через мою душу и вызывали сладкую, волнующую боль – единственное мое чувство в неделе животного существования человека, превращенного в нечто, которое идет. А то, что было благополучием, покоем, сытостью, свободой – пережевывалось мною по нескольку раз, со сладострастием. Впрочем, все в прошлом казалось счастьем. Моей жизни не хватало на солдатский путь, и я начинал вспоминать сначала, потом вновь и вновь»³.

Горы, леса, болота, бездорожье, слякоть – все пришлось преодолевать советским войскам. Значительные усилия приходилось прикладывать и при речных переправах. По словам санинструктора Н.Р. Косиновой, форсировавшей за годы войны 28 больших и малых рек: «Все переправы были под прицельным огнем, бомбились они непрерывно. Особенно запомнились переправы через Оку и Вислу. Жаль, не было тогда кинооператоров, чтобы заснять тот ад. Реки краснели от крови. И все-таки шли вперед, отвоевывая метры, политые кровью»⁴.

В годы войны советские военнослужащие оказались в регионах и городах, о которых знали только по учебникам географии. Призванный в 1943 г. буквально со школьной скамьи, танкист И.А. Абрамов в апреле 1944 г. писал своей невесте: «Передо мной видны Карпаты, которые я изучал только в школе, а сейчас выпадает счастье смотреть на это наглядно...»⁵. Летчик К.М. Барсов, который был немногим старше Абрамова, в письме матери удивлялся тому, насколько хорошо ему удалось изучить Кавказ⁶. В 1944 г. красноармеец В.Г. Грицунов торжественно сообщал родным в деревню Розовка Донецкой области: «Новость одна – это то, что мне пришлось увидеть г. Москву, хотя я не видел самого Кремля, и город великого Ленина, бывший Питер, а теперь Ленинград. Увидел я реку Волгу, Неву, Дон, Терек и видел, хотя разрушенный, Сталинград...»⁷

Участник обороны Ленинграда А.И. Тыкин (до войны – механик никелевого завода в г. Реж) напоминал жене о своих мечтах побывать в этом городе, по стече-

¹ Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Отцы-командиры. М., 2004. С. 182.

² РГАЛИ. Ф. 1348. Оп. 7. Д. 39. Л. 18.

³ Андреев Л.Г. Указ. соч. С. 84–85.

⁴ Косинова Н.Р. Это было сверх человеческих сил // Человеческие документы войны. Воспоминания. Письма. Стихотворения. Статьи. Курск, 1998. С. 138–139.

⁵ Солдатские письма: сб. документов. Саранск, 2005. С. 11.

⁶ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 69. Л. 3.

⁷ Письма с фронта. 1941–1945 гг.: сб. документов. Казань, 2010. С. 43–44.

нию обстоятельств осуществившихся в военные годы: *«Вспомни то время, когда я разговаривал, что хочу быть в Ленинграде, и вот теперь я знаю Ленинград хорошо и знакомых у меня очень много, так что, если вернусь жив и кончится война, тогда и с тобой съездим в Ленинград; видел и море, очень долгое время мечтал я о море, и даже видел Кронштадт, так что рассказать есть о чем»*. Заметно, что расширение пространства (географического, коммуникативного) зачастую стимулировало внутреннее раскрепощение военнослужащего, что сказывалось на его поведении, отзывалось в частной жизни. Случай Тыкина, например, говорит о том, как выросла его независимость от жены. Последняя была предупреждена о том, что если будет продолжать отвечать мужу неподобающим образом («кондриться»), то лишится его писем. *«Совсем тебе не буду писать, характер мой ты знаешь, а теперь и вовсе я сейчас встретил на своем пути столько, сколько не встречал за всю жизнь, и стал совсем другим, т. е. более решительным и смелым...»*¹

С коренным переломом в войне перед советскими войсками стали меняться картины осваиваемых пространств: сначала это была освобождаемая от оккупантов советская территория, затем европейские страны и, наконец, Германия. Очищая *«священную землю от фашистской мрази»*, советские военнослужащие писали: *«На своем пути мы видели города и села, превращенные немцами в груды развалин и пепла. Мы видели обездоленных, истерзанных отцов, матерей, братьев и сестер»*. По словам фронтовиков: *«Мы видели детей-сирот, родители которых были зверски замучены, угнаны в фашистскую неволю – Германию. Нет слов, чтобы выразить ненависть к зверям из фашистского логова»*². Все это подтверждает тесное переплетение природного и социального в восприятии пространства фронтовиками.

2.2. Время как исследовательская категория и ощущение жизни: насколько и как измеримо существование советского человека 1920–1930-х гг.

Представление о времени как неотъемлемой характеристике человеческого существования, его онтологической укорененности в потоке «большой» истории давно уже стало общим местом наших представлений о прошлом. Минувшая реальность не только прилежно хронометрируется, но и измеряется посредством вполне осязаемых величин, имеющих как свое количественное, так и качественное воплощение.

Восприятие времени выражается в осознании человеком определенной длительности и последовательности явлений и событий. Физиологической основой восприятия времени выступает ритмическая смена возбуждения и торможения в больших полушариях головного мозга. Социальное освоение времени представляет собой выработку соответствующих тем или иным условиям методов его измерения, формирование темпоральных представлений человека, адекватных происходящим в обществе политическим, экономическим и социокультурным процессам. Анализ восприятия и освоения времени советским человеком предполагает характеристику

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 292. Л. 11об.

² Письма с фронта. 1941–1945 гг. С. 154.

его представлений о времени как определенной данности, его сущности и структуры, способов и параметров измерения, а также темпоральных свойств различных процессов и самой жизни человека.

* * *

В проблемном поле истории повседневности с ее пристальным вниманием к подробностям человеческого существования категория времени, как правило, выполняет две основные функции. С одной стороны, она помещает героя повествования в большой контекст истории, тем самым предопределяя его судьбу и жизненные коллизии. С другой – конкретизирует его биографию, сообщая основные сведения о рождении, образовании, трудовой деятельности, переменах личного и социально значимого порядка. Результатом такого разномасштабного временного совмещения становится появление новой величины – времени жизни конкретного человека, полностью лишенного его индивидуального ощущения. Столь парадоксальная, на первый взгляд, ситуация во многом объясняется рядом методологических трудностей, свойственных изучению феномена времени¹. В отличие от представителей естественно-математических наук, оперирующих абсолютными, природными величинами времени, гуманитарии сталкиваются со временем иного качественного порядка – социальным временем.

Социальное время стало предметом детального осмысления европейской философии и социологии рубежа XIX–XX вв.² и нашло свое классическое понимание в работе американских социологов П. Сорокина и Р. Мертон, определивших его как способность человека наделять единицу природного времени социальным содержанием³. Постепенно качественные представления о времени получили свое признание и среди историков, вслед за французскими анналистами ощутившими его разномерную длительность и привлечшими к его оценкам различные социальные общности. Начавшаяся интериоризация времени неизбежно вела к осознанию того обстоятельства, что всякое операциональное определение его обиходных выражений наполнено социальным смыслом и определяется ритмом коллективной жизни⁴. В итоге качество времени оказывается тесно связанным с особенностями социальной организации и культурной жизни общества. Его содержание меняется в зависимости от возможностей и способностей общества, а также его отдельных представителей наполнять единицу природного времени конкретными событиями. В данной связи различают низкое (разряженное) и высокое (плотное) качество времени.

Будучи неоднородным для различных групп населения, социальное время в своем общем течении прерывается критически значимыми событиями. Их восприятие, оценка и переживание приносят в характеристику времени личностную окраску,

¹ Полетаев А.В., Савельева И.М. История и время: В поисках утраченного. М., 1997; Капица С.П. Об ускорении исторического времени // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 3–16; Хлынина Т.П. Время истории: исчезающая категория или новая стратегия освоения прошлого? // Гуманитарная мысль Юга России. Краснодар, 2006. № 1 (02). С. 31–40.

² Гобозов И.А. Социальное время. URL: http://society.polbu.ru/gobozov_socialphilo/ch38_i.html

³ Сорокин П., Мертон Р. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 112–119.

⁴ Там же.

подразделяя его тем самым на две темпоральные категории – «моего» и «не моего» времени. В пространстве «моего» (индивидуального, биографического) времени аккумулируются востребованность накопленного опыта и личных заслуг человека. Неудачи и социальная потерянность становятся опознавательными знаками внешнего по отношению к человеку, «не моего» времени, где события воспринимаются «отрицательной эмоциональной нагрузкой, вытесняются из сознания... и в значительной мере деформируют структуру биографического времени»¹. По наблюдениям психологов, человек в своем реальном восприятии времени ориентируется на плотность и социальную значимость происходящих в нем событий. «Время, заполненное разнообразными событиями и интересными переживаниями, кажется быстрым в протекании, но длительным в наших воспоминаниях. Напротив, отрезок времени, лишенный переживаний, кажется текущим долго, а в ретроспективе – кратким»². При этом оценки времени относятся к тонкострунным признакам общества, операционализация которых сопряжена с большими трудностями, до сих пор не получившими своего внятного разрешения³.

Обращение к повседневным практикам хронометрирования времени и его восприятию населением позволит не только «снять» ряд вопросов, порождаемых сугубо методологическими проблемами его формализации, но и выявить механизмы сопряжения различных стратегий времяпрепровождения в единый ритм развития страны. 1920–1930-е гг. минувшего столетия стали целой эпохой в развитии советского государства и общества. Распахнутые революцией горизонты новой жизни потребовали для своего достижения не только напряжения сил, но и принципиально иного отношения ко времени. Из простого хронометра человеческой жизни и свидетеля ее извилистого пути оно превращалось в мощный социальный ресурс, посредством которого планировалось строительство нового мира светлого будущего.

В условиях форсированного экономического развития и начавшейся социальной мобилизации огромных масс людей время из величины абсолютной трансформировалось в категорию относительную. В литературе неоднократно писалось о социальном эффекте открытой А. Эйнштейном теории относительности, в частности, о связанных с нею стратегиях овладения временем⁴. Слово «овладение» становилось ключевым и в работах советских исследователей 1920–1930-х гг., посвященных анализу феномена социального времени и возможностям его эффективного использования. В них все чаще звучали идеи о времени как о процессе деятельности человека, где «каждый субъект, система имеют свое время». Необходимость его расширения, «завладение большим кругом временности» становилось основной задачей советского человека, достигавшего тем самым «вдвойне актуального настоящего времени – времени отдельного субъекта и включающей его в себя социальной системы»⁵.

¹ Шляпников С.Е. О биографическом кризисе (Опыт анализа) // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 141–143.

² Сорокин П., Мертон Р. Указ. соч. С. 113.

³ Горяинов В.П. Критерии поступательности, обратимости, стагнации и предсказуемости социального времени // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 5.

⁴ Капица С.П. Указ. соч. С. 12.

⁵ Артемов В.А. Социальное время: прикладные и теоретические аспекты исследований (часть 1: предыстория и 1920–1930 гг.). Новосибирск, 2004. URL: <http://nesch.ieie.nsc.ru/ArtTime.html>

С целью оптимизации наличного времени и его рационального использования в начале 1920-х гг. были организованы обследования его бюджетов среди различных социальных групп населения советской России. Наиболее известным из них стало обследование бюджетов времени семей рабочих, крестьян и учащихся, проведенное под руководством С.Г. Струмилина в декабре 1922–1923 гг. Занимая пост заведующего отделом статистики Народного комиссариата труда и Всероссийского центрального совета профессиональных союзов, а также являясь председателем секции учета и распределения Госплана СССР, он предложил структуру бюджета времени, включавшую до 90 видов его затрат и шести уровней их агрегирования. Столь высокий количественный показатель учета времени должен был отражать его усложнившуюся инфраструктуру и высокую плотность жизни отдельного человека. Однако на практике осуществить эти идеи полностью так и не удалось. Респондентами обследования выступили как отдельные люди, так и семьи, бюджеты временных затрат которых в результате были представлены не совокупным временем, а временем отдельных ее взрослых членов и учащихся. Обследования проводились двумя основными способами – посредством опросов и заполнением хронокарт.

Методика опроса состояла в том, что респонденту предлагалось ответить, сколько «обычно» он тратит времени в сутки на перечислявшиеся интервьюером виды деятельности. Причем отдельно такая процедура проводилась в отношении рабочих и выходных дней; в обследовании крестьян добавились вопросы, связанные с сезонными и важными для них, но не обязательными ежедневными занятиями. Наряду с опросами использовались хронокарты нескольких видов, которые заполнялись либо самими респондентами, либо с их слов интервьюерами. Наиболее распространенной, как отмечают современные исследователи, была хронокарта с сеткой, в которой слева и по горизонтали указывались виды деятельности и занятия, а справа и по вертикали – часы суток. Отметки о затратах времени делались графически, т. е. зачеркивалась вся, половина или четверть клетки, что соответствовало часу, получасу или четверти часа. Зачастую респонденты просили свести суточные хронокарты в недельные, используя уже не графическое, а числовое выражение продолжительности видов деятельности¹.

Несмотря на ряд серьезных методологических погрешностей проводимых в 1920–1930-е гг. обследований бюджетов времени, их данные свидетельствовали о наиболее распространенных и затратных видах деятельности основных категорий населения: учащейся молодежи, рабочих, крестьян, ответственных работников и активистов².

Обследования бюджетов времени школьников, чье здоровье в рассматриваемый период времени вызвало особую обеспокоенность педагогической общественности, показали, что большую часть их ежедневной деятельности (особенно в сельской местности) занимала домашняя работа. Вместе с тем полученные данные опровергали бытовавшее мнение о недостатке сна и перегрузке детей общественной работой. В свою очередь, опубликованные воспоминания и письма во власть самих школьников свидетельствовали о более дробной и не столь однозначной картине их времяпрепровождения.

¹ Артемов В.А., Новохацкая О.В. Эмпирические исследования затрат времени в СССР (1920–1930-е гг.) // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 92–93.

² Полученные данные приводятся по работе: Артемов В.А. Социальное время: прикладные и теоретические аспекты исследований (часть 1: предыстория и 1920–1930 гг.). Новосибирск, 2004. URL: <http://nesch.ieie.nsc.ru/ArtTime.html>

Будущий Герой Советского Союза 14-летняя Женья Руднева, ведшая дневник на протяжении 1934–1944 гг., неоднократно отмечала «насыщенность своего времени большим количеством событий». Вот только две из типичных записей, датированных 18 января 1934 г. и 21 февраля 1938 г.: «10 января я с девочками ездила на V райпартконференцию в военных костюмах, и я делала рапорт от нашей школы. Приехали мы обратно с последним поездом... 13 января была сдача норм по лыжам. Я проехала два км за 16 мин 40 секунд. Достижение на двадцать секунд против прошлого года! Вечером занимались опытами по химии. У нас были всего четыре пробирки и трубка из резиновой шины от велосипеда, которую я сама сшила»¹. «14 февраля мы с Гордоном делали лабораторную по физике. Долго возились, затем все наладилось. Я сидела с часами напротив амперметра на единственном в кабинете стуле, а Гришка прилежался на каком-то чемодане и читал вслух письмо тов. Иванова тов. Сталину и ответ тов. Сталина (вчера по этому поводу у нас разгорелись страсти на уроке истории). Мы последними ушли из школы. 7 февраля я была на районной конференции... А 6 февраля я была в МГУ»².

Вся ее жизнь подчинена строгому распорядку, включавшему в себя домашние обязанности, о которых на страницах дневника упоминается лишь вскользь, как о чем-то несущественном; учебу и общественную работу, поглощавшие все ее время. Она много читает, размышляя о «лишних людях» прошлого, и приходит к бесспорному для себя выводу: «Раньше были “лишние люди”. Вот они-то и мучились вопросами: “Для чего я живу? Кому нужна моя жизнь?” И прочие вопросы, показывающие полную непригодность людей к жизни, которую они не знали даже на что употребить. Другие (толстые, сытые боровы или забитые, темные люди, которымдохнуть было некогда, не то что думать о высоких материях) об этом не думали. А я тоже редко думаю, я очень хорошо знаю: настанет час, я смогу умереть за дело моего народа...»³

Высокие мысли о самопожертвовании были навеяны просмотром фильма «Депутат Балтики», который уже 18-летняя Е. Руднева ставила «выше всех раньше виденных. Далеко ему до “Ленина в Октябре”. Куда! Когда смотришь эту картину, не можешь быть равнодушной: смотришь на экран, а думаешь о себе. О, я очень хорошо знаю, для чего я живу, я это поняла, почувствовала так, как никогда раньше»⁴.

Представления о смысле и полноте жизни, формировавшиеся под воздействием размышлений над прочитанными книгами и просмотренными кинофильмами, общественной работы и занятий в школе, придают пространству ее личного (биографического) времени повышенную плотность. Она четко отграничивает бессмысленность прошлого от настоящего, ради которого готова пожертвовать своей жизнью. Сюжеты, связанные с ощущением крайней полноты жизни, желаниями наполнить ее течение как можно большим количеством событий, являются довольно расхожими для личных нарративов того времени. В них находят отражение стремление целого поколения советских людей «оседлать время», направить его на значимые для судеб страны свершения.

¹ Пока стучит сердце: дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М., 1995. С. 31–32.

² Там же. С. 55.

³ Там же. С. 51.

⁴ Там же.

Во многих письмах школьников, адресованных советским руководителям и большевистским вождям, содержались горячие просьбы помочь им получить желанную профессию, которая рассматривалась не столько как определенное занятие, сколько дело всей будущей жизни. Именно эта устремленность в будущее помогала многим из них преодолевать неприглядность дня сегодняшнего, мириться с его трудностями. Препятствием к обретению нового статуса, как правило, являлась бедность родителей, не позволявшая учиться дальше. 10-летняя Лида Добронравова в своем письме к наркому просвещения А.В. Луначарскому в 1929 г. писала о том, что уже пять лет выступает на сцене в Сарапуле *«и все говорят, что я буду хорошая балерина. Все мне много хлопали, а учиться сейчас нигде. Мы живем плохо, потому что мама мне даже молока никогда не купит. Говорит: “Дочка, нет денег”, а варит только один суп. Да, суп с картошкой и черный хлеб кушаем, а у нас во дворе живет девочка одна: она каждый день пьет молочко. Наверно, она живет богато. Моя мама ушла сейчас на базар, а я села вам писать, просить вас, золотого дядю, нельзя ли мне учиться в Москве без денег пока. А как я выучусь и буду большая, заработаю много денег, то отдам»*¹.

Группа менее легковверных школьниц, желавших получить профессию киноактрисы, в том же году сообщала А.В. Луначарскому, с которым, судя по длительности обсуждавшихся вопросов, вела активную переписку, что *«...вы дали нам ответ в вашей открытке и написали вы, что в киноартисты может попасть тот, кто окончил семилетку и кому шестнадцать лет. Мы уже давно сами знаем, что надо окончить семилетку. В том и вся наша заплата, что у нас нет на это средств. Наши матери не какие-нибудь конторщицы, а простые работницы-вдовы, у которых нет средств отдать своего ребенка учиться дальше, кроме сельской школы... Нам по этому ответу надо догадаться, что, мол, если у вас нет средств заплатить за учение, то вы идите уж лучше на фабрику ниточки присучать и не суйтесь туда, где у вас не хватает средств заплатить за учение. Тов[арищ] Луначарский, еще вы написали, что в киноартисты принимают с шестнадцати лет. По-нашему, это тоже неправда: если деньгами туго набит карман, то тебя примут с десяти лет. Скажешь, наша неправда, а мы будем ручаться, что правда»*².

Нарративы, связанные с выбором профессии, свидетельствовали о четком осознании их создателями временных и иного рода ограничений на пути воплощения в жизнь своей мечты. Во многих из них содержатся указания, что какой-то промежуток времени уже отдан любимому делу, подсчитаны и спланированы грядущие временные затраты, которые разбиваются о бытовые и финансовые препятствия.

В своих письмах школьники сообщали и об огромных материальных трудностях, с которыми приходилось сталкиваться их родителям и которые, в конечном итоге, превращали все их свободное время в *«тяжкий труд и думу о том, как сделать жизнь в стране лучше»*. Пионер П.П. Трокши в обращении к М.И. Калинину сообщал, как и чем он живет: *«...мы, пионеры, ложим силы на выполнение пятилетки. Мы подписываемся на заем “Пятилетка в четыре года”, собираем утильсырье, проводим работы среди беспартийной молодежи. Мы работаем дружно, ударно, у нас проводится соцсоревнование, мы бьемся к социализму. Мне 12 лет, я учусь в I ступени*

¹ Письмо школьницы Л. Добронравовой А.В. Луначарскому // Письма во власть. 1928–1939... С. 62.

² Письмо группы школьниц А.В. Луначарскому // Письма во власть. 1928–1939... С. 78–79.

в 4-[й] группе. Сестра Вера в I гр[уппе], 11 л[ет], и братишка Боря во II группе, 10 лет. А сестренка Юля дома маленькая, только 4 ½ года... Я теперь выбран председателем отряда ю[ных] пионеров и собираю деньги на заем "Пятилетка в четыре года". И мой брат Борис звеньевым в отряде. Мы пишем стенные газеты, сами больше статей вмещаем в газету про пятилетку и ее достижения. Дедушка Калинин, мы, пионеры, все силы кладем на выполнение пятилетки в четыре года. Как у вас в Москве смотрят на это дело? Мы живем очень плохо: шесть душ едоков, а работает только один папа. Кушать приходится только один черный хлеб, да когда получим селедки или рыбы. Молока не приходится купить: спекулянты дорого просят – одна литра стоит 2 рубля. Чтоб было за что купить свою корову, то можно было бы бороться с дороговизной, кулаком и спекуляцией»¹.

Текст обращения содержит вполне определенные количественные характеристики времени: в них указываются возраст автора и его родни, осознание им необходимости форсирования времени («пятилетка в четыре года»), стоимость продуктов первой необходимости. Такая осведомленность населения на всех возрастных этапах наглядно свидетельствовала о жизни в соответствии с реальным временем, чье будущее мыслилось столь же конкретно и определено.

Не менее остро стоял и вопрос о состоянии здоровья студентов в связи с неправильно организованной учебной деятельностью. Обследования подтвердили наличие учебной перегрузки, которая выражалась в продолжительном, более 8 часов, учебном дне при исходной норме не более 6 часов; отсутствии выходных дней, заполнявшихся общественной работой или разнообразными «подработками на прокорм». Продолжительность рабочего дня студента была сопоставима с временными затратами индустриального рабочего и значительно превышала нагрузки дореволюционного студенчества.

Во многом отмеченные недостатки организации и использования учебного времени являлись прямым следствием слабости общей подготовки самих студентов, а также огромным желанием многих из них «получить многие знания разом». Отсутствие сформированной привычки к систематическому труду и восприятия учебы как серьезного и трудного занятия приводили к нервным срывам и частым заболеваниям. Е. Руднева, ставшая в 1938 г. студенткой механико-математического факультета МГУ, отмечала: «Новые силы довольно быстро иссякли: я перезанималась. Так, что и сейчас голова болит... Завтра экзамен, а со мной творится что-то неладное: приехала из читальни, за едой перечитала "12 апостолов" Марлита, и вот не могу заниматься и все тут»². «Я продолжаю заниматься в коллективе наблюдателей. 10.1 я свезла в обсерваторию обработку пионерских наблюдений, договорилась с Натальей Яковлевной Бугулавской, что приеду к ней 13.1 после аналитики. Но кончила я ее поздно, позвонила к Наталье Яковлевне, ее не было дома, и я поехала к Лиде отвезти ей билет (мы вместе слушаем у нас в Комаудитории лекции по эпохе Возрождения). 21.1 у нас в читалке занималась арифметикой – помогала Зверькову. 25.1 пришла на собрание отдела Солнца и опять три часа подряд занималась делением»³.

¹ Письмо пионера П.П. Трокши М.И. Калинину // Письма во власть. 1928–1939... С. 150–151.

² Пока стучит сердце: дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. С. 65.

³ Там же. С. 67.

В отношении общественной работы было установлено не только «отсутствие количественной перегрузки», но и недостаточность уделяемого ей времени. При этом особо отмечалось, что большое влияние на увеличение трудовой и сокращение учебной нагрузки оказывало материальное положение студентов, тративших на работу более 3 часов в сутки. Предпочтительной, а скорее всего, наиболее доступной формой студенческого досуга являлись занятия спортом.

Несмотря на плотность рабочего дня, у тогдашнего студенчества находилось время и на посещение театров, коллективные культпоходы и даже поездки в соседние города. В канун «великого праздника» – 12-й годовщины Октябрьской революции – Е. Руднева записала в своем дневнике: *«Всюду чувствуется праздничное настроение. Вчера мы с папой смотрели “Павла Грекова” в Театре революции. Замечательная пьеса! ... Да, концерты 6-го, вчера и сегодняшний осенний мюзик-холл были отменно хороши»*¹. Она не просто ощущает безраздельно господствующее настроение приподнятости, а хронометрирует его, соотнося с определенными событиями в жизни страны. Удовольствие, полученное от посещения театра и мюзик-холла, усиливается ощущением гордости от того, что она стала свидетельницей очередной годовщины революции, перенесшей ее в новое время. 28 января 1941 г. Е. Руднева отметила, что с группой сокурсников побывала в Ленинграде, где *«все не так, как у нас в Москве»*. И хотя город оставил *«в целом хорошее впечатление, поездка забрала много полезного времени»*².

Вместе с тем сам факт обучения в вузе воспринимался частью молодежи как жизнь в совершенно другом времени, где *«совсем другие люди, которые дышат воздухом знания и науки»*. Высшее образование зачастую отождествлялось и с правильным пониманием сущности самой советской власти, а, следовательно, и нового времени в истории страны. В письме крестьянина И.М. Шевченко, адресованном А.В. Луначарскому и написанном в 1929 г., с горечью отмечалось: *«Имею очень сильное желание учиться нашему новому советскому писателю, но я безграмотен по моему техническому образованию. Я всего окончил сельскую школу в родном хуторе. У меня семья бедная, крестьянская. Целые ночи сижу и думаю, как бы пробить себе дорогу к будущей советской жизни. Прошу как бедняк, сын хлебороба поместить меня учиться в рабочий факультет. Неужели Вы не выведете меня на светлую дорогу? Нет! Наркомпрос поможет мне. Это я уверен. Он лишь только дает дорогу трудящимся»*³.

Результаты обследований рабочих, крестьян и служащих рассматривались практически независимо друг от друга, с учетом разных условий жизни и характера трудовой деятельности. При анализе обращалось внимание на различия в использовании времени между мужчинами и женщинами, рабочими и служащими, возрастными группами, членами партии и беспартийными, а также между жителями Москвы и провинции. Так, продолжительность месячного рабочего времени сократилась на 26 часов (на 12,8 %) у мужчин и на 19,3 часов (9,7 %) у женщин. Заметно снизились затраты времени на ведение домашнего хозяйства как у работающих женщин, так и у домохозяйек. Вместе с тем увеличились затраты на *«сношение с рынком»*.

Отмеченная статья временных расходов стала прямым следствием ухудшения продовольственного снабжения городов и кризиса хлебозаготовок в деревне.

¹ Пока стучит сердце: дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. С. 82.

² Там же. С. 86.

³ Письмо крестьянина И.М. Шевченко А.В. Луначарскому // Письма во власть. 1928–1939... С. 67.

Американская исследовательница В. Голдман, анализируя динамику социального террора в советском обществе 1930-х гг. и показывая механизмы его нагнетания на промышленных предприятиях, приводит многочисленные факты, убедительно свидетельствовавшие, что падение уровня производства и неэффективное расходование рабочего времени оказались прямым следствием массового голода рабочих: *«Нехватка продовольствия и высокие цены были составной частью проблем в системе поставок продуктов питания. Наибольшие лишения испытывали недостаточно финансируемые отрасли промышленности, как, например, текстильная, новые отдаленные рабочие поселки, а также большие семьи с единственным кормильцем, очень трудно приходилось людям с низким заработком. Постоянная нехватка мяса, молочных продуктов, овощей, рыбы и даже хлеба была повсеместной... Голодали даже рабочие в Москве и Ленинграде, гораздо лучше обеспеченные продовольствием по сравнению с другими городами. В магазинах не хватало продуктов, чтобы отovarить карточки»*¹.

Необходимость стояния в бесчисленных и многочасовых очередях порождала массовые прогулы среди работниц. Учащались случаи отказов от выхода на работу по определенным дням. Вместе с тем отмечалось сокращение бездеятельного отдыха и времени сна. Сравнение результатов обследований 1920-х и 1930-х гг. показало, что темп увеличения затрат времени на самообразование и общественную деятельность у женщин значительно выше, чем у мужчин, а у рабочих выше, чем у служащих. В данной связи В. Голдман отмечает, что множась, как «грибы после дождя», разнообразны собрания трудовых коллективов, особенно в 1930-е гг., стали настоящим бедствием для предприятий. Они поглощали собою большую часть рабочего времени и превращали рабочего в профессионального активиста. В то же время среди руководства промышленных предприятий росла уверенность в необходимости прекращения *«этой порочной практики зряшной траты производственного времени»* и возвращения рабочего к станку².

Помимо общественной нагрузки изрядное количество времени занимали и проблемы бытового обустройства. Отношение к быту как категории исторически преходящей, буржуазной по своей сути определило в рассматриваемый период времени и политику советского государства в социальной сфере. В письмах рабочих отмечались факты *«вопиющего пренебрежения не только их нуждами, но и элементарными требованиями гигиены»*, заставлявшего их тратить *«свое полезное время на часовое решение таких вот вопросов»*. Обращаясь в 1928 г. в редакцию «Рабочей газеты», рабочий А.А. Ильин приводит типичный, с его точки зрения, пример из жизни небольшого поселка, расположенного неподалеку от Твери: *«Поселок с каждым годом расширяется и растет “сказочно”, а отдельные домики “частных застройщиков”, тоже рабочих, уже насчитываются сотнями. Если взять грубо количество живущих на этой рабочей окраине, то получится цифра 10.000 людей, которые не имеют в поселке даже самого необходимого – Бани и прачечной... Чтобы сходить в баню, надо идти час: ведь, шутка сказать, 4 версты в Баню и 4 обратно. Да вдобавок с ребятами: холостяков в поселке почти что нет. А работницы еще хуже, чтобы выстучать белье еженедельно для семьи, надо тащиться тоже такое*

¹ Голдман В. Террор и демократия в эпоху Сталина: Социальная динамика репрессий. М., 2010. С. 35.

² Там же. С. 101.

расстояние, потому что прачечная находится на “Пролетарке”, где и Баня. И нередко, чтобы выстирать белье семье, работнице приходится отпрашиваться с фабрики, или меняться сменами со сменщицей, или же стирать на реке – грязной Тьмаке, которая загрязнена фабричными отбросами... Такие “мелочи”, как баня-прачечная, которая крайне необходима в поселке, для наших хозяйственников сущие пустыки, и даже никто не обращает внимания на эти просьбы, которые несутся с собраний и со страниц местной газеты “Тверская Правда”... Пора бы подумать серьезно об этих “бытовых мелких нуждах” рабочих “Пролетарки”»¹.

Показательно, что требование обзаведения бытовыми удобствами напрямую связывалось с определенными количественными достижениями: то, с чем могли мириться единицы граждан, 10-тысячному коллективу казалось грубым нарушением его прав. Количественные характеристики затраченного времени становились определяющими маркерами пространства не только производственной, но и повседневной жизни человека того времени.

Обследование бюджетов времени колхозников показало, что по сравнению с единоличным хозяйством затраты труда на обслуживание семьи значительно сократились: в среднем на семью в 1925–1926 гг. на домашнее хозяйство без ухода за детьми приходилось в год 2 695 часов, в колхозных семьях в 1934 г. – 2 236 часов. Значительную, если не основную, роль в этих изменениях сыграл рост численности детских учреждений и учреждений общественного питания. Резкие сезонные различия в трудовой нагрузке крестьян-единоличников сменились более равномерным распределением труда в течение года.

Обследование инженерно-технического персонала горной промышленности выявило обоснованность его жалоб на «обилие всяких учетных и отчетных форм, на засилье докладов, анкет и записок»; отмечалась его огромная загрузка посторонней работой, а также неумение организовывать свой собственный труд. По итогам обследования 1930 г. только 56 % мужчин и 24 % женщин из служащих сочли правильным свой распорядок дня. Среди рабочих этот процент оказался на порядок выше². В наиболее плачевном состоянии «перегрузки нервно-психических функций организма» находились учителя и преподаватели вузов. Причинами чему назывались продолжительная подготовка к урокам, проверка письменных работ, заседания, хроническое недосыпание, отсутствие нормального отдыха в выходные дни, перегрузки домашними работами, особенно у женщин. По состоянию изношенности организма к ним примыкали активисты – освобожденные партийные, комсомольские, профсоюзные и общественные работники, чей рабочий день длился более 10 часов, а трудовая неделя в среднем продолжалась 69 часов. Любопытные результаты были получены по итогам обследования временных бюджетов ответственных работников различного уровня. Как показало проведенное обследование в Казани, на одного управленца в среднем приходилось 11,5 должностей при 32–53 % невыполненных или вовсе невыполненных работах.

Исследования времени как средства описания повседневного поведения человека позволяют рассматривать его в качестве того средства, с помощью которого можно получить представления об образе жизни, т. е. более или менее подробном

¹ Письмо рабочего А.А. Ильина в редакцию «Рабочей газеты» // Письма во власть. 1928–1939... С. 36.

² Артемов В.А., Новохацкая О.В. Указ. соч. С. 98.

перечне видов и форм повседневной жизнедеятельности с указанием их распространенности, частоты, продолжительности. По заключению отечественных социологов, основные формы жизнедеятельности имеют отчетливо выраженный исторический и социальный характер: «Их границы, содержание и самый перечень, входящих в них занятий, меняются от эпохи к эпохе и от одной социальной группы к другой». Они формировались вне сферы производства и управления и включали в себя пять основных форм, или типов, жизнедеятельности: занятия, связанные с удовлетворением естественно-физиологических потребностей; домашний труд в его различных видах; семейное общение и воспитание детей; избирательное внесемейное общение и участие в повседневной культурной жизни¹. В рассматриваемый период все они были тесно связаны с рабочим временем – «временем трудовой деятельности в общественном производстве и обслуживании», которая и определяла собою основные формы, а также стратегии повседневной жизни людей 1920–1930-х гг.

В первой половине 1920-х гг. работа на производстве занимала 46 недельных часов у мужчин и 44 часа у женщин². Учитывая большую распространенность домашнего труда в общей структуре повседневной жизнедеятельности человека того времени, совокупная трудовая нагрузка на работающего члена семьи составляла в зависимости от половозрастной принадлежности от 59 до 70 недельных часов³.

Исследования бюджетов времени выявили не столько переизбыток работы различных групп населения, сколько неправильное отношение к организации своей деятельности. С целью оптимизации распорядка дня и эффективного использования времени в 1923 г. была создана массовая общественная организация – лига «Время», почетным председателем которой был избран В.И. Ленин. Она быстро разрослась до десятков тысяч членов и стала страстным пропагандистом и агитатором идей научной организации труда и управления. В 1924 г. лига была переименована в лигу «Время “НОТ”», а затем – в лигу «НОТ»⁴. За сравнительно небольшой промежуток своей деятельности (лига была упразднена в 1926 г.) в ее стенах родилась масса рационализаторских предложений, суть которых сводилась к научному планированию не только рабочего дня и отдыха, но и всей человеческой жизни. Генератором этих идей являлся Платон Михайлович Керженцев – известный советский партийный и государственный деятель, экономист, историк, публицист, в 1920-е гг. бывший полпредом советской России в Швеции и Италии, заместителем управляющего ЦСУ СССР, а также членом Президиума Всесоюзного совета по НОТ при ЦКК – РКК и председателем лиги.

В отличие от многих своих современников П.М. Керженцев был глубоко убежден в том, что развитие научной организации труда и управления производством возможно лишь через низовые ячейки, при поддержке широких масс трудящихся, вовлечении самих рабочих в процесс создания научной системы организации управ-

¹ Гордон Л.А., Клопов Э.В. *Время как средство описания повседневного поведения (Структуры зависимых переменных)* // Социологический калейдоскоп (Памяти Леонида Абрамовича Гордона). М., 2003. С. 20.

² Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. *Общий характер перемен в содержании бытовых занятий и функций быта* // Социологический калейдоскоп... С. 158.

³ Там же.

⁴ НОТ – научная организация труда.

⁵ Керженцев Платон Михайлович. URL: <http://www.smartcat.ru/Important/objectivityK.shtml>

ления. Размышляя в этой связи о путях развития научной организации труда в СССР, он осуждающе говорил о высокомерном отношении некоторых представителей этой науки к таким низовым организациям, как лига «Время». В программной статье «Лига «Время» и партия» П.М. Керженцев отмечал, что, *«согласно уставу, лига действует в тесном контакте с партией, считая себя одним из ее орудий в работе над новой культурой. Лига «Время» не является непосредственно органом государственным и в то же самое время организационно не слита с партией»*. Ее несвязанность с государством объяснялась глубоким осознанием самими рабочими необходимости борьбы за время и за научную организацию труда.

«Объединение произошло по признаку глубокого интереса к вопросам научной организации труда. Лига хочет сперва возложить на членов лиги обязанности, а не говорить им о правах, которые дало бы лиге присоединение к госаппарату. “Раз ты член лиги, – говорит лига, – вот тебе план. Выполняй его. Вовремя приходи на заседания, борись за экономию времени, веди учет своего времени”. Лига дает ряд довольно жестких правил, которые являются дисциплинирующей школой и втягивают в атмосферу борьбы за организацию труда»¹. Лига «Время» рассматривалась ее организаторами цементирующим началом, которое объединяло людей разного социального положения *«на принципе, чрезвычайно ценном для нашего строительства, – на принципе борьбы за экономию времени ради хозяйственного восстановления нашей страны»*². Необходимость научно обоснованного использования времени не распространялась на иные формы жизнедеятельности человека кроме производства. Оно являлось цементирующим стержнем общества и отдавало на откуп фантазии каждого время отдыха и домашних занятий.

Многими современниками и очевидцами эпохи 1920–1930-х гг. время воспринималось как течение капризной реки, спокойное русло которой прерывалось *«непонятно откуда возникшими порогами»*: *«У нас же сейчас крестьянский быт, как архаический, который, быть может, и является единственным изнутри предопределенным и необходимо привычным. Нас, городских людей, регулирует только служебное время. Человек без службы испытывает смущенную легкость от сознания, что он может поворачивать куски своей жизни в любую сторону, начиная от часа, когда он встает, и вплоть до часа, когда он отправляется в кино... Он головокружительно свободен. И если у него не кружится голова, если он не задыхается в полете разорванных кусков времени, – это оттого, что устойчивость жизни заменена ему однообразием»*³.

В этом опьяняющем ощущении свободы одновременно присутствовало и *«пребрежительно высокомерное»* отношение ко времени, выражавшееся в неумении, а зачастую и нежелании его *«экономно расходовать»*. Особенно наглядно это *«пребрежение»* сказывалось на организации рабочего времени. Во многих советских учреждениях и на предприятиях отмечались массовые нарушения трудовой дисциплины, как правило, сводившиеся к опозданию на работу, халатному отношению к непосредственным обязанностям и элементарному *«непониманию сути рабочего процесса»*. Книги приказов городских исполкомов «пестрели» различного рода инструкциями, запрещавшими сотрудникам *«бесцельное хождение по кабинетам»*

¹ Керженцев П.М. Лига «Время» и партия. URL: <http://improvement.ru/bibliot/kerzht/kerzh15.shtm>

² Там же.

³ Гинзбург Л.Я. Указ. соч. С. 78.

в разгар рабочего дня и ближе к его завершению». Бесчисленные кампании середины 1920-х гг., направленные на рационализацию аппарата управления, своей целью как раз и преследовали «привитие уважения к расходуемому времени». Но, несмотря на все меры, одной из основных причин увольнения в 1920-е гг. оставались массовые опоздания на службу и беспричинные прогулы.

Быстротечность исторического времени, стремительно переносившего страну из отягощенного грузом *«тяжелой и беспросветной жизни трудящихся»* прошлого в *«наполненное смыслом великих свершений»* настоящее, вызывала различные стратегии жизнедеятельности. Они колебались от полной растерянности и сознательного саботажа завышенных производственных требований до страстного желания *«жить полной грудью и успеть все»*. Однако, несмотря на внешнюю несхожесть, каждая из них несла на себе отпечаток рассматриваемого времени, отражая тем самым не только его современное состояние, но и развитие. Недаром в этот период появляются разнообразные проекты визуального воплощения процесса *«овладения временем»*. Одним из них стал проект «Дома Победы», разработанный красноармейцем И. Воиновым и адресованный V съезду Советов СССР, проходившему 20–28 мая 1929 г. в Москве. Дом должен был стать символом торжества настоящего над прошлым и планировался быть *«не только местом культурного отдыха, но и школой, которая должна наглядно учить, как должен жить человек во все дни и возрасты жизни, человек строящего[ся] социализма и социалистического общества, да и помнить дни исторических побед и поражений борющегося[ся] класса трудящихся с эксплуататорами»*¹.

Дом включал в себя 17 этажей и призван был служить *«наглядной датой 1917 г.»* Местом постройки предполагался Ленинград как город начала и победы революции. На каждом этаже планировался показ отдельных ступеней восхождения советского человека к социализму. Первый этаж отводился под столовую и рабочее кафе, где трудящиеся *«удовлетворяют вопрос о хлебе насущном и питании»*. Следующие этажи (автор не уточняет их количества) занимала социалистическая школа, реализовавшая завет В.И. Ленина о необходимости овладения всесторонними знаниями: *«в эту школу должны поступать дети с возраста 3-х – 5-ти лет и сразу же – в коллективное общежитие, где их и готовят к школе – дошкольное воспитание. И все время до окончания школы человек должен находиться под наблюдением опытных педагогов, общежития должны быть здесь при непосредственной близости школы. Это будет наглядной школой понятия о школе социализма»*².

Затем шли этажи с мощными по вместимости и красивыми по уюту театрами для пьес и кино, где рабочий *«смог хорошо после работы отдохнуть и поучиться»*: *«Украшения внутри театра должны быть не пресловутые ангелы искусства, а художественные образцы из лучших моментов побед трудящихся. Акустика должна быть пролетаризирована, содержание театра не должно быть шаблонно-революционным и пошло-мешанским. Должны быть даны лучшие образцы старого искусства и лучшее завоевание нового; и все традиции старого театра, стесняющего рабочего зрителя, должны быть изжиты – вешалка и т[ому] п[одобное]»*³. Их меняло идеальное общежитие с *«общим питанием, общими развлечениями и общими занятиями спортом»*; выше располагался *«приют человеку, который окончил свой трудовой долг и достоин*

¹ Письмо красноармейца И. Воинова А.В. Луначарскому // Письма во власть. 1928–1939... С. 75.

² Там же.

³ Там же.

отдыха». Завершали здание этажи с наглядными примерами старого быта, в котором «отображен процесс развала общества власти эксплуататоров-капиталистов. Это не должно быть похоже на наши “мертвые” музеи, а должно быть живой иллюстрацией того, что делается с капиталистической властью и как шествует победа власти рабочих. И подобранный материал в последствие останется как Памятник. Эта выставка должна быть доступной трудящимся, да и весь дом должен быть наглядным учебником»¹.

Появление идеальных проектов овладения временем, многие из которых были выполнены в жанре наглядных пособий, отражало не только формирувавшиеся массовые представления об исторической неизбежности победы социализма, но и необходимости временного упорядочивания жизни советских людей. Для многих из них время отождествлялось с историей страны, сопричастность к которой не только оправдывала их личное существование, но и придавала ему высокий смысл. Вместе с тем крушение мечты о быстроте строительства нового мира, бытовые лишения и голод, вызванные форсированной модернизацией экономики, превращали переживаемое время во внешнее по отношению к человеку, «не его» время. Различия в восприятии и индивидуальной плотности времени 1920–1930-х гг. накладывались на объективные возможности его использования, порождая тем самым и разные стратегии времяпрепровождения – от домашней работы до коллективных культпоходов.

Проводившиеся в 1920–1930-е гг. обследования бюджетов времени выявили, по большей своей части, неэффективность его использования различными категориями населения. Необходимость их проведения тесно связывалась с желанием нормализовать жизнь общества, оптимизировать его временные затраты во имя скорейшего построения светлого будущего. Однако попытки организации научных основ овладения временем не встретили широкого понимания и породили разнообразные проекты увековечивания победы нового мира над старым. Количественные показатели временных затрат в быту и на производстве все больше вытесняли личностные оценки ощущения времени, превращая его в ресурс социальной мобилизации общества. Вместе с тем анализ личных нарративов показал разнонаправленность временных ожиданий населения. Так, если учащаяся молодежь связывала свою жизнь с переменами в будущем, противопоставляя ему голодное и неустроенное настоящее, то рабочие, напротив, требовали бытовых удобств настоящего, в котором и видели отблески будущего. Несмотря на разнонаправленность временных стратегий отдельных социальных групп, советское общество в целом жило идеями победы все еще несовершенного настоящего времени над прошлым. Преодоление этого несовершенства и являлось основным механизмом сопряжения различных временных потоков в единый ритм развития страны.

1920–1930-е гг., несмотря на всю их внешнюю несхожесть, оказались на удивление целостным временем, когда люди *«не только мыслили исторически, но исторически чувствовали, переживали жизнь»*². Это ощущение историчности, глубокой укорененности советских людей во времени как определяло горизонты их ожиданий, так и позволяло жить «полной грудью», преодолевая тяготы повседневного существования.

¹ Письмо красноармейца И. Воинова А.В. Луначарскому // Письма во власть. 1928–1939... С. 76.

² Гинзбург Л.Я. Указ. соч. С. 304.

2.3. Особенности восприятия времени в годы Великой Отечественной войны

Война кардинально изменила ориентацию человека во времени, заставила его пересмотреть уже имеющийся опыт жизни, понять значение в нем настоящего момента. Процессы переоценки находили отражение, в первую очередь, в письменном общении фронтовиков, чью повседневность можно рассматривать как «непрерывную череду пограничных ситуаций, бытие на грани жизни и смерти»¹. В условиях фронта устоявшийся жизненный ритм подвергался резкой перестройке, трансформировались отшлифованные годами «бюджеты времени», рождался по-своему уникальный опыт восприятия и переживания времени войны.

Довоенная жизнь с начала войны превратилась в «прошлое», ставшее предметом щемящих воспоминаний: *«Что может быть роднее воспоминаний о прошлом для человека, шаг за шагом освобождающим свою землю от проклятых врагов? Представь себе хмурое небо, мелкий дождь, злой посвист ветра, степь, траншею, в которой я нахожусь, и тебе станет ясно, почему я так любовно говорю о прошлом»*². По словам другого участника войны, фронтовая жизнь *«все перевернула в памяти, и чередой, как в калейдоскопе, проходит все прожитое и когда-то уже забытое»*³.

Тем не менее прошлое неуклонно отдалялось. Как писал об этом ощущении гвардии старшина В. Сырцылин, в довоенное время прожита была *«целая вечность»*, но происходило это когда-то *«очень давно, примерно в прошлом веке»*⁴. Оторванность от прежней жизни проявлялась в том, что ее картины в письмах с фронта оказываются достаточно редкими либо размытыми. Память стирала детали быта, путались даты знаменательных личных и семейных событий. Подобные явления были также связаны с потрясениями и травмами военного времени. Сырцылин, например, не раз жаловался на тяжелую контузию, мешавшую вспомнить прошлое во всех подробностях. Кроме того, сама яркость впечатлений и переживаний военного времени казалась несопоставимой с опытом довоенной жизни, заслоняла его.

На всем протяжении войны огромное значение для фронтовиков имела связь с домом, синхронизация событий своей жизни с перипетиями судеб родных людей. Несомненно, главным фактором такой синхронизации выступала переписка, способствовавшая систематизации событий фронтовой жизни, выстраиванию более или менее строгой их хронологии. Однако серьезными помехами этому становились условия военного времени и неудовлетворительная работа почтовой службы. Последнюю критиковали многие. Татарский писатель И. Гази, ставший в годы войны корреспондентом фронтовой газеты, характеризовал ситуацию с доставкой писем коротко: *«Просто позор!»*⁵ Генерал П.Л. Печерица сдерживался еще меньше, особенно когда «в один прием» получил сразу 26 писем от родственников и друзей: *«До чертиков злой на наркомпочтеля и наши П.П.С. Ведь вот же сволочи – ухитриться ведь нужно – за 2½ месяца письма доставить в один день»*. Только от жены в тот раз

¹ Сенявская Е.С. Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: опыт конкретно-исторического исследования // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2009. С. 121.

² Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»). С. 148.

³ Письма с фронта. 1941–1945 гг.: сб. документов. Казань, 2010. С. 56.

⁴ Герои терпения... С. 109.

⁵ Там же. С. 174.

Печерица получил 10 писем и 7 открыток, и, естественно, «прочитал все сразу залпом, не соблюдая хронологии!»¹

Письма доставлялись нерегулярно, часто пропадали, и, чтобы не терять ориентации, фронтовики старались отвечать на них «своевременно» либо с определенной периодичностью (например, раз в неделю). Однако, вынужденные общаться «вслепую» (сомневаясь в получении письма родными, не получая ответов), они повторялись, возвращались к написанному в предыдущих письмах, часто теряли «нить» последовательности событий. Образовывался определенный разрыв между тем, что происходило в настоящий момент, было актуально в действительности, и тем, когда об этом узнавали близкие люди. Учитывая, что речь могла идти о жизненно важных ситуациях (состоянии здоровья, ранении и излечении, переезде и изменениях в службе), «временной зазор» многое значил для личных взаимоотношений, порой был судьбоносным.

Со временем фронтовики стали производить собственный расчет времени, предполагая, когда именно произойдет то или иное событие. Апрельское письмо И. Гази к жене сообщало: «Скоро пришло Вам деньги... К осени получите»². Таким образом, «скоро», согласно данному расчету, означало ожидание сроком в 4–5 месяцев.

Особенно скрупулезно высчитывалась скорость «хождения» писем. В. Сырцылин, получивший первое письмо от жены более чем через год фронтовой жизни, к весне 1943 г. опытным путем вычислил, что письма приходят «аккуратно на 22–24 день»³. И все-таки довести расчеты до совершенства было невозможно. Это вызывало нервозность и непонимание во взаимоотношениях с близкими и родными. Впрочем, временные подвижки в доставке писем иногда создавали неожиданный терапевтический эффект. В октябре 1943 г. И. Гази сообщал жене: «Сейчас только получил твое письмо, написанное 31/08. Письмо грустное, и, если бы я не получил твое письмо от 3/09, мне тоже стало бы грустно. Письмо от 3/09, сравнительно веселое, получил я уже давно, и потому последнее (от 31/08) не навело большой грусти»⁴.

Постоянное перемещение войск создавало не только пространственный «разрыв» между фронтом и тылом, но и временной. Видимо, ощущая его, И. Гази сообщал в Казань: «У нас еще очень тепло, сухо, а у вас уже дожди, слякоть и черная грязь. Вот снова подвинемся вперед, и зима нас так никогда и не догонит»⁵. Присутствие этого своеобразного «догоняющего» мотива в сознании фронтовиков подтверждается и другими примерами: «Письма твои никогда не попадут ко мне, ибо им за мной не угнаться»⁶.

Главным мерилom времени на фронте стала сама жизнь человека. У представителей разных воинских профессий и специальностей объективно существовали различные возможности выживания, исходя из выполнявшихся ими военных функций. Самые большие и быстрые потери нес рядовой и младший командный состав в пехоте, находившийся на самой передовой. К. Симонов отмечал, что «лейтенантская жизнь в дни наступлений недолгая – в среднем от ввода в бой и до ранения

¹ Герои терпения... С. 143–144.

² Там же. С. 175.

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 39об.

⁴ Герои терпения... С. 176.

⁵ Там же.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 15.

или смерти девять суток на брата»¹. Чтобы пополнить убыль младших офицеров, советское руководство перешло на ускоренную подготовку курсантов пехотных училищ: по укороченной программе она составляла всего 3–4 месяца. Еще меньше длилась «среднестатистическая» жизнь рядового красноармейца, что хорошо осознавали сами участники войны: «Я жив, а через секунду, может быть, убьют, потому что здесь жизнь секундная»². Убыль личного состава в специализированных войсках, а также в среднем и старшем командном составе, особенно в начале войны, также была существенной, но не такой огромной, как в пехоте.

18-летний Юрий Романенко, не успевший окончить Грозненское военно-пехотное училище (оно было переведено в Баку, затем весь состав досрочно отправили в действующую гвардейскую часть), сообщал отцу во втором письме с передовой: «Многие мои товарищи убиты и многие уже ранены. Меня два раза задело осколками, но все обошлось благополучно. Ранения маленькие и я из строя не выбываю... Эх, милый папа, если останусь жив, многое тебе расскажу. Да и навряд ли буду жив...»³ Спустя три месяца после отправки этого письма Ю. Романенко погиб.

Война придала новое измерение и новое понимание самого смысла и содержания человеческой жизни. Обращаясь к судьбе своей фронтовой подруги, погибшей в возрасте неполных двадцати лет, О.Т. Голубева-Терес отмечает: «Расстояние от рождения до смерти, однако, не измеряется годами. Оно измеряется тем, что сделал человек, как он жил. И все-таки, с каким жестоким ускорением прошла эта жизнь! Прошла. Завершена. И не могло быть иначе. Надо было идти дорогами войны. И кто-то, сраженный, должен был упасть на родную землю. Иначе нельзя было победить. Это была безжалостная война»⁴.

Осознание новой темпоральности происходивших событий в годы Великой Отечественной войны кардинально меняло отношение человека ко времени. Так, перед войной срок службы рядового и младшего начальствующего состава сухопутных частей Красной армии и внутренних войск был установлен в два и три года соответственно, для Военно-воздушных сил – в четыре года, для кораблей и частей Военно-морского флота – пять лет. Бойцы и младшие командиры срочной службы, у которых подходил к завершению ее срок, нередко подсчитывали оставшиеся им дни и недели до увольнения в запас: одни собирались продолжить учебу, другие – устроиться на работу, третьи – продолжить службу в армии, авиации или на флоте. Война лишила всякого смысла данные подсчеты: если человеку удавалось выжить и не погибнуть на фронте, срок его возвращения домой определялся общим для всех условием, независимо от времени начала службы: достижением победы над врагом или тяжелым ранением.

«Скоротечность» фронтовой жизни порождала нежелание ничего откладывать до завтрашнего дня: «Было суматошно, непонятно и хорошо. Все, что имели, делили по-братски, и никому не приходило в голову составлять далеко идущие планы, рассчитывать свою жизнь или свои отношения с людьми хотя бы на неделю вперед. Все начиналось сегодня и кончалось завтра»⁵.

¹ Симонов К.М. Живые и мертвые: Роман. В 3 кн. Кн. 2. Солдатами не рождаются. М., 1989. С. 235.

² Сталинградская эпопея... С. 366.

³ Герои терпения... С. 165.

⁴ Голубева-Терес О.Т. Указ. соч. С. 252.

⁵ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 1. 1941 год. М., 1981. С. 505.

В начальный период войны разлуку с близкими еще «отмеряли» месяцами. Позднее счет пошел на годы. П. Зезеткин констатировал в письме домой: «3 года без меня празднуете Новый год»¹. Ф. Алексанкин сокрушался в письме матери и брату: «Уже больше 2-х лет, как я с Вами расстался. Мы сильно изменились, все надоело – проклятая война»². И. Гази писал в конце 1943 г. жене и сыну: «Вот уже год, как меня нет дома. Пройдет еще год, и я буду снова дома»³. В последнем случае очевидно стремление автора обозначить конечность настоящих событий, исключить («вырезать») их из нормального повествования собственной жизни.

Изменилось на войне и представление о личном возрасте ее участников. Основную массу участников Великой Отечественной войны составляли преимущественно молодые люди. Большинство бойцов, принявших на себя первый удар противника, находилось в возрасте 18–23 лет, командиры взводов, недавние выпускники военных училищ, были, как правило, ненамного их старше. Однако и среди старших командиров, даже генералов, насчитывалось немало молодых людей: их быстрому продвижению по службе способствовали массовые репрессии командного состава в предвоенные годы.

По мобилизации на фронт прибыли представители старших возрастов, тридцати- и сорокалетние бойцы и командиры запаса, казавшиеся другим участникам войны, в силу их собственной молодости, пожилыми людьми. В своем дневнике 25-летний К.М. Симонов охарактеризовал 39-летнего бригадного комиссара И.В. Воронова, комиссара 61-го стрелкового корпуса, как уже «немолодого» человека. 52-летнего комбрига Н.И. Кончица его более молодой 39-летний командарм К.И. Ракутин откровенно называл «стариком»⁴. Между тем разница и в том, и в другом случае составляла менее пятнадцати лет – менее одного поколения.

По словам В. Кондратьева, опытные бойцы старших возрастов «воевали умелее, трезвее, поперед батьки в пекло не лезли, удерживая и нас, юнцов, потому что более нас понимали цену жизни»⁵. В то же время «стариком» на фронте мог считаться и просто тот, чей боевой опыт был больше. Различия между биологическим и социальным возрастом закрепило название известного кинофильма «В бой идут одни «старики»».

Прошедшие войну, особенно побывавшие на передовой люди неизменно быстро взрослели, становились значительно старше своего биологического возраста. Поэтому В.И. Кочетова с полным основанием могла сказать о том, что она и ее фронтовые подруги «теперь не 18–19-летние девушки, а умудренные опытом пожилые люди»⁶. Слишком сильным потрясением оказались для них полученные впечатления, слишком тяжелым для многих из них стал опыт социализации военного времени.

Большинству людей присуща определенная повторяемость, цикличность и ритмичность событий их повседневной жизни. Поведение военного человека в мирное время всегда строго регулируется требованиями воинских уставов, распорядком дня, с его такими обязательными элементами, как утренний подъем, зарядка, регламентированный по времени прием пищи, занятия по боевой, строевой и политической подготовке, вечерняя поверка. Однако на передовой распорядок дня не соблюдал-

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1230. Л. 2об.

² Герои терпения... С. 157.

³ Там же. С. 178.

⁴ Симонов К.М. Разные дни войны... Т. 1. С. 97, 109, 179, 186.

⁵ Кондратьев В. Указ. соч. С. 123.

⁶ Кочетова В.И. Мы были дружной семьей // Человеческие документы войны... С. 311.

ся: «Время суток на фронте – понятие весьма относительное. Не часовая стрелка определяла время сна и бодрствования. Не существовало и дней недели. Регламент жизни диктовала военная обстановка. Порой сутки казались неделями, а иногда исчезали напрочь в нескончаемом сне после многодневного боя. Помню лишь, что в период больших наступательных операций мы не раздевались по много дней кряду»¹. Такой жесткий ритм переживался по-разному. С предельным напряжением: «Я стал злой и нервный, пью водку, т. к. нет отдыха, все время наступаем»². Или, наоборот, эмоции притуплялись: «Здоровье хорошее, обут, одет, питание хорошее, все время наступаем. Бывает хорошо и плохо. Погода – выпал снег, идет сегодня дождь»³.

Экстремальность ситуации часто измерялась именно количеством времени, проведенного в необычных, тяжелых, опасных условиях. Это, прежде всего, относится к обстановке боя, который мог продолжаться не один день. Как описывал В. Сырцылин: «Прямо с большого марша попал в бой, четыре дня почти не спал, не ел, не умывался и ходил как черт из пекла». В его личном боевом опыте также выделяются 8 дней, которые он провел один в окружении; 5 суток, когда он «не снимал лыж и спал стоя», 96 часов на 30-градусном морозе без горячей пищи и сна⁴.

Выполнение воинского долга требовало гигантского напряжения всех физических и моральных сил. Сон на передовой крайне редко продолжался «уставных» 8 часов: он мог длиться и несколько часов, и несколько минут – столько, сколько в реальности позволяла боевая обстановка. Поэтому, когда наступали часы отдыха, бойцы и командиры могли спать в любых условиях – сидя, стоя, на ходу. Для представителей отдельных воинских профессий ночь, как время отдыха, и день, как время бодрствования, вообще менялись местами. Например, экипажам «ночного бомбардировщика» У-2 летать приходилось преимущественно ночью, в силу технических особенностей их «небесных тихоходов» и характера выполнявшихся военных задач.

Как правило, ночью приходилось действовать и разведчикам. На передовые позиции стрелковых и артиллерийских подразделений горячую пищу также привозили один, в лучшем случае, два раза в сутки, нередко ночью, чтобы не попасть под артиллерийский обстрел противника. Участник Сталинградской битвы Н.А. Тупыленко вспоминал: «Раз в сутки давали горячую пищу, и то ночью подвозили. Килограмм или девятьсот грамм хлеба дадут, каши котелок или полкотелка. Больше ничего – ни обедов, ни завтраков»⁵.

В распорядке дня экипажа подводной лодки, выполнявшей боевые задачи, официально закреплялась смена дня и ночи. Самыми «рабочими» для подводников являлись ночные часы, когда лодка всплывала на поверхность для зарядки аккумуляторов и становилась наиболее уязвимой для противника. Поэтому во время плавания при «нормальном режиме» завтрак начинался в 18.00, обед – в полночь, а ужин – в 6.00⁶.

В то же время противник предпочитал воевать днем, и ночные часы многими использовались для написания писем. Хотя письма домой писались и прямо с поля боя (строки о том, что «пули свистят» и «орудия грохочут», в большинстве случаев не были бравадой, а отражали реальную ситуацию), однако в основном бойцы дожи-

¹ Левин И.И. Указ. соч. С. 9.

² ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 67. Л. 122.

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1186. Л. 21.

⁴ Герои терпения... С. 93–94; ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 63.

⁵ Воспоминания Н.А. Тупыленко, 1923 г.р., записаны Е.Ф. Кринко в г. Майкопе 5 ноября 2001 г.

⁶ Симонов К.М. Разные дни войны... С. 298.

дались более-менее спокойной обстановки. Нередко поступались необходимым сном ради того, чтобы поддержать родных. *«Сейчас пришли на отдых, и я жертвую своим часом сна, хотя не спал уже более четырех суток, чтобы набросать вам несколько слов и дать знать о себе!»* – писал танкист Ф. Алексанкин матери и брату¹.

Воспоминания и письма советских военнослужащих отражают особенности восприятия различных времен года – зимы, весны, лета и осени – в тесной взаимосвязи от специфики выполнения ими тех или иных задач, развития событий на фронте. В течение первых лет войны войска вермахта обычно наступали летом, а советские войска переходили в контрнаступление зимой. Советским солдатам и командирам, особенно городским жителям, приходилось нелегко зимой в полевых условиях, но военнослужащие вермахта оказались еще менее подготовлены к русским морозам. Предвидя это, москвич Л.А. Финкельштейн писал своим бывшим однокурсникам в конце сентября 1941 г.: *«Воевать зимой будет весьма паршиво, но немцам еще хуже, что радуется»*².

Однако затянувшаяся война обостряла разлуку с близкими, и последующие зимы в эмоциональном плане воспринимались все более тягостно. *«Переживаю третью одинокую зиму. Холодно на улице и на сердце»*, – делился с женой В. Сырцылин. Весна вызывала романтические чувства: *«Ты часто бываешь со мной в тихие бархатные апрельские вечера...»*³ С весенним временем, как правило, ассоциировались надежды, острое желание жить. Танкист Ф. Алексанкин, находившийся в госпитале после тяжелого ранения, так выразил это настроение: *«Сейчас весна и под щебет птиц, благоуханье цветов умирать неохота»*⁴. Возвращение с войны также виделось в декорациях определенного времени года: *«Я иногда представляю, что это будет весенний день, то кажется осенний...»*⁵ Нередко времена года обозначались в письмах через желанные, связанные с мирной жизнью, образы: *«У нас поспели абрикосы»* (Гази в июле 1943 г.)⁶, *«У вас уже весна настоящая, скоро цветы зацветут. Хорошо. Давно не видел, как цветут сады, как они пахнут»* (Сырцылин в марте 1945 г.), *«Думаю к яблокам быть дома»* (Сырцылин в июне 1945 г.)⁷.

Считается, что положительные эмоции создают иллюзию быстрого течения времени, отрицательные, напротив, несколько растягивают временные интервалы. Поэтому временные промежутки, заполненные интересной и глубоко мотивированной деятельностью, кажутся короче, чем те, которые были проведены в бездействии. Однако в воспоминаниях, зафиксированных через десятилетия по окончании войны, соотношение может приобретать обратный характер: время, проведенное в безделье и скуке, кажется короче, а напряженные моменты – длиннее. Так, командир санитарного взвода К.В. Бирюлькина вспоминает о том, как отправлялась на задание: *«Ползешь вместе с разведчиками до определенного места, а там они уходят, а ты лежишь и ждешь их. Минуты кажутся вечностью, не говоря о часах»*⁸. С другой стороны, В.Д. Трещев писал домой после своего ранения: *«Время*

¹ Герои терпения... С. 160.

² Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 83.

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 59; Герои терпения... С. 109.

⁴ Герои терпения... С. 161.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 29.

⁶ Герои терпения... С. 175.

⁷ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 100, 89.

⁸ Травина А.С., Ласочко Л.С. Письма-воспоминания о Курской битве (по материалам Государственного архива Курской области) // Человеческие документы войны... С. 226.

идет так быстро, что не замечаешь, как проходят дни. Кажется, совсем недавно я был ранен, а уже более месяца прошло с того времени и уже более полмесяца (20 дней), как я в Сочи»¹

Кардинально менялись представления человека о времени в бою. В.С. Гроссман отмечал, что в бою искажались первичные ощущения, секунды растягивались, а часы сплющивались, поэтому отдельные молниеносные события – свист падающих снарядов и бомб, вспышки выстрелов – казались длительными. Напротив, движение по вспаханному полю под огнем, от укрытия к укрытию представлялось кратким, хотя и занимало немало времени. А рукопашный бой вообще происходил вне времени, в нем деформировались «и сумма, и каждое слагаемое»². По словам еще одной участницы войны, Б.И. Эпштейн, это «свойство человеческой памяти: через расстояния многих лет одни события и детали укрупнять, другие – уменьшать»³.

Впрочем, сам бой составлял, как правило, не более 1 % времени пребывания человека на фронте. Остальные 99 % времени занимали «формирования, переезды, жизнь на спокойных участках фронтов, лагеря, лазареты и прочие будни войны. В общем, серое существование, и для большинства еще более бедное, чем обычная наша жизнь»⁴. И дело в данном случае заключалось не только в нежелании расстраивать родных и близких или запретах военной цензуры описывать происходящие события. Однообразие переживаемых эмоций создавало впечатления о тягостной будничности происходящего: «Уж очень нудно и однообразно тянется время», – писал один из участников войны⁵.

Выход из полосы боев на отдых и переформирование совершенно не означали наступления свободного времени. В перерывах между боями проходили занятия по боевой и политической подготовке, приводилось в порядок оружие, читались газеты, ремонтировалась и стиралась одежда. «Хозяйственный день» мог протекать примерно так: «...вымылся сам, постирал белье, воротнички, полотенца; пришел везде покрепче пуговицы и крючки, утеплил варежки, поштопал теплые носки...»⁶ С одной стороны, такие периоды тяготили скукой и однообразием, вызывали тоску по дому. С другой, в это время проявлялась тяга к литературному и художественному творчеству.

Как особенное выделялось время пребывания в госпиталях или на учебе. Эти периоды контрастировали с фронтовой жизнью, которая описывалась обычно как «бессонные» ночи и «тревожные», «горячие», «кошмарнейшие» дни. В госпитале «ухо отвыкало от фронта», появлялось время спать, читать, размышлять о настоящем и будущем. Так произошло, например, с В. Сырцылиным в казанском госпитале: «Лежу целыми днями, времени тьма свободного и можно думать и делать свои выводы. Эти 8 месяцев для меня не прошли даром...»⁷

Находившийся на излечении В. Баранов писал любимой девушке: «Дни идут лениво, и все, как две капли воды, похожи друг на друга. Хочется разнообразия, но в том-то и дело, что его не хватает»⁸. На учебе время летело гораздо быстрее, бойцы

¹ Письма с фронта: 1941–1945. Сб. документов. Краснодар, 1983. С. 47.

² Гроссман В. Жизнь и судьба. М., 1988. С. 43–44.

³ Алексиевич С. У войны не женское лицо... Документальная проза. М., 1988. С. 163.

⁴ Соколов Б.Н. Указ. соч. С. 9.

⁵ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 118.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 10, 23об.–24.

⁷ Там же. Л. 4об., 92об.

⁸ Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»). С. 156–157.

проводили здесь досуг достаточно дифференцированно. Немало времени тратилось на то, чтобы отмыть «фронтовую грязь», привести в порядок свой внешний вид.

Порой события фронтовой повседневности тщательно фиксировались в записных книжках или дневниках с точностью до часов и минут. *«Все главные даты, селения, переходы я записывал в походном дневнике, т. е. в 7 книжках за весь период пребывания в Красной армии в войну, которые сохранились, из этих записей и написаны мои воспоминания о пройденном моем жизненном пути»*, – пояснял политрук роты А.И. Кобенко. Впоследствии, сопоставив даты, Кобенко выяснил, что в августе 1942 г. возникла ситуация, когда его батальон находился в лесу вблизи главного шоссе Майкоп – Туапсе, и в это же время по той же самой дороге бежали от немцев его жена и дочь. Спустя годы он поражался этому факту: *«Разве я мог думать, что моя любимая жена Нюся с больным сердцем, моя дорогая дочь Валя шли одной дорогой, разница лишь только в 2–3 дня, когда и я шел рядом с ними, но встретиться и поговорить не могли, я не знал, что с ними, они не знали обо мне... Это – война...»*¹

Для М.И. Бордовского, саперный батальон которого встретил 22 июня 1941 г. на западной границе СССР в районе Калварии, этот день показался *«самым длинным днем на войне»*². В завершающий период войны события катились с *«калейдоскопической быстротой»*³. В любом случае, фронтовое «настоящее», казавшееся аномалией в период привыкания к военной жизни, с течением времени обретало черты «нормальности», и иногда даже возникало ощущение, что *«лучшего не нужно»*⁴. Нередки были случаи, когда фронтовики отказывались от отпуска, так как понимали, что на дорогу будет затрачена большая его часть.

Неизбежными на фронте оказывались переживания по поводу уходящего времени жизни. Особенно болезненно фронтовики ощущали разлуку со своими маленькими детьми, которые подрастали без них. Уже через два месяца после ухода на фронт В. Сырцылин испытывал трудности с тем, чтобы представить себе оставленную в полугодовалом возрасте дочку: *«Она, небось, уже большая... Я часто думаю о ней, стараюсь представить ее себе такой, какой она выглядит сейчас, но это плохо получается, даже при богатой фантазии»*. В 1945 г., когда такие попытки уже потеряли всякий смысл, грустил: *«Олька уже большая, сама пишет – пропал самый интересный для меня возраст»*⁵.

Подобные мысли о безвозвратно потерянном времени посещали и танкиста Федора Алексанкина, когда он думал о своем младшем брате. Федор писал матери: *«Если бы Вы только знали, как я соскучился за Вами и Аликом, ведь у него сейчас самый интересный возраст. Когда он все хочет знать и всему подражать, что, конечно, очень смешно. Милая мамочка, как быстро прошло детство, как быстро прошли минуты детского счастья, время юности и наступило время, когда приходится задумываться так часто и разрешать все вопросы самому»*⁶. Обращает на себя внимание, как часто в письмах к близким фронтовики упоминают понятие минуты. Они подчеркивают, что думают о родных *«ежеминутно»*, *«ни на минуту»* в них не сомневаются, именно ради них *«ежеминутно льется кровь»*. Очевидно, что цена мига, минуты приобретала

¹ Герои терпения... С. 205, 208.

² Я это видел... С. 23.

³ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 86; Герои терпения... С. 126.

⁴ Герои терпения... С. 117.

⁵ Там же. С. 91, 117.

⁶ Там же. С. 158.

совершенно иное значение. Сырцылин писал: *«Как бы хотелось, чтобы одним глазком взглянуть на дочурку, а потом хоть снова на два года на фронт»*¹.

Тема будущего занимала значительное место в раздумьях фронтовиков. Будущим должна была стать жизнь после войны. Советские граждане верили и надеялись, что окончание войны неминуемо приведет к улучшению их жизни. При этом сами мечты о будущем редко содержали конкретные «рецепты» преобразований: оно просто не могло не быть лучше, чем время войны. Ф. Алексанкин сообщал матери уже из Германии: *«...терпеть осталось недолго, а там счастливая жизнь и радость»*². Впрочем, общая усталость от войны, подорванное здоровье, невеселые письма из дома оказывали свое влияние на размышления о будущем, в которых оптимизм причудливо сочетался с пессимизмом. Как писал В. Сырцылин в 1945 г.: *«Живу только мыслями о будущем, которое для меня не особенно блестит грезами и совсем не великое. Я не говорю таких глупостей, что окочурюсь через пять лет, но я такая развалина, что мне нужно бурно и быстро прожить свой остаток»*. Ощущение преждевременной наступившей старости не покидало его, как многих других участников войны. В возрасте 34 лет видел себя без прикрас: *«Гляжу в зеркало – старая противная рожка: в морщинах, с изрядной сединой и какое-то злое! Почему так – не знаю, наверное, отпечаток пережитого»*. Чтобы доказать товарищам по службе, что когда-то *«тоже был человеком»*, просил выслать из дома довоенную фотографию. Кроме того, искренне признавался жене, что четыре года разлуки сгладили из памяти черты ее лица³.

Большие тревоги по поводу своих перспектив в послевоенном будущем одолевали студенческую молодежь и тех, кто до ухода на фронт имел более-менее ясные планы профессиональной самореализации. Отставание от однокурсников или коллег по работе, остававшихся в тылу, было очевидным. Оно вызывало, как минимум, раздражение, а, как максимум, военнотрудовые испытывали вполне понятную зависть и опасения насчет своей профессиональной и социальной мобильности. *«Получил вчера письмо от друга, – обдумывал свое положение «после двух лет на фронте, т. е. в лесу» 24-летний военный переводчик Виктор Раскин. – Учились вместе в институте, но ему повезло больше: в этом году он кончает Авиационный институт в Ташкенте, имея шансы на аспирантуру. Я учился лучше его и мог бы тоже защищать дипломную вместо того, чтобы допрашивать сукиных сынов, рвать глотку на телефоне и ждать своего осколка... Что ждет меня, когда (и если) вернусь. Люди стали инженерами, заняли положение в обществе, приобрели опыт, знания...»*⁴ Сожаления об упущенных возможностях передает письмо младшего лейтенанта М. Львовича, которому в 1943 г. исполнилось 26 лет: *«Мне же война помешала во всем, исковеркала жизнь, переломала планы, затупила голову. Порою кажется, что и сейчас, а если случайно уцелею, то и после войны не к чему и руки приложить: осолдатился, если можно так выразиться. Единственное утешение: так почти со всеми поступило это ужасное время»*⁵.

Время войны как длительный, полный лишений период жизни способно было кардинально влиять на взаимоотношения между людьми. В одних случаях оно

¹ Герои терпения... С. 91.

² Там же. С. 159.

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 72об., 73, 89, 90.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 85.

⁵ Архив НПЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 1. Д. 118. Л. 4.

содействовало налаживанию или укреплению отношений, в других – их разрушению, болезненным разочарованиям. Б.Д. Орешников, являвшийся редактором многотиражной заводской газеты в Казани, в годы войны вел переписку с десятками фронтовиков, выслушивая от многих слова признательности и заверения в дружбе. В письме от Виктора Аристова они звучали так: «Родной Борис! За время войны ты стал не только другом, но и моим родным, кровно родным братом»¹.

2.4. Запад в представлениях советского человека 1920-х гг.

О восприятии советским человеком внешнего мира написаны десятки хороших книг, сотни добротных и глубоких исследовательских статей. Изучение вопросов взаимовосприятия России и Запада в последние годы превратилось в одно из наиболее активно разрабатываемых исследовательских направлений². С 1994 г. в Центре по изучению отечественной культуры ИРИ РАН работает группа по изучению международных культурных связей России. На ее основе создан и действует научный семинар по проблемам взаимовосприятия культур, в рамках которого широко обсуждаются проблемы, связанные с формированием представлений о Западе и его роли в российской истории.

Между тем в понимании механизмов формирования образов Запада и его «страноведческих» вариаций остается немало открытых вопросов. В частности, в дальнейшем прояснении нуждаются осуществление взаимодополнения различных источников и каналов получения информации о внешнем мире, их доминирование в определенный промежуток времени, отношение исторической памяти с текущими международными событиями. И, наконец, поиск общего знаменателя в восприятии этих разрозненных образов, все попытки обнаружения которого разбиваются об особенности культурной среды той или иной группы населения, его близость или отдаленность от крупных индустриальных центров, уровень грамотности и широту полученного образования. Тем не менее, как показывают опубликованные исследования и документальные свидетельства того времени, Запад никогда не воспринимался географической реальностью или имевшей строго очерченные границы территорией. В нем всегда чувствовалась инаковость по отношению к российской действительности, зеркально отражавшая наши различия. Представляется, что в контексте 1920-х гг. Запад превратился для советского человека в «факультет ненужных вещей», жизненно необходимый для понимания того наследства, от которого ему предстояло отказаться. Разбор очутившихся там предметов – от культуры

¹ НА РТ. Ф. Р-2157. Оп. 8. Д. 34. Л. 15.

² Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982; Чугров С.В. Россия и Запад: метаморфозы восприятия М., 1993; Щепетов К.П. Немцы – глазами русских. М., 1995; Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996; Россия и внешний мир: диалог культур, М., 1997; Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998; Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954. М., 1999; Оболенская С.В. Германия глазами русских (XIX век). М., 2000; Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1–5. М., 2000–2009 и др.

до технических достижений и моды – повлек за собою рождение различных образов Запада, превратившихся в скором времени в устойчивые и до сих пор активно бытующие мифы¹.

* * *

«Значимый другой», или такой многоликий Запад. Если задаться целью и собрать воедино все словарные определения такого ключевого для российской истории понятия, как «Запад», то окажется, что их не так-то много, а точнее три. Запад понимается как географическая характеристика («сторона света», «часть горизонта, за которую заходит солнце»), особенность определенного типа культуры и цивилизации, обобщающее название ряда европейских стран. При этом каждое из этих определений имеет временные особенности своего бытования, что не только смещает смысловые акценты, но и привносит любопытные абберации в восприятие массовым сознанием Запада в целом. Так, для образованного человека XIX в. Запад ассоциировался с «западной», «упадком» и «спадом». Вместе с тем, как показал в своем исследовании классического российского западничества Д.И. Олейников, при всех сложностях взаимовосприятия Руси и Запада представление об их единстве долгое время считалось очевидным². С петровских времен крепла идея ученичества – соперничества России с Западом, который окажется для нее, по точному замечанию Б.А. Успенского, «постоянным культурным ориентиром», тем, «с чем все время приходится считаться»³. В конечном итоге, Запад превратился для России в «значимого другого», систему координат, по отношению к которому «определяется и переопределяется ее идентичность»⁴. При этом, как показали изыскания О.Ю. Малиновой, тема соотнесения России с Западом не всегда в одинаковой мере являлась для нее актуальной. В 1920-е гг., когда появилась возможность «переписать свои отношения с Западом практически с чистого листа», она переживала настоящий Ренессанс.

В официальном дискурсе представителей правящей партии возобновились старые споры о месте России в мировой истории. Правда, теперь они уже велись относительно страны победившего социализма, чей прорыв в «светлое царство свободы и справедливости» опередил более подготовленный к тому Запад. Данное обстоятельство, шедшее вразрез с дореволюционными установками партии, увязывавшими победу пролетарской революции в России с ее началом на Западе, должно было стать хорошим поводом к пересмотру представлений о российской отсталости и ее извечно догоняющем пути развития. Однако одержанная победа воспринималась скорее как чрезвычайное стечение обстоятельств, нежели новая историческая закономерность. Ее превращению в предмет национальной гордости мешала и исповедовавшаяся большевиками идеология пролетарского интернационализма, исходившая из близости грядущей мировой революции и рассматривавшая

¹ Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. М., 2009. С. 156–186.

² Олейников Д.И. Классическое российское западничество. М., 1996. С. 8.

³ Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Этюды о русской истории. М., 2002. С. 395.

⁴ Малинова О.Ю. Дискурс о России и «Западе» в 1920–1930-х годах. Попытки переопределения коллективной идентичности в новой системе координат // Космополис. 2008. № 2 (21). С. 32.

российский опыт в качестве ее передового рубежа. Даже осознание того факта, что мировая революция как-то запаздывает и едва ли разразится в ближайшие десятилетия, кардинальным образом не изменило отношения России к Западу. Принятый в середине 1920-х гг. курс на построение социализма в отдельно взятой стране придал России лишь статус первопроходца, которому было еще чему поучиться у капиталистического окружения.

Вместе с тем нарастающее ощущение идейной чуждости и бытийной антагонистичности советской России к Западу придало их традиционному противостоянию принципиально новый классовый характер. В перспективе этого противостояния Россия из «отсталой» превращалась в «передовую». Под ее воздействием «менялась не только трактовка отношения к “Западу”: принимая на себя роль лидера мирового антикапиталистического движения, Россия оказывалась в авангарде широкой коалиции, включавшей и колониальные народы “Востока”. Классовая перспектива давала основание рассматривать “Восток” скорее как “союзника”, тогда как “Запад” – преимущественно как “общего врага”»¹. Врага, собирательный образ которого был не только далек от своего монолитного единства, но все еще обладал притягательной силой не до конца поверженного противника. В массовом сознании, нашедшем отражение в многочисленных и разнообразных письмах, воспоминаниях и откликах рядовых граждан о событиях того времени, запечатлелись его различные образы. Они дают возможность современному исследователю судить не только о том, как представляли себе Запад различные категории населения, но и под воздействием каких факторов менялось его восприятие. Наглядным примером в этом отношении является эволюция оценок популярнейших в 1920-е гг. идей международной солидарности трудящихся и грядущей мировой революции.

В январе 1922 г. научный сотрудник Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова И.И. Литвинов, делаясь своими впечатлениями об успехах и неудачах первого послеоктябрьского пятилетия, врагах и друзьях советского государства, с горечью писал о «глупостях» упрощения теории классовой борьбы, в одночасье разрушенной голодом в Поволжье: *«В Сов[етской] России голодают миллионы крестьян, недавние громады богачей и помещиков; существование сов[етской] власти в величайшей опасности. И кто же помогает голодным? Мировой пролетариат? Коминтерн, на который так надеялся Зиновьев? Профинтерн? Ничего подобного. Рабочие во всех странах собрали, быть может, двести тысяч рублей золотом. Зато американские миллиардеры жертвовали десятки миллионов золотом. Они кормят миллионы детей... Десятки докторов – буржуа чистой пробы – приезжают со всех стран и гибнут в борьбе с эпидемиями в голодающих районах. И детские очереди около американских столовых, и больницы, и врачи – герои-жертвы эпидемий, и поезда с американским хлебом – как все это наглядно подтверждает нашу теорию о классовом характере культуры и этики “в буржуазном” обществе»*².

Идея неизбежности мировой революции в сознании населения тесно соседствовала с торжеством рабоче-крестьянского интернационализма во всем мире. Так,

¹ Малинова О.Ю. Дискурс о России и «Западе» в 1920–1930-х годах. Попытки переопределения коллективной идентичности в новой системе координат // Космополис. 2008. № 2 (21). С. 38.

² «Птицегонство надоело до смерти...» (Из дневника И.И. Литвинова. 1922 г.) // Неизвестная Россия. XX век. Книга четвертая. М., 1993. С. 87.

житель села Ново-Андреевки Новгородского района Александровского округа Екатеринославской губернии в своем письме в «Крестьянскую газету» в октябре 1924 г. заключал, что «буржуазные государства Запада и Востока катятся по наклонной плоскости социальной революции». Исследуя «способы производства и обмена, установленные буржуазией», он пришел к выводу об «отсутствии каких бы то ни было научных и гуманных основ» у этого строя¹. Не меньшую уверенность у читателей газеты вызывала и поддержка «рабочих и крестьян заграницы своего брата, рабочего и крестьянина СССР»: «Прочитав “Крестьянскую газету” № 38, в каковом напечатана статейка о приготовлении к войне заграничной буржуазии, старики нашей д. Федоровки Дубровской вол., Бежецкого у. сильно ужаснулись... Но зато молодежь, а особенно призывники 1902 г., только улыбались и говорили: “Пуццай изобретают, это для нас не страшно, все эти ее изобретения лягут на голову самой же буржуазии... рабочие с крестьянами заграницы в настоящее время находятся в цепких руках буржуазного капитализма, но когда буржуазия вооружит своих рабочих и крестьян, тогда ослабуют когти буржуазии и выпустят свою жертву, которую полные столетия держат в кабале и угнетении...”»²

В то же время в сознании новой интеллигенции крепло сомнение относительно быстрой победы социалистической революции во всем мире. Уже в феврале 1922 г. тот же И.И. Литвинов отмечал: «Образованные народы, привыкшие критически мыслить и осознавать ответственность за каждый свой поступок, стадному чувству не так подвержены. Скопом они почти никогда не действуют. И революция для них поэтому, как и еще по многим причинам, теперь почти не мыслима. То, что было возможно в России, в западной Европе, особенно в Англии, и Америке невозможно. И этим объясняется отсутствие революции на Западе, несмотря на страшную войну и на значительные страдания масс»³. «О революции в Германии не думает почти никто, и она не возможна... Экономические бои в Германии возможны, но не больше»⁴.

В 1920-е гг. с их открытостью внешнему миру, идейным разномыслием и осознанием масштабности выпавшей на долю страны исторической миссии восприятие Запада общественным сознанием оставалось дробным. С одной стороны, он представлялся «силой, враждебной советскому государству, и оценивался – положительно или отрицательно – с точки зрения взаимоотношений с новой властью»⁵. С другой – иным миром, где, как в сказке, «текли молочные реки», пролетариат по внешнему виду не уступал советским нэпманам, а чтение английской «Times» давало ощущение сопричастности к пульсу большой истории⁶. Запад виделся сосредоточением пороков старого, буржуазного мира, вызовом социальному прогрессу и в то же время эдаким трикстером, соблазнявшим советского человека запретными плодами мещанского уюта, продуктовым изобилием и дорогим запахом гаванских сигар. И, хотя «Запад» крестьянина Костромской губернии разительно отличался от его восприятия представителем

¹ Голос народа... С. 226.

² Там же. С. 227.

³ «Птицегонство надоело до смерти...» (Из дневника И.И. Литвинова. 1922 г.). С. 95.

⁴ Там же. С. 99.

⁵ Вергасов Ф. Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. URL: http://www.pseudology.org/information/Russia_and_West/gl03-4

⁶ Чуковский К.И. Дневники (1901–1929). М., 1997. С. 98.

старой интеллигенции и, тем более, от официальной версии, во всех обличьях западного мира присутствовала оппозиция прошлого будущему. Именно с этим изжившим себя в исторической перспективе прошлым и отождествлялся «Запад» в массовом сознании советского человека 1920-х гг. Он зачастую оказывался онтологическим маркером, границей «своего» и «чужого».

В смутные годы революционного брожения принадлежность чужому миру выявлялась просто: либо по внешнему виду, либо по фамилии, имени, отчеству. Известному революционеру и историку Гражданской войны на Северном Кавказе Николаю Янчевскому пришлось сменить польское отчество Леонардович на более привычное русскому слуху Леонидович. По прибытии в 1918 г. в Иркутск «для борьбы за советскую власть в Приангарье он был арестован где-то в пределах Иркутской губернии местными крестьянами. Темные люди заподозрили в нем польского шпиона, причем фамилия и отчество, написанные в документах, укрепили их в этой мысли. Он едва не пошел под расстрел... Чтобы в дальнейшем не попадать в подобные ситуации и давать меньше поводов темным людям для предположений о своем польском происхождении, он стал называть себя Леонидовичем, или Леонтьевичем»¹.

Такого рода подозрительность усилилась после советско-польской войны 1920 г., запомнившейся не столько «эпической оценкой происходившего», сколько «будничностью, заурядностью описываемых фактов, порой ужасающих своим наивно-примитивным варварством»². По свидетельству крестьянина деревни Кривоселки Копыльского района Слуцкого округа Белорусской ССР, «много пришлось потерпеть крестьянам во время войны с белополяками! Много понесли они и горя, и потерь! Там отняли лошадь, здесь увели корову, там обратно берут овец, свиней и многое другое!» Описывая конкретный случай расправы с односельчанином, автор воспоминаний сравнивает «вельможных панов» с разъяренными львами, «рассыпавшимися, как птицы при виде коршуна, почти по всем дворам, и повытягавши из “стрех” (крыша) по жмени соломы, грозившими спалить всю деревню». От «подлой негодной поляцкой руки» сгорела в то время не одна деревня³.

Вместе с тем Запад выступал своеобразной лакмусовой бумажкой проверки на прочность «природы» нового человека, его стойкости к идейно чуждому и тлетворному влиянию «мира капитала и классовой ненависти». Недаром в 1920-е гг. упорно держался слух, что «нэп был придуман большевиками на погибель недобитой в огне Гражданской войны буржуазии»⁴. В данной связи весьма показательна приводимая И.И. Литвиновым «презабавная история, на днях (речь ведется о середине марта 1922 г. – Авт.) происшедшая на факультете естеств[енных] наук. Стали регистрировать студентов на получение стипендии. Общее собрание студентов факультета постановило анкет не заполнять. Отчаянные контрреволюционеры анкет не заполняли, но общая трусливая масса поодиночке их все-таки подавала, боясь лишиться стипендии. Но вот пришла “АРА” и заявила, что все студенты, которые ничего не будут получать от советской власти, получают американский паек – около 4 пудов продовольствия. Контрреволюционеры торжествуют победу, а подавшие анкеты

¹ Мининков Н.А. Николай Леонардович Янчевский: историк, писатель, революционер. Ростов н/Д, 2007. С. 7.

² Голос народа... С. 32.

³ Там же. С. 35.

⁴ ГУ НАРА. Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

ходят без головы, так как стоит им попасть в список стипендиатов – и они лишаются права на американский паек, который по крайней мере в 4 раза лучше любой нашей стипендии». Правда, многие слушатели оказались «этим чрезвычайно недовольны», а одна из них заявила, «что это оскорбление для Руси. Матушка Русь побирается»¹

* * *

Каналы и источники формирования массовых представлений о Западе в 1920-е гг. По заключению специалистов, в формировании представлений человека о внешнем мире участвуют несколько информационных каналов: «историсофский», посредством которого происходит усвоение общих знаний по истории и культуре тех или иных стран; «политико-информационный», предоставляющий сведения о современном положении и развитии иностранных государств². В послереволюционной России с ее резким неприятием культурного наследия старого мира ведущая роль в процессе формирования представлений о Западе, прежде всего, как собирательного образа капиталистического мира, принадлежала «аналитико-информационному» каналу. Представляющие его система образования и средства массовой информации практически сразу же оказались под идеологическим контролем правящей партии, решительно ограничившей любые иные источники получения сведений об окружающем мире. Служебные командировки за рубеж предусматривались только для партийных функционеров и крупных деятелей культуры. Ответные «дружественные» визиты иностранных делегаций строго дозировались и, как правило, проходили за «закрытыми» дверями. Курс советского руководства на привлечение к строительству социализма иностранных специалистов очень скоро сменился политикой «железного занавеса», а те немногочисленные иностранные колонии, которые успели сформироваться на строительстве крупных предприятий, воспринимались по большей своей части если и не совсем своими, то, по крайней мере, близкими по духу³. Вместе с тем такого рода сотрудничество породило и весьма любопытные представления о заграничье. Один из современников, побывавший в деревне в середине 1920-х гг., отмечал на одном из партийных совещаний, что об иностранцах ходят самые невероятные слухи как «о благодетелях, которые спят и видят, как помочь русскому крестьянину, а советская власть не позволяет»⁴.

Ф. Вергасов, исследовавший процесс формирования внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества, показал, как в 1920-е гг. происходило размывание той части новой элиты, которая знала о Западе не понаслышке, а через полученное за границей образование или пребывание в эмиграции. К началу 1930-х гг. она оказалась полностью вытесненной из высших эшелонов государственной власти. Шел активный процесс сокращения и образованных партийных функционеров, знавших иностранные языки, что существенно ограничивало источники формирования представлений о западном мире и неизбежно влекло за собою рождение новых мифов. Преумножали их эмигрантские издания, одно время

¹ «Птицегонство надоело до смерти...» (Из дневника И.И. Литвинова. 1922 г.). С. 110.

² Вергасов Ф. Указ. соч.

³ См., например: Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электроставского завода в советском обществе 1920–1930-х гг.

⁴ Вокруг статьи Троцкого «Уроки Октября» (октябрь 1924 – апрель 1925 г.) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 175.

заменявшие иностранные газеты и журналы. Однако уже с середины 1920-х гг. и они были практически полностью заменены реферативными обзорами с предельно ограниченным кругом хождения. В 1926 г. информационный отдел ОГПУ направил на имя секретаря ЦК ВКП(б) В.М. Молотова письмо, в котором сообщалось, что только через аппарат НКВД проходит более тысячи экземпляров эмигрантской прессы. Обращалось внимание и на тот факт, что *«ряд заграничных белоэмигрантских изданий вообще существовал благодаря их распространению в СССР по завешенным расценкам»*. Предлагалось издать секретный циркуляр с запрещением членам партии покупать эти издания, создать комиссию для установления порядка ознакомления с ними, а количество выписываемой в СССР эмигрантской периодической печати сократить до 25 экземпляров. В 1927 г. подписка на эмигрантскую прессу и вовсе была запрещена. Вместо нее в крупнейшие парткомы страны стали рассылаться подготовленные информационным отделом ЦК *«специальные обзоры»*. Причем количество адресатов резко ограничивалось и в 1929 г. сократилось с 40 до 12 организаций¹.

Основным каналом формирования массовых представлений о западном мире оставались советские газеты. Именно они создавали образы врагов и союзников молодого пролетарского государства, увязывая их с близившейся мировой пролетарской революцией и классовой солидарностью рабочих всего мира. Проблемы международного положения и внешней политики молодого советского государства занимали ведущее место на страницах центральных и региональных изданий. Так, передовицы *«Советского Юга»* в 1922–1923 гг. пестрели разоблачениями антантовского империализма, *«характерной для советской идеологии тех лет резкой критикой в адрес Польши, с которой только что закончилась война, и, напротив, апологетикой германского пролетариата и Турции как страны, которая противостояла антантовскому империализму»*². На страницах газеты выражалась глубокая классовая солидарность с германским рабочим классом, становящимся после заключения Версальского мирного договора объектом *«нещадной эксплуатации»* со стороны держав-победительниц. Особо в этой связи *«доставалось»* Франции, чей *«экспансионистский нрав»* был известен еще с наполеоновских времен³.

Активное освещение в прессе вопросов, относящихся к формированию внешнеполитического курса советского государства, нередко провоцировало читателей поделиться личным опытом, полученным в результате непосредственного столкновения с представителями западных стран. В 1926 г. в связи с обсуждением *«Крестьянской газетой»* предстоящих переговоров с Францией по поводу возвращения *«царских долгов»* редакция получила несколько десятков писем, чьи авторы настойчиво просили *«правительство СССР собрать как можно больше сведений о французских издевательствах над нашими солдатами и предъявить как требование французам»*⁴.

П.Ф. Габов, отправленный во Францию со 2-й особой артиллерийской бригадой, а затем перемещенный на Салоникский фронт, в своем обширном письме рассказал о *«пытках и лишениях»*, которым подвергся со стороны французских властей.

¹ Вергасов Ф. Указ. соч.

² Мининков Н.А. Указ. соч. С. 20.

³ Советский Юг. 1923. № 219 (924).

⁴ Голос народа... С. 22.

Простояв месяц во французском городе Оранже, бригада была передислоцирована на Балканы в небольшой городок под Салониками Флорину, где, собственно говоря, и начались ее злоключения. Военнослужащих, не перешедших в 1-ю категорию, т. е. тех, кто «желал идти на фронт», отправили в лагерь, где на 16 чел. «выдавали кило хлеба и одного кролика на сутки». Затем, перемешав всех и разбив по рабочим батальонам, французы «под страхом пулемета направили на станцию Топсию и заставили работать шоссе». Отказникам объявили голодовку на 8 суток и в течение всего этого времени «ничего, кроме сырой воды, ничего абсолютно не давали. Братва голодовки не выдержала и сдалась на работу», «проработав здесь полтора месяца, получая паек 800 г хлеба и 150 г мяса»¹. Автор письма особо настаивал на том, что если «Франция будет ставить условия, чтоб русский мужик и рабочий уплатили им царские долги в сумме 4 миллиарда рублей», то «наше правительство должно им поставить требования за те жертвы, которые были у них на фронте защищающие их границы»².

Главным международным противником советского государства того времени чаще всего оказывалась Англия, подтверждением чему служили время от времени возникавшие слухи о готовившейся войне с британскими империалистами³. Наряду с Англией в качестве вероятных военных противников фигурировали Польша, прибалтийские государства, Румыния, которые «редко рассматривались как самостоятельные инициаторы войны и считались странами, следующими в фарватере британской политики». Как показала М.М. Кудюкина на примере формирования внешнеполитических представлений красноармейцев рассматриваемого периода времени, причинами столь «зловещей» враждебности Великобритании по отношению к СССР являлось отнюдь не стремление к «порабощению мира». На политзанятиях, ставших основным каналом влияния на представления красноармейцев и занимавших каждый день не менее 2 часов, в данной связи пояснялось, что «желание вернуть долги и национализированное имущество и потушить огонь мировой революции – вот что определяет особую враждебность к СССР английских империалистов»⁴. Зачастую в массовых представлениях Англия из официального противника превращалась в благодетельницу, готовую начать войну исключительно из симпатий к русскому народу. А.В. Голубев приводит зафиксированные органами ОГПУ слухи, где упоминалось, что «для завоевания симпатии русских масс в России Англия взяла под свое покровительство православное духовенство»⁵. С Англией связывались и представления о возможной реставрации монархической власти в России. В 1925 г. в Новониколаевской губернии появился слух о том, что «на самом деле председателя Совета народных комиссаров А.И. Рыкова зовут Михаилом Александровичем Романовым, что он скрывался в Англии, а теперь попал к власти и скоро станет на престол»⁶.

¹ Голос народа... С. 31.

² Там же. С. 30.

³ Голубев А.В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х гг. // Отечественная история. 2008. № 1. С. 36–58; Кудюкина М.М. Враги и союзники глазами красноармейцев в конце 1920-х годов // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. Тезисы докладов Всерос. науч. конф. Москва, 25–26 ноября 2008 года. М., 2008. С. 141–144.

⁴ Кудюкина М.М. Указ. соч. С. 143.

⁵ Голубев А.В. Указ. соч. С. 40.

⁶ Там же. С. 56.

В литературе неоднократно ставились и обсуждались вопросы относительно эффективности воздействия институтов советской пропаганды на создание соответствующей картины внешнего мира, внедрение в массовое сознание выгодных власти стереотипов. Следует отметить, что, в принципе добившись поставленных целей и сформировав классово окрашенное восприятие советским человеком Запада, официальная пропаганда вызвала к жизни и нежелательные его образы. Так, к концу 1920-х гг. те же красноармейцы недоумевали, отчего западный пролетариат *«спит и дает хлестать себя нагайками»*, вместо того чтобы подгонять мировую революцию; все чаще выражались сомнения и относительно его готовности *«помочь нам в случае войны»*¹. Начавшаяся коллективизация и резко ухудшившееся положение крестьянства породили представления о том, что все пошло за границу *«на подъем революции»*. Крестьяне не только выражали возмущение *«проводившейся обдираловкой»*, но и приходили к выводу, что *«в Америке жизнь лучше»*². В анонимном письме, поступившем в «Крестьянскую газету» в августе 1928 г., где проклинались тираны-мучители и вся советская власть, *«отнявшая у труженика его землю и отдавшая ее лодырю»*, надежда на избавление связывалась с *«благороднейшей Англией и достойнейшим паном Пилсудским во главе с господином Чемберленом»*³.

Крестьянство, доведенное до отчаяния *«отсутствием советской власти в деревне»* и начавшимся экспортом хлебопродуктов, предупреждало правительство, чтобы оно *«не полагалось очень на крестьян в случае войны. Ни один не скажет, что охотно пойдет защищать советскую власть. Хлеба нет и за 10 рублей, куда что девалось, а наш хлеб едят Англия, Франция и Германия, а крестьяне сиди по неделе голодные»*⁴. Ухудшение экономической ситуации в стране рождало острые и довольно нелицеприятные вопросы к власти. Все чаще в сводках писем, составление которых широко практиковалось в рассматриваемый период времени политическими отделами в различных учреждениях и редакциями газет, отмечались прозападные настроения. Рабочие хотели знать, *«чем объяснить богатство Америки и благосостояние [ее] народа, ведь это капиталистическая страна, а капитал только угнетает народ»*; где находится подлинный социализм *«во Франции и Германии со свободой слова и печати или у нас в диктатуре ВКП(б)»*⁵.

Практиковавшиеся в газетах с середины 1920-х гг. публикации о передовых хозяйствах западных стран порождали представления о *«зажиточном, культурном уровне жизни американского крестьянина»*, в доме которого *«чисто, есть пианино, скрипка, много употребляют мяса»*. При этом рассказы о «хорошей жизни» пробуждали у российского крестьянина не стремление к высокопроизводительному труду, а желание переехать *«хоть в ту же Данию»*. Современный исследователь приводит характерный пример, когда, прочитав в газете «Правда» описание Дании, «группа сибирских крестьян, самая культурная и старательная в своем селе, решила незамедлительно переселиться в эту Данию хотя бы с тем, чтобы жить там в батраках»⁶.

¹ Голубев А.В. Указ. соч. С. 56.

² Кирьянова Е.А. Российское крестьянство в годы коллективизации: восприятие внешнего мира и отечественных реалий // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. Тезисы докладов Всерос. науч. конф. Москва, 25–26 ноября 2008 года. С. 146–147.

³ Голос народа... С. 22.

⁴ Там же. С. 214.

⁵ Там же. С. 233.

⁶ Вергасов Ф. Указ. соч.

К 10-летию советской власти в «Крестьянской газете» была организована рубрика «Митинг». Среди поступивших в редакцию и опубликованных на страницах газеты писем оказались и те, что критически оценивали достижения революции. Одно из них, вызвавшее бурную дискуссию, принадлежало крестьянину Н.Ф. Еличеву из села Макарова Ростовского уезда Ярославской губернии, открыто заявившему, что *«при царе было гораздо лучше поставлено торговое дело и сбыт сельскохозяйственных продуктов»*. Изобличая недостатки организации земледельческого труда, он со знанием дела указывал и на одну из причин бедности советского сельского хозяйства: *убыль рогатого скота, «понемногу отнимавшего от земли самое драгоценное удобрение – навоз. В общем у нас кладут не более 3 тонн навоза на гектар, между тем как за границей, в Германии, Дании, Бельгии и Голландии, кладут 36 тонн на гектар. Кроме того, у них во много раз шире развито минеральное удобрение»*¹.

Осознание материального и технического превосходства капиталистического мира вызывало не только желание *«пожить там в батраках»*, но и недоумение по поводу необходимости оказания помощи иностранным трудящимся: *«Вы английским рабочим помощь посылаете, а свои с голодадохнут»*, *«Америке продали нефть на 5 лет, а сами без топлива»*. Один из читателей, прочитав в газете заметку о помощи китайской революции, заявил: *«На кой черт нам это? Деньги на них тратим, учим их, а свои люди с голодадохнут»*. Возникали и отдельные сомнения относительно оправданности жертв революции: *«Если бы не было революции, то наша страна была бы богаче Америки»*². *«Весь мир живет, движется, делом занимается, а мы в нищенской, дикой, оборванной России тратим свои силы на объяснение такого и такого-то акта Бориса Годунова с точки зрения марксизма. Треплемся, изучая философские системы... и отлучаем от Церкви всех, с нами не согласных. А на сто тысяч жителей у нас один автомобиль, в Америке же – десять тысяч. Там, однако, ни о Марксе, ни о ценности и цене знать не хотят. Просто препротивно»*³. Высказывались и предположения о *«возможности превращения нашей страны во второй Китай, в то время как побежденная и в 10 раз беднейшая Германия успешно развивает свое хозяйство»*. Причиной тому, по заключению одной из листовок «антисоветского содержания», распространявшейся во время избирательной кампании 1928/29 гг., – *«существующая система партийной диктатуры, сводящаяся к диктатуре Сталина (достаточно охарактеризованного в завещании Ленина), душит все живое в стране и ведет на край пропасти»*⁴.

В конце 1920-х гг. среди населения советской России усиливаются и поиски «подлинного социализма». Сергей Тимофеевич Мыскин-Зеленов из деревни Сонин Луг Черемошенской волости Орловской губернии, рассуждая на страницах «Крестьянской газеты» о том, когда и как *«придем мы к социализму»*, заключал, что случится это *«по нашему воспитанию очень не скоро»*. Причем *«в американских или европейских государствах этого не будет, потому что там народные массы при других условиях жизни живут. Америка придет к социализму по другим рельсам, а именно: при такой высокой культурной образованности и достигшей неслыханной техники, хотя и пишут, что там давят тиски капитала рабочий класс, но, обратно, читали, что там работа-*

¹ Голос народа... С. 207.

² Там же. С. 234.

³ «Птицегонство надоело до смерти...» (Из дневника И.И. Литвинова. 1922 г.). С. 90.

⁴ Голос народа... С. 275–276.

ют по всем отраслям машины, а рабочие управляют ими. А рабочий класс живет, пользуется современным всевозможным комфортом роскоши, что наши буржуи. Я читал еще в [190]4 году, как в Америке артели из разных профессий городских жителей соединялись на кооперативных началах, содержали фермы, и в свободное время от своих профессиональных занятий и работали физическим трудом, не гнушались получившие университетское образование, как то доктора и т. д. И еще приходилось читать во время русско-японской войны и слышать от пленных, что в то время в Японии не только жилища, но и магазины [имели] двери без замков, и почему так по строгости законов или по воспитанию народных масс, так привито в целом народе взаимное уважение»¹.

Наряду с тем росла и уверенность, что построить новое коммунистическое общество можно собственными силами. В 1925 г. крестьянин села Салтыково Курской губернии Я.М. Рудиков в своем обращении в редакцию «Крестьянской газеты» писал: «Новая экономическая политика дает рост государственному капиталу, рабочим и крестьянам – страшную безработицу и голод, а это не по-хорошему. Крестьяне все лоском без работы прядают и сюда, и туда, нигде ничего, последние осьмыжки [– осьмушки] доедая. А в нашем селе Салтыкова ставит буркма семь вышек, бурят, достав магнитную руду и очень ценную. Мне кажется, что теперь же нужно приступить к постройке шахты и завода. Как говорят, наше государство своими средствами построить все это скоро не может, и придется нашему государству обратиться за поддержкой в капиталистические страны или за займом или сдачей в аренду на несколько лет капиталистам других стран. По моему убеждению, этого делать не нужно. Как я смотрю из жизни теперь, в нашем селе Салтыкова 500 дворов, более трех тысяч населения и из них тысяча пятьсот душ рабочих, которым совершенно делать нечего...»² Не подрывало этой уверенности и осознание технического превосходства европейских стран. Ответственный работник МГК ВКП(б), один из «образцовых функционеров советской партийно-государственной системы», «красный» профессор А.Г. Соловьев записал в своем дневнике от 11 января 1929 г.: «Побывал в музее, где проводится Неделя германской техники. Далеко нам до немцев. Но будет время – обгоним»³.

Разнообразные и порой плохо вяжущиеся с официальной версией образы Запада тем не менее не выходили за пределы его восприятия в качестве классового противника подавляющим большинством населения. Его присутствие в жизни советского человека образца 1920-х гг. ограничивалось потенциальной угрозой новой мировой войны и необходимостью заимствования технических достижений буржуазного мира. Небольшие очаги культуры «западного окружения» с трудом пробивали себе дорогу в виде мизерных тиражей издававшихся М. Горьким в серии «Всемирная библиотека» «книжек прогрессивных европейских писателей и поэтов» и практически не доходили до рядового потребителя⁴. Хотя некоторые из них все же попадали в круг интересов подраставшего и имевшего, по собственным словам, «довольно хорошую политическую подготовку» поколения. В письме, адресованном И.В. Сталину, 15-летний пионер с гордостью сообщал, что «читает беллетристику Синклера и Лондона»⁵.

¹ Голос народа... С. 250.

² Там же. С. 235.

³ Соловьев А.Г. Тетради красного профессора (1912–1941 гг.) // Неизвестная Россия. XX век. Книга четвертая. С. 150.

⁴ Чуковский К.И. Указ. соч. С. 126–127.

⁵ Голос народа... С. 153.

При этом его старшими товарищами английский писатель Джек Лондон воспринимался «гениальнейшим из экономистов»¹.

* * *

Проявления Запада в повседневной жизни. Наглядным проявлением западности в Советской России того времени оставалась, пожалуй, мода, в которой наряду с разработкой визуальных форм «советскости» присутствовало и подражание загранице². Одной из европейских новинок русской моды тех лет являлся спортивный конструктивизм, навеянный творчеством Ле Корбюзье, Родченко и Татлина³. В частности, в этом стиле был выдержан купальный костюм. В эпоху нэпа достигло пика своей популярности немое кино; появились первые отечественные кинозвезды, ставшие всеобщими эталонами красоты, – Ольга Жизнева, Вера Малиновская, Анель Судакевич, Анна Стен. Своим успехом они не в последнюю очередь были обязаны подражанием в имидже и гриме голливудским актрисам. Стали вновь открываться модные ателье, возрождались шляпные мастерские. В моду стали входить платья в стиле «чарльстон» с заниженной талией, отделанные вышивкой или аппликацией, а также шляпки в виде таблеток⁴.

Попытки первых советских модельеров уйти от канонов общемировой моды и предложить новый силуэт платья – «с хрупкой, затянутой талией и очень пышной, длинной, зауженной у щиколоток юбкой», – дополнявшийся огромной красной шляпой, не увенчались успехом. В данной связи Н.Б. Лебина и А.Н. Чистиков отмечали: «Не совсем ясно, на кого была рассчитана такая мода, но она явно не прижилась среди жительниц Ленинграда в середине 20-х гг. Зато парижанкам они подражали с большим удовольствием»⁵.

Большой популярностью в городах с конца 1920-х гг. стала пользоваться советская юнгштурмовская форма. Созданная на основе формы членов революционной организации немецкой молодежи, она состояла из гимнастерки с широким откладным воротником, с двумя карманами по бокам и на груди, брюк полугалифе, чулок и ремня, имела цвет темного хаки, была удобна и прочна в носке. В отличие от других идеологически чуждых заимствований, на нее «возлагались большие социально-экономические надежды. Она должна была решить проблему одежды части молодых людей. Введение единой формы для комсомольцев выглядело как полное отрицание внешних образов бытовой культуры нэпа. ЦК ВЛКСМ считал, что форма юнгштурма “дисциплинирует комсомольцев”, позволит “воспитать чувство ответственности у комсомольца за свое пребывание в комсомоле, примерность поведения у станка, на улице, дома... способствует военизации комсомола”»⁶.

В целом мужская мода оставалась более консервативной; ее практически единственным западным элементом была привычная «пролетарская» кепка, пришедшая из американского городского костюма начала века. Вместе с тем, несмотря на «нераз-

¹ «Птицегонство надоело до смерти...» (Из дневника И.И. Литвинова. 1922 г.). С. 99.

² Журавлев С.В. Власть моды и советская власть: история противостояния. URL: <http://www.polit.ru/research/2006/12/21/fashion.html>

³ Андреева А.Ю., Богомолов Г.И. История костюма: эпоха, стиль, мода. СПб., 2001. С. 280–282.

⁴ Кирсанова Р.М. Все дело в шляпе // Родина. 2003. № 7. С. 100–101.

⁵ Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Указ. соч. С. 58.

⁶ Там же. С. 64.

витость эстетического вкуса и отсутствие тяги к модной одежде» у подавляющего большинства мужчин, и в их среде росла тяга к хорошей и дорогой одежде. Ярким примером тому являлся «пролетарский трибун» В.В. Маяковский, который «одевался в заграничные, часто американские костюмы и был секс-символом своего времени. Долгое время Маяковский был кумиром Ив Сен-Лорана – хотя они не были знакомы лично, но в доме Ив Сен-Лорана висел его портрет»¹.

В 1920-е гг. формируется и новая идеология потребления, краеугольным камнем которой выступает бытовой аскетизм: стремление избавиться советского человека от буржуазного культа вещей. В новой действительности вещи должны были выступать в своей настоящей, а не «извращенной» ипостаси. О.Ю. Гурова передает характерное для того времени суждение современника: «Были ли вы в большом театре? В первых рядах обыкновенно сидят накрашенные дамы в разных мехах. Шеншиеля, голубые песцы и прочие дорогие меха. Это соревнование мехами, украшениями исстари ведется. Показ богатств, наживы! Раньше людей так и расценивали... Одежда должна согревать, защищать от холода, а не демонстрировать богатство в государстве, где все равны. Революция смела привилегии шеншиелей и орденов!»² «Тлетворному» влиянию Запада активно противостояла новая культура потребления, пропагандировавшая идеи рационализации не только моды, но и красоты. На страницах журналов для женщин активно обсуждались вопросы о том, можно ли «пудриться и мазаться». Ответом стала целая серия статей с характерным названием «Юные работницы строят новый быт», где отмечалось, что от пудры и подмалевывания «лицо портится и нехорошо. Как будто обман какой». Предполагалось, что при повышении культурного уровня женщины вся эта косметика сама по себе ликвидируется³. А вместе с ней отпадет и необходимость сопоставления жизни советского человека с «ложными» западными образцами.

Присутствие «западности» наблюдалось и в формирующейся новой праздничной традиции. Возникающие праздники приурочивались к различным памятным событиям недавнего революционного прошлого, в том числе символизирующего и солидарность с трудящимися Запада. Реально ощутить свою сопричастность единому делу борьбы и поддержать западный пролетариат советскому человеку предоставлялось дважды в год: 8 марта и 1 мая. Например, в Адыгее празднование 8 марта проводилось под знаком «раскрепощения женщины-горянки». Бытовавшие здесь представления о Западе сопрягались с улучшением быта, питания и гигиены женщины-работницы⁴. Праздник 1 мая использовался властью в целях «изыскания средств через парторганизации для помощи инвалидам Красной армии и борцам Революции Запада». Однако уже в конце 1920-х гг. под «напором несознательной части населения, пускавшей слухи о том, что никакого пролетариата на Западе отродясь не было», помощь «борцам Революции Запада» пришлось приостановить⁵.

Соприкоснуться с западной культурой как образом жизни на бытовом уровне можно было и еще одним способом. Правда, он не давал полного соответствия действительному, настоящему Западу, но тем не менее позволял судить рядовому гражданину об отличительных особенностях того запредельного мира, о котором

¹ История моды // Lady-club «У Алисы». <http://lady-club.ucoz.ru/forum/29-118-5>

² Гурова О.Ю. Идеология потребления в советском обществе: революционная доктрина вкуса и бытовой аскетизм, 1920-е годы. URL: <http://www.socjournal.ru/article/669>

³ Там же.

⁴ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 130. Л. 24.

⁵ Там же. Л. 72.

так часто говорили большевики. Речь идет о так называемых национальных меньшинствах, активно вовлекаемых в 1920-е гг. в «*русло коммунистического строительства*» и имевших государства за пределами России. Начавшееся административно-территориальное размежевание и сопровождавшая его коренизация вызывали к жизни различные формы национальных образований: от районов и сельских советов до колхозов. Будучи одним из «*эффективных способов*» приобщения «*наших внутренних националов*» к строительству светлого будущего, они призваны были продемонстрировать трудящимся всего мира те возможности, которых лишила их капиталистическая родина. Между тем многие из них становились очагами высокой производительной культуры, исподволь опровергая официальные утверждения о бесспорном превосходстве советской системы хозяйствования. Весьма показательной в этом отношении оказалась недолгая история существования Немецкого (Ванновского) национального района на Кубани.

27 февраля 1928 г. Указом Президиума ВЦИК РСФСР было утверждено «*желание населения немецких колоний Армавирского округа*» о создании Немецкого (Ванновского) района с центром в с. Ванновском. В его состав предполагалось передать 20 населенных пунктов (с общей численностью 13517 чел.), из них 6 – с преобладающим немецким и 14 – русско-украинским населением. Помимо сельских советов в него вошли концессия «Друзаг» и две немецких колонии. Всего район собирался обслуживать и удовлетворять нужды 6 045 немцев. На всем протяжении своего существования, вплоть до момента упразднения 4 мая 1941 г. в связи «*с угрозой немецкого вторжения*», район сталкивался с решительным сопротивлением его существованию со стороны членов окружного исполнительного комитета, не раз предпринимавших попытки его ликвидации явочным порядком. В Президиум Северо-Кавказского крайисполкома шли потоки писем и нареканий о «*политической вредности существования у нас, в самом сердце России змеиного гнезда германца, еще вчера бывшего наших мужиков на фронтах Империалистической и Гражданской войн*»¹. Не встречало понимания существование района и у местного населения, выражавшего возмущение тем, что «*немцам гонят новую технику, у них и урожая выше*»².

Менее чем за два года район превратился в показательное многоотраслевое хозяйство с развитой сетью потребительской кооперации. Приблизительно с этого же времени у него начались «перебои» со снабжением необходимой техникой и отмечался рост «*политической близорукости со стороны руководства района*». В апреле 1930 г. организационный отдел Президиума Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета разослал окружным органам власти циркулярное письмо «*по итогам проверки обслуживания национальных меньшинств*». В нем, в частности, отмечалось, «*что ряд краевых и окружных организаций недооценивают политического значения работы среди наименее запада и, прежде всего, немецкого населения*». Письмо содержало целый перечень искривлений и фактов подрыва работы «*в этом важном направлении социалистического строительства*»³. Среди наиболее «*вопиющих нарушений*» были отмечены совершенное отсутствие контроля со стороны Кропоткинского животноводческого союза, обслуживавшего Немецкий район, за поступлением молодняка и не использование выделенных для этих целей средств;

¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 43. Д. 62. Л. 80, 80об, 123–124.

² Там же.

³ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 320. Л. 22.

незаконная ревизия Армавирским окружным полеводческим союзом тракторов, принадлежавших немецким колхозам; отгрузка в район совершенно ненужных и лишних сельскохозяйственных машин¹.

Большую обеспокоенность края вызывала бездеятельность местных властей по «выращиванию кадров из немецких батраков и бедноты», находившая оправдание в том, что их «с успехом могут заменить командируемые в район русские». Подобная практика замещения привела к «полному развалу немецкого колхоза “Роте Фане”». Показательно, что по сводкам и отчетной документации того же краевого исполкома, «Немецкий район, состоявший из 7 сельских советов, в 1929 г. был коренизирован на 100 %, а к 1930 г. в нем не осталось ни одного такого сельского совета». При этом, по основным показателям весеннего сева, с 97 %-ным охватом коллективизации, район считался «наиболее благополучным в крае» и призван был оказывать помощь отстающим соседним районам². Несмотря на неоднократно признававшуюся нежизнеспособность, район просуществовал до 1941 г. и стал «образцом советской работы среди многочисленных народностей Запада»³.

К сожалению, прямых свидетельств о том, как воспринималось его существование и достижения рядовыми советскими гражданами, найти не удалось. Тем не менее отмечавшийся в сводках ОГПУ рост эмигрантских настроений среди немцев Северного Кавказа, в том числе и из национальных районов, свидетельствовал о том, что им не очень-то уютно жилось на родине первого в мире социалистического государства. Среди немцев велись следующие разговоры: «Пятилетка есть насильственная, поголовная коллективизация индивидуальных крестьянских хозяйств и заставит нас быть рабами, а мы этого не хотим и в коллективы не пойдем. Немцы по природе собственники и их в коллективы... и на быках не затаишь», «Пятилетка нам не нужна. Верните нам 25–26 г., тогда была жизнь», «Нам жизнь в Советской России надоела, мы не хотим оставаться, мы хотим ехать в Америку, не наше желание участвовать в социалистическом строительстве, а наше желание разрушить его», «Мы в России пасынки, и поэтому мы хотим уехать к своим братьям. Лучше быть самым последним батраком, свинопасом в Канаде, чем “свободным” гражданином в России»⁴.

2.5. Немцы и другие: образы противников в массовом сознании советского общества в 1941–1945 гг.

В условиях социально-политической напряженности коллективные представления о «других» приобретают враждебный характер. Образ «врага» наделяется всевозможными негативными и сверхъестественными качествами, вызывающими ненависть и страх. Он концентрирует на себе усилия пропаганды, выступая важным фактором мобилизации общества. В данной связи достаточно показательны

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Л. 2.

² Там же. Д. 397. Л. 6.

³ Хлынина Т.П. Синдром осажденной крепости, или Как на Кубани появились национальные районы // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 3: Памяти В.П. Попова. Краснодар, 2007. С. 108.

⁴ Голос народа... С. 28.

формирование образов противника в советском массовом сознании в годы Великой Отечественной войны, ставшей одним из самых интенсивных периодов взаимодействия жителей Советской России и стран Запада. Без учета сложившихся в это время представлений невозможно понять общую логику в развитии их взаимного восприятия.

Формирование образов противников и союзников в массовом сознании советского общества накануне и во время Великой Отечественной войны рассматривали А.В. Голубев¹, Е.С. Сенявская², В.А. Невежин³ и другие исследователи⁴. В то же время их внимание в основном акцентируется на восприятии противника отдельными группами советских граждан или на отдельных сферах пропаганды, а весь комплекс вопросов, связанных с формированием образа «врага», взаимосвязи между общественным сознанием и системой пропаганды представляются недостаточно изученными.

Необходимо отметить, что в годы Второй мировой войны в целом и Великой Отечественной войны – как ее составной части – организация пропаганды вышла на качественно новый уровень. Воздействуя на общественное сознание, пропаганда мобилизовала население на выполнение определенных политических задач, от решения которых зависел итог войны. Во всех воевавших странах широко использовались упрощение картины мира и оценок происходивших событий, апелляция к стереотипам и предрассудкам, поиск виновных в развязывании войны и причинении ущерба, разжигание чувства ненависти и страха путем формирования образа «врага».

В СССР в организации пропаганды главную роль играли Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС), Радиокomitee и Профсоюз работников искусства (РАБИС), находившиеся под контролем Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). 24 июня для разоблачения целей Германии в войне, мобилизации всех сил

¹ Голубев А.В. Антигитлеровская коалиция глазами советского общества (1941–1945 гг.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 334–345; Его же. Советское общество и «образ союзника» в годы Второй мировой войны // Социальная история. Ежегодник. 2001–2002. М., 2004. С. 126–146; Его же. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920-е – 1940-е годы. М., 2008; Его же. «Мы ждали второго фронта»: союзники глазами советского общества в годы Второй мировой войны // Российская история. 2009. № 6. С. 3–27 и др.

² Сенявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение. (Историко-психологическое исследование); Ее же. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; Ее же. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России; Ее же. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; Ее же. Союзники Германии в мировых войнах в сознании российской армии и общества // Вопросы истории. 2006. № 11. С. 92–103 и др.

³ Невежин В.А. Советская пропаганда и идеологическая подготовка к войне (вторая половина 30-х – начало 40-х гг.). М., 1999; Его же. Если завтра в поход... М., 2007 и др.

⁴ Всеволодов В.А. «Образ врага» (к вопросу о характере советской пропаганды накануне и в период войны) // Трагедия плена. Красногорск, 1996. С. 144–147; Горяева Т. Убить немца: образ противника в советской пропаганде // Родина. 2002. № 10. С. 41–44; Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х годов // Отечественная история. 2003. № 6. С. 31–46; Кринко Е.Ф. Оккупанты и население в годы Великой Отечественной войны: проблемы взаимовосприятия // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 329–344 и др.

и средств на отпор врагу было образовано Советское информационное бюро при СНК СССР. Сводки Совинформбюро передавались по радио, ставшему главным официальным источником информации для большинства населения, печатались в газетах. ТАСС и Совинформбюро отвечали за выбор новостей и их правильное освещение в текстах, плакатах и фильмах. Главное внимание в пропаганде уделялось прославлению любви к Советской Родине и ненависти к врагам-захватчикам, которые стали ассоциироваться с немцами.

Попытки сформировать в России образ немца-врага отмечаются еще в годы Семилетней войны. Однако вплоть до начала XX в. немец оставался для большинства россиян «чужим», но не враждебным¹. Негативный характер образ немца в глазах русского обывателя приобрел в годы Первой мировой войны, когда пресса представляла неприятеля в виде чудовища, дикаря, варвара, подчеркивая систематические нарушения германской армией военных законов и обычаев². Однако последующая революционная смута породила новых «врагов», заставив на какое-то время забыть о старых. В процессе развития советского государства в роли «врагов народа» оказывались помещики и «буржуи», «троцкисты» и «вредители», кулаки и прочие «контрреволюционеры».

Периодически советская пропаганда обращалась и к внешним угрозам, важнейшую из которых после прихода Гитлера к власти представляла Германия. В 1933–1939 гг. газеты и журналы, книги и кинофильмы создавали резко отрицательный образ нацистов. При этом немецкий народ отделялся от руководителей Третьего рейха и изображался одновременно в виде жертвы и борца с фашизмом под руководством коммунистов³. Поэтому в советском обществе предвоенных лет отсутствовали явные антинемецкие настроения. Стереотипом восприятия немца оставался *«толстый, благодущный, обычно чуть забавный скупердяй, вечно с кружкой пива в руке, с женой, отличной хозяйкой, всегда возившейся на кухне и готовой угостить друзей»*⁴.

С заключением советско-германского пакта о ненападении антифашистская пропаганда в СССР была свернута. В целях «политкорректности» были изъяты книги о германском фашизме, а из проката снят фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский». Когда сыктывкарской школьнице понравилось стихотворение, *«в котором говорилось о жестокости фашистов, может быть, в связи с событиями в Испании»*, руководитель кружка чтецов сказал, что оно не подойдет, *«так как наша страна заключила с Германией мирный договор; поэтому нельзя говорить о фашистах плохо»*. Озадаченная девочка *«никак не могла понять, почему к фашистам так резко изменилось отношение, ведь у советских людей уже сложилось устойчивое негативное отношение к ним»*⁵.

В.А. Невежин отмечает, что очередной поворот в пропаганде начался после выступления Сталина перед выпускниками военных академий Красной армии 5 мая

¹ Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. 1991. М., 1991. С. 181.

² Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. С. 257–263 и др.

³ Григорьева О.И. Формирование образа Германии советской пропагандой в 1933–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 19.

⁴ Москва военная 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 382.

⁵ Леванова Р.М. Мои воспоминания о Великой Отечественной войне // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2006. Вып. 2. С. 109.

1941 г., в условиях нарастания угрозы развязывания боевых действий¹. Завершиться к началу войны он так и не успел, в сообщении ТАСС 13 июня 1941 г. говорилось о незыблемости советско-германской дружбы.

В результате для большинства населения СССР нападение Германии стало неожиданным, хоть и предсказуемым событием, а само слово «война» так «ударило по душе, по сердцу, по сознанию, как будто что-то такое страшное, непоправимое случилось»². В то же время у многих сообщение о начале войны не вызвало страха, под воздействием предвоенной пропаганды люди верили в победу Красной армии над противником «малой кровью и на чужой территории», и вряд ли кто мог представить себе всю тяжесть предстоявших испытаний. Иностранные журналисты, находившиеся в СССР в начале войны, удивлялись поразительному оптимизму жителей. Согласно Э. Кордуэллу, американцы прочили падение Москвы уже через две-три недели после вторжения немецких войск. Русским эта мысль попросту не приходила в голову³.

Особенно широко оптимистические настроения были распространены среди молодежи. Немало юношей переживало, что война закончится за месяц – полтора, до того, как они попадут на фронт: «Ну вот, – рассуждали, – немцев быстро разобьем, а из-за своего возраста повоевать так и не успеем, не сможем показать себя героями»⁴. Люди постарше, помнившие невзгоды Гражданской войны, как правило, спешили запастись продуктами и товарами первой необходимости. По воспоминаниям известного этнографа В.И. Козлова, встретившего начало войны семнадцатилетним юношей, родители сразу послали его за солью и мылом, а сами «заторопились в другой магазин купить что-то из текстиля на имеющиеся деньги»⁵. Эти действия являлись типичной реакцией людей, привыкших жить в условиях хронического дефицита в стране, где несколько лет назад была отменена карточная система.

К тому же в массовом сознании советского общества сохранялась широко пропагандированная в СССР вера в классовую солидарность трудящихся всех стран, включая и государства фашистского блока. По словам еще одного очевидца и историка М.И. Семиряги, в начале войны «мы на фронте и в тылу не испытывали ненависти к германским солдатам» и рассчитывали на то, что немецкие рабочие и крестьяне поднимут восстание против фашизма⁶. Для опровержения иллюзий требовалось время, а в первые дни и даже недели отдельные граждане заявляли, что немцы – «культурнейшая нация Европы», у которой следует поучиться организации промышленности и транспорта, и мирным гражданам их нечего бояться. Встречались утверждения, что немцы ведут войну только против коммунистов, евреев и руково-

¹ Небезин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939–1941. М., 1997 и др.

² Воспоминания Л.М. Фроловой (Щербань), 1923 г.р., записаны Е.Ф. Кринко 26 мая 2002 г. в г. Майкопе.

³ Дорога на Смоленск. Американские писатели и журналисты о Великой Отечественной войне советского народа. 1941–1945. М., 1985. С. 28.

⁴ Треногин И. Хотя и были мы мальчишками... // За нашу Советскую Родину! Воспоминания ветеранов – участников Великой Отечественной войны. С. 128.

⁵ Козлов В.И. Великая Отечественная (Воспоминания и размышления) // Молодая гвардия. 1997. № 7. С. 151.

⁶ Семиряга М.И. Русские в Берлине. 1945 год // Международная жизнь. 1994. № 5. С. 89.

дителей, а остальным Гитлер несет хорошую жизнь¹. В западных районах СССР жители часто отказывались эвакуироваться, не желая оставлять место, где они родились и выросли, бросать дом и имущество.

Обращает на себя внимание определенная «неповоротливость» советской пропагандистской машины в начальный период войны. Уже 22 июня 1941 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) В.М. Молотов предложил дать указания печати и Радиокomiteту провести широкое разъяснение того, что «*война будет как никогда жестокой*». С согласия И.В. Сталина данное предложение приняли без обсуждения. Но первые сводки сообщали, что «*противник отбит с большими потерями*» почти на всех направлениях, это должно было, по мнению руководства, успокоить население и вселить надежду². И когда после неоднократных утверждений о том, что «*ничего существенного*» на фронте не произошло, Совинформбюро сообщило об оставлении советских городов (29 июня был захвачен Минск), это «*показалось невероятным и диким*»³. Только выступление Сталина 3 июля ясно дало понять, что нужно готовиться к суровым испытаниям. В письмах домой бойцов и командиров Красной армии появились слова о том, что борьба будет «*длительная и жестокая, что нам придется приносить большие жертвы*», а «*враг силен, жесток и коварен*», хотя они все еще не теряли веры в победу⁴.

Реализацию новых пропагандистских задач усугубляли общая неразбериха и паника, противоречивость и отрывочность сведений, доносившихся с фронта, отсутствие необходимых материалов. С первых дней войны советская периодика печатала рассказы о тяжелом положении в странах, захваченных фашистами, сопротивлении их жителей, а в конце лета появились публикации документов, очерков и статей о насилии над жителями оккупированной территории СССР и советскими военнопленными. При этом в борьбе с фашизмом предполагалось сплотить прогрессивные силы всего человечества, в том числе и самих немцев, «*незараженных*» нацистскими идеями (считалось, что таких подавляющее большинство). Первоначально советская печать рассказывала о том, что германский народ «*ждет мира*», а среди германских солдат «*царит подавленное настроение*» в связи с нападением на СССР⁵.

Даже после первых тяжелых поражений Красной армии советская пропаганда продолжала рисовать картины жестокого разгрома вермахта⁶. На первых плакатах Гитлер и другие нацистские руководители выглядели скорее беспомощными и почти побежденными, чем угрожающими. Недостаточность и неэффективность советской пропаганды и агитации начала войны хорошо осознавались отдельными политработниками, призывавшими печатать «*побольше документов о зверствах, о политике реставрации капитализма и помещичьей кабалы, проводимой немцами, об оскорблении немцами русского национального достоинства*»⁷.

¹ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 17.

² Из воспоминаний управляющего делами Совнаркома СССР Я.Е. Чадаева // Отечественная история. 2005. № 2. С. 11–12, 20.

³ Москва военная 1941–1945. Мемуары и архивные документы. С. 382.

⁴ Письма с фронта: 1941–1945. Сб. документов. Краснодар, 1983. С. 17.

⁵ Рассказ немецкого солдата Альфреда Лискофа // Молот. Орган Ростовского обкома и горкома ВКП(б), областного и городского советов депутатов трудящихся. 1941. 27 июня и др.

⁶ Назаров А. Трансформация образа врага в советских хроникальных кинофотодокументах июня–декабря 1941 года // Образ врага. М., 2005. С. 178.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 59. Л. 95–97.

В то же время в результате складывавшейся не один год привычки немало советских граждан сначала скептически воспринимало сообщения о зверствах немцев, их грубом и жестоком поведении на захваченной территории, совершенно не соответствовавшие прежним представлениям. Военный переводчик И.И. Левин отмечал: *«Нам в это трудно было поверить... все-таки захватчик пришел из Европы, из Германии, культуру которой мы чтим со школьных лет»*¹.

Тем не менее постепенно отношение к противнику стало меняться, захватчики в глазах советского населения приобрели черты жестокого, коварного и сильного врага, чьи действия вызывали ненависть и страх. Динамику представлений о противнике отразила эволюция взглядов героя рассказа М.А. Шолохова «Наука ненависти» лейтенанта Герасимова. Если в начале войны он *«привык с уважением относиться к немецкому народу»*, то пройдя через плен, говорил: *«...мы озверели, насмотревшись на все, что делали фашисты, да иначе и не могло быть. Все мы поняли, что имеем дело не с людьми, а какими-то осатаневшими от крови собачьими выродками»*².

Определенные изменения произошли и в наименовании противника, понятия «немцы» и «фашисты» стали восприниматься как синонимы: любой немец оценивался не только как потенциальный, но и как реальный враг. С конца 1941 г. интернациональный лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» полностью уступил место патриотическому призыву «Смерть немецким оккупантам!»³. И. Эренбург отмечал: *«Врагов одни зовут "германцами", другие "фашистами", третьи – "гитлеровцами", но все их равно ненавидят»*⁴. Позже он писал: *«О врагах наш народ говорит: "немец", "фашист" – или даже еще короче: "он"»*⁵. В качестве наименований противника также использовались собственные имена: «фрицы» и, реже, «гансы». Наричательным именем стала и фамилия нацистского диктатора: *«О немецкой армии колхозники говорят "Гитлер"»*⁶.

Тем самым ответственность за жертвы, перенесенные страдания и унижения возлагалась не только на верхушку Третьего рейха, но и на военнослужащих оккупационных войск, которые убивали, насиловали и грабили, на жителей Германии, широко использовавших подневольный труд «восточных рабочих» и с нетерпением ожидавших «подарков» с захваченных территорий: *«Наивные люди полагали, что Германия – страна, а она стала огромной воровской организацией. Думали, что немцы – народ, а они стали многомиллионной бандой»*⁷. В то же время И. Эренбург не раз подчеркивал, что речь идет не о мести, а о справедливости, красноармейцы не станут убивать стариков, женщин и детей в Германии или сжигать немецкие музеи. Но до тех пор, пока оккупанты-гитлеровцы находились на советской территории, их следовало уничтожать всеми возможными способами⁸.

¹ Левин И.И. Указ. соч. С. 64.

² Шолохов М.А. Наука ненависти // Шолохов М.А. Собр. соч. Т. 8. М., 1959. С. 17, 19.

³ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 17–6 (1–2). Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1996. С. 91.

⁴ Эренбург И. Летопись мужества. Публицистические статьи военных лет. 2-е доп. изд. М., 1983. С. 21.

⁵ Там же. С. 34.

⁶ Там же. С. 124.

⁷ Эренбург И. Война. 1941–1945. М., 2004. С. 189.

⁸ Там же. С. 220.

В создании враждебного образа немца использовались различные формы и средства, учитывавшие особенности разных групп советских граждан: агитационная литература, плакаты, фильмы и кинохроники, радиопередачи, митинги мести, беседы агитаторов, выставки и др. Например, специальные листовки обращались к женщинам, молодежи, детям, жителям освобожденных и тыловых регионов. На фронтовиков были рассчитаны плакаты «*Кто сегодня в немца не попал, – у того задаром день пропал*» и «*В бою минута дорога, коль хочешь жить – убей врага!*», на женщин – плакат «*Фашизм – злейший враг женщин*». Плакаты вообще играли особую роль в системе советской пропаганды, способствуя визуализации образа противника, давая возможность представить «воочию» захватчика. Специфический плакатный стиль придавал облику врага стилизованный, деперсонифицированный характер, усиливая чувство ненависти. В то же время нередко подчеркивалось жалкое и трусливое поведение противника, прославлялись мощь и мужество противостоявших ему советских войск, что должно было воспитывать веру в победу у населения.

В создании плакатов в годы войны участвовали более 300 художников – Кукрыниксы, П. Соколовский-Скаля, И. Тоидзе, Б. Ефимов и другие. В качестве главного анималистического образа «фашистского гада» на плакатах использовалась змея, в русской иконографической и мифологической традиции символизировавшая несчастье и зло. К. Вашик обращает внимание на то, что графически данный мотив представлялся удобным еще и потому, что позволял при помощи умножения змеиных тел построить символ свастики¹.

Не меньшую роль в создании образа «врага» сыграли писатели и поэты, многие из которых во время войны стали военными корреспондентами – К. Симонов, А. Толстой, В. Гроссман и особенно И. Эренбург. Он прославлял великую и безграничную ненависть советских людей к немцам-фашистам, убеждая, что убийство немцев – личное дело каждого бойца и командира: «*Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя... Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев*»².

В подобном же духе, хотя и не всегда столь откровенно, писали о противнике и другие авторы. А.Н. Толстой призывал: «*Ты любишь свою жену и ребенка, выверни наизнанку свою любовь, чтобы она болела и сочилась кровью... Убей зверя, это твоя священная заповедь*»³. Однако именно И. Эренбург стал во время войны главным кумиром миллионов советских читателей, потому что сумел наиболее полно и точно выразить их чувства. Пропаганда противника также обращалась в первую очередь к его текстам в процессе создания образа «врага». Всего во время войны к пропагандистской и агитационной работе в СССР было привлечено около 1 тыс. литераторов, 275 из которых погибли.

Пропаганда сформировала представления о том, что противник утратил право считаться человеком. Впрочем, соотнесение врагов с дикими животными также казалось недостаточным. А.Н. Толстой писал, обращаясь к противнику: «*Зверьями вас назвать нельзя, – дикие звери жестоки, но не убивают для наслаждения убийством*

¹ Вашик К. *Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов* // *Образ врага*. М., 2005. С. 221.

² Эренбург И. *Война. 1941–1945*. С. 257.

³ Толстой А.Н. *Полн. собр. соч.* М., 1950. Т. 14. С. 207.

и не проливают крови себе подобным. Нельзя назвать вас и сумасшедшими, потому что вы совершаете зверства обдуманно и планомерно, по инструкциям бюро пропаганды германской армии»¹. Позже он утверждал: «Не оскорбляйте варваров, называя этим именем солдат Гитлера. Не обижайте природу, называя дикими зверями солдат Гитлера. Они просто – падшая сволочь»².

Похожие чувства испытывал к противнику конструктор-танкостроитель Н.А. Астров: «Оказалось, что это не люди и даже не звери, так как любые звери, даже самые кровожадные, если бы они могли понять, что их приравнивают к немцам, оскорбились бы до предела. Жестокость, бесчеловечность, вандализм, безграничное и беспрецедентное издевательство над людьми и культурой всех народов, кроме выдуманной немцами «арийской расы»... Просто не хватает слов, чтобы охарактеризовать эту породу изуверченных фашизмом двуногих»³. При характеристике противника применялись слова и выражения «изверги», «палачи», «людоеды», «бандиты», «двуногие чудовища», а то и прямые ругательства – «уроды», «подлецы», «мерзавцы», «мошенники», «паразиты» и т.д.

Таким образом, противостояние «своих» и «чужих» приобрело классический характер борьбы светлых сил, защищавших добро, с темными силами, олицетворявшими зло. Второй куплет известной песни «Священная война» зафиксировал принципиальные различия сторон: «Как два различных полюса / Во всем враждебны мы: / За свет и мир мы боремся, / Они – за царство тьмы». Дихотомия закреплялась традиционным цветовым решением: на плакатах советский воин изображался красным цветом, а неприятель – черным. Борьба могла закончиться только победой одной из сторон и гибелью другой, компромисс между силами добра и зла был в принципе невозможен. При этом образ противника мог отличаться у представителей разных групп советского общества, поскольку не совпадали их взгляды на природу и сущность мирового зла: «Для старых бабок в деревне Гитлер – это антихрист. Для молодого астронома, шорца, отец которого верил в колдовство и отдавал последнюю овцу шаману, Гитлер – это тьма»⁴.

В пословицах, поговорках, частушках и других фольклорных произведениях военного времени захватчики сравнивались со злыми, экзотичными животными (псом, волком, верблюдом), с представителями нечистой силы («нечистью») как существами иного, запредельного понимания мира (вампиром, чертом, сатаной)⁵. Например, в песнях казаков-некрасовцев враг именовался «Идолище поганое», «антихрист», «Змей-Горыныч», «Змей-Тугаринин». Однако эти эпические образы зла казались слишком бледными на фоне масштабов насилия и ненависти на оккупированной территории. Для усиления впечатления употреблялись выражения «Будь ты трижды проклят, Гитлер!», «Будь ты тысячу трижды проклятый!»⁶.

Е.С. Сенявская отмечает преобладание эмоционально-субъективного начала в оценках противника, вследствие чего «те его качества, которые у своих оцениваются как исключительно позитивные, применительно к врагу рассматриваются,

¹ Толстой А.Н. Собр. соч. Т. 10. М., 1961. С. 482.

² Там же. С. 515.

³ Москва военная 1941–1945. Мемуары и архивные документы. С. 382.

⁴ Эренбург И. Летопись мужества. С. 54.

⁵ Партизанские пословицы и поговорки. Курск, 1958.

⁶ Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 1947. С. 14.

как правило, в негативном ключе»¹. Героизм и мужество, долг и честь, мастерство и выносливость, находчивость и отвага, боевая стойкость, инициатива и другие понятия, имевшие положительные коннотации, использовались только по отношению к «своим», поскольку считалось, что у немецких солдат не могло быть никаких нравственных ценностей.

В то же время советская пропаганда признала высокие военные качества вермахта, подчеркивая, что Красной армии противостоят хорошо обученные и вооруженные профессионалы, в совершенстве овладевшие военной техникой: «*Кто станет отрицать военные качества немецкого солдата? С детства они жили одним: подготовкой к войне*»². Облик глупого, жадного и трусливого оккупанта, которого легко убить, сохранился в основном в художественных произведениях и кинофильмах. При этом считалось, что в основе поведения немецких солдат лежала «механическая дисциплина», они напоминали «машины для убийств», лишённые всяких чувств, а если совершали действия, выходявшие за рамки общепринятого поведения и характеризующиеся как «героические» для советских военнослужащих, их объясняли фанатизмом «осатаневших головорезов» и «гитлеровских маньяков», одурманенных фашистской пропагандой и алкоголем.

Советская пропаганда также утверждала, что в отличие от бойцов и командиров Красной армии, осознанно жертвовавших жизнями ради Родины, немцы воевали, во-первых, из жажды наживы, личной заинтересованности в ограблении захваченных территорий, во-вторых, из страха перед своими командирами, что неминуемо обрекало их на поражение. Если советских бойцов сближали дружба народов и настоящее фронтовое товарищество, то армию агрессора объединяла круговая порука, как банду преступников. Тем не менее гитлеровцы и их союзники «*грызутся друг с другом*» как «*пауки в банке*»³. Редуцируя действительность, подобные представления, как и другие пропагандистские штампы, четко выражали смысл противостояния двух систем, осознаваемый большинством советского населения.

Несмотря на то, что именно Германия для России традиционно выступала одним из главных «каналов» сообщения с европейской культурой, подобная пропаганда не несла в себе антизападничества. Напротив, писатели и журналисты подчеркивали, что нацизм угрожает миру, а советский солдат освобождает поработленную гитлеровцами Европу. Освещение участия в войне союзников показывало, что СССР не одинок в своей борьбе, при этом им выражалась признательность за помощь, оказываемую по ленд-лизу, высказывалась критика за затягивание открытия «второго фронта».

Широко использовались исторические параллели, позволявшие обнаружить в прошлом истоки и предпосылки немецкой агрессии в отношении славян⁴. Германская армия сопоставлялась и с другими завоевателями: кочевниками, досаждавшими еще Киевской Руси, монголо-татарами (вермахт – «*проклятая орда*», установившая «*немецкое иго*»), французами (Гитлера нередко изображали в костюме и шляпе Наполеона, подчеркивая ожидавший его бесславный конец).

Контрнаступление советских войск под Москвой позволило использовать в пропагандистских целях кино- и фотодокументы, зафиксировавшие следы разрушений

¹ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. С. 252.

² Эренбург И. Летопись мужества. С. 292.

³ Эренбург И. Война. 1941–1945. С. 97.

⁴ Как германские оккупанты уничтожали и громили наш народ в 1918 году. М., 1941; Как русский народ бил немецких захватчиков. М., 1941 и др.

на освобожденных территориях, и рассказы жителей, прежде всего детей. Сотни школьников городов и сел Подмосковья описывали «суровые дни оккупации», повсеместное насилие захватчиков, поджоги и грабежи домов местных жителей, пытки и казни пленных красноармейцев: «Разве все это можно забыть? Нет, такое никогда не забывается!»¹ Рассказы очевидцев фиксировали не только потрясающую жестокость, но и низкую культуру и грубость завоевателей: «Немцы раздевались донага, никого не стесняясь, и стряхивали с себя кучи вшей. Как было противно убирать после них!... Как было обидно варить своих кур для этих вшивых обжор!»² Грабля и насилуя мирных жителей, солдаты вермахта в то же время боялись партизан и советской авиации, что свидетельствовало об их трусости.

В начале 1942 г. из рассказов детей, переживших немецкую оккупацию, был составлен специальный сборник «Слушай нас, Родина!» Несовершеннолетние авторы описывали пережитый голод и холод, казни, пытки и грабежи советских граждан. После того, как у 10-летнего Б. Овсова убили мать и закопали живым в землю младшего брата, он сначала хотел умереть, а потом решил жить, «чтобы вырасти и отомстить фашистам»³. На глазах у 12-летнего Ю. Горохова оккупант бросил в костер трехлетнюю девочку, сказавшую, что ее отец бьет на фронте фашистов: «Это было так страшно, что я думал, что сойду с ума»⁴. Подобные описания формировали образ жестокого врага – садиста, мучителя, которого требовалось уничтожить, чтобы отомстить за смерть родных, за причиненные физические и моральные страдания. Обращаясь к отцу-красноармейцу, 11-летний Н. Алешин, мать которого оккупанты забили плетью, писал: «Папа, убивай фашистских собак без пощады. Папа, убей за маму сто фашистов!»⁵

Ребенок всегда считался главным объектом, нуждавшимся в защите, и испытываемые им страдания говорили о том, что советский мужчина не справлялся со своей главной функцией защитника – мужа, отца, брата. Неслучайно, что и на плакатах объектом посягательства врага обычно выступали женщина-мать и беззащитные дети. Отсутствие мужских фигур было призвано вызвать у зрителя чувство личной ответственности, сопричастности к происходившим событиям. В то же время в советских плакатах практически не использовался образ молодой девушки или женщины, подвергавшейся насилию со стороны оккупантов, в отличие от нацистской пропаганды, подчеркивавшей сексуальную похотливость большевиков⁶.

Одной из специфических форм закрепления негативного образа «врага» стали сочинения, проводимые в школах на освобожденной территории. Описывая свои переживания во время немецкой оккупации, школьники вспоминали о военнослужащих противника как «звериных немецких солдатах», «злых порабощителей», желавших «сделать нас рабами», заставлявших стирать белье, чистить обувь, мыть котелки, отмечали их «звериный разговор»⁷. Использование этих и других подобных

¹ Рассказы детей Подмосковья о немецкой оккупации, записанные Комиссией ЦК ВКП(б) по составлению хроники Великой Отечественной войны. 1941 г. // Неизвестная Россия. XX век. Книга четвертая. С. 375.

² Там же. С. 378–379.

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 95. Л. 232–233.

⁴ Там же. Л. 206.

⁵ Там же. Л. 235.

⁶ Вашик К. Указ. соч. С. 210.

⁷ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 14. Л. 3, 8, 12.

им оборотов и выражений позволяет говорить о высокой степени проникновения пропагандистских стереотипов в советское массовое сознание в годы войны.

Советское руководство в полной мере оценило эффективность использования в пропагандистских целях впечатлений свидетелей немецкой оккупации. Уже весной 1942 г. жителей освобожденных районов стали посылать «для выступлений на собраниях трудящихся с рассказами о пережитых ужасах немецкой оккупации» в тыловые районы: «Их простые, прочувственные слова особенно убедительно показывают звериное лицо германского фашизма, усиливают ненависть к немецким захватчикам, вызывают новую мощную волну патриотического подъема»¹. Только одна группа из 5 колхозников из Подмосковья за 22 дня провела 316 выступлений в Куйбышевской, Челябинской, Омской и Новосибирской областях, на которых присутствовала 71 тыс. чел.

Причин для ненависти советских граждан по отношению к противнику, действительно, было предостаточно. Тем не менее отдельные пропагандисты прибегали к откровенному вымыслу. Так, политработник 2-й резервной армии капитан А.А. Воловик решил в статье в армейской газете «За отечество» не повторять уже известные сведения, а «описать новые факты неслыханной жестокости гитлеровцев по отношению к пленным красноармейцам и советским гражданам». Вспомнив об увиденных им фотографиях в 310-й дивизии, изображавших скальпированного красноармейца и рассеченный пополам труп другого бойца, Воловик решил придать этим фактам больше убедительности и сочинил дневник с описанием зверской расправы. Далее в статье он описал услышанную в Киргизии историю о закапывании в землю людей, по головам которых ездили тракторы, связав ее с другими фактами, о которых «читал, находясь на Волховском фронте». Но, как позже сам признал, материалов, «описывающих этот акт на Волховском фронте, не видел». Впрочем, таких случаев было немного, военная цензура стремилась их строго пресекать².

«Правильное» изображение врага вообще являлось одной из важнейших задач советской пропаганды. Цензура требовала избегать «шапкозакидательства и бахвальства», т. е. недооценки силы противника, и в то же время не преувеличивать его мощь и военное искусство. Строго запрещалось публиковать сведения, которые могли вызвать «паническое и упадническое настроение как в действующей армии, так и тылу: преувеличенные данные о результатах боевых действий противника, его материальных и технических ресурсов, переоценка морального и боевого состояния армии противника»³. Под запрет попадали публикации, в которых имелись «факты явно выраженного преклонения некоторых авторов перед немецкими учеными»⁴. Критике подвергались книги по истории за то, что в них «не преодолено еще влияние реакционных историков-немцев, фальсифицировавших русскую историю, доказывавших, что именно немцы принесли русским начала государственности и т.д.»⁵

Особенно жестко пресекались сообщения из оккупированных областей, рассказывавшие о доброжелательном отношении немецких солдат к местному населению, рассматривавшиеся как «ошибки военно-политического характера»⁶. Так, в бро-

¹ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 347–348.

² Там же. С. 417–419.

³ Там же. С. 552.

⁴ Там же. С. 723.

⁵ Там же. С. 523.

⁶ Там же. С. 260–261.

шюре Дубровицкого «Под игом немецких угнетателей», изданной Госполитиздатом тиражом в 30 тыс. экземпляров, цензура обнаружила «отдельные факты, не вызывающие ненависти нашего народа к немецким оккупантам», признав некоторые из них «политически неправильными и вредными». К ним, например, были отнесены утверждения автора о том, что германское командование предпринимало меры против грабежей, а в ряде мест оккупанты оставили на своих местах прежних председателей колхозов¹.

Чувство ненависти на самом деле стало господствующим в отношении к противнику у подавляющего большинства советских бойцов и командиров: оно усиливалось под воздействием гибели боевых товарищей, перенесенных страданий, широко освещавшихся в печати зверств над советскими военнопленными, а также той картины, которая возникала при освобождении оккупированной территории. Как следствие этого, К.М. Симонов отмечал в конце 1941 г.: «В плен наши бойцы брали неохотно. Да и трудно их было за это упрекать: войска шли через деревни, сплошь, дотла сожженные немцами»².

Одной из форм публичного выражения ненависти к противнику стали письма фронтовиков в редакции газет, советских, партийных и комсомольских органов родных городов и районов. Так, лейтенант Н.Е. Журба, уроженец станицы Елизаветинской Краснодарского края, писал в редакцию районной газеты: «Я мстил гитлеровским гадам за своего отца, которого они убили под Орлом, я мстил им за все злодеяния, за нарушенную нашу счастливую жизнь». Вступление на территорию Германии давало возможность наконец-то на практике реализовать испытываемые чувства к захватчикам: «Мы идем в фашистское логово. Врага ждет суровое возмездие. Настанет день суда – мы не забудем Майданек, Бабий Яр, мы припомним гадам все их смертоносные печи и душегубки!»³ О том же говорилось и в личных письмах: «Мы ведь тоже будем в Германии, тогда припомним им все»⁴.

Вполне объяснимо, что эта выстрадавшая ненависть к противнику переносилась на всех жителей Германии: «Мама, как посмотришь на немецких дорогах толпы ихних беженцев, вспоминаются тяжелые дни, когда наш народ вынужден был уходить вглубь страны, а ихние сынки и мужья на самолетах носились над нашими матерями и били их из пулеметов и бомбили, то просто в глазах темнеет от злости и гнева. И я эту сволочь ничуть не жалею, им достается по заслугам. Кто из них уцелеет, долго будет помнить эту войну»⁵. Другой фронтовик сообщал домой: «Немцам сейчас наши воины мстят, как могут. Ни один дом запылал от мстителя. Смерть за смерть, кровь за кровь. Батя, но я еще за Шуру и Васю не отомстил»⁶.

Однако когда советские войска оказались в Германии и других европейских странах, тон и содержание пропаганды в очередной раз изменились: в ней снова возобладало разделение на «немцев» и «фашистов», призванное не допустить расправ над мирным населением. Советское командование строго пресекало акты насилия со стороны отдельных военнослужащих, а в разжигании ненависти был

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 117. Л. 149–149об.

² Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 1. С. 488.

³ Письма с фронта: 1941–1945. Сб. документов. Краснодар, 1983. С. 192.

⁴ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 231.

⁵ Письмо Пунева Т.П. с фронта матери в с. Кугульта Ставропольского края // Воронежский вестник архивиста. Научно-информационный бюллетень. Воронеж, 2005. Вып. 3. С. 202.

⁶ ГАРО. Ф. Р-4408. Оп. 1. Д. 7. Л. 44 об.

обвинен И. Эренбург. 14 апреля 1945 г. в «Правде» была опубликована написанная по личному заданию И.В. Сталина статья начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает», призванная дезавуировать его антифашистскую публицистику, чтобы склонить немцев к сдаче. Впрочем, многие, хоть и далеко не все советские бойцы и командиры сами к этому времени стали разделять в Германии женщин, детей, стариков и военнотружущих вермахта.

Для мирных советских граждан созданный пропагандой образ «врага» также получил подтверждение своим отрицательным качествам в личных столкновениях с оккупантами. Колхозники колхоза «Пробуждение» Красненского района Смоленской области говорили, что «при немцах» они жили «в страхе за свою жизнь и за жизнь людей...»¹. Другие очевидцы немецкой оккупации утверждали: «Поначалу мы немцев очень боялись, девушек постарше мазали сажеей, выдавая за старух, прятали в городе или на чердаках»². Систематический террор, насилие и грабежи порождали ответное сопротивление населения.

Своеобразным проявлением антинемецких настроений в советском тылу стал отказ учащих изучать «язык врага». Ненависть переносилась и на немецких военнопленных: при прохождении их колонны по улицам Москвы в 1944 г. со стороны горожан звучали не только восторженные возгласы в честь Красной армии, но и выкрики: «Сволочи, чтобы они все подошли», «Почему вас не перебили на фронте»³. Пленные немецкие офицеры отмечали, что не все советские граждане после ужасов оккупации обладали способностью «видеть различие между немцем, превратившимся в преступника, и теми немцами, которые сохранили в душе искру человечности»⁴.

Однако опросы последних лет позволили зафиксировать и иное отношение к оккупантам: «Немцы во время оккупации не обижали. Угощали нас часто из собственных посылок конфетами и шоколадом»⁵. Немало очевидцев отмечает факты доброжелательного отношения оккупантов, дававших землю и лошадей, распустивших колхозы и даже защищавших от наиболее «ретивых» полицейских, стремившихся свести счеты со своими соседями. Подобные оценки содержатся и в расскрепченных документах военного времени. Колхозница Титова из того же колхоза «Пробуждение» Красненского района говорила: «Немцы у нас никого не трогали, они только забирали членов семей, которые участвовали в партизанах. Наши полиция больше издевались над нами»⁶.

Сами военнотружущие вермахта порой удивлялись отношению к ним со стороны советского населения, особенно с учетом того, что творили оккупационные войска на захваченной советской территории: «Разве это не странно – большинство из них не испытывает никакой ненависти даже к немцам: откуда у них берется эта непо-

¹ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 706.

² Воспоминания Е.А. Трепет, 1928 г.р., записаны Е.Ф. Кринко в п. Краснооктябрьском Майкопского района Республики Адыгея 7 июля 1994 г.

³ Немцы на улицах Москвы: год 1944-й // Отечественные архивы. 1997. № 4. С. 47.

⁴ Штейдле Л. От Волги до Веймара. М., 1973. С. 328.

⁵ Воспоминания Р.П. Пихтиревой, 1930 г.р., записаны Е.Ф. Кринко в п. Краснооктябрьском Майкопского района Республики Адыгея 7 июля 1994 г.

⁶ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 706.

колебимая вера в человеческое добро, это неисчерпаемое терпение, эта самоотверженность и кроткая покорность...»¹ Однако советское руководство во время войны данные взгляды рассматривало как «нездоровые настроения», что могло повлечь для высказывавших их лиц уголовную ответственность за «восхваление противника». Еще более строго пресекались любые попытки установить «нормальные» взаимоотношения с военнотрудовыми противника на фронте².

На формирование представлений значительного числа советских граждан о противнике сказалось их пребывание в Германии в качестве «восточных рабочих». После репатриации проводились опросы «остовцев» с целью «поименного учета немецких рабовладельцев, виновных в эксплуатации и истязании советских граждан», для привлечения их к суду и возмещения затрат. Остарбайтеры отмечали грубость и жестокость со стороны хозяев, дискриминацию по сравнению с немецкими рабочими, пережитое унижение: их продавали, как скот, присваивали номера вместо имен, лишая личного, индивидуального начала³. В то же время записи воспоминаний последних лет содержат более разнообразные оценки немцев. Получив возможность свободно излагать свои взгляды спустя десятилетия по окончании войны, бывшие «остовцы» приводят примеры немцев, которые подвергали советских граждан физическим истязаниям, так и тех, кто помог им выжить⁴.

Помимо собственно немецких соединений, в боевых действиях на советской территории участвовали части и соединения Финляндии, Венгрии, Румынии, Италии, Словакии, Хорватии и Испании. Уже к концу июля 1941 г. войска стран-союзниц и сателлитов Германии насчитывали примерно 30 % всех сил, воевавших на Восточном фронте, в дальнейшем их численность продолжала возрастать. В пропаганде и массовом сознании нашли свое отражение образы представителей различных национальностей, воевавших на стороне вермахта. Например, в сатирической листовке, выпущенной в декабре 1942 г., приводился следующий текст «объявления» с театра военных действий, напоминавший театральную афишу с перечнем действующих лиц и исполнителей: «Немецкая армия – БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ. Румынская армия – ЖИВОЙ ТРУП. Венгерская армия – СЛУГА ДВУХ ГОСПОД». Далее следовало еще одно объявление, касающееся румын: «ИЩУ чего-нибудь покушать... Румынский солдат»⁵. Боевые качества войск союзников и сателлитов Германии, как правило, оценивались невысоко. Отмечая постепенное ухудшение качества немецких войск, И. Эренбург писал, что даже в 1943 г. немецкая рота «стоит итальянского полка»⁶.

¹ Немцы о русских. М., 1995. С. 10.

² Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 710

³ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 16. Д. 550–551, 561–562, 583–584 и др.

⁴ См. подробнее о воспоминаниях «восточных рабочих»: Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002; Гринченко Г.Г. Принудительный труд в нацистской Германии: историческая память и проблемы анализа биографических интервью // Вторая мировая война в памяти поколений. Сб. науч. ст. Краснодар, 2009. С. 9–42; Кринко Е.Ф. Репрессированная память: воспоминания несовершеннолетних «восточных рабочих» // Там же. С. 42–60 и др.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 142. Л. 58–58об.

⁶ Эренбург И. Летопись мужества. С. 251.

Одним из немногих исключений стали финны, боевые действия с которыми стали своеобразным продолжением советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Хотя пропаганда стремилась создать образ «белофиннов», угнетавших собственный народ и проявлявших агрессивные устремления в отношении Советской России, они не приобрели столь угрожающего и негативного характера, как немцы. В воспоминаниях участников «зимней» войны нередко отмечается: «*Как солдаты – финны очень хорошие*». Отдельные мемуаристы признают, что и в годы Великой Отечественной войны финны «*воевали лучше, чем немцы*». Причины этого связываются с тем, что они хорошо знали местность и были подготовлены к условиям боевых действий¹. Кроме того, в отличие от большинства других союзников Германии, участвовавших в войне за чужие интересы, финны полагали, что ведут справедливую борьбу. Положение советских военнопленных, по крайней мере, женщин, в Финляндии было несколько лучше, чем в немецком плену. Лейтенант медицинской службы 3-й Ленинградской добровольческой дивизии Ц. Леечкис вспоминает, что финские солдаты относились доброжелательно к захваченным девушкам, «*жалели нас, таких молодых, участниц войны*»².

Анализ воспоминаний очевидцев о финской оккупации Карелии в 1941–1944 гг. позволяет говорить о дуалистической модели отражения образов финнов в памяти местного населения, основанной на национальных различиях респондентов. Это объясняется тем, что финская политика на захваченной территории существенно отличалась по отношению к «родственным» (финно-угорским) народам, и всем остальным. Представители национальностей, отнесенных финнами к «родственным», отмечают: «*Не сказать, чтобы уж финны злые были. Нормальные люди*». Они рассказывают, что в период оккупации не испытывали голода, дети посещали школы, где их кормили обедом, взрослые и подростки за работу получали зарплату, на которую можно было купить необходимые продукты и вещи. Наказывали финны только за совершенные проступки, например, воровство³. Напротив, представители «неродственных» национальностей ссылаются на перенесенные голод и страдания вследствие того, что финны – «*народ жестокий*», к ним «*плохо относились*»⁴. Впрочем, часть респондентов, относящихся к данной группе, также отмечает: «*Финны нам худого не делали. Пришли мирно, и ушли мирно*», «*Не все были плохие, были и плохие, и хорошие*»⁵.

В целом, большинство очевидцев, сравнивая свою судьбу с положением жителей в других захваченных регионах СССР, например, в Белоруссии, пришли к выводу: «*У нас такого, как у немцев не было*», финны «*не издевались, как, по слухам, немцы – говорят, что те жгли деревни, да людей в амбарах жгли*»⁶. Данные оценки можно рассматривать в качестве попытки «вписать» несовпадающий с коллективными представлениями индивидуальный опыт переживания прошлого в общий контекст исторической памяти о войне. Она характерна и для ряда очевидцев немецкой оккупации, чьи взгляды отличаются от общепринятых утверждений («*зверства были, но не у нас*»).

¹ Крутских Дмитрий Андреевич (лейтенант). Ч. I. Финская война. URL: [http://army.lv/ru/Krutskih-Dmitriy-Andreevich-\(leytenant\).-Chast-I.-Finskaya-voyna./995/1669](http://army.lv/ru/Krutskih-Dmitriy-Andreevich-(leytenant).-Chast-I.-Finskaya-voyna./995/1669).

² См.: Шнеер А. Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941–1945. М., 2005.

³ Устная история в Карелии: сборник научных статей и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944). Петрозаводск, 2007. С. 41, 42, 43, 76, 98 и др.

⁴ Там же. С. 122, 196 и др.

⁵ Там же. С. 136, 206.

⁶ Там же. С. 133, 142.

Отсутствие же в советском обществе образа финна-врага во многом объясняется осущестлявшейся в СССР политикой памяти: тема ненависти к финским оккупантам не культивировалась, так как отношения с Финляндией считались дружественными и добрососедскими. Напротив, как отмечает Е.С. Сенявская, финский кинематограф на протяжении десятилетий закреплял совершенно иные представления¹.

Большинство других союзников Германии действовали на юге России и были разгромлены в 1942–1943 гг. Обращаясь к составу захваченных Красной армией военнопленных, как «мутной накипи обезоруженных головорезов», М.А. Шолохов писал: «Именно стяжание и разбой объединили эту банду бестий и висельников, промышлявших под черным знаменем с раскоряченной фашистской свастикой». Однако в плену внешний облик и поведение «грабителей, поджигателей и убийц» разительно изменились. Особенно жалким выглядит описание итальянских берсальеров, на касках которых «повисли обтрепанные петушиные перья»².

Другие публицисты также внесли свой вклад в создание образа итальянских войск как армии, которая «немедленно сдается в плен»³. В советском массовом сознании итальянцы воспринимались как печальные, замерзающие в русских снегах уроженцы юга, бессмысленно погибавшие на ненужной им войне⁴. В то же время в итальянских трофейных документах не раз сообщается «о незаконном изъятии овощей и другой зелени с огородов и полей местного населения», жалобах местных жителей по поводу «реквизиций» и другого нанесенного им ущерба. Участвовали итальянцы и в борьбе против советских партизан⁵.

Из всех союзников Германии, пожалуй, румыны в наибольшей степени ассоциировались в глазах советского населения с настоящей «грабь-армией» и запомнились для многих жителей оккупированной территории, прежде всего, постоянными грабежами и мародерством. По воспоминаниям жителей захваченных районов Северного Кавказа, в этом они далеко превзошли немцев, которые «меньше обижали»⁶. В то же время румыны не вызывали и такого страха, как немцы. Очевидцы немецко-румынской оккупации Украины отмечали: «Мы их не боялись. Они нас не стреляли, не били. Не то, что немцы, вот те вели себя очень жестоко». Показателен рассказ о том, как у румынских военнослужащих от непривычной пищи началось сильное расстройство желудка, и жители их вылечили, сварив кукурузную кашу. Представления о слабом и больном румынском солдате («мамалыжнике»), нуждавшемся в помощи, мало соответствуют образу ненавистного оккупанта, и вывод закономерен: «Так что мы их не воспринимали как врагов»⁷.

¹ Сенявская Е. «Образ врага» и «бычье упрямство». Как русские и финны показывают друг друга в «военном» кино // Красная звезда. 2005. 7 июня.

² Шолохов М.А. На Юге // Собр. соч. М., 1959. Т. 8. С. 150–151.

³ Эренбург И. Война. 1941–1945. С. 50.

⁴ Сенявская Е.С. Союзники Германии в мировых войнах в сознании российской армии и общества. С. 102.

⁵ Филоненко С.И. Трофейные документы итальянского альпийского корпуса, разгромленного на Верхнем Дону в январе 1942 г. // Воронежский вестник архивиста. Научно-информационный бюллетень. Воронеж, 2005. Вып. 3. С. 216–225.

⁶ Воспоминания Л.В. Есипенко, 1928 г.р., записаны Е.Ф. Кринко в п. Краснооктябрьском Майкопского района 7 июля 1994 г.; воспоминания М.Г. Емтыль, 1928 г.р., записаны Е.Ф. Кринко в г. Майкопе 25 февраля 2000 г. и др.

⁷ Елизавета Кучерявых. URL: <http://www.iremember.ru>.

Между тем, румынские войска проявили немало жестокости, особенно на территории, предназначенной для передачи в состав Румынии. Естественно, что у жителей городов и районов, находившихся в румынской оккупации, сохранились достаточно негативные представления о захватчиках. Поэтому, когда Румыния перешла на сторону антигитлеровской коалиции, советские граждане выражали недовольство «слишком мягкими» условиями перемирия с ней¹.

Жестокостью по отношению к местному населению отличались и венгерские оккупанты. Только в Острогжском районе Воронежской области за годы оккупации венгры расстреляли 1009 жителей (из них 287 детей), подвергли пыткам и истязаниям 15 тыс. чел., угнали в Германию 26 тыс. жителей². Всего же в Воронежской области за время венгерской оккупации было уничтожено около 50 тыс. чел.

Память о жестоких «мадьярах-басмачах», оказавшихся «хуже немцев», надолго сохранилась у населения ряда оккупированных районов. В конце войны старший лейтенант Н.И. Лысенко в письме к матери из Венгрии сожалел, что война еще не окончена, «ведь еще есть мадьяры и немцы, которые были в Воронежской области, которые сожгли мой дом, лишили Вас крова, хлеба и одежды». Сообщив, что венгры в массовом порядке сдаются в плен и просто разбегаются, советский офицер писал: «Они уже понимают, что я пришел мстить за свой Куротояк, за дом, за Вас»³.

Словацкие солдаты и офицеры в большинстве своем не проявляли особого рвения воевать за интересы Третьего рейха и нередко добровольно сдавались в плен или переходили на сторону партизан. В отношении к советскому мирному населению словаки также проявляли определенную доброжелательность. Так, по воспоминаниям очевидцев, из располагавшегося в Майкопе батальона аэродромного обслуживания «почти все словаки относились к населению хорошо, где-то помогали, а где-то и выручали»⁴. Снятые с фронта словацкие части выполняли охранные функции и участвовали в карательных операциях против партизан в Белоруссии, в начале 1944 г. командование вермахта разоружило их и отправило военнослужащих на строительные работы в Румынию и Италию.

В составе вермахта находились и военнослужащие других национальностей, оставившие свой след в памяти россиян. В то же время следует отметить, что советские граждане далеко не всегда могли определить, кем именно являлись солдаты противника, разобрать, на каком языке они изъяснялись между собой. Так, в одном из сел Белоруссии местные жители приняли за финнов венгров⁵. И такие случаи были нередкими, особенно в сельской местности.

В целом, союзники Германии не оставили столь отрицательного следа в исторической памяти россиян, как немцы, что во многом объясняется развитием советской пропаганды, подчеркивавшей их подчиненное положение в рядах фашистской коалиции, которую ожидал неминуемый развал. Резкой критике подвергались правители государств, пошедших на сотрудничество с Гитлером, но не сами народы. И. Эренбург писал, что сражавшиеся под командованием Гитлера солдаты почти двух десятков

¹ Голубев А.В. «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. 5. Магнитогорск, 2005. С. 351.

² Венгерская тишина – 2. URL: <http://www.geocaching.su/?pn=101&cid=6425>.

³ ГАРО. Ф. Р-4451. Оп. 1. Д. 16. Л. 12.

⁴ Берненко Ю. Тяжкий сон остался позади // Майкопские новости. 1993. 19 января.

⁵ Другая история Цениного сада. URL: <http://www.veneva.ru/vov1.html>

национальностей – *«либо запроданные Гитлеру рабы, либо ландскнехты, не имеющие родины. Пленные итальянцы, румыны, венгры в один голос повторяют: “Нас послали, а зачем, мы не знаем”. Словаки или хорваты, которых заставили воевать против русских, плачутся: “Мы тоже славяне...” Насильно мобилизованные поляки, чехи ежедневно переходят линию фронта. Проходимцы из различных легионов – французского, бельгийского, голландского, датского, норвежского – предпочитают не воевать, а грабить... Они не скрывают, что от них отреклись родные в Париже или в Брюсселе, в Осло или в Копенгагене»¹. Поэтому в советской пропаганде больше внимания уделялось действиям французской эскадрильи «Нормандия – Неман», чем французских военнослужащих в составе вермахта: *«У Гитлера нет французских “добровольцев”: сотню босяков и сутенеров не выдать за французский народ»².**

Таким образом, советским войскам в годы Великой Отечественной войны противостоял разноликий и многонациональный противник, но его образ стал ассоциироваться преимущественно с немцами. Во многом это являлось результатом действий советской пропаганды, которая, как и пропаганда других стран, стремилась в годы войны придать образу «врага» более определенный этнический характер. Однако и население четко осознавало, что война ведется, прежде всего, с немцами («фрицами»). В то же время при личном контакте образ «врага» нередко терял свою цельность, приобретал дифференцированный характер в зависимости от конкретных обстоятельств и результатов взаимодействия.

После войны в СССР широко использовался труд военнопленных – немцев, венгров, румын, итальянцев и других иностранных граждан, отношение к которым постепенно смягчалось. Современные исследователи приводят примеры доброжелательного, сочувственного отношения к немецким военнопленным, даже случаи вступления с ними советских женщин в интимные и брачные связи³. 15 февраля 1947 г. даже вышел специальный указ Президиума Верховного Совета СССР, запретивший браки советских граждан с иностранцами. Бывший противник, более не представлявший угрозы, переставал быть и «врагом», внушая, скорее, жалость, чем ненависть своим победителям.

Тем не менее сложившийся в годы войны дискурс ненависти ретранслировался через художественные произведения, книги и кинофильмы, благодаря чему образ немца-врага продолжал еще долго сохраняться в исторической памяти россиян. Напротив, тема участия союзников Германии в войне замалчивалась во многом потому, что советское руководство не хотело, чтобы память о прошлом разделяла страны, входившие в Организацию Варшавского договора. В начале 1950-х гг. отдельные офицеры – бывшие партизаны, фронтовики – даже не желали нести службу в группе советских войск в ГДР, несмотря на то, что ее условия могли быть лучше, чем на Родине. По словам одного из респондентов: *«...я же [бывший] партизан, только скажут немцы, я уже кипеть начинаю. Говорю: “Я бы поехал, да немцев перебью всех”. И не поехал, отказался»⁴.*

¹ Эренбург И. Летопись мужества. С. 188–189.

² Эренбург И. Война. 1941–1945. С. 145.

³ Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...». Т. 1. Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939–1949 гг.). Очерки и документы. Вологда, 2009. С. 200–201 и др.

⁴ Воспоминания В.М. Чуканова, 1925 г.р., записаны Е.Ф. Кринко в г. Майкопе 27 июля 2002 г.

Однако постепенно образ «врага» в лице немцев утрачивал свою актуальность для россиян. Уже сравнительно немногочисленные очевидцы событий военных лет в большинстве своем дифференцированно относятся к прежним «врагам», разделяя тех, кто действительно виновен в массовом насилии на оккупированной территории, и тех, кто «особо не зверствовал». Готовность понять мотивы бывших противников создает возможность для превращения войны из реальности, определявшей жизнь многих людей, в историческое событие, имеющее мемориальное значение.

2.6. Расширение пространства: «Теперь мы знаем, что такое за границей...»

Приученные к мысли о том, что война будет вестись «на чужой территории и малой кровью», советские люди даже на волне ее трагического начала предполагали завершение боевых действий далеко за границами СССР. *«Наш советский народ еще только начинает разворачиваться – развернувшись, он остановится на берегах Атлантического океана. Эта уверенность царит у всех партийных и беспартийных»*, – так записал 30 июня 1941 г. в своем дневнике житель г. Сочи А.З. Дьяков. И спустя неделю, все в большей растерянности от сводок Совинформбюро (*«Что это – стратегический отход или отступление под давлением?»*), тем не менее, держался той мысли, что *«территория может быть освобождена с приростом»*¹.

Подобные настроения, вступающие в противоречие с реальностью, наблюдались и среди военных. Об оптимистичных прогнозах насчет скорого продвижения Красной армии за границы Советского Союза среди командного состава Крымского фронта весной 1942 г. говорит следующий фрагмент воспоминаний генерал-майора П.Л. Печерицы (на тот момент – начальника продовольственного снабжения фронта): *«Как-то во время ужина в столовой Военного Совета зашел шуточный разговор о пути движения нашего фронта. Все соглашались с тем, что “он будет двигаться по берегу до самого Рима”. Начали намечать комендантов крупных городов: Толбухина (он был начштаба фронта) пророчили на Бухарест, меня – на Софию, Давыдова – на Белград, а Мехлиса наметили комендантом Рима, имея в виду еще и идеологическую войну с папой римским. Как далеки эти прогнозы были от действительности!»*².

Глубокая вера советских людей в победу, их ратный и трудовой подвиг позволили осуществить коренной перелом в войне. Освобождение территории СССР еще не было завершено, когда Красная армия в ряде мест перешла государственную границу и приступила к освобождению стран Европы от фашистской оккупации. Свыше года около 7 млн советских воинов, выполняя свой интернациональный долг, сражались за пределами Родины. Больше миллиона из них погибли. Письма, дневники, воспоминания советских военнослужащих сохранили разнообразные свидетельства об их «заграничном походе». Эти источники разворачивают панораму жизни в европейских странах, какой она виделась советскому солдату. Они передают эмоциональные переживания, которые русский человек испытывал при столкновении с «чужим» укладом и бытом.

Собственно, поводы для удивления и сравнений появились у советских военнослужащих уже на подходах к границам СССР. 18-летний разведчик Сергей Баруздин

¹ Герои терпения... С. 20, 21–22.

² Там же. С. 221.

почувствовал влияние Западной Европы во Львове. На такие мысли его навели внешний облик и поведение жителей города. «Рабочие и служащие, крестьяне и дети носят галстуки и шляпы, водят собачек на привязи, с рвением занимаются продажей разного рода ерунды. Цены здесь уже выше, чем в Восточной Украине»¹. Генерал П.Л. Печерица сообщал жене: «После советской страны, где было все понятно, ясно и свое родное, уже западная Белоруссия показалась странной. Пахло старым консервативным крестьянским “идиотизмом деревенской жизни” (Маркс). Во многих чертах экономики, быта, психики крестьянина на меня лично повеяло проклятое старое, с чем я упорно боролся, коллективизируя нашу деревню. Сельскохозяйственная техника примитивна – коса, серп, изредка отдельная крылатка. Хуторская система ведения хозяйства. Экономически живут сносно – есть кулаки, беднота и батраки. Пестрота. Но какая убогость мысли, какая приниженность и рабская покорность “обстоятельствам”. Исключительная индифферентность к общественной жизни села, даже не говоря о государстве, о мировых вопросах. Когда все это видим со стороны и имеем возможность сравнивать, чувствуем, ну, буквально на “ощупь”, какую грандиозную поистине героическую работу мы проделали, переделав экономику страны и психику наших людей»².

В широком спектре чувств по поводу выхода за пределы СССР, который сам по себе был символичен и горячо ожидаем, присутствовала и радость «открытия» неизведанных пространств, о чем раньше простому советскому гражданину даже не мечталось. Санинструктор Н. Гирфанова делилась с другом: «Я всегда была романтически настроена, жаждала во всем увидеть приключение, а отсюда и желание путешествовать. Но Вы сами знаете, это почти невозможно, и поэтому я рада, хотя бы в связи с войной, посмотреть, что делается за рубежом»³. Однако преобразиться в путешественника советскому солдату, продолжавшему свой боевой путь по странам Европы, было не дано. Ожесточенность боев с «уползающим в свое логово» врагом, многочисленные опасности, подстерегавшие буквально на каждом шагу (военнослужащие не без оснований опасались быть отравленными местными жителями, получить «нож в спину»), горечь пережитого – все это сказывалось на восприятии зарубежных стран. Политработник Д.А. Абаев писал: «В мирное время столько разговоров вели мы о загранице. Будь она проклята...»⁴

О переходе границы и своих первых днях в Европе фронтовики писали как о знаковом событии, часто приподнято, даже торжественно. А вот поэт-фронтовик Борис Слуцкий вспоминал эти дни с долей иронии: «Границу мы перешли в августе 1944-го. Для нас она была отчетливой и естественной – Европа начиналась за полтора километра Дуная. Безостановочно шли паромы, катера... Из легковых машин, из окошек крытых грузовиков любопытствовали наши женщины – раскормленные ППЖ и телефонистки с милыми молодыми лицами... Проследовала на катере дама, особенно коровистая... Так прорывалась в Европу Дунька»⁵.

Факт нахождения «за границей» постепенно осваивался сознанием и вписывался в биографию. Гвардии старшина В.В. Сырцылин писал из Польши: «Я никогда и во сне не видал тех мест, откуда пишу. Все ново: и люди, и земля, и обычаи, и сам запах

¹ РГАЛИ. Ф. 2855. Оп. 1. Д. 38. Л. 3об.

² Герои терпения... С. 149–150.

³ Письма с фронта. 1941–1945 гг.: сб. документов. Казань, 2010. С. 42.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 136.

⁵ Слуцкий Б.А. Записки о войне // Слуцкий Б.А. О других и о себе. М., 2005. С. 43.

чужого края»¹. Впечатления накапливались, появлялась почва для сравнений. «За время войны я уже проезжаю третью нерусскую страну и в каждой стране есть присущие только ей особенности», – отмечал в дневнике военный врач А.С. Шевелев².

Б. Слуцкий замечал, что русский солдат более всего ощутил свою «возвышенность над Европой» в Румынии, поразившей обилием «промтоварных эрзаций» («шелков, лезущих после первой стирки» и других некачественных товаров). Столкнувшись здесь с борделями, советские военнослужащие вскоре сменили восторги по поводу «свободной любви» на глубокое презрение к ней, дополненное страхом заражения венерическими заболеваниями. «Наверное, наши солдаты будут вспоминать Румынию как страну сифилитиков, – предполагал Слуцкий. – От сифилиса лечили чуть не все врачи – и стоматологи, и окулисты...»³

Крайне бедной представилась Румыния кубанцу Ф.Ф. Кривцову, судившему о ней с той точки зрения, «как народ живет»: «Это страна темноты. Проходя по селам и городам, только помещики и купцы и другие богатеи, которых только и можно различить хорошо одетым, а крестьяне и рабочие, только и видно босые, голодные, раздетые. Только и слышишь от народа “товарищи, нима рубашки и т.д.”»⁴. В душе А.С. Шевелева Румыния оставила впечатление «блестящего мыльного пузыря», где «блеск и помпезность снаружи, бескультурие и ничтожество внутри». Бросались в глаза сильные контрасты между городской и деревенской жизнью⁵. Однако П.Л. Печерице Румыния показалась, напротив, богатой страной. Он объяснял это тем, что Румыния «воевала за наш счет, а немец как союзнику не трогал. Войска прошли маршем и мало что тронули, разбитых городов мало»⁶.

Примерно такие же впечатления сложились у Печерицы о Венгрии, хотя он отмечал, что ее города пострадали сильнее. К тому же долгий постой войск в них имел свои отрицательные последствия. «Словом, – писал П.Л. Печерица, – эта последняя проститутка немецкая более почувствовала войну, чем Румыния»⁷. Интересны также сравнения с родной землей, которые сделал Печерица. Дунайская долина, по-настоящему богатая, напомнила ему южную часть Кубани, а Дунай – «красавец», Волгу в низовьях. Настрой мадьяр по отношению к русским показался ему гостеприимным, заискивающим.

У А.С. Шевелева Венгрия оставила более противоречивое впечатление. В сравнении с Румынией она, определенно, выигрывала: значительно более высокий культурный уровень населения, стирание различий между городом и деревней (электричество в большинстве деревень, «культурная мебель»). «Люди одеты прилично, большей частью со вкусом. Дома большей частью опрятны и снаружи и изнутри. Люди – моложавые, с чуть приплюснутыми широкими носами. Женщины не блещут фигурами, но имеют довольно правильные черты лица. К советским офицерам предупредительны, вежливы».

В то же время в дневнике Шевелева приводится зарисовка из повседневной жизни, определившая для него своеобразие венгерской культуры, ее существенное отличие

¹ Герои терпения... С. 115.

² Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 264.

³ Слуцкий Б.А. Указ. соч. С. 36.

⁴ Герои терпения... С. 184.

⁵ Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 264.

⁶ Герои терпения... С. 151.

⁷ Там же. С. 151–152.

от отечественной со знаком «минус»: «Отправился я побриться в парикмахерскую. Приятная дама с пикантной фигурой и приятными манерами предложила мне сесть в кресло и повязала на мою шею салфетку. До меня у нее брился венгр типа люмпен-пролетарий. Приятная дама, мило улыбаясь, не потрудилась даже не только помыть кисточку, но даже мыльную воду после моего предшественника не вылила. Поболтав в ней кисточкой, она с таким усердием стала мылить мне щеки, что я чуть не охнул... Когда дело дошло до усов, моя пикантная мучительница стала размазывать мне мыльную пену по верхней губе пальцем. После этого ее заменил мужчина, конечно, без халата, который меня довольно быстро обрил. Не успел я опомниться, как ко мне опять подошла дама, и с молниеносной быстротой растерла по лицу мокрой губкой. После этого с меня попросили рубль и, наконец-то оставили в покое». Из этой бытовой истории Шевелев делает серьезные выводы: «Таким образом, в венгерской культуре есть какой-то существенный изъян. У нас все же таких вещей не встретишь. Каждый мелкий собственник здесь может выкидывать подобные колена, т.к. должного государственного контроля над ними нет»¹. Очевидно, что данная сцена демонстрирует не столько привередливость клиента, сколько серьезное отличие от нее стандартов обслуживания в данной сфере, существовавших в СССР. Претензии к европейским парикмахерским вообще являются распространенной темой писем советских солдат и офицеров.

Венгрия была пятым по счету европейским государством из тех, в которых в течение семи месяцев побывал молодой солдат С. Баруздин. Уже послевоенная запись из его дневника от 7 июля 1945 г. отразила настороженность в отношении населения этой страны: «Едем. Мадыяры нас не приветствуют и это хорошо. Ведь они воевали против нас». На устранение трений ушло несколько недель, и большую роль в этом, как можно судить, сыграло приобщение советских военнослужащих к местной культуре. Концерты артистов из Будапешта, просмотр в клубах мадыярских фильмов, участие в деревенских праздниках – все это положительно сказывалось на восприятии страны. С другой стороны, на улицах отовсюду звучали русские мелодии, а под наиболее популярные «Катюшу» и «Золотой огонек» мадыяры «даже умудрялись танцевать». 4 августа автор дневника с удовольствием констатировал: «С каждым днем мы принимаем все больший вес в глазах жителей, и сейчас к нам относятся очень хорошо». Подтверждал это описанием одного воскресного дня, проведенного в обществе жителей деревни Дьендешшоймуш. «После обеда в деревне начала работать карусель. Три музыканта: флейта, труба и барабан. Этот так называемый оркестр играет опять же русскую “Катюшу”, “Огонек” и общеизвестные “Волны Дуная” и “Красавицу”. Так продолжается весь день, крутится карусель, смеются девушки и парни, снуют ребяташишки. Вечером мы присутствовали в одном доме на выпивке. Пели “Катюшу” по-русски и по-мадыярски, а хозяева танцевали». Похороны одного из товарищей Баруздина, подорвавшегося на mine, показывают, насколько сблизило общение продолжительностью в месяц русских и мадыяр. «С утра мы копали могилу. Это в центре села, перед церковью, где похоронены наши 24 бойца, погибшие в боях за эту деревню. Копать очень трудно. Земля как камень, каждый кусок отбиваем киркой. Нам помогают мадыяры. Сделали все хорошо, красиво. Потом пришел ксендз. Собралась вся деревня. Некоторые плакали. Началась молитва, а потом наш небольшой траурный митинг. Похороны закончились салютом. Жители принесли много цветов»².

¹ Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 264–265.

² РГАЛИ. Ф. 2855. Оп. 1. Д. 38. Л. 33–38.

Сохранилось немало зарисовок о пребывании советских военнослужащих в Австрии. Сотрудник редакции дивизионной газеты А.П. Поповиченко в своих воспоминаниях отмечал, что именно здесь расстался с одним из заблуждений о Западной Европе, которую представлял своеобразным техническим монстром – скоплением заводов и электростанций, поглотившим окружающую природу. На удивление, в Австрии не обнаружилось ожидаемых дыма, копоти, чахлой растительности. Поповиченко запомнились отличные асфальтированные дороги, красивые, благоустроенные города, но также лес, подходящий к пригородам, обилие дичи и цветов. *«Венский лес по своей девственности поразил меня. Дороги обсажены яблонями, они все в цвету. Едешь дорогой, пыли нет, и все благоухает»*¹.

«Солидность» архитектурных памятников Вены (хотя и сильно разбитых бомбежками), признаваемая П.Л. Печерицей, не смогла заслонить от него прохладного отношения венцев к советским войскам. *«Плохой народ: угрюмый, неприветливый... Какой-то там корреспондент писал, что “легкомысленные венцы пустились плясать вальс Шопена, как только заиграла наша музыка”. Ченуха это! Город напоминает не освобожденного, а, скорее, побежденного»*², – свидетельствует письмо генерал-майора.

Наиболее превосходные оценки у многих советских солдат и офицеров заслужила Чехословакия. *«Ровные, как по линейке, улицы, крытые черепицей коттеджики. Асфальт, газ, электричество, радиоприемники, карандаши “кохинор”, удобные вагоны, в которых не бывает лежачих мест, автомобильные и пивоваренные заводы, но, самое главное, – люди: улыбающиеся и гостеприимные, милые и приветливые. Мы едем по асфальтовой трассе. Принарядившиеся девушки машут нам платочками, мальчишки сбегают с спортивных площадок, чтобы постоять рядом с нами. Старики выносят нам маленькие рюмочки с виноградной водкой, и мы понимаем, что дело не в десяти или пятнадцати граммах ароматной жидкости, а в том, что души у нас одни, и мы чокаемся со стариками: “За Чехословакию! За Россию!”»*³

П.Л. Печерица, которому пришлось побывать в нескольких европейских столицах, считал, что Прага – прекрасный город, а Чехословакия – одна из лучших в Европе стран. В исключительном отношении ее жителей к русским он видел не подобо-страстное угодничество, а искреннюю признательность людей за свое освобождение⁴. Сходное впечатление сложилось и у старшего лейтенанта медицинской службы Хаси Идельчик, закончившей войну под Прагой: *«Встречают нас здесь очень хорошо – все от мала до велика радостно приветствуют»*⁵.

Лейтмотив многих писем советских военнослужащих, написанных из Польши, звучит так: *«Странные эти поляки»*. Данное заключение вытекает, прежде всего, из наблюдения повседневной жизни польского населения. *«Ничего общего с русскими обычаями нет»*, – писал Э.И. Генкин. Конкретизировал: феноменально жадные, холодно вежливые. Определяя отношение поляков к советским солдатам, останавливался на *«доброжелательно-пассивном»*. В общем, *«пирогам не встречаются»*. Объяснял это так: *«Они нас очень боятся (не менее чем немцев); отсюда вытекает все остальное»*⁶.

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 3696. Л. 34об., 35.

² Герои терпения... С. 155.

³ Рабичев Л. «Война все спишет»: мемуары, иллюстрации, документы, письма. М., 2008. С. 215.

⁴ Герои терпения... С. 154–155.

⁵ Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 280.

⁶ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 277.

П.Л. Печерица оценивал ситуацию примерно так же, но с более практической точки зрения: «Население встречает Красную армию доброжелательно, но не восторженно. На заготовку питания идет туго. Лучшие на ремонт мостов, дорог»¹. В то же время встречаются и свидетельства об искреннем, радушном приеме поляками советских солдат². Даже в Западной Польше советские войска встречали как освободителей, с цветами, «ловили и качали на руках. Все селения были украшены национальными флагами Польши»³.

Впечатления о населенных пунктах Польши и их жителях весьма колоритны. «Узкие, благоустроенные дороги, много земли, маленькие овцы, малые полосы посевов (рожь, овес, др. культуры), небольшие населенные пункты, притом к каждому двору примыкает его полевая земля. Отдельные хуторские дворы вне населенных пунктов, частые громадные костелы, маленькие города (Седлец, Венгров). Толстые, выхоленные в черных сутанах ксендзы, женщины в коротких юбках со взбитой прической – вот внешний колорит этого маленького европейского государства, претендовавшего своей господствовавшей кликой на большие международные дела. Много мелких поместий с помещиками и “божьими старушками помещицами”». Обычно отмечают такие привлекательные стороны в организации быта, как аккуратность и чистота («в доме даже крестьянина»), хорошие дороги и ухоженная, украшенная цветами территория «почти у каждого дома», высокая «личная сангигиена». В доказательство приводился такой пример: «Идет в костел молодежь и старики, в руках до села несут обувь, перед селом около колодца моют ноги, умываются, моют обувь, а затем идут уже в костел»⁴.

И все же немало бытовых обычаев для советских граждан оказывалось чуждыми, а потому – раздражающими. Так, очень часто упоминается в воспоминаниях «тазик с водой», который предлагался в польских домах для умывания. Отсутствие бань («моются прямо дома») представлялось существенным поводом для того, чтобы назвать культуру поляков «отсталой». Именно так высказался в письме к другу в Казань Д.А. Кузнецов, сообщая, что это осложняет повседневное существование в Польше советских бойцов⁵. Большой странностью казалось обилие ларьков с водой (только на одной улице в г. Седльце Э.И. Генкин насчитал их около 14), от которой «пахнет немцами»⁶. Последнее замечание, как и ряд подобных ему в письмах советских военнослужащих из Польши, передавало ощущение, что уже там для них «отовсюду веяло близостью Германии».

Русский солдат входил в Германию как *судья и мститель*, и отсюда вытекало напряженное ожидание этой встречи⁷. «Мне казалось, что на границе танк непременно должен во что-то упереться или подорваться. Но если сумеем ее преодолеть, нас уже ничто не остановит»⁸, – вспоминает танкист В.Н. Вишневецкий.

Горечью испытанного и пережитого проникнуто письмо сержанта Бэлы Зельбет: «В детстве я мечтала войти в города Германии Путешественником, а сейчас вхожу

¹ Герои терпения... С. 150–151.

² НА РТ. Ф. 2157. Оп. 8. Д. 64. Л. 6; Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 242.

³ ГАРО. Ф. Р-4408. Оп. 1. Д. 7. Л. 44–44об.

⁴ Герои терпения... С. 159; ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 74. Л. 66.

⁵ НА РТ. Ф. 2157. Оп. 8. Д. 64. Л. 5об.

⁶ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 277.

⁷ Там же. С. 262; Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 252, 259.

⁸ Я это видел... С. 50.

хозяином. Впечатления о Пруссии: пустые разрушенные города, пропитанные запахом гари, хорошая шоссе́нная дорога... Я пишу об этом потому, что обстановка такая, своеобразная, напоминающая о том, что ты в чужих местах, в чужом немецком доме, и все в нем чужое, непривычное»¹.

В письмах советских военнослужащих из Германии и в их дневниках предстает тот общий фон, на котором разворачивались события последних месяцев войны. На страницах дневника Э.И. Генкина проходит череда картин: «в блеске пожарниц тени готических крыш», руины и «остатки былой роскоши», «распятые» немецкие города. Все увиденное настолько ошеломляло, что автор смог сравнить это лишь с когда-то поразившими его кадрами кинофильма «Петр Первый», взятием русскими войсками г. Нарвы. Спектр чувств был настолько широк и противоречив (ужас, отвращение, опустошение), что он опасался за свое душевное здоровье («боюсь, что нервы не выдержат»). Наконец, записал: «Я в центре Берлина. Больше всего мне хотелось бы сейчас... удивляться! Не могу – разучился... Берлин распят. Распят страшно. Даже писать об этом не могу. Бой гремит. Вот он – за вторым домом. Лирика горит. Дым черный, смрадный. 1-е мая в Берлине»².

Сильные впечатления сохранили и письма рядового В.Н. Цоглина: «Мы идем по земле врага, кругом горит и рушится чертова готика». Он же несколькими месяцами ранее описывал родным свои первые впечатления о Германии. В частности, замечал редкость домов с соломенными крышами (в основном – черепица), сходство внутреннего убранства большинства из них с «хорошей московской квартирой, только газа нет»³. Более придирчив к местной архитектуре был сержант И.И. Раппопорт, отмечавший «казенный немецкий стандарт» строительства домов. С благодарностью другу за открытку с видом на храм Василия Блаженного Раппопорт писал, что «пока в ожидании лучших времен приходится довольствоваться видом островерхих кирх и прочими “прелестями” немецкой архитектуры, которая никогда особым разнообразием форм не отличалась, да еще, просматривая бюргерские библиотеки, искать изображения российских мест и местностей»⁴.

Находясь в 150 км от Берлина, минчанин Р. Штейнман сообщал школьной подруге о том, что особых оснований для сравнений с родными местами нет. «Все здесь не так, как мы с тобой привыкли видеть. Дома с высокими острыми крышами из красной черепицы. Мебель стильная, а барахла и безделушек здесь награблено из всей Европы»⁵. Грабеж как источник вещей в жилых домах немцев подразумевается или прямо оговаривается во множестве источников. Младший лейтенант М.М. Фуксман так и писал в письме, адресованном семье: «Они подлые с головы до ног, от Гитлера до последнего немца. Жили все очень и очень богато, все европейское, награбленное»⁶. В одном из писем домой младший лейтенант З.Л. Клейман даже предположил, что найденные им среди «барахла» («русская шуба, русский патефон, осколки наших русских тарелок») цветные половики есть «те самые», что «папа покупал». В другом его письме упоминается об обнаруженном в деревне у реки Одер «нашем стуле, со звездой». О спрятанных на чердаке жилого дома «советских стульях и столе, еще

¹ Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 210–211.

² Там же. Вып. 1. С. 280–283.

³ Там же. С. 264, 262.

⁴ Там же. Вып. 2. С. 295, 296.

⁵ Там же. Вып. 1. С. 182.

⁶ Там же. Вып. 2. С. 191.

запакованных» сообщал и Цоглин¹. «Германия, вернее, Восточная Пруссия, богата, но только трофейным имуществом, – рассказывала в письме другу санинструктор Анна Сологуб, за плечами которой 3 месяца жизни на немецкой земле. – Здесь можно встретить – харьковский стул, московское пианино, ивановскую мануфактуру, тетради и блокнот “Красный пролетарий”, швейные машины из Тулы, ракушки и всякие безделушки из Крыма, вино из Франции, консервы из Норвегии, сыр и масло из Дании, кружева и портьеры из Бельгии. Богато живут, но зато и бегут крепко»².

Пытаясь суммировать собственные впечатления от пребывания на Западе, сержант И.И. Раппопорт выразил достаточно распространенное среди советских военнослужащих мнение: «Европа надоедает, хотя учиться есть чему». Есть смысл, полагал он, перенять «внешнюю культуру во всем»³. Стоит иметь в виду, что многие советские военнослужащие – выходцы из деревень – по-настоящему познакомились с городским укладом жизни именно в Европе. Офицер-пехотинец А.З. Лебединцев вспоминал, что, вступив в провинциальный румынский город, он и его однополчане «впервые увидели быт и удобства городской жизни, о которых не имели даже понятия в своей сельской местности»⁴. А крупные города «почти совпадали со средней мечтой о счастье и о “после войны”». Такова была, по словам Б. Слуцкого, румынская Констанца. «Рестораны. Ванны. Кровати с чистым бельем. Лавки. И – женщины, нарядные городские женщины». При этом он подчеркивал, что в большинстве случаев советскому солдату пришлось побывать «в довольно паршивой Европе, ее Пошехонье, с румынским бессапожьем и венгерским безземельем»⁵.

Следует учитывать, что высокие оценки уровня комфорта и жилищных условий часто были вызваны их контрастом с фронтовым бытом, в котором военнослужащие пребывали не один месяц, а то и год. Чистота и уют в домах, возможность сна в «гражданских постелях» – моменты, которые выделяются ими наиболее часто. А.С. Шевелев в письме из Венгрии дважды отмечал то, что на кроватях в доме, где он остановился, были белоснежные простыни. Описывая постой в польской деревне, старший лейтенант А.В. Перштейн замечал: «Эти пару дней пребывания в деревне являются большим контрастом с моей жизнью за период с 14.01 по 3.02.1945. Это какой-то резкий скачок из худшего в лучшее. Если в период наступления иногда приходилось спать на ходу, используя 15-минутные привалы ночью, то теперь сплю в теплой комнате на перине... В нашем распоряжении все удобства, и мы используем их для своего отдыха»⁶.

В обиходе европейцев подмечалось, в первую очередь, то, что можно было сравнить с собственным, отечественным. Так, в Румынии и Болгарии бросилась в глаза острая нехватка обуви, не понаслышке известная советскому человеку из глубинки. «По селам Болгарии в любую погоду в дождь, холод все от маленького и до большого в “отцовских сапогах”: босые. В городах в немецких открытых [туфлях] и то если какие-то фокусные, считается богатый», – рассказывал в письме Ф.Ф. Кривцов⁷.

¹ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 164, 165, 262.

² РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 318. Л. 42.

³ Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 294.

⁴ Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Указ. соч. С. 202.

⁵ Слуцкий Б.А. Указ. соч. С. 44, 37.

⁶ Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 263, 253.

⁷ Герои терпения... С. 184.

Естественно, привлекали внимание те вещи, о которых в СССР понятия не имели. Для москвича С. Баруздина настоящим открытием стал факт существования солнцезащитных очков, которые с удовольствием носили жительницы Будапешта¹. И спустя полвека после Победы А.З. Лебединцев вспоминал обнаруженный в австрийском доме огромный запас всевозможных стеклянных банок консервированных овощей и фруктов с крышками, сделанными тоже из стекла. *«Все надежно закупорено через резиновую прокладку, но открыть их мы никак не могли и не находили приспособлений... Пробовали лезвием ножа, но стекло крошилось. Я случайно увидел в резиновой прокладке выступ в виде язычка, ухватившись за него, потянул, и крышка с хлопком отскочила, так как воздух попал внутрь банки. Просто, надежно и многократно можно использовать. Но у нас в стране в то время все эти продукты продавались из бочек. О стеклянной таре мы тогда и еще много лет позднее не мечтали»*².

Непривычным представлялся советским мужчинам обычай целования рук женщинам, о котором они сообщали на родину с большим недоумением. Д.А. Кузнецов делился с другом: *«Очень странно для нас, мужчины – поляки, когда здороваются, целуют женщинам руки»*³. А генерал-майор П.Л. Печерица даже описал жене забавный, с его точки зрения, эпизод, случившийся с ним на одном приеме: *«Вот тебе нужно было бы видеть: были дамы одной державы с мужьями. Все англичане, американцы и др. дамам целуют ручки, а мы – даже если и подставляет для поцелуя, то только “ручкаемся”. В частности, и у меня так получилось – мне для поцелуя, а я вниз тянул. И смех и грех!!! Смотрел и думал – я бы даже нашим труженицам тыла не целовал бы, а крепко пожал бы руку за все их хорошие дела»*⁴.

В Германии поражала немыслимая в условиях Советского Союза ситуация с прессой (газетами, журналами), переполненной *«снимками голых мужчин и женщин во всевозможных позах и положениях»*. На основании этого и других своих впечатлений, капитан А. Шкудов сделал следующий вывод: *«Это не страна, а огромный скотный двор. Случка, искусственное оплодотворение женщин здесь введены в систему. Народ извращен до предела»*⁵.

Б. Слуцкий обращал внимание на то, что сводки времен «заграничного похода» тщательно учитывали обратное влияние Европы на русского солдата. Очень важным было представлять, *«с чем вернутся на родину “наши” – с афинской гордостью за свою землю или же с декабризмом навыворот, с эмпирическим, а то и политическим западничеством?»* По наблюдениям Слуцкого, наиболее веским оказалось осознание несправедливости европейского социального уклада, гордое противопоставление ему⁶. В подтверждение этого вывода строки из июльского 1945 г. письма родным связиста Л. Рабичева: *«Ни в одной стране – ни в Польше, ни в Германии, ни в Чехословакии, ни в Венгрии люди не живут такой полной жизнью, как в России. Я люблю Москву...»*⁷

Отторжение вызывали нюансы повседневного уклада жизни, однако выводы распространялись далеко за пределы бытовой сферы. *«Европейские парикмахерские, где мылят пальцами и не моют кисточки, отсутствие бани, умывание из таза, “где снача-*

¹ РГАЛИ. Ф. 2855. Оп. 1. Д. 38. Л. 35об.

² Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Указ. соч. С. 237.

³ НА РТ. Ф. Р-2157. Оп. 8. Д. 64. Л. 6.

⁴ Герои терпения... С. 154.

⁵ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 291. Л. 36–36об.

⁶ Слуцкий Б.А. Указ. соч. С. 35.

⁷ Рабичев Л. Указ. соч. С. 218.

ла грязь от рук остается, а потом лицо моют”, перины вместо одеял – из отвращения, вызываемого бытом, делались немедленные обобщения»¹. Личный опыт знакомства с реалиями жизни в европейских странах, к тому же происходивший в условиях непрекращающегося идеологического воздействия и контроля, нередко порождал сомнения в «хваленой прогрессивности западноевропейской цивилизации»².

Еще более контрастными выглядят «азиатские» впечатления советских военнослужащих, полученные ими в ходе советско-японской войны 1945 г. О боевых действиях в Маньчжурии В.Н. Цоглин отзывался так: «Воевали всего 5 дней, но я согласен воевать с немцами полгода, чем с этими азиатами 5 дней». Раздражение вызывали методы ведения войны, практиковавшиеся японцами, которые, по отзыву Цоглина, «воевать ни черта не умеют». «Как кошки, бродят по сонке с ножами в полметра, в тапочках и легко одеты. В сонках у них есть подземные склады, и они днем в них прячутся. Это смертники, их бьют немилосердно, но перед тем, чтоб самому умереть, стараются как можно больше убить противника и умереть самураем»³.

Похожее отношение зафиксировали и датированные сентябрем-октябрем 1945 г. письма к жене П.Л. Печерицы (на тот момент – временно исполнявшего должность начальника Главного интендантского управления РККА по заготовкам в Венгрии и Маньчжурии). За время перелета в Китай, поразившего своей длительностью («растостояния, которые я покрыл, исключительно большие») ему пришлось увидеть «необъятные просторы Родины» (по пути побывал в Казани, Новосибирске, Хабаровске). Впечатления же от нескольких недель пребывания в «провинции дружественного нам Китая» (Маньчжурии) были безрадостными: «...если мне надоел крепко Запад, то это в десятки раз хуже».

Поразительными Печерице показались, прежде всего, бедность китайского населения («такой ужасающей нищеты я еще не видел!!!»), его большая скученность и исключительная «плодовитость» («женщины выполняют роль инкубатора»). Обратили на себя внимание грязь, бездорожье («еще хуже нашего»), «сплошь торговля всякой дрянью и ничем порядочным», примитивность быта («начиная с еды, кончая жилищем»). Описанию последнего в письмах отведено много места. К примеру: «Едят плохо, мало и не вкусно, всего понемногу и дурно приготовлено. Обходятся без хлеба, иногда только лепешки: рис, чумиза, гаолян в разных вариантах. Если одно кушанье соленое и острое, что и в рот не возьмешь, то остальные пресные, без соли, которые тоже в рот не возьмешь. Домишки на южный лад – к тому же грязные, кругом циновки, мебели почти нет, а на имеющейся приходится садиться на ручки, потому что очень низкая. Спят на циновках, едят тоже. Японцы, думая вечно господствовать, выстроили почти новый город. Я живу в японской квартире: кругом циновки, 6 маленьких комнат, низенькие, света много. Все миниатюрное, не по-нашему, начиная от рукомойника, писсуара, кончая ванной, в которой я могу поместиться только стоя и то до колен. Черт его знает, как они мылись!!!»

В то же время Печерица не мог не отметить «относительное трудолюбие» китайцев, вклад японцев в благоустройство китайских территорий, красоту и «современный европейский вид» некоторых городов (г. Дальний). Резюмировал следующим образом: «Словом, это “страна чудес”, так мы ее и прозвали, учитывая исключительную

¹ Слуцкий Б.А. Указ. соч. С. 35.

² ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 74. Л. 77.

³ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 266.

противоречивость жизни. Хорошо, что не долго прилетал здесь быть, а то пропадешь с тоски. Словом, прав был солдат старой армии, который писал из Порт-Артура, что «климат здесь для нашего брата неподходящий»¹.

Писатель-фронтовик Д. Гранин заметил, что Отечественная война (как война «за родных, за свой город, дом») закончилась на границах СССР. За ними уже «началась другая, ее можно назвать освободительной или как-то еще, но она стала иной по сути»². Немногие из тех, кто вступил в борьбу с фашистами в 1941 г., дошли до этих границ. 4 июля 1941 г. фронтовой разведчик Г.С. Ставский, встретивший войну в Белоруссии и «на своих ногах» уже прошедший почти всю ее территорию, написал: «А Германию, так или иначе, я увижу»³. Ставский погиб в 1943 г., и уже другим советским солдатам довелось не только вступить на землю поверженной Германии, но и «прошагать» через несколько европейских государств, участвовать в освобождении от японцев Маньчжурии.

В оценках советскими военнослужащими порядка повседневной жизни в зарубежных странах чувствуется известная предвзятость, и такое отношение имеет, с одной стороны, идеологическую подоплеку, а с другой – обусловлено причинами субъективного характера: физической усталостью, моральной опустошенностью, тоской по родной земле. Данные свидетельства несут в себе огромный потенциал информации не только о Европе военного времени, но, прежде всего, о том жизненном укладе, носителями которого являлись сами советские люди.

* * *

Письма и воспоминания советских граждан зафиксировали личностный опыт восприятия и освоения ими пространства и времени как двух важнейших и тесно взаимосвязанных категорий, определяющих существование человека в мире. Этот опыт по-своему уникален и в то же время отражает некоторые закономерности: социальные трансформации способствовали созданию объективных условий для выработки общих представлений о пространстве и времени у советских граждан как представителей определенной социальной общности. При этом географическое пространство и физическое время имели значение прежде всего только в контексте происходивших событий и собственных переживаний, приобретая социальное и личностное измерение. Восприятие пространства и времени выступало необходимым условием их освоения, а его способы являлись практиками повседневной жизни советских граждан. Обращение к рассматриваемой проблеме позволяет существенно дополнить наши представления не только о советском обществе как о новой реальности, создававшей собственные тексты со своими кодами их дешифровки и интерпретации, но и о духовном облике советского человека.

¹ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 74. Л. 81–83, 89–91.

² Ванденко А. Указ. соч. С. 51.

³ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 25.

ГЛАВА 3

ТРУД, ПОТРЕБЛЕНИЕ, ОТНОШЕНИЕ К ВЕЩАМ

3.1. Работа, зарплата и соблазны потребления: 1920-е гг. в отдельно взятой области

О грандиозных свершениях первого послеоктябрьского десятилетия, самоотверженном и героическом подвиге советских трудящихся написано невероятное множество самых разнообразных исследований. В них детально прослеживаются государственная политика советской власти в области труда и трудовых отношений, динамика роста квалификации «людских ресурсов», возведение промышленных гигантов и восстановление разрушенного хозяйства. По-своему добротные и необходимые для понимания процессов организации трудовой деятельности в послереволюционной России, они на долгие годы выключили из сферы исследовательского внимания непосредственных тружеников и создателей народнохозяйственного организма страны. Не ставя перед собою неподъемной по своим масштабам задачи «очеловечивания» хозяйственной деятельности, попытаемся посредством создания небольших зарисовок на материалах одной отдельно взятой области раскрыть конкретные вопросы организации труда населения, его оплаты, занятости и трудоспособности, отношения к рабочему времени и профессиональным обязанностям. При этом основными героями повествования выбраны различные категории рабочих и служащих Адыгейской автономной области, о жизни которых известно до обидного мало.

* * *

Официальным органом власти, ответственным за состояние дел в области «*труда, занятости населения и учета его рабочей подвижности*», в 1920-е гг. являлся отдел труда областного исполнительного комитета. История его создания была отмечена многочисленными трудностями как сугубо организационного, так и мировоззренческого порядка. Согласно отчетной документации, отдел был создан 10 августа 1922 г. Однако «*фактическим моментом его работы*» следовало считать 1 сентября, «*когда удалось сконструировать аппарат и 2 подотдела – по охране труда и трудгужналогу*»¹. Любопытно, что «*самое представление о трудгужналоге было чрезвычайно туманное*»: отмененный декретом СНК от 22 ноября 1921 г., он продолжал применяться по области в «*полном размере*». Разнарядкой на 1922 г. предусматривалось выполнение 66 049 налоговых дней, из которых «*гужевые*» занимали 28 998 дней. Их невыполнение влекло за собою применение мер административного и судебного воздействия².

¹ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

² Там же.

Задача отдела изначально состояла в «приноравливании его структуры к экономической и бытовой жизни Адыгейской автономной области», и больших трудностей в этом отношении он не испытывал: «... жизнь нашей области проста. Большинство населения земледельческое, промышленность не развита, а потому фабрично-заводских рабочих и служащих в нашей области мало. Наличие их исчисляется от одной до двух тысяч человек»¹. Вероятнее всего, указанное обстоятельство и привело к тому, что штат отдела состоял из 8 чел., приходившихся на подотдел трудгужнала и охраны труда. Возглавлявшие их сотрудники «поступили на службу через биржу труда области» и являлись беспартийными.

Показательно, что упоминавшаяся в источниках биржа труда за «ненадобностью» была упразднена уже в октябре 1922 г. и безработное население области регистрировалось в самом отделе. При этом учет рабочей силы стал официально производиться только с 10 сентября. В течение месяца по области зарегистрировали 88 безработных, 44 чел. из них были посланы на работу: «Из всех зарегистрированных и посланных на работу 90 % лиц интеллигентного труда»². Как свидетельствуют протоколы заседаний оргбюро областного комитета партии, к лету 1928 г. отмечалось «полное отсутствие безработицы среди батрачества и некоторый ее рост по другим союзам, получившийся за счет сокращения и рационализации учреждений»³. Контроль над наймом рабочей силы, помимо биржи труда, осуществлялся путем применения сверхурочных работ, а также брони подросткам.

Подотдел трудгужнала по объему выполняемых работ и их общегосударственной важности занимал ведущее место в «сфере трудовых отношений». По подсчетам на 23 октября 1922 г. «общая картина трудгужресурсов области» составляла 105 891 трудгуждень, распределяясь «на душу» населения следующим образом⁴:

Округ	Число домо-хозяев	Общее число трудо-способных	Годной рабочей скотины	Зачтено за счет трудгужнала (трудодни/конедни)	Подлежит внесению в рублях	Внесено по данным облисполкома
Псекупский	2 780	4 401	3 940	6 141 5 781	1 420 330	425 339 (29,9 %)
Ширванский	5 315	8 208	5 521	7 233 6 733	2 502 845	1 067 754 (42,7 %)
Фарский	522	7 893	5 334	2 348 2 325	3 533 379	1 219 650 (34,5 %)
Всего по области	13 319	20 502	14 795	15 728 14 839	7 276 545	2 712 743 (37,3 %)

Перепись 1926 г. зарегистрировала в области 114,1 тыс. «душ обоего пола сельского населения... Численность крестьянского населения, определяемого по данным налоговой сельскохозяйственной переписи и по данным весеннего опроса в 1926 г., была равна 110 тыс. душ обоего пола, остальная часть населения являлась некрестьянским (рабочие, служащие и прочие категории)»⁵. Тремя годами ранее на территории

¹ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

² Там же. Д. 7. Л. 3а.

³ Там же. Д. 235. Л. 3, 6.

⁴ Там же. Д. 7. Л. 9.

⁵ Емтыль Р.Х. Социально-экономическое и культурное развитие адыгейского аула (1920-е годы). Майкоп, 2003. С. 69.

области по данным сельскохозяйственной переписи 1923 г. проживало 90,4 тыс. чел. обою пола. Некоторое увеличение численности населения стало следствием его возросшей миграционной активности и наметившегося к завершению Гражданской войны демографического перехода. Однако количественные изменения не влекли за собою качественного роста: число работоспособного населения области составляло лишь 1/5 часть его общей численности.

Среди «неспособных к приношению общественной пользы» подавляющее большинство составляли беспризорные дети и круглые сироты, инвалиды войны, а также инвалиды труда, полностью или частично утратившие работоспособность. Время от времени эту категорию пополняли вдовы красноармейцев, погибших в рядах Красной армии, и вынужденные «обходиться социальными пособиями», безлошадные и однолошадные крестьяне. Так, по сведениям, предоставленным в 1923 г. областным отделом социального обеспечения, на территории области находилось: 1 486 беспризорных детей и круглых сирот, 38 инвалидов войны, 727 инвалидов труда, 390 вдов красноармейцев, 1 068 безлошадных хозяйств и 476 однолошадных хозяйств¹.

Именно на крестьянское население области пришлось основная тяжесть гужевой повинности, которая в ряде случаев заменялась «обвалованием реки Кубань». Данный вид работ заменял собою не только «натуральный» налог, но и освобождал от необходимости внесения «в счет него денег». Однако, исходя из горького опыта «реального положения дел», облизполком вынужден был неоднократно отмечать, что «обвалование вносит невероятную путаницу в производство учета трудодней... Понять, что заменило собою что, очень трудно»². Многомесячное расследование производимого обвалования в ауле Старый Бжегокай никаких внятных результатов не дало. Комиссия облизполкома, в конечном итоге, пришла к выводу «повинность населению списать, увеличив сдачу денежного налога»³.

Попытки замены трудгужналога денежной компенсацией также оказались не совсем удачными. Поэтому «в целях прекращения халатного отношения председателей исполкомов к проведению взыскания замены применяются меры арестов. Большая часть граждан не в состоянии вносить замены по причине малоимущественности. Есть сведения (с. Белое и Адамий), где население фактически не имеет возможности заняться работой по хозяйству из-за разлива рек. В селе Белом три раза смывало посевы, три раза разрушались дамбы, на создание которых было потрачено большое количество труда»⁴.

Значение подотдела в жизни населения области определялось тем обстоятельством, что по важности осуществляемой деятельности он приравнялся к «сбору продналога». Вместе с тем, специальным распоряжением областного исполнительного комитета «всем областным отделам и отдельским работникам» вменялось в обязанность «пользоваться средствами передвижения только по наряду отдела труда... Внимательно относиться к его распоряжениям как к одному из важнейших органов советской власти»⁵.

Помимо трудгужналога, который в скрытой форме просуществовал в области до конца 1930-х гг., отдел труда большие усилия прилагал к налаживанию системы

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 24. Л. 7.

² ХДНИ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ Там же. Д. 2. Л. 10а.

его охраны. Тем не менее на момент своего возникновения «понятие охрана труда» популярностью и значением среди населения области не пользовалось. Как отмечал трудовой инспектор, «*работа по охране труда в области до сего времени не производилась, и о ней даже местами не имеют понятия в особенности черкесы... и вообще в аулах обнаружены дефекты, нарушения законов о работе подростков, производство неразрешенных сверхурочных работ, невыдача жалования, антисанитарное состояние мест работы*»¹.

В числе первых областная инспекция обследовала предприятия Псекупского округа. Посетив две консервные фабрики, численность работавших на которых составляла 350 чел., она отметила: «*На 3-й государственной фабрике больше года нет инспектора труда, но работа ведется без нарушений Кодекса законов о труде. Существуют книжки малолетних, которые не ведутся. Необходимо выделить всех подростков, вписать в книги и сократить рабочий день сообразно норме*». Комиссия указала и на факты наличия сверхурочных работ, осуществлявшихся с согласия профсоюзного комитета и областного комитета охраны труда и оплачивавшихся по тарифу. Особо было отмечено «*наличие при фабрике приемного покоя, аптеки, библиотеки. Рабочие жалоб не имели, но просили пополнить комплекты профодежды*»².

На второй консервной фабрике ситуация оказалась намного хуже. Инспекция не обнаружила книг учета личного состава, малолетних, несчастных случаев. Помещения фабрики производили «*неприятное впечатление, имели грязный вид, отсутствующие и пробитые стены. Много жалоб и нареканий рабочих. В катастрофическом положении находятся сотрудники аульных исполкомов: жалования не получают, работают с утра до вечера*»³. На факты бедственного положения работников местных органов власти обращалось внимание практически во всех отчетах областной инспекции по охране труда. Многомесячное отсутствие жалования восполнялось «*бесплатным питанием у жителей аулов по нарядам исполкома. При таких условиях никто из сотрудников не уживается и работу наладить с местами крайне трудно*». Более того, бумаги в «*дороге бывают по 2–3 недели, а то и вовсе пропадают. Дождь, грязь, неимение теплой одежды затрудняют поездки по области*»⁴.

Наряду с выявляемыми время от времени «*дефектами*» производственного характера, камера инспектора труда отмечала и многообразные «*дефекты в области охраны труда*». Типичными в 1920-е гг. нарушениями являлись несвоевременная выплата зарплаты и несоблюдение рабочего времени, увеличение количества занятых рабочих вследствие начала сельскохозяйственных работ, повсеместное наличие «*батрачества как вида деятельности*»⁵.

С трудовыми нарушениями боролись: жалобы фиксировались, рассматривались и в случае необходимости передавались в судебные инстанции. В 1925 г. в камеру инспектора труда поступило 5 жалоб, на основании которых было возбуждено 3 судебных дела: «*В некоторых судебных учреждениях, как, например, обфо, нарушение кодекса законов о труде приняло хронический характер, главным образом в лице запрещенных сверхурочных занятий. Составлено 2 акта, заведующий отделом привлечен*

¹ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 76.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 3а.

⁴ Там же. Д. 7. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 22.

к судебной ответственности»¹. В фондах организационного бюро обкома партии сохранилась ведомость работы камеры инспектора труда за май 1925 г., которая отражает своеобразную специфику «распределения нарушений» по различным отраслям занятости²:

Род производства	Произведенное обследование местных/всех рабочих	Обнаруженные дефекты труда местных/кооперативных рабочих	Нарушения рабочего времени, его нормирования и зарплаты	Численность привлеченных к ответственности
Совработники	4 78	2 46	2 0 1	2
Рабземлес	16 129	2 13	1 0 2	1
Батраки	11 12	10 11	10 1 10	9
Рабпрос	5 24			
Чернорабочие	4 6	1 1	1 0 0	
Медперсонал	1 2	1 2	0 0 1	
Итого	41 251	16 73	14 1 14	12

Сведения, собранные инспектором, показывают, что с наибольшим числом трудовых «дефектов» в организации своей деятельности сталкивались работники советских учреждений, а наибольшее количество правонарушений в ее установлении испытывали батраки. В пользу данного вывода говорят как «нарекания на неналаженность рабочего быта» со стороны сотрудников различных учреждений, так и обследования сезонных рабочих. Тяжелое положение рабочих кенафной плантации № 2 неоднократно становилось предметом «вдумчивых» размышлений официальной власти. Их скопление на кенафных плантациях и огородах вызывало не только ее озабоченность, но и сопровождалось вмешательством в перераспределение рабочей силы³.

Не менее хлопотно складывалась трудовая биография советских служащих. Многочисленные анкеты, принятые к заполнению в учреждениях того времени, свидетельствовали о весьма тщательном контроле власти за состоянием послужных списков своих подопечных. Среди ряда каверзных вопросов, предусмотренных для регистрации советских служащих, точное указание «трудовых занятий» с «1905 по март 1917 г., с марта 1917 по октябрь 1917 г. и с сего момента до настоящего вре-

¹ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

² Там же. Л. 25.

³ Там же. Д. 181. Л. 132 об.

мени» с подробным перечислением командировок, видов деятельности и отпусков занимало главное место. Подробному описанию подвергалась служба в Красной армии и сотрудничество с войсками белогвардейцев и интервентов. Куда более скромной выглядела строка о полученном образовании и начале самостоятельной трудовой жизни.

Из личных дел сотрудников областного отдела местного хозяйства удалось установить, что подавляющее большинство из них «тяготело» в прошлом к хлеборобным и интеллигентным занятиям, которые в новой жизни их обладателей обернулись «хождением на службу». Так, техник областного управления местного хозяйства, «персидско-подданный» 1894 г. р. Гаврила Захарович Аваков «самостоятельным трудом» стал зарабатывать на жизнь с 1915 г. Окончил 1-ю Екатеринодарскую гимназию и три курса Московского инженерного училища. До 1917 г. учился, а в смутные годы Гражданской войны «давал уроки младшим школьникам». С начала 1920-х гг. – на службе в государственных учреждениях¹.

Гаврила Захарович являлся бессменным членом союза строительных рабочих и советских работников, в коммунистической партии не состоял, но, судя по ответам на вопросы анкеты, ей всемерно сочувствовал. Его трудовая и профессиональная биография, согласно сохранившимся расчетным книжкам, началась с должности техника-практиканта, и прошла в своем развитии ступени производителя работ, техника хозяйственного отделения облисполкома, технического агента-контролера, технического инспектора и завершилась должностью инспектора гражданских и дорожных сооружений областного отдела местного хозяйства². Судя по количеству командировочных удостоверений и квитанций-отчетов о выполненных им «поручениях», работа стала для него если и не смыслом жизни, то, во всяком случае, ее основной частью. Только за четыре месяца 1925 г. им «производились: ремонт школьного городка на сумму 3 842 руб. 21 коп., американского дорожного участка – 6 126 руб. 97 коп., здания облисполкома – 1 258 руб. 69 коп., работы по здравотделу – 150 руб. 10 коп., по обзу – 176 руб. 63 коп.»³

Трудовой договор, заключенный с ним управлением местного хозяйства, содержал указания на дополнительные сверхурочные работы, а также работу в выходные дни. Специальной статьей закреплялся особый порядок вознаграждения, сводившийся к оплате квартиры и поездок⁴. Исходя из содержащихся в личном деле Г.З. Авакова заявлений, такое положение дел его явно не удовлетворяло, хотя работу он оставлять не спешил, и был уволен по сокращению штатов в 1926 г.

Другой сотрудник управления местного хозяйства Моисей Карпович Беликов, 1869 г. р., русский, из «мануфактурных служащих», свою трудовую биографию начал в 1895 г. К сожалению, детальнейший профессиональный путь теряется в отрывочных сведениях, отложившихся в его личном деле. Как повествует заполненная им в 1923 г. анкета, Моисей Карпович окончил Армавирское двухклассное училище, себя по национальности числил «армяногригорианцем», на иждивении имел трех взрослых членов семьи – мать, жену и сына. К моменту заполнения анкеты и прилагаемого к ней трудового договора занимал должность заведующего мануфактурным отделом управления местного хозяйства и по совместительству товароведа Адыггосбазы. Оклад

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 140. Л. 2.

² Там же. Л. 52.

³ Там же. Л. 57.

⁴ Там же. Л. 53.

в размере 130 руб. ежемесячного жалования по основному месту работы, скорее всего, его не беспокоил, так как не сопровождался ни одним заявлением-жалобой¹.

Выборочный анализ личных дел сотрудников областного управления местного хозяйства, попавших под сокращение штатов в 1926 г., показывает, что большинство из них работали в нескольких местах и увольнялись в соответствии с кампанией рационализации советского аппарата. Наиболее находчивые служащие пытались заручиться несколькими поручениями в самом управлении, выполняя *«неположенную им по квалификации нагрузку»*. Рассыльный управления Лещенко *«в связи с тем, что полы канцелярии УМХ натираются парафином, что создает излишнее содержание уборщицы для их мытья»*, выхлопотал в нагрузку к основным обязанностям *«мытьё полов и уборку столов»*².

Для многих людей того времени работа стала если и не смыслом, то, во всяком случае, главным сосредоточением жизни. Л.Я. Гинзбург вспоминала по этому поводу: *«Мы живем очень обнаженной и прямолинейной жизнью, в которой бесконечно сократилось пространство, лежавшее некогда между человеком и его прямым назначением и заполнявшееся прикрасами. Значение работы расширилось до предела. Работа – источник заработка, средоточение интересов, поприще честолюбия, сфера творчества... Предпринятая сейчас идеологизация труда содержит первостепенной важности условия для человеческого счастья»*³.

Однако отношение к труду как к неотъемлемой форме повседневного существования с течением времени претерпело значительные изменения и из жизненной необходимости трансформировалось в потребность «публичного присутствия». Современники отмечали, что работа для многих из них превратилась в *«скудное времяпрепровождение»*, *«отбывание малопонятной повинности»*. Вместе с тем некогда сложившийся уклад жизни требовал своего психологического наполнения и вынуждал к поступлению на службу. В данной связи весьма любопытными представляются наблюдения современницы относительно «женской» потребности в службе: *«Необходимо отличать общественно-полезную занятость от занятости как таковой. Светская женщина была страшно занята не только по распределению времени, обязательному и в значительной мере независимому от ее воли, но и по обилию целей и предметов вождения, заполняющих вокруг нее пространство. Современная женщина этой психической структуры оказалась в такой пустоте, что она спешит поступить на службу»*⁴.

Для многих современников и очевидцев эпохи 1920-х гг. время воспринималось как течение капризной реки, спокойное русло которой прерывалось *«непонятно откуда возникшими порогами»*: *«У нас же сейчас крестьянский быт, как архаический, быть может, и является единственным изнутри предопределенным и необходимо привычным. Нас, городских людей, регулирует только служебное время. Человек без службы испытывает смущенную легкость от сознания, что он поворачивать куски своей жизни в любую сторону, начиная от часа, когда он встает, и вплоть до часа, когда он отправляется в кино... Он головокружительно свободен. И если у него не кружится голова, если он не задыхается в полете разорванных кусков времени, – это оттого, что устойчивость жизни заменена ему однообразием»*⁵.

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 157. Л. 37.

² Там же. Д. 77. Л. 23.

³ Гинзбург Л.Я. Указ. соч. С. 99.

⁴ Там же. С. 137.

⁵ ГУ НАРА. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 157. С. 78.

В этом опьяняющем ощущении свободы одновременно присутствовало и *«пренебрежительно высокомерное»* отношение ко времени, выразившееся в неумении, а зачастую и нежелании его *«экономно расходовать»*. Особенно наглядно это *«пренебрежение»* сказывалось на организации рабочего времени. Во многих советских учреждениях и на предприятиях отмечались массовые нарушения трудовой дисциплины, как правило, сводившиеся к опозданию на работу, халатному отношению к непосредственным обязанностям и элементарному *«непониманию сути рабочего процесса»*. Книги приказов по областному исполнительному комитету пестрели различного рода инструкциями, запрещавшими сотрудникам *«бесцельное хождение по кабинетам в разгар рабочего дня и ближе к его завершению»*. Бесчисленные кампании середины 1920-х гг., направленные на рационализацию аппарата управления, одной из своих целей как раз и преследовали *«привитие уважения к расходуемому времени»*. Несмотря на все предпринимавшиеся меры, одной из основных причин увольнения в 1920-е гг. оставались массовые опоздания на службу и беспричинные прогулы.

Трудовые будни населения области в рассматриваемое десятилетие складывались из разнообразных форм *«общественно-полезной занятости»* – выполнения многочисленных натуральных повинностей, хождения на службу и работы на *«не совсем налаженном»* производстве. Находя свое преломление в судьбах конкретных людей, они наполняли их жизнь смыслом ежедневного существования. В этой повседневной веренице повторяемых служебных и производственных обязанностей и решались насущные задачи времени, *«опаленного дыханием революции»*.

Вопросы заработной платы, социального обеспечения и материального вознаграждения рабочих, служащих, а также утративших или еще не приобретших трудоспособности граждан являются, пожалуй, одними из наиболее *«плохо восстанавливаемых»* сюжетов советского повседневья. Причинами тому оказываются как разрозненность сведений о начисляемой заработной плате или пенсии по отдельным областям занятости, так и *«плавающие»* тарифные ставки вознаграждения, во многом обуславливаемые классовым подходом пролетарского государства. Многочисленные распределительные ведомости на выдачу заработной платы и списки начисляемых пенсионных пособий помимо всего прочего содержат и малопонятные пометки доплаты за *«предыдущее непогашенное время»*.

Более того, постоянно осуществляемая *«сводная сверка»* списков лиц, подлежащих *«материальному вознаграждению»*, а также частично практиковавшаяся в 1920-е гг. натурализация льгот и жалованья препятствуют созданию всеобъемлющей и достоверной картины в этой области повседневной жизни. Следует помнить и о том, что в 1922–1924 гг. в стране была проведена денежная реформа, результатом которой стало введение в оборот товарных и червонных денег: первые не были обеспечены золотом и имели сугубо внутреннее хождение, вторые – нацелены на внешнеторговый оборот и подкреплены *«валютным запасом страны»*. Исчисление заработной платы в той или иной денежной форме свидетельствовало о социальном статусе ее обладателя, а также о престижности той или иной профессии.

Насколько рассматриваемые суммы и их индексация удовлетворяла насущные потребности населения, судить однозначно весьма затруднительно. Как свидетельствует практика социологических опросов и сбора статистических данных того времени, *«в населении присутствовало скрытое недовольство материальной политикой власти. Многие отмечали, что плохо живут, но тут же выражали понимание»*

текущим моментом в жизни страны»¹. Более того, огромное количество заявлений граждан на получение единовременного пособия и результаты актов обследования имущественного и семейного положения лиц, нуждавшихся в пособиях, подтверждают субъективные ощущения современников о «плохо устроенной жизни».

Довольно разнообразными и разрозненными выглядят и сведения относительно получаемого жалования и заработной платы в 1920-е гг. Их «чистое» (денежное) исчисление для разных категорий рабочих и служащих не только различилось в количественном отношении, но и в «натуральном» сопровождении. Зарплата районного уполномоченного в октябре 1926 г. составляла 40 руб. и предполагала «*бесплатное столование, поездки по области и теплое пальто на два сезона*»². В то же время заведующий мануфактурным складом получал лишь «голый» оклад в 130 руб. и «*подвергался несчетным проверкам на сохранность казенного имущества*»³.

Необходимо отметить, что получаемое жалование облагалось многочисленными общественными повинностями: по инициативе профсоюза советских работников служащие управления местного хозяйства области в течение двух лет «*делали регулярные отчисления в фонд безработных – 0,5 % и в пользу ленинградских рабочих – 1 % заработка*»⁴. На средства трудоспособного населения области содержались и более крупные объекты социального назначения. Детский дом в селе Николаевском Ширванского округа «*существовал за счет местных средств, т. е. из числа оставленных до полтора пудового сбора 50 % всех селений округа*»⁵. Правда, в отличие от облагаемого фонда заработной платы, здесь действовал несколько другой принцип – пересчета «общественно-полезных» трудодней. В первой половине 1920-х гг. практиковались и всевозможные сборы пожертвований в пользу больниц, школ, детских домов, находившихся как на территории самой области, так и за ее пределами⁶.

По целому ряду «служебных профессий» к окладу предусматривалась выдача «*профессиональной одежды*». Кучерам и возницам, состоявшим при управлении местного хозяйства, полагались:

Название	Количество	Срок носки
Непромокаемое пальто	1	2 года
Полушубок	1	3 зимы
Валенки	1	1 зима
Шапка	1	2 зимы
Варежки и кожаные рукавицы	2	1 зима
Сапоги кожаные	1	1 год

Сохранившиеся ведомости на выплату зарплаты и расчетные книжки служащих различной ведомственной принадлежности позволяют проследить не только динамику изменения их жалования и окладов, но и востребованность, а также престижность той или иной профессии. Вместе с тем они способствуют прояснению и такого до сих пор болезненного вопроса, как разница в оплате и возможностях советско-партийной

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 69. Л. 10об.

² Там же. Д. 69. Л. 2.

³ Там же. Д. 157. Л. 32.

⁴ Там же. Д. 133. Л. 169.

⁵ Там же. Д. 2. Л. 32.

⁶ Там же. Д. 2. Л. 76.

номенклатуры и остальных категорий так называемых *неответственных работников*. Речь в основном пойдет об окладах служащих областного отдела социального обеспечения и управления местным хозяйством, чьи раздаточные ведомости отличаются хорошей прочитываемостью и репрезентативностью данных.

Согласно спискам областного собеса на июнь-июль 1923 г., заместитель заведующего отделом получал 9 977 руб. 70 коп., секретарь собеса – 7 752 руб. 86 коп., делопроизводитель – 3 364 руб. 12 коп., помощник бухгалтера – 5 045 руб. 25 коп.¹ Частная смена делопроизводителя и относительная кадровая стабильность остальных должностей позволяет предположить, что, несмотря на среднюю по тем временам зарплату, работа эта особой популярностью не пользовалась и требовала *«больших временных затрат»*. По свидетельству уволившегося делопроизводителя, *«бумаги в отдел поступали не регулярно, порой шли валом. Приходилось задерживаться допоздна, вызывали и в выходные...»*²

К началу 1925 г. ситуация значительным образом изменилась: в большей степени стали важны не оклады, а занимаемые должности и делопроизводители, вытесненные машинистками, превратились в незаменимых в «канцелярском деле» людей. Их небольшие оклады компенсировались различными премиальными, а возможность работать по найму в нескольких ведомствах создавали довольно приличную зарплату. В данной связи можно обратиться к «Списку служащих управления местного хозяйства Адыгейской (Черкесской) автономной области»:

Должность	Разряд	Оклад, жалованье
Заведующий		70 товарных руб.
Заместитель заведующего		70 товарных руб.
Секретарь заводства	15	56 товарных руб. 95 коп.
Юрисконсульт		70 золотых руб.
Завхоз	12	42 товарных руб. 50 коп.
Регистратор	6	21 товарный руб. 25 коп.
Машинистка	7	23 товарных руб. 80 коп.
Заведующий мельсекцией	15	56 товарных руб. 95 коп.
Уполномоченный	15	56 товарных руб. 95 коп.
Техинспектор	12	42 товарных руб. 50 коп.
Облархитектор	16	61 товарный руб. 20 коп.
Бухгалтер	12	42 товарных руб. 50 коп.
Счетовод	9	29 товарных руб. 75 коп.
Кассир	12	42 товарных руб. 50 коп.
Завскладом	14	52 товарных руб. 70 коп.
Сторож	5	18 товарных руб. 70 коп.
Техник	12	42 товарных руб. 50 коп.

Исходя из сведений об окладах служащих, наиболее «крепкие» позиции на профессиональной лестнице занимали юрисконсульты, чей труд оплачивался в твердой валюте, по должности приравнивался к ответственным работникам и предполагал 35 % прибавки³, затем шли непосредственно управленцы высшего звена, архитектор

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 24. Л. 14.

² Там же.

³ Там же. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 44. Л. 7.

области, управленцы среднего звена, кассир и бухгалтер, а замыкал ее «технический персонал». Машинистка, тяготеющая по «табели о рангах» к последней категории служащих, занимала в ней первое место. Более того, проработав «безупречно два года, в течение которых регулярно премировалась наравне с заведующими отделами», была взята в облисполком.

В этом отношении весьма любопытна оценка самими современниками выгоды занятия тем или иным ремеслом. Профессиональный литератор Л.Я. Гинзбург вспоминала: «После революции литературный труд был одним из самых выгодных. Еще год-два назад оплата даже в 150–180 рублей за лист казалась нам высокой. Сейчас это вообще небольшие деньги, но главное литературный способ добывания этих денег перестал казаться выгодным и соблазнительным сейчас, с прекращением безработицы, с огромным повышением спроса на интеллигентный труд, с необычайным улучшением оплаты педагогического труда. У Гриши (Гуковский) простой и убедительный расчет: при четырехрублевой оплате академического часа, 16 часов в декаду дают 190 рублей с лишним, притом, это гораздо легче, чем написать печатный лист»¹.

Оплата труда других категорий служащих складывалась из тех же самых показателей, что и служащих «ответственных учреждений». Разница состояла лишь в том, что другие категории «не несли на себе такого бремени забот». Например, работникам просвещения на протяжении нескольких месяцев 1924 г. областные органы власти пытались повысить зарплату. В конечном итоге, пришлось констатировать, что «выплата содержания работникам просвещения в Адыгейской автономной области по всем ставкам и своевременной уплате жалованья находится в нормальном положении (30 червонных рублей в месяц). При составлении местного бюджета на 1924–1925 гг. считать необходимым придерживаться установленных ставок и ни в коем случае не допускать снижения... Улучшение положения учительства вести с культурно-бытовой стороны»².

Организационное бюро областного комитета партии неоднократно выносило в повестку дня своих заседаний вопрос о «низких ставках заработной платы служащих прокуратуры и уходе по этой причине с работы сотрудников»³. Нередкими на этих заседаниях были и вопросы о «нахождении возможностей выплаты заработной платы сотрудникам административных учреждений». В апреле 1926 г. в порядке исключения разрешалось «фракции облисполкома взять заимобразно необходимую сумму для выдачи зарплаты служащим из средств районных бюджетов»⁴. Однако хронический дефицит областного бюджета на всем протяжении рассматриваемого времени приводил к тому, что указанная практика исключений приобретала характер повсеместного правила.

Крайне скупо в архивных источниках представлены сведения о заработной плате рабочих. Их небольшая численность по области и по преимуществу неквалифицированный характер выполняемой работы в первой половине 1920-х гг. делали их объектом внимания исключительно лишь областного отдела труда. Согласно представленным им сведениям, «зарплата для рабочих землеса производится в товарных рублях – из расчета для огородников 7 руб., для табачников же предположено уста-

¹ Гинзбург Л.Я. Указ. соч. С. 110.

² ХДНИ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 91. Л. 46, 46об.

³ Там же. Д. 181. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 109.

новить до 10 руб.»¹ К сожалению, данных по заработной плате рабочих фабрично-заводской промышленности обнаружить не удалось.

Тем не менее следы заботы власти о своевременной выплате зарплаты рабочим прослеживаются по многим протоколам заседаний высшего партийного органа области. Большинство из них констатирует *«отсутствие должной связи между профессиональными организациями, хозяйственными учреждениями по вопросам зарплаты и организациями предприятий регулирующей промышленности»*². Судя по косвенным данным, несвоевременная выплата зарплаты была в то время делом обычным и *«большим прегрешением не являлась»*.

Сведения о заработной плате самой ответственной категории служащих области – партийных работников – являются, пожалуй, наиболее закрытой и малопроницаемой статьей расходов. Относящиеся к вопросам, *«не подлежащим открытому рассмотрению»*, они могут быть выражены лишь в приблизительном исчислении. Представляется, что даже с учетом должностной тарификации оклад ответственного работника в середине 1920-х гг. колебался в пределах 70–300 руб. и выше. Он не мог быть ниже оклада квалифицированного технического инспектора, жалование которого составляло в 1924 г. около 60 руб. и начислялось по 15 разряду³, или юрисконсульта, приравнивавшегося по *«отправляемым обязанностям»* к ответственному работнику, чье содержание обходилось бюджету в *«70 золотых руб. с 35 % прибавки»*.

В пользу такого предположения свидетельствуют и размеры материальной помощи, выплачиваемой коммунистам области. Так, согласно протоколу оргбюро от 17 февраля 1923 г., *«по пунктам 12, 13, 14 и 15 гражданам... как многосемейным и крайне нуждающимся, из кассы взаимопомощи предполагалось выплатить по 200 руб., а курсантам совпартишколы – по 300 руб.»*⁴ Материальная помощь ответственным работникам намного превышала размеры единовременных социальных пособий. Она выплачивалась на основании заявления просителя и возлагалась на те учреждения, где он работал.

Оплата содержания ответственным работникам, в своем подавляющем большинстве, исчислялась по *«I разряду, составляющему 14 рублей»*⁵. Какую часть заработной платы составляло указанное содержание, предугадать трудно. Однако, исходя из постоянно рассматриваемых на заседаниях оргбюро вопросов по оказанию материальной помощи, она была явно недостаточной. В пользу этой недостаточности склоняет и постоянно возникающая на всем протяжении 1920-х гг. необходимость *«усиления борьбы с взяточничеством»*. Официальной версией его распространения по области стала *«перегруженность ответработников»*⁶. С целью искоренения *«этой постыдной проказы»* особо закоренелых взяточников перемещали на другие *«менее ответственные участки работы»*, «разгрузив» их от столь непреодолимых соблазнов. Случаев увольнения *«за взяточничество»* обнаружить не удалось.

Различия в размерах заработной платы между отдельными категориями рабочих, служащих и ответственных работников вызывали не только недоумения населения, но и заставляли задуматься о его причинах. В данной связи селькор «Крестьянской газеты» И. Петров в 1922 г. с горечью писал: *«В газетах много пишут об удешевлении*

¹ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

² Там же. Д. 130. Л. 180.

³ ГУ НАРА. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 140. Л. 16.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 58, 58а.

⁵ Там же. Д. 130. Л. 180.

⁶ Там же. Д. 2. Л. 58а.

товаров городских, но на местах здесь у нас этого удешевления не видно. Все дорого и продолжает дорожать. Заработные платы для низших служащих низкие, ставки окладов жалованья безобразно разные. Одни получают 8–10 червонцев, другие (шкрабы, служащие вика) 5–10 червонных рублей. За время гражданской войны и голода обновилась, износилась одежда и обувь, купить не на что. Лично я прослужил в Красной армии 5 лет. За время воен[ной] службы хозяйство пришло в полное расстройство, теперь живу дома, нет возможности восстановить хозяйство, ни одеться, ни обуться... Многие, желая поправить хоть несколько свое положение, поступают на должность, но, как я уже говорил, из-за низкой оплаты труда и дорогих товаров впадают в еще большую нужду. Когда же жизнь войдет в мало-мальски нормальную колею? Отчего это такое деление между служащими и к чему эти разные ставки? Ответственные и технические, как будто «белые и черные кости». Ведь те и другие есть хотят, жить хотят... Так у нас опять, как будто, образуются классы – класс ответработников и технических служащих и крестьян»¹.

Ситуация не изменилась и к концу 1920-х гг. В письме крестьянки «Самарских степей» К.И. Токоревой М.И. Калинину, датированном 1926 г. и посвященном «излитию удушающей злобы в груди», указывалось на денежную пропасть, разделявшая главного врача городской больницы с окладом в 134 руб. «на готовой квартире с топливом и освещением», и санитаря с сиделкой с окладом в 15 руб.² Пропасть, их разделявшая, становилась для автора не просто границей между мирами, но и препятствием к нормальной человеческой жизни. Год спустя в связи с введением режима экономии на производстве анонимный автор требовал уменьшить зарплату заведующим и специалистам, полагая, что у «нас сейчас стало, как в буржуазных странах»: «всюду стала расти безработица. А завыв и все спецы получают приличную ставку – 200–300 рублей. Рабочий же получают 13 рублей 50 копеек, а, в конце концов, и это отняли. Рабочий остался без куска хлеба»³. Заработная плата все чаще воспринималась населением не справедливым вознаграждением за труд, а социальным маркером, разграничивавшим пространство повседневной жизни на несколько социальных локусов, предназначенных для одних и недоступных другим.

Не менее интригующим остается и вопрос о том, каким образом и на что тратились с таким трудом заработанные деньги, составлялся семейный бюджет, и какие из предметов потребления являлись тогда большим или меньшим дефицитом.

Начало 1920-х гг. ознаменовалось резким ухудшением продовольственного снабжения населения городов. Многочисленные письма и жалобы в высшие органы государственной власти и ее отдельным представителям свидетельствовали об исчезновении с прилавков распределительных пунктов и магазинов традиционных продуктов питания – хлеба и картошки. В характерном для того времени письме житель Москвы отмечал: «обежал три ближайшие “столовки” и всюду одна роковая надпись – “закрыто”. У всех дверей стоят озлобленные пролетарии и шлюты проклятия: увы, не Деникину... а большевикам-коммунистам... Я молчу и злюсь только на себя, что так опрометчиво съел полагавшиеся на сегодня три осьмушки голодного пайка. Дома ничего нет, даже мороженой картошки... Плеться угрюмо на Сухаревку купить мороженой картошки, а если удастся, то ломтик хлеба. Хлеб, наверное, как

¹ Письмо селькора И. Петрова в редакцию «Крестьянской газеты» // Письма во власть. 1917–1927... С. 355–356.

² Письмо К.И. Токоревой И.М. Калинину // Письма во власть. 1917–1927... С. 488.

³ Письмо анонимного автора в газету «Батрак» // Письма во власть. 1917–1927... С. 609.

всегда будут выдавать с опозданием, а то и проанулируют по случаю праздника своевольно, перескочив на следующий очередной купон. Иду на Сухаревку, рискуя попасть в облаву, где в последние два дня была облава на мясников – дело к празднику и мясо поднялось чуть ли не до 800 р[ублей] за фунт»¹.

На этом фоне «спекуляция дошла до того, что получаемого жалования 1500–2000 р[ублей] в месяц служащему хватит на 3–4 дня, а остальные 27 дней служащий должен сидеть и думать, что же творится на Руси? Служащим нужно платить от 15 до 20 тысяч. При свободной торговле народ не был голодным. Раньше в тюрьме кормили лучше, чем при Советской власти»².

Не менее тяжелая ситуация сложилась и в деревне, рассматривавшейся официальными властями основным источником снабжения продовольствием городов. Разорительная продразверстка грозила голодом не только горожанам, но и самим непосредственным производителям хлеба. Возвращаясь из отпускной поездки 1921 г. в деревню Песин Пешинской волости Шадринского уезда Екатеринбургской губернии курсант Морозов поделился своими впечатлениями о «продовольственном вопросе и разверстке»: «За срочное выполнение разверстки уезд получил Красное Знамя. Какой же ценой крестьянам досталось Красное Знамя? Овес забран весь, даже на семена не осталось ни зерна. Рожь не уродилась, пшеница у многих забрана вся, на семена оставлено на 1 – полторы десятины. Цифра эта по количеству имеющейся в уезде земли слишком ничтожна... В данный момент некоторые крестьяне, не так давно имевшие тысячу пудов пшеницы и накопившие ее собственным трудом, получают на продовольствие хлеб по норме. Норма в уезде не одинакова, в нашем Далматовском районе 18–12–8 фунтов на человека, в других районах есть и больше... Картофеля оставлено по ½ пуда на человека, на семена не оставлено, другая забрана и вся испорчена... Не лучше произошло и с разверсткой мяса. Забранный по разверстке скот у крестьян, вследствие плохого ухода и кормления, частью подох. Убой остального скота производился небрежно, кости не прибирались, отчего частью растасканы собаками, а частью таскаются по полу и занесены снегом...»³. Общая ситуация в стране не могла не сказаться и на положении населения отдельно взятой области, его бюджетных возможностях и материальном обеспечении.

«Люди интеллигентного труда» категориями бюджета, по свидетельству современников, не мыслили: «В Советской России у людей, а может быть, только у интеллигентов нет бюджета. Это обстоятельство крайне важное и почти в той же степени определяющее наш бытовой уклад, в какой его определяет то обстоятельство, что у нас нет денег. Не каждый из нас может позволить себе приобрести за 2 р. 50 коп. вязаные перчатки, никто из нас не покупает масло у частника. Но каждый может незаметным для себя образом, пойти в ресторан и поужинать там на 3 рубля, на 5 и на 10. Революция внушила нам глубокое недоверие и неискоренимое равнодушие к накоплению; она уничтожила в нас буржуазный интерес к деньгам, как таковым, к деньгам на черный день, на всякий случай; к деньгам, хранящимся в банке и приносящим проценты, к деньгам, хранящимся в чулке и приносящим спокойствие»⁴.

¹ Письмо К. Антонова в Совнарком // Письма во власть. 1917–1927... С. 147.

² Письмо неизвестного автора В.И. Ленину // Письма во власть. 1917–1927... С. 148.

³ Заявление курсанта Морозова в партбюро курсов «Выстрел» // Письма во власть. 1917–1927... С. 242.

⁴ Гинзбург Л.Я. Указ. соч. С. 74.

Тем не менее многие из них стремились попасть на «службу в учреждения», где еще в первой половине 1920-х гг. оставалось «немалое число хорошо образованных и порядочных людей». Помимо «приятного общения», советская служба давала и ощущение полезности, которое «помогало стойко переносить материальные тяготы и бытовую неустроенность того времени»¹.

Напротив, для рабочих и служилой интеллигенции бюджет был реальным понятием, чья наполняемость определялась стоимостью товаров и продуктов первой необходимости, топлива, оплаты за обучения и общественно-полезными отчислениями. В наиболее благоприятных условиях находились те из них, которые имели трудоспособных неработающих членов семьи, ведущих подсобное хозяйство. На плечи работавшего семьянина, по данным статистики за 1923–1924 гг., приходилось от 13 до 34 недельных часов домашнего труда².

Показательно, что при всей скудости рациона питания и отсутствии необходимых одежды и обуви, большая часть бюджета приходилась на покупку дров, элементарное отсутствие которых, по меткому выражению Б.Л. Пастернака, «в эпоху торжества материализма приобрело характер топливного вопроса». Ведомости на закупку дров свидетельствуют, что 1 кубометр стоил в середине 1920-х гг. 48 руб. В среднем в холодное время года на месяц «для обогрева жилья» требовалось от 1 до 3 кубометров, что составляло половину и более средней зарплаты по области³. В 1928 г., когда для рабочих области стали строить «оттеплевые бараки», ситуация несколько изменилась: основной статьёй расходов становится «покупка продуктов питания и необходимых носимых вещей»⁴.

В этом отношении весьма показательным выглядит сравнение с расходной частью бюджета рабочих Урала. В 1922 г. их «расходы на питание составляли 44,6 %, на одежду и обувь – 18,8 %, на жилище – 15,6 %, на собственное хозяйство – 5,1 %»⁵. При этом реальная заработная плата рабочих цензовой промышленности колебалась в зависимости от отрасли от 5,6 до 9,7 довоенных руб.⁶. Несмотря на явно отдаваемое предпочтение «продуктовой» статье расходов, в литературе, тем не менее, указывается на преобладание, по крайней мере в первой половине 1920-х гг., «одежного» характера рабочих бюджетов⁷.

Продукты в основном покупались на «черном» рынке или выменивались на «редкую мануфактуру». Настоящим бедствием для жителей области на протяжении 1920-х гг. стала борьба официальной власти с «хлебной спекуляцией»: отсутствие хлеба на прилавках магазинов поначалу компенсировалось деятельностью мешочников, к которым по постановлению оргбюро области с 1928 г. стали применяться меры уголовной ответственности. Выявленные ОГПУ «скрытые спекулянты» осуждались по ст. 107 Уголовного кодекса⁸.

¹ Гинзбург Л.Я. Указ. соч. С. 76–77.

² Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Указ. соч. С. 159.

³ ГУ НАРА. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 133. Л. 159.

⁴ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 234. Л. 37.

⁵ Фельдман М.А. К вопросу об уровне жизни уральских рабочих в 1922–1928 гг. // Гуманитарный сервис: Кн. 1. История повседневности. М., 2003. С. 56.

⁶ Там же. С. 52.

⁷ Там же. С. 56.

⁸ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 235. Л. 94.

Привычной приметой времени являлся дефицит самых разнообразных товаров. Понятие дефицита в то время включало в себя не только редкие, но также и дорогостоящие товары. Поэтому боролись по преимуществу не с отсутствием таковых, а с их стоимостью. Регулярно с 1925 г. в повестку дня организационного бюро области включался вопрос «о заслушивании доклада Межведомственной комиссии о результатах продолжающейся работы по снижению розничных и оптовых цен на промтовары в государственных и кооперативных организациях области»¹. Годовым итогом этой кампании стала констатация того, что «снижение розничных цен проводилось с некоторым опозданием. Но в то же время данные к июлю месяцу (1927 г.) подтверждают, что указанное снижение в области проведено только на 9,2 %. В течение месяца довести до 10 %. Гарантией удержания цен является постоянное внимание и контроль партийных, советских и общественных органов и пайщиков». Наряду с отмеченными достижениями указывались и недостатки в виде «случаев произвольного повышения цен в некоторых кооперативах», «прекращение торговли малоприбыльными товарами, являвшимися товарами первой необходимости»².

В 1928 г. началась кампания по разбронированию дефицитных промтоваров. 20 января того же года областное бюро постановило: «Считать необходимым разбронировать галоши из графы дефицитных товаров при условии отпуска их пайщикам. Тов. Ткаченко предоставить соображения о возможности разбронирования и некоторых других товаров»³. Тремя днями позже был заслушан доклад «О снабжении промтоварами нашей области», где в частности отмечалось: «Просить крайисполком ВКП (б) воздействовать на крайторг и крайсоюз об усилении завоза товаров в нашу область по налу хлебозаготовок, сообщить, что мы получили только 1 вагон через Майкопское отделение крайсоюза и на 7 тыс. руб. суконных товаров. Считать необходимым отпуск дефицитных товаров за исключением суконных полномочным членам кооператива, независимо от сдачи ими хлеба, стимулируя этим вовлечение населения в кооперативы»⁴. Однако, несмотря на все предпринимаемые усилия власти, сукно и галоши так и остались дефицитными товарами, заветной мечтой потребителей той «эпохи выборочного изобилия».

Нехватка товаров первой необходимости, плохие материальные и жилищные условия подавляющего большинства населения области, особенно жителей аулов, способствовали распространению «естественных» и социальных заболеваний, снижению его общего прироста⁵. Медики обращали внимание на необходимость «поголовного обследования здоровья населения и его социально-бытовых условий» и связанность «данного мероприятия с повышением трудоспособности рабочих и селян»⁶. Так и не налаженная материальная сторона повседневного существования уже к концу 1920-х гг. привела к тому, что главным героем советской эпохи станет «человек биологический», а «невероятные трудности и лишения, связанные с удовлетворением элементарных потребностей в питании и одежде», в конечном итоге «потеснят у многих мысли о правах и гражданском достоинстве»⁷.

¹ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 181. Л. 138.

² Там же. Д. 201. Л. 37.

³ Там же. Д. 234. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 10а.

⁵ Там же. Д. 202. Л. 26, 27.

⁶ Там же.

⁷ Шубкин В.И. Исторические предпосылки катастрофизма в России // Страхи и тревоги россиян. СПб., 2004. С. 55.

3.2. Регламентация потребления, или Жизнь в условиях нормированного снабжения

С переходом к ускоренной индустриализации в СССР была введена строго регламентированная система снабжения населения, позволявшая установить более жесткий контроль государства над системой распределения важнейших продуктов и товаров массового потребления. Непосредственной предпосылкой к введению карточной системы стали перебои с продовольственным снабжением, вследствие которых с конца 1927 г. в магазинах выросли очереди за хлебом. В отдельных регионах местные власти стали самостоятельно устанавливать нормированное снабжение. 14 февраля 1929 г. для горожан на всей территории СССР были введены карточки на хлеб, потом на сахар, мясо, масло, чай и другие дефицитные продукты. В 1931 г. карточная система распространилась на все основные продукты питания и непродовольственные товары, а в 1932–1933 гг. даже на картофель.

Снабжение по карточкам охватило 40 млн чел. и носило дифференцированный характер. Преимущества имели работники ведущих промышленных предприятий индустриальных центров – Москвы, Ленинграда, Баку, Донбасса, Урала, Караганды, Восточной Сибири и Дальнего Востока, входившие в особый и первый список. Данные категории населения составляли 40 % от общей численности снабжаемых, но получали 70–80 % выделявшихся государственных фондов. Во второй и третий списки снабжения попали малые и неиндустриальные города, работники предприятий легкой, текстильной, пищевой промышленности и коммунального хозяйства. Они снабжались из центральных фондов лишь хлебом, сахаром, крупой и чаем¹.

Сначала карточки выдавались в системе потребительской кооперации, с 1931 г. – исполкомами местных советов. В каждом регионе существовали своя форма и порядок выдачи карточек. В талонах в продуктовой карточке указывалось определенное количество отдельных видов продуктов питания (мясо, крупы, жиры и др.) в граммах, которые оплачивались в магазинах по фиксированным ценам. Не выдавались карточки крестьянам, а также гражданам, не занятым *«общественно-полезным трудом»*, включая безработных домохозяек моложе 56 лет, торговцев, служителей религиозных культов и лиц, лишенных избирательных прав (лишенцев). В совокупности они составляли 80 % населения страны. Товары массового потребления можно было приобрести и в коммерческих магазинах, но цены там были существенно выше государственных.

Подобное разделение, а также сужение «коридора возможностей» удовлетворения потребностей для значительной части общества вызвали волну жалоб, отражавших возраставшее недовольство. Свою обеспокоенность высказывали и те граждане, которые относились к советскому активу, обязанному поддерживать правительственные решения. Немало его представителей писали советскому руководству о переживаемых трудностях и опасности развития дальнейших событий в данном направлении. Среди них, например, 46-летний техник Таранович, сообщавший о себе следующие сведения: *«сын бедных крестьян, учусь в Высшей технической школе; все время (с 1917 г[ода]) работаю по выборам, по ликбезу, в РКИ, сотрудничаю в газетах и журналах; читаю литературу по всем отраслям и направлениям, интересуюсь политической жизнью»*. В открытом письме председателю СНК СССР В.М. Молотову

¹ См.: Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»... С. 89–113.

он отмечал несправедливое закрепление культурных и социальных различий между городом и деревней: «В городах – рестораны, оперы, огни, автомобили, караулы, парки, загородные виллы, театры, а в кормилице – темнота, бедность: нет сапог, штанов, мыла, керосина, ниток»¹.

Однако и в городе наличие карточек еще не гарантировало их обладателям безбедного существования. Нередко в магазинах отсутствовали необходимые продукты и товары, а при истечении сроков талоны становились недействительными. Поэтому граждане стремились заранее узнать, в какой магазин ожидался завоз каких именно продуктов. Требовалось немало сноровки, упорства и везения, чтобы отоварить карточки. Тот же автор писал: «Публика никогда не извещается о том, что ожидают и будет отпускаться, скажем, обувь, мануфактура; каждый бегаёт, справляется и часто узнаёт, что “вчера продано”, тогда как позавчера ему говорили, что скоро не предвидится. Или так: скажут, что завтра будут галоши. С вечера собирается толпа, ночует во дворе сотня народа, а при открытии магазина оказывается 10 пар, причем еще нет фактуры. Поэтому они не продаются – будут после 5 часов, когда пошабашиит фабрика, а когда вы пришли в 5, то узнаете, что продажа была от 1 до 3 ч[асов] и все продано». Далее он отмечал в духе рассказов М.А. Зощенко: «Если вы найдете свой размер ботинок, то не найдете галоши или наоборот. Брюки карикатурно коротки, пиджаки с детскими рукавами»². К тому же продукты и товары предоставлялись не бесплатно, нужны были деньги, чтобы их выкупить, а немалую часть зарплаты «съедали» принудительные подписки на государственные займы, средства от которых шли на индустриализацию страны.

Даже в крупных индустриальных центрах, которым полагались повышенные нормы снабжения, значительная часть населения терпела «голодовку». Рабочие из Днепропетровска жаловались В.М. Молотову, что весь их месячный паек составляет 1,4 кг сахару, 2 кг соленой рыбы, 500 г макарон: «Так как вы думаете – можно ли жить? Безусловно, нет»³. Другой автор писал в августе 1932 г.: «Ни для кого не секрет, что наше плановое снабжение, особенно... по спискам № 2 и № 3, далеко не удовлетворяет минимальной продовольственной потребности средней семьи рабочего. Отсюда последний вынужден изыскивать способы пополнения продуктов на частном рынке, где он, безусловно, их находит, но по спекулятивным ценам, из-под полы. Было бы, конечно, наивным думать, что рабочий или служащий довольствуется теми 300–250 грамм[ами] хлеба, которые получает в порядке планового снабжения, тем более при отсутствии мяса и жиров. Это положение, в свою очередь, отражается и весьма отрицательно, на общем политическом состоянии, которое явно не удовлетворительно. Об этом ясно говорят такие показатели, как случаи бросания работ, плохое выполнение производственных программ, текучесть рабочей силы, низкая производительность труда, хищения и тому подобные прелести, которыми так богат текущий период»⁴.

Продовольственная ситуация в стране крайне обострилась в начале 1930-х гг. С переходом к сплошной коллективизации хлебозаготовки и налоги на крестьян резко возросли. Под угрозой репрессий колхозы были вынуждены сдавать практически

¹ Письмо Тарановича В.М. Молотову // Письма во власть. 1928–1939... С. 146.

² Там же. С. 147.

³ Письмо рабочих В.М. Молотову // Письма во власть. 1928–1939... С. 172.

⁴ Открытое письмо члена ВКП(б) Самарской организации С. Бугеля В.М. Молотову // Письма во власть. 1928–1939... С. 188–189.

весь хлеб, что вызвало голод и массовую смертность населения, особенно на Украине, Северном Кавказе и в Поволжье – регионах, традиционно специализировавшихся на товарном производстве зерновых. Общая численность жертв голода 1932–1933 гг. современными исследователями оценивается в 5–7 млн чел. По мнению В.В. Кондрашина, своеобразие голода 1932–1933 гг. заключается в том, что это был первый в истории России «организованный голод», когда «субъективный, политический фактор выступил решающим и доминировал над всеми другими»¹. Прежде всего от голода пострадали жители сельской местности, в массовом порядке устремившиеся в города.

С целью контролировать миграционные потоки и сократить численность граждан, находившихся на централизованном снабжении, 27 декабря 1932 г. в СССР были введены паспорта. Они выдавались только жителям городов, рабочих поселков и совхозов, сельское население страны их не получило (за исключением проживавших в десятикилометровой пограничной зоне). В связи с паспортизацией в начале 1933 г. было произведено массовое выселение из крупных городов «неблагонадежных» жителей, которым не выдали паспортов, а вслед за тем лишили и карточек. По словам Е.В. Гутновой, «В нашей семье с самого начала это мероприятие вызвало тревогу. Ожидалось самое худшее». Ее мать и тетя являлись «женами государственных политических преступников», вторая тетя была еще раньше лишена избирательных прав, а соседи по коммунальной квартире стремились завладеть их жилплощадью. Опасения не обманули: в марте 1933 г. на заседании паспортной комиссии всей семье «без каких-либо оснований было отказано в паспортах и предписано в десять дней покинуть Москву. Для трех усталых, измученных жизнью женщин с тремя еще не оперившимися детьми это оборачивалось просто катастрофой. Куда ехать, где искать пристанища, на какие деньги, в надежде на какую работу?»² Но затем семье все-таки удалось добиться выдачи паспортов.

В условиях роста населения городов в них значительно выросли цены на продукты питания и товары массового потребления. В результате реальная покупательная способность населения существенно снизилась, хотя официально зарплата несколько выросла. Если в 1929 г. на среднюю зарплату в 75 руб. можно было купить 918 кг картофеля, то в 1933 г. на среднюю зарплату в 125 руб. – только 568 кг³. Между тем, значительная часть населения получала менее 75 руб. в месяц. В г. Зиновьевске (в настоящее время – Кировограде) в 1931 г. цена пачки табака подскочила с 7 коп. до 1,2 руб., пуда картофеля – до 20 руб., бутылки подсолнечного масла – 8 руб., бутылки керосина – 2–3 руб. «За культурную революцию нечего и говорить, билеты в кино и театр так вздорожали, что доступ лишь людям с деньгами в кармане до 2 р[ублей]», а обед в столовой стоил 5–6 руб.⁴

Трагизм ситуации, в которой находилось немало советских граждан, передает письмо 28-летнего рабочего текстильной фабрики «Большевик» в г. Родниках Ф.М. Нефедова. Всего на фабрике работало 10,5 тыс. рабочих, и, по словам автора письма, почти большинство жило так же, как и он. Ставка чернорабочего составляла 3,09 руб. в день, а для его семьи, включавшей не работавшую по болезни жену, к тому же находившуюся в состоянии беременности, и двух детей четырех и пяти

¹ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 331.

² Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 107–108.

³ Средние зарплаты в России и в СССР с 1853 по 2010 годы. URL: <http://www.opocuu.com/wages.htm>

⁴ Письмо анонимных авторов В.М. Молотову // Письма во власть. 1928–1939... С. 159.

лет, «нужно минимум ежедневно 10 р[ублей] на харчи». Ф.М. Нефедов жил на квартире «в обыкновенной крестьянской избе 7×7 аршин¹, а людей нас в этой избе 10 человек, брат с семьей – 4 чел[овека], хозяин-старик, да еще девушка постоялка, жить очень тесно, спим на полу вместе с детьми, постели хорошей нет, какое[-то] барахло». За квартиру он платил 25 руб. из 80 руб. зарплаты, и на все остальное оставалось 55 руб. Поэтому письмо Ф.М. Нефедова – настоящая мольба о помощи, протест против невыносимых жизненных условий, не соответствовавших тому, что декларировали вслух советские руководители: «Нет такой культурной жизни, какая должна быть, как вы пишете во всех книгах. Мы живем как дикари, как первобытные люди. Но мы живем так некультурно не потому, что мы не умеем жить, нет, дорогие товарищи Молотов, Куйбышев и Каганович, у нас не хватает средств. Нас заела нужда. Из нужды мы не можем никак выбраться. Я день и ночь мечтаю жить хорошо. Я хочу жить культурно, но не могу, никак не хватает средств. У нас у всех сейчас нет ни обуви, ни одежды, ни у детей ни у нас. Настает весна, а моим детям выйти на улицу не в чем. Мои дети всю зиму дома сидели бледные и чуть живые, по ночам вскакивают и пугаются и нет силы смотреть на такую жизнь».

Хуже всего, по словам автора, «когда не хватает хлеба». Он получал по карточкам 2,5 пуда (почти 41 кг) в месяц на семью: «Этого хлеба вполне бы хватило, если было бы что кушать, были бы хоть какие-нибудь жиры, а то ничего нет, и хлеба не хватает. Мы питаемся очень плохо, хуже уж некуда, едим один хлеб и картошку, картошки бывает не всегда. Мы живем почти впроголодь». Обращаясь к «дорогим товарищам Молотову, Куйбышеву и Кагановичу», чья жизнь протекала в совершенно иных условиях, Нефедов просил: «У вас, наверно, найдется какое-нибудь старое поношенное белье, одежда, обувь детская, – в общем, чем-нибудь помогите нам, каждый понемногу, кто чем может. Помогите нам выбраться из нужды на хорошую культурную дорогу, чтобы мы могли жить культурно, по-советски. Тогда от нас будет больше пользы. А то я, живя в таких условиях, не могу дать почти никакой пользы государству. Прошу вас помощи для моей семьи. Помогите, кто сколько может». При этом автор подчеркивает свою сопричастность советской власти, а также ограниченность собственных запросов: «Я никакой [не] чуждый элемент: мой отец был рабочий кочегар на лесопилке, работал всю жизнь, и я все время работаю, член союза с 1918 г[ода]. Пришлите, у кого есть старое белье – мужское, женское, детское, только мне и нужн[о]. Пальты зимние у меня и жены есть, а белье, обувь нужны потому, что ни у самих, ни у детей сменить нечем»².

Даже в столице в конце 1932 г. цена на картофель доходила до 50 коп. за штуку. Свидетельства очевидцев воссоздают трагические обстоятельства жизни подавляющего большинства населения страны: Москва «наводнена нищими. На железных дорогах, на каждой самой маленькой станции: толпы в лаптях, в рваных армяках, женщины, дети, семьи – едут – куда? Мечутся, бегут от социализма десятки миллионов здоровых и способных людей... вся Россия говорит и думает теперь только о хлебе, картошке, огурцах, капусте, ситце... Россия голодает... успехи индустриализации есть результат разорения миллионов. Хлеба нет, мяса нет, масла нет, а за границу плывут эшелоны...»³

¹ 1 аршин = 71,12 см, таким образом, площадь избы составляла 24,8 кв. м.

² Письмо рабочего Ф.М. Нефедова в СНК СССР // Письма во власть. 1928–1939... С. 238–239.

³ Письмо анонимных участников съезда инженеров В.М. Молотову // Письма во власть. 1928–1939... С. 196.

Плохое питание вело к росту социального недовольства и таких «социальных» заболеваний, как туберкулез и малокровие. Относительно благополучно в эти годы жили лишь некоторые категории населения. Среди рабочих наиболее привилегированное положение занимали ударники, систематически перевыполнявшие производственные планы. Само появление ударничества, с одной стороны, опиралось на искреннее стремление части рабочих, особенно молодых, хорошо трудиться, своими собственными усилиями приближать построение «нового мира», с другой стороны, прямо поддерживалось властью, стремившейся таким образом компенсировать недостатки и диспропорции в развитии советской экономики. Поэтому достижения ударников, добившихся наибольших результатов, широко пропагандировались, их избирали в представительные органы, они получали правительственные награды и более высокую заработную плату.

Однако в обществе отношение к ударному труду и ударникам было противоречивым. С одной стороны, стремление добиться высоких результатов в профессиональной деятельности вызывало определенное уважение. С другой стороны, рост производительности труда части работников вел к повышению общих норм выработки и снижению расценок оплаты труда для всех остальных. Недовольство тех, кто не являлся передовиком производства, вызывало и дополнительное снабжение ударников: *«При фабрике имеется столовая для рабочих, но обеды всем не дают, только ударникам»*¹. К тому же высокие трудовые результаты труда достигались за счет максимальной концентрации сил и средств на отдельных производственных участках, создавало режим «штурмовщины». Порой перевыполнявших планы рабочих на одном предприятии оказывалось больше, чем выделялось фондов для снабжения ударных бригад, и они не получали никаких дополнительных привилегий.

В данном отношении показательно письмо Гусева, по его собственным словам, являвшегося ударником и получавшего 200 руб. в месяц. Эта зарплата, приводимые в письме факты и сам его стиль свидетельствуют, что автор занимал более высокий социальный статус, определявший и более высокие социальные ожидания, чем у большинства советского населения того времени. Однако и он, характеризуя свой семейный бюджет, высказывал недовольство уровнем жизни. 51,2 руб. «съедали» различные налоги и вычеты: местный налог – 5 руб., подоходный – 6 руб., культурный – 8 руб., взнос в кооператив – 3 руб., профсоюзный взнос – 4,2 руб., вычет за заем – 25 руб. На жилье уходило 20 руб. (квартира – 10 руб., оплата освещения и отопления – 10 руб.), на культурные нужды – 6,5 руб. (2,5 руб. на газеты, 4 руб. на мыло). За вычетом 77,7 руб. указанных расходов оставалось 122,3 руб.: *«как можно ходить в коммерческие магазины с такой суммой?»*. 1 кг сливочного масла в них стоил 50 руб., 1 кг мяса – 15–20 руб. *«Значит, я голодаю, постоянно недоедаю, а как может хорошо работать полуголодный человек?»*, – задавал риторический вопрос автор письма².

Сравнительно неплохо в условиях нормированного снабжения снабжалась верхушка творческой и научно-технической интеллигенции, в отличие от ее основной массы. К тому же она обладала определенными интеллектуальными, а нередко и материальными ресурсами (включая необходимые жилье, одежду, мебель и т.д.), не растраченными полностью в предшествующие трудные годы «военного комму-

¹ Письмо С. Пучкова В.М. Молотову // Письма во власть. 1928–1939... С. 153.

² Письмо Гусева А.В. Луначарскому // Письма во власть. 1928–1939... С. 216–217.

низма», а также системой сложившихся социальных связей, позволявших получать дополнительные преференции.

Но наиболее стабильной оставалась система снабжения советской, партийной, государственной и хозяйственной номенклатуры. Анонимные авторы с возмущением писали о том, что «все партийцы на гос[ударственных] должностях кушают в особой столовой при закрытых дверях с милиционером»¹. Другой автор сообщал, что недоступные «ни за какие деньги нам низовым работникам» промышленные товары, мануфактуру, трикотаж, одежду, обувь выделяется «так называемому райпартактиву. Все это приходит в сельпо, бронируется для партактива. Снабжаются они через столовую, где нашему брату не доступно, – во-первых, не допускают, а во-вторых – не по карману, в-третьих – стоит содержание 7–8 руб[лей] одному, это в месяц 240 руб[лей] на одного, а у меня семья 4 человека, моей зарплаты не хватит на одного. И, кроме того, что приходит в сельпо, опять там этот партактив берет на свои семьи, а нам опять нет». В качестве примера автор письма привел ситуации, когда хромовые сапоги за 40 руб., «несмотря на то что партактивисты имеют по паре, а некоторые и по 2 пары сапог, все же взяли себе еще по паре», а ему, «не имеющему никакой обуви, было отказано и предоставлено право брать ботинки на резиновом ходу за 45 руб[лей]»².

Карточная система просуществовала до середины 1930-х гг. 1 января 1935 г. были отменены карточки на хлеб и муку, 1 октября – на другие продукты, а затем и на промышленные товары, которые теперь поступали в свободную продажу. При этом цены на них были установлены значительно выше, чем прежде в государственных магазинах, но ниже коммерческих цен. Ряд категорий населения, находившихся на государственном обеспечении, был этим недоволен. Инвалид 2-й группы, бывший подпольщик и персональный пенсионер республиканского значения Н.С. Кратюк, прошедший до революции 10 лет в тюрьме и 7 лет в ссылке, писал, что до 1 января 1935 г. получал муку по 32 коп. за 1 кг, всего на 48 руб.: «Все остальные продукты я покупал там же, в закрытом, и в 200 р[ублей] в месяц укладывался вполне». В новых условиях, «отдав за хлеб 130 р[ублей], я на остальные 77 р[ублей] жить не могу. Нужны учебники, письменные принадлежности в школу, одежда, обувь. Сибирская зима суровая, длинная. Сажень дров – 50 руб[лей]... Я должен Вам сказать, что на всю семью сейчас только одна пара подшитых валенок. Да. Нет обуви и одежды. Ее нет и в магазинах. На рынке сапоги 200–250 р[ублей], катанки 150–200 р[ублей]. Я как-то привык к лишениям и о своей особе не забочусь. Камнем давит семья. Не дает мне покою. Мы все хронически недоодеваем. Без жиров, без необходимого. В лавках есть все, но это “все” не доступно нам»³.

Во второй половине 1930-х гг. в СССР выросла заработная плата рабочих и служащих, вместе с которой увеличилась общая покупательная способность населения страны. В 1936 г. на среднюю зарплату в 207 руб. можно было купить 345 кг картофеля, а в 1940 г. на среднюю зарплату в 339 руб. – 665 кг⁴. Подросла и оплата труда низкооплачиваемых категорий трудящихся. Постановление СНК СССР от 1 ноября 1937 г. «О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим

¹ Письмо анонимных авторов В.М. Молотову // Письма во власть. 1928–1939... С. 159.

² Письма во власть. 1928–1939... С. 274.

³ Письмо Н.С. Кратюка В.М. Молотову // Письма во власть. 1928–1939... С. 278–279.

⁴ Средние зарплаты в России и в СССР с 1853 по 2010 годы. URL: <http://www.opocuu.com/wages.htm>.

фабрично-заводской промышленности и транспорта» предусматривало, что при временной оплате они получали не меньше 115 руб., а при сдельной – не ниже 110 руб. в месяц. Передовики производства – стахановцы – стали зарабатывать 1 тыс. руб. и выше. Выступая на первом Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 г., И.В. Сталин произнес слова, ставшие впоследствии крылатыми: *«Жить стало лучше товарищи. Жить стало веселее»*.

Стабилизировалась и ситуация на селе, однако оплата труда здесь оставалась по-прежнему ниже, чем в городе, даже у специалистов. Бухгалтеру за работу в колхозе начисляли 30–40 трудодней, что примерно равнялось 100–150 руб., в то время как на производстве он мог получать 500–750 руб. Если инженер-химик в промышленном производстве мог получать 700–800 руб., то инженер-агроном в сельском хозяйстве – 40–45 трудодней и оставался *«оторван от культурной жизни»*. Обращаясь к М.И. Калинину, председатель колхоза имени «Октября» Рыковского сельсовета Понорницкого района Черниговской области УССР Иваницкий писал: *«Из-за этого на село, особенно в колхоз, ни один специалист не желает ехать, а без специалистов – агронома, бригадира, бухгалтера – сельское хозяйство на соответствующую высоту не поднимешь»*¹.

Отмена карточной системы не привела к утрате государственного контроля над распределением продуктов и товаров массового потребления. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) 29 сентября 1935 г. торговая сеть в городах передавалась государственной торговле, а в 1936 г. в СССР была полностью запрещена частная торговля и торговое посредничество. Однако государственная торговля, занимая подчиненное положение в отношениях с промышленностью, не могла оказывать реального влияния на ассортимент, сезонность и регулярность поставок. Компенсировать недостатки государственной торговли в продовольственной сфере власти рассчитывали с помощью колхозной торговли. Но, по мнению современных исследователей, переносимые из государственной торговли методы организации не позволяли колхозной торговле компенсировать издержки дефицитной экономики².

В начале 1937 г., ввиду плохого урожая зерновых в предыдущем году, в ряде районов вновь возникли продовольственные трудности, выросли очереди за продуктами, сопровождавшиеся распространением панических слухов. В г. Миллерово очереди за хлебом занимали за сутки, в них стояли до 2,5–3 тыс. чел., *«народ уже не в состоянии простаивать на ногах до 24–30 часов, что в очередь вынужден тащить за собой табуретки, скамейки, где уже на них просиживают по целым суткам. А некоторые в ночное время ложатся спать где кто попало, по углам, на сырой и холодной земле, что еще раз доказывается то, что народ заболевает всевозможными заболеваниями и т.д., что в результате вышеперечисленных фактов масса начинает обостряться недовольствами на советское правительство»*³. Местные руководители своими решениями «прикрепляли» граждан к магазинам, создавали закрытые распределители на производстве, устанавливали нормированное распределение.

¹ Письмо Иваницкого М.И. Калинину // Письма во власть. 1928–1939... С. 274–275.

² Твердюкова Е.Д. Внутренняя торговля и ее государственное регулирование в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.). Автореф: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. С. 37.

³ Письмо военнотружущего П.Д. Кобеца М.И. Калинину // Письма во власть. 1928–1939... С. 342–343.

Урожай 1937 г. ослабил угрозу голода¹. Советские руководители заявляли, что в СССР больше нет продовольственных затруднений. Но в 1939–1941 гг. последовал новый кризис снабжения, также сопровождавшийся восстановлением карточек в отдельных регионах страны. Между данными кризисами в СССР периодически возникали проблемы со снабжением теми или иными товарами даже в крупных городах. Еще хуже снабжение было в небольших городах и поселках. Поэтому одной из самых распространенных стратегий выживания для многих советских граждан стало создание при первой возможности запасов круп, соли, сахара, керосина, мыла, спичек и других товаров, что еще больше усиливало ажиотаж.

Даже хорошо зарабатывавшие по советским меркам граждане, имевшие свободные наличные средства, не могли купить необходимые продукты в системе государственной торговли. Домохозяйка А.М. Матвеевская из Горького в ноябре 1938 г. писала В.М. Молотову: *«По месяцам нет чая, по неделям совсем нет хозяйственного мыла, даже спичек не бывает, а теперь пропадает туалетное мыло. Ни за какие деньги не купить масла, его не бывает и на рынке, очень часто не бывает мяса, тогда оно на рынке 9–12 р[ублей] кило, и это не все могут платить. В магазинах совсем нет колбасы, сыра, селедок, а если их выдают, то стоишь за ними часами в очередях и не всегда получишь, или получает тот, у кого кулаки покрепче»*. Только к праздникам продукты появились в свободной продаже, но только *«за два дня, и продавцы прямо так и говорили, что раньше чем за два дня до праздников ничего не выдают, а то все съедят»*².

Систематический характер приобрели очереди за товарами массового спроса. Инженер московского завода «Серп и молот», посетив Астрахань, сообщал, что когда *«прислали туда партию туфелек легких полурезиновых, то там создалась такая давка, что насмерть задавили беременную женщину и исковеркали девочку 7–8 [лет], а что творится у нас в магазинах обувных? В Москве, когда появляется обувь?»*³ Чтобы как-то регулировать порядок в очередях, стоявшие граждане составляли списки, писали номера на руках, проводили переклички. Тем не менее само стояние в очередях отнимало немало времени и сил, и покупка необходимого товара превращалась в значимое событие для всей семьи.

Нередко к наведению порядка в очередях как местах массового скопления народа подключались органы милиции. Н.С. Ковалев писал В.М. Молотову: *«Вопрос одежды у нас в Киеве чрезвычайно тяжелый. Позорные дела творятся»*. По словам автора, *«Многотысячные очереди к магазинам собираются за мануфактурой и готовой одеждой еще с вечера. Милиция выстраивает очереди где-нибудь за квартал в переулке и потом “счастливых” по 5–10 человек гуськом один за другого в обхват (чтобы кто не проскочил без очереди), в окружении милиционеров, как арестантов, ведут к магазину. В этих условиях расцветает спекуляция жуткая, произвол милиционеров и говорят, что не без взяток. Сердце сжимается от таких “порядков”*». В условиях, когда, по словам автора письма, *«Честный рабочий человек... не может купить себе белья, брюки и пр[очее] самое необходимое, разве что у спекулянтов за удвоенную цену»*, он, как и часть других жителей, призывал вернуться к нормированному

¹ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»... С. 195–206.

² Письмо домашней хозяйки А.М. Матвеевской В.М. Молотову // Письма во власть. 1928–1939... С. 344

³ Письмо неизвестного инженера завода «Серп и молот» В.М. Молотову // Письма во власть. 1928–1939... С. 312.

снабжению, ссылаясь на то, что «*закрытые расприеды*» все равно существуют «*в ряде солидных учреждений*»¹.

Действительно, несмотря на переход к открытой торговле, система закрытого распределения продолжала существовать, прежде всего, для представителей советской номенклатуры, которые покупали продукты в ведомственных буфетах и столах заказов, шили одежду в специальных закрытых ателье и мастерских. Весной 1939 г. была создана система закрытых военторгов для командно-начальствующего состава РККА. С лета 1939 г. закрытые распределители и столовые стали обслуживать наиболее важные оборонные отрасли, с 1940 г. – железнодорожный транспорт, затем военно-промышленных предприятия².

На протяжении первой половины 1941 г. цены на колхозных рынках систематически снижались. К 22 июня их уровень оказался на 31 % ниже, чем в 1940 г., что объяснялось общим улучшением состояния государственного и кооперативного товарооборота в стране, происходившей на этой основе нормализацией денежного обращения, а также увеличением товарных ресурсов колхозной торговли в результате благоприятного урожая 1940 г.³ Но недолгий период относительной стабильности прервала Великая Отечественная война, ставшая самым острым и длительным кризисом снабжения следующего десятилетия.

Практически с первых дней войны выросли очереди за хлебом, которого катастрофически перестало хватать вследствие увеличения военных поставок. Уже 28 июня 1941 г. появились очереди у хлебных магазинов в Краснодаре в сотни человек⁴. В августе 1941 г. Сочинский горком ВКП(б) сообщал, что в городе ежедневно 2,5–3 тыс. чел. не достается хлеба: «*Это порождает огромные очереди, которые выстраиваются с 3–4 часов утра, и вызывает ухудшение политико-морального настроения населения*». Аналогичная ситуация складывалась и в других местах. Секретарь Кропоткинского райкома ВКП(б) и председатель райисполкома докладывали руководству Краснодарского края о том, что в местах торговли хлебом скапливаются огромные очереди от 600 до 1 тыс. чел., «*которые получают возможность купить хлеб только через двое-трое суток; среди покупателей хлеба в очередях постоянные скандалы; к руководителям города и района ежедневно поток жалобщиков по вопросу хлеба, особенно семей призванных в РККА, главным образом многодетных*»⁵.

Только за первый месяц войны цены на муку выросли более чем на 20 %, на молоко – на 25 %. Со второй половины октября 1941 г. начался бурный рост цен, особенно в прифронтовой полосе и районах размещения эвакуированных предприятий. В ряде городов Поволжья и Урала он принял характер «*спекулятивного взвинчивания*»⁶. На рынках Куйбышева цена на 1 кг картофеля выросла с 3,5 руб. в конце октября 1941 г. до 10–12 руб. в начале января 1942 г., на 1 кг масла за тот же

¹ Письмо гражданина Н.С. Ковалева В.М. Молотову // Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 159.

² Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»... С. 192–193, 211.

³ Докладная записка на имя Н.А. Вознесенского // Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 173.

⁴ Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. 2-е изд. Краснодар, 2005. С. 29.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ Докладная записка на имя Н.А. Вознесенского // Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 173.

период с 40 руб. до 180 руб. В Казани в начале января 1942 г. 1 кг масла продавался на рынке по 150 руб., 1 кг мяса – по 45 руб., 1 л молока – по 20 руб., 10 яиц – по 40 руб. Попытки ограничить цены на сельскохозяйственные продукты приводили лишь к резкому сокращению привоза продуктов колхозами и колхозников¹.

В результате уже в начале войны советское руководство пошло по проверенному пути и перешло к централизованному нормированному распределению. С 18 июля 1941 г. карточки на продовольственные и промышленные товары были введены в Москве, Ленинграде и пригородах Московской и Ленинградской областей. В конце октября на нормированное снабжение продовольствием было переведено почти все городское население страны, а с 1 февраля 1942 г. установилась карточная система на непродовольственные товары. В 1942 г. карточки получили около 40 млн чел., к концу войны их численность составила, по разным данным, от 76,8 до 80,6 млн чел. Сама карточная система в течение всей войны постоянно усложнялась. В 1941 г. было напечатано 12 разных видов карточек, в 1942 г. – 51, в 1943 г. – 112, в 1944 г. – в среднем 130–135, а в крупных городах еще больше: в Москве – 149, в Ленинграде – 171 вид карточек и талонов².

Введение карточек позволило уменьшить очереди и упорядочить продажу хлеба. Однако карточки, как и до войны, выдавались не всему населению, их получали только жители городов и рабочих поселков, а также работники предприятий тяжелой и оборонной промышленности и транспорта, находившихся в сельской местности и сельские специалисты, не связанные с сельским хозяйством (учителя, врачи, агрономы и другие). Остальные сельские жители карточек не получали, что вызывало их недовольство, особенно тех, которые работали на заводах и транспорте и считали, что ничем не отличаются от остальных рабочих. Так, кондуктора железнодорожной станции Тихорецк Кравцов и Борисенко заявили: *«Нас кормят, как гусят, почему нас отделяют от других рабочих, которые живут в городах?»*. Начальник кондукторского резерва, член ВКП(б) Агарков сказал, что этим разделением вызывается вражда между жителями города и станций³.

По нормам снабжения все население делилось на четыре группы: рабочие и приравненные к ним лица, служащие и приравненные к ним лица, иждивенцы, дети до 12 лет включительно. Рабочие, инженерно-технические работники и приравненные к ним лица обеспечивались хлебом по двум категориям. Работавшие на фабриках, заводах, шахтах, рудниках, приисках и стройках по карточкам 1-й категории получали 800 г хлеба, а работники подсобных и обслуживающих предприятий по карточкам 2-й категории – 600 г хлеба в день. Служащие также обеспечивались хлебом по двум категориям: по первой – 500 г, по второй – 400 г в день. Иждивенцы и дети до 12 лет получали по 400 г хлеба.

В целях стимулирования производительности труда с мая 1942 г. рабочие, выполнявшие и перевыполнявшие нормы выработки, получали второе горячее питание.

¹ Письмо наркома торговли СССР А.В. Любимова заместителю Председателя СНК СССР А.И. Микояну // Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 178.

² Орлов И.Б. Становление системы государственного централизованного нормированного распределения в СССР (1941–1943 гг.) // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. Материалы Международ. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д, 2010. С. 338.

³ Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. С. 55.

Дополнительное питание также выдавали железнодорожникам и плавсоставу морских и речных судов во время пребывания в пути. Повышенные нормы снабжения были установлены для рабочих и инженеров предприятий ведущих отраслей, перечень которых был закреплен постановлением СНК СССР от 4 декабря 1941 г. В основном это были предприятия авиационной, химической, танковой, угольной и нефтяной промышленности, электропромышленности, черной и цветной металлургии. Для руководящих советских и хозяйственных работников было введено второе горячее питание, обеды, сухие пайки, усиленное диетическое питание, карточки на ужины, бесплатные завтраки.

С осени 1942 г. администрация предприятий получила право снижать нормы питания недобросовестным работникам. Рабочим, совершившим прогул и по приговору отбывавшим наказание в порядке исправительно-трудовых работ, норма отпуска хлеба снижалась на 100–200 г. Но директора предприятий могли восстанавливать выдачу хлеба в полном объеме тем, кто в течение месяца добросовестно относился к работе и выполнял нормы выработки. При невыполнении норм выработки, опоздании и преждевременном уходе с работы на строительстве оборонительных рубежей день считался пропущенным и талоны на хлеб вообще не выдавались¹.

С 9 марта 1942 г. академикам и членам-корреспондентам АН, лауреатам Сталинской премии, заслуженным деятелям науки, техники и искусства, народным артистам СССР и союзных республик выдавались продовольственные карточки по норме рабочих особого списка и обеды из такого же набора продуктов, а также 300 г шоколада и 500 г какао или кофе в месяц. Профессорам, докторам наук, доцентам, заведующим кафедрами, старшим научным сотрудникам, директорам вузов и научно-исследовательских институтов, научным сотрудникам академий наук и архитектуры, докторантам, Сталинским стипендиатам, заслуженным артистам, артистам цирка и балета, членам союзов советских писателей, художников, архитекторов и композиторов выдавались продовольственные карточки по норме промышленных рабочих и обеды из такого же набора продуктов.

Дополнительно интеллигенции со 2 июля 1942 г. стали выдавать 200 г хлеба к обеду. Для работников науки, литературы и искусства во всех крупных городах были также организованы закрытые специальные магазины и столовые. Качество питания в них различалось, в зависимости от региона. Находившейся в Томске в эвакуации Е.В. Гутновой в столовой Комитета по делам искусств, *«ежедневно давали суп с галушками или затируху, рыбные котлеты с тухлым картофельным пюре и чай, а вернее, по три чайных ложки желтого сахара на человека»*. В то же время автор воспоминаний признается: *«Если бы не обеды из Комитета, хотя и отвратительные, мы бы совсем голодали»*. В Москве в 1943 г. ее муж, Э.А. Гутнов, *«как ответственный работник Комитета по делам искусств, стал получать паек, состоявший, в основном, из американских продуктов, поступавших по ленд-лизу, которые до нас в Сибири не доходили: колбасные консервы, яичный порошок (из него делали омлет), сало-шпиг, и ко всему этому – наша родная картошка, рассыпчатая и вкусная, мед и джем, хороший чай. Все это казалось нам невероятными деликатесами»*².

¹ Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. Кн. 2. Ч. 1. 1943 год. 2-е изд. Краснодар, 2005. С. 172.

² Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 210, 216, 229.

Особое внимание уделялось снабжению детских и лечебных учреждений, детей, беременных женщин и кормящих матерей. Для учащихся школ ФЗО и ремесленных училищ действовало трехразовое питание. Во всех школах городов и в рабочих поселках были введены завтраки, для которых без карточек ежедневно, включая праздничные дни и дни каникул, отпускались 50 г хлеба, а в дни занятий – 10 г сахара к чаю в день на каждого школьника.

Несмотря на предпринимаемые меры, значительная часть советского населения в годы войны вела полуголодное существование. Так, Чкаловское областное управление трудовых резервов докладывало в июне 1942 г., что рацион питания учащихся училищ и школ трудового резерва состоял в большинстве случаев «из крупяных и мучных блюд: салма, галушки, каша манная, каша мучная. Витаминных продуктов весьма недостаточно, а во многих столовых совсем нет»¹. Вследствие этого росло количество заболеваний учащихся цингой.

Даже снабжение хлебом городского населения осуществлялось с перебоями, в результате население вынуждено было часами стоять в очередях. В середине октября 1942 г. возникли перебои в торговле хлебом в Краснодаре, поскольку торговые организации «расходуя хлеб для снабжения проходящих воинских частей, не приняли мер к увеличению выпечки хлеба». Ежедневно оставались не отоваренными карточки на 15 т хлеба, а у магазинов скапливались огромные очереди. Только после вмешательства уполномоченного Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) выпечка хлеба была увеличена, организована продажа муки по карточкам, а виновные руководители привлечены к ответственности². В январе и феврале 1943 г. в Сочи населению не выдали по хлебным карточкам более 200 т хлеба вследствие отсутствия фондов³.

Особенно остро продовольственный вопрос встал в блокадном Ленинграде. В первые дни блокады жители не ощущали серьезных перебоев со снабжением и запасали столько продуктов, сколько удавалось купить в магазинах. В то же время часть ленинградцев считала такие действия для себя постыдными. Когда жена председателя ленинградского отделения Союза писателей Б. Лихарева купила в магазине банку икры весом в 3 кг «на всякий случай», муж заставил отдать ее в детский дом⁴. Но уже 15 сентября, когда стало ясно катастрофическое продовольственное положение города, нормы снабжения были снижены. В течение всей осени 1941 г. они еще несколько раз снижались, а в ноябре в городе начался настоящий голод.

Минимального уровня продовольственный паек достиг 20 ноября 1941 г., когда рабочим стали выдавать по 250 г хлеба в сутки, служащим, иждивенцам и детям до 12 лет – по 125 г. При этом к муке примешивали отруби, солод, овес, шелуху и различные суррогаты (целлюлозу), составлявшие до 50 % хлеба. Даже по этим нормам хлеба не всегда хватало, и в пищу использовалось все, что угодно. Ежедневно от голода умирало более 4 тыс. чел., а всего в декабре умерло 52 881 чел. В январе-феврале

¹ Записка начальника Жилищно-бытового отдела Главного управления трудовых резервов при СНК СССР Салтыкова заместителю наркома торговли СССР Скворцову // Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 180.

² Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. С. 91.

³ Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... Кн. 2. Ч. 1. Хроника событий 1943 год. С. 130.

⁴ Солсбери Г. 900 дней. Блокада Ленинграда / Пер. с англ. М., 1993. С. 305–306.

1942 г. умерли еще 199 187 чел.¹. В феврале 1942 г. за каннибализм было осуждено более 600 чел., а в марте – более 1 тыс. чел.². К этому времени продовольственная ситуация стала немного улучшаться. С 25 декабря 1941 г. нормы снабжения постоянно увеличивались, а с 11 февраля 1942 г. составили 500 г хлеба для рабочих, 400 г – для служащих, 300 г – для иждивенцев и детей. Из хлеба почти исчезли примеси, а 16 февраля в городе впервые была даже выдана мороженая говядина и баранина.

Засуха 1943 г. усугубила трудности продовольственного снабжения в стране, вызвав необходимость экономии хлеба. Поэтому правительство в ноябре 1943 г. снизило нормы его выдачи до 600 г для 1-й и 500 г для 2-й категорий рабочих и ИТР, 700 г для рабочих в районах Крайнего Севера. Все служащие стали обеспечиваться хлебом по единой норме – 400 г в день, иждивенцы и дети до 12 лет в городах и рабочих поселках – по 300 г в день. Однако для рабочих и служащих ведущих отраслей промышленности с 21 ноября 1943 г. были установлены более высокие нормы снабжения хлебом. Служащие угольной, оборонной промышленности и металлургии, железнодорожного и водного транспорта снабжались хлебом по норме 450 г в день, служащие черной металлургии – 500 г в день. Рабочим и ИТР угольной и металлургической промышленности, важнейших оборонных предприятий и решающих портов в 1943 г. была установлена норма хлеба 650–700 г в день. Рабочие и ИТР основных служб на решающих железнодорожных узлах и станциях снабжались хлебом по норме 650–700 г в день³.

Самые высокие нормы основного снабжения продовольственными товарами были установлены для рабочих и ИТР, занятых на подземных работах предприятий угольной промышленности, в горячих и вредных цехах. Они получали по 1 кг хлеба в день. Кроме того, с июня 1943 г. в Кузбассе были установлены холодные завтраки (100–200 г хлеба, 30–50 г сала, 10 г сахара) для тех, кто обеспечивал выполнение плана добычи угля и руды. Впоследствии такие завтраки получили рабочие других угольных бассейнов, ряда предприятий черной и цветной металлургии. Для работавших в горячих и вредных цехах предприятий химической и оборонной промышленности, цветной металлургии и некоторых других отраслей правительство сохранило нормы снабжения хлебом по 800–1000 г в пределах лимита хлебных пайков по этим нормам. Дополнительно в дни работы им выдавалось специальное питание, включавшее белый хлеб, мясо, рыбу, крупу, сахар, овощи и картофель⁴.

Важным дополнительным источником продуктов питания стало создание при предприятиях и учреждениях подсобных хозяйств, развитие огородничества⁵. Массовый характер приобрело использование в пищу различных заменителей и суррогатов, но и их не хватало. Так, секретарь райкома и председатель райисполкома Шапсугского района Краснодарского края весной 1943 г. писали: «В районе для снабжения населения были использованы все возможные продовольственные ресурсы, в том числе каштан, сухофрукты и желудь, но этих продуктов также не хватило для снабжения основного контингента в половинной норме, без иждивенцев». Районные власти «вынуждены были занимать муку, и в районе создалась задолжен-

¹ Кислицын Н.Г. Ленинград не сдаётся. М., 1995. С. 129–130.

² Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М., 2004. С. 679.

³ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. С. 215–216.

⁴ Там же. С. 216–217.

⁵ Зинич М.С. Будни военного лихолетья. 1941–1945. Вып. 1. М., 1994.

ность воинским частям и хлебозаводу» в 44 т муки¹. Управление НКВД Алтайского края сообщало о том, что вследствие значительного недорода сельскохозяйственных продуктов в 1943 г. «население ряда районов, и особенно Кулундинской степи, испытывает серьезные продовольственные затруднения». В документах отмечались случаи употребления в пищу падали, кошек и собак, дикорастущих трав и корней².

Промтоварные карточки выдавались на полугодие с определением количества условных единиц (купонов), в зависимости от отнесения к группе снабжения. Так, рабочие получали промтоварные карточки на 125 единиц, служащие – на 100, дети и иждивенцы – на 80. Количество купонов, подлежащих взиманию за каждую вещь, дополнительно устанавливалось приказами Наркомата торговли СССР. Например, в Краснодарском крае в марте 1943 г. за 1 купон можно было приобрести моток ниток, ложку, стакан или электрическую лампочку, за 5 купонов – «головной убор для взрослых из шерсти, хлопчатобумажных тканей, фетра, кожи и меха». За чайник, кастрюлю, ведро, таз или корыто требовалось отдать уже 10 купонов, за 1 м столовой клеенки или гардинной тюли – 15 купонов, за керосиновую лампу, примус, самовар или керогаз – 20 купонов. Самыми дорогими в списке были мужские и женские шерстяные костюмы, меховые пальто (полушубки) – по 80 купонов. Продажа табачных изделий производилась только курящим по талонам, выданным администрацией предприятия или учреждения, в размере не более 200 г табака или 400 папирос в месяц на 1 чел.³

Особым дефицитом стал керосин, использовавшийся для приготовления еды и освещения: его выдавали по талонам, которые также превращались в предмет купли-продажи или обмена на вещи и продукты. Находясь в Томске, Е.В. Гутнова «меняла мамину белую шелковую шаль, ее единственную дорогую вещь, на большую канистру с керосином». Традиционной «валютой» в советском обществе еще до войны стал алкоголь, а во время войны его значимость в качестве «платежного средства» только возросла: «стоила тогда одна бутылка пятьсот рублей, столько же, сколько кубометр дров». Е.В. Гутнова выменяла две бутылки водки, полученной в ежемесячном пайке от Комитета искусств, на «два кубометра отменных березовых дров», которыми отапливали квартиру в холодное время⁴.

В целом, нормированное снабжение сыграло немаловажную роль в обеспечении значительной части советского населения минимумом продуктов питания и товаров массового потребления. Тем не менее оно не смогло обеспечить полностью потребностей населения. Подавляющее большинство населения испытало голод в годы войны, ставший одной из главных причин высокой смертности. Массовый характер приобрели туберкулез, цинга, дистрофия и другие заболевания, вызванные снижением иммунитета вследствие недостатка продуктов питания.

Систематическое недоедание характеризует положение представителей самых широких слоев населения – рабочих и крестьян, интеллигенцию и сотрудников правоохранительных органов. В докладной записке о состоянии органов милиции

¹ Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... Кн. 2. Ч. 1. Хроника событий 1943 год. С. 214.

² Докладная записка Л.П. Берия в ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП(б) // Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 197–198.

³ Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... Кн. 2. Ч. 1. Хроника событий 1943 год. С. 201–202.

⁴ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 216.

Краснодарского края за апрель 1943 г. заместитель начальника УНКВД полковник милиции А.Г. Сергеев отмечал, что в городах Сочи и Туапсе создалось серьезное положение с продуктами питания: нормы выдачи хлеба сократились на 50 %: *«Отдельные работники обессиливают, болеют. В результате чего отдельные работники высказывают недовольство»*. Одним из его проявлений стало стремление милиционеров уйти на фронт, поскольку нормы снабжения там были выше, чем в тылу. Так, командир отделения дивизиона службы г. Сочи кандидат в члены ВКП(б) Писанков заявил заместителю начальника по политчасти Буевскому: *«Почему нас не отпускают в Красную армию? Лучшем нам умереть за Родину, чем здесь умереть с голоду»*¹. Сергеев также указывал: *«Большое нарекание среди личного состава милиции края на необеспечение обмундированием и обувью. Милиция стала не похожа на милицию, кто в чем. Большая часть работников уже три года не получала обмундирование»*².

Только с конца 1943 г. началось постепенное снижение цен на колхозных рынках, а продовольственная ситуация несколько улучшилась. С 15 апреля 1944 г. была открыта коммерческая торговля, но ее удельный вес в розничной торговле страны оставался невысок³. Трудности снабжения в условиях карточной системы остались одним из самых распространенных сюжетов воспоминаний о военном времени.

3.3. Практики питания как составляющие фронтового быта

«Армия марширует на брюхе» – безапелляционно формулирует известная военная поговорка. Однако в ее справедливости заставляют усомниться свидетельства советских комбатантов – участников Великой Отечественной войны. Одно из наиболее откровенных принадлежит поэту и гвардии майору, прошедшему войну от начала до конца, Борису Слуцкому, открывшему главу «Быт» своей автобиографической прозы «Записки о войне» следующим утверждением: *«Менее высокий жизненный стандарт довоенной жизни помог, а не повредил нашему страстотерпчеству... Мы опрокинули армию, которая включила в солдатский паек шоколад, голландский сыр, конфеты»*⁴.

Между тем лишь немногие из источников личного происхождения, затрагивавшие вопрос о том, *«что и как случалось поест советскому солдату»*, смогли увидеть свет при жизни их авторов. При подборе и публикации документов по истории войны такие «прозаические» темы обычно обходились стороной. Поскольку в большей части мемуаров фронтовому и тыловому быту уделено очень мало внимания, то, по меткому замечанию офицера-пехотинца А.З. Лебединцева, *«создается впечатление, что советские солдаты – это что-то вроде ангелов, которые не пьют, не едят и до ветру не ходят»*⁵. Собственные воспоминания Лебединцев выстроил таким образом, чтобы на первом плане оказался именно фронтовой быт, так называемая *«жизнь на войне»*. Поэтому существенное место на их страницах занимают непростые вопросы продовольственного снабжения, в том числе самоснабжения военнослужащих Красной армии.

¹ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 214

² Там же. С. 215.

³ История социалистической экономики СССР. В 7 т. Т. 5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. М., 1978. С. 470–471.

⁴ Слуцкий Б.А. Указ. соч. С. 28.

⁵ Лебединцев А.З., Мухин Ю.А. Указ. соч. С. 87.

На самом деле, сведения о практиках питания в условиях фронта содержатся в огромном числе источников личного происхождения, как опубликованных, так и пока не введенных в научный оборот, находящихся на хранении в государственных архивах и музеях, личных коллекциях. Они хорошо представлены в таком массовом источнике, как письма с фронта. Немало их в дневниках, воспоминаниях и даже в стихах фронтовиков. Однако все эти сведения разрознены, фрагментарны, собирать их приходится буквально по крупицам. Делать же это необходимо хотя бы для того, чтобы понять, как выживал и побеждал солдат Великой Отечественной, «харчи» которого были порой совсем «не те», что у «сытого», «дармовым добром кормленного» немецкого солдата¹. Типичные проблемы солдатской «кормежки», практики самоснабжения, широко применявшиеся комбатантами, а также кардинальное изменение ситуации с их питанием на завершающем этапе войны – все эти сюжеты нашли отражение в различных источниках личного происхождения.

Вопросы кадрового обеспечения продовольственного снабжения были «больной» темой для Красной армии, впрочем, как и для армии противника. Среди основных недостатков материальной стороны ведения боевых действий вермахтом, называется и свойственная «немецкой военной традиции недооценка роли снабжения, логистики». Профессор Университета бундесвера в Гамбурге, специалист по истории Второй мировой войны Б. Вегнер поясняет: «Одаренные и честолюбивые офицеры немецкого генштаба стремились заниматься оперативным планированием – но никак не снабжением. На снабжение ставились менее одаренные, второклассные, третьеклассные офицеры. Занятие снабжением было повинностью: кто-то должен этим заниматься, но славы здесь не добьешься. Гитлер тоже не понимал до конца роли снабжения»².

Отмечая «слабость продовольственных служб от дивизии до фронта», генерал-майор П.Л. Печерица объясняет ее безответственностью, безынициативностью и формализмом кадровых работников служб войскового тыла, их плохой подготовленностью к работе в военных условиях. Сам Печерица, «сугубо штатский» вплоть до начала 1942 г. человек, призванный в Красную армию с должности заместителя председателя Краснодарского крайисполкома, прошел боевой путь от начальника продовольственного снабжения Крымского фронта до заместителя начальника Управления продовольственного снабжения РККА. Может быть, именно в силу этого обстоятельства его воспоминания отразили не только видение ситуации войны «снабженцем» высшего звена, но и точку зрения человека, близко к сердцу принявшего тяготы жизни простого солдата³.

Печальный опыт спешной «разгрузки» Кубани от «поистине громадных запасов продовольственных ресурсов», которые вывозились либо уничтожались, Печерице пришлось применить и в Крыму. Будучи начальником упродснаб Крымского фронта, он решал насущную проблему доставки продовольствия в Керчь, но впоследствии в ходе отступления вынужден был и здесь заниматься неблагоприятной работой уничтожения запасов, сконцентрированных собственными усилиями.

На Сталинградском фронте, где П.Л. Печерица возглавил упродснаб в августе 1942 г., его ожидало настоящее «паломничество» директоров пищевых предприятий и баз, стремившихся «отпустить для фронта продовольственные запасы без нарядов

¹ Твардовский А.Т. Василий Теркин. Теркин на том свете. М., 2010. С. 104–105.

² Сумленный С. «Германия проиграла войну осенью 1941-го» // Эксперт. 2010. № 16–17 (702). С. 41.

³ Герои терпения... С. 217–229.

центра» и таким образом снять с себя ответственность за ресурсы, чтобы отступить «налегке». Поскольку фронт нуждался в продовольствии, эти продукты принимались на учет, как и сотни тысяч голов овец и рогатого скота от совхозов, а также бесхозный скот, скопившийся на переправах через Волгу.

Очень многое в текущем снабжении фронта зависело от приема продовольствия на учет армии и установления порядка в его расходовании. Очевидно, что запасы необходимо было накапливать. Ситуацию, когда *«запасы продовольствия не превышают 3–4 сутодач при отсутствии важнейших продуктов в ассортименте»*, Печерица считал неприемлемой и докладывал о ней вышестоящему начальству. В своей работе он сделал ставку на местные ресурсы; многие предприятия начали получать заказы от упродснаба работать на фронт. Так, заводы по выработке фруктовых консервов производили мясные и рыбные консервы, соляные мельницы перемалывали зерно. Специально созданными фронтовыми командами производился улов и переработка рыбы (позже Военный совет издал приказ о демобилизации рыбаков, чтобы рыбзаводы могли работать с полной нагрузкой).

Согласно воспоминаниям П.Л. Печерицы, которые подтверждаются прилагавшимися им документальными материалами, в течение двух месяцев удалось увеличить запасы продовольствия почти в 10 раз. Питание стало более полноценным, так как расширился ассортимент; в номенклатуре значился 41 вид продуктов, в том числе консервы, овощи, приправы. *«Страна щедро обеспечивала своих защитников»*, – отмечает автор воспоминаний. Обеспечив текущее снабжение, упродснаб начал заниматься налаживанием дела в войсках. В частности, приготовление горячей пищи было перенесено с левого на правый берег Волги, что увеличило потери инвентаря и личного состава хозяйственных служб, но положительно сказалось на питании бойцов переднего края. Для войск, сражавшихся в окружении, представилась возможность забрасывать продукты с воздуха. Вначале данная проблема казалась практически неразрешимой, так как отсутствовал набор необходимых продуктов (при выброске вареного мяса, сельди, хлеба и сахара получался *«малосъедобный фаршмак»*), нечем было их упаковывать. Однако изыскав продукты (консервы, сухари) и сняв провода телефонной линии местной связи для увязки тюков, справились и с этой проблемой. *«Обеспечивать войска, используя местные ресурсы, стало правилом в работе армейского тыла. Вначале это вызывалось оторванностью армии от баз снабжения, а затем стало “привычкой”: мы обращались во фронтовые тылы только за теми продуктами, которые не имели в своем тыловом районе»*, – резюмировал генерал-майор Печерица¹.

Как оценивали качество своего питания сами комбатанты, и какие практики самоснабжения использовали, можно узнать из их писем и дневников. В частности, источники личного происхождения позволяют заключить, что наиболее серьезные проблемы с питанием ожидали мобилизованных в Красную армию на начальном этапе. Находясь в учебных лагерях, они во многих случаях были обречены на истощение, выживание на грани человеческих возможностей.

Воспоминания Л.Г. Андреева описывают путь 19-летнего добровольца «до фронта», начавшийся в августе 1941 г. с двухмесячного пребывания в Тесницких лагерях, в 28 км от Тулы. *«Первые дни, когда еще жили домашней упитанностью, порции казались большими. Вскоре пришел голод, он не оставлял нас все время нахождения в лагере,*

¹ Герои терпения... С. 228.

и только 2–3 раза я был сыт, да и то не впрок – объедался. Это были дни нарядов на кухне, в которые, вконец изголодавшиеся, мы ели, не разбирая и не задумываясь о последствиях, – знали, что завтра снова наступит мучительное ощущение. Да, мучительное, ведь знаешь, что ничем не удовлетворишь себя. Мы ели почки липовых веток, жарили желуди, подбирали колосья. В таких условиях человек опускается стремительно, и нужна стальная воля, чтобы удержать себя – на все готов, чтобы избавиться от никогда не покидающего желания есть, становишься безразличным к грязным рукам, к измазанным мискам. В нас вырабатывалось тупое безразличие к чистоте посуды, из которой мы ели, мы переставали замечать обстановку в столовой. Мы видели лишь одно: руку, которая режет хлеб – тебе всегда меньше, половник, который разливает суп – тебе всегда меньше»¹.

Следующим этапом пути были лагеря под Ногинском: значительно меньше Тесницких, они оставляли впечатление большего порядка: «Кормили лучше, можно было иногда доставать хлеб в ларьке, хотя очереди за ним были колоссальные. Я чаще всего использовал то, что у меня были деньги: платил, и мне доставали хлеб»². После 800-километрового марша к Волге началось «двухмесячное казанское стояние». В казармах Казани, писал Андреев, можно было бы вынести многое (холод, усталость), «если бы нас кормили». «Нормы в казармах были такие же, как в Тесницких лагерях: та же ложка второго и плохое первое на обед, что-нибудь одно на завтрак, ложка второго на ужин, потом, впрочем, и она исчезла. Выдумывали и такую вещь: если суп варится с мясом, то в этот день выдают хлеба на 50 г меньше. Я помню, что не был голоден за 2 месяца только один раз: был в наряде на кухне и там объелся, а потом мучился с животом. И такое питание при колоссальной нагрузке, при почти отсутствии отдыха! Мы истощались неуклонно и катастрофически. При изменении положения тела кружилась голова, все скорее и скорее уставали на занятиях. Когда принимали присягу, один упал в обморок от истощения»³.

Уроженец Тулы М.И. Сороцкий, осенью 1942 г. находившийся в учебной части в г. Муроме Ивановской области, не видел иного выхода, как обратиться за помощью к жене: «Если тебе нетрудно и есть возможность, Манечка, то пришли мне денег сколько сумеешь. Изредка я покупаю себе здесь помидоры (30–35 р. кило), молока (40 р. литр) и кушаю. С хлебом [дело] обстоит плохо»⁴. Получив казенное обмундирование, многие новобранцы продавали или обменивали свои вещи и так могли «поддерживать» себя продуктами. Москвич С.И. Шампаньер сообщал жене: «Я очень рад, что избавился от личных вещей... Теперь и легче стала сумка и немножко поправился – молочко пил, малинку едал, огурчики и лук и все, что можно летом достать в деревне. В общем, из простынь и маек и полотенец можно делать съедобные вещи, что иногда труднее сделать, имея деньги»⁵.

Полуголодное существование было нормой жизни курсантов многих военных училищ. Тягостные воспоминания об условиях пребывания в военном училище г. Бирска в ноябре 1941 – декабре 1942 гг. сохранил Л. Рабичев. «Офицеры всех рангов училища неоднократно повторяли знаменитую крылатую фразу Суворова – “Тяжело в учении – легко в бою!” Завтрак, видимо, входил в понятие учения. Старшина на

¹ Андреев Л.Г. Указ. соч. С. 61–62.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 89, 92.

⁴ Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 165.

⁵ Там же. Вып. 1. С. 88.

завтрак выделял пять минут. Два курсанта разрезали несколько буханок черного хлеба на ломтики. Они торопились, и ломтики получались у одних толстые, у других тонкие, это была потеря, спорить и возражать было некогда. На столе уже стоял суп из полусгнивших килек, кильки приходилось глотать с костями. На второе все получали пшеничную кашу. В первый день я не мог есть ни супа, ни каши и поменял их на четыре компота. Оказалось, что существовала отработанная практика обменов. За суп – два компота, за второе – четыре, за хлеб и сахар второе или наоборот»¹.

Разговоры о том дне, когда можно будет «любой ценой попасть на фронт», были массово распространены в этой среде живущих впроголодь. Значительная часть курсантов писала рапорты о досрочной отправке на фронт. О том же неотступно думали многие бойцы, находившиеся в учебных лагерях. Как вспоминал Л.Г. Андреев, «тянуло на фронт – верилось, что он изменит жизнь, и казалось почему-то, что вернет домой»². Представлялось, что физические страдания и истощение должны иметь какой-то смысл. И таким единственным смыслом было спасение Родины.

Вести о том, что на фронте питание гораздо лучше («о фронте приходили сказочные слухи»), особенно стимулировали тех, кто отличался практичностью. Так, А.П. Поповиченко, чей «хорошо оборудованный» лагерь располагался в сосновом бору в Ивановской области, питание в нем хвалил, а его стоимость считал соответствующей качеству («5 рублей в сутки с хлебом»). Но, поскольку на фронте предполагалось «бесплатное» питание и к тому же говорили, что кормят там «еще во много раз лучше», то рациональные расчеты были дополнительным мотивом стремления быстрее попасть туда³.

Притом, что «всю войну кормежка была изрядно скупой» (Б.А. Слуцкий), военнослужащие, находившиеся в действующей армии, в большинстве своем сообщали домой о хорошем и даже отличном питании. «Кушаем и пьем, как будто находимся не на фронте, а дома», – писал рядовой артиллерийского полка М.З. Леверт в сентябре 1941 г. О плотной, сытой, хорошей еде сообщали родным рядовые М. Шмирин и С. Лурье, старшина стрелкового полка Я. Ингер и многие другие⁴. Главную «разгадку» этой преобладающей в среде комбатантов практически в любой период войны оптимистической позиции следует искать в их большом желании успокоить родных относительно своего положения. И, безусловно, в такой линии поведения проявилась общая непритязательность, закрепившаяся в поведении советских людей еще в довоенный период.

В то же время советским военнослужащим было небезынтересно качество питания солдат вражеской армии, о чем свидетельствуют, в частности, записные книжки военного корреспондента И.Л. Кремлева-Свена. В 1942 г. в его руки попала трофейная брошюра о питании в Германских Вооруженных силах (Берлинское издательство, 1941 г.), которую он не преминул перевести. Хотя текст оставлен без комментариев, но есть характерные подчеркивания: «...питание выдержано таким образом, что вполне отвечает самым строгим требованиям в смысле количества, качества и здравоохранительной ценности. Стол разнообразится... Обращается внимание и на сохранение во время тщательного приготовления минеральных солей и витаминов...

¹ Рабичев Л. Указ. соч. С. 76–77.

² Андреев Л.Г. Указ. соч. С. 98.

³ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 11–11об.

⁴ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 57, 81, 85; Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 80.

Итак, питание немецкого солдата имеет характер простого, но домашнего стола»¹. Выписки из писем пленных немецких солдат и бесед с ними, которые также попали в записные книжки Кремлева-Свена, зафиксировали негативные отзывы о снабжении продуктами. Так, в конце 1941 г. некий Э. Бейн делился с женой и детьми хорошей новостью: «Сегодня мы впервые получили масло, настоящее масло. Я не мог точно представить настоящий вкус, так как его было очень мало, но было так приятно на него смотреть». 3 ноября 1942 г. пленный солдат 1-го горнострелкового полка В. Тиль заявил, что с питанием «очень плохо», на протяжении нескольких недель приходилось питаться исключительно «лесными плодами». «Что особенно безотрадно – это голод», – написал в письме домой 6 ноября 1942 г. другой солдат вермахта².

Эти примеры лишней раз подтверждают, что правило, выведенное героем поэмы А. Твардовского «Василий Теркин», распространяется на солдат любой армии. «Есть войны закон не новый: / В отступленье – ешь ты вдоволь, / В обороне – так и сяк, / В наступленье – натошак»³. Определенно, реалии фронтовой жизни ставили «голод» в один ряд с такими проявлениями экстрима войны, как «опасность» или «холод». Примеров такого рода более чем достаточно. Письмо вышедшего из окружения М.Ш. Пороховника содержит замечание: «Ну а чем я питался, не стоит и писать...»⁴ Оказавшийся в такой же ситуации Н.С. Воронин «не ел ни одной крошки 8 суток, да и перед этим ел по сухарику несколько дней»⁵. В дневнике политрука 150-го инженерно-заградительного батальона А. Кобенко есть записи о тяжелой ситуации, когда во время строительства дорог и мостов на перевале вблизи г. Туапсе в конце 1942 г. иссякли продукты, и бойцы более недели питались каштанами, сухофруктами и фундуком⁶.

Откровенно высказаться о проблемах с питанием военнослужащие позволяли себе в особых обстоятельствах, например, когда отправляли письмо с оказией или с посылкой. «Это письмо не пройдет через рогатки цензуры, т.к. я его посылаю в посылке. Можно кое-чего и пооткровенничать, – писал жене А.П. Поповиченко. – Кормят нас скверно, три раза в сутки кругом, бегом, вода и гречневая крупка, жидкий супишко, и чай, хлеба 650 гр. Чувствую упадок сил, но это не только я один, а все мы и командиры и бойцы. Бойцы, конечно, открыто говорят о недовольстве таким питанием»⁷. Прибегали также к помощи родного языка. К примеру, именно на мокшанском языке связист П.Т. Кемайкин писал родителям в Мордовию, что часто приходится «сидеть голодным»⁸.

И все-таки многие фронтовики употребляли в своих письмах формулу «обут, одет и каждый день сыт». Эта формула несла, в первую очередь, успокоение для адресатов, а для самих комбатантов она символизировала ситуацию стабильности особого толка. Анализируя суть последней, военный переводчик В. Раскин писал: «Уже 2 года я фигурирую как одна из единиц в строевой записке. Быть включенным в строевую – значит быть накормленным. Работа или бездельничанье – я всегда

¹ РГАЛИ. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 196. Л. 34–36.

² Там же. Д. 194. Л. 105об.; Д. 196. Л. 13об., 17об.

³ Твардовский А.Т. Указ. соч. С. 105.

⁴ Сохрани мои письма... Вып. 1. М., 2007. С. 157.

⁵ Фронтовые письма из калужских архивов: сб. документов. Калуга, 2010. С. 34.

⁶ Герои терпения... С. 208.

⁷ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 14.

⁸ Письма из войны: сб. документов. Саранск, 2010. С. 165.

получу положенное (за вычетом того, что уворуют интенданты, повара и пр.). Это очень своеобразная экономика, своеобразные производственные отношения внутри паразитического организма»¹. Впрочем, и Раскин, и другие военнослужащие, иногда в шутку называвшие фронт «домом отдыха», подчеркивали, что данное положение далеко несовершенно, так как небезопасно для жизни.

Красноармейцы, разумеется, сравнивали стабильность своей ситуации с тем положением, в котором находились их семьи. О последнем им было известно из частной переписки, а также из слухов о «бешеных ценах» на продукты в тылу. Однако настоящее «прозрение» происходило на железнодорожных станциях или в городах, когда комбатанты сталкивались с рыночной торговлей. Гвардии старшина В.В. Сырцылин, проезжая через г. Молотов, отмечал, что мерилом цен являлись продукты первостепенной важности (соль, хлеб, яйца, табак), а отнюдь не рубль. Переводя их стоимость в денежный эквивалент, возмущался: «Я просто удивляюсь, куда у людей девалась совесть, и удивляюсь – откуда взять столько денег, чтобы прокормиться. Может быть, это частное явление в одном городе – утверждать не смею, но и по дороге на станциях дерут ужасно по обыкновению»².

Военнослужащие тоже включались в довольно сложную процедуру обмена. К примеру, Сырцылин, которому в пути надоели вобла и лещ, на полустанках менял их на картофель. В городе картофель продавался и на вырученные деньги покупался хлеб, часть которого сразу же менялась на табак. Получив продукты на 15 дней пути (колбасу, сельдь, сахар, сухари, чай), младший лейтенант З. Клейман, страдавший от отсутствия горячей пищи, обменял половину выданной рыбы на крупу³. Обмен процветал и в окопах. «Табак на сухари, порция водки на две порции сахара. Прокуратура тщетно боролась с меной», – вспоминал о «меновой торговлишке» Б.А. Слуцкий⁴.

Непритязательность в питании поневоле распространялась и на условия принятия пищи. Проезжавший на фронт через проживавших в Свердловске друзей, В. Раскин уже в поезде предположил, что в гостях в последний раз видел «культурную сервировку»⁵. Проведя чуть больше года на фронте, В. Сырцылин с горечью сообщал жене: «Есть за столом и мыть руки перед обедом я уже разучился. Котелок, деревянная ложка, нож – вот вся сбруя к обеду»⁶. Лейтенант А. Черепанов уже на исходе войны сокрушался в письме к заочной знакомой: «Я совсем отучился жить в доме, спать на кровати, пользоваться столовым ножом; чайного блюдечка я не видел уже три года...»⁷. В письмах встречаются и более жесткие «зарисовки». «По трунам ходишь, на них сидишь и ешь», – писал с балтийского побережья в начале 1945 г. разведчик В. Цоглин⁸.

Праздники отмечались по-фронтному, т. е. скромно. Обычно суммировались остатки продовольственных посылок из тыла и специальный паек, выдававшейся по случаю торжества Военторгом. В день рождения можно было рассчитывать на внимание командования. Так, лейтенанту А.Л. Рабиновичу (командиру взвода артил-

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 40.

² Герои терпения... С. 87.

³ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 162.

⁴ Слуцкий Б.А. Указ. соч. С. 29.

⁵ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 4.

⁶ Герои терпения... С. 90.

⁷ Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 70.

⁸ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 264.

лерийской разведки) командир полка прислал в подарок на 19-летие *«литр водки, три банки сгущенного молока, коробку шоколада, колбасу и всякую всячину»*¹. *«Люди с хорошим интеллигентским стажем»*, по свидетельству Б. Слуцкого, мечтали о мире как о ярко освещенном ресторане с пивом, с горячим мясным. Москвичи конкретизировали: *«Савой», «Прага», «Метрополь»*². А пока за *«ресторанный обед»* шел бараний суп, *«пахнувший дымом и порохом и вселяющий силы и ненависть к врагу»*³.

Однообразие солдатского меню стало распространенной темой писем с фронта и воспоминаний. Г.В. Довятас, призванный в 16-ю Литовскую дивизию, с раздражением писал родным: *«Кормят нас с прохладцей: утром водичка с крупой, днем – она же, но в большем количестве, вечером без изменения, но в аптекарских дозах. Вдобавок, получаем кусок хлеба грамм в 500–600 и 25 гр. сахара. Стол не замечателен своей питательностью и разнообразием, и целый день занят слушанием симфоний собственного желудка»*. Суп (*«это замечательное мочегонное, а отнюдь не голодоутоляющее»*) вызывал особую критику, тогда как хлеб называется *«основной пищей»*⁴. Подобного рода жалобы касались и каши, которая тоже традиционно разбавлялась *«многими литрами воды – болталось хоть что-нибудь в брюхе»*⁵.

Опираясь на свой опыт члена Военного совета 44-й армии, П.Л. Печерица отмечал связь между отсутствием разнообразия в питании военнослужащих и хищениями продуктов: *«Преступные элементы обкрадывали бойцов, не доводя до них полностью скудного, к тому же положенного продпайка. Бойцам выдавалась сельдь, шпиг, водка, суррогатный хлеб и ограниченное количество воды»*. К тому же в состав 44-й армии входили в основном национальные соединения, особенности питания которых плохо учитывались. В частности, азербайджанцы не употребляли сельдь и сало, не пили водку, и *«буквально жили на хлебе и воде»*⁶.

Продуктовые посылки из дома приветствовались фронтовиками прежде всего потому, что скрашивали меню. Родные вкладывали в них пряники, печенье, колбасу, шоколад, конфеты, сахар, сухари. Последний продукт, наряду с табаком и папиросами, запрашивался наиболее часто. Что касается *«курева»*, то военнослужащие нередко просили о нем не в своих интересах, а для удовлетворения нужд командиров или однополчан. В ситуации, когда *«жрать хотелось постоянно»*, *«курение хоть ненадолго притупляло чувство голода»*⁷.

Среди предпочтений были и сладости. Сержант медицинской службы Ф. Кривицкая, проходившая службу в полевом госпитале, адресовала матери в Москву просьбу: *«Мамулька, если опять есть коммерческие магазины (мне один летчик сказал, что есть), то пришли мне чего-нибудь сладкого (конфет, печенья), хочется вкусного. Но если большие очереди, то ничего не надо, и без вкусного обойдусь. А если будешь присылать, то пришли мне мед, эмблемы и 16-тиугольник»*⁸. Единственное, о чем после двух месяцев пребывания на фронте просил москвич Ф.В. Слайковский, были

¹ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 209.

² Слуцкий Б.А. Указ. соч. С. 28.

³ Герои терпения... С. 90.

⁴ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 118–119.

⁵ Слуцкий Б.А. Указ. соч. С. 29.

⁶ Герои терпения... С. 228.

⁷ Ванденко А. Указ. соч. С. 52.

⁸ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 115.

галеты и драже («не обязательно, просто побаловать себя»)¹. Однако из сочувствия к тяжелому экономическому положению близких, большинство военнослужащих либо вовсе отказывались от посылок из дома, либо оговаривали, чтобы родные не тратились и присылали продукты подешевле.

Посылки, которые фронтовики получали из тыла от незнакомых людей (например, в качестве новогодних подарков), по наполнению делились на сельские и городские. Сельские практически полностью состояли из продуктов (кусочек сала или домашней колбасы с чесноком, сухофрукты или пара яблок, булочка с запеченным внутри яичком – все заботливо упаковано в сумку из домотканого холста), за исключением кисета с табаком и вложенным письмом. Городские чаще содержали канцелярские товары и, как правило, печенье².

Весьма кстати в повседневной фронтовой жизни оказывались и боевые трофеи (например, походные кухни противника). Удачно атаковав румын, взвод А.З. Лебединцева стал хозяином полевой кухни с мамалыгой, которая «голодным» очень понравилась³. Случалось, в окопы советских военнослужащих попадали продукты, предназначенные солдатам вражеской армии. В.В. Сырцылин «рассыпался» в благодарностях неточным немецким летчикам: «Спасибо им – много к нам в окопы колбасы, хлеба и шоколадок нашивыряли, а немчура голодная сидит в окопе напротив и облизывается и сердится на своих летчиков, что те ошибаются»⁴. Впрочем, иногда происходило наоборот. Кроме того, противники могли «мирно» делить между собой один и тот же продукт. Так, Б. Слуцкий упоминает эпизод, когда за выросшей в нейтральной полосе малиной лазили по ночам представители обеих армий.

Ягоды хорошо дополняли рацион. «Зреет малина, кто не разевает рот на самолеты, всегда может организовать себе десерт. Земляника уже кончается, ее здесь тоже порядочно...», – писал в июле 1943 г. с передовой В. Раскин⁵. Иногда они вообще служили основным продуктом: «Питаемся мы прекрасно, я черникой уже объелся»⁶.

Универсальным питанием в суровых походных условиях являлась картошка. «Наберем на первом попавшемся огороде картофеля и варим прямо в ведре, а потом садимся вокруг как цыгане и кушаем, кто руками, ножом, ложкой, а то и просто палочкой»⁷. Картошку солдаты называли «благословенной». Впоследствии удивлялись, как много могли ее съесть за один раз («съеденное нами сейчас напугало бы меня»). «Солдатский желудок, привыкший пустовать и никогда не наполняться жалкими “котинными” порциями, при первой возможности обнаруживал удивительную способность растягиваться до невероятных размеров»⁸.

Порой в пищу употреблялась необычная еда. К примеру, на рынках Черноморского побережья в годы войны продавалось в вареном или жареном виде мясо дельфинов. Многие источники упоминают конину, которая нередко добывалась нелегально (забывались здоровые лошади). Слуцкий утверждает, что такая практика распространилась первой военной весной: «До сих пор помню потный сладкий запах супа с кони-

¹ Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 38–39.

² Лебединцев А.З., Мухин Ю.А. Указ. соч. С. 97–98.

³ Там же. С. 135.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 32об.

⁵ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 43.

⁶ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 140.

⁷ Герои терпения... С. 99.

⁸ Андреев Л.Г. Указ. соч. С. 179.

ной. *Офицеры резали конину на тонкие ломти, поджаривали на железных листах до тех пор, пока она не становилась твердой, хрусткой, съедобной*¹.

Часто в пищу употреблялась дохлая конина. Л.Г. Андреев вспоминал, как бойцы его лыжного батальона, истощенные голодом, продвигаясь к линии фронта в декабре 1941 г., заметили группы красноармейцев, сидевших на корточках и пиливших ножами лошадиные ноги. Не имея другого выхода, они также стали питаться останками павших лошадей. Так продолжалось в течение нескольких дней, до скудного подвоза продуктов. Годом спустя, уже демобилизованный инвалид, Андреев пытался восстановить свои ощущения: *«Очень хотелось есть, слегка тошнило отчего-то. Я вышел из палатки. Снег между палатками был вытоптан, измаран уже чем-то, слонялись солдаты, и голодная тоска осела между редкими деревьями. Я прошел по лагерю по топтаным уже тропинкам. У одной из палаток дымился костер, солдаты, присев на почерневший снег, держали над огнем лошадиные ноги, тупо глядя на грязно-черные отвратительные обрубки дохлой конины. Мне стало еще тошнее, и я повернул назад. Кое-кто из наших вернулся, и в едком дыму костра торчали те же копыта и куски кожи. При виде этих отвратительных, но в какой-то мере съедобных кусков, голод становился нестерпимым*». Тогда он постарался заглушить голод, накипятив себе из снега воды. *«Больше ничего не было. Весь батальон ходил на поиски дохлой конины – ее хватало: прифронтовые дороги усеяны были трупами издохших лошадей. Теперь уже все сосали лошадиную кожу. Я крепился, пил воду, но кожу не брал: не мог, вырвало бы сразу»*².

Судя по воспоминаниям фронтовиков, случаи массового употребления в пищу павших лошадей вновь участились весной 1943 г. Связист Л. Рабичев писал, что, когда эшелон со складами еды отстал на 100 км, на третий день своего голодного существования связисты и артиллеристы обратили внимание на трупы людей и лошадей, погибших осенью и зимой 1942 г.: *«Пока лежали засыпанные снегом, были как бы законсервированы, но под горячим лучами солнца начали стремительно разлагаться. С трупов людей снимали сапоги, искали в карманах зажигалки и табак, кто-то пытался варить в котелках куски сапожной кожи. Лошадей же съедали почти целиком. Правда, сначала обрезали покрытый червями верхний слой мяса, потом перестали обращать на это внимание. Соли не было. Варили конину очень долго, мясо это было жестким, тухловатым и сладковатым, видимо омерзительным, но тогда оно казалось прекрасным, невыразимо вкусным, в животе было сытно и журчало»*³. О широком употреблении конины свидетельствует в своих мемуарах и А.З. Лебединцев. В частности, он писал, что учрежденную 1 мая 1943 г. медаль «За оборону Кавказа» следовало бы назвать медалью «За съеденное мороженое мясо конины на перевалах Кавказа» (по аналогии с тем, что учрежденную Гитлером медаль «За зимнюю кампанию 1941–1942 гг.» немецкие солдаты называли «За обмороженное мясо»)⁴.

Когда солдаты находились на *подножном корму*, в ход шло все: оглушенная разрывами снарядов рыба, украденные на фермах куры. Лебединцев описал случай на узловой станции Минеральные Воды, где скопились эшелоны с эвакуированными грузами и скотом. Поскольку состав со свиньями какого-то совхоза *«уже никто ничем не кормил»* и *«свиньям было впору поедать самих себя в вагонах без корма и воды»*,

¹ Слуцкий Б.А. Указ. соч. С. 29.

² Андреев Л.Г. Указ. соч. С. 130, 132.

³ Рабичев Л. Указ. соч. С. 111.

⁴ Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Указ. соч. С. 138.

Лебединцев с другом решили упросить свиначка дать им поросенка. Получив отказ, подстрелили поросенка («избавив от голодных мучений»), а девушки из близлежащих домов его приготовили, добавив от себя молодой картофель прямо с грядки¹.

В огромной массе случаев такие кражи были необходимостью, позволявшей выжить тем, кто, не раздумывая, должен был отдать жизнь за Родину. Мука, добытая во время налета на железнодорожный вагон, по словам Л.Г. Андреева, спасла жизни ему и его товарищам, добравшимся до фронта (всю дорогу они варили из нее похлебку), – те жизни, которые спустя несколько недель были отданы в страшном бою за полуразрушенную деревню Черная под Старой Руссой (от батальона тогда осталось 18 чел.). Незадолго до этого боя, оказавшись совсем близко от передовой, замерзшие и голодные, будучи как в бреду, солдаты лыжного батальона в несколько мгновений «растаскивали по буханкам» (каждая – килограмма на четыре) грузовик, наполненный хлебом. Шофер кричал, натягивал брезент, но сделать ничего не мог².

На дорогах войны солдатам нередко приходилось питаться по так называемому «бабушкиному аттестату», т. е. полагаться на доброту и расположение мирного населения. Не перечислять ситуаций, когда такая помощь спасала военнослужащим жизнь. В то же время участники войны приводят случаи, аналогичные описанному в «Василии Теркине», когда солдату приходилось добывать себе пропитание хитростью или иным способом³. Так, когда А.З. Лебединцеву с другом хозяева дома отказались продать какие-нибудь продукты, он «решил перезарядить барабан. Вынул его и начал шомполом выбивать пустые гильзы и вкладывать боевые патроны. Я как-то даже не придумал значения этому, а на деда подействовало. Он немедленно поднялся, спустился в погреб и вынес полкаравая хлеба и сала размером с кусок хозяйственного мыла и велел жене налить нам по миске супа. Я оставлял им денег, но они не взяли, надеясь на то, что, может, и их сынов накормит какая-нибудь доброжелательная хозяйка. Мы сердечно поблагодарили хозяев, унося не только полбулки хлеба и сало, но и теплоту в сердце»⁴.

Однако другие источники свидетельствуют о том, что подобное самоснабжение происходило далеко не всегда добровольно. Среди них и акт, который составили 21 мая 1942 г. председатель одного из кубанских колхозов А.А. Прока и политрук воинской части № 81 Т.А. Гудков «в том, что сего числа произведен забой коровы для питания бойцов воинской части № 81, в части забоя коровы со стороны председателя колхоза т. Прока были возражения в забое, но по категорическому требованию воинской части в лице Гудкова корова была забита»⁵.

От питания, разумеется, зависело состояние здоровья. Первой военной весной, которая далась особенно трудно, в госпитали нередко привозили дистрофиков с «нулевым дыханием». «Во время двенадцатикилометрового перехода в мартовскую грязь полки теряли по несколько солдат умершими от истощения», – вспоминал это время Б.А. Слуцкий⁶. Кроме того, плохое питание обостряло хронические заболевания внутренних органов (желудка, печени). Широкое распространение получили цинга и «куриная слепота» (авитаминоз). Дневниковые записи инженера-механика танкового полка Л.З. Френкеля в мае 1942 г. сообщают о полугодовом отсутствии овощей

¹ Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Указ. соч. С. 124.

² Андреев Л.Г. Указ. соч. С. 102–103, 126–127.

³ Твардовский А.Т. Указ. соч. С. 89–90.

⁴ Лебединцев А.З., Мухин Ю.А. Указ. соч. С. 118–119.

⁵ ГАКК. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 10. Л. 203.

⁶ Слуцкий Б.А. Указ. соч. С. 29.

(в том числе наиболее важных из них – лука и чеснока) в рационе и, как следствие этого, возникновении цинги у бойцов¹. Писатель-фронтовик Д. Гранин свидетельствует, что под Ленинградом он сам и многие из его товарищей-ополченцев заболели цингой, у них стали выпадать зубы: *«Мы пальцами вставляли их обратно. Иногда зубы приживались, и это была радость. Деснами ведь не пожужешь! Батальон целыми днями сосал хвойные противоцинготные брикетки, это немного помогало, укрепляло костную ткань»*².

Каким бедствием был авитаминоз, видно из рассказа Л. Рабичева. Однажды, в марте 1943 г. один не особенно надежный боец его взвода заявил, что *«ничего вокруг себя не видит, ослеп»*. Бойца обвинили в симуляции, но на следующий день зрение потеряли 12 из 40 чел. Диагноз стал ясен: *«Это была военная, весенняя болезнь – куриная слепота. На следующий день произошла катастрофа. Ослепло около одной трети армии. Чтобы восстановить зрение, достаточно было съесть кусок печени вороны, зайца, убитой и разлагающейся лошади»*³. В массовом порядке с авитаминозом боролись введением в рацион овощей, рыбы, проросшей пшеницы.

Б. Слуцкий отмечает, что серьезное улучшение питания началось *«с приездом на сытую, лукавую, недограбленную немцами Украину»*. Летом 1943 г. он был удивлен случаем, когда рота отказалась от ужина, *«накушавшись предложенными прятавшимися по погребам крестьянами огурцами, молоком, медом»*. Хотя отступление противника сопровождалось уничтожением продовольствия (громились бахчи, расстреливался скот), очевидно, что все уничтожить он не смог. В это лето была снята проблема овощей и фруктов; продотделы прекратили сбор витаминной крапивы для солдатских борщей. *«Под Харьковом фронт проходил в бахчах и огородах. Достаточно было протянуть руку за помидором, огурцом, достаточно разжечь костер, чтобы отварить кукурузы. Под Тирасполем началось фруктовое царство. Противотанковые рвы пересекали яблоневые, грушевые, абрикосовые сады... Компот и кисель прочно вошли в солдатское меню»*⁴.

Начиная с 1944 г., в письмах и дневниковых записях появляется больше положительных оценок блюд фронтовой кухни, подчеркиваются перемены в рационе, раздаются похвалы поварам. Одна из характерных принадлежит рядовому В. Цоглину: *«Кормят нас великолепно, у нас повар Миша готовит как лучший повар французского короля, но ему некогда проявлять своих способностей и потому он готовит по-солдатски жирно, вкусно и много»*⁵. П.Л. Печерица упоминал конкурсы на лучшее приготовление пищи, которые проводились в условиях фронта⁶.

За время войны навыки поварского дела волей-неволей вошли в опыт многих фронтовиков. Кто-то готовил на ходу (во время перемещения войск по железной дороге) из нехитрых ингредиентов, исходя из насущной потребности в горячей пище. *«Из сухарей и колбасы делаем замечательное блюдо. Котелок воды, четыре-пять сухарей, кусочек колбасы, мелко резанной, все перекипятить...»*⁷ Кто-то становился *«кухмистером»* буквально по жребию: *«Открываю консервы и засыпаю пшено в котел,*

¹ Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 26.

² Ванденко А. Указ. соч. С. 52.

³ Рабичев Л. Указ. соч. С. 104.

⁴ Слуцкий Б.А. Указ. соч. С. 29, 31.

⁵ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 261.

⁶ Герои терпения... С. 229.

⁷ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 162.

рассчитывая, чтоб суп был погуще и чтоб пишена шло поменьше»¹. А вот старший лейтенант Н.С. Воронин, по собственному мнению, неплохо освоивший «искусство повара» в партизанском отряде, готов был обучать ему жену: «Например, мы варили очень вкусный кулеш: отвари картофель и растолки его, чтобы получилось не пюре, а жидкий (суп), а затем добавь туда муки, чтобы получился кулеш, и заправь поджаренным салом. Вообще, я теперь чувствую себя настоящим поваром, а главное – смелым до дерзости. Эх, скорее бы доказать тебе это»².

Достаток в питании, его разнообразие стали темой писем советских военнослужащих из-за границы, особенно из Германии. Одни сообщали о полном отсутствии проблем с продуктами сжато, очевидно, не желая беречь воображение стесненных в еде домашних. Другие – с каким-то особым куражом: «Мы уже заелись и нам не все хочется кушать»; «Мы сало с салом едим и блинами с сладким чаем закусываем»³.

Особой популярностью среди военнослужащих пользовалось мясо. В.Н. Цоглин писал сестре «из дома одного сбежавшего ганса»: «Коровку зарезали и тренируемся, кто лучше готовит. Сперва, не поверишь, 9 кг мяса съели вдесятером...». Лейтенант З. Клейман сообщал, что солдаты его батареи, находясь на постое в немецкой деревне, «мяса едят сколько угодно – в котел закладывают по целой корове»⁴. Такие резкие изменения в рационе вызывали беспокойство медиков. Штабной врач Клейнер жаловался, что тыловики, идя по линии наименьшего сопротивления, перегружают рационы огромными порциями мяса и вина, угрожающе перерождающими ткани⁵.

Некоторые сюжеты свидетельствуют о пресыщении. «Зимой 1944/45 сплошь и рядом пехота опрокидывала кухни, вываливала курганы каши на грязный снег – хоть в кашу и закладывали тогда по шестьсот граммов мяса на человека, а не тридцать семь граммов непонятно чего...»⁶ Участник войны В.И. Олимпиев пишет о том, что с многодетными немецкими семьями советские солдаты «без лишних слов делились едой»⁷. А.П. Поповиченко вспоминает, что он и его однополчане разделяли свои хлебные запасы с австрийцами, так как в городах не хватало хлеба и других продуктов, население употребляло в пищу убитых лошадей⁸. Б.А. Слуцкий подтверждает такие факты и дает им свое объяснение: «Когда в Будапеште и Вене солдатские кухни раздавали пайковую кашу жителям, это объяснялось не жалостью, но изобилием, царившим в интендантствах»⁹. Обладание продуктовыми запасами позволяло во многом решать проблему наполнения посылок домой вещами (к примеру, в Вене за пять буханок хлеба можно было купить дамские золотые часы). Из продуктов в посылки закладывались, в основном, шоколад и сахар.

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. С. 6.

² Фронтовые письма из калужских архивов. С. 34.

³ Сенявская Е.С. Женские судьбы сквозь призму военной цензуры // Военно-исторический архив. 2001. № 7 (22). С. 38; Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 262.

⁴ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 165, 262.

⁵ Слуцкий Б.А. Указ. соч. С. 32.

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Я это видел... С. 20.

⁸ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 3696. Л. 30.

⁹ Слуцкий Б.А. Указ. соч. С. 31.

Офицерский дополнительный паек и раньше вызывал зависть у солдат, а во время пребывания за границей питание офицерского состава приобрело особый лоск. А.З. Лебединцев вспоминал о своем «венском» опыте: *«Питание офицеров было налажено через военторговскую столовую на основании наших продовольственных норм. Но, боже мой, как они отличались не только в Союзе, но и здесь! Завтраки, обеды и ужины состояли из нескольких блюд и из самых деликатесных продуктов, подавались они на настоящем фарфоре, пользовались мы столовым серебром, и только замечательное чешское пиво отпускали за чисто символическую плату оккупационными деньгами в хрустальных бокалах. Для пуцего антуража офицеры и вольнонаемные сотрудницы питались вместе, что напоминало не просто столовую, а как бы ресторан с официантками»*¹.

Особая тема воспоминаний – праздничные офицерские обеды. Б.А. Слуцкий описывает их меню так: *«В Болгарии и Югославии кулинарная мысль, усердие интендантов дошли до ввоза из России икры, настоящей московской водки – конечно, для генеральских столов. На праздничных офицерских обедах, где-нибудь в Венгрии, подавалось по восемь мясных блюд, шесть видов борщей и т.д.»*². На обеде в штабе армии в Вене, приведенном А.З. Лебединцевым, закуски подавались на фарфоре и серебре, наливалось исключительно французское шампанское³. А.П. Поповиченко также вспоминал Вену в день первомайского торжества, когда он был награжден орденом «Красной Звезды»: *«Начтыла полковник Карпов, что называется, разорил Вену, но на банкет доставил таких вин и закусок, что нам даже и не снилось, не только в военное время, но, пожалуй, и в мирные дни!»*. Еще более ошеломляющий банкет в честь Дня Победы «справляли» в особняке под Вайдгофеном⁴.

Подводя итог, можно отметить, что за время войны советскому солдату пришлось пережить многие тяготы, не последнее место среди которых занимала «жизнь впроголодь» или настоящий голод. «Солдатская проза» Л.Г. Андреева, написанная всего спустя год после его возвращения с фронта, еще в разгар войны, сохранила страшный опыт пережитого: *«Мы даже не голодны – голоден человек, осознающий ясно, что он хочет есть, в котором желание это обособлено от него, нас же голод проник всех, стал состоянием, постоянной принадлежностью мысли, чувства, ощущения, перестал ярко ощущаться, слившись целиком с нами»*⁵. Однако память о военном голоде не отпускала фронтовиков и спустя десятилетия.

Вернувшись к воспоминаниям генерал-майора П.Л. Печерицы, подкрепленным фактами из других источников личного происхождения, можем констатировать, что нередко положение с питанием военнослужащих Красной армии складывалось следующим образом: *«Войска фактически были на “подножном корму”... Из этого следовало, что никто по-серьезному не беспокоился о солдате: он обеспечивал себя сам тем, что бросалось при отступлении и попадалось под руку на новом месте»*⁶. Преимущественно в силу этих обстоятельств среди реалий фронтовой жизни закрепились разнообразные практики самоснабжения комбатантов. На завер-

¹ Лебединцев А.З., Мухин Ю.А. Указ. соч. С. 234.

² Слуцкий Б.А. Указ. соч. С. 31.

³ Лебединцев А.З., Мухин Ю.А. Указ. соч. С. 241.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 3696., Л. 40, 42об., 43.

⁵ Андреев Л.Г. Указ. соч. С. 71.

⁶ Герои терпения... С. 35.

шающем этапе войны, когда ситуация с питанием значительно улучшилась, данные практики приобрели новые формы. Согласно утверждению Б. Слущкого, в 1945 г. советскому солдату удалось в определенной мере восстановиться, «подкормиться» и «наесть мяса, которого с избытком хватило на многие месяцы восстановительного периода»¹.

3.4. Ценность вещей: измерение военного времени

Внимание к практикам повседневной жизни предполагает особый интерес к физическим вещам. Современные исследователи считают достойным удивления то, как долго, например, социологии удавалось игнорировать «вещность социальной реальности»². В настоящее время появляются работы, в которых вещам отводится другая, нежели быть «подпорками реальности», роль. Так, в работах французских социологов Л. Болтански и Л. Тевено вещи претендуют на роль «крючков, на которые навешивается интерпретация реальности». Согласно их исследованиям, повседневные личностные вещи осуществляют не только синхроническую связь (координацию между живущими в настоящее время), но и связь диахроническую (соединяют ныне живущих с предыдущими поколениями). Таким образом, опорные вещи оказываются лично и морально значимыми для преемственности поколений³.

Среди существующих подходов к изучению материально-вещной среды выделяется социально-психологический, рассматривающий взаимодействие человека с вещной средой в плане специфических черт его поведения по поводу вещей. Включенные в повседневную жизнь человека бытовые вещи (одежда, мебель, бытовая утварь и пр.) являются частью ежедневных рутинных действий, называемых практиками⁴. При этом понятие «ценность вещей» включает в себя многие аспекты «неравнодушного» отношения к ним в повседневной жизни. Такое отношение реализуется в желании хранить и накапливать вещи, бережно относиться к ним и заботиться о них, в склонности испытывать дискомфорт и сожаление при необходимости расстаться с вещами. Ценность вещи для человека определяется как особенностями самой вещи, так и социально-демографическими, социально-психологическими характеристиками индивида, находящегося во взаимодействии с данной вещью. Однако каноны потребления, определенные режимы отношения к вещам на уровне общества в целом задаются структурными условиями⁵.

Советское время предстает как период относительного стилевого однообразия и дефицита вещей. Уместно также говорить об официальной привязке набора вещей к позиции в социальном пространстве. Поскольку вещи доставались с трудом, то практиковалось бережное к ним отношение, их «непрекращающееся потребление».

¹ Слущкий Б.А. Указ. соч. С. 32.

² Хархордин О.В. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 34.

³ Там же. С. 40.

⁴ Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9.

⁵ Ечевская О. Ценность вещей в советской и постсоветской России. URL: http://www.iriss.ru/display_epublication?id.

Вещи являлись условием идентичности, фундаментом привычного поведения. Такой режим отношения к вещам характерен для традиционного и раннеиндустриального общества¹.

Развернутое представление о «мире вещей» в советской культуре содержится в работах О. Гуровой и О. Ечевской. В них подчеркивается, что толчок к существенным изменениям в сфере быта дала Октябрьская революция. С этих пор такие его составляющие, как одежда и жилье, находились под пристальным вниманием власти. В 1920-е гг. пропагандировалось «советское» отношение к вещи как свободное от фетишизма, но все-таки бережное. Чрезмерное внимание к организации быта и вещам («мещанство») подвергалось осуждению. В 1930-е гг. возобладали консервативные идеалы сталинской эпохи, в культуре начал формироваться позитивно окрашенный дискурс вещей как предметов потребления, доступных советскому человеку. Происходила реабилитация материальных объектов, «мещанских» ценностей – уюта, комфорта, красоты². В то же время следует учитывать, что массовая малообеспеченность советских людей в сочетании с дефицитом и низким качеством товаров надежно хранили большинство из них от опасности полностью «отдаться» во власть такого рода идеалов.

Исследователи подразумевают общность тенденций отношения к потреблению на протяжении всего периода с середины 1930-х до 1950-х гг., однако экстремальный опыт Великой Отечественной войны внес свои изменения в данную сферу. Долговременность и тяжесть этого опыта, огромные материальные издержки, дискомфортность и даже катастрофичность переживаний, ставшие неотъемлемой частью повседневной жизни комбатантов и страдающего от лишений войны мирного населения – все это имело определенные последствия для восприятия советскими людьми материальной составляющей жизни.

Категория «материалистичность» обычно используется для характеристики ценности вещей на уровне индивида. Своего рода проверкой на материалистичность для советского общества стал сбор теплых вещей для фронта. Начало ему положило постановление ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1941 г. «О сборе теплых вещей и белья для Красной армии среди населения», гласившее: *«Идя навстречу многочисленным предложениям трудящихся, обязать обкомы, крайкомы, ЦК компартий союзных республик начать сбор среди населения теплых вещей и белья для Красной армии: полушубков, овчин выделанных и не выделанных, валенок, фуфаяк, теплого белья, шерсти, рукавиц, шапок-ушанок, ватных брюк, курток и другого»*³. Таким образом, с самого начала сбор теплых вещей для фронта пропагандировался как инициатива «снизу». Документы свидетельствуют о реальной поддержке населением и масштабности данной акции, возобновлявшейся из года в год. Так, в информации Краснодарского крайкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) сообщалось о том, что по Краснодарскому краю на 30 сентября 1941 г. было собрано: *«полушубков 5 000, шинелей 1 788, меховых жилетов 401, курток ватных 16 012, шаровар ватных 7 306, валенок 9 384, обуви кожаной 1 300, свитеров 11 012, белья теплого 8 193, белья нательного 15 654, перчаток и рукавиц 10 581, носков 25 898, одеял 3 907, простыней 6 972 и других вещей»*⁴.

¹ Голофаст В.Б. Люди и вещи. URL: <http://www.nir.ru/sj/sj1-2-00gol.html>.

² Гурова О. Бытовые вещи в советской России, 1970-е годы. URL: http://www.iriss.ru/attach_download?objectid; Ечевская О. Ценность вещей в советской и постсоветской России URL: http://www.iriss.ru/display_epublication?id.

³ Кубань – фронту. 1941–1945: документальный альбом. Краснодар, 2008. С. 210.

⁴ Там же.

В подобных информационных и справочных материалах практически не встречается описаний случаев уклонения от сбора вещей, и это естественно, так как речь шла о добровольных пожертвованиях населения. Но поскольку впоследствии стали определяться вполне конкретные задания сбора теплых вещей, а материальные лишения, связанные с войной, нарастали, можно предположить серьезные сложности в проведении такого рода мероприятий. Например, задание для районов и городов Краснодарского края на июль-сентябрь 1943 г. состояло в сборе 24 150 варежек и 24 150 носков, не считая других теплых вещей, при этом оно было расписано по районам и городам края¹. Официальные документы «уповали» на разъяснительную работу среди населения. Однако неизвестно, насколько эффективны были такие разъяснения. Тем более что при расставании с носильными вещами, которые имели свою личную «историю» и были у советских граждан отнюдь не в изобилии, могли возникать специфические осложнения. Выявить их позволяют источники личного происхождения.

23 сентября 1941 г. в дневнике 49-летнего сочинца А.З. Дьякова, который заведовал технической библиотекой и был секретарем парторганизации узловой железнодорожной станции Сочи, впервые упомянута данная проблема: «Отправил собранные теплые вещи свыше 50 штук за 4 дня – человек 40 из 200 человек. Жена моя права, посоветовав сдать валенки – я думал, она будет возражать – молодежи. Ясно поняла важность вопроса о сборе теплых вещей, она сказала – “надо отдать валенки, если живы будем – будем одеты и обуты. Если погибнуть придется, все пропадет, а валенки сделают боеспособным одного бойца зимой против звериной нечисти. Если тебя возьмут на фронт, то также дадут из общего склада”... Что бы еще дать на фронт бойцам? Шарф теплый... Все остальное тонкое летнее, нечего предложить»².

В тот же день Дьяков на совещании секретарей отметил слабое поступление теплых вещей для фронта. Записал в дневнике: «Надо каждого коммуниста вызвать и спросить – что он внес?..». Так и поступил, о чем свидетельствует запись от 25 сентября: «Спросил несколько коммунистов – как они участвуют в сборе зимних вещей для фронта, какие сами внесли (что)? Некоторые ведут себя некоммунистически. Провел совещание (беседу) с грузчиками о сборе теплых вещей – на словах все хотели дать для фронта что найдется обязательно что-либо. К вечеру один прораб принес “барахло”». Беседы, как видим, не имели особых последствий. Подытоживая ситуацию на 26 сентября, Дьяков не удержался от моральных оценок: «День прошел в суматохе по сбору вещей для фронта – пока все туго вносят за 25/09 внесли 9 чел. – а всего 43 чел. = 25 %. Дают мелочь – до носовых платков – шкурничества еще много среди людей. Врач дал полотенце и парусиновые туфли. Начальник станции простыню односпальную и рубашку – получает зарплату 1200 р.». Следующие три дня существенных изменений не вносят: «Сводка сбора теплых вещей неутешительна. Собрано 124 вещи – 69 человек из 200»³.

Рассматривая данную ситуацию, следует иметь в виду климатические особенности Сочи и других городов Черноморского побережья, не предполагавшие наличия у населения запасов теплой одежды. В целом же, расставанию советских людей с личным имуществом мешали как скудость материальных ресурсов, так и специфика

¹ Кубань – фронту. 1941–1945: документальный альбом. С. 214.

² Герои терпения... С. 27.

³ Там же. С. 27, 28.

традиционного отношения к вещам. Тем не менее известно, что вещи для фронта изыскивались и в самых скромных жизненных обстоятельствах

Для многих, в том числе для семьи Дьяковых, дополнительным стимулом к сдаче вещей для фронта стал факт возможной эвакуации. Об этом свидетельствует дневниковая запись от 15 октября 1941 г.: «Радио сообщило – оставлен Мариуполь... Вечером с женой просмотрели все барахло и отобрали что можно взять в случае эвакуации... Жена выделила снести для фронта дополнительно: простыню, полотенце, рубашку, два платка». Впрочем, расставание с вещами постепенно становилось насущной необходимостью. Согласно дневниковой записи от 19 октября 1941 г., хворавшая жена Дьякова Паня была вынуждена отнести «на толкучку старое пальто, пинжак и др. мелочь, для того чтобы поддержать “бюджет”»¹. К продаже личных вещей подталкивало отсутствие каких-либо запасов и задержки зарплаты.

Поход Дьяковых на толкучку 1 февраля 1942 г. дает представление о предложении товаров и уровне цен. «Людей было до тысячи, но ни одной вещи, заслуживающей внимания порядочного человека: рваные парусиновые туфли – 40 руб., сапоги старые рваные – 200 руб., брюки ношенные – 150 руб., белая шаль – 300 руб., кожаная тужурка – 1500 руб.»². Впрочем, этот выход был сделан, скорее, с экскурсионными целями. Дело в том, что еще месяцем раньше, находясь под впечатлением от Указа Президиума Верховного Совета СССР «О военном налоге», Дьяков подсчитал ежемесячные доходы семьи и выяснил, что они едва позволят удовлетворять физиологический минимум, явно не предусматривая текущего пополнения гардероба и дома необходимыми вещами. Дневник сохранил эти неутешительные расчеты, из которых следовало, что после всех удержаний («почти вся зарплата уходит на удержания» – заем, потеря, военный налог, алименты и пр.) в месяц «на жизнь на двоих человек» оставалось 216 руб. Эту сумму Дьяков поделил на 30 дней и получил 7 руб. 20 коп. в день «на питание, одежду и культуру». Резюмировал: «Да, ничего не поделаешь – война! Нужны жертвы, нужна скромная жизнь. Правда, для скромной жизни в Сочи необходимо на двоих не менее 12 руб., покупая на базаре, у нас же – 7 р. 20 коп. – значит, надо туго затянуть ремень пояса»³. В других записях Дьяков подчеркивает решающий смысл пенсии и неудовлетворительность зарплаты заведующего библиотекой.

Именно на рубеже зимы/весны 1942 г. на фоне ухудшения снабжения Сочи продуктами, истощения всех ресурсов, в дневнике Дьякова, обычно доброжелательного и лояльного к товарищам по работе человека, проявляются элементы социальной зависти по отношению к «умеющему жить» руководству: «Ничуть их война не коснулась. Все для них доступно – продукты, одежда, театры... Никто не спрашивает ответственности за работу...»⁴. Вопросы неравенства возможностей еще более обостряются в свете приближающейся эвакуации.

Для сочинцев процесс сборов («связывания узелков») в эвакуацию растянулся на несколько месяцев и происходил рывками, связанными с обстоятельствами на фронте. Летом 1942 г. вопрос о том, что именно взять в эвакуацию из «домашних вещей», для многих из них стал ребром. «Жаль бросать, – писал Дьяков 6 августа 1942 г., – а барахла много, но придется бросить. Вопрос об эвакуации решен бесповоротно. Но с чем ехать. Денег всего 150 руб., а вещи не покушаешь. Путь предстоит

¹ Герои терпения... С. 29, 30.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 40, 38.

⁴ Там же. С. 42.

трудный и без денег». Тем не менее в условиях хронической нехватки денег вещи выступали хоть каким-то гарантом выживания при отъезде в полную неизвестность. Поэтому Дьяковы увязали вещи в 4 узла, которые было «под силу поднять только вдвоем». Называя все собранное «*бараклом личного пользования*», Дьяков особенно выделял книги (10 шт.) и головку швейной машины. В день отъезда «*Паня подсчитала стоимость оставленных вещей – почти на 2500 р. Вздохнув сказала – жаль все. Даже цветы...*»¹

Трудности расставания с вещами передают и воспоминания Л. Рабичева, уровень жизни семьи которого был значительно выше (глава семьи занимал ответственный пост в Наркомате нефтяной промышленности). В октябре 1941 г. Рабичевы отправлялись в эвакуацию из Москвы. Исходя из предположений о длительности войны, в Уфу собирались на полгода: «*Но Уфа? Это север? Не то Урал, не то Сибирь? Предстоит холодная зима? Значит, все шерстяное и меховое, шубы, шапки, одежда, ботинки, галоши, валенки. А на чем спать? Наполняем необходимыми вещами чемоданы, скручиваем узлы и тюки: три матраца, три одеяла ватных, три подушки, простыни, наволочки, отдельно посуда, кастрюли, сковородки, тазы. А книги? Чемодан с книгами. Думали, что живем бедно, оказывается, всего так много. А продукты? Сахар, мука, крупы, хлеб. Вещей в два раза больше, чем при переезде на дачу. Там всегда заказывали грузовик, а тут как это перенести на себе?*». Чемоданы не один раз распаковывались, разгружались, запаковывались вновь. Когда «*критическая масса имущества уменьшилась до возможной*» (т.е. реально было поднять и перетащить любой чемодан или узел метров на тридцать), двинулись по Покровскому бульвару. Уже из трамвайного окна увидели, «*как группы обезумевших москвичей разбивают витрины магазинов, и растаскивают, что попало, по своим квартирам*». На Казанском вокзале каждый метр пути брался с боем, платформы были забиты «*обезумевшими, нагруженными вещами людьми*»².

Тема «жизни в эвакуации» заслуживает особого внимания в рамках истории военной повседневности. В эвакуации формировались и реализовывались определенные адаптивные стратегии населения. Наличие вещей было важным элементом, определявшим жизненный потенциал. «*Продаю свое баракло и кое-как перебиваемся*», – писала из г. Орска Чкаловской области П.И. Колпишон, эвакуировавшаяся туда из Ленинграда после блокадной зимы 1941–1942 гг. Колпишон сообщала родственникам, что ее сын, вернувшийся инвалидом после тяжелого ранения, в октябре 1942 г. «*написал на имя т. Сталина просьбу об оказании помощи*», и у них уже даже было проведено «*обследование*». «*У нас по дороге пропало очень много вещей, главным образом теплое: мои, Ани и дяди Мирона валенки, бурки, галоши и боты. А ведь здесь валенки необходимы, а они стоят 3 тысячи рублей*»³.

Перемена места жительства заставляла расстаться с прежними привычками, в том числе и в отношении обстановки, вещей. Примечательно, что местное население нередко посмеивалось над эвакуированными, которые трудно приспособивались к новым условиям жизни. Запись в дневнике Дьякова от 15 декабря 1941 г. сообщала по этому поводу: «*Ежедневно слушаю разговоры жены и соседок, а также на работе об анекдотических рассказах об эвакуированных – многие жили в привилегированных*

¹ Герои терпения... С. 51, 53.

² Рабичев Л. Указ. соч. С. 57, 58–60.

³ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 55.

условиях, а теперь не переносят условия скученности в бараках, в квартирах с земляными полами, грязные станицы без тротуаров, питание в основном кукурузными лепешками и т.п.». Менее чем год спустя (в августе 1942 г.) сами Дьяковы оказались в непривычных во многих отношениях условиях Грузии (село Дигоми в 4 км от Тбилиси) и были вынуждены на протяжении нескольких недель стоически переносить суровые условия жизни в здании местной школы: «В нашей комнате обстановка ничего себе: бюст Шота Руставели, портреты Сталина, Кирова и Андреева, схема Сталинской Конституции, радио, много столов. Постель соорудили из столов, скамеечек и листов от учебной доски...». Позже они были устроены в неудобной, с трудом протапливаемой комнате, полной блох и клопов. Уже в первые дни пребывания в Дигоми жена Дьякова «от скуки» пересмотрела некоторые чемоданы и нашла, что «много тащили тряпки зря»¹.

Возвратившись из эвакуации в Сочи, Дьяковы столкнулись с типичной для военного времени проблемой – в их квартиру была заселена другая семья. Особое возмущение Дьяковых вызывал тот факт, что новые жильцы спали на их кровати, пользовались их мебелью и посудой. Тем не менее когда совместное проживание двух семей затянулось почти на три месяца, между ними сложились терпимые, даже дружеские отношения. Их разрушила пропажа нового («еще с пломбой») фотоаппарата, которым Дьякова когда-то премировали. Его жена мучительно переживала потерю предмета, который явно не относился к числу необходимых для жизни и до сих пор не был востребованным. Улики указывали на соседей, и она предприняла ряд шагов к возвращению фотоаппарата². Учитывая, что Прасковья Дьякова была женщиной робкой, данный эпизод, очевидно, указывает на более сильную привязанность к вещам женщин в сравнении с мужчинами, что подтверждается рядом других свидетельств.

Дневник Дьякова дает представление о материальной стороне жизни так называемых «бедных середняков», к которым причислял свою семью сам автор. Тема достойного переживания материальных трудностей, бесспорно, находится на одном из первых планов данного документа. Возможности «выживания» семьи Дьяков напрямую связывал со способностями жены, которая «умеет вести “хозяйство” на редкость...»³. Хозяйственность и бережливость женщин в условиях режима жесткой экономии приобретала особый вес.

В условиях тыла оставалась устойчивой привязанность к бытовым вещам и крайняя озабоченность материальной стороной существования. Иначе и быть не могло, так как по-прежнему требовалось заботиться о детях (кормить, одевать), сохранении имущества. Фронтальная повседневность формировала свою специфику восприятия материальной стороны жизни. Ей была свойственная своя «будничная вещественность»⁴, насильственное «погружение» человека в совершенно новую среду существования, где он ходил «под градом пуль», по несколько дней не ел и не спал. Неприемлемые в мирной жизни подобные условия несли новые ощущения. Некоторые лишения даже не воспринимались как таковые. В.В. Сырцылин писал: «Едем товарняком. Стоим по 2–3 часа чуть не на каждом разъезде. Ходим в лес, зажигаем вечером костры, греемся, печем картофель и тут же его уничтожаем. Едем

¹ Герои терпения... С. 34, 53–54, 55, 57.

² Там же. С. 66–67.

³ Там же. С. 66.

⁴ Алексиевич С. У войны не женское лицо: Повести. М., 1988. С. 101.

веселые, здоровые и полные сил и веры в лучший исход бурных дней»¹. Фронтовики привыкали довольствоваться малым и радоваться ему.

Тоска по нормальным бытовым условиям жизни прорывалась в солдатских письмах мучительным припоминанием деталей обстановки своего дома или комнаты. *«Вот я сижу и представляю себе как это дома в комнате, где стоит кровать, где стол, где сундук, шкаф и прочее. Как выглядит наша комната, когда в ней установлена “буржуйка”, тепло ли сейчас у Вас. Как бы, с каким удовольствием я сейчас посидел на сундучке рядом с тобой, милая крошка. Погладил бы тебя и деток по головкам»*, – обращался к жене А.П. Поповиченко². В.В. Сырцылин восстанавливал детали обстановки родного дома с особой тщательностью, действуя как будто бы на ощупь: *«...вот здесь ящик, потом машина (швейная. – Авт.), кровать моя, стол с суровой скатертью, твои чудесные занавесочки»*. Солдат закрывал глаза и мысленно переносился домой, но раскрывал их и вновь видел *«полумрак землянки, трещат дрова в печке, на полке стоят котелки, в голове вещевого мешок, а под тобой и на тебе все переносящая подруга – шинель»*³.

В то же время военнослужащие с большой любовью рассказывали близким о тех новых вещах, которые вошли в их обиход за время пребывания на фронте. В некоторых из них, как, к примеру, в плащ-палатке, привлекала многофункциональность. На расспросы друзей военный переводчик В. Раскин отвечал так: *«Плащ-палатку описать не берусь, это слишком сложно. Ведь это плащ, палатка, скатерть, обои, простыня, носилки, укладка. Что за светлая голова создала такое чудо?»*⁴

Относительно свободные от забот о материальной стороне жизни, красноармейцы подчеркивали в письмах домой, что ни в чем не нуждаются. Однако реальная ситуация в каждом индивидуальном случае могла быть далека от нормальной (обувь не по размеру, одежда не по сезону и т.д.), либо обнаруживала чувствительное для обыденного существования отсутствие «мелочей» (иглы, расчески, бритвы, мыла, зажигалки и пр.). К примеру, большой проблемой на фронте становилась потеря очков. Политрук роты Д.А. Абаев, оставшись без очков, просил жену не писать письма химическим карандашом: *«Своих окуляр нет, пользуюсь очками погибшего товарища, они немного помогают, но не вполне по моим глазам»*⁵. А боец освобождавшей Калугу 12-й гвардейской дивизии М.С. Степанов даже решил обратиться со своим *«большим горем»* к едва знакомому человеку (заместителю председателя Калужского горисполкома Е.К. Карнишиной): *«В бою я разбил свои очки. Очень и очень прошу, если сумеете как-нибудь найти, и послать через кого-либо или по почте. Размер, или диоптрии – -4/-3,5. Какие есть. Сейчас без них я хожу, как слепой. Ведь я с ними ходил 12 лет, и теперь, что называется, у птицы отняли крылья»*⁶.

Среди специфических нюансов отношения фронтовиков к вещам – восприятие их большого количества как лишнего груза, обузы. Такой взгляд формировался уже в процессе подготовки военнослужащих к отъезду на фронт, когда им предлагалось перебрать личные вещи, лишнее отправить на хранение, для чего существовали специальные склады (на ящиках или чемоданах обычно отмечался адрес, куда можно

¹ Герои терпения... С. 87.

² РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 90об.

³ Герои терпения... С. 91, 112.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 53.

⁵ Там же. Д. 1454. Л. 16.

⁶ Фронтовые письма из калужских архивов. С. 55.

было бы эти вещи «в случае чего» переслать)¹. Однако в суете вещи часто пропадали, на что военнослужащие научились реагировать достаточно спокойно. Именно поэтому В.В. Сырцылин не вполне понимал свою жену, которая и спустя два года его фронтовой жизни продолжала сетовать на то, что, записавшись в ополчение, он не смог передать домой свою шубу. Понимая, какое тяжелое положение у семьи в условиях севера с теплыми вещами, Сырцылин терпеливо объяснял, что получить свою гражданскую одежду в «том ералаше» не было никакой возможности и многие «теряли и более ценные вещи»². Вероятно, такие далеко не единичные эпизоды играли свою роль в трансформации отношения фронтовиков к вещам.

И все же носильные вещи имели обыкновение скапливаться даже в условиях фронтовой повседневности, точнее, эти самые условия и определяли их своего рода избыточность. Д.А. Абаев раздраженно писал о своей одежде, которой в зимний период оказалось больше обычного (полушубок, шинель, шапка, два ватника, двое ватных брюк, две гимнастерки, двое летних брюк, три пары летнего белья, пара теплого белья, две пары валенок, две пары теплых носков, две пары теплых портянок): «Этого барахла собралось столько, что становится большой обузой, особенно во время передвижений. Думал кое от чего избавиться, но практика жизни этого не допускает, т.к. промочишь одни валенки – можно одеть другие, а мокрые изыскать способ просушить, так и с остальным»³.

Преодоление привязанности к вещам, равнодушие к ним многих фронтовиков проистекало из осознания хрупкости человеческого существования, через которое неизбежно проходили участники военных действий. Получая из дома сообщения о том, что какие-то вещи пришлось продать или обменять, они обычно советовали родным без сожалений расставаться с имуществом во имя выживания. Об этом – фрагменты из писем В. Сырцылина жене: «Ты пишешь, что промотала без меня всякую мелочь... Правильно делаешь – не жалея дряни, она наживается, береги здоровье» (24 февраля 1942 г.); «Тащи из чемоданов все – это наживем, а сейчас нужно продержаться...» (1 мая 1944 г.); «Нужно всего лишиться, пусть другие за наш счет наживаются, черт с ними, мы больше наживем, если сэкономим силы» (17 ноября 1944 г.)⁴. Фронтовики особенно настаивали на продаже своих личных вещей. А.П. Поповиченко предлагал жене: «Продавай, меняй все, что есть моего, лишь бы сохранить жизнь и здоровье»⁵. Генерал П.Л. Печерица настаивал на том, чтобы жена реализовала все его имущество, «вплоть до последнего костюма»⁶. В мае 1942 г. 18-летний пехотинец Б.И. Гинзбург отговаривал мать распродавать вещи (что, само по себе, чрезвычайно редко встречается в письмах с фронта), как видно, лишь из тех соображений, что они еще «пригодятся», когда «надо будет одеться получше, чтобы отпраздновать победу над врагом»⁷. Очевидно, что таким образом он пытался ее подбодрить.

Симптоматично, что фронтовики часто высказывались о вещах с пренебрежением: «дрянь», «тряпки», «барахло». Мелочность быта произвольно отторгалась теми,

¹ Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 18, 161.

² Герои терпения... С. 102.

³ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 41–41об.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 20, 79об.; Герои терпения... С. 113.

⁵ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 82.

⁶ Герои терпения... С. 143.

⁷ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 127.

кто ежедневно переживал смертельную опасность. Такое отношение, безусловно, не касалось «памятных» вещей, символизировавших связь с домом. Сержант Е.И. Агеев имел при себе несколько таких вещей. Около года берег в вещмешке «гимнастерку суконную» («сами догадываетесь, какая стала») «как близкую память о брате Ване», а также записную книжку, подаренную тетей, служившую хранилищем для любимых фотокарточек: «Вот и вся память о доме. Больше со мной домашнего ничего нету. Семь месяцев берег ложку, сделанную отцом, которой ел и дома. Но 6 мая сего года потерял»¹. Изредка фронтовики позволяли себе беспокойство о каких-то дорогих сердцу оставленных дома вещах. Это были фотографии (семейные альбомы), музыкальные инструменты, пластинки, книги. Старший лейтенант С.Н. Полиновский, в декабре 1942 г. отославший родным свое «завещание», распорядился в нем такими вещами, как книги, фотопринадлежности и велосипед². О бережном, даже трепетном отношении к велосипеду свидетельствует письмо красноармейца А.И. Тыкина: «Маруся, напиши мне, где находится мой велоципед и ездили нет на нем в нынешний сезон хотя бы кто и в каком состоянии он находится по чистоте»³.

Желание оставить какую-либо вещественную память о себе приходило к комбатантам чаще спонтанно, в ситуации приближающейся или непосредственной опасности. М.М. Кондрахин писал жене в совхоз: «Маруся, я тебя прошу только одно: ты мои маленькие карточки подпиши и отдай от моего имени Гале и Лиде, а когда отдать – сама знаешь. Ну а себе что хочешь». В.П. Аниськин также торопился написать жене в родное село: «С часу на час ждем вступления в бой на защиту Родины, находимся на Вяземском направлении. И, может, жизни моей остались считанные минуты. Прощайте, видимо, больше не увидимся. Настенька, милая, я из Малоярославца послал перевод на 600 рублей. Получишь деньги – купи Тонюшке чего-нибудь на память, пусть она помнит своего отца. Ну, прощайте, простите меня, в чем я виноват перед вами...»⁴

А.П. Поповиченко, на редкость расторопный в операциях с куплей-продажей вещей, еще из учебного лагеря в Ивановской области выслал домой «шинель из английского сукна». «Если буду жив – буду носить, если убьют – дарю своему дорогому сыну Вадиму на память. Пусть вырастает и носит шинель с фронта Отечественной войны, это будет историческая шинель, память обо мне». Спустя месяц, будучи все также далек от фронта, он передал с оказией две книги и армейский алюминиевый котелок с крышкой, на котором была выгравирована надпись: «На память дорогой семье с фронтов отечественной войны от папы 15.07.42. Аким»⁵. Другие фронтовики обещали в письмах, что привезут с фронта особые подарки. Так, В. Раскин предвкусывал, что по окончании войны его подарком близким будут «чудесные колпачки от снарядов», из которых «делают шикарные бокалы»⁶.

В отрыве от домашнего уюта, лишённые возможности планировать ближайшее будущее, фронтовики могли уходить в мир фантазий, которые включали и представления о желаемых материальных условиях жизни. Так произошло, в частности, с В. Сырцылиным, когда в 1942 г. он провел два месяца в казанском госпитале.

¹ Солдатские письма: сб. документов. Саранск, 2005. С. 15.

² Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 171.

³ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 292. Л. 20об.

⁴ Письма из войны: сб. документов. С. 33–34, 178.

⁵ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 14, 29об.

⁶ Там же. Д. 1400. Л. 4.

Почерпнув из газет информацию о том, что *«где-то в Казахстане рабочие получают огороды, семена, ссуды под постройки домов»*, Сырцылин задумался о переезде с севера на юг, а главное – о постройке *«маленького голландского домика с крылечком и итальянским окном»*. На протяжении двух военных лет вынашивал эту идею, прорабатывал детали обстановки: *«Он в три комнаты и кухня, открытая веранда, фонарь (закрытый балкон). Я уже разместил всю мебель, развесил все занавески и картины, даже такие мелочи, как обувная щетка и графин с водой, пепельница – и те имеют свои законные места»*. Помехи проекту видел только в войне. Обещал жене: *«Обязательно выстроим и через 10 лет превратимся в Маниловых»*. При этом осознавал, что подобное желание плохо согласуется с идеалами, которыми должен жить советский человек, тем более фронтовик. Поэтому нашел себе идеологически безупречное оправдание: *«Жить зажиточно в наше время не позор, а достижение социалистической системы»*¹. Впрочем, мечты были обречены отступить под напором реальных проблем обустройства семейного быта в условиях военной и послевоенной разрухи.

В то же время по мере успехов Красной армии и ее продвижения на запад тревоги по поводу имущества одолевали уже немцев. Теперь уже они, покидая свои дома, вынуждены были расставаться с вещами: ценными, дорогими, необходимыми. В феврале 1945 г. военнотруженица М.П. Анненкова делилась с подружкой слухами: *«Рассказывают, которые уже воевали, немцы все оставляют»*². В марте 1945 г. танкист Ф. Алексанкин как реальный очевидец этих событий писал матери: *«Немцы бегут и даже население, бросая все и вся, чувствуют гады свою вину»*³. П.И. Ключников в письме другу описывал картину бегства в подробностях: *«Нахожусь я сейчас на германской территории. Что представляет из себя она? Дороги буквально засыпаны разным домашним скарбом. Здесь и перины, и кастрюли всевозможных размеров, и ручные тележки, и велосипеды поломанные и исправные – все это следы поспешного бегства помощников “завоевателей мира”»*⁴.

Можно представить, как реагировали на эту ситуацию советские солдаты, на протяжении нескольких лет получавшие информацию о материальных тяготах своих семей. Фронтовые письма свидетельствуют, что для многих из них осознание невозможности помогать своим близким становилось настоящим потрясением, психологической травмой. С продвижением за границы СССР родные места еще более отдалялись, возможности поддержки родственников и без того скудные, казались, сокращались. Летом 1944 г., уже покинув пределы Родины, В. Сырцылин в письме жене задавался риторическим вопросом: *«...что я могу сделать, так далеко забравшись на чужую землю»*⁵.

Однако атмосфера окончания войны и волна *«трофейной лихорадки»* вернули многим фронтовикам интерес к вещам, открыли до сих пор невозможные перспективы непосредственной материальной помощи своим семьям. Происходило осознание того, что возвращение домой и налаживание быта – главная проблема ближайших месяцев. Предстояло «встряхнуться» и позаботиться о «вещах насущных». Развитие такого рода процессов имело серьезные последствия для ситуации в материально-вещной сфере

¹ Герои терпения... С. 85, 109.

² Сенявская Е.С. Женские судьбы сквозь призму военной цензуры. С. 38.

³ Герои терпения... С. 160.

⁴ НА РТ. Ф. Р-2157. Оп. 8. Д. 83. Л. 1–1об.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 1774. Оп. 2. Д. 1234. Л. 88.

первых послевоенных лет. Суть перемен, которые нес финал войны, точно схвачена в стихотворных строчках поэта-фронтовика Бориса Слуцкого: «*Все принцессы спят на горошинах, / на горошинах, / без перин. / Но сдается город Берлин*»¹.

Письма и воспоминания фронтовиков предоставляют достаточно противоречивые сведения об их отношении к материальным ценностям за границами СССР, к «трофеям». Уже постфактум, в июне 1945 г. Сырцылин объяснял своей жене происхождение вещей, которые переслал ей в нескольких посылках: «*Все это приобретено совершенно честным путем и не воображай, что в Германии разбой и грабеж идет. Полный порядок. При наступлении конфисковывали брошенное “тузами” берлинскими и распределяли по-товарищески кому что нравится*». В другом письме подчеркивал: «*Мы здесь не похожи на фрицев, бывших в Краснодаре – никто не грабит и не берет ничего у населения, но это наши законные трофеи, взятые или в столичном Берлинском магазине и складе или найденные распотрошенные чемоданы тех, кто давал “стрекоча” из Берлина*»². Законность права на трофеи вытекала, таким образом, из тех бедствий, которые претерпели русские люди. «*Это бы нашим разутым и раздетым*», – писала Г.А. Ярцева о «чудесных» вещах подруге³. Есть и более откровенные высказывания: «*Решили всю Германию обезоружить и выбрать из нее все возможное. Пусть и они, проклятые, почувствуют тяжесть разоренных*»⁴.

Однако первый трофейный опыт приобретался советскими военнослужащими, как правило, не в Германии. 18-летний разведчик С. Баруздин получил его 19 января 1945 г. в имении пана Домбровского, в деревне Михайловице в 12 км от Кракова. Имение сбежавшего помещика советским военнослужащим помогали «*обработать*» местные поляки, которые как раз и сосредоточились на вещах (мебели, одежде). Военнослужащие же предпочли продукты и напитки, а вечером «*торжественно отпраздновали день первого знакомства с трофеями*». В последующие дни, въезжая в польские города, они становились свидетелями растаскивания поляками вещей и продуктов из магазинов и пустующих квартир. Свободное времяпрепровождение красноармейцев тоже все чаще сводилось к блужданию по пустым домам, что так и называлось – «*ходить по трофеям*». Разыскивались и раскапывались ямы, в которые бежавшие жители прятали домашний скарб и ценности.

Все это имело продолжение в Германии. Поскольку такие периоды, нередко сопровождавшиеся распитием спиртного, продолжали чередоваться с тяжелыми переходами, обстрелами, боевыми операциями, то дневник Баруздина, зафиксировавший эту вереницу событий, оставляет странное впечатление, в какой-то мере передающее тяжесть и болезненность психологических состояний военнослужащих на этом этапе войны. 23 апреля, в предместьях Берлина: «*Настроение чертовски хорошее. Едем в машине... Шофер пьян в дрезину и везет жутко, того гляди, вывалит в канаву. Сдали пленных и идем назад пешком... Ребята разошлись по трофеям. Мы выпиваем, чтобы еще повысить настроение, закусываем и следуем их примеру. Так до утра в хождениях по домам, в выпивке и “прочих делах” проходит время. А утром 24 апреля наши “Катюши” открывают сильный огонь по Берлину. Начинается арт-подготовка. Я опять на разведку постов, а затем тянем теодолитный ход*»⁵.

¹ Слуцкий Б. Избранное (1944–1977). М., 1980. С. 247.

² Герои терпения... С. 123, 125.

³ Сенявская Е.С. Указ. соч. С. 38.

⁴ Герои терпения... С. 118.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2855. Оп. 1. Д. 38. Л. 7, 8, 25.

Воспоминания офицера-пехотинца А.З. Лебединцева также свидетельствуют, что боевые действия сочетались с грабежами мелких вещей и ценностей. Естественно, у солдат не было возможности «*прихватить ни антикварную мебель, ни картины и ковры, ни даже кухонные печки, которые везли на машинах генералы*». В отличие от «*грузовиков с трофеями руководящих военачальников*», для рядовых военнослужащих и мелких чинов речь шла преимущественно о тех вещах, которые можно было разместить в посылках¹. Отчасти из-за этого, отчасти из-за плохо поддающейся контролю ненависти к врагу, его безбедной жизни многие вещи уничтожались или портились.

Импульсы к разрушениям проявились не только в самой Германии, что объяснимо: наступающим солдатам хотелось стереть с лица земли любые следы пребывания на ней врага, воочию увидеть доказательства, в том числе и вещественные, его беспомощности и, наконец, гибели. А поскольку территория за границами своего государства воспринималась не иначе как «чужая», то психологическая готовность к деструктивным действиям была повышенной. «*Недаром говорится: “разбиты в пух и прах”*». *Здесь на дорогах к Вене это имеет еще и вещественное подтверждение. Словно снегом покрыты дороги пухом из разорванных перин*», – писал А.П. Поповиченко². Когда А.З. Лебединцев описывает центр Вены, где «*следы произвола и грабежей были налицо в каждом магазине и киоске*», он обращает внимание на специальную порчу вещей, вплоть до изошренного минирования помещений магазинов человеческими экскрементами: «*Так мстили наши воины за все преступления оккупантов на нашей земле*»³.

Для обозначения мародерства чаще всего использовалось слово «*барахольство*». Опасность данного явления, расшатывавшего воинскую дисциплину, осознавалась командованием, о чем свидетельствуют документы, до недавнего времени закрытые для исследователей. Так, в донесении начальника политуправления 2-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта О कोरोкова на совещании работников отдела агитации и пропаганды фронта и Главпура РККА о морально-политическом состоянии советских войск на территории противника, состоявшемся 6 февраля 1945 г., приводится факт, что «*все обозы в одной части оказались забитыми шелками, скатертями и другим барахлом, а боеприпасов было только ½ боекомплекта и когда потребовалось дать огонь, то сделать этого не смогли*». Отсюда напрашивался вывод: «*Мы сможем оказаться в таких условиях, когда немец соберет кулак и нанесет сильный контрудар. И если наши обозы будут загружены барахлом, то это приведет нас к печальным последствиям: мы можем скомпрометировать то великое наступление, которое развернули*»⁴. Е.С. Сенявская отмечает, что «командование боролось с мародерством ровно настолько, насколько оно угрожало армейской дисциплине, вводя и узаконивая организованные его формы». Специальным приказом были разрешены посылки домой трофейных вещей, причем количество таких посылок строго регламентировалось в соответствии с воинским званием: офицер мог отправлять больше, чем рядовой или сержант⁵.

¹ Лебединцев А.З., Мухин Ю.А. Указ. соч. С. 231.

² РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 3696. Л. 27.

³ Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Указ. соч. С. 232.

⁴ Сенявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. С. 198–200.

⁵ Там же. С. 197–198.

Достаточно типичен «трофейный опыт» А.З. Лебединцева. В апреле 1945 г. в Вене шефство над ним взяла бойкая штабная машинистка, которая сожительствовала с одним подполковником: *«Прежде всего, она спросила меня, сколько посылок я выслал своим родным. Я ей ответил, что еще не имею ни своих рублей, ни австрийских шиллингов, ни чешских крон, ни мадьярских пенго. После обеда она принесла мне один талон на отправку посылки, причитающийся мне, и один свой, и оккупационных денег на покупку материала и его пересылку, и даже две сумки из ткани в качестве упаковочного материала. Окончив работу, мы пошли в штабной магазин “Военторга” и закупили много всяких тканей, в основном ситца и сатина. Быстро упаковали их, зашили, я надписал адреса, заполнил бланки переводов и в тот же день их отправили»*¹. Лебединцев был поражен активностью женщины, которая к тому времени уже успела выслать десяток посылок жене и детям подполковника.

Лебединцеву также довелось побывать на трофейном складе вещевого имущества летного состава, где отбирались поношенные летные унты, комбинезоны, куртки, перчатки, а также ткани, женские чулки. Если прибывший с ним капитан Блоха, давно зарекомендовавший себя добычей трофеев для начальства, не растерялся и носил вещи в машину мешками, то Лебединцев потратил время на примерку унт. В итоге наутро обнаружил, что перчатки взял из разных пар. Унты впоследствии поменял у одного капитана на *«новые мадьярские генеральские сапоги»*, которые, однако, оказались чересчур длинными и узкими в голенище. После войны переделанные сапожником сапоги носила жена Лебединцева, а затем несколько лет донашивала его сестра в деревне. Лебединцев также вспоминает пуховую перину, которая служила семье не одно десятилетие: *«Вот и все мои трофеи»*².

Показателен и опыт В. Сырцылина, который собрал первую посылку домой в феврале 1945 г. в связи с 4-летием дочери. Наполнил ее всякими мелочами (зубная щетка, зеркальце, гребешок, сахар, шоколад и др.). Сокрушался, что вошло не так уж много вещей, так как принимали всего 5 кг. С февраля по май 1945 г. Сырцылин отослал домой 5–6 посылок, причем первая из посланных достигла Краснодара лишь на исходе весны. Полный сомнений насчет сохранности вещей, он так и не решился отправлять посылками более-менее ценные вещи (к примеру, часы). Посылки состояли преимущественно из отрезков тканей, кусочков кожи, цветных ниток, одежды. Это подтверждает слова Сырцылина о том, что трофеи доставались им в магазинах или ателье.

Еще недавно совершенно равнодушный к теме вещей, Сырцылин вдохновился новыми возможностями помощи семье и обнадеживал жену: *«Высланные мною деньги – капля против того, что получишь натурой»*. Советовал, как лучше распорядиться вещами: *«Зинок, не жадничай и что будет лишнее или не особенно нужно – продай или обмени на продукты. Пиджак обязательно перешей себе на жакет, тепленькую кофточку доделай – она почти готова и ее остается только сшить... Из серого материала сошьешь полный себе костюм и костюмчик или пальтецо для дочурки... Есть еще коричневый маленький кусочек – сшей обязательно себе платье с белой отделкой – тебе идет такой цвет»*. Инструктировал, как сделать «смерку» ноги (*«Может быть, тебе сапожки сгандоблю»*). Таким образом, часть вещей направлялась для непосредственного удовлетворения нужд членов семьи, другая часть (более низкого качества, неподходящего размера) – для обмена на продукты. Сбор посылок

¹ Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Указ. соч. С. 233.

² Там же. С. 244–245.

требовал навыков традиционно женской работы, терпения. Сырцылин жаловался: «Сегодня полдня намучился с отправкой посылочки. Все пальцы исколол иглой, пока зашил, измучился, пока уложил все по порядку». Однажды ему пришлось выпороть всю вату из пиджака «для облегчения»¹. Впрочем, за период войны шитье, штопка и другие виды ремонта одежды достаточно прочно вошли в обиход бойцов.

Частная переписка фронтовиков свидетельствует, что большинство не позволяло себе «барахольства», по личным этическим соображениям или полагая это недостойным советского человека. Политрук роты Д.А. Абаев писал жене в январе 1945 г.: «Есть возможность барахолить, но с этим делом сам веду беспощадную борьбу. Ведь мы находимся на территории дружественного нам государства. От нашего поведения в значительной степени зависят симпатии Чехословацкого народа»².

Отвергавшие «барахольство» вынуждены были полагаться на Военторг, который зарекомендовал себя недостаточно надежным поставщиком товаров, либо искать контактов с местным населением. Результаты удовлетворяли далеко не всегда. Все в том же январском письме Абаев нервничал: «В феврале, наверное, пошлю чисто продовольственную [посылку], т.к. проклятый Военторг не появляется или, если придет, ни хрена не привозит. Жду случая, когда вызовут в армию, может, в ларьках чего добуду. В населенных пунктах, которые занимаем, из барахла купить ничего нельзя, т.к. боятся торговать. Других источников нет». Тем не менее в февральскую посылку попали и вещи: «Приезжал Военторг, взял на три платья паршивенького материала, носков, коврик и туалетного мыла, кроме того несколько тетрадок в качестве бумаги, около кило колбасы, сала и сахару». Качество высланного часто вызывало сомнения: «Материал не завидный, но сойдет в наше время...»; «Набрал всякой дряни и откровенно признаться не нравится самому...»; «Посылкой сам доволен. Потому что обувь не по размеру и по существу ничего существенного в посылке нет. Ничего не попишешь, раз негде купить»³.

Поскольку посылки задерживались в пути, а нередко и пропадали, то военнотружающие подозревали тыловиков в кражах. Об одной из посылок, приуроченной ко дню рождения дочери, Абаев беспокоился особенно: «Сволочи, неужели замотали? Эти мерзавцы не понимают того, что в каждую посылку мы вкладываем свою душу и чаяния о том, что она крепко поможет семье. Буду надеяться, что посылка не пропадет»⁴.

Некоторые военнотружающие ссылались в письмах на большую занятость по службе, которая мешала доставать вещи. Так они отвечали на сетования жен, недовольных составом посылок, обычно вследствие их сравнений с вещами, поступавшими в семьи друзей или родственников. В марте 1945 г. Абаев резко оборвал критику со стороны жены: «Что присылать не пиши я сам понимаю, но должен сказать, что в Бухаресте, куда летают твои летчики, мирная жизнь, а здесь фронт...»⁵ Жена Сырцылина, проявив недовольство первой из посылок мужа и проведя неприятные для него сравнения с мужем своей сестры, получила в ответ следующую отповедь: «Ты забываешь, что я не в командировке... И по первой посылке напрасно судишь о том, что я забыл, что тебе нужно... Последующие посылки, особенно вторая и четвертая, успокоят тебя, и ты увидишь, что я все же кое-что думаю о доме. Конечно, с Тамариным тан-

¹ Герои терпения... С. 118, 120, 123; ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 105об.

² РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 147.

³ Там же. Л. 124, 131об., 135, 138, 147.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 139.

⁵ Там же. Л. 133.

кистом я не могу равняться – у меня и у него разные условия для приобретения – я не умею так, не могу, потому что у меня в кармане билет партийный, и просто не имею столько времени, чтобы достать самое лучшее»¹.

Порой суета с посылками, происходившая параллельно с продолжением военных действий, гибелью боевых товарищей, морально угнетала, создавала мучительные этические дилеммы. В этом смысле заслуживает внимания письмо танкиста Ф. Александкина матери и младшему брату, в котором он с болью пишет о гибели командира в последнем бою: «Мама, и вот мы отдыхаем, но на сердце тяжело... А тут еще эта "посылочная лихорадка", конечно, я сам не прочь бы выслать Вам и готовлю ее, но как-то кажется мне нехорошо, т. е. дралась, проливали кровь, теряли своих лучших боевых товарищей и друзей и вдруг, здесь на земле врага, почти у цели, некоторые теряют от посылок головы, стараясь достать их... Неужели мы дралась за это... Нет, мне кажется, нет»².

В руки военнослужащих попадали и весьма необычные трофеи. Так, взвод связиста Л. Рабичева в фольварке Голлюбиен, в Восточной Пруссии, занял двухэтажный дом, богато украшенный коврами, гобеленами, картинами (Рабичев утверждал, что среди них были портреты кисти Рокотова и Боровиковского), а также фотографиями («мальчики с нарукавными повязками со свастиками», «молодые оберлейтенанты СС» – «последнее поколение этой традиционно-военной аристократической семьи»). Стоит ли удивляться, что пехотинцы и танкисты, побывавшие в этом музее раньше, не остались равнодушными: «Все заключенные в позолоченные рамы зеркала были ими разбиты, все перины и подушки распороты, вся мебель, все полы были покрыты слоем пуха и перьев. В коридоре висел гобелен, воспроизводящий знаменитую картину Рубенса "Рождение Афродиты из пены морской". Кто-то, осуществляя свою месть завоевателям, поперек черной масляной краской написал популярное слово из трех букв». Отдавая дань своему довоенному увлечению искусством, Рабичев скатал гобелен и положил его в трофейный немецкий чемодан, не первый месяц служивший также и подушкой³.

В майские дни 1945 г. сувенирами «на память» для некоторых комбатантов становились «обломки штукатурки, осколки камней и кирпичей», добытые у рейхстага. Как вспоминал генерал-майор А.В. Пыльцын, ими набивались карманы не только «для себя», но и «для тех, кому не довелось поехать к рейхстагу, и для потомков». Впрочем, лично он такой сувенир не сохранил, как не сохранил и ложки, изуродованной пулей. «Почему-то не было тогда особого стремления хранить эту вещественную память о войне. Помнилась она по ранам и не только телесным, но и сердечным, душевным»⁴.

Так или иначе, пребывание советских военнослужащих за границей сопровождалось «погружением» в новую, непривычную для них материально-вещную среду. Процесс ее освоения был сопряжен с противоречиями. Под влиянием идеологических или собственных психологических установок «чужое» (в том числе из сферы бытовых вещей) довольно часто маркировалось бойцами как чужеродное, невозможное для использования в своей практике. Военнослужащие, например, демонстри-

¹ Герои терпения... С. 124.

² ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 67. Л. 14.

³ Рабичев Л. Указ. соч. С. 159.

⁴ Пыльцын А.В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. СПб., 2003. С. 241.

ровали исключительно отрицательное отношение к немецким открытым туфлям на деревянной подошве¹. Даже находясь в крайне стесненных материальных условиях, советские люди зачастую отказывались от случайно обнаруженного «чужого добра»². Сержант Б. Зельбет так пыталась передать свои ощущения по этому поводу: «Почему-то неприятно подбирать эти брошенные вещи, – кажется, мы напоминаем фрицев, когда они наполняли свои вещевые мешки русскими вещами»³.

Представляет интерес, как В. Сырцылин, занимавший должность начальника секретной части в штабе полка, описывает интерьер дома в провинциальном польском городке: «Работаю за полированным письменным столом, сижу в мягком кожаном кресле, сплю на плюшевом атамане, а в резерве еще английская кровать...». Очевидно, что комфортабельность этой обстановки контрастировала не только с аскетическим фронтовым бытом, но и с привычной обстановкой, оставленной дома. Смущение от этих впечатлений отразилось в парадоксальном замечании: «...брошенная немцами в поспешном отступлении мебель не мешает мне устроиться комфортно». Кроме того, Сырцылин предполагает реакцию жены на этот сюжет и потому обрывает себя: «...не хочу раздражать твоей зависти дальнейшим описанием житейских мелочей». Однако раздражения жены избежать не удастся, и ему приходится объясниться с ней следующим образом: «Не упрекай, что живу хорошо – я это завоевал собственной кровью и здоровьем на трех фронтах и могу этим гордиться»⁴.

Приобщение к новой материально-вещной среде, даже определенное привыкание к ней, существование «на всем трофейном» не проходили бесследно. Возникали новые представления о качестве вещей и жизни в целом. В письмах из Германии не один раз встречается весьма симптоматичная формулировка «живем как бароны» (правда, с оговоркой «только каждую минуту грозит смерть»)⁵. Отсылая домой отрезки тканей, В. Сырцылин извинялся за них перед женой: «Качество не совсем высокое (так расцениваем здесь мы, ибо видим лучшее)». Его последняя, майская посылка домой оказалась разнообразнее, изысканнее предыдущих, так как в ней содержалось шелковое платье, комбинации, фетровая шляпа, даже «какая-то шкурка» («какая не знаю сам, но носить ее вполне прилично – лучшей не попалось пока»). Повышенное внимание придавалось и собственному внешнему виду. В письме, написанном за день до капитуляции Германии, Сырцылин предупреждает, что готовится «явиться домой не обормотом, а, как положено, в хорошем костюме, лакированных туфлях и шляпе, галстук подобрал себе». Более свободные представления о материальных притязаниях семьи выдает следующая шутка: «Я купил бы тебе легковую машину комфортабельную (это можно сейчас), но ведь она в посылку не влезет, да и придется жене шофера иметь, а это знаешь уже будет подозрение и ревность»⁶.

В письме, написанном жене 9 мая 1945 г. из Вены, А.П. Поповиченко пытался ободрить ее так, как это, наверное, делали тысячи советских солдат: «Ничего, милая Веруська, не горюй! Главное что все мы выжили в этой страшной войне. Теперь у нас будет все, пусть не сразу, не в один год, но верю, что будет. А главное, что мы будем вместе! Будут у тебя и платья шикарные, и шуба, и обувь. Все будет! Я тебе гаран-

¹ Герои терпения... С. 184; Слуцкий Б.А. Записки о войне. С. 37.

² Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Указ. соч. С. 200.

³ Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 211.

⁴ Герои терпения... С. 115, 116.

⁵ Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 260; Герои терпения... С. 122.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 108, 113; Герои терпения... С. 123, 125.

тирую. А пока я не приеду, ничего не жалею. Продай все мои вещи, костюм, “лейку” и хорошо питайтесь... Оденься сама, одень детей. Я хочу, чтобы я тебя застал дома не бедную, плохо одетую, и голодную, а такой, какой и положено быть жене офицера Красной армии – армии-победительницы»¹.

Но на самом деле, ситуация складывалась непросто: для тех, кто возвращался из эвакуации или с фронта переход к нормальной жизни, как правило, осложнялся имущественными потерями, произошедшими в ходе войны. Зачастую люди получали информацию о такого рода потерях еще задолго до своего возвращения, например, из писем соседей. Находясь в эвакуации в г. Дербенте, М.С. Зельбет был извещен о состоянии своей квартиры в г. Осипенко от соседки: «Дело вот как было. С приходом фашистских шакалов все квартиры эвакуирующихся и еврейские квартиры были описаны, и вся мебель и вещи были увезены властями. Так же поступили и с вашей квартирой. Спасти что-либо из мебели было невозможно, потому что был строгий приказ, за утайку вещей эвакуирующихся строго преследовали, вплоть до расстрела. Относительно тех вещей, которые остались у нас, то нас ограбили румыны; пришли в квартиру, стали шарить по шифоньерам, комодам и взяли то, что им понравилось. Есть свидетели, которые видели в руках у румын ваши вещи. Часть же ваших вещей осталась, можете приехать и убедиться в этом»².

Риск утраты вещей был связан не только с военными действиями или немецкой оккупацией. Имущественные потери происходили также вследствие военной неразберихи, грабежей, а также невнимания близких людей. Показателен случай Марии Аненко, военного фельдшера санитарного эскадрона, которая в 1944 г. обращалась к матери, проживающей в Ставропольском крае, с просьбой съездить в Краснодар и забрать ее «баракло: 9 простыней, матрас, одеяло, 4 наволочки, нательное белье летнее и зимнее, блузу, 8 брусков мыла, чемодан и много есть по мелочи». Перед уходом на фронт вещи были оставлены у подруги, но оказалось «у ней муж пьяница и начал требовать вещи дабы пропить»³.

В условиях Великой Отечественной войны, при общем оскудении материальных ресурсов, ценность вещей многократно возросла. Вещи, как и прежде, несли эмоциональную нагрузку, выступали индикатором отношений между людьми, создавали уют. Сохранялось экономное и бережливое отношение к ним. В то же время наблюдались явления, которые выходили за рамки данной модели. Для тех советских граждан, которые ежедневно переживали смертельную опасность, значимость вещей отступала далеко на второй план. Фронтальная среда способствовала аскетизму, преодолению привязанности к вещам. Письменное общение фронтовиков с родственниками свидетельствует, что в отдельных случаях им с большим усилием удавалось поддерживать бытовые темы, проявлять интерес к материальным аспектам жизни семьи. С окончанием войны закономерно происходили процессы «возвращения» заинтересованности в вещах, которые в немалой степени стимулировались приобретением трофеев, знакомством с особенностями быта в зарубежных странах.

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 3696. Л. 47об.

² Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 208–209.

³ Герои терпения... С. 172.

ГЛАВА 4

ДУХОВНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА И ПРАКТИКИ ИХ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ

4.1. Советская праздничная культура, досуг и отдых новых трудящихся

Формирование постреволюционной праздничной традиции и культурного досуга, призванных продемонстрировать идейное единство советского общества и становление нового человека, вбирало в себя не только революционный пафос строительства социализма, но и явные «пережитки» старого строя. Столкнувшись на практике с их живучестью, большевистское руководство в течение длительного времени вынуждено было мириться с существованием ряда из них. Это относительно мирное сосуществование выражалось как в видоизмененном использовании народных традиций праздничного времяпрепровождения, так и с их стихийным возрождением. Количество праздничных дней, их содержание и формы досуга определялись как общими идейными представлениями новой власти о сущности и функциональном предназначении отдыха, так и местной спецификой. Их взаимодействие приводило к весьма причудливому переплетению старого и нового, нередко перераставшего в открытые столкновения и затяжные конфликты.

* * *

Общее годовое количество нерабочих дней определялось как трудовым законодательством, так и местной спецификой. Например, в 1929 г. дополнительными днями отдыха в Адыгейской автономной области провозглашались 21 января, 13 марта, 6 мая, 21 мая, 27 июля и 25 декабря¹. Они приурочивались к различным памятным событиям недавнего революционного прошлого и сопровождались тщательно продуманным распорядком проведения. Среди них – празднование годовщины революции 1905 года, международного дня солидарности трудящихся, образования автономной области, создание частей особого назначения, 8 марта.

Любопытно, что каждый из них занимал свое четко обозначенное место в начинавшей закладываться в 1920-е гг. номенклатуре праздничной революционной традиции. Так, день революции 1905–1907 гг., хотя и был отнесен к праздничным нерабочим дням, особыми мероприятиями не сопровождался. В этом отношении он значительно уступал празднованию очередных годовщин образования области, а также Октябрьской революции, 1 мая и 8 марта, организация которых являла собою детально разработанный сценарий, требовавший непосредственного участия не только партийного и советского актива, но и *«живого отклика самих трудящихся»*.

¹ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 238. Л. 17.

ся». День первой русской революции отмечался нерегулярно и более напоминал собою проведение не всегда торжественного памятного мероприятия. Проведение 20-летнего юбилея на территории Адыгейской автономной области сопровождалось «изготовлением плакатов, диаграмм, схем с целью выявления наглядно происшедших событий в 1905 г.; организацией вечеров воспоминаний, кинопередвижек, световых газет; изданием журналов, посвященных революции на русском и черкесском языках»¹. В последующие десятилетия праздник был отнесен к памятным, но рабочим дням, и ограничился проведением торжественных заседаний «в партийных, советских и общественных организациях».

В свою очередь, празднование образования области сопровождалось обязательным принятием официально одобренного плана и созданием комиссии ответственных работников по его проведению. Например, к 3-й годовщине существования автономии облисполкомом и оргбюро выпускался юбилейный журнал «Советская Адыгея». Само праздничное действие начиналось не 27 июля, как это было принято в соответствии с постановлением ВЦИК, а 31 июля, «принимая во внимание полевые работы хлеборобов». Накануне, 30 июля, «все общественные учреждения, а также хлеборобские хозяйства (исключительно по добровольной инициативе) украшаются красными знаменами. В 12 часов проводятся пленарное заседание райисполкома и сельсоветов “Три года работы”... Вечером в избе-читальне поводится собрание женщин-черкешенок на тему “Советская власть и положение женщины-крестьянки”. Те же самые мероприятия проводятся в школе с пионерами и их сверстниками»².

Следующий, непосредственно праздничный день отводился под митинг. Шествие колонн трудящихся должно было украшаться «знаменами и плакатами, надписи на которых выполнены исключительно на черкесском языке». По его окончании «вся масса организованной колонной направлялась с пением революционных песен вдоль главных улиц аулов или сел». Манифестация заканчивалась «на воздухе среди природы, за аулом или селом устраивались национальные игры, танцы, скачки, спортивные выступления. Вечером ставился спектакль, по возможности приглашались казаки-хлеборобы других смежных с нашей областью округов»³.

Как правило, празднование годовщины образования области носило строго выдержанный деловой характер, а его наполнение менялось в зависимости от очередных задач советской власти. Наряду с идеологическим «креплением» рядов трудящихся ими нередко ставились «вопросы бытового устройства и жизни хлеборобов, их досуга и культурного роста». «Пролетарский» досуг действительно требовал не только «политически осмысленного времяпровождения, но и примера, достойного для подражания»⁴. Несколько иную тональность имело празднование «международной солидарности женского пролетариата» – дня 8 марта. В отличие от других праздничных дней, его проведение охватывало собою целую неделю. В 1925 г. он проводился под лозунгами «Смычки города с деревней», «Вовлечения работниц в партию и комсомол», «Втягивания женщин в общественную жизнь» и «Улучшения быта и борьбы с бытовыми преступлениями»⁵. Для проведения праздника создавались специальные сельские комиссии. Помимо традиционной части в виде обязательных собраний

¹ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 130. Л. 180.

² Там же. Д. 130. Л. 173.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 181. Л. 201, 203.

⁵ Там же. Д. 130. Л. 24.

и заседаний, им вменялась в обязанность разработка «реальных возможностей закрепления праздника». В тот год они предусматривали «открытие участков черкешенок, крестьянок при избах-читальнях и в отдельных домах; выделение в избах-читальнях одного дня для крестьянок, где устраивали читки вслух; открытие ликпунктов для черкешенок и выпуск ликвидировавших свою неграмотность крестьянок; совместное проведение праздника сел с близ расположенными аулами»¹.

Непосредственно 8 марта планировалось «улучшение питания в детских домах, беседы делегатов с детьми, помощь им в уборке помещений, починке и штопке одежды, питание детей бедняков (где возможно), проведение октябрин и льготное вступление беднейших крестьянок в кооперативы»². Утром все собирались «у зданий исполкомов или школ, выслушивали приветствия от партийных и комсомольских ячеек, при этом сами чествуемые принимали активное участие в выступлениях и приветствиях, которые заранее следовало подготовить... Вечером – спектакли с пьесами из жизни и быта женщин, декламации»³.

Тремя годами позже план проведения «праздничного дня 8 марта» был полностью посвящен «широкому разъяснению женским массам задач, выдвинутых партийным съездом и областной партийной конференцией в деле рационализации производства, снижения себестоимости продукции, укрепления крестьянского хозяйства»⁴. В качестве практических мероприятий по улучшению труда и быта работниц и крестьянок выдвигалась задача строительства и «совершенствования сущности ясель, площадок, консультаций». Как свидетельствуют документы официальных органов власти, именно на вторую половину 1920-х гг. пришелся пик активного производственного раскрепощения советской женщины.

Происходящее увеличение темпов строительства дошкольных и школьных учреждений в городах, создание «детских садов для селянок» в деревнях и аулов, внедрение практики «сбора детей работниц у пожилых соседок» становятся прямым следствием «массового прихода» женщин в колхозы и учреждения. Вместе с тем рост их «общественно полезной занятости» никак не сказывался на сокращении домашних обязанностей, что нередко влекло за собою «нервное истощение нашей работницы и учащение семейных ссор и конфликтов»⁵.

В поселке Троицком Больше-Реченского района Бийского уезда Алтайской губернии в 1925 г. 8 марта женская организация праздновала с отрядом юных пионеров. Днем был поставлен детский спектакль, демонстрировалась пластическая гимнастика и дивертисмент, где участвовали не только пионеры, но и дети 5–7 лет. Вечером открылось торжественное заседание, в котором приняли участие представители местных организаций и учреждений. Говорили о закреплении женщин капиталистических стран и о свободной женщине России. Большое впечатление на собравшихся произвело приветствие, с которым выступила 6-летняя ученица 3-й группы Троицкой опорной школы: «Она говорила минут 15, говорила она очень хорошо. САВЕЛЬЕВА обрисовала положение женщин-работниц и крестьянок в буржуазных странах, говорила, как была закреплена и наша Русская женщина во время господствующих варваров – Царизма. Но благодаря Великого Октября (так в тексте документа. – Авт.),

¹ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1.Д. 130. Л. 24.

² Там же. Л. 24а.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 234. Л. 37.

⁵ Там же. Д. 202. Л. 27.

который раскрепостил женщину, дал ей свободу, сделал ее равноправной, дал ей те же права, какими и пользуется и должен пользоваться мужчина»¹.

Во время небольшого перерыва была заслушана «Живая газета», сюжетами которой стали: передовая статья о 8 марта; выездная сессия ВЦИК; практическое участие женщин в советских организациях; статья о Красной армии; пионерское движение и практические задачи с характерным названием «кому, что сделать нужно». По заключению очевидца, газета прошла с «большим оживлением». Затем был поставлен спектакль с двумя пьесами «Бабыя деревня» и «Как скверно быть неграмотным». «В заключении был дивертисмент, где декларировали делегатки много стихотворений, пение частушек под балалайку, и все было посвящено 8 марта».

9 марта состоялась политическая часть праздника – конференция, на которой были заслушаны доклады о международной и внутреннем положении страны; практическом участии женщин в сельсоветах; охране матери и ребенка. Автор заметки с удовлетворением отметил, что женщины принимали активное участие в конференции, задавали вопросы и даже пообещали, что «теперь не будут спать, а будут работать и станут активными работницами»².

Проведение первомайских демонстраций планировалось менее тщательно, «исходя из наличия сформировавшихся традиций – дореволюционных маевок и понимания трудящимися сути этого дня». Тем не менее создавалась комиссия из заведующего агитпропом и секретаря оргбюро ВЛКСМ, под руководством которых «издавался праздничный номер областной газеты в увеличенном тираже; накануне самого праздника по населенным пунктам проводились митинги, разъясняющие условия и значение 1 мая»³.

Содержание самого «светлого рабочего праздника» во многом определялось как местом его проведения, так и фантазией властей. В Ленинграде, например, порядок празднования дней отдыха в 1929 г. выглядел следующим образом: «1 мая – демонстрация. Вечером на площадях – кино, живые газеты, танцы, затейники, фейерверк; 2 мая – посещение красной казармы, экскурсии в музеи; 3 мая – утро – вылазка детей на улицу под знаком борьбы за здоровый быт родителей, против водки, за сбережения, за социалистическое воспитание; 4 мая – культпоход в жакты и общежития. С 10 часов до 3 часов ночи – культпоход клуба против религии. Отряды клуба, физкультура, оркестр, кино, фейерверк, шествие с факелами; 5 мая – организованное посещение книжного базара, закупка книг; вызовы на приобретение литературы, книжные лотереи»⁴. Нередко, особенно в сельской местности, он сопровождался велопробегами⁵.

Посещение такого рода мероприятий было, по всей вероятности, обязательным. При этом следует учитывать, что желания властей зачастую совпадали с внутренними потребностями самих трудящихся «к организованному выражению своей

¹ Письмо машинистки П. Весовой в редакцию «Крестьянской газеты» «Как у нас прошел праздник 8 марта» // Письма во власть. 1917–1927... С. 409.

² Там же. С. 410.

³ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 72.

⁴ Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Указ. соч. С. 137–138.

⁵ Информация заместителя председателя крайкома профсоюза рабочих зерновых совхозов Прокудина рабочим комитетам зерносовхозов об организации велопробега // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1930–1940 годах: сб. документов. Ставрополь, 2010. С. 144.

внутренней радости». Так, в своем письме от 9 ноября 1930 г. на имя И.В. Сталина и М.И. Калинина А.Е. Пудовкин с удовлетворением отмечал, что провел праздник «очень великолепно и благодарствует вождям за их старание вести нас к новой жизни. Теперь я стоял в Народном доме, и пели всякие великолепные песни, и я, Пудовкин, проживший 59 лет от роду, и ни слышал таких приветствий для нашего брата, а только знали нас с палки на работу, и что-то вышло из нас»¹.

Для той же категории граждан, для которой «потребность коллективного веселья» была не совсем очевидной, применялись меры принудительного характера: «Все служащие и рабочие были принуждены участвовать под страхом увольнения со службы. Причем на службе были заведены листки, в которых все должны были расписаться лично. Чьей подписи не окажется, тот заранее был объявлен контрреволюционером. Во время шествия все разделились на десятки и начальнику каждого десятка заранее объявлено, что он отвечает, если кто скроется раньше конца церемонии»².

Тем не менее находились люди, не желавшие разделять общего нерабочего настроения новых праздников и продолжавшие заниматься своими будничными делами. На этой почве нередко разыгрывались целые бытовые драмы. 1 мая 1924 г. в селе Сороковка Харьковской губернии был избит председатель Комитета незаметных (бедных) крестьян (КНС): «Дело обстояло так: кулак Самофалов несмотря на то, что было объявлено, чтобы никто не выезжал в поле на работу на 1 мая, все-таки выехал. Председатель КНС, видя его бессовестную натуру, поехал к нему на поле как мирному жителю. Председатель еще раз подъезжает к нему и говорит: «Товарищ, сегодня наш пролетарский праздник, а потому прошу не выезжать на работу, не давать повода другим». Не тут-то было. Кулак забыл, что он находится в пролетарской республике, сразу вскакивает с возу с криком: «Я ваших праздников не признаю, а потому – вон от меня, незаметная сволочь». Посылает по адресу комнезаму, берет с возу люшню и ее наворачивает по председателю КНС, сколько сил хватает. Председатель КНС, видя беду, начал удирать, кулак за ним в погоню, но председатель КНС оказался быстрее на ходу и этим спасся только»³.

Помимо идейных разногласий праздники вызывали раздражение у населения и по соображениям «элементарного отсутствия продуктов первоочередного питания». Во многих письмах с горечью отмечалась «беспросветная жизнь, устроенная нам большевиками-коммунистами». В одном из них, датированных 1920-м годом с характерным названием «Красный Новый год», повествовалось об огромных очередах в засиженных мухами столовых, отсутствии хлеба и сплошной демагогии на «продовольственной почве»⁴.

17 лет спустя ситуация не изменилась, и праздники стали переноситься еще тяжелее. Один из очевидцев того времени писал М.И. Калинину: «Если в месяце раз прибудет вагон с овсом и ячменем, то до того получается давка, что наряд милиции ничего не сможет сделать, чтобы было место в марте месяце. Ну в отношении мануфактуры и говорить не приходится, если рабочему удастся раз в год получить, то и хорошо. И вот идет пролетарский праздник 1-го Мая, обойдите все магазины и не найдете ни одного килограмма пшеничной муки. Ну чем же встретить праздник,

¹ Письмо А.Е. Пудовкина И.В. Сталину и М.И. Калинину // *Голос народа...* С. 139–140.

² Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Указ. соч. С. 137.

³ Кулаки-разбойники // *Голос народа...* С. 176.

⁴ Письмо К. Антонова в Сорварком // *Письма во власть. 1917–1927...* С. 147–148.

а, Михаил Иванович?»¹ Власти также понимали, что праздник нуждался не только в демонстрации идейного единства советского общества, но и его материальной поддержки. В данной связи нередкой оказывалась выдача специальных праздничных пайков, включавших муку, сахар, голландский сыр, копченую рыбу, овощные консервы, колбасу, конфеты и печенье².

Вместе с праздничными днями отдыха проводились и разнообразные рабочие праздники, не предусматривавшие непосредственного отрыва от производства. Наиболее распространенными среди них были праздники урожая, годовщины частей особого назначения (ЧОН), советского быта и чистоты рабочего места. Празднование очередных годовщин ЧОНа в Адыгейской автономной области особыми зрелищными мероприятиями не сопровождалось и, как правило, сводилось к *«регулярному посещению командиров строевых занятий ЧОНа и проведению торжественных заседаний в их честь»*³.

Менее формализованными, но от этого к празднику не становившимися ближе, выглядели чествования урожая и чистоты рабочего места. Первая разновидность праздника представляла собою соревнование отдельных сельскохозяйственных бригад по скорости сбора и обмолота зерна, вторая сводилась к *«гигиеническому обустройству рабочего уголка»*. Не имевшие никакого отношения к досуговой форме времяпрепровождения, они тем не менее воспринимались властью как *«неотъемлемая часть отдыха»*⁴.

Наряду с официально регламентированными практиками отмечаемых праздников широкое хождение получил и традиционный опыт чествования значимых дат в жизни страны. Десятилетний юбилей Октябрьской революции в деревне Рудня-Бартоломеевская Чечерского района Гомельской губернии был отмечен с *«разгульной удалью и побоищами»*: *«Вот как в нашей деревни встретила молодежь праздник Октябрьской революции: организовали свой разбой на два лагеря, или сказать, на две шайки разбойников. Шайки велики, здесь и простая молодежь, и демобилизованные красноармейцы, и разоряются деревни... [слово неясно], потому, что из этих шаяк есть воры, которые на все способны: нужно старику дать по шее – даст, что и с ног свалится, разоряют ночью крыши сараев, воруют, грабят и за это пьют русскую... 30 октября собрались к одному бедняку, побили его чугуны, ведра на головах друг друга, теперь каждый ходит с наградой синяков, которые носят на физиономиях, ростом по тыквине и ранение рук от ножей, были и гири в деле на резинах, которые тоже были в ходу»*⁵.

Со временем началось возрождение и некогда заклеянных в качестве *«буржуазных предрассудков»* традиций отмечаемых праздников. На середину 1930-х гг. пришла реабилитация елки, ставшей главным символом Нового года и объявленной в предшествовавшем десятилетии атрибутом *«поповского мракобесия»*. В рассматриваемый период времени после периода бурного *«штурма и натиска»* первых пятилеток страна возвращалась к *«относительно стабильной жизни. 1935 год начался с отмены*

¹ Письмо рабочего В. Третьякова М.И. Калинин // Письма во власть. 1928–1939... С. 343.

² Письмо заместителя начальника политсектора МТС Северо-Кавказского края И. Мамичева начальникам политотдела МТС о предоставлении списков на получение праздничного пайка // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1930–1940 годах. С. 115.

³ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 15, 17.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Голос народа... С. 175–176.

карточек и свободной продажи хлеба. Снова, как во времена нэпа, заговорили о том, что человек должен сытно есть, хорошо одеваться, что у него должны быть не только работа, но и досуг, и развлечения»¹.

28 декабря 1935 г. в газете «Правда» было опубликовано письмо-обращение П.П. Постышева с призывом организовать детям новогоднюю елку: «В дореволюционное время буржуазия и чиновники всегда устраивали на Новый год своим детям елку. Дети рабочих с завистью через окно поглядывали на сверкающую разноцветными огнями елку и веселящихся вокруг нее детей богачей. Почему у нас школы, детские дома, ясли, детские клубы, дворцы пионеров лишают этого прекрасного удовольствия ребятишек трудящихся Советской страны? Какие-то, не иначе как “левые” загибичики ославили это детское развлечение как буржуазную затею. Следует этому неправильному осуждению елки, которая является прекрасным развлечением для детей, положить конец».

Вместе с елкой возрождалась традиция отмечать Новый год с шампанским. В июле 1936 г. по этому вопросу было принято специальное постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О производстве советского шампанского, десертных и столовых вин “Массандра”». Предполагалось в 1936 г. произвести 300 тыс. бутылок шампанского, а к 1942 г. довести его производство до 12 млн бутылок².

Однако не у всего населения новая традиция вызывала понимание. Буквально по горячим следам постышевской инициативы в органы государственной власти стали направляться осуждающие ее письма. Так, рабкор Иванов сообщал В.М. Молотову: «Постышевской затее восстановить елку нужно раз навсегда положить конец. Миллионы молодых жизней елок, обгорелые трупы школьников, пожары и т.п. не должны приноситься в жертву буржуазной затее. Елка может быть заменена новогодними подарками, утренниками, вечерами с коллективным пением и танцами. Миллионы сохранившихся деревьев имеют огромное значение в климате страны, в урожае, в режиме рек. Мы, социалисты, сделали одно хорошее дело, изжив праздник Троицы, где истреблялись миллионы березок. Изживем и рождественские предрассудки. Ждем Вашего авторитетного распоряжения и разъяснения»³.

Первое пореволюционное поколение советских людей, сформировавшееся в условиях классовой ненависти и бытового аскетизма тем не менее, по словам Л.Я. Гинзбург, «гигантски верило в жизнь, распахнутую революцией», и в этой своей вере как раз и выстрадало «историческое право называться людьми 20-х годов»⁴. Пытаясь передать атмосферу и «нерв жизни» того времени, она во многих своих воспоминаниях отмечала: «В двадцатых годах есть ясность отношений. С одной стороны – оппозиция, в своих умеренных формах даже довольно откровенная, даже проникавшая в печать. С другой стороны – искренняя вера в совершившееся пришествие наилучшего мира, в то, что зло второстепенно, скоропреходяще. Зло – это остатки»⁵.

Однако строительство новой жизни новым человеком требовало от него не только «ясности отношений», но и прозрачности быта. Борьба с буржуазными предрассудками в быту в виде «кисейных занавесок, украшенных подушек и мещанских открыток с барышнями и котятками» перемежалась с формированием советской

¹ Тольц В., Зубкова Е., Эдельман О. Елка, фокстрот и шампанское. URL: www.svoboda.org.

² Там же.

³ Письмо рабкора Иванова В.М. Молотову // Голос народа... С. 286.

⁴ Гинзбург Л.Я. Указ. соч. С. 188.

⁵ Там же. С. 305.

повседневной культуры, в пространстве которой досуг и отдых занимали весьма важное место. Значимость и той и другой формы жизнедеятельности, свободной от работы, определялась необходимостью «привития навыков полезной для человека деятельности – чтения газет, посещения культурных мест, участия в праздничных мероприятиях». Тем более что прививались они не в годы «вынужденного аскетизма гражданской войны», а в атмосфере «пышности и разноцветья зэна»¹.

На разнообразии отдыха горожан «разного достатка и разного культурного уровня» указывали многие современные исследователи того времени, связывая его, помимо всего прочего, и с принятым в 1922 г. Кодексом законов о труде. Сокращение продолжительности рабочего времени влекло за собою и расширение возможностей более свободного времяпрепровождения. В традиционный набор развлечений входило посещение гостей, кино, театра, танцы². Вместе с тем не следует забывать и о том, что, по крайней мере, в первой половине 1920-х гг. наиболее продолжительным досуговым занятием населения оставался домашний труд.

«Обследования некоторых бытовых затрат времени рабочих больших городов европейской части СССР» в 1923–1924 гг. выявили следующее недельное распределение свободного времени: «домашний труд или труд в личном подсобном хозяйстве занимал 35 часов; повседневная культурная жизнь – 5.6 часов, из которых на чтение газет приходилось 2.9 часа, книг и журналов – 2.1 часа, посещение кино и театра – 0.6 часа; самодеятельность – 1.1 часа; физическая культура, спорт, рыболовство, поездки за город – 0.2 часа; встречи с друзьями, развлечения – 6.2 часа; занятия с детьми – 5.6 часа; уход за детьми – 5.0 часа, воспитание детей – 0.6 часа»³. И хотя уже к концу 1920-х гг. отмечалось «расширение и усложнение разнообразных форм повседневной культурной жизни», чтение и посещение театра так и не получили всеобщего характера⁴.

Второй по величине расходуемого времени формой повседневного времяпровождения оказывалось «хождение по гостям». В данной связи современные исследователи со ссылкой на очевидцев пишут: «К общению стремились и рабочие, и молодежь, и служащие, и интеллигенция. Посещение родственников перемежалось приемами сослуживцев или братьев “по перу”. Различались и частотность посещений и приемов. Одни забегали вечером на “огонек”, попутно, на минутку, другие готовились к этому событию весьма тщательно, придавая ему характер значительного мероприятия»⁵. При этом сами очевидцы не столь единодушны в оценках значимости такого рода отдыха: «Отдыхают люди бесформенно, не уважая свой отдых (особенно стыдятся ходить в гости). Я, например, умею отдыхать только летом, а зимой, в нормальных условиях своей комнаты никогда не знаю, что нужно делать для того, чтобы отдыхать»⁶. Тем более что «ухудшение продовольственной ситуации, введение карточной системы не способствовали частным встречам за столом»⁷.

Уплотнению и расширению возможностей общения способствовала и начавшаяся телефонизация страны. В январе 1923 г. соответствующее решение было

¹ Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Указ. соч. С. 123.

² Там же.

³ Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Общий характер перемен в содержании бытовых занятий и функций быта. С. 159.

⁴ Там же. С. 138.

⁵ Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Указ. соч. С. 123.

⁶ Гинзбург Л.Я. Указ. соч. С. 99.

⁷ Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Указ. соч. С. 123.

принято и в Адыгейской автономной области, что значительно сокращало временные затраты населения на «бесцельные хождения по учреждениям и организациям»¹. Непосредственным эффектом от появления телефонов стало, однако, не облегчение «канцелярских нужд» населения области, а «поголовные разговоры со служебных аппаратов».

Настоящим досуговым бедствием являлись и такие «традиционные» формы времяпрепровождения, как пьянство и самогонование. За их искоренение органы власти Адыгеи взялись сразу же с момента образования области. В декабре 1922 г. организационным бюро принимается постановление «О мерах борьбы с самогонованием», в котором «милиции предлагается беспрекословно проводить в жизнь изданный приказ», а также «принимать надлежащие меры к изъятию имеющего места народного зла»². На почве увлеченности «народным злом» процветали дебоширство, пьянство, «учинение побоев» и «другие неблагоприятные поступки»³.

Следует отметить, что борьба с пьянством, причиной порождения которого являлась не только пагубная российская традиция, но и официальная политика поощрения продажи водки, занимала и сознательную часть советского общества. Свидетельством чему оказались многочисленные письма по этому поводу в «Крестьянскую газету». Свои соображения относительно неэффективности мер по борьбе с хонжеварением (самогонованием) высказал крестьянин села Дмитровское Щученской волости Кокчетавского уезда Акмолинской губернии Ф.И. Привалов: «За последнее время, в особенности в 1925 г. среди крестьянства развелось усиленное хонжеварение. По этой отрасли волисполкомы, милиция, сельсоветы, тройки принимали горячее участие. Пойманные граждане облагались штрафом и предавались суду. Состоявшие под судом граждане наказывались принудительными работами, а также и облагались штрафом. Теперь, если мы посмотрим с высшей точки зрения, так ли мы боремся? Можно ли таким путем уничтожить это зло? Конечно, нет»⁴.

Автор письма призывал советскую власть последовать завещанию «великого т. Ленина: учиться, учиться и учиться». Начать изучение вреда алкоголизма для «наших умов», грамотно посчитать, сколько «мы получаем от производства русско-горькой и сколько теряем человеческих жизней, способных принести пользу». В заключении крестьянин выражал уверенность в том, что «если в нас все будут образованные, то наше государство ни перед чем не остановиться, будет развиваться промышленность, транспорт, техника, сельское хозяйство и т.д. Тогда мы будем получать не эти несчастные тысячи, которые мы получаем от русско-горькой, которая стоит поперек теории человечества, а целые миллиарды от свободного и здорового труда»⁵.

Осознание пагубности алкоголя для «нашей новой жизни» побудило обратиться в редакцию газеты и рабкоровца П. Кандакова, поделившегося своими впечатлениями от пребывания на летних каникулах в одной из деревень Вятской губернии: «Неладно вот что-то дело с самогоном. “В этом для нас единственное развлечение и удовольствие – говорят пьяные мужики. – Все ломай да ломай, а надо же когда-нибудь отдохнуть и поразвлечься. Выьем в праздник, и устаток забыл и на душе веселее. А горькая у государства не в силу, ну вот самогон и выгоднее”. Аппаратов самогонных

¹ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 39.

² Там же. Л. 31а.

³ Там же. Л. 41, 41а.

⁴ Борьба с хонжеварением // Голос народа... С. 145.

⁵ Там же. С. 146.

до десятков на деревню... В праздники самогон льется рекой. А в результате – ни одного гулянья, сборища молодежи не обходится без скандалов и драки»¹.

Изживанию этих пороков должны были способствовать многочисленные курсы «красных» библиотекарей, клубных работников и «организаторов самодеятельности в городе и на селе». В их горниле выковывались не только «крайне необходимые культурные» профессии, но и «перекраивался человеческий материал». В фондах Национального архива Республики Адыгея сохранился личный дневник одной из участниц курсов красных клубных работников – Галины Чуприной, записи в котором приходится на 1921–1922 гг. Выполненный на манер «салонного альбома XIX века» и насчитывающий 29 пронумерованных листов, он представляет собою записи впечатлений сокурсников Г. Чуприной о том времени, его героях, смысле жизни и светлых идеалах «коммунистического честного общества»².

Несмотря на сугубо личный характер подавляющего большинства записей, адресованных молодой девушке, «воспитанной в буржуазной семье», он весьма рельефно отражает духовную атмосферу первого послеоктябрьского десятилетия. В нем еще отсутствует та оголтелая классовая ненависть, в которой страна захлебнется в конце 1920-х гг., и выходцы из, казалось бы, чуждых друг другу социальных слоев уютно сосуществуют друг с другом: «Вспоминайте наше простое сотрудничество по пилке дров, наши обеды, то суп с картошкой, то картошка с супом, наши шутки и труды. Вы доказали, что женщина может быть строителем страны и дорогим сотрудником в трудные минуты. При всякой пропаганде среди женщин Вы будете примером моих слов»³. Однако при всей значимости указанных форм времяпровождения наиболее массовым и распространенным среди населения области видом досуга являлось участие в праздничных мероприятиях.

Вместе с тем новые формы времяпрепровождения вызывали неоднозначную реакцию населения. С одной стороны, их работе препятствовали «кулаки и с заплевываемым умом старики», которые действовали на родителей, полагая, что «распустим детей в коммунисты: добрые-то люди пойдут в Храм Божий, а ваши сукины дети антихристу служат, на Христов день спектакли устраивают»⁴, а с другой – плохо налаженная работа и недостаток финансирования. Так, пионеры г. Львова в своей жалобе на имя М.И. Калинина писали в 1935 г., что «с 1 января месяца по 15 мая [эго] г[ода] РК ВЛКСМ переменял пять заведующих клубом, и ни один ничего хорошего для нас не сделал. Сейчас работает Степаченко Игнат заведующим клубом, и он ничего не хочет делать для нас. Скучно проводим свой досуг. В клуб не хочется ходить. В нем сильно бузят ребята. А старшие девочки с мальчиками уходят в неосвещенные комнаты и сидят там... Наш клуб в плохом состоянии. Крыша течет, штукатурка валится. В полах прогнили доски, получились в полу дырки, окна не застеклены, печи лет десять – двадцать не ремонтировались, дымят, а не греют. На стенах – голо, нет картинок, портретов и лозунгов. А все знают о таком состоянии нашего клуба, но никто не хочет принять меры к его восстановлению»⁵.

Нередко рабочие сетовали на «незаинтересованность работников клуба увлечь их, взрослых людей, чем-нибудь серьезным». Описывая состояние клуба кожевников на

¹ О самогоне и хулиганстве // Голос народа... С. 149–150.

² ГУ НАРА. Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.

³ Там же. Л. 1.

⁴ О культурной работе // Голос народа... С. 150.

⁵ Письмо пионера Ю. Алфимова М.И. Калинину // Письма во власть. 1928–1939... С. 283.

Курунэвкн в Кнэе, одын нз нх отмечал, что «семейных вечеров проводят очень мало, а если и проводят, то получаются не семейные вечера, а какая-то баня... Рабочий, придя раз на такой вечер, больше не появляется – это первое. Второе: если зайдете вечером в клуб, хотите поиграть в шашки, шахматы и другие игры, то или на полу играйте или на столе, потому что стулья в нашем клубе представляют редкость. Третье: назначается лекция, пишут плакаты, раздают билеты, рабочий идет на лекцию. Придя в клуб, читает объявление: “Лекция отменена”. Четвертое: читает объявление: “Сегодня грандиозный вечер: юмористы, балет, цирковые артисты и т[ак] д[алее]”. Рабочий платит за билет 30–50 ко[пеек], и что же он видит? Ровным счетом – ничего. Какое-то барахло, халтура... Так разве это клуб? Это какая-то халтура, надувательство. Разве такими вещами заинтересуешь взрослого рабочего?»¹

Не только взрослым рабочим, но и молодежи, по мнению автора письма, была не интересна кружковщина. Самый востребованный спортивный кружок располагался в маленьком, грязном и пыльном помещении, не способном вместить всех желающих. В зале отсутствовало спортивное оборудование, «если нужно выступить в другом клубе, то смотрят как на каких-то оборванцев: тот идет в черном, тот в белом, тот в синем. Клуб даже не мог купить хотя бы на одну команду форму, как это есть в других кубах»².

Многие кружки, не успев возникнуть, закрывались по причине нехватки средств. Так, пятигорский кружок гармонистов, созданный с целью «изучения нотной системы, игры на баянах и организации оркестра гармонистов», просуществовал четыре месяца – с апреля по август 1931 г. Затем, «ввиду халатного отношения к данному начинанию со стороны правления клуба строителей и отказа в средствах, кружок прекратил свою учебу на полпути»³.

Всевозможные кружки художественной и любительской самодеятельности, например «Кружок правозаступниц» при областном суде, поглощали кипучую энергию части населения Адыгейской автономной области⁴. Кружковая деятельность на протяжении первой половины 1920-х гг. власть особо не беспокоила, а отношения с ней строились по формуле: «Вы нас зарегистрировали – мы Вам дали процент общественного охвата». Однако к завершению десятилетия атмосфера значительно изменилась и место причудливого сосуществования митингов, народных гуляний и кое-где сохранившихся крестных ходов занял «идеологический фон развлечений, все больше и больше приобретающий одну тональность»⁵.

С введением в 1930 г. непрерывной пятидневной рабочей недели и дроблением выходных дней отдых все более замещался домашним трудом и общением с детьми, а досуг по преимуществу сводился к участию в официальных праздничных мероприятиях. Вместе с тем в рассматриваемое десятилетие широкое распространение приобрело посещение кинотеатров, музеев, поездки в санатории. Налаживалась и экскурсионная работа. Постепенно менялось отношение к организованному отдыху: если в 1920-х гг. те

¹ Письмо рабочего Б. Шепита в редакцию журнала «Голос кожевника» // Письма во власть. 1917–1927... С. 605.

² Там же. С. 605.

³ Заявление старосты кружка гармонистов Манагарова в Пятигорский горсовпроф о выделении средств на содержание преподавателя кружка // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1930–1940 годах. С. 102.

⁴ ГУ НАРА. Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 130. Л. 169 об.

⁵ Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Указ. соч. С. 132.

же поездки в санаторий воспринимались как необходимость поправки здоровья, то уже в 1930-х гг. они стали рассматриваться в качестве культурного отдыха. Залежская, побывав на Кавказе в 1921 г., в своем письме А.Г. Шляпникову сообщала о катастрофическом положении с продовольствием и лечением в санаториях Ессентуков: «Некоторым уже кончается срок, и они уезжают отсюда в еще худшем состоянии, чем приехали сюда, так как они окончательно истожились здесь от питания. Едим соленое, воблу или селедку на обед – первое и второе, а также на ужин»¹. А спустя десять лет курортный трест «Кавминводы» уже обсуждал вопрос о порядке посещения парков и цветников, которые для ряда категорий курортников становились платными².

Обязательным атрибутом культурного досуга населения стало посещение музеев. На местах шло активное пополнение их фондов и экспозиций, призванных сформировать чувство новой эстетики. Именно в это время многие картины, находившиеся в запасниках Третьяковки и Эрмитажа, получили свою вторую жизнь. Однако и она подчинялась принципам жесткого идеологического контроля. Сообщая о своих долгих мытарствах по «запасникам Русского музея и Эрмитажа», сотрудник музейного отдела Наркомпроса Я.А. Миронов, выехавший в Ленинград для подбора картин, с горечью сетовал на то, что «провинциальный фонд разбирается непрерывно. Должен же когда-нибудь наступить конец! В Эрмитаже мне сказали, что могут выдать что-нибудь из западной живописи эпохи XVIII века, и притом по тематике преимущественно религиозной. Поздних нет, а в то далекое время другой темы не было. Были, конечно, жанровые пейзажи, но их успели давно разобрать». В итоге были отобраны 15 картин: «6 небольших картин Боголюбова, 3 картины Куинджи, остальные 6 картин – портреты разных авторов, в том числе один большой поясный портрет Петра Великого. Его мне рекомендовали взять по многим причинам. Потому что XVIII век будет представлен, потому что сюжет исторический, а сейчас историю изучают в школах, наконец, что в связи с романом Толстого “Петр Первый”, в связи с картиной в кино, интерес к Петру есть»³.

Классовый принцип, заложенный в основу музейных экспозиций, находил горячий отклик у основной массы посетителей. Командир РККА Ф.П. Уткин, посетивший в 1936 г. Пятигорский музей «Домик Лермонтова», в анкете-отзыве признавался, что только благодаря правильной постановке работы узнал, что Лермонтов был убит, а не «погиб на дуэли». В качестве замечаний в адрес музея он написал о необходимости «разработки специального отдела – в развитие опыта социологического анализа... ибо для зрителя М.Ю. Лермонтов часто встает в образе только внука своей бабушки, могущей тратить на него 10 000 руб. в год»⁴. Музей чутко реагировал на «любую обоснованную критику» в свой адрес и уже к концу 1939 г. в одной из радиопередач с гордостью сообщил, что стал настоящим музеем, чья посещаемость по сравнению

¹ Письмо Залежской А.Г. Шляпникову // Письма во власть. 1917–1927... С. 259.

² Выписка из приказа по курортному тресту «Кавминводы» № 101 о порядке посещения парков, цветников, лечебных учреждений // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1930–1940 годах. С. 93–96.

³ Письмо сотрудника музейного отдела Наркомпроса Я.А. Миронова директору Ворошиловского музея им. Праве П.В. Пересыпкину о подборе картин в музеях Москвы и Ленинграда для экспозиции местного музея // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1930–1940 годах. С. 137.

⁴ Анкета с отзывом посетителя Пятигорского музея «Домик Лермонтова» командира РККА Ф.П. Уткина // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1930–1940 годах. С. 140.

с дореволюционными годами увеличилась в 140 раз. Произошла перестройка экспозиции музея, благодаря которой М.Ю. Лермонтов стал любимым поэтом советских людей¹.

Складывавшиеся новая праздничная традиция и формы досуга отвечали не только идеологическим запросам времени, но и представлениям советского человека о сути и предназначении культуры. Они формировались под воздействием экономической ситуации в стране, решения очередных задач советского строительства. Вместе с тем, несмотря на довольно активное наступление новой культуры и быта, «пережитки старого» сохранялись в практиках повседневной жизнедеятельности советского общества и, как показал трагический опыт войны, зачастую упрочивали свое положение.

4.2. «Поем, шутим и тем мы держимся»: праздничные и досуговые практики в 1941–1945 гг.

Начавшаяся в 1941 г. война потребовала перестроить привычный уклад жизни и мобилизовать все имеющиеся ресурсы для победы над врагом. Казалось, в этих условиях значение праздников снизится, они не будут востребованы. Но этого не произошло, и государственные праздники, в которых был заложен мощный духовный потенциал, сыграли важную роль в идейной и морально-психологической подготовке населения к преодолению трудностей и лишений военного времени, способствовали патриотическому подъему населения. Что касается неофициальных праздников (дней рождения и других значимых событий личной и семейной жизни советских граждан), то они оставались той связующей нитью, которая на протяжении Великой Отечественной войны соединяла оторванных друг от друга родных и близких людей, усиливала их мотивацию к победе над врагом.

В период войны в праздничной культуре произошел целый ряд изменений, которые отмечены в исследовании С.Н. Шаповалова². Во-первых, традиционные формы празднования (демонстрации, шествия, манифестации, политические и индустриальные карнавалы, физкульт-парады) практически перестали существовать. В значительной мере это было обусловлено тем, что большие скопления людей могли стать мишенями для вражеских летчиков. Кроме того, указанные формы празднования требовали значительных затрат на организацию, что в период военных действий было неприемлемо. Во-вторых, праздники перестали сопровождаться украшением домов, улиц и площадей, что не позволяло создавать прежнего особого праздничного мироощущения. В-третьих, произошло возрождение религиозных традиций и праздников, которые стали открыто отмечаться. В-четвертых, государственные праздники практически потеряли статус выходных дней, поскольку решение о том, объявлять или нет праздник выходным, стали принимать центральные и местные власти в зависимости от обстановки на фронте и пожеланий населения. В-пятых, произошло дробление праздничного пространства на тыловые и фронтовые праздни-

¹ Текст выступления научного сотрудника музея «Домик Лермонтова» О.П. Попова о деятельности музея на Пятигорском радио // Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1930–1940 годах. С. 181.

² Шаповалов С.Н. Роль и значение государственных праздников в период Великой Отечественной войны // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 206–210.

ки. В-шестых, праздничные мероприятия были сокращены до минимума и проходили в форме собраний и митингов на предприятиях и в учреждениях, где провозглашались призывы к победе.

Первым государственным праздником, отмечавшимся с начала Великой Отечественной войны, стала 24-я годовщина Октябрьской социалистической революции. Военный парад советских войск на Красной площади, состоявшийся 7 ноября в условиях осадного положения столицы, оставил неизгладимый след в народной памяти. В нем в первый и последний раз принимало участие народное ополчение. Глубокое символическое значение имел тот факт, что военные части после парада отправились на фронт, так что это в прямом отношении был боевой смотр сил. Парад сыграл огромную роль в укреплении морального духа армии, всего советского народа, имел большое международное и военно-политическое значение. Это был уникальный опыт праздника во время войны, что обеспечило участникам и зрителям накал чувств, потрясающий эмоциональный подъем¹.

Следующим столь ярким и запоминающимся событием стал первый праздничный салют, произведенный 5 августа 1943 г. в соответствии с приказом Верховного Главнокомандующего СССР в честь освобождения Орла. Между двумя этими событиями государственные праздники отмечались без привычных масштабных и торжественных мероприятий, по «упрощенной модели» празднования, которая сводилась к заседаниям и официальным поздравлениям.

Некоторое представление о таком режиме организации праздников дает дневник А.З. Дьякова, заведовавшего технической библиотекой на узловой железнодорожной станции Сочи и возглавлявшего первичную партийную организацию. 21 декабря 1941 г. он записал: *«Сегодня родился тов. Сталин – 62 года. Надо провести читку о Сталине, а завтра собрание с докладом. Выступал днем в клубе перед началом сеанса о рождении Сталина, присутствовало до 60 ребят»*. На следующий день состоялось само собрание рабочих станции, посвященное 62-летию Сталина. Дьяков констатировал: *«Пришло на собрание только 21 чел. (это из 115 чел. коллектива). Это необычный случай. Погоревали и решили созывать собрание всегда в 17 часов, т.к. в 19 ч. стали ходить мало»*. В случае с организацией праздника 8 марта (1942 г.) Дьяков также решил, что причина слабой явки в неверном выборе днем празднования 7 марта. *«Вчера Комаров нагромоздил разных собраний, в том числе узловое собрание женщин в клубе. Пришло 28 женщин вместо 200–300 ожидавшихся. Я ему доказывал, что надо 8-го провести...»*².

Такая пассивность, на первый взгляд, кажется странной, поскольку с самого начала в советском обществе сказывалось стремление коллективно обсуждать события на фронте; люди *толпились*, с большим желанием посещали лекции и митинги (Дьяков записал, что на лекцию по теме войны 10 июля 1941 г. собралось 2 тыс. чел.)³. Очевидно, что в последующее время произошло снижение активности участия населения в коллективных мероприятиях (лекциях, собраниях), в том числе и праздничных. Причинами этого являлись тяготы войны, «заорганизованность» и формализм в проведении торжеств, отсутствие праздничной атмосферы и соответствующего настроения.

¹ Шаповалов С.Н. Указ. соч. С. 207.

² Герои терпения... С. 35–36, 43.

³ Там же. С. 22.

Настроение поднималось и приобретало характер праздничного преимущественно от обнадеживающих сообщений с фронта. Как великого праздника ждали советские люди дня освобождения от немецко-фашистских захватчиков родных городов. С особенными надеждами отмечали этот день те, кто находился в эвакуации. Уроженка г. Днепродзержинска Днепропетровской области молодая пианистка Евгения, эвакуировавшаяся из родных мест, с большим подъемом праздновала его освобождение, а вскоре – и освобождение Киева. Заметила, что *«праздник прошел веселее, чем эти два года войны»*¹.

Насущную потребность в праздничных ощущениях по-прежнему удовлетворяли семейные торжества и один из самых любимых праздников советских граждан – Новый год. Однако динамика ухудшения экономической ситуации, нарастание в ходе войны материальных проблем определяли в подавляющем большинстве случаев скромность этих торжеств. День рождения дочки в семье инженера Горьковского автомобильного завода И.А. Харкевича в апреле 1942 г. отмечался, несмотря на все трудности: *«Мать из кожи вон лезет, чтоб устроить праздник. Бедная мобилизует все средства, но получается вообще убого, а по нынешним временам все-таки роскошно: и белые булочки и чай с сахаром. У Наталки предстоит целое собрание из 15 персон, оживлена ужасно и ждет с нетерпением вечера... Подарил я Наталке дешевенькую брошку – синего жука – убогий подарок – иного ничего нет по магазинам, война все проглотила»*. На следующий год, в 8-летие Наталки праздник создать не удалось. *«Мамка на этот раз ничего не могла собрать и только дочке испекла маленькую белую булочку»*².

Для горожан подготовка к новогоднему торжеству предполагала поход в парикмахерскую, но, главное – создание некоторого запаса продуктов и спиртного. Сбор компаний для празднования нередко происходил спонтанно, что отразила дневниковая запись А.З. Дьякова: *«Паня возится у плиты – всего наготовила, можно и Новый Год встречать... В 10 ч. сосед т. Дикопольцев пришел с работы. К нему зашел машинист т. Еремин. Собрались встретить Новый Год – достали бутылку водки и две бутылки вина. Позвали меня и Паню... Пришли Алексеевы – Володя и Нина – соседи. Только расположились – пришел ко мне т. Немец, достал “шкалик”, чтобы посидеть у меня под Новый Год. Одним словом, не собираясь, оказались участниками хорошей компании по встрече Нового Года, пили, ели, пели, танцевали, дурачились допьяна. В 12 ч. мне дали слово о прошедшем 1941 и с 1942 г. Разошлись в 9.30»*³.

Будучи по своей сути «переломным», знаменующим переход от старого к новому, непременно лучшему, новогодний праздник в военное время воспринимался исключительно как приближающий разгром врага. Его настроение, безусловно, определялось конкретной ситуацией на фронте, но даже ее неблагоприятное развитие на данный момент в большой степени нивелировалось надеждами и пожеланиями на будущий год, тостами о скорых победах. *«Новый год – разгром немцев продолжается. Здорово им попало. Скромно встретили новый год. Лелюша кое-что сделала. Пили кофе с сахаром и лепешками из ржаной муки. Есть какие-то надежды, что немца окончательно разобьют»*, – записал в своем дневнике инженер Харкевич о праздновании 1943 г.⁴

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 141.

² «Весь народ сильно сдал телом»: Война и советский тыл глазами инженера И.А. Харкевича // Российская история. 2009. № 6. С. 59, 62.

³ Герои терпения... С. 37.

⁴ «Весь народ сильно сдал телом»... С. 62.

Распространенной формой празднования новогоднего торжества были балы или балы-маскарады. Учительница физкультуры из Ярославля – заочная знакомая по переписке гвардии старшины В. Сырцылина – сообщала ему, что большой бал-маскарад по поводу Нового года состоится в театре им. Волкова, но попасть туда будет очень трудно. Поэтому она собралась на бал во Дворец пионеров, где *веселей* и вполне можно блеснуть умением танцевать *«западные танцы»*, которым она училась с детства в соседнем клубе. Это удалось: была елка, концерт, танцевали до 3 ч. ночи¹.

Даже фронтовики умудрялись находить возможности наряжать праздничные новогодние елки и поднимать кружки с «наркомовской» водкой, а отдельные штабные работники, имевшие значительно лучшие возможности в удовлетворении различных потребностей, – порой и бокалы с шампанским. *«Я встречал Новый год в кругу своих товарищей, и сравнительно весело. Впрочем, солдатская среда всегда отличалась этой веселостью. Да иначе и невозможно. В противном случае, было бы трудно каждому с его личными переживаниями, радостями и горестями»*, – сообщал матери В.И. Александров². О встрече Нового 1943 г. А.И. Тыкин писал жене: *«Выпил граммов 300. Скромно закусил, спели боевую песню и попутно с ней спели “На закате ходит парень”. И вот так скромненько по-фронтовому встретили Новый год»*³.

С другой стороны, на передовой всегда сохранялась возможность «отметить» новогоднее торжество в бою. Готовясь встретить 1943-й год в землянке в кругу товарищей (*«ворошиловские 100 граммов»*, *«свининка»* на закуску, чай и рассказы друг другу *«былей и небылиц»*), В. Сырцылин предполагал и такое развитие событий. И тогда – *«кто больше фрицев поганых убьет – у того и праздник»*. Зато 1945-й год он встретил на польской земле и совсем иначе. По этому поводу каялся жене: *«...грешен – гульнул впервые за 4 года во всю ширь русской души – начал пить в 8 вечера и только в 9½ утра кое-как добрал до кровати, так болели ноги от пляски, и трещала голова от “бимбера” (по-польски “самогон”»*⁴.

В условиях Великой Отечественной войны отмечать праздники приходилось и в необычной обстановке. Например, генерал П.Л. Печерица в 1945 г. праздновал 8 марта в кругу американцев, англичан и *«других наций»* и даже вступил в дискуссию по поводу равноправия мужчин и женщин. С этого торжественного приема он вынес мысль, что и советским *«правительственным деятелям»* следует организовывать *«приемные дни»* для поднятия общественного значения женщин⁵.

Непривычные ощущения испытали молодой разведчик С. Баруздин и его товарищи, приобщившись к религиозному торжеству на венгерской земле, в деревушке Дьендьешшоймуш (у подножия гор Матра). *«Сегодня воскресенье. У мадьяр какой-то престольный праздник. Празднично одеты люди. Все сверкает чистотой и нарядностью. Поистине красиво! С утра люди идут в церковь. Звонят колокола. На кафедре (если так можно сказать) молодой ксендз читает проповедь на латинском языке. Весь зал молча слушает. Тишина гробовая. На переднем плане хор, который состоит из молодых девушек, одетых во все белое. После окончания молитвы зажгли свет и началось пение. Пел не только хор, но и все присутствующие»*⁶.

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 131, 133.

² Письма с фронта. 1941–1945 гг. Сб. документов. Краснодар, 1983. С. 108.

³ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 292. С. 26об.

⁴ Герои терпения... С. 91–92, 116.

⁵ Там же. С. 153–154.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2855. Оп. 1. Д. 38. Л. 37об.

Новое значение для военнослужащих на фронте приобрели дни рождений и именины их родных и близких, годовщины создания семьи и другие значимые события личной и семейной жизни. Помня о них, фронтовики тем самым подчеркивали, что даже в самые сложные для себя моменты сохраняют связь со своими близкими и родными. «Поздравляю тебя с днем десятилетия совместной жизни и желаю, чтобы и в дальнейшем мы жили дружно и хорошо, если все окончится благополучно», – писал жене в ноябре 1942 г. А.В. Дортгольц¹. Порой дни рождений и именин отмечались в отсутствии именинников: «3-го марта, в день твоих именин, нам всем было очень неважно, весь вечер просидели все вместе и проговорили о тебе. Это был вечер воспоминаний о тебе, не обошлось, конечно, без пролития слез. За обедом выпили за твое здоровье и благополучие»². Сами участники войны в пылу боев нередко могли забыть о собственных днях рождений, как это случилось и со штурманом У-2 О.Т. Голубевой-Терес, отметившей свою девятнадцатую годовщину в воздухе. Однако фронтовые подруги встретили ее возвращение с музыкой и пирожными, которые специально приготовил в ее честь 24-летний повар «дядя Толя»³.

Собственный день рождения порой воспринимался как повод для анализа пройденного жизненного пути. Генерала П.Л. Печерицу такие мысли одолевали в день 40-летия, тем более что именно в этот день в него «чуть не угодила мина, упавшая в 12 метрах, но не разорвавшаяся». Гвардии старшина Сырцылин в день своего 34-летия размышлял: «Сколько прожито! Сегодня оглядываюсь назад, смотрю вдаль и вижу вереницу прожитых дней. Много плохого и хорошего, а в общем все в порядке, они – эти годы – прожиты неплохо, с пользой, если не для себя, так для других. Особенно неплохи последние три года, много давшие мне, и я много дал тому, что мы называем одним словом – Родина»⁴.

Праздничными событиями личного значения являлись награждения бойцов и командиров орденами и медалями. Младший лейтенант Ю.Я. Зильберман писал: «Я не буду играть в безразличие – это глупо и потом – никто не поверит. Награждение орденом – большое событие в жизни каждого человека, особенно военнослужащего. О первом ордене офицеры вспоминают нежно и красиво, как о первой любви»⁵. Редкие в начале войны, к ее окончанию награждения приобрели систематический характер, не всегда, впрочем, отражая действительный вклад того или иного военнослужащего в достижение победы. Порой обязательными условиями для награждений становились спускавшаяся «сверху» разнарядка и хорошие отношения с командиром⁶. В целом же соотношение на войне будней и праздников достаточно четко отражают слова И.И. Левина: «Коротки фронтовые праздники и бесконечны будни»⁷.

Исследование повседневной жизни в военные годы предполагает внимание к досуговым практикам населения, которое, испытав шок начала войны, со временем приспособилось и к этим новым условиям. Разумеется, налицо были атрибуты повседневности военного времени: рылись окопы и возводились укрепления, проводились учебные воздушные тревоги, позже перераставшие в настоящие,

¹ Письма с фронта. 1941–1945 гг. Сб. документов. Краснодар, 1983. С. 56.

² Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНТО»). С. 238.

³ Голубева-Терес О.Т. Указ. соч. С. 53, 59.

⁴ Герои терпения... С. 145, 108.

⁵ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 78.

⁶ Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Указ. соч. С. 459–478.

⁷ Левин И.И. Указ. соч. С. 115.

усугублялись продовольственные проблемы и трудности с отоплением. Но население, если к тому не было непреодолимых обстоятельств, всеми силами старалось практиковать привычные образцы досугового поведения, распространенные еще в довоенный период и позволявшие в какой-то степени справляться с растерянностью и нестабильностью.

К примеру, для жителей г. Сочи, как и других приморских городов и поселков, традиционной составляющей свободного времяпровождения являлись морские купания. Атмосфера начала войны им не способствовала, и на исходе первого военного лета сочинец Дьяков сожалел: *«В этом году на море был только три раза. В мае и первых числах июня. Все откладывал на вторую половину июня и на июль, а тут проклятый Гитлер замутил воду...»*. Летом 1942 г. купальный сезон наступил в свой срок; жители Сочи с удовольствием совершали индивидуальные и коллективные (несколькими семьями) «вылазки» к Ривьере. Июль и август были отмечены «исходом» в эвакуацию, вновь стало не до купаний. В июне 1943 г. популярность купаний в этих местах несколько снизилась из-за слухов, *«будто в море много плавают трупов моряков и бойцов, принесенных речками с гор. Есть и фрицы. От этого у купающихся получается “столбняк”»*¹.

Воскресный день жителя г. Сочи предполагал утренний выход на базар, поход в баню, прогулку по городу. Впрочем, выходной не обязательно был днем отдыха. На этот день вполне мог быть запланирован комсомольско-молодежный воскресник или воскресник по поводу Дня железнодорожника. Тогда воскресенье было заполнено физически тяжелой работой (погрузка дров, разгрузка овощей и фруктов и пр.).

Универсальными способами свободного времяпровождения в воскресные дни и в будни стали чтение и прослушивание радио. Популярностью среди мужчин пользовались домино и карты. Мужчины также могли подолгу обсуждать ход и перспективы военных действий, дискутировать на различные животрепещущие темы. Дьяков писал в дневнике: *«Дискуссировал с Загадовым об истине. Он защищал, что имеется “одна для всех истина”, безотносительно, с какой точки зрения рассматривать. Речь идет об истине – морали человека»*. У женщин же постоянно происходили посиделки, на которых те сплетничали (так называемое «бабье информбюро»), в том числе и на интимные темы (*«Мара помирилась со своим и что они провели ночь, как было в первую брачную. Она довольна»*; *«Халтурин живет с двумя женами, с Тосей и Лиманихой»*), много говорили на тему собственного здоровья (*«Собрались все больные – сердце, ишиас, по женским делам и горько плакали, обсуждая свое положение»* – сочувственный комментарий Дьякова). А однажды вечером Дьяков даже застал женщин (жену и соседок) за разговором *«о женах наших вождей-руководителей»*. В этой беседе было высказано *«пожелание, чтобы в газетах публиковали их фото и биографии»*².

Выходы в театр или в кино случались в семье Дьяковых примерно раз в месяц. *«Были с женой на утреннем спектакле в театре – смотрели “Свадьбу в Малиновке” Ростовскую МУЗ Комедию. Хорошая вещь – смотрел с удовольствием... Народу было мало, до 75% заполнено...»*³ В семьях их друзей частота посещения зрелищных пред-

¹ Герои терпения... С. 22–23, 48, 65.

² Тажидинова И.Г. Повседневность Великой Отечественной войны в дневнике сочинца А.З. Дьякова // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 4(18). С. 92. 2011. № 1(19). С. 86. 2011. № 2(20). С. 103.

³ Герои терпения... С. 32.

приятый была примерно такой же, о чем можно судить по тому, что дети на время спектаклей «подкидывались» Дьяковым.

Не столь радужную картину своего досуга рисует другу-фронтовику, заочно знакомому по переписке, Клава Демина из г. Аша Челябинской области. «Живу в захолустном городе. Работа и дом, что повседневно окружает. Выйти отдохнуть – некуда. Имеется небольшое здание, где идет кинокартина, куда попасть можно с большим трудом и то не всегда. Одна отрада под выходной в другом помещении танцы под аккордеон. Любитель их и посещаю часто»¹. Танцы под гармошку или под патефон, а также походы в кино, похоже, были самыми распространенными видами проведения досуга в деревенской местности или в небольших городах.

Досуг фронтовиков, в силу специфики их жизненных условий, тяготел к коллективным формам. Борясь с серостью и монотонностью существования в те периоды фронтовой жизни, которые не были заполнены активными боевыми действиями или подготовкой к ним, комбатанты постепенно выработали приемлемые в данной обстановке формы «культурного отдыха». К ним относились организация самодеятельных спектаклей, постановка концертных программ, литературное творчество и многое другое.

Самое широкое распространение на фронте получило исполнение музыки и песен. Ему принадлежала колоссальная роль в объединении, сплочении разнородного контингента воюющих: рядовых и командиров, людей с высшим образованием и практически неграмотных, мужчин и женщин. Влияние советских песен на формирование новой советской идентичности прослеживается с первых послеоктябрьских лет, однако именно в годы Великой Отечественной войны ощущение слитности собственной судьбы с судьбой страны, заложенное этими песнями, стало определяющим.

Репертуар песен, созданный Великой Отечественной войной, в письмах с фронта часто назывался «солдатским». Его проникновению в массы воюющих способствовало кино. Так, песня «Темная ночь», прозвучавшая в фильме «Два бойца», моментально завоевала популярность в среде фронтовиков. Младший лейтенант, политрук роты М. Львович пишет, что эту песню можно было услышать распеваемой повсюду, называет ее второй после «Землянки» «хорошей песней про фронт». А вот другую песню из этого же фильма («Шаланды, полные кефали») он, в отличие от многих своих однополчан, не жаловал («пустая, несерьезная»). Раздражение против нее как «пошлой» песни встречается и в письмах других, имевших высокий уровень образования фронтовиков².

Большой любовью фронтовиков пользовались и русские народные песни, которые фактически ставились ими в один ряд с «солдатскими». «Вчера в потемках шел с солдатами солдатские, русские народные песни: “Ермак”, “Разин”, “Степь”. У меня два солдата с превосходными голосами», – отмечал М. Львович³. Очевидно, что исполнение музыки и песен в условиях фронтовой повседневной жизни стало той психологической отдушиной и тем развлечением, которые ничем заменить было нельзя. «Поем, шутим и тем мы держимся», – писала Минна Сонкина, младший сержант 99-го отдельного батальона воздушного наблюдения, оповещения и связи противовоздушной обороны⁴.

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 135–136.

² Архив НПСЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 1. Д. 118. Л. 12; РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 90, 101.

³ Архив НПСЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 1. Д. 118. Л. 3.

⁴ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 178.

Жительница Ставрополя Н.П. Демкина, попавшая на фронт в 1943 г., рассказывала, что любая более-менее длительная остановка на марше сопровождалась организацией самодеятельности, чему содействовало командование: «...ходили узнавали, кто что умеет, петь, танцевать. Кто на гармошке играет, в деревне найдут гармошку. А я все умела, и петь и танцевать... Вот в фильме “В бой идут одни старики” в нем действительно показано, как пели. Мне одна знакомая говорит: “Вот война идет, а вы пели?” А я ей говорю: “Да, пели”. Там пели больше, чем в мирной жизни, нас даже заставляли, потому что была необходима разрядка. Командиры, политработники – они заставляли, как только остановились, каждую свободную минуту мы либо пели, либо танцевали»¹.

В порядке вещей были переделки популярных песен, насчитывающие десятки вариантов. Так, «перелицовки» «Катюши», начавшиеся еще в советско-финскую войну, продолжились в Великую Отечественную и имели, по данным фольклориста И.Н. Розанова, около 100 вариантов. Неслучайно долгие годы после войны поэту М. Исаковскому приходилось отвечать на письма с вопросами об авторстве этой песни, поступавшие от населения. Один из таких ответов, посланный в 1968 г. директору вечерней средней школы сельской молодежи станицы Медведовской Тимашевского района Н. Сахно (бывшему летчику, гвардии капитану запаса), сообщал: «Обычно “Катюшу” приспособливали к тем действиям, которые были свойственны той или иной воинской части. Девушка Катюша выступала и в качестве автоматчицы (“С автоматом девушка в руках”), и в качестве санитарки, выносившей раненых с поля боя, и в качестве сражающейся с врагом в партизанском отряде и т.п. и т.д. Но, кроме того, были и “ответы” Катюше... Разыскивать авторов, которые на свой манер переделывали “Катюшу”, вряд ли стоит. Можно лишь сказать, что это переделывал народ». Исаковский также привел похожую историю с известной песней «Огонек» («На позицию девушка провожала бойца»), которую написал в 1943 г. Стихи напечатала газета «Правда», а позже появилась «неизвестно кем» написанная музыка на эти слова (интересно, что музыку к «Огоньку» сочинил и композитор М. Блантер, но песня с ней не стала популярной). «Огонек» получил самое широкое распространение на всех фронтах, а, начиная с 1945 г., появилось множество претендентов, доказывавших свое авторство музыки к этой песне. Созданная Союзом композиторов СССР специальная комиссия выяснила, что стихи «Огонек» пелись на мотив польской песенки «Стелла», которую на фронте «мог сыграть какой-то баянист, и кто-то ему подпел словами “Огонька”, отсюда песня и пошла»².

Песни исполнялись под аккомпанемент гитары, гармони, балалайки, мандолины. Однако и с музыкальными инструментами, и со сборниками нот и песенных текстов возникали проблемы. В таких случаях командиры воинских частей обращались за помощью в тыл, как правило, действуя через партийные органы. Так, 29 июля 1942 г. в Татарский обком ВКП(б) поступило письмо, адресованное директору Казанской гармонной фабрики. Комиссар 32-й конно-санитарной роты Хамидуллин и командир роты Черных напоминали, что их подразделение было сформировано в одном из городов Татарской АССР и его личный состав – это, в подавляющем

¹ Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования. СПб., 2008. С. 131–132.

² ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 690. Л. 1–2.

большинстве, татары: «Бывают у нас минуты затишья, вот эти свободные минуты нам нечем восполнить. Одним из лучших методов развлечения является музыка, а так как здесь в прифронтовой полосе мы не можем достать гармонию, к тому же на татарском строе, поэтому обращаемся к Вам с величайшей просьбой выслать нам одну гармонию на татарском строе наложенным платежом». Спустя месяц секретарь Татарского обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации С.Ш. Гафаров сообщил комиссару Хамидуллину о высылке гармони. Тогда же к Гафарову обратился начальник клуба одной из дивизий старший политрук Г.Г. Валлиулин с просьбой выслать «сборник татарских народных и патриотических песен и рассказов для исполнения в агитколлективе, клубе и художественной самодеятельности в гостях нашего соединения». Через местные партийные организации Валлиулину уже удалось достать казахский и узбекский сборники песен и нот, что представлялось ему важным, так как наряду с русскими и татарами в соединении имелись узбеки, казахи, башкиры и др. И вот уже, «быстренько переложив и расписав ноты, театрализованный джаз исполняет как узбекские, так и казахские мотивы. Бойцы, безусловно, довольны»¹.

Источники личного происхождения сохранили самый широкий спектр мнений о фронтовых концертах: от восторженных, благодарных до прохладных и даже отрицательных. Конкретная оценка была, в первую очередь, связана с качеством концерта, но зависела и от множества других факторов: уровня запросов в сфере искусства и опыта общения с ним, имевшегося у военнослужащего, его настроения и общего состояния в данный момент, боевой обстановки и ее ближайших перспектив. Такую зависимость поразительно точно передает эпизод из воспоминаний Л.Г. Андреева, описывающий путь лыжного батальона к линии фронта. Солдаты, измученные холодом и голодом (уже несколько дней они питались, в основном, дохлой кониной), «много спали, больше сидели у костра, уставившись на слабый огонь, и молчали часами, днями. На третий день комзвод, всунув голову в палатку, крикнул: «Пошли на концерт!». Никто из нас не понял, о чем он говорит, но поднялись по армейской привычке и вывалились наружу. У штабной палатки, на снегу, лежали две плащ-палатки, стоял неизвестно откуда взявшийся стул. Вяло подходили солдаты. Когда собралась порядочная толпа, из палатки вышло пятеро: трое мужчин и две женщины. Они поразили нас больше, чем если бы перед нами выросли бы буханки хлеба с палатку величиной. Я смотрел концерт, почти ничего не воспринимая, не испытывая никаких ощущений, кроме возникшего во мне, как только я увидел гостей, волнения. Чувство затерянности, заброшенности, оторванности от всего мира, не покидавшее нас ни на минуту в полосе, где не было жизни, здесь, на лесной стоянке, почти перестало ощущаться, охватив нас целиком, выросло до размеров, уже не охватываемых нашим глазом»².

Военный переводчик В. Раскин, в силу своей искушенности, был достаточно скептически настроен по отношению к фронтовым зрелищным предприятиям. Писал с иронией: «Сегодня у нас концерт джаза... Концерт не очень хороший, но и не совсем плохой по военному времени. С этой скидкой на войну как-то не могу свыкнуться. С горохом и пшеном я примирился, но плохих стихов не выношу: сознание по обыкновению отстаёт от бытия...». Другой концерт он оценил намного жестче: «Наши

¹ Письма с фронта. 1941–1945 гг.: сб. документов. Казань, 2010. С. 160–161, 173.

² Андреев Л.Г. Указ. соч. С. 133–134.

орфеи и [неразборч.] плюют на бороду музам и грациям... Какой хлам подносят эти халтурщики!»¹ «Очередной халтуркой» назвал в письме жене прошедший в его стрелковом полку концерт старший лейтенант Н.С. Воронин². Капитан А. Шкудов также остался недоволен концертом артистов из Казахской ССР, который не тронул за «живое»³.

Успех концерта зависел и от профессионализма артистов, и от правильного подбора репертуара, учитывающего реалии жизни воюющего человека. Как писал А. Раскин, чья часть находилась в лесу («в моем домике дверь из коры дерева, стены из дерева, потолок из палаток пахнет матерью-землей и сосняком»): «Здесь бываю иногда концерты. Есть замечательный репертуар, созданный войной. Это большей частью лирика на тему о тоскующей подруге жизни, о плачущей матери, ждущей сына. Эти песни вызывают у многих слезы. Должен сказать, что здесь люди еще более чувствительны»⁴.

Опытные работники искусств озаботились проблемой репертуара практически в первые дни войны, понимая, что выходить на сцену с тем, с чем «выходили вчера, как будто ничего не произошло», невозможно. Директор Московской государственной эстрады Б. Филиппов отметил в своем дневнике, что проблема подбора нового репертуара встала уже в связи с выступлениями артистов на мобилизационных пунктах и в госпиталях. Взамен «мелких бытовых тем» потребовалась «героика, зовущая в бой, сатира, разящая фашизм, гражданская поэзия, пробуждающая патриотические чувства». Также подразумевалось, что репертуар должен нести отдых и веселье⁵.

Рассказ Б. Филиппова о формировании летом 1941 г. концертной бригады, которая оказалась «первой группой московских артистов, выехавших на фронт», – ценное документальное свидетельство о посильном участии крупных советских артистов в Великой Отечественной войне. Поскольку шефство работников искусств над армией и флотом имело многолетние традиции еще со времен Гражданской войны (во время советско-финской войны на фронт также выезжали бригады артистов), то первая фронтовая бригада московских артистов, несмотря на длительность согласований с Комитетом по делам искусств, была создана достаточно быстро. Состав бригады, выехавшей 12 августа 1941 г. в направлении Вязьмы (там была их база и оттуда они разъезжали с концертами), был поистине звездным: В.Я. Хенкин («первый комик советской эстрады, мастер юмористического рассказа»), Л.А. Русланова (известная исполнительница русских народных песен), М.Н. Гаркави (популярный конферансье), артисты оперетты И. Гедройц и Калашникова, Кипиани (артист радио, баритон), Е. Шукевич («лучший иллюзионист Мосэстрады»), Т. Ткаченко (солистка балета Большого Театра), Борисенко и Жерехов (дуэт баянистов) и аккомпаниатор Руслановой Максаков («виртуоз на казанской гармошке»).

Концерты бригады проходили в домах культуры, клубах, но намного чаще – на открытых площадках. Самый первый концерт, к примеру, был организован на кладбище, а эстрадой служил грузовик. В репертуаре были отрывки («Парень из нашего города», «Суворов», «Собака на сене»), монтажи («Ленин» и «За Родину»)

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 47, 57.

² Фронтовые письма из калужских архивов. С. 36.

³ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 291. Л. 5об.

⁴ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 245–246.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2931. Оп. 1. Д. 1202. Л. 2, 5.

и многое другое. Со временем артисты стали расцветивать концерты следующим образом: заранее через комиссара части узнавали фамилии лучших красноармейцев и командиров, и конферансье, объявляя концертные номера, посвящал их тому или иному герою. Это сближало красноармейцев с артистами, и они бурно реагировали. Сближали их также походные условия жизни, так как, при всем желании командования воинских частей разместить артистов с комфортом, сделать это удавалось не всегда. Ночевать приходилось и на сеновале, и в избе с обилием клопов. Тем не менее артисты поездкой остались довольны, а Хенкин и Русланова даже вернулись в Москву в форме танкистов.

Опыт выезда первой фронтовой концертной бригады содействовал организации следующих групп, а главное, прояснил, в каких именно коррективах нуждается концертный репертуар для фронта. Б. Филиппов записал в своем дневнике: *«В программе каждой фронтовой группы обязательно должна быть и героика, и лирика, и политическая сатира. Необычайно важно учесть, что выступать приходится для различных родов войск. Мы видели, какую активную отдачу вызывала в авиационных частях песня о летчиках, которая случайно оказалась в репертуаре нашего певца. Я говорю случайно, потому что перед выездом певец не хотел брать с собой ноты этой песни. Он серьезно заявил, что ему необходимо блеснуть на фронте арией тореадора, поскольку она, без всякого сомненья, призывает ринуться в бой»*¹.

В архивных фондах столичных театров в РГАЛИ сохранились отчеты о работе концертных бригад и отзывы на нее, которые показывают, насколько напряженным был концертный график артистов и в какой сложной обстановке им приходилось работать. Так, концертная бригада Московского театра оперетты под художественным руководством К.М. Новиковой (9 артистов), *«работая по обслуживанию»* частей 1-го Украинского фронта, с 15 февраля по 1 апреля 1944 г. дала в общей сложности 70 концертов. Бригада под руководством А.А. Бурдина, состоявшая из артистов нескольких московских театров (Московского театра драмы, Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко, Московского театра оперетты), дала за 50 рабочих дней 151 концерт, перекрыв *«все существующие»* нормы².

Руководители бригад в своих отчетах стремились показать обстановку, в которой приходилось выступать артистам, передать атмосферу их общения со зрителями. Так, отчет бригады Московского государственного театра оперетты в составе 10 чел. начинается описанием перелета и выступлений в партизанских отрядах. Продолжается так: *«В городе Мелитополе, где мы также первыми дали концерт в театре им. Шевченко, где в зрительном зале зияла громадная дыра в потолке, но зато сцена была уставлена настоящими декорациями и освещена софитами электроламп, несмотря на холод и сквозняки актеры работали с каким-то особым подъемом и энтузиазмом, которые передавались зрителям и последние долго не отпускали исполнителей со сцены. Ну, а затем началась обычная для фронтовой поездки повседневная работа по обслуживанию частей РККА данного фронта. Работать, конечно, было очень трудно, учитывая время года»*³. К отчетам при-

¹ РГАЛИ. Ф. 2931. Оп. 1. Д. 1202. Л. 4–35.

² Ф. 2933. Оп. 1. Д. 1532. Л. 1, 31.

³ Там же. Л. 9.

лагались отзывы, как правило, подписанные командирами частей, начальниками госпиталей. Встречаются отзывы, которые специально художественно оформлены военнослужащими и подписаны лично ими, что подтверждает большую признательность фронтовиков артистам.

Дневник А.Н. Цфасмана (художественного руководителя джаз-оркестра Всесоюзного радиокомитета) сохранил сведения о том, как «принимали» фронтовики джазовую музыку. Весной 1942 г. джаз-оркестр в полном составе выехал на фронт, где пробыл почти четыре месяца. Выступать приходилось на открытых площадках и в самых разных помещениях, в том числе в церкви (*«Джаз расположился у алтаря, а зрители – во всю длину храма»*). После одного из концертов генерал-майор Лебедеко пригласил артистов, как это обычно было заведено, в свою *«трехкомнатную землянку»*. Даже не будучи поклонником джаза, он похвалил оркестр *«за сыгранность, за веселье, исходящее от каждого музыканта во время исполнения номеров. Хвалил за репертуар – как в смысле лирики, так и развлекательности. Хвалил, кстати, за внешний вид»*. По поводу последнего разгорелся спор, так как джазисты сомневались, что правильно сделали, приехав на фронт в смокингах. Но генерал категорически отверг идею военного обмундирования для артистов: *«Здесь надо заставить людей забыть на время о своей тяжелой работе»*¹.

В годы Великой Отечественной войны масштабный характер приобрела самореализация красноармейцев в литературном творчестве. Крайне редко представляя настоящую художественную ценность, это творчество имело значение, прежде всего, для личностного роста, а также выполняло функцию дополнительной патриотической мобилизации. О данной тенденции свидетельствует систематическая отсылка своих собственных произведений в газеты многими фронтовиками.

Явление фронтового самодеятельного литературного творчества было связано с двумя предпосылками. Во-первых, его стимулировало приобщение к газетному и книжному «слову», происходившее на фронте более-менее регулярно. Во-вторых, бойцы ощущали сильное давление собственных военных впечатлений и переживаний, зачастую несравнимых по мощи и яркости с предыдущим отрезком жизни. Старший лейтенант И.Г. Блынский писал об этом в редакцию газеты «Красная Татария» так: *«Находясь на фронте и некоторое время по ту сторону линии фронта, я, набравшись впечатлений, недавно написал ряд стихотворений»* (к письму приложено семь стихотворений о горе и испытаниях, выпавших на долю русских людей)².

Иногда бойцы проявляли заинтересованность не только в единичной публикации, но и в компетентной оценке своего творчества. Курсант А.Н. Самарин, отославший в редакцию «Красной Татарии» несколько своих *«курсантских стихотворений пулеметчика»*, торопился узнать о своих способностях: *«Дорогая редакция, прошу написать мне ответ, есть или нет у меня талант к этому»*. Ответ сотрудника газеты Н. Козловой не обнадеживал и был достаточно типичным: *«Тов. Самарин! Ваши стихи не смогли использовать в печати, т.к. вы еще слабо владеете стихотворной техникой. К тому же мы получаем очень много стихов и выбираем из них самое лучшее»*. Сотрудники редакций, как правило, советовали бойцам доработать свои фронтовые опыты, а главное – больше читать. Впрочем, границы применения таких рекомендаций

¹ Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 145–148.

² НА РТ. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 4. Л. 79.

были очевидны. Как писала литсотрудник «Красной Татарии» Н. Козлова: *«В условиях фронтовой обстановки трудно, конечно, систематически работать над освоением стихотворной техники... Трудно и совет дать. Посоветуешь читать большие художественную литературу, изучать классиков, а найдется ли все это на фронте?»*¹

Впрочем, довольно трудно определить, насколько самостоятельно были написаны те или иные тексты за подписью бойцов или командиров Красной армии, увидевшие свет во фронтовых газетах. Письма и воспоминания фронтовых корреспондентов сохранили сведения о распространенных практиках написания текстов разных жанров за красноармейцев как о норме журналистской работы в годы войны. В 1941 г. минометчик, а в 1942–1945 гг. сотрудник газеты 8-й армии «Ленинский путь» Л.И. Левин вспоминал: *«Редактор то и дело посылал меня в части. Подавляющее большинство моих статей и заметок появлялось под чужими подписями. Выслушав рассказ о том или ином боевом эпизоде, я, как это делают все журналисты, просил у своего собеседника согласия напечатать этот рассказ за его подписью. Никто, конечно, не отказывал... Перелистывая теперь комплекты нашей армейской газеты, я подчас затрудняюсь определить, какие из красноармейских или сержантских заметок подготовлены мной. Честно говоря, все они писались тогда на один лад»*²

Для поэта и журналиста, а в годы войны младшего лейтенанта Ю.Я. Зильбермана совмещение работы в редакции дивизионной газеты «Ворошиловский залп» и собственного литературного творчества стало, в определенном смысле, проблемой. На страницах этой газеты Юрий Зильберман печатал свои стихи и очерки, причем под разными псевдонимами. Поскольку он отвечал за все поэтические произведения, которые публиковались в газете, то ему приходилось *«“править” (фактически переписывать заново) стихи бойцов и командиров, “красноармейское творчество”*». О механизме такой работы и ее объемах можно судить по письму Зильбермана старшему брату: *«Для того, чтобы ты имел представление о том, что получается в результате правки, я тебе как-нибудь пришлю подлинник и печатный экземпляр какого-либо стихотворения. Кроме того, организовываю “оперативные заметки”, т. е. побеседую с командиром или бойцом, а затем даю материал за его подписью. Пишу также статьи и очерки. Не считая стихов и “На прицеле” (раздел фронтового юмора, который постоянно веду), я даю в месяц штук 30–40 таких вещей. Как видишь, работы немало. Посылаю тебе сегодня уголочек газеты, где все три вещи принадлежат моему перу. Как видишь, все они за разными подписями»*³

Зильберман не скрывал своей неудовлетворенности такой работой, особенно тем, что все чаще приходилось писать передовые. Свои собственные стихи вообще публиковать не стремился, так как не хотел их сокращать и полагал, что в чтении они интереснее, чем в печати (*«Не будь я в военной газете, и не будь войны, не показал бы своих стихов»*). Поэтому единственное место, где стихи Зильбермана звучали вслух – агитбригада, часто выезжавшая на концерты. Здесь он *«работал»* несколько номеров – иллюзионный, скетч (*«мнимотехника»*) и чтение стихов. Но сомнительно, что когда-то с эстрады прозвучало это стихотворение, написанное другу Д. Золотницкому:

¹ НА РТ. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 3. Л. 67, 68об. Д. 4. Л. 62. Д. 6. Л. 72.

² РГАЛИ. Ф. 3260. Оп. 1. Д. 55. Л. 9.

³ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 73–74.

*В одном кармане – пара сухарей,
В другом – блокнот и табакунюшка:
Идет на фронт тоскующий еврей,
Туда, где залпом кровь хлеблют пушки.*

*Он будет сутки под огнем бродить,
Набьет карманы клочьями бумаги,
Он будет водку ледяную пить,
И ром вонючий из трофейной фляги...*

*Он будет пьян, лысеющий еврей,
И после боя, при коптилке серой,
Прочтет в кругу задумчивых друзей
Свои “стихи усталым офицерам”.*

*И если пули сжальются над ним,
То рано утром, на попутном танке,
Он возвратится нехотя к “своим”,
“Творить” в редакционную землянку.*

*(Поставлю точку и перекурю.)
Он просидит часок на чемодане
И рукопись подаст секретарю,
Как нищему калеке подаянье.*

*Но в торопливом очерке его,
За громких фраз дубовыми лесами,
И четверти не будет из того,
Что видел он библейскими глазами...¹*

У недавних студентов либо тех, кто не успел окончить высшее учебное заведение, присутствовала тяга к знаниям, они задумывались о том, как не отстать, как наверстать упущенное. Особенно это касалось изучения языков. Выпускник Московского государственного педагогического института им. Ленина А. Раскин с благодарностью за посылку с книгами писал своим родным: «Сейчас, когда есть немного времени, я почитываю и английский, закрепляю свои знания. Здесь как нигде я почувствовал, как мало я знаю и как много мне еще надо читать и работать над собой, как много еще необходимо знать мне, как “ученому” человеку»². В. Раскин (накануне войны – студент Ленинградского политехнического института им. Калинина), тоскуя по учебным занятиям, перечитывал учебники по сопротивлению материалов, теоретической механике и получал от этого «немалое удовольствие». Подобрал на поле боя какую-то шведскую книгу, начал учить по ней шведский язык без словаря и учебников, пользуясь его сходством с немецким и английским языками³.

¹ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 74–76.

² Там же. С. 246.

³ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 197, 50об.

Однако нельзя не сказать и о деструктивных тенденциях в проведении свободного времени советскими военнослужащими, сильнее всего проявившихся на завершающем этапе войны. 21 ноября 1944 г. капитан Э.И. Генкин писал в своем фронтовом дневнике: «...война идет! Идет уже 4-ый год. И серые шинели, измазанные в глине и грязи, – единственное, что можно видеть вокруг себя. От тоски люди глупеют. Я тоже ищу выход во всем: в напрасном риске на передовой, в самогонке и даже... в картах!»¹

Наиболее часто выход, действительно, искали в спиртном. Усиленное и ненормированное употребление алкоголя создавало дополнительную почву для грабежей, вандализма, насилия по отношению к гражданскому населению². Более всего эти проявления коснулись, что объяснимо, Германии. И хотя большинство советских военнослужащих могли сдерживать, контролировать негативные эмоции по отношению к населению этой страны, в сложившихся обстоятельствах кардинальные меры, карающие за мародерство, насилия, грабежи, были необходимы. Командующий 2-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский был вынужден издать специальный приказ № 006 21 января 1945 г., основной смысл которого заключался в требовании расстреливать мародеров и насильников на месте преступления. Тем не менее усилий командования Красной армии, направленных на предотвращение преступлений против мирного населения Германии, не всегда было достаточно. Лейтенант Л. Рабичев, позволивший себе опубликовать спустя 60 лет по окончании войны воспоминания с говорящим названием «Война все спишет», видит в такого рода действиях не столько акты мщения, сколько «вседозволенность, безнаказанность, обезличенность и жестокую логику обезумевшей толпы». Спустя десятилетия он характеризует происшедшее как «фрагмент преступного века»³.

В то же время источники личного происхождения свидетельствуют об обилии позитивных способов использования свободного времени советскими солдатами и офицерами, находившимися в «заграничном походе» – в Румынии, Венгрии, Польше, Чехословакии и др. странах. Много времени посвящалось прослушиванию музыки, тем более что музыкальные инструменты, патефоны и даже пластинки с русскими песнями (вероятно, вывезенные немецкими солдатами из СССР) попадались в брошенных домах довольно часто. В клубах танцевали, смотрели американские, английские, мадьярские, австрийские и советские фильмы. Заинтересованно общались с местным населением, которое иногда радовало исполнением «Катюши», «Полюшка-поля», «Стеньки Разина»⁴. Гуляя или катаясь на велосипедах по улицам городов, сравнивали увиденное с оставленным на родине, насыщались впечатлениями об архитектуре, нравах, природе европейских стран.

Этот последний год Великой Отечественной войны привел к появлению нового государственного праздника – Дня Победы. Он был установлен Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 9 мая Праздником Победы» от 8 мая 1945 г. В указе отмечалось: «В ознаменование победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков и одержанных исторических побед Красной армии, увенчавшихся полным разгромом гитлеровской Германии, заявившей о безоговорочной капитуляции, установить, что

¹ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 280.

² РГАЛИ. Ф. 2855. Оп. 1. Д. 38. Л. 7, 9–12об.

³ Рабичев Л. Указ. соч. С. 199, 204.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2855. Оп. 1. Д. 38. Л. 35об., 36об., 37об.

9 мая является днем всенародного торжества – Праздником Победы¹. В соответствии с указом Совет народных комиссаров СССР постановил считать 9 мая 1945 г. нерабочим днем.

Известие о подписании Германией безоговорочной капитуляции было встречено в Советском Союзе многочисленными митингами на заводах и предприятиях, стихийными народными гуляниями, которые продолжались до глубокой ночи и праздничным салютом в Москве. Огромное число источников личного происхождения (писем с фронта, дневниковых записей, воспоминаний, стихов), имеющих датировку «9 мая 1945 г.», предлагает свои версии о переживаниях этого дня, свои рассказы о том, «как это было». Приведем лишь одно из раздумий, зафиксированное в фронтовом дневнике капитана Э.И. Генкина: «Итак, война кончилась. Прекратилось бессмысленнейшее убийство! Верить ли?... А на душе пусто. Чего же хочется? Черт его знает! Главное, очевидно, не в том, чтобы война кончилась. Важно еще, чтобы началась настоящая жизнь»².

4.3. «Книжный голод хуже хлебного»: чтение в годы Великой Отечественной войны

Рассмотрение советского человека как читателя, реконструкция его читательских практик, процессов литературного самообразования населения СССР до сих пор относится к числу «редких» сюжетов истории повседневности. В то же время велика вероятность, что исследование такого рода практик в условиях Великой Отечественной войны будет способствовать прояснению механизмов «нормализации» существования человека в той ситуации, когда под вопрос ставилась сама физическая возможность занятий чтением, гибло огромное количество книг, но в то же время обнаруживалась обостренная в них потребность.

Размышляя о специфичности советской ситуации чтения, Е. Добренко подчеркивает, что она была обусловлена самим характером советского времени. Серьезные трансформации этого времени, колоссальная социокультурная динамика определили исключительную напряженность социального пространства читателя. Происходило преодоление прежних форм взаимодействия между ним и литературой, планомерно раскручивался процесс формирования вкусов и идеологии советского читателя государственным аппаратом. Учитывая разнородность процесса чтения и реальную мозаичность советского социума, картина читательской среды первых послереволюционных десятилетий представляется чрезвычайно сложной, но, очевидно, что «...различные читательские слои, находясь в невиданной в досоветской истории динамике, не просто читали, но творили новую культуру»³.

Многие современные исследователи согласны с тем, что уже в предвоенный период появляется «качественно другой читатель», отличный от «необработанного» властью читателя 1920-х гг. (хотя степень «обработанности» всегда относительна)⁴. В то же

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 26.

² Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 284.

³ Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997. С. 8.

⁴ Там же. С. 95; Чудакова М. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 225.

время ясно, что читательское поведение, реакции и предпочтения продолжали испытывать известное воздействие разного рода индивидуальных факторов (образование, возможности, традиции и пр.). Ситуации чтения в военный период представляют особенный интерес в силу возникновения новых «силовых линий», действовавших в интересующем нас пространстве чтения. Попробуем рассмотреть, как складывалась эта ситуация в годы Великой Отечественной войны для «взрослого читателя», а также выявить специфику чтения в условиях тыловой и фронтовой повседневности.

Начало войны было связано с вполне закономерным спадом читательской активности, а также ее преимущественной ориентацией на информацию о текущем моменте. А.З. Дьяков сообщает в своем дневнике, что с началом войны техническая библиотека на узловой железнодорожной станции Сочи, которой он заведовал в 1941–1942 гг., обезлюдела, железнодорожные работники почти прекратили читать техническую литературу и «все поголовно увлеклись читкой и обсуждением событий на фронтах». В дальнейшем тенденция на сокращение чтения «по профессии» укрепилась, и, подводя итоги за 1941 г., Дьяков отмечает неудовлетворительное состояние такого рода чтения (2 062 «технических» книги из 8 706 выданных за год). В то же время общее число посетителей (7 354 чел.), число постоянных читателей (572 чел.) и средний показатель выдачи книг (15 книг на 1 чел.) нареканий с его стороны не вызывали. Среди читательских интересов библиотекарь выделяет увлечение беллетристикой¹.

Поскольку для взрослого массового читателя в советских условиях на первом плане среди социальных институтов чтения находилась именно библиотека, то закономерно обратиться к более обширным и систематическим данным библиотечной статистики, относящимся к военному периоду. Их, в частности, предоставляет отчетность Краснодарской краевой библиотеки им. А.С. Пушкина, пережившей оккупацию г. Краснодара (и в этом смысле разделившей судьбу многих крупных и малых библиотек страны).

Накануне войны наблюдался интенсивный рост Пушкинской библиотеки по всем показателям, что было связано с приданием ей в 1937 г. статуса краевой. Всего за несколько лет книжный фонд увеличился более чем в четыре раза (с 24 753 экземпляров книг в 1936 г. до 116 864 в 1940 г.), посещаемость выросла почти в два раза (123 863 чел. в 1936 г.; 238 525 чел. в 1940 г.). Разумеется, росли и показатели книговыдач: если в 1936 г. было выдано 89 544 книги, то в 1940 г. – 310 992 книги. Средний показатель выдачи книг на одного человека в 1940 г. составил 20 экземпляров².

Данные показатели находятся в согласии с той картиной читательского наплыва в библиотеки, которую дает библиотечная статистика в целом по стране. Объяснить такой приток читателей можно и доступностью книги как продукта культуры, и общим дефицитом развлечений в повседневной жизни советского человека. Но, прежде всего, той решающей ролью в формировании советского читателя, которую играла школа. В то время как семья по ряду причин утратила в советское время свое «читателеформирующее» значение, советская школа несла в массы «единую идеологию литературы». Как подчеркивает Е. Добренко, «литература в советской школе ... соответствующим образом структурировала читательскую оптику – не только в отборе имен и произведений, но

¹ Герои терпения... С. 21, 37.

² ГАКК. Ф. Р-1621. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–3; Д. 3. Л. 16, 19–20.

и техники чтения»¹. Отсюда высокий спрос на книгу, получаемую именно через библиотеки, ставший реальным фактором бытования советской культуры, начиная с 1930-х гг.

С Великой Отечественной войной связаны серьезные изменения и в состоянии фондов краевой библиотеки и в составе ее читательской аудитории. Во время оккупации Краснодара немецкими войсками (9 августа 1942 г. – 12 февраля 1943 г.) библиотека сильно пострадала. Ее помещение было сожжено, инвентарь расхищен на 55 %, книжный фонд уничтожен на 60 % (если на 8 августа 1942 г. в библиотеке числилось 152 542 экземпляра книг, то на 15 февраля 1943 г. – лишь 67 465)². Пострадали все отделы библиотеки, но наибольший урон был нанесен общественно-политической и художественной литературе (количество книг в этих отделах сократилось по меньшей мере в 3 раза). Для населения во время оккупации библиотека не работала, по специальному заданию оккупационных властей отбирались книги для уничтожения.

С освобождением Краснодара библиотека начала пополняться новой литературой из Госфонда, производились закупки в Краснодарском книготорговом объединении государственных издательств и у частных лиц. В 1946 г. книжный фонд Пушкинской библиотеки практически достиг количества книг, существовавшего в ней до немецкой оккупации. В следующем году оно было значительно превышено, составив 192 190 экземпляров³. Есть основания полагать, что была продолжена довоенная практика наращивания библиотечных фондов без расширения ассортимента, т. е. в основном за счет увеличения тиражей.

Внимания заслуживают и те изменения, которые внес период оккупации в соотношение книг на иностранных языках. Если до августа 1942 г. в соответствующем отделе библиотеки количественно лидировали книги на украинском языке, то после оккупации больше всего книг оказалось на немецком языке (2 555 книг против 1 273 книг на украинском языке, 994 – на французском, 612 – на английском и т.д.). Книги на немецком языке вскоре оказались востребованы лагерем военнопленных, который в 1945 г. заключил договор с Пушкинской библиотекой на организацию «передвижной библиотеки» (560 книг на немецком языке и 25 – на русском). Другим потребителем иностранной литературы стал детдом для польских детей в ст. Афипской, который заказал «передвижку» на 25 книг на польском языке⁴.

Основные изменения в составе читательской аудитории библиотеки в годы войны были связаны с притоком читателей-военнослужащих. Пик его пришелся на 1943 г., первые месяцы после освобождения Краснодара от оккупации. Если за 9 месяцев 1943 г. Пушкинскую библиотеку посетило (по всем отделам) 42 035 чел., то 18 898 из них составили именно военнослужащие. В этом смысле им уступили даже учащиеся (14 254 чел.), которые до тех пор традиционно опережали по посещаемости другие группы читателей. Впрочем, в 1944 и в 1945 гг. ситуация вернулась в более привычное русло: вновь лидировали группы учащейся молодежи и служащих, за ними следовали рабочие и военнослужащие. Характерно, что отдельной категорией в отчетности библиотеки теперь фигурировали «инвалиды Отечественной войны» (в 1945 г. – 603 чел.). За 1945 г. все отделы библиотеки посетило 123 348 чел., т. е. фактически был достигнут уровень посещений 1936 г.⁵

¹ Добренко Е. Указ. соч. С. 157, 149.

² ГАКК. Ф. Р-1621. Оп. 1. Д. 3. Л. 16; Д. 5. Л. 1–2.

³ Там же. Д. 6. Л. 4об.; Д. 10. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 5. Л. 14; Д. 6. Л. 7.

⁵ Там же. Д. 5. Л. 6; Д. 6. Л. 6об.

Наиболее востребованной населением была художественная литература. В то же время возрос спрос на техническую литературу (дорожное строительство, электротехника, радиотехника) и литературу по машиностроению, технологии металла, пищевой технологии. Как отмечается в отчетах, интерес к этой литературе проявляли военные и гражданские специалисты. Военнослужащие же интересовались, преимущественно, книгами по военной истории и военному делу. В отчете за 1943 г. особо выделено, что с августа «увеличился спрос на социально-экономическую литературу в связи с выходом книги тов. Сталина *“Великая Отечественная война Советского Союза”*»¹.

Специфика военного времени отразилась в формах работы Пушкинской библиотеки с читателями. Среди этих форм выделялись передвижная работа и книгоношество. В 1943 г. было выдано 25 «передвижек» в воинские части, госпитали и на производства (в каждой «передвижке» в среднем по 100 экземпляров книг). В 1944 г. было сформировано 15 таких «передвижек». В одном из госпиталей Краснодара в 1943 г. работала «передвижка» на 350 книг, а также приходил *«работник библиотеки по 4 часа ежедневно по обслуживанию бойцов литературой по палатам»*. Достаточно регулярной была практика «читок» в госпиталях и на производствах. Например, в течение 1944 г. силами библиотечных работников было проведено 275 «читок». Их тематикой чаще всего выступало героическое прошлое русского народа, например, по произведению Новикова-Прибоя «Цусима», дневнику героя Отечественной войны 1812 г. Д. Давыдова.

Книгоноши обслуживали, прежде всего, тяжелобольных инвалидов Великой Отечественной войны (в госпиталях, на дому, в инвалидных домах), а также руководящих работников краевых учреждений и организаций, научных работников и специалистов. Если в 1944 г. ими было охвачено всего 15 инвалидов войны, то в 1945 г. – 2 320 чел. В отчетной документации библиотеки даже делалась попытка проанализировать их читательские интересы (*«Инвалид войны т. Литвинов интересуется русской историей, другой т. Поддубный интересуется разведением пчел...»*)².

Библиотечная статистика, безусловно, необходима для воссоздания общей картины читательских возможностей в СССР военного времени. Но в силу экстремальных обстоятельств такие возможности реализовать было крайне сложно. Кроме того, статистические данные мало приближают к раскрытию мотивации чтения человека военной эпохи, его настоящих читательских интересов, впечатлений от прочитанных книг. Ценную информацию такого рода можно отыскать в источниках личного происхождения – дневниках, воспоминаниях, письмах, стихах.

К примеру, дневниковые записи вышеупомянутого А.З. Дьякова довольно информативны насчет его собственного круга чтения и даже позволяют проследить, насколько логика конкретного читательского выбора определялась реалиями военного времени. Имея за плечами серьезный боевой опыт (участие в Первой мировой и Гражданской войнах), Дьяков пытается разобраться в перипетиях внешней политики, которая привела к войне. Не случайно в июле 1941 г. он с увлечением читает «Историю дипломатии» и фиксирует свои размышления в дневнике. Тяжело переживая отступление Красной армии, он настойчиво повторяет практически тщет-

¹ ГАКК. Ф. Р-1621. Оп. 1. Д. 5. Л. 4, 6, 15.

² Там же. Д. 5. Л. 5, 7, 16; Д. 6. Л. 7–7об.

ные (в силу неполноты и противоречивости официальной информации) попытки анализа ситуации на фронтах. В конце концов, оставляет их и находит «отдушину» в чтении произведений Шекспира – за зиму им прочитаны «Макбет», «Гамлет», «Король Лир», «Отелло». Весной 1942 г. наступает черед отечественной классики. Дьяков пишет: «Хочу читать Толстого “Воскресение” и “Война и мир”, Горького еще не всего прочел. Да и др. классиков тоже жаль – нет возможности ни читать много, ни писать хотя бы немного, ни на фронте сражаться». Он следует задуманному, о чем свидетельствует запись от 22 июля 1942 г.: «Воздушная тревога впервые с утра, вероятно, налет на Туапсе – все чаще! Паня уже привыкла – без суматохи оделась и направилась в убежище. Я завтракаю и читаю Толстого “Война и мир”. На вокзал уже поздно...»¹.

Нет ничего удивительного в том, что предпочтения Дьякова лежат в русле «официальной антологии», где список классиков возглавляли Л. Толстой и М. Горький, а Шекспир занимал не последнее место в ряду рекомендованных зарубежных авторов. Особая ситуация с романом «Война и мир», так как чтение этого произведения в период Великой Отечественной войны приобрело поистине массовый характер. В силу стечения обстоятельств он занял свое место среди «пропагандистской литературы актуального звучания» (известно, в том числе из пропагандистских источников, об интерпретации войны с Гитлером как повторении войны с Наполеоном), читался «жадно» и с вполне определенными целями. Анализируя стратегии блокадного чтения, П. Барскова пишет: «Роман Толстого был текстом, который многие блокадники хотели бы превратить в матрицу для видения войны вообще и блокады в частности. Такое желание исходило одновременно от идеологических верхов в качестве пропаганды и от самих блокадников»². Очевидно, данный вывод стоит распространить на большинство читателей военного времени. Во всяком случае, дневниковые записи Дьякова свидетельствуют, что чтением романа «Война и мир» он проверял «правильность» своих ощущений о войне, подтверждал свою веру в победный для России ее исход.

Вообще, судя по дневниковым записям, Дьяков как бы «прокладывал» свой личный путь к каждому из выбранных писателей. И заключения, которые он извлекал из чтения их произведений, имели для него самостоятельное значение. Приведем одно из них, попавшее в дневник: «Читал Шекспира “Макбет” – что значит честолюбие и роль женщины...» Определенное место в своих записях уделял Дьяков условиям чтения. Он читал и на работе, но в основном дома, причем посвящал этому занятию большую часть своего свободного времени, вечернего или в выходные дни. Домашнее чтение иногда осложнялось специфическими проблемами. К примеру, записывает в дневнике, что вынужден был отложить статью К. Федина о Горьком в журнале «Новый мир» из-за того, что «клопы одолели, пришлось встать и гонять их». Особенно нравилась Дьякову атмосфера семейного чтения. Он любил читать в обществе жены, круг читательских интересов которой был беднее (Прасковья Дьякова в юности батрачила, а к началу войны уже несколько лет была домохозяйкой).

Как секретарь первичной парторганизации железнодорожной станции и агитатор, Дьяков просматривал довольно много агитационной литературы, причем делал

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 451. Л. 56об.; Герои терпения... С. 21, 50.

² Барскова П. Вес книги: стратегии чтения в блокадном Ленинграде // Неприкосновенный запас. 2009. № 6. С. 42.

это заинтересованно. В круг его обязанностей входили беседы с рабочими о международном положении и читки газет, поэтому его «настольным» чтением были брошюры Г. Александрова («Гитлеровский план порабощения Европы», «Почему Гитлер терпит поражение»), А. Матюшкина («Истребить немецко-фашистских оккупантов») и др. Естественно, время от времени Дьяков обращался к работам Сталина, Ленина. Показательно, что в самый тяжелый момент жизни (когда пришло сообщение о гибели на фронте сына), Дьяков читал «Письма Горькому» Ленина. Возможно, этот сюжет дневника был своеобразным «примышлением» автора, но, в любом случае, он наделялся символическим смыслом и был призван подчеркнуть значение момента.

Пристрастие к чтению Дьяков сохранил и в эвакуации в Грузии. Примечательно, что покидая Сочи, семья «увязывает» в 4 узла «барахла личного пользования» также и 10 книг. Тоска эвакуации совпадает у Дьякова с читательской неудовлетворенностью. «Опять начал читать “1001 ночь” – однако скучная эта писанина – только и читать в период изгнания или как мы сейчас “эвакуированные”», – записывает он¹.

Благодаря дневнику Дьякова, крайне ценному подробностями фиксации военной повседневности, приоткрывается фрагмент конкретной «читательской биографии». Подразумеваемая профессиональную занятость автора дневника, казалось бы, следует считать ее нетипичной. Однако известно, что образовательный уровень Дьякова не был высоким, а жизненный опыт – легким. И в этом смысле обстоятельства его жизни близки судьбам многих его современников. В подтверждение приведем дневниковую запись, сделанную Дьяковым в день своего 50-летия 6 сентября 1942 г.: *«Итак, значит я прожил 50 лет – пол века. А кажется, что я только начинаю жить по-настоящему – осмысленно. Вспоминая весь прожитый путь – он все же очень долгий и тяжелый. Радостных дней в жизни было очень мало. В детстве бедность – голодовка и прочие недостатки в неграмотной большой семье. С 10 лет по найму. На пути 3 войны, из них 8 лет личного участия в солдатской шинели. После революции участие в восстановительной работе нового государства на различной работе рядового и среднего работника при ограниченных материальных условиях...»*²

Благодаря автобиографическому сюжету дневника проясняется тот путь, каким формировались кадры советских библиотечных работников, а также та миссия, которая на них возлагалась. Работники библиотек в своем большинстве имели низкий образовательный уровень (если речь не шла о городах и крупных научных библиотеках), были неподготовленными «новичками» (до 60 % по данным 1933 г.). Но, как подчеркивает Е. Добренко, непрофессионализму библиотечных работников государство сознательно предпочитало их правильную идеологию («...как ни плоха была ситуация массового непрофессионализма библиотечных работников, в глазах власти она была, несомненно, лучше той, при которой квалификация была несоветской...»). Отсюда – изменение состава библиотечных работников через «выдвиженчество» из «социально-ценных групп населения»³. Именно из представителей этих «групп» рекрутировались «новые библиотечные кадры». Случай А.З. Дьякова, определенно, из этого ряда.

¹ Герои терпения... С. 55.

² Там же.

³ Добренко Е. Указ. соч. С. 205–206.

К сожалению, дневники военного времени редко предоставляют сведения о читательском опыте их авторов. В силу психологических особенностей последних, а также обстоятельств и условий жизни в годы войны, данная информация часто «опускалась» либо «заслонялась» другой, более важной или насущной. Скорее всего, ей просто не придавалось значения. Письма с фронта, являющиеся одним из наиболее ценных источников для изучения военной повседневности, также не изобилуют сведениями подобного рода. Однако, поскольку определенное место в них, как правило, отводится бытовым зарисовкам, описанию рутинных повторяющихся действий, то проскальзывают и сюжеты о чтении. Наиболее часто они присутствуют в письмах фронтовиков, чья довоенная биография каким-то образом соприкасалась с литературным творчеством, журналистикой, библиотечным делом.

Естественно, основным чтением для фронтовиков были газеты. Гвардии старшина В.В. Сырцылин сообщал жене: *«Читаем газеты и даже часто центральные, так что я в курсе всех событий в стране и вне ее»*. Однако близость такого рода чтения фронтовым будням не позволяла ощутить дыхания мирной жизни, и в другом своем письме Сырцылин размышляет о разнице восприятия газетной информации, обусловленной конкретными условиями существования. Где-то на севере страны, пишет он, *«люди спокойно спят, встают и умываются не спеша, идут на работу, обедают за столом из настоящих тарелок, вечером читают в мягкой постели, в тепле газеты о том, что творится за 2 000 км от них. И жутко им читать правдивые и страшные строки, а мы привыкли – для нас это обыденно...»*¹

Газеты содержали актуальную информацию, но практически не снимали психологического напряжения. Чтение книг в гораздо большей степени настраивало на «переключение», отдых, эмоциональную разрядку. Назначение такого чтения проявлялось в восстановлении нарушенной идентичности. Думается, везде, где условия существования выходили за пределы человеческих возможностей, целью травматического чтения также становился эскапизм. Его основным вектором был перенос в иное время, в «жизнь, не похожую на современную»²

Интерес фронтовиков к отечественной классике был, в известной степени, предопределен. С одной стороны, канон классики уже сформировался и закрепился на уровне преподавания литературы в советской школе, классическая литература издавалась огромными тиражами. Естественно, для фронтовика шансы «встретиться» именно с произведением классики были самыми высокими. С другой стороны, классическая литература привлекала постановкой смысловых вопросов. Об интересе к классике упоминает заместитель редактора дивизионной газеты Алексей Шкудов, по собственным словам, владевший *«искусством правдами и неправдами доставать книги»* (в качестве прочитанных указаны произведения Л. Толстого, М. Салтыкова-Щедрина и др.). Младший лейтенант, политрук роты М. Львович на первое место в своих предпочтениях ставит Льва Толстого, на второе – Максима Горького. Очень часто упоминаема в письмах солдат и офицеров поэзия и проза А.С. Пушкина³. О преобладающем выборе в пользу классики свидетельствует фронтовое стихотворение Валентина Сырцылина:

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 25; Герои терпения... С. 89–90.

² Барскова П. Указ. соч. С. 44.

³ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 291. Л. 6; Д. 1400. Л. 84, 98; Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 27.

«У меня не землянка, а клуб.
 Чуть затишье – с соседних взводов
 Ко мне в гости солдаты идут
 И садятся по стенкам без слов.
 Я читаю им что под рукой,
 Что достать удалось где-нибудь
 Пушкин, Чехов, Некрасов, Толстой –
 Эти книги обычно со мной...»¹.

Классические произведения русской литературы («Великих классиков творенья, / Которых знает стар и млад») символизировали для Сырцылина ценности, неподвластные разрушениям врага. Для многих фронтовиков новое понимание жизни и новое прочтение классики шли «рука об руку». «Читаю и перечитываю, только сейчас начал понимать Щедрина и особенно Пушкина. Значит, теперь я уже взрослею», – заключает военный переводчик В. Раскин². А для некоторых литература выступала жизненной необходимостью; и чем невыносимей были условия существования, тем насущней становилось ее присутствие. Вспоминая изнуряющие, «оскотинивающие» условия своего двухмесячного пребывания в Тесницких лагерях под Тулой, где его готовили к фронту, Леонид Андреев (будущий замечательный ученый-филолог) описывает именно такое положение: «Мне было тяжело. Я чувствовал себя в чужом мне мире, в котором не было ничего моего. И оживлялся только тогда, когда находил статью о Мицкевиче или читал березам Есенина»³.

Особого внимания заслуживает востребованность на войне лирической поэзии. По замечанию А. Шкудова, в лирике бойцы находили «отзвуки своего сердца». Среди ценимых поэтов назывались В. Маяковский, С. Есенин, Н. Некрасов. Но по частоте упоминаний в письмах с фронта заметно выделяется лирика Константина Симонова, глубоко раскрывающая интимные темы, чрезвычайно важные в условиях войны, с точки зрения ее переживания на индивидуальном уровне. Не случайно жены и подруги одаривались в письмах фронтовиков строками из симоновского «Жди меня...» или его полным цитированием. Рядовой Г.М. Ставский сообщал жене, что настолько проникся этим стихотворением, что выучил его, чтобы прочесть на годовщине части. Большой поклонник Симонова М. Львович констатировал, что после появления «Жди меня...» перестал быть пессимистом. Своей подруге он переслал «замечательное стихотворение Кости Симонова “Далекому другу”». Убеждал прочесть его и подумать над содержанием. Такая же просьба содержится в письме командира танка И.С. Украинцева к любимой девушке, которая вскоре должна была оказаться на фронте. Молодой человек шлет ей уникальное стихотворение Симонова «На час запомнив имена...», которое в годы войны оценивалось неоднозначно. Он пишет ей, что стихотворение это «гармонизирует» его настроению (заканчивает с нажимом: «Ясно?»)⁴.

Представляется, что частная переписка не только позволяет рассмотреть литературные пристрастия военного времени, но также дает возможность проанализировать спонтанные техники использования лирических произведений для пере-

¹ Герои терпения... С. 194.

² РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 107.

³ Андреев Л.Г. Указ. соч. С. 62.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 6–7; Д. 1208. Л. 53–53об.; Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 29; Архив НПС «Холокост». Ф. 9. Оп. 1. Д. 118. Л. 10.

дачи интимной информации. Таковы, например, письма Алексея Шкудова к заочно знакомой ему девушке Юлии Рейниш. Очевидно, что в упоминании симоновского стихотворения «Хозяйка дома» зашифрован определенный посыл Алексея к Юлии о желанных женских качествах и о том, какими он видит их отношения в будущем. Другая отсылка к творчеству поэта («*Вы читали фронтовую лирику Симонова "С тобой и без тебя"?*»), с учетом содержания письма в целом, делает прозрачными намерения Алексея – добиться от девушки откровенности по вопросу о взаимоотношениях мужчины и женщины в условиях войны. В дальнейшей переписке Шкудов продолжает практику использования поэтических произведений (М. Лермонтова, С. Есенина) для конкретизации собственного образа и желаний. Судя по одной из помет Юлии, оставленной на его письме («*Прочитала все, о чем ты говоришь*»), девушка обращала внимание на такого рода «знаки»¹.

Случаи, когда фронтовики «примеряли» на себя одежды литературных героев, сравнивая себя с ними, стремясь отождествить личные качества с желанными качествами персонажей книг, порой приобретали массовый характер. Наиболее известен «корчагинский феномен», описанный уже в годы войны. Опираясь на многочисленные источники (в том числе и на фронтовые письма), С. Трегуб и И. Бачелис утверждали в 1944 г., что герой романа Н. Островского «Как закалялась сталь» Павел Корчагин стал любимым литературным героем советских бойцов и перешагнул «из книги в жизнь». М. Слоним подтверждает, что популярность этого образа приняла тогда размеры настоящего культа. По его мысли, Корчагин явился моделью для «сублимативной» самоидентификации. Из таких свидетельств Е. Добренко делает вывод о появлении «идеального читателя» (как своеобразного аналога автора – носителя концепции, воплощенной в тексте, и к тому же своеобразного «горизонта ожидания» власти), а также рассматривает «корчагинский феномен» как подтверждение широкой распространенности соцреализма в массовой читательской среде².

Обращение к популярным литературным образам происходило также в целях ослабления напряжения по поводу определенных психологических проблем. Например, данная практика применялась фронтовиками при совладании с таким не вполне «легализованным» в советском социуме чувством, как ревность. У Мирзы Геловани, Георгия Суворова и других поэтов-фронтовиков есть стихотворения, где они «примеряют» на своих лирических героев (а значит, на себя и своих возлюбленных) образы шекспировских Отелло и Дездемоны³. Образность подачи темы позволяла затушевать остроту собственных «нежелательных» переживаний, но также, что немаловажно, рассчитывать на более глубокое понимание аудитории, знающей фабулу и особенности персонажей шекспировской трагедии, и значит, способной «домыслить» то, о чем автор сказать не мог.

Заслуживает внимания еще одно явление военных лет: переживание фронтовиками отцовства в отдельных случаях проявлялось в рекомендациях женам по поводу детского чтения. Разумеется, данное наблюдение касается тех семейных фронтовиков, которые обладали достаточно высоким уровнем образования, развивали собственные литературные способности. Их частная переписка убеждает, что «*сознательное отцовство*» в условиях военных лет выражалось, кроме всего прочего (забота о непо-

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 291. Л. 6–7, 10об., 13об.

² Добренко Е. Указ. соч. С. 263–264.

³ Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. М.; Л. 1965. С. 142; Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. СПб., 2005. С. 398.

средственных нуждах семьи, сопереживание трудностям материнского труда), и в том, что отцы-фронтовики придавали чтению решающее значение в воспитании и образовании собственных детей.

Татарский писатель Ибрагим Гази, находившийся на фронте с 1942 г. вплоть до окончания войны, крайне тяжело переносил разлуку с маленьким сыном, писал для него сказки и просил, чтобы жена ему их читала. Инструктировал жену так: «*В свободное время читай, пополняй свое образование и занимайся с сыном*». Когда она пожаловалась, что мальчик начал сквернословить, посоветовал: «*Возьми там, пожалуйста, на столе книгу Макаренко о воспитании. Там ты найдешь много полезного для себя... Если он поет Тришкино, так ты научи его петь другое. Он тогда забудет Тришкино. У К. Чуковского (смотри в шкафу) есть книга “От трех до пяти” – там ты найдешь детский фольклор. Или Маршака что-нибудь пусть выучит. Не заставляй его повторять насильно, а только читай ему почаще (лучше читать каждый день в одно время)...*» Основной совет Гази насчет воспитания сына был таким: «*Приучай его к книге*»¹. Сходные наставления присутствуют в письмах домой В. Сырцылина. Подобно Гази, он советует жене читать 4-летней дочери рассказы о животных, растениях.

Особые возможности для чтения открывало пребывание бойцов на лечении в госпиталях или на учебе. Из казанского госпиталя Сырцылин писал об обилии свободного времени, стимулирующем желание прочитать «*уйму книг*». «*Книги читаю одну за другой*», – сообщал В.П. Баранов из ереванского госпиталя. «*Книги-книги, читаю их запоями...*» – писала восстанавливающаяся после ранения санинструктор Анна Солонгуб из госпиталя в Саратове².

На фронте распространенной практикой являлось чтение вслух, что определялось как условиями (например, слабой освещенностью землянки или наличием единственного экземпляра книги), так и читательской активностью некоторых фронтовиков. За чтением следовало обсуждение прочитанного, беседы на различные темы, на этой почве развивались дружеские привязанности. «*Живем дружно, часто разговариваем о книгах, искусстве, философии с тем бандитом, у которого на присланной фотографии шапка на боку*», – писал Сырцылин, традиционно выступавший инициатором коллективных чтений³.

Однако из источников известны и не столь благополучные сюжеты. Лейтенант Рабичев вспоминает, как за отсутствием других книг начал читать бойцам своего взвода перед сном при свете горячей гильзы «Евангелие» («*в пустой избе лежало на столе*»). Писал домой, что слушали внимательно. А однажды в его блиндаже заночевал незнакомый капитан, с которым разделили ужин, выпили водки. Выяснилось, что оба москвичи. Разговорились об увлечениях, родных, книгах, и даже перешли «*на ты*». «*А утром капитан Павлов вынул из кармана свое красное удостоверение и сказал, что посетил меня не случайно, а по заданию руководства СМЕРШ, что из вчерашнего разговора он понял, что я советский человек, комсомолец, но, что я совершил ошибку, читал своим бойцам “Евангелие”, и по секрету рекомендовал мне опасаться моего сержанта Чистякова, который написал в СМЕРШ, что я в своем взводе веду религиозную пропаганду, и предложил мне немедленно бросить в огонь най-*

¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 8288. Оп. 1. Д. 14. Л. 20; Герои терпения... С. 179.

² Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ “ЦДНМО”). С. 159; РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 318. Л. 6.

³ Герои терпения... С. 93.

денную мной в пустой избе книгу, а он, в свою очередь, бросил туда донос Чистякова, что мне повезло, что бумага эта попала в его руки, а не в руки его коллег. Пришлось мне впоследствии читать моим бойцам журналы “Знамя”, стихи Пастернака и Блока, “Ромео и Джульетту” Шекспира»¹.

Интересный рассказ о знакомстве с трофейной Библией содержится в одном из писем военного переводчика В. Раскина, принадлежавшего к категории самостоятельных читателей с высокими запросами. Случайно наткнувшись на Библию («взял ее у одного разведчика, из нее вертели крутки, миниатюрное издание»), он увлекся чтением и интерпретацией прочитанного. «Читаю с большим удивлением, никогда не думал, что там столько войн, грабежей и убийств. Чувствую, как иной раз во мне просыпается недобитый филолог с неискоренимой привычкой считать, анализировать и т.д. Библия кажется мне достаточно наивным, недостоверным, но все же историческим трудом. Я дочитал только до книги Самуила, но у меня уже сложилось впечатление, что библия – продукт коллективного творчества. После войны обязательно познакомясь с научной литературой о библии. Очень доволен, что мне попалась эта черненькая книжечка с золотым обрезом. Читая ее, чувствую, что кое-чему учусь. В конце концов, ведь это литература не хуже всякой другой. А вы читали библию? Если да, то, верно, обратили внимание на малодушие и свирепость Израиля: перед боем – плач и крик, после боя – грабеж и уничтожение противника до телят включительно. Совершенно непонятно, почему это господь так лялькался с нашими непослушными праотцами. Как видите, прилежно взялся за библию. Да запишут это в приход на моем текущем счете в небесах»².

Не менее интересны реплики Раскина в ответ на рекомендации подруги обратиться к произведениям известных советских поэтов. Например, демонстрирует избирательность в отношении поэзии: «Суркова еще не читал и вряд ли буду (извините!), т.к. лежит у меня Фауст и “Лирика” Пушкина». Что встречается нечасто, категорично настроен против Константина Симонова, даже предлагает подруге бросить его читать и переключиться на Маяковского («Вот это стихи!»). Объяснения по поводу неприятия Симонова оставляет на личный разговор после войны. А пока пишет следующее: «Начинаю понимать, что такое война. О ней К. Симонов мало знает. Читайте лучше Твардовского». Кроме того, Раскин сознательно отвергает чтение прозы о Великой Отечественной войне. «“На войне душе солдата сказка мирная милей”. А на фронте, да о фронте... Не хочу»³.

Впрочем, выбор книг в условиях фронта был невелик. Хотя при воинских подразделениях существовали походные библиотеки, имевшие в своем составе как художественную, так и общественно-политическую литературу, но в суровых обстоятельствах они быстро скудели, терялись, далеко не всегда были «под рукой» у бойцов. Поэтому читалось, в основном, найденное, подобранное на «дорогах войны», присланное родственниками, либо купленное по случаю, проездом через Москву. Особое обострение проблемы наличия литературы было связано с пребыванием Красной армии за границами СССР. Писатель Ибрагим Гази в письме, написанном из Польши, обращался с просьбой к другу, директору казанского музея М.Н. Елизаровой: «Не сможешь ли мне прислать какую-нибудь книжечку или литературный журнал (ста-

¹ Рабичев Л. Указ. соч. С. 102.

² РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 98.

³ Там же. Л. 26, 84, 107.

рый!). Книжный голод хуже хлебного. По-польски читать не умею. Хотя калякать уже кое-как могу. Война научит»¹.

Отмечались также проблемы с периодикой; в архивных фондах редакций газет отложилось большое количество писем, в которых бойцы просили выслать им один либо несколько номеров газет. При этом чаще всего упоминали о «землячестве» и желании быть в курсе жизни в родных краях. Редакции, как правило, шли навстречу таким просьбам. Имели место и собственные инициативы редакций. Так, в конце 1941 г. редактор многотиражной заводской газеты «Сталинец» (г. Казань) Б.Д. Орешников вступил в переписку с фронтовиками (своими друзьями и знакомыми, в основном бывшими работниками завода) и продолжал ее до конца войны. За это время Орешниковым было послано более тысячи писем и, как правило, с каждым письмом высылались пара номеров заводской газеты. Как впоследствии вспоминал сам Борис Дмитриевич Орешников, естественным образом получилось, что «на страницах газеты был организован постоянный отдел: “Перекличка фронта и тыла”. В нем помещались письма фронтовиков об их повседневных делах, боях с немецко-фашистскими захватчиками, а также письма работников завода о том, как они выполняют свой долг перед фронтом. Письма фронтовиков читались на собраниях бригад, смен, цехов. Письма работников тыла, печатавшиеся на страницах газеты, читались фронтовиками, использовались для политинформаций, воодушевляли фронтовиков». Не акцентируя свое личное участие, Орешников делится убеждением в том, что «маленькая заводская многотиражка делала очень нужное дело, вносила свой вклад во всенародное дело – разгром немецко-фашистских захватчиков»². Письма его корреспондентов, сохранившиеся в Национальном архиве Республики Татарстан, свидетельствуют об этом как нельзя лучше.

Подводя итоги, следует отметить, что потенциально военное время, разумеется, оказались не в состоянии способствовать росту читательской аудитории, так как характеризуется тяжестью воздействия, долговременной неопределенностью, непосредственными угрозами самому существованию человека. Такие обстоятельства и риски сложно совместимы с потребностью в чтении. Тем не менее Великая Отечественная война вызвала значительную читательскую активность, хотя она же создала множество преград для ее осуществления.

Высокий спрос на книгу в военные годы следует связать как с активным привлечением литературы к мобилизации населения на борьбу с фашизмом, так и с теми успехами, которые были достигнуты властью в создании «нового читателя» и «новой перспективы чтения» уже к началу 1940-х гг.³ Эти успехи подтверждаются не только статистическими данными, но и теми суждениями о «книжной культуре русских», которые оставили в своих мемуарах немцы, побывавшие на Восточном фронте. Одно из таких суждений принадлежит доктору Гейнриху, неплохо знакомому с русской культурой и образом жизни: «Разница между немецким и русским народом заключается в том, что мы держим наших классиков в роскошных переплетах в книжных шкафах и их не читаем, в то время как русские печатают своих классиков на газетной бумаге и издадут бесформенными изданиями, но зато несут их в народ и читают»⁴.

¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 8288. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

² НА РТ. Ф. Р-2157. Оп. 8. Д. 2. Л. 1–3.

³ Добренко Е. Указ. соч. С. 7.

⁴ Немцы о русских. С. 143.

Однако тенденции развития читательских практик в годы Великой Отечественной войны определялись и другими факторами. Следует иметь в виду глубокое воздействие экстремального опыта войны, отразившегося как на самовыражении советских литераторов, так и на потребностях читательской аудитории страны. Существует достаточно свидетельств в пользу того, что в годы войны произошло значительное освобождение литературы от штампов и обращение к тем темам, которые отвергались в предыдущее десятилетие. В условиях фронтовой жизни происходило расширение коммуникативных возможностей советского человека, его кругозора и представлений о различных сферах окружающей действительности. Также можно предположить появление некоторых «объемов» свободного времени, которыми он зачастую не располагал в мирной жизни. В частности, поневоле свободный от домашних (семейных, бытовых) забот, человек на фронте мог более-менее произвольно тратить свое личное время, в том числе и на чтение. Чтение, определенно, входило в число тех потребностей комбатанта, удовлетворение которых обеспечивало ему душевный комфорт и развитие.

4.4. Война и новый опыт взаимоотношений полов

Исследователи российской любовной/сексуальной культуры обычно обходят период Великой Отечественной войны почтительным молчанием, подразумевая, что ничего особенного, нового (в сравнении прежде всего с предвоенным десятилетием) в данной сфере не происходило. Они ограничиваются жесткими выводами о том, что в период с начала 1930-х до начала 1950-х гг. вся страна стала «казармой с единым уставом», происходила «внешняя социальная регуляция» сексуальной сферы¹. Даже обращая внимание на различие форм взаимоотношений полов в крестьянской, рабочей, интеллектуальной среде, исследователи обычно фокусируют его на исключительной роли государственных институтов во внедрении «новых» принципов сексуальной жизни, информационной закрытости сферы взаимоотношений полов в СССР².

Отдавая должное справедливости этих выводов, тем не менее отметим, что в эволюции взаимоотношений полов в СССР военный период стал поворотным для развития сферы чувств. Доказательства этому содержатся в массе источников, до сих пор чрезвычайно редко привлекавшихся для раскрытия проблематики чувственных переживаний и сексуального поведения советских людей, в том числе и в военные годы. Среди этих источников художественные тексты (прежде всего лирическая поэзия), частная переписка, дневники, воспоминания.

Так, историко-социологический анализ художественных текстов, относящихся к предвоенному десятилетию, показывает, что отказ от изображения личностной сущности любви стал самой серьезной потерей лирической поэзии этого периода. Поскольку внимание к личному пространству противоречило эстетике большого стиля, а поиски любви или устройство личной жизни не являлись двигателями сюжета в культуре соцреализма, постольку подобного рода категории и мотивации

¹ Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996. С. 37.

² Марков А. Был ли секс при Советской власти? // Родина. 1995. № 9. С. 51–55; Шаповалов В.Ф. Особенности российской сексуальной культуры. Семья и брак в России // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 163–172.

«выталкивались» и из этого жанра индивидуального выражения. Из поэзии также исчезала эротика.

В военные годы любовь вернулась в лирику практически со всеми своими атрибутами (интимность, страсть, ревность), хотя, что естественно, с известными ограничениями «по-советски». Экстремальный опыт Великой Отечественной войны наложил свой отпечаток как на поэтическое самовыражение советских литераторов, так и на потребности читательской аудитории страны (потенциально таковой являлось все ее население). Очевидно, что именно под влиянием шока военного времени некоторым поэтам удалось отойти от канона лирической поэзии, сформированного в предшествующее десятилетие¹. Впрочем, определенные условия «реабилитации» лирической темы наметились уже на исходе 1930-х гг., когда официальные круги проявили заинтересованность в постижении личной сферы советского общества (свидетельство тому – дискуссия в 1940 г. в газете «Правда»). К этому подтолкнули сложные социокультурные процессы предвоенного периода, связанные, в частности, с вхождением в жизнь «первого истинно советского поколения» (рожденных в начале и середине 1920-х гг.), проявлявшего недостаточную устойчивость в нравственном отношении. Эти условия требовали отклика и, как пишет А. Крылова, «...будучи не в силах игнорировать появление нового поколения и связав его внутреннюю раздвоенность с областью личного, официальная идеология предвоенных лет признала существование частной сферы и мобилизовалась на ее освоение и подчинение»². Литературе отводилась в этом смысле важная роль, и, соответственно, открылись определенные перспективы «раскрепощения» в лирике. Реализовались они в первые годы войны в тех новых обстоятельствах, в которых человеческие эмоции стремились вырваться из-под внешнего и внутреннего контроля. Феноменом здесь представляется творчество К. Симонова; вряд ли будет преувеличением мысль, что любовь военного времени более всего известна послевоенным поколениям по его лирическому циклу «С тобой и без тебя». Многих поэтов, творивших в более поздние советские годы и гораздо менее стесненных писать об этом чувстве, Симонов оставляет далеко позади в том, что касается отображения противоречий переживания любви. Несомненно, свою определяющую роль в его творчестве сыграли социальные реалии военного времени.

Знакомство с лирической поэзией военных лет позволяет ощутить эмоциональное раскрепощение, тесным образом связанное с войной. Поэты, особенно оказавшиеся на фронте, остро почувствовали, что то «люблю», которое по разным причинам не получилось сказать в довоенной жизни, могло остаться невысказанным никогда. Герой лирического цикла Константина Симонова «С тобой и без тебя» делает это открытие на основании собственного опыта войны. В обнаружении физической стороны его связи с героиней нет провокационности, эпатажа, а есть логика выстраиваемой сразу в нескольких стихотворениях последовательности взаимоотношений: сначала близость, а только затем признание в любви со стороны героини, которое постоянно подвергается сомнению. Кроме того, за героиней признается известная инициативность в развитии отношений, подразумевается ее связь с другим, помимо

¹ См. об этом: Давыдов Д. «Я то, что есть, и я говорю, что мне хочется» (О «Последних стихах» Елены Ширман) // Новое литературное обозрение. 2002. № 55. С. 244–248; Чудакова М. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 223–259.

² Крылова А. Советское личное: «семейно-бытовая» тема в предвоенной советской литературе // Соцреалистический канон: сб. ст. СПб., 2000. С. 805.

героя, мужчиной (или способность на подобную связь)¹. За такой логикой стихотворений цикла обнаруживается ломка привычного (во всяком случае для риторики исследуемого времени) алгоритма женского поведения. О готовности советского человека к таким переменам говорит ошеломляющий успех симоновской лирики. Этой высокой отзывчивости есть объяснение, и оно кроется не только в остроте эмоциональных потребностей, порожденных войной.

После революции 1917 г. в обыденном сознании проявилась тенденция к определенной трансформации этических норм. Подкрепленная в ходе сексуальной революции 1920-х гг., она воплотилась в весьма пеструю картину нравов, в которой явно присутствовало «стремление к полноте самовыражения». Данные опросов 1920-х гг., приводимые С.И. Голодом, свидетельствуют о широком распространении сексуальных контактов в молодежной среде². Открытием для исследователей стало то, что добрачные сексуальные связи перестали быть «привилегией» мужчин, обоими полами стала допускаться возможность внебрачных контактов. Кроме того, наметилась тенденция к обособлению сексуальности и брачности, в основе партнерских отношений вне брака теперь лежало психофизиологическое влечение, как правило, с обеих сторон. Таким образом, даже с учетом торжества лицемерно-ханжеской линии в вопросах секса и взаимоотношений полов в целом (а именно так развивались события в стране в 1930-е гг.), не стоит приуменьшать готовность советских людей к восприятию избранной Симоновым в своем поэтическом цикле логики показа отношений между мужчиной и женщиной. Власть предрешающие, хотя и растерянные перед лицом войны, но не утратившие присущего прагматизма, вынужденно поступились довоенным регламентом и выдали любовную лирику «воюющей, вставшей на краю обрыва России как знаменитые сто грамм перед боем»³.

Любовная лирика К. Симонова обозначила интерес к любви-страсти, затронув сами устои советской семьи. Незамедлительно последовали нарекания коллег и критиков. М. Чудакова, анализируя истоки отрицательной реакции А. Твардовского на данный пласт лирики Симонова, доказывает, что это было, по сути, соперничество двух укладов: городского и крестьянского⁴. Для поэзии Твардовского 1930-х гг. была характерна доминанта семейных добродетелей, бытовой реальности, сдержанности любовных отношений, и этим он был близок крестьянскому укладу с его традиционными ценностями. Но в условиях войны на первый план выходит поэзия, отдающая приоритет любви «городской», в которой присутствует такой компонент, как страсть, не затушевывается сексуальная составляющая.

Общая тенденция усиления темы любви как исконной поэтической темы, более смелого (говорить о раскованности не представляется возможным) ее раскрытия не подлежит сомнению. Хотя она и не касается всего корпуса советской лирической поэзии, но о ней достаточно хорошо свидетельствуют изданные в послевоенный период сборники стихов советских поэтов, павших на Великой Отечественной войне⁵.

¹ Симонов К.М. Собр. соч. В 10 т. Т. 1. М., 1979. С. 152, 154–157, 195.

² Голод С.И. Указ. соч. С. 25–29, 30.

³ Чудакова М. Указ. соч. С. 238.

⁴ Там же. С. 245.

⁵ Стихи остаются в строю. М., 1958; Сквозь время: Стихи поэтов и воспоминания о них. М., 1964; Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. М.; Л., 1965; Имена на поверке. Стихи воинов, павших на фронтах Великой Отечественной войны. М., 1975.

Последняя (и самая полная) из подобных антологий появилась несколько лет назад¹. В этих изданиях собраны стихи преимущественно молодых поэтов, для которых уже в силу возраста тема любви имела особое значение. Самому молодому из авторов было 20 лет, большинство погибло в первые два года войны.

Именно реалистичность, биографичность любовной лирики поэтов-фронтовиков позволяла крайне ограниченному в репертуаре чтения и возможностях самовыражения советскому человеку «считывать» из нее свой собственный опыт интимных взаимоотношений: опыт коротких встреч и долгих разлук, мук ревности и счастья признаний, страха смерти и желания жизни. Этот личный опыт отразила частная переписка военного времени. В силу ряда факторов (мобилизация большого числа мужчин, постоянные перемещения как армии, так и мирного населения, длительность войны) она оказалась едва ли не самой распространенной формой общения полов в годы Великой Отечественной войны.

Исследование частной переписки приводит к выводам об эмоциональной сдержанности, свойственной письменному общению между фронтовиками и близкими им женщинами. Свою роль в этом играл фактор цензуры. Скрытность в интимной жизни культивировалась самим советским режимом². Она вменялась в обязанность людям сталинской эпохи, без различия, шла ли речь о женском или мужском сценарии. Сентиментальность и чувственность проникали в переписку в зависимости от индивидуальных особенностей авторов. Так, И. Гази сознательно отказался от выражения сильных эмоций. Забрасывая жену советами по ведению хозяйства и воспитанию сына, он всячески избегал писать ей о душевных переживаниях (*«лучше сдерживаться, иначе трудно жить»*, *«соскучился я ужасно, но только писать об этом в подробностях не хочу»*). Напротив, письма генерала П.Л. Печерицы к жене наполнены нежностью: *«Если бы ты знала, как я хочу тебя видеть – подержать в руках твою седую голову, и крепко-крепко поцеловать»*. Чувственно прощание в одном из них: *«Целую тебя крепко, крепко, всю, всю»*. О степени доверия между супругами можно судить по эпизоду, когда, перечисляя цены на продукты и услуги в Польше, Печерица выделяет двойным подчеркиванием следующее свое замечание: *«Ночь в бардаке стоит 700 злотых (последних, кстати сказать, много)»*³.

На общем фоне необычное впечатление оставляют письма гвардии старшины В. Сырцылина, довольно свободные в изъявлении чувств, вплоть до самых интимных моментов. Те нежности, которые, очевидно, присутствовали в отношениях супругов до расставания, с осязаемым удовольствием переносятся фронтовиком в письма: *«Целую твои задние и передние лапки и прочие вкусные местечки»*. Он подчеркивает потребность в жене: *«Ложусь спать и оставляю тебе местечко»*. В приближении возвращения шуточно «угрожает»: *«Немного еще терпенья и мы снова будем пиццать вместе. Уж тогда берегись! До дырок зацелую...»*. Однажды замечает: *«Как дочурка?.. Эх, братца бы ей, да нешто по почте сделаешь!»*⁴

Известно, что письма от любимых женщин, равно как и от других корреспондентов (родителей, детей, друзей), нередко читались вслух. Как свидетельствуют

¹ Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. Стихотворения и поэмы. СПб., 2005.

² Смирнов И. Соцреализм: антропологическое измерения // Соцреалистический канон. С. 18.

³ Герои терпения... С. 139, 151, 178.

⁴ Там же. С. 88, 110, 112.

сами фронтовики, таким образом происходила взаимная поддержка в ситуациях, когда кто-то из них долго не получал вестей из дома или вообще не имел переписки. Достоянием окружающих становились также фотографии любимых. Их хранили на видном месте, вставляли в портсигары, украшали ими стены временных пристанищ (блиндажей, землянок). В письме командира огневого взвода Льва Осиновского упоминается фотокарточка жены, которую он вставил в портсигар. *«Получилось очень оригинально. Милое лицо смотрит на меня из красиво выгравированного ордена Отечественной войны. Но факт бесспорный и признанный всеми – портсигар красит твой портрет. Вот так-то, моя любовь»*¹.

Война, несомненно, испытывала на прочность отношения многих семейных пар. Длительный разрыв семейных уз, связанный с ней, мог провоцировать рост недоверия по отношению к супруге, и как крайнюю ситуацию – пересмотр мужчиной своего семейного положения (разумеется, таким же образом могла поступить и женщина). Скептические прогнозы насчет верности жен, которые бытовали во фронтовой среде, в какой-то мере создавали почву для такого поворота. Характерные зарисовки из писем и дневников военнослужащих позволяют заключить, что многие мужчины стремились создать своеобразную «круговую поруку» в этом вопросе. К примеру, дневниковая запись Э.И. Генкина сообщает: *«Часто приходится слышать насмешливые реплики друзей – “Брось! Что ты думаешь – она тебя ждет?! Гуляет во всю!!!”*»². О подобных настроениях свидетельствует также письмо Сырцылина: *«У нас как-то зашел разговор о женщинах и мне пришлось выдержать сильное нападение, я не верил им, что есть такие, что отказываются от своих мужей, ушедших на фронт. Но теперь я верю, что сволочи еще много»*. В другой дискуссии о семье, в которой ему довелось участвовать, *«многие были склонны определить ее как ярмо на шее, как безрассудство молодости, что, семья, дескать, семьей, а я сам себе хозяин, а жена сама себе хозяйка. Договорились до того, что все жены изменницы и вообще они причина всех бедствий»*³. Подводя итог подобной беседы, 24-летний военный переводчик А. Раскин записал патетическое: *«Как низки же таки еще многие женщины в тылу»*⁴.

«Масла в огонь» подливали советские газеты, время от времени в профилактических целях поднимавшие тему женского предательства. Много шума в тылу и на фронте наделал, к примеру, напечатанный 2 июня 1942 г. в «Правде» материал под названием «Жена», рассказывавший об отношении женщины к вернувшемуся с фронта мужу-инвалиду. Между многими супружескими парами состоялся тогда «письменный разбор» собственных отношений, завершившийся идиллическим: *«Думаю, что с нами этого не будет. Конечно, да!»*⁵. Однако более вдумчивые читатели «Правды», такие, например, как политрук роты Д.А. Абаев, посмотрели на проблему реалистичнее и шире, а потому избавили своих подчиненных от знакомства с этой статьей. Из письма Абаева жене: *«Конечно, подумал... о том, что не исключена возможность оказаться в положении Курочкина еще многим, и в частности собственной персоне. Я лично этой статьи не прочитал бойцам сознательно, потому что вызывает слишком много таких чувств, которые просто у здоровых людей не к месту,*

¹ Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»). С. 410.

² Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 279.

³ Герои терпения... С. 92, 100.

⁴ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 246–247.

⁵ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. С. 24.

вызывает какую-то “квазию”. Хочешь ты или нет, а каждый должен задуматься и заняться анализом, а что если я буду калекой? Как будет реагировать моя жена? О самой мысли, возможности остаться калекой совершенно не хочется думать. Правда, эти возможности – реальная действительность, но хочется думать о другом, о полноценной жизни».

Автор письма предвидел возможные возражения своей позиции, первое из которых заключалось «в том, что в статье проводится мысль, чтоб наши бойцы не поддавались таким настроениям, финал радостный, но, к сожалению, ведь “иллюх” – то очень много у нас... Есть ведь и такие факты, когда некоторые жены, под влиянием определенных трудностей, в порядке облегчения своей жизни строят новую жизнь, новую семью, забывая о том, который по призыву страны, выполняя свой долг, вынужден был оставить свою семью». Второе возражение он связывал с тем, «что в статье проводится мысль, что и инвалид в нашей стране может заполнить свою жизнь определенным общественно-полезным созидательным содержанием. Это – верно, но на черта мне думать и вдалбливать в мою голову, что я окажусь калекой, но “ты не беспокойся мол так-то и так”. Ведь наши люди в борьбе с гитлеровцами на каждом шагу проявляют чудеса храбрости не для того, чтоб получить хорошее внимание как инвалиду священной, великой отечественной войны, нет и нет... Для меня совершенно непонятно, зачем тревожить наши здоровые сердца». С другой стороны, Абаев считал статью очень полезной для «жен», а потому отослал вырезку с ней жене «как непосредственному адресату». Посоветовал ознакомить со статьей товарищей по работе, что, по его мнению, оказало бы «тормозящее влияние в части размножения “иллюх”»¹.

Хотя военнослужащие нередко критиковали половую распушенность своих товарищей по службе, упреки в отношении поведения женщин встречаются гораздо чаще. «Женщины сами походили с ума. Фраза “Все равно война” очень модная всюду», – писал Абаев в марте 1942 г. с Украины. Во множестве щекотливых ситуаций, свидетелем которых он был, вина им возлагалась главным образом на женщин, так как «абсолютное большинство фронтовиков семью в своем сознании держит как святыню»². Сотрудник дивизионной газеты А.П. Поповиченко, которому, по его собственным словам, не раз приходилось преодолевать искушения в лице медсестер, телефонисток, женщин из гражданского населения («охотников на мою персону немало»), жаловался супруге на постигшее его разочарование в женском поле. «Что это за люди. Не знаю, война ли, или что подействовало на них, но большинство из них стоит на грани духовного и морального падения. Только единицы остались в моей памяти как порядочные люди. А ведь по рассказам, да и самим фактам, они до этого были, кажется, не плохими людьми. От всего этого меня тошнит. Я потерял веру в самое дорогое, самое лучшее, красивое, прелестное в жизни человека – веру в женщину, в ее моральную чистоту. Это трагедия!»³. И хотя автор этих строк моральной устойчивостью не отличался (что станет известно позже и его жене), он выразил достаточно распространенную точку зрения.

Реальные взаимоотношения между мужчинами и женщинами, которые строились на протяжении войны, рождали у некоторых красноармейцев аналогии с картина-

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 18–20.

² Там же. Д. 1454. Л. 26об.

³ Там же. Д. 369. Л. 256об.–257.

ми «чумы», наводили на мысли о крахе, который ожидает в послевоенном будущем многие советские семьи. *«Сумасшествие идет как со стороны мужчин, так и со стороны женщин, – писал Абаев жене в 1944 г., – с той только разницей, что женщины с прицелом обосновать себя на будущее забывают подчас о нормах и против мужчин сумасшествуют в десятикратном размере больше. Ты можешь меня спросить, а сам? Скажу прямо и откровенно, что желаний встречаться с объектом хоть отбавляй, но боязнь катастрофы после двух контузий заставляет отбрасывать эту мысль дальше, чем ты думаешь, не говоря уже о том, что условий для этого у нас слишком мало»*¹.

Но не только бытовые неудобства и сомнения в мужской состоятельности отвращали многих фронтовиков от мысли об измене. Самым главным препятствием была настоящая любовь или глубокая привязанность к жене или невесте. *«Мне хочется в том случае, если я не останусь жив, чтобы у тебя была память обо мне чиста», – писал политрук роты М.Б. Ваил*². Но взаимности в своей верности требовать «через годы и расстояния» было трудно. *«Живи так, как подсказывает тебе твоя совесть, твой организм, твои индивидуальные потребности. Ты на меня за это не обижайся, я ведь не хочу тебя обидеть», – писал жене Поповиченко*³. Абаев же твердо придерживался позиции, которую довел до жены в марте 1944 г.: *«Даже в том случае, если наметилось отчуждение, обманывай меня сознательно до конца войны, с тем, чтобы я не переносил двойного напряжения нервов. Перенести ведь это очень трудно, а мне нужно сохранить себя волевым человеком, для того, чтоб выглядел и на деле был полноценным сыном родины в борьбе с врагом»*⁴.

Таким образом, в душевных переживаниях человека военного времени значительное место занимали муки ревности, вопросы взаимного доверия в любви. Потенциальное недоверие к женщине (подруге, невесте, жене) автоматически осуждало мужчину, находившегося на фронте, от обязательств по отношению к ней. В силу этого он мог скрыть от новой знакомой (встреченной на «дорогах войны» либо той, с которой вступил в «заочную» переписку) свой статус женатого человека и включиться в отношения, позволяющие ему моделировать свою личную жизнь в какой-то мере «с чистого листа».

Опыт переписки с незнакомыми ранее женщинами в период Великой Отечественной войны приобрели тысячи советских военнослужащих. Для многих это было связано с отсутствием корреспонденток, письма которых стали бы своеобразными психологическими «отдушинами». Причинами этого являлись оккупация родных мест, потеря или гибель близких людей или просто отсутствие устоявшихся в довоенный период связей с женщинами. Из потребности в чувственных переживаниях, сексуальном самоутверждении и ряда мотивов иного свойства и возникло явление фронтовой переписки с заочно знакомыми девушками. Чаще всего такого рода общение сводилось к обмену одним-двумя посланиями. В тех случаях, когда корреспонденты проявляли настойчивость и равную заинтересованность, количество посланных и полученных писем исчислялось десятками, а мужчина и женщина достигали высокой степени взаимопонимания и даже получали шанс перейти на новый уровень развития отношений. *«Раз мы решили переписываться, то письма должны получать более часто. Стало быть, их нужно часто писать», – настаивал*

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 78–78об.

² Там же. Д. 360. Л. 22об.

³ Там же. Д. 369. Л. 87об.

⁴ Там же. Д. 1454. Л. 107а.

уже во втором письме заочной знакомой Алексей Шкудов, чью переписку можно отнести к примерам именно такого «глубокого» общения¹.

Особенно активно были вовлечены в практику переписки с заочно знакомыми женщинами молодые военнослужащие. Испытывая повышенную заинтересованность в общении с женским полом, обусловленную возрастными особенностями, они зачастую не имели опыта в данной сфере, элементарно «не успевали» завязать до ухода на фронт такие отношения, которые могли бы быть продолжены в форме переписки. На фронте же возможности непосредственных контактов с женщинами были крайне ограничены. Кроме того, облик находившихся в рядах армии женщин мало способствовал возникновению притяжения. 18-летний Юрий Романенко, служивший в пехоте, писал матери: «В отношении девушек дак не приходится говорить, ведь их у нас можно сказать нету. А если есть дак они и на девушек не похожи так недоразумение»². Офицер-пехотинец А.З. Лебединцев с содроганием вспоминал о внешнем виде связисток и медичек, особенно в зимнее время, когда их фигуры уродовали солдатские кальсоны, ватные брюки и телогрейки³. Вплоть до заключительного этапа войны, открывшего доступ к трофейной одежде, фронтовички, очевидно, проигрывали заочным знакомым по переписке, которых мужчины знали в лучшем случае по фотографиям.

Семейные фронтовики также активно налаживали отношения с «заочницами», что не порицалось и имело вполне легальный характер, если военнослужащий утрачивал связь с семьей и даже предполагал ее гибель. Известны случаи, когда фронтовики намеренно скрывали свой семейный статус. Причины вступления семейных мужчин в переписку с «заочницами» тесно связаны со спецификой письменного общения, складывавшегося у них с домашними, прежде всего с женами. Она сводилась преимущественно к обсуждению бытовых вопросов. Получение письма обычно описывалось ими как счастливый момент повседневного существования, однако однообразный круг затрагиваемых в нем непростых тем не всегда снимал напряжение фронтовых будней, а иногда даже, напротив, способствовал повышению беспокойства комбатантов.

В переписке с заочно знакомыми женщинами доминировали иные темы. Стороны часто обсуждали литературные и кинематографические предпочтения друг друга, любимые формы проведения досуга, текущее настроение, яркие впечатления. К беседам на отвлеченные темы располагало отсутствие общих знакомых и общих бытовых проблем. Тональность таких писем обычно легкая, хотя и не всегда сводимая к флирту. В них проявлялась склонность многих женщин к романтизации образа адресата как воина-защитника, идеализации его личных качеств. Из писем «заочниц» В.В. Сырцылин, например, получал те похвалы своим способностям и достоинствам, которыми явно не изобиловали письма от жены. Одна из корреспонденток называла его «человеком непостижимого ума» и своим «славным вдохновителем», другая – «самым близким человеком»⁴. Корреспондентки упоминали, что письма фронтовика воодушевляли их жить и стремиться к новым горизонтам. Нет сомнений, что такое же восприятие переписки с некоторыми «заочницами» было и у самого Сырцылина.

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 291. Л. 3.

² Герои терпения... С. 166.

³ Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Указ. соч. С. 507.

⁴ Герои терпения... С. 129, 130, 136.

Случай Валентина Сырцылина, который утратил связь с семьей (женой и трехлетней дочкой) и обратился на радио с открытым письмом к своим друзьям, весьма показателен. Это письмо было прочитано по центральному радио 21 июня 1943 г., и в результате завязалась переписка автора (по его собственным словам, данный эффект был неожиданным) с множеством женщин, живо откликнувшихся на его послание. Первоначально Сырцылин недоумевал (*«прямо не знаешь, что им отвечать»*), но вскоре процесс общения захватил его. Спустя несколько месяцев интенсивной переписки (в месяц приходило до 100 писем из Казахстана, Сибири, Москвы и других мест, на которые выборочно давались ответы) Сырцылин писал жене, почтовая связь с которой возобновилась и которую он держал в курсе истории с «заочницами»: *«Если бы не письма, получаемые через каждые 2–3 дня – можно было бы сойти с ума»*. Примечательно, что в том же письме, в целом наполненном глубокой тоской по семье, Сырцылин роняет фразу: *«Знаю, что скучаешь без моих писем, поэтому насильно заставляю себя писать»*¹.

Доминирующим мотивом к переписке, независимым от конкретных социально-демографических характеристик, была потребность комбатантов в положительных эмоциях, психологической релаксации. Достижение такого рода эффектов связано в первую очередь с любовным чувством. Ему в специфических условиях фронта приписывалась особая оберегающая сила. Одна из магических формул, имевших хождение в солдатской среде, гласила: *«Пуля любовь щадит, смерть ее боится»*². Отсюда возникало большое желание комбатанта иметь этот «оберег», идти в бой ради дорогого человека и общего с ним будущего.

Каналы, которые использовались для поиска такого адресата, отличались разнообразием. Иногда военнослужащий использовал для завязывания переписки случайно выпавший шанс. *«Здравствуйте, уважаемая..!»*, – так начинается письмо танкиста Анатолия Еремина в г. Железноводск Ставропольского края. Оно адресовано заведующей общим отделом горисполкома тов. Подрыге, которая ранее сообщила Анатолию о положении его родителей и помощи, им оказанной. Хотя суть письма сводится к просьбе женщине сообщить ее имя (*«Ваше имя мне нужно для памяти о счастливой минуте в дни отечественной войны»*), но в нем деликатно намечаются перспективы дальнейшего общения³.

Однако намного шире были распространены иные, более «надежные» каналы установления письменных отношений с незнакомыми ранее женщинами. К ним относились соответствующие обращения фронтовиков в средства массовой информации (в газеты и на радио), а также письма, направляемые в местные комитеты ВЛКСМ. По сути интимная потребность в общении с лицами противоположного пола, таким образом, достаточно легко обнажалась в публичной сфере. Очевидно, что именно «освящение» практики переписки с заочными знакомыми (путем пропуска ее через такие фильтры, как советская пресса, а тем более комсомольские комитеты) придавало ей необходимую легитимность.

В силу патриархальных установок, которые не утратили своего влияния в рассматриваемый период, обращения, как правило, инициировались мужчинами, а женщинами ожидалось. Мужчины проявляли свою заинтересованность как кол-

¹ Герои терпения... С. 98, 100, 102.

² Там же. С. 90.

³ ГАСК. Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.

лективными, так и индивидуальными посланиями. Владимир Вершинин, к примеру, адресовал свое письмо «дорогим девушкам-комсомолкам» в Токаревский райком комсомола. Мотив обращения был сформулирован предельно просто: товарищи получают письма от девушек, и «становится грустно на душе молодого бойца». Письмо напоминает газетные объявления о желании познакомиться, только красноармеец сообщает не параметры своей фигуры или увлечения, а подробности ежедневного фронтового быта («Пишу письмо из фронтового блиндажа, только лишь слышно, как свистят пули и снаряды»)¹. Сходство с объявлениями придает и обращенная к незнакомкам просьба прислать фотографии, традиционная для писем с фронта.

Направление подобных писем в райкомы или горкомы комсомола отражало не только инерцию коллективного существования, но и стремление избежать возможных обвинений в безнравственности. В данной связи обращает на себя внимание письмо В.П. Черненко к первому секретарю Тамбовского обкома ВЛКСМ. Как командир воинского подразделения, отвечающий за состояние своих бойцов, он взял на себя смелость озвучить проблему в налаживании переписки между фронтовиками и девушками в тылу. «Многие бойцы и командиры нашего подразделения живут на фронте уже достаточное время, но по совпавшим обстоятельствам не имеют переписки ни со своими родными, ни с близкими. Письмо на фронте – это прекрасная вещь. Оно подымает дух и внедряет новые силы. Но многие наши товарищи не могут писать». Поэтому В.П. Черненко просил сообщить ему «несколько адресов молодых девушек, чтобы мои друзья могли иметь с ними переписку». Уточнял: «Желательно бы было хоть парочку со среды студентов, а вообще на Ваше усмотрение»².

Отдельные обращения, направленные в комитеты ВЛКСМ, достаточно жестко выстраивают иерархию отношений исходя из социально-статусных и гендерных качеств. В этих случаях намеренно подчеркивается статус фронтовика или командира («Я не думаю, что Вы холодно и без внимания отнесетесь к моему письму, письму фронтовика»; «Я надеюсь, что из-за уважения к фронтовику-командиру ты с удовольствием ответишь мне»), либо делается упор на то, что «незнакомая подруга» – «комсомолка» и именно поэтому «не откажется дать ответ».

Предпринимая попытки наладить неформальную связь с девушками через средства массовой информации, военнослужащие обычно опирались на уже имевшие место прецеденты. Составляя собственные обращения, подобные уже опубликованным в газетах, они зачастую не строили иллюзий по поводу публикации, а просто просили сотрудников редакции переправить письмо в женский трудовой коллектив или учебное заведение. Случалось, избирался самый «короткий» путь, и тогда фронтовик просил редактора передать его письмо «хорошей девушке», работавшей в газете.

Теплые слова благодарности, которые приходили с фронта в адрес редакторов, свидетельствуют о том, что опубликованные обращения зачастую превосходили в своем эффекте ожидания фронтовиков. Такие благодарности неоднократно поступали, к примеру, на имя «многоуважаемой тов. Вылегжаниной» – заведующей отделом писем областной газеты «Красная Татария». В 1945 г. красноармейцы Г. Салимов, Н. Глухов и А. Урдяков слали ей первомайский привет с 3-го Белорусского фронта и сообщали о получении номера газеты от 12 апреля 1945 г.: «На газете видится большими буквами

¹ Письма Великой Отечественной... С. 450.

² Там же. С. 75.

наше обращение к девушкам землячкам. Прочитав газету, мы поняли, что редакция сумела опубликовать нашу просьбу “Пишите девушки чаще на фронт”. Следовательно, мы уже получили от землячек (из Татарии) несколько десятков писем»¹.

Бурный поток откликов вызывали и письма с фронта, поступившие на радио и прочитанные с особым эмоциональным накалом в эфире. В пользу радиообращений к девушкам высказывались авторитетные в солдатской среде лица. Участник Великой Отечественной войны А.Н. Соколов ссылается на то, что вступить в переписку с москвичками при помощи радио им, бойцам лыжного батальона, посоветовал сам И.Г. Эренбург. Ему рискнул написать письмо взводный этого батальона лейтенант М. Мельник («заводила в самых неожиданных делах»), получивший в ответ книгу с дарственной надписью. Отослав «общее обращение» в радиокомитет, бойцы начали переписку с медсестрами, работавшими в одной из столичных больниц, а позже даже встретились с ними².

Определяясь с печатным изданием, военнослужащие чаще всего останавливали свой выбор на родных местах, что отчасти подтверждает серьезность их намерений. Индивидуальные письма в адрес газет или на радио, направленные на поиск партнера по переписке, обычно немногословны и достаточно напряженны по настроению. Бойцы в них делятся своей печалью или горем, в определенном смысле рассчитывая на сочувствие женского пола. Просматриваются более или менее четко осознанные планы комбатантов на будущее. И.Г. Кимлач написал на краснодарское радио в 1944 г. коротко и ясно: «Я воин Красной Армии, находясь на фронте, громя немецких захватчиков. За период войны я потерял связь со всеми родными и знакомыми. После боя в затишье я желал бы читать письма. Я обращаюсь к девушкам Кубани, чтобы они мне писали письма. Я хочу найти себе друга жизни, это мне больше даст сил для окончательного разгрома». Ф.Ф. Кривцов в это же время писал в адрес редакции газеты «Советская Кубань»: «Кончится война, буду ехать домой с победой, кто пришлет письмо – обязательно заеду, может еще и жениться придется на какой-нибудь девушке, я не старый, мне всего лишь 22 года, бывший воспитанник Армавирского МТС, работал – Лосевская МТС, электрик»³.

Коллективные послания, исходящие от групп молодых военнослужащих, напротив, многословны и эмоциональны. Они передают ощущение душевного подъема и даже авантюры, с которыми бойцы, вероятно, приступали к сочинению подобных писем. Именно в таком духе написано письмо пятерых матросов-балтийцев девушкам Тамбова. Последние боевые достижения («списали 10 фрицев с котлового довольствия») представляются в нем как непосредственный повод к общению («и чтобы продолжить наше прекрасное настроение, решили, как земляки, написать вам коллективное письмо»). В отличие от многих других корреспондентов, моряки даже обозначают в юмористическом тоне свои внешние черты: «Среди нас есть: брюнеты, блондины и шатены. Одним словом, ребята с огоньком, любители сплясать, потанцевать и попеть»⁴.

Как уже отмечалось, инициаторами переписки женщины выступали значительно реже мужчин. Тем не менее определенная активность, которая наблюдалась и с их стороны, свидетельствует о крайнем обострении потребности в контактах с противоположным полом. Обращает на себя внимание такая практика: женщина присылала

¹ НА РТ. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 8. Л. 164–164об.

² Я это видел... С. 125.

³ Герои терпения... С. 185, 186.

⁴ Письма Великой Отечественной... С. 315.

в газету стихотворение соответствующего содержания (как правило, оно имитировало ее шаг к началу переписки, отсюда и распространенные названия таких произведений – «Письмо незнакомцу», «Привет бойцу»), и с большой вероятностью могла ожидать откликов реальных комбатантов. Например, переписка Алексея Шкудова (заместителя редактора дивизионной газеты) и Юлии Рейниш (проживала в эвакуации в Казахстане, позже в Москве) развивалась по классическим канонам «заочного» общения. Первое письмо Алексея было реакцией на стихотворение девушки «Другой бойцу», напечатанное в областной газете, случайно попавшей в его часть. 29 писем Шкудова, написанные между апрелем 1943 г. и февралем 1945 г., а также пометы Юлии на полях этих писем, представляют собой уникальный источник, позволяющий с большой полнотой реконструировать «историю» интимных отношений в специфических условиях войны¹.

Женщины, как и мужчины, не обязательно ограничивались перепиской с одним фронтовым другом. Так, Анна Уколова из г. Чапаевска получила массу откликов на свою заметку о переписке с фронтовиком, напечатанную в «Комсомольской правде». Как минимум, с пятью написавшими она вступила в продолжительное общение². Случай Анны Шведовой, 1911 г. р., в войну проживавшей в одном из сел Горьковской области, показывает, что активную переписку с фронтовиками вели и женщины, обремененные семьей. Шведова адреса своих будущих корреспондентов брала из газетной рубрики «Пишите на фронт, товарищи». Так у нее завязалась переписка со 118 мужчинами, от которых женщина не скрывала ни своего замужнего состояния (муж проживал с ней, но был пожилым, часто находился в разъездах, верностью не отличался), ни наличия троих детей (к тому же она воспитывала троих осиротевших в войну племянников).

Отправив письмо со своей историей писателю Б.Н. Полевому, уже пенсионерка А.Ф. Шведова назвала в нем себя «многолюбивой патриоткой», и сохранившаяся часть переписки – тому доказательство. Очевидно, что мужчин, которые в большинстве случаев были гораздо моложе, привлекал тон писем этой женщины (легкий, веселый, непринужденный), их теплое содержание. Кроме того, Анна была щедра на пространные письма. *«Я не могу никак выучиться ждать вас с фронта! Ждать и ждать конца! Ну, просто сил не хватает. А вы, краснофлотцы, нравитесь мне, что удачливые и смелые вы... Вот почему я очень обрадовалась знакомству с вами. Но меня пугает разница наших лет: мне 30 лет, а вам по 20 каждому. Найдем ли мы общий язык? Я расскажу вам много хорошего, раскрою нежную душу женщины русской, узнаете светлую радость загадочной любви и уважения. И расскажу вам, если сумею, какая вас ждет радостная любовь после Победы! Чтобы не было холода одиночества на вашем сердце в страшном бою... Вот передо мной лежит газета Горьковская правда областная. В ней подборка из моих писем с фронта. В ней есть и ваши письма уже. Мне надо тщательно представлять ваши образы, чтобы потомкам нашим были ценными даже такие письма, как ваши к незнакомой женщине русской из тыла великой войны. Напишите, любимые, все, что придется. Мне будет легче от моей хандры, щемящей душу!»*. Для самой женщины такого рода общение служило компенсацией неудовлетворенности семейной жизнью, открывало большой простор для флирта и мечтаний. А. Шведова

¹ См. об этом: Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г. «Сердце выслать не могу», или О повседневности чувств военного времени // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. С. 168–187.

² РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1407. Л. 1–12.

также стремилась помочь проживавшим рядом женщинам. Писала одному из своих корреспондентов, М. Заринову: «У меня есть хорошая девушка, соседка, 27 лет. Врач. Если желаете, познакомлю. Она очень скромная, а на знакомства тугая и неподатливая. Член партии. Москвичка. И больше нет никого достойного Вас»¹.

Инициативы военнослужащих Красной армии по налаживанию письменного общения с незнакомыми ранее женщинами (как и встречные шаги со стороны женщин), выстраивание интимных отношений в специфической форме переписки могут рассматриваться как вид поведения, преследующий определенные цели. Среди них психологическая релаксация, обретение и накопление опыта чувственных переживаний, сексуальное самоутверждение. В каждом конкретном случае на первый план выходили различные мотивы: искренняя заинтересованность в знакомстве и отношениях, стремление подготовить «плацдарм» для послевоенной жизни, желание легкого флирта. Неслучайно наибольшее количество писем этого типа приходится на завершающий период войны. Близость победы формировала соответствующие настроения в рядах действующей армии, давая новые импульсы для «выстраивания» личных отношений.

Но все же встречи с «заочницами» были отсрочены во времени либо вообще неосуществимы, а нервное напряжение, являвшееся постоянным фактором повседневного существования комбатантов, накапливалось. Преодоление этого напряжения происходило, как правило, через налаживание человеческих отношений в пространстве ближайшего окружения. Поэтому для многих фронтовиков пределом желаний была «реальная» связь с женщиной. Александр, родом со Ставрополя, делился с братом тем, насколько значимы для него любовные отношения, сложившиеся на фронте: «Живу с женой Тонечкой. Все боевые пути прошел с ней, специальность у нее такая же как у меня, хорошая жена. Вот знаешь Гриша? Поедешь выполнять боевую задачу, думаешь надвое приедешь живым домой или останешься там. Когда возвращаешься домой она и умоет, накормит, пожалеет – это знаешь как воодушевляет, т. е. поднимает дух»².

Рассмотрение темы фронтовых связей, т. е. любви и секса на войне, проблематично из-за недостатка достоверных источников. Фронтовики либо затрагивают данную тему «по касательной», либо вовсе обходят молчанием. Объясняется это тем, что в годы войны подобные связи квалифицировались как факты «морально-бытового разложения», а в современных условиях их описание и обсуждение по-прежнему считаются компрометирующими советское офицерство и женщин³.

Из редких свидетельств очевидно, что в особенно тяжелые периоды фронтовой жизни сексуальная активность замирала. «Да в другой час так приходится, что не то что девушки, а фамилии свое забываешь», – писал молодой боец Ю. Романенко⁴. А.З. Лебединцев подтверждает, что в многодневных маршах стиралось, «кто к какому принадлежит полу, а не то что подумать о сексе и каким способом его лучше провести»⁵. Е. Кацева, которой довелось служить матросом на Балтийском флоте (в группе девушек-десантниц ее готовили к заброске на оккупированную территорию), также свидетельствует, что физическое истощение сводило интерес

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 354. Л. 16–16об., 28–29.

² ГАСК. Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

³ Лебединцев А.З., Мухин Ю.А. Указ. соч. С. 496–524.

⁴ Герои терпения... С. 166.

⁵ Лебединцев А.З., Мухин Ю.А. Указ. соч. С. 507.

к противоположному полу практически «на нет». «Когда нас однажды повезли на помывку на корабль, где была горячая вода, и впахнули в одно помещение, где для экономии времени мылись все одновременно, мы не испытывали ни стыда, ни неловкости – двадцатилетние юноши и девушки совершенно не реагировали друг на друга»¹.

В то же время А.З. Лебединцев описывает как «неизбежное явление» сожительство со своими командирами санинструкторов, телефонисток, машинисток, стряпух. При этом отмечает, что фронтовые связи в пехоте недолго оставались незамеченными. Командный состав отбирал себе девушек «не только по внешности, но и по доступности»². Женщины также могли проявлять активность в налаживании контактов, что имеет свое объяснение.

Появление «походно-полевых жен» («ППЖ») можно считать своеобразным способом адаптации женщин к фронтовым условиям, продиктованным как стремлением избежать насилия, так и найти «легкие» возможности для удовлетворения тех или иных потребностей. В обмен на сексуальные услуги, оказываемые вышестоящим офицерам, такие женщины получали покровительство и защиту, более калорийную пищу, нормальные условия проживания, для них снижался риск погибнуть в бою. Несмотря на то что в основе части подобных случаев лежали искренние чувства, большинство фронтовиков относилось к «ППЖ» достаточно презрительно, как, впрочем, и к тем офицерам, которые их содержали. В целом положение «ППЖ» было нестабильным, их могли «отставить» по тем или иным обстоятельствам (к примеру, из-за беременности), и тогда они чаще всего лишались всех благ. Поскольку у большинства офицеров были «довоенные семьи», к которым они вернулись по окончании войны, то именно из-за нежелательности встреч с бывшими фронтовыми подругами часть ветеранов впоследствии сознательно отказалась от посещения сборов однополчан³.

Завязать отношения в тылу с женским полом («покрутить») можно было, находясь на излечении в госпитале. По наблюдениям Лебединцева, во время пребывания войск на постое в городах или деревнях наиболее активно вели себя военнослужащие постарше; они быстрее находили женщин, которые «приголубили» бы их. Д.А. Абаев также пишет о тех, кто на «второй день» по прибытии в населенный пункт обзаводился «официальной женой», а с уходом части «без всяких официальных» с ней расставался⁴. Установлению близких отношений могли воспрепятствовать такие прозаические моменты, как завшивленность. На собственном примере Лебединцев описывает, как лобковые вши помешали ему наладить такие отношения с хозяйкой квартиры, где он разместился, которая «неоднократно вздыхала на мягкой постели». Еще одно его наблюдение касается того, что в Москве у театральных касс женщины старались предлагать билеты именно военным с целью заведения знакомства. Уже в театральном зале договаривались о дальнейших встречах. В результате самому Лебединцеву за месяц пребывания в столице удалось посмотреть «весь репертуар Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко, Малого и Художественного театров»⁵.

¹ Кацева Е. Мой личный военный трофей: Мемуарная проза. М., 2002. С. 23.

² Лебединцев А.З., Мухин Ю.А. Указ. соч. С. 199, 500.

³ Там же. С. 512.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 26об.

⁵ Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Указ. соч. С. 146, 148, 228, 497,

О болезненной теме сексуального насилия во время войны особенно сложно говорить, поскольку в современных условиях наблюдается тенденция ревизии тезиса о «немецкой вине». Ее составной частью выступает попытка представить немецкий народ жертвой этой войны. В результате «общая оценка военных событий смещается в сторону сочувствия немецкому народу, отодвигая на задний план ответственность за преступления нацизма»¹. Поскольку в условиях войны «приписываемая» и «предписываемая» мужчинам агрессивность выступала одним из наиболее востребованных качеств, неудивительно, что она проявилась в актах сексуального насилия, от которых страдало женское население. Однако до последнего времени замалчивание касалось как сексуальных преступлений вермахта на территории СССР, так и преступлений советских солдат в ряде европейских стран, прежде всего в побежденной Германии. Последние подтверждаются отдельными фрагментарными свидетельствами, которые содержатся, как правило, в воспоминаниях и даже дневниках советских комбатантов.

Такого рода действия чаще всего трактовались самими военнослужащими как «возмездие», ответ на бесчисленные зверства, которые творились фашистами на русской земле. Очевидцы тех событий, уделившие им место в своих воспоминаниях, квалифицируют проявления сексуального насилия со стороны своих сослуживцев по-разному. Абсолютно непримирим к этим действиям лейтенант Л. Рабичев, в феврале 1945 г. не узнававший в насильниках тех, «с кем воевал и кого любил в 1943 году». Вспоминая, как не знал, «куда себя девать и как защитить валяющихся» у его ног женщин, он возлагал основную вину на командование, по его мнению, не захотевшее (исключения были редкостью) поставить предел этим преступлениям². Военная переводчица Е. Кацева также склоняется к точке зрения, что реакция армейского начальства была запоздалой, а дальнейшее табуирование темы повлекло за собой «многократное преувеличение» масштабов данного явления в зарубежной литературе³. А.З. Лебединцев, давая в своих воспоминаниях понять, что он сам в подобных действиях не был замешан, описал несколько эпизодов в предместье Вены, и нашел им следующее объяснение: «Многие не могли уже четвертый год терпеть лишения разлуки с женой или просто с женщиной. Поверженные сами понимали это и, в большинстве случаев, не оказывали сопротивления»⁴.

Поэт-фронтовик Борис Слуцкий также обращает внимание на встречные тенденции во взаимоотношениях советских солдат и «европейнок», которые имели место на последнем этапе войны. С одной стороны, целый ряд причин эмоционально-психологического свойства (страх, тоска, физиологические потребности, желание любви) предопределил ситуацию поразительной доступности европейских женщин (матерей семейств, солдаток, девушек), а слабые сдерживающие мотивы, по мнению Слуцкого, заключались отнюдь не в этике, а в боязни заразиться или забеременеть. Поведение советских солдат определялось «неожиданностью и своеобразностью обстановки – стремительностью этого последнего военного лета, чуждостью расы, морем, миром»⁵. Впрочем, обилие публичных домов, особенно заметное в Румынии

¹ Дубина В. Сексуальное насилие в годы Второй мировой войны: память, дискурс, орудие политики // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 55.

² Рабичев Л. Указ. соч. С. 108, 199–203.

³ Кацева Е. Указ. соч. С. 34.

⁴ Лебединцев А.З., Мухин Ю.А. Указ. соч. С. 231.

⁵ Слуцкий Б.А. Зарубки памяти (Из книги «Записки о войне») // Вопросы литературы. 1995. Вып. 3. С. 78–79.

и Венгрии, также позволяло военнослужащим решать свои сексуальные проблемы. И спустя несколько месяцев после окончания войны в Вене «на тротуарах предлагали себя за буханку хлеба не проститутки, а студентки и актрисы, женщины из добропорядочных семейств»¹.

Ситуация окончания войны вносила свои коррективы в отношения полов. У фронтовиков все сильнее давала о себе знать депривированность особого рода (ее суть – недостаток эмоций «мирного» свойства), продолжавшаяся длительное время и на исходе войны обернувшаяся специфическими страхами. Один из них – опасения первой интимной встречи после разлуки. В. Сырцылин делился с женой: «Думаю о встрече, о том, как отвык от тебя и как неудобно будешь себя чувствовать первый день. Знаешь, Зинок, я так отвык от женщин, что боюсь их»². «Я отвык от потребности в женщинах. Иногда мне становится даже страшно за себя. Наверное, если я останусь жив и приеду к тебе, мне придется очень трудно первое время. Придется привыкнуть ко всему опять сначала», – практически вторит ему А. Поповиченко³.

Усложнялась и ситуация состоявших в переписке «заочников». Если многие девушки не замечали тревожных симптомов и продолжали невинный флирт, то фронтовики были настроены гораздо серьезнее; они требовали конкретных решений. Некоторые даже пытались припугнуть кокетливых корреспонденток, как это сделал москвич А. Головин в отношении жительницы Ростова-на-Дону К. Абаевой. В феврале 1945 г., находясь «у ворот Кенигсберга», он предупредил ее, что пора закончить «игру» и вспомнить кинокартину «Сто мужчин и одна девушка»: «Так вот, сейчас можно с успехом говорить обратное; отсюда вытекает, что наша доля выбирать вас, многие тысячи девушек остались без своих близких и знакомых, и если у вас десятки товарищей, то одиннадцатым быть у вас я не желаю»⁴. В мрачных тонах виделось будущее многим фронтовичкам, либо не сумевшим завязать любовные отношения («Четвертый год на фронте, а нет товарища – друга. Я хочу, чтоб он был с чистой душой, как я, а этого нет, или я этого не понимаю в людях»), либо неудовлетворенным тем, что из таких отношений получилось («Война идет к концу, а я, пожалуй, останусь “на бобах”»)⁵.

Впереди открывалась долгожданная мирная жизнь, но одновременно обнаруживалась зыбкость сложившихся за время войны личных связей, возникали проблемы возвращения к нормальному существованию, налаживания семейного быта. Конкретная адаптационная модель поведения, выработанная с целью приспособления к условиям военного времени, имела свои последствия для послевоенной жизни.

4.5. Шепотом о главном: слухи как источник информации

Обладание информацией выступает необходимой предпосылкой для принятия любых решений, поэтому потребность в ней относится к числу важнейших потребностей современного человека. Советское общество 1920–1940-х гг. постоянно испытывало недостаток информации из официальных источников. Поэтому советские

¹ Рабичев Л. Указ. соч. С. 220.

² Герои терпения... С. 112.

³ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 194.

⁴ Там же. Д. 1454. Л. 142.

⁵ Там же. Д. 318. Л. 39об.; Сенявская Е.С. Женские судьбы сквозь призму военной цензуры. С. 38.

граждане были вынуждены заполнять этот вакуум сведениями, получаемыми другим путем – прежде всего в результате передачи слухов.

Слухи представляют собой неподтвержденную, но широко распространяемую информацию¹. Особенности слухов как вида вербальной коммуникации – эмоциональная окрашенность сведений и личная заинтересованность рассказчика. В их основе лежат события, информация о которых важна, но полностью неизвестна, а следовательно, недостающие в информационной цепочке звенья будут создаваться через интерпретацию. Слухи могут циркулировать только неофициально, в процессе межличностной коммуникации, и чаще всего на границе частного и публичного пространств. Слухи, с одной стороны, всегда социально обусловлены, т. е. порождены определенной ситуацией, с другой – они сами влияют на общественное мнение и детерминируют поведение целых социальных групп и слоев. Они могут оказаться забытыми уже на следующий день, а могут передаваться из поколения в поколение, превращаясь в стереотипы массового сознания.

Устойчивость, с которой слухи периодически возникают и так же легко исчезают в различные периоды истории, позволяет отнести их к культурным универсалиям, природа которых кроется в самих особенностях формирования общественного сознания. Слухи зарождаются и распространяются в любом обществе и при любой власти, но особенно интенсивно – в переходные эпохи, сопровождающиеся разрушением привычных систем ценностей, во времена войн, революций, экономических и политических кризисов, стихийных бедствий, других природных и социальных катаклизмов, которые приводят к ухудшению условий жизни населения и угрожают его безопасности. Страх за собственную судьбу и судьбы своих близких, тревожное ожидание грядущей опасности держит людей в постоянном напряжении, которое становится питательной средой для появления слухов. В подобной социально-психологической ситуации они превращаются в неизбежный и необходимый коммуникативный канал неформальных сообщений.

Широкое распространение слухи получили и в годы Великой Отечественной войны, что было связано с возникновением новых и усилением прежних социальных страхов, отсутствием достоверной информации о событиях, происходивших на фронте и в тылу, а также неэффективностью действий советского руководства в информационной сфере. Главная задача Совинформбюро заключалась не в информировании советских граждан о происходивших событиях, а в их «правильном» освещении, в результате они порой получали совершенно не соответствовавшую действительности оценку. Потери советских войск значительно приуменьшались, а вермахта, напротив, преувеличивались (впрочем, подобным образом действовали и германские средства пропаганды). Сведения об оставленных советских городах откровенно запаздывали, нередко дикторы сообщали об упорных боях на подступах к тому или иному населенному пункту тогда, когда его уже заняли войска противника.

Но иных разрешенных источников информации не существовало. Постановление СНК СССР от 25 июня 1941 г. обязало граждан и организации сдать радиоприемники, чтобы не допустить прослушивания иностранных передач. По словам

¹ См. подробнее: Дубин Б.В., Толстых В.А. Слухи как феномен обыденной жизни // Философские исследования. 1993. № 2. С. 136–141; Побережников И.В. Слухи в социальной истории: типология и функции (по материалам восточных регионов России XVIII–XIX вв.). Екатеринбург, 1995 и др.

очевидца, «радиоприемники у нас отобрали, хожу слушать радио на улицу. На поселке поставили радиорепродуктор – мрачный голос войны разносится целый день. Каждое утро народ стоит у репродуктора и слушает мрачные новости об оставлении наших городов. Но сколько нам не сообщается Совинформбюро! Народ приучается уже читать между строк и делать свои выводы и заключения, так растут слухи. Москва называет новое телеграфное агентство О.Г.Г. (одна гражданка говорила)»¹.

Немало советских граждан осознавало несоответствие официальной информации действительности и настаивало на необходимости более достоверной оценки событий. В середине июля 1941 г. инженер М. Свиридов писал заместителю начальника Совинформбюро С.А. Лозовскому о том, что советские сводки даже читать не хочется, ибо публикуемые в них сведения воспринимаются «как неуважение к широкой читательской массе, ненужная боязнь фактов и, как одна из причин, способствующих распространению неофициальных сообщений и слухов. Неужели непонятно, что неконкретность и краткость сводок не удовлетворяет читателей и заставляет их больше прислушиваться к различным слухам, часто неверным и исходящим, может быть, из враждебных источников?»²

Цитируемый документ отражает искреннее желание лояльного к власти человека повысить эффективность советской информационной политики, но гораздо чаще недоверие к ней выражалось в скрытой форме, а критика звучала анонимно. В сентябре 1941 года Совинформбюро получило неподписанное письмо, в котором говорилось: «Вы систематически ничего не сообщаете о положении на фронте, вместо этого в сводках уже более недели стереотипная фраза – “бои на всем фронте”... Ваше молчание сеет самые нелепые слухи о несуществующих наступлениях и отступлениях. Все это только нервнрует тыл. Что за презрение ко всем гражданам страны держать в полном неведении о самом важном... Слухи распространяются по вашей вине»³.

На самом деле Совинформбюро, разумеется, лишь выполняло определенный политический заказ. В результате даже когда официальные средства массовой информации сообщали достоверные сведения, они порой воспринимались как откровенная ложь. Уже на завершающем периоде войны в 1944 г. советские колхозники в недавно освобожденной Смоленской области заявляли политработникам: «Мы не верили слухам, что Красная армия дошла до Румынии и ведет бой на ее территории»⁴.

Постоянное существование внутри двух информационных сфер, официальной и неофициальной, зачастую противоречивших друг другу, породило своеобразный дуализм советского общественного сознания, в котором могли одновременно присутствовать две «правды», а преклонение перед властью сочеталось с резкой критикой деятельности ее представителей. Выработанная с годами привычка обходить

¹ «Весь народ сильно сдал телом»: Война и советский тыл глазами инженера И.А. Харкевича. С. 56.

² Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 587.

³ Костырченко Г.В. Советская цензура в 1941–1952 годах // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 88.

⁴ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 700.

информационные барьеры, несмотря на всю жесткость запретительных мер, привела к тому, что слухам порой доверяли в большей степени, нежели официальным источникам¹. Уже 23 июня 1941 г. в Москве были зафиксированы высказывания: «*Эта война начата нашим правительством с целью отвлечения внимания широких народных масс от того недовольства, которым охвачен народ, – существующей у нас диктатурой*»². Подобные слухи распространялись и среди военнослужащих, включая самых высокопоставленных. Помощник начальника Военно-политической академии по материально-техническому обеспечению генерал-майор Петров, ссылаясь на разговор «с каким-то родственником Вадимом», утверждал, что СССР начал войну еще до 22 июня 1941 г.³ Даже представители командного состава Красной армии, не веря официальным сообщениям, искали иные трактовки происходивших событий.

Обращение к слухам позволяет реконструировать картину жизни советского общества и его массового сознания, выявить механизмы адаптации социума к чрезвычайным обстоятельствам военного времени⁴. В то же время изучение слухов военного времени существенно осложняется самой природой источника: слухи могут быть доступны исследователям только в опосредованной форме.

Наиболее существенную роль в изучении слухов военного времени играют источники личного происхождения – дневники, воспоминания, письма, а также устные рассказы очевидцев. Как правило, отличительным признаком, позволяющим исследователю квалифицировать то или иное вербальное сообщение, приводимое в источниках, как слух, выступает «ключевое слово», указывающее на происхождение приведенных сведений: «*По слухам...*», «*Одна гражданка сказала...*», «*Говорят...*» и т.д. Обращает на себя внимание, что в этом случае сам автор (мемуарист, респондент) идентифицирует сообщение в качестве слуха, а его передача отражает переживаемые рассказчиком страх, иронию, сарказм и другие чувства. Пересказ не может быть толь-

¹ Рожнёва Ж.А. К вопросу об особенностях информационных процессов в советском обществе // Открытый междисциплинарный электронный журнал «Гуманитарная информатика». Вып. 1. URL: <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/1/rojneva.htm>

² Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. С. 49.

³ Мельтюхов М.И. Материалы особых отделов НКВД о настроениях военнослужащих РККА в 1939–1941 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 316.

⁴ См.: Голубев А.В. Антигитлеровская коалиция глазами советского общества (1941–1945 гг.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 334–345; Кринко Е.Ф. Слухи Второй мировой войны // Диалоги с прошлым. Исторический журнал. Майкоп, 2002. № 2. С. 58–63; Голубев А.В. Советское общество и «образ союзника» в годы Второй мировой войны // Социальная история. Ежегодник. 2001–2002. М., 2004. С. 126–146; Кринко Е.Ф. История Второй мировой войны в слухах // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. Научный журнал. Сочи, 2008. Вып. 1–2 (3–4). Март-июнь. С. 194–203; Сомов В.А. Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нижний Новгород, 2008. С. 126–133; Кринко Е.Ф. Неформальная коммуникация в закрытом обществе: слухи военного времени (1941–1945 гг.) // Новое литературное обозрение. 2009. № 12 (100). С. 494–508; Кринко Е.Ф., Потемкина М.Н. Шепотом о главном: мир слухов военного времени // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Сб. ст. Челябинск, 2011. С. 104–126 и др.

ко нейтральным, поскольку иначе информация просто не сохранилась бы в памяти очевидцев. Слухами могут являться и сообщения, не воспринимавшиеся авторами в подобном качестве. И тогда соотнесение их содержания с реально происходившими событиями и определение источника их происхождения, собственно и позволяющие считать ту или иную информацию слухом, становятся для исследователя отдельной сложной задачей.

Еще одним видом источников о слухах военного времени выступают официальные документы: нормативно-правовые акты, закреплявшие меры борьбы с распространением слухов, а также различная делопроизводственная документация: партийные отчеты, докладные записки и донесения, оперативные и агентурные сводки органов государственной безопасности, фиксировавшие общественные настроения. Возможности использования такого рода источников для изучения слухов ограничены уже тем, что, во-первых, в этих документах приводились, как правило, сведения негативного характера, во-вторых, они отражали мнение властей по поводу того, что считалось слухом, далеко не всегда соответствовавшее реальности. В результате в качестве слуха в таких источниках могла фигурировать вполне достоверная информация, по каким-либо причинам скрывавшаяся от общества. Например, согласно сообщению ТАСС от 14 июня 1941 г., ложными слухами объявлялись сведения о предстоящей войне с Германией. Политработники специально разъясняли бойцам и командирам Красной армии, что подобные слухи могут распространять только «враждебные элементы»¹.

Все эти обстоятельства в немалой степени затрудняют изучение слухов. С учетом того что период активного существования большинства слухов был невелик, значительная часть из них не оставила следа в источниках, а доступные исследователям сведения вызывают определенные сомнения в их репрезентативности. Тем не менее анализ слухов военного времени представляет собой одно из перспективных исследовательских направлений. Именно слухи свидетельствуют, например, о том, что в советском обществе были распространены оппозиционные настроения, и позволяют во многом переоценить степень лояльности немалого числа граждан режиму.

Так, значительную часть территории СССР с самого начала войны охватили слухи о скором роспуске колхозов. Они оказались чрезвычайно устойчивыми и сохранялись на протяжении всего военного периода, вплоть до самой победы и после нее. Например, в 1943 г. в Еловском районе Молотовской (Пермской) области появились слухи о том, что председателей сельсоветов вызывали в областной центр на совещание, чтобы разъяснить, как делить землю после роспуска колхозов². Масштаб и география распространения рассказов о грядущем роспуске колхозов позволяют отнести их к числу наиболее массовых слухов военного времени. Они отражали надежды многомиллионной массы крестьян, искренне желавших изменения советской политики по отношению к крестьянству. Основными поводами к возникновению слухов, помимо региональных и локальных событий, выступали начало войны и общие изменения в советской политике, просачивавшиеся сведе-

¹ Лето 1941-го. Между Гомелем и Брянском (Записки младшего лейтенанта) // Отечественная история. 2005. № 2. С. 30.

² Шевырин С.А. Проявление оппозиционных настроений политике Советской власти в крестьянской среде // Астафьевские чтения. Вып. третий (19–21 мая 2005 г.). Современный мир и крестьянская Россия. Пермь, 2005. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/3as/tap/hiev/12.htm>

ния о политике оккупантов на захваченной советской территории (в конце 1942 – начале 1943 гг. там был объявлен роспуск колхозов), окончание войны и надежда на благодарность Сталина за героический крестьянский труд. Все эти ожидания в итоге оказались обманутыми, а колхозная система сохранялась еще несколько десятилетий.

Обращение к слухам военного времени также позволяет понять, как общество реагировало на изменение ситуации, каким образом объясняло смысл и направленность происходивших событий. Заместитель прокурора Краснодарского края И.И. Плющий в докладной записке, составленной по результатам проверки в сентябре 1941 г. Славянского, Черноерковского, Темрюкского и Красноармейского районов, писал: *«Во всех районах и колхозах, где я был, “ходят” слухи о разных небылицах. Вражеские языки нашептывают в уши населению всевозможные версии: “Тимошенко расстрелян за измену” – эта брехня распространена повсеместно; “в Анастасиевке высажен воздушный фашистский десант, телефонная связь с Темрюком прервана”...»*¹

Этот документ – свидетельство не только сложной социально-политической обстановки в тыловых советских районах, но и «горячей» памяти населения о массовых репрессиях, продолжавшихся в годы войны. Данная тема вообще была достаточно широко представлена в слухах начального периода войны. Не случайно месяцем позже, в октябре 1941 г., московский журналист Н.К. Вержбицкий, имевший более высокий образовательный уровень, чем кубанские колхозники, после публикации постановления ГКО, в котором был назван новый командующий Западным фронтом Г.К. Жуков, записал в своем дневнике: *«Значит, бывший командующий Западным фронтом Тимошенко снят или вообще изъят. А про бывшего коменданта Москвы Ревякина говорят, что он расстрелян»*². Оба предположения не подтвердились, С.К. Тимошенко в это время командовал Юго-Западным фронтом, а В.А. Ревякин был направлен на фронт и после гибели И.В. Панфилова назначен командиром 116-й стрелковой дивизии. Однако подобные представления выглядели достаточно правдоподобно в начале войны, когда И.В. Сталин возложил ответственность за первые поражения на советских военачальников. В июле 1941 г. были расстреляны генералы Д.Г. Павлов, В.Е. Климовских, А.Т. Григорьев, А.А. Коробков. Необоснованные обвинения в трусости ряда других командиров содержались и в приказе № 270 Ставки Верховного главного командования.

Тесную взаимосвязь между нарастанием в обществе социально-психологической напряженности, отсутствием достоверной информации из официальных источников и усилением значения слухов в системе коммуникации иллюстрирует дневник москвички И. Краузе, описывающий драматические события осени 1941 г. В начале осени упоминания о слухах в нем единичны, а их содержание нередко оптимистично: *«Публике очень хочется взять обратно города, поэтому сегодня говорят уже и о Гомеле, и о Николаеве, и о Кривом Роге»* (5 сентября 1941 г.). Однако чем сильнее хаос, чем хуже работают средства информации и пропаганды, тем более важную роль играют слухи как источник информации, тем тревожнее оказывается их содержание.

¹ Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945... Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. С. 74.

² Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. С. 479.

Во второй половине октября слухи превращаются для И. Краузе – человека в целом вполне рационального – практически в главный информационный канал. 19 октября она записала в свой дневник: «Слухи ходят самые невероятные: что Сталин убит Молотовым, что, наоборот, Ворошилова убил Сталин, что, наконец, все они сбежали и т.д., и т.п.»¹. Слова об «убийствах» советских руководителей, несомненно, свидетельствуют о реанимации в новых условиях прежних страхов 1920-х гг., связанных с возможными угрозами дестабилизации обстановки из-за утраты единства внутри советского руководства.

В подобном духе описывает в своем дневнике наиболее опасный момент для столицы и Н.К. Вержбицкий: «Стенная литература, кроме газет, никакая не появляется. Вместо нее кругом кипит возмущение, громко говорят, кричат о предательстве, о том, что “капитаны первыми бежали с кораблей” да еще прихватили с собой ценности». Далее он отмечал: «Слышны разговоры, за которые 3 дня назад привлекли бы к трибуналу... Истерика наверху передалась массе». Именно в таких условиях «начинают вспоминать и перечислять все обиды, притеснения, несправедливости, зажим, бюрократическое издевательство чиновников, зазнайство и самоуверенность партийцев, драконовские указы, лишения, систематический обман масс, газетную брехню подхалимов и славословия... Страшно слушать. Говорят кровью сердца»². Эти слова хорошо проясняют социально-психологические условия распространения слухов.

На фронте возникновению слухов способствовали внезапное появление противника, применение им нового вооружения, отсутствие у солдат веры в командиров и в свои собственные силы, моральное и физическое утомление войск, большие потери и т.д. В состоянии перевозбуждения и неопределенности люди легко верили в то, что они отвергли бы при здравом размышлении.

Обращение к новым источникам слухов и расширение их «базы данных» обусловливает необходимость типологии, позволяющей обобщить и систематизировать собранный эмпирический материал. Существуют различные типологии слухов, опирающиеся на разные критерии. Например, на основе информационной характеристики слухи разделяют на абсолютно недостоверные, недостоверные с элементами правдоподобия, правдоподобные и достоверные с элементами неправдоподобия. Критерий происхождения позволяет выделить стихийно возникавшие и целенаправленно распространявшиеся слухи. Критерий вызываемых слухом эмоций рождает такие термины, как слух-желание, отражавший надежды людей, слух-пугало, вызывавший тревогу и страх, и агрессивный слух, порождавший неприязнь к конкретным лицам или социальным группам. Однако один и тот же слух способен вызывать различные эмоции и иметь различную степень правдоподобия, «вычислять» которую оказывается далеко не всегда возможно. Даже целенаправленно «запускавшаяся» дезинформация становилась слухом, только если распространялась стихийно. Поэтому все эти классификации (как, впрочем, и другие) можно считать достаточно условными.

Применительно к рассматриваемому периоду войны целесообразным представляется использовать в качестве критерия содержавшиеся в слухах ожидания и раз-

¹ «Ходят слухи, что Сталин убит Молотовым...». Из дневников 1941 года москвички Ирины Краузе. URL: <http://www.izvestia.ru/hystory/article3134325>

² Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. С. 478.

делить все слухи на пессимистические и оптимистические. Наиболее часто в военные годы фиксировались пессимистические слухи о больших потерях на фронте, дальнейшем ухудшении продовольственного обеспечения и материального положения в целом. Участник блокады Ленинграда Д.И. Каргин вспоминал, как «досужие люди из самых верных источников распространяли одну сочиненную легенду за другой. Будто бы Ворошилов ранен и настаивает на сдаче Ленинграда немцам, что будто бы Буденный в плену. И эти сплетни разукрашивались другими фантазиями, несмотря на очевидную их нелепость и противоречие официальным сведениям, печатаемым в газетах»¹.

На фронте пессимизм усиливался в условиях отступления, крупных потерь, недостатков в снабжении войск. Документы особых отделов НКВД свидетельствуют о том, что среди лиц, высказывавших подобные настроения, оказывались не только рядовые красноармейцы, но и командиры. Так, командир 214-го артиллерийского полка 38-й стрелковой дивизии подполковник Гурылев в разгар немецкого наступления летом 1942 года заявил: «Скоро будет заключен мир с Германией, ибо борьба с ней бессмысленна, да нам и воевать нечем»².

Впрочем, человеку свойственно испытывать надежды на лучшее в самых, казалось бы, нелегких ситуациях. Все годы войны распространялись не только тревожные, но и успокаивающие, оптимистические слухи. Особенно широко они циркулировали в начале войны – люди всерьез верили в быструю победу над противником. На московских заводах 24–26 июня 1941 г. упорно говорили о взятии Варшавы, Кенигсберга, Данцига и «о том, что якобы застрелился Риббентроп». Были зафиксированы и такие разговоры: «Германия практикует высадку десантов и у нас вот под Ленинградом немцы сбросили 10 тыс. парашютистов, не успел из них никто приземлиться, их всех перестреляли и они мертвые только достигли нашей земли»³. По воспоминаниям очевидцев, большинство слухов в блокадном Ленинграде также «были по содержанию бодрыми. Однако они редко оправдывались. Особенно много возлагалось надежд на легендарного генерала Кулика, шедшего будто бы на освобождение Ленинграда. Во всяком случае, эти слухи поддерживали надежду и бодрое настроение. Много говорилось о том, что уже освобождены железные дороги как на восток, так и к Москве, и многое другое»⁴.

Еще одним критерием систематизации может выступать уровень распространения слухов, на основе которого выделяются локальные, региональные, национальные и международные слухи. Локальные циркулировали внутри одной социальной группы, конкретного населенного пункта или их совокупности, особенно быстро – в условиях замкнутого пространства – в воинских казармах и оборонительных порядках войск, тюрьмах и госпиталях, высокогорных аулах. Впрочем, зоны распространения слухов редко оставались автономными, через различные средства коммуникации (переписку, периодическую печать, личный контакт) слухи гораздо легче, чем сами люди, пересекали все видимые и невидимые границы. Широкое распространение отдельных слухов свидетельствует об общности процессов, протекавших в массовом сознании в военные годы.

¹ Каргин Д.И. Великое и трагическое. Ленинград. 1941–1942. СПб., 2000. С. 31.

² Сталинградская эпопея... С. 149.

³ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 582–583.

⁴ Каргин Д.И. Указ. соч. С. 63.

Региональные слухи имели хождение в одном или нескольких регионах. Осенью 1942 г. в Калмыкии по инициативе противника распространился слух о том, что командир 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии полковник В.А. Хомутников «ушел в банду»¹. В любом другом регионе эта информация не вызвала бы широкого интереса и не стала слухом. На Северном Кавказе фиксировались слухи о том, что Турция вступила в войну с СССР и заняла четыре города, а Гитлер ставит условием перемирия выделение Германии 30 тыс. голов скота². Когда такие слухи охватывали большую часть страны, они приобретали межрегиональный или национальный характер.

На территории целого ряда стран в годы Второй мировой войны получили распространение слухи, преувеличивавшие возможности противника, рассказывавшие о применении им какого-то сверхмощного секретного оружия (отравляющих веществ, смертоносных лучей и др.), парашютных десантах, переодетых шпионах и диверсантах, попытках уничтожения мостов и других стратегических объектов. Страх перед опасным и жестоким врагом побуждал мирных граждан спасаться бегством, а паника порождала негативное отношение в европейских странах к немцам, а в США – к японцам, проживавшим на их территории. Но на практике значительная часть слухов о действиях «пятой колонны» не подтвердилась. Например, многочисленные случаи подачи световых сигналов при проверке нередко оказывались мерцанием свечи, случайным повторным включением ламп, отражением солнечных лучей и т.п.³

Слухи, преувеличивавшие возможности противника, были широко распространены и в СССР. По окончании советско-финляндской войны в советском обществе ходили слухи о линии Маннергейма, надолго задержавшей продвижение Красной армии. По воспоминаниям участника войны А.И. Деревенца, «один вполне серьезный человек» спрашивал его: «*правда ли, что в стенах дотов этой линии была заложена резина и поэтому снаряды, попадавшие в доты, отскакивали от них как мячики и не повреждали?*»⁴ В этих и других подобных им и широко распространявшихся в 1941–1945 гг. слухах отразились особенности переживаемой эпохи с ее верой в безудержный научно-технический прогресс, вызывавший значительные опасения у части общества.

Существующие источники не позволяют полностью распределить слухи по гендерному признаку. Можно предположить, что мужчины в большей степени участвовали в распространении слухов, связанных с качествами новой военной техники, расстрелами в среде высшего руководства, развитием событий в ходе конкретных военных операций. Напротив, специфически «женскими» являлись слухи, связанные с дальнейшим ухудшением бытовых условий, порядка снабжения населения в тылу и т.д. В то же время были и общие, гендерно немаркированные слухи – их порождала война, кардинально менявшая условия жизни и поведение огромных масс населения.

Главными зонами распространения слухов выступали места массовых скоплений людей: рынки и магазины, общественный транспорт, столовые и поликлиники, бани

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 126. Л. 6.

² Кубань в годы Великой Отечественной войны... Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. С. 33.

³ См.: Де Йонг Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958.

⁴ Деревенец А. Сквозь две войны. Записки солдата // Сквозь две войны, сквозь два архипелага... Воспоминания советских военнопленных и остовцев. М., 2007. С. 67.

и парикмахерские, предприятия и учреждения, где возникали неорганизованные социальные сообщества и неформальные контакты. Сам факт передачи сведений означал идентификацию собеседника в качестве «своего», человека, которому можно доверять, конституируя вербальные сообщества. Не случайно красноармеец 972-го стрелкового полка К.П. Бунин, сообщая об антисоветских разговорах однополчан, указывал, что вчерашние колхозники сначала остерегались его, поскольку он «*был городским человеком*»¹. Однако война способствовала ослаблению привычного для советского человека чувства самоконтроля.

Слухи передавались в разговорах дома и на работе, с членами семьи, близкими, друзьями, знакомыми, соседями, сослуживцами, но особенно часто они распространялись в очередях. В воспоминаниях очевидцев событий военных лет сохранились яркие описания очередей как своеобразного символа эпохи: «*Очереди, очереди без конца, без края: крикливые, нервные, драчливые, мучительные*»². Очереди стирали социальные границы: рядом могли оказаться университетский профессор и рабочий с начальным образованием, инженер и домохозяйка. При этом различный уровень образования и владения информацией создавал благоприятные условия для коммуникации, не всегда возможной в другой жизненной ситуации.

Вынужденное и утомительное стояние в очередях в магазинах и учреждениях скрашивал разговор, в ходе которого человек нередко терял осторожность, расслаблялся и позволял себе достаточно резкие высказывания, недопустимые в другой беседе. В этом сказывался эффект коммуникативной близости незнакомых людей: человек иногда легче идет на откровенный разговор с неизвестными собеседниками, чем с теми, кого он хорошо знает и чье мнение имеет для него существенное значение.

Подобный разговор мог возникнуть и в ситуации давнего знакомства собеседников, например, во время обеденного перерыва, случайной встречи на улице или на кухне в коммунальной квартире. Более высокая степень осведомленности позволяла «хорошо информированному гражданину» приобретать дополнительную значимость в собственных представлениях и в глазах окружающих, укрепляя свой авторитет³.

Если полученная информация была важной и новой, она сохраняла свою актуальность и после завершения разговора, поэтому, вернувшись домой или на работу, его участники передавали услышанное в собственной интерпретации, добавляя или устраняя отдельные детали. Превращаясь из объектов в субъектов слуха, они способствовали его дальнейшему распространению. Напротив, если сведения не заинтересовывали участников разговора, слух умирал, едва родившись. Н.К. Вержбицкий в своем дневнике записал красноречивый диалог в одной из московских очередей, показывающий, как в ситуации неизвестности и неопределенности даже самая поверхностная коммуникация приводит к образованию слуха:

¹ Мельтюхов М.И. 9 дней боевого пути красноармейца Бунина и его размышления о порядках в армии (1941 год) // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006. С. 144.

² Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. С. 478.

³ Дубин Б.В. Речь, слух, рассказ: трансформация устного в современной культуре // Дубин Б.В. Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М., 2001. С. 78.

- Почему нет хлеба?
- Еще не привезли.
- Почему не везут?
- Нет транспорта.
- А где транспорт?
- На нем коммунисты удрали¹.

Из приведенных строк очевидно, что обыватель зачастую был далек от трактовок событий, которые ему предлагала власть. Поэтому очереди представляли собой достаточно благодатное место и для фиксации правоохранительными органами «антисоветских и пораженческих» взглядов граждан. Отношения власти и общества складывались далеко не просто даже в условиях стремления первой к полному и всеобъемлющему контролю над всеми сферами жизни.

Советское государство стремилось строго пресекать распространение «провокационных и ложных слухов». Уже утром 22 июня 1941 г. был принят специальный «План агентурно-оперативных мероприятий УНКГБ и УНКВД г. Москвы и Московской области по обеспечению госбезопасности г. Москвы и области в связи с нападением гитлеровской Германии на СССР». Наряду с другими оперативными мероприятиями в нем предусматривались меры по выявлению «лиц, проявляющих пораженческие и повстанческие настроения»². Показательно, что подобные меры находили откровенную поддержку среди части общества, призывавшей власть к решительным действиям по наведению порядка. 27 июня 1941 г. старший лейтенант Михальченко писал в редакцию «Правды» о том, что руководители на местах «не проявили еще крепкую силу воли и борьбу против вздорных слухов, подчас сами поддаются на удочку». В качестве первоочередной меры он прямо призывал: «Огласить закон, карающий расстрелом тех, кто сеет панику. С большим отзвуком для населения расстрелять несколько паникеров и тех, кто из-за страха бросают работу и удирают...»³

Особое внимание уделялось пресечению «пораженческих» слухов на фронте. Директива начальника Главного управления политической пропаганды Красной армии (ГУПП КА) от 24 июня 1941 г. призывала армейские политические органы принять меры для повышения бдительности, стойкости, организованности и дисциплины войск: «Пресекать в корне всякие провокационные слухи, попытки посеять тревогу и неуверенность. Беспощадно бороться с проявлением недисциплинированности, расхлябанности и ротозейства»⁴. Конкретизировала меры борьбы против «паникеров, трусов, шкурников, дезертиров и пораженцев» директива ГУПП КА от 15 июля 1941 г., требовавшая «немедленно изгонять» их из партии и комсомола и предавать суду военного трибунала⁵.

В выступлении Сталина от 3 июля 1941 г. также говорилось о необходимости организовать беспощадную борьбу с дезорганизаторами тыла, среди которых, помимо

¹ Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. С. 479.

² Там же. С. 36–37.

³ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 584–585.

⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17–6 (1–2). Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1996. С. 25.

⁵ Там же. С. 37.

дезертиров и паникеров, назывались и распространители слухов. «Вождь народов» хорошо понимал опасность дальнейшего нарастания слухов, а его выступление предвещало принятие конкретных мер борьбы с этим явлением. Уже через три дня, 6 июля 1941 г., Президиум Верховного совета СССР принял специальный Указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». По приговору военного трибунала виновные карались тюремным заключением на срок от двух до пяти лет, если это действие не влекло за собой по закону более тяжкого наказания. Таким образом, распространение слухов почти с самого начала войны стало рассматриваться как государственное преступление – власть опасалась возникновения паники, которая могла иметь самые непредсказуемые и нежелательные последствия.

Эти опасения не были беспочвенны: сама ситуация провоцировала возникновение различных страхов. Краснодарский крайком партии докладывал в конце июля в ЦК ВКП(б) о том, что в колхозе «Красное знамя» Ейского района *«отдельные враждебные элементы, чтобы сорвать нормальную работу в поле колхозников, распространили слух, что немцы прорвали фронт и подходят к Ейску»*. Услышав это, несмотря на то что линия фронта в реальности проходила от них на расстоянии нескольких сотен километров, *«многие колхозники, особенно женщины, захватили своих детей и разбежались по домам. Таким образом, работа в поле была частично сорвана»*¹.

Применение указа от 6 июля 1941 г. началось незамедлительно. Уже во второй половине июля 1941 г. в Краснодарском крае военный трибунал за распространение ложных слухов приговорил к лишению свободы 18 чел. (1 – на семь, 13 – на пять лет, остальных – на два и один год лишения свободы). За тот же период за контрреволюционную агитацию по статье 58-10, ч. II Уголовного кодекса РСФСР было осуждено 49 чел., в том числе 14 чел. приговорено к расстрелу, 17 – к десяти годам лишения свободы. Эти две категории дел в крае стали преобладающими в судебной практике по преступлениям, связанным с военным положением². Всего за распространение слухов за месяц с 22 июля по 22 августа 1941 г. краевая прокуратура передала в военный трибунал 34 дела на 34 чел.³ Позже количество осужденных по указу стало сокращаться, в первой половине октября 1941 г. в Краснодарском крае было осуждено 74 чел. за контрреволюционную агитацию и 8 чел. – за распространение ложных слухов⁴.

В Москве за распространение слухов с 27 октября по 1 декабря 1941 г. к ответственности привлекли 15 чел., или 0,4 % от общего числа обвиняемых. Осудили 14 чел., 7 обвиняемых приговорили к лишению свободы на срок от трех до пяти лет, 7 – от года до двух лет. В докладе военного трибунала Московского военного округа в Московский горком ВКП(б) отмечалось, что при расследовании этих дел был допущен ряд грубых ошибок, некоторые дела *«следовало рассматривать по ст. 58-10, ч. II УК. Сессии Военного трибунала, работающие в районах, не всегда раз-*

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 60. Л. 14.

² За уклонение от призыва в армию в рассматриваемый период был осужден 1 чел., за нарушение светомаскировки – 3 чел. См.: Кубань в годы Великой Отечественной войны... Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. С. 33–34.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 60. Л. 47.

⁴ Зайцев В.П., Туков В.В. Участие органов внутренних дел Кубани в битве за Кавказ в годы Великой Отечественной войны. Краснодар, 2007. С. 19.

личают распространение ложных слухов от явной контрреволюционной агитации». Поэтому рассмотрение всех дел предлагалось сосредоточить непосредственно в сессиях при руководстве военного трибунала г. Москвы¹.

Судебная практика военного времени содержит различные примеры как осуждения граждан по откровенно фальсифицированным делам, так и реализации вполне законных в рамках существовавших систем правопонимания и правоприменения «мер социальной защиты». Поскольку «ложными» считались любые сведения, не соответствовавшие официальной информации, это создавало почву для необоснованных репрессий. В то же время отдельных граждан, обвинявшихся по указу от 6 июля, освободили за недостаточностью улик. 8 ноября 1941 г. в Кировской области было прекращено дело А.С. Тутьрина, так как «ложные слухи», распространение которых вменялось ему в вину, «частично не являлись, по существу, ложными», а в части, где они были признаны таковыми, материал расследования не содержал необходимых доказательств для предания его суду².

Всего, по неполным данным, представленным 19 декабря 1941 г. заместителем начальника следственного отдела Прокуратуры СССР М. Альтшулером исполняющему обязанности прокурора СССР Г.Н. Сафронову, на 1 ноября 1941 г. в стране по указу от 6 июля было привлечено 1 423 чел., в том числе в тыловых местностях, не объявленных на военном положении, 513 чел. На срок до трех лет осуждено 266 чел., до пяти лет – 220 чел. Характер распространяемых слухов определялся как «самый разнообразный», но преобладали слухи «о положении на фронте, экономическом положении в стране, отношении немцев к пленным красноармейцам и мирному населению»³.

В процентном соотношении осужденные по указу от 6 июля составляли сравнительно небольшую долю от общего количества советских граждан, привлеченных к судебной ответственности в военные годы. Это объясняется тем, что наиболее «злостные» и опасные слухи квалифицировались как контрреволюционная пропаганда, а распространявшие их лица привлекались к ответственности по соответствующей статье 58-10 Уголовного кодекса СССР, предполагавшей более строгое наказание, вплоть до смертной казни. Так, 16 июля 1941 г. трибунал войск НКВД в Краснодарском крае приговорил к расстрелу гражданина Д. за то, что 22 июня, будучи в состоянии алкогольного опьянения, он заявил: «Хлеб дают только коммунистам, нет справедливости. Надо сдаваться Гитлеру без боя. Все равно разницы нет – будет у власти Сталин или Гитлер. Рыков и Пятаков были партийцы, а остальные ничего не стоят»⁴.

В 1942 г. был арестован заведующий Таштыпской МТС в Хакасской автономной области П.К. Туркалов, обвинявшийся в распространении контрреволюционной клеветы, ложных слухов и «восхвалении фашистской армии». 19 октября 1941 г. он утверждал: «Смоленск сдан только благодаря предательству командного состава Красной армии, немецкая авиация бомбит части Красной армии по сигнализации со стороны советского командования, и наша авиация появляется лишь после того, как красноармейские части немец разбомбит. На подступах к Ленинграду командование Красной армии прямо призывало к сдаче в плен к немцам, так как положение безвы-

¹ Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. С. 548.

² Сомов В.А. Указ. соч. С. 126–133.

³ Там же. С. 133.

⁴ Зайцев В.П., Туков В.В. Указ. соч. С. 18.

ходное». Кроме того, П.К. Туркалову инкриминировался срыв доставки в военкомат восьми тракторов и автомашины. Судебная коллегия по уголовным делам Хакасского областного суда приговорила его по статьям 58-10 ч. 2 и 58-6 УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР вынесла определение изменить меру наказания на лишение свободы сроком на 10 лет с поражением в избирательных правах на 5 лет¹.

Таким образом, указ от 6 июля 1941 г. по сути своей мало что изменил в советском судопроизводстве, поскольку существовавшее законодательство предоставляло и так более чем достаточно возможностей для наказания всех лиц, признаваемых виновными в данном вопросе. Поэтому его главной функцией стало не наказание лиц, уже распространявших слухи, а предупреждение их дальнейшего возникновения.

Наряду с репрессивными мерами существенную роль в борьбе со слухами должна была сыграть и пропаганда *«революционной бдительности»* как *«драгоценного качества советского человека»*². Специальные брошюры и другие пропагандистские материалы разъясняли, что распространение ложных слухов – своего рода *«моральная диверсия»*, в которой заинтересован прежде всего враг. Источником вздорных и панических слухов назывались шпионы и лазутчики противника: *«Вражеский агент пускает лживый слухок. Любитель сенсации, обыватель, паникер подхватывает его и начинает распространять среди населения. Слух растет, ширится. А фашистским агентам только этого и надо!»* Власти призывали советских граждан *«беспощадно разоблачать и выводить на чистую воду всех и всяческих шептунов и паникеров!»*³ Призыв был брошен на благодатную почву, граждане нередко добросовестно сообщали в партийные и государственные органы об обнаруженных ими подозрительных случаях.

Рассматривая слухи в качестве своеобразного зеркала развития общества, можно согласиться с утверждениями о том, что вся *«наша история – это во многом история слухов»*⁴. Действительно, слухи военных лет охватывали весь мир *«обыкновенного»* человека, затрагивая наиболее значимые для него вопросы. Они фиксировали отношение людей к первым успехам вермахта и впечатления от новых технических средств, применявшихся в войне, страх перед жестоким противником и реальные тяготы жизни. Слухи выступали своеобразными производными от господствовавших в обществе и его отдельных слоях социальных фобий, в свою очередь представлявших собой форму *«редукции сложности и неопределенности происходящего»*⁵.

Истоки слухов кроются в особенностях реагирования человеческой психики на эмоциональную перегрузку; их передача позволяет сделать *«неизвестную»* ситуацию известной, *«снять»* психологическое напряжение. Поэтому слухи выполняли компенсаторные функции не только в информационном, но и в социально-психологическом плане, представляя собой своеобразный способ реагирования общества на экстремальную ситуацию военного времени. Они отражали стремление сохранить ценно-

¹ Степанов М.Г. Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930-х – начале 1950-х гг. Абакан, 2006. С. 68.

² См.: Журавлев М.И. Революционная бдительность – драгоценное качество советского человека. М., 1944 и др.

³ Кубаткин П. Уничтожим шпионов и диверсантов. М., 1941. С. 12.

⁴ Кабанов В. Советская история в слухах // История. 1997. № 29. С. 1.

⁵ Гудков Л. Страх как рамка понимания настоящего // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 6 (44), ноябрь – декабрь. С. 53.

сти настоящего и желаемые направления развития ситуации в будущем и выступали своеобразной венаучной формой социального прогноза.

Война часто рассматривается одновременно как новый социальный разлом и в то же время период усиленной социально-психологической мобилизации, направленной на формирование нового чувства национального единения. Массовое распространение слухов как альтернативной официальным источникам информации в СССР в годы Великой Отечественной войны показывает, что их передача была одной из форм поведения не подконтрольного власти человека. Разговоры шепотом о самых насущных проблемах на самом деле кричат о неудовлетворенности советского общества проводимой политикой, о недоверии к государству и поисках зон относительной свободы от его всевидящего ока.

4.6. В последний путь: похороны товарищей

В условиях радикальных преобразований 1920–1940-х гг. не избежали перемен и ритуальные похоронные практики, находившиеся прежде под строгим контролем церкви. В дореволюционной России существовало семь разрядов похорон, в соответствии с которыми, в зависимости от социального статуса умершего, распределялись и места на кладбище. Самыми дорогими и почетными были участки возле церкви, предназначавшиеся для представителей высших сословий. Для низших сословий отводились наиболее отдаленные места у ограды кладбищ¹. Преступников и самоубийц хоронили на общих кладбищах вообще не разрешалось.

Пришедшие к власти большевики взяли курс на вытеснение церкви из всех сфер общественной жизни, и похоронное дело стало одним из полей идеологического противостояния. 7 декабря 1918 г. был принят специальный декрет СНК РСФСР «О кладбищах и похоронах». Все кладбища, крематории и морги, а также организация похорон граждан передавались в ведение местных советов. Отменялись плата за погребение и деление на разряды, для всех граждан устанавливались одинаковые похороны. Впрочем, по желанию родственников и близких умершего за их собственный счет предусматривалась возможность совершать похоронные религиозные обряды в храме и на кладбищах². В продолжение данного курса 15 марта 1920 г. СНК РСФСР запретил использовать венки, а также войска на похоронах. Однако принятые решения на практике не соблюдались. Еще до революции большевики стали использовать похороны своих товарищей в качестве пропагандистских акций. Пожалуй, единственным принципиальным отличием новой государственной церемонии погребения стало отсутствие на них священнослужителей и, соответственно, отпевания покойных³.

Стремление советских руководителей создать и закрепить новый погребальный обряд выразилось в попытках ввести кремацию, вплоть до революции 1917 г. запрещенную в России из-за ее несоответствия христианской традиции. 14 декабря 1920 г. состоялась первая в РСФСР кремация. Но проработал экспериментальный крематорий

¹ Григорьев М.А. Петербург 1910-х годов. Прогулки в прошлое. СПб., 2005. С. 241.

² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1918. № 90. Ст. 921.

³ Жирнов Е. «Сидел-сидел, утром проснулись, а он умер» // Власть. 2003. 24 февраля. № 7 (510).

рий в Петрограде немногим более двух месяцев. Из-за постоянных поломок печей и значительного расхода топлива его пришлось закрыть. За все время работы в нем было произведено 379 сжиганий, при этом лишь 16 – согласно завещаниям умерших и пожеланиям родных¹.

Только в 1925 г. Московский совет депутатов принял решение о создании крематория, а местом для него была избрана церковь св. Серафима Саровского и Анны Кашинской в Донском монастыре. Изготовление печи и остального оборудования осуществляла крупная немецкая фирма «Топф». Заработал первый крематорий в Москве 12 января 1927 г., а его торжественное открытие планировалось к 10-й годовщине Октябрьской революции. Но руководство осознало двусмысленность подобного «подарка», и открытие состоялось без особых торжеств 6 октября 1927 г. Первоначально считалось, что крематорий из-за небольшой мощности печей не сможет удовлетворить всех желающих, и нескольким заявителям даже было отказано в сжигании. Но уже спустя несколько дней после открытия поступление трупов почти прекратилось, так как распространились слухи о том, что у покойников при сжигании дергаются конечности, они корчатся, словно в предсмертных мучениях. В газетах пришлось публиковать опровержения по данному поводу².

Кремация вообще активно пропагандировалась в советской прессе как самый передовой в мире опыт погребения. Еще в 1925 г. в музее Московского коммунального хозяйства начала работу специальная выставка, на которой посетители могли увидеть модели и фотографии крематориев и печей, познакомиться с последними достижениями в данной области. В пропагандистских целях было создано Общество развития и распространения идей кремации, в 1932 г. преобразованное во Всесоюзное кремационное общество. Эти мероприятия сочетались с начавшимся в конце 1920-х гг. массовым сносом храмов. Однако колумбарии полностью вытеснить кладбища так и не смогли.

Практически с самого начала не соблюдались и декларировавшиеся принципы всеобщего равенства в похоронной сфере: тех, кто отличился в борьбе за дело революции, хоронили в особых местах и с особыми почестями. Уже 10 ноября 1917 г. погибшие в октябрьских боях в Москве красногвардейцы были захоронены под Кремлевской стеной. В дальнейшем здесь появилось еще 15 братских могил борцов революции. В первые годы советской власти 1 мая и 7 ноября возле них выставляли почетный воинский караул, а полки принимали присягу. В 1919 г. на Красной площади впервые в отдельной могиле был похоронен Я.М. Свердлов. Но главным событием в 1920-х гг. стали, разумеется, похороны В.И. Ленина. После смерти вождя мировой революции гроб с его забальзамированным телом был помещен в специально построенный мавзолей, ставший важнейшим «местом памяти» в коммунистической идеологии.

Сложившийся в первые годы советской власти ритуал похорон представителей государственной и партийной элиты продолжал сохраняться, подвергаясь незначительным изменениям. Так, в 1920-е гг. гроб с телом покойного устанавливали в Кремле, а затем, по мере усиления мер защиты жизни советских вождей, прощание и гражданская панихида стали проводиться в Доме союзов. После этого партийные

¹ Егоров А. Крематории России. Первый московский крематорий. URL: <http://www.funeralportal.ru/magazine/1020/5422.html>

² Там же.

товарищи на руках несли гроб на Красную площадь, где проходил траурный митинг. Но вопросы организации похорон высокопоставленных номенклатурных работников неизменно оставались в исключительном ведении партийного руководства. Вскоре наряду с захоронениями возле Кремлевской стены возник новый способ погребения выдающихся партийных и государственных деятелей: тела кремировали, а урны с прахом замуровывали в самой стене. С 1927 г. их стали также хоронить на Новодевичьем кладбище, до этого служившем местом захоронения рядовых москвичей Хамовнического и близлежащих районов.

Несмотря на пропаганду кремации, большинство советских граждан продолжали хоронить своих родных и близких на кладбищах. Вследствие отделения церкви от государства и лишения ее монополии на погребение возникли гражданские похороны и обслуживающие их учреждения в лице коммунальных служб, предоставлявших места последнего упокоения и поддерживавших там порядок. К тому же по принятым в 1920-х гг. санитарным нормам и правилам устройства и содержания кладбищ они не могли находиться рядом с общественными зданиями, к которым относились и храмы. Это послужило поводом для уничтожения большинства прежних кладбищ находившихся на территории бывших монастырей и церквей.

Широкое распространение кремация получила уже в 1930-х гг., с началом массовых репрессий, когда она стала использоваться для уничтожения тел расстрелянных «врагов народа». По сохранившимся учетным документам, в период с 1937 по 1941 гг. в печах крематория в Донском монастыре было сожжено около 4,5 тыс. тел расстрелянных. Но точное количество сожженных и захороненных в общих могилах на новом Донском кладбище остается неизвестным¹.

Великая Отечественная война оказала свое воздействие на организацию похоронного дела. Накануне войны порядок похорон бойцов и командиров РККА был четко определен приказом наркома обороны СССР № 138 от 15 марта 1941 г. Согласно утвержденному данным приказом «Положению о персональном учете потерь и погребении личного состава Красной армии в военное время», всем военнослужащим выдавались специальные медальоны. В них вкладывались листки с данными, заполненными самим военнослужащим в двух экземплярах: предполагалось, что один будет передан в штаб части или лечебного учреждения, а второй останется при убитом или умершем от ран военнослужащем. Родственникам военнослужащих должны были направлять специальные извещения об их судьбе. Командиры частей, до полка включительно, несли персональную ответственность за точный учет потерь личного состава и своевременное информирование о них вышестоящего начальства.

Для сбора трупов погибших на поле боя и их доставки к местам погребений командир полка должен был назначить специальную команду. Перед погребением с погибших следовало снимать шинели, возвращавшиеся на склад после дезинфекции. Погребение производилось в масштабах дивизии или бригады в братских могилах или на братских кладбищах, которые по санитарно-гигиеническим нормам следовало располагать не ближе 300 м от источников водоснабжения, жилых помещений, больших дорог, на относительно возвышенной местности с низким уровнем стояния почвенных вод. Сама могила должна была иметь глубину не менее 1,5 м, поверх нее следовало насыпать земляной холм высо-

¹ Егоров А. Указ. соч.

той до 0,5 м, покрыть его дерном или камнем. На поверхности устанавливалась деревянная или каменная пирамида высотой до 1,5 м, на которой выжигался или писался номер могилы. Свои особенности имел порядок погребений погибших из начальствующего состава, которых хоронили в отдельных могилах в деревянных окрашенных гробах¹.

Фронтвые реалии оказались чрезвычайно далеки от установленных норм. Медальоны военнослужащие получали не сразу, а по мере их поступления. Например, в 62-й кавалерийской дивизии распоряжение о выдаче медальонов поступило только к 6 ноября 1941 г., хотя к этому времени данное соединение уже несколько недель выполняло боевые задачи². Приказом НКО № 376 от 17 ноября 1942 г. смертные медальоны вообще были отменены. К тому же у красноармейцев существовало поверье, что заполнив листки медальона, они сами подписывали себе приговор. Поэтому многие выбрасывали их или использовали не по назначению, храня махорку, спички или иголки. Напротив, другая часть бойцов, особенно семейных, порой стремилась не только заполнить листки, но и оставить всевозможные иные упоминания о себе, выцарапав собственные имя, фамилию, а иногда и домашний адрес на фляжке, котелке и других немногочисленных предметах солдатской амуниции³.

В ходе тяжелых оборонительных боев первых лет войны, сопровождавшихся огромными потерями, отступлениями, окружением и гибелью целых соединений, далеко не всегда имелась возможность достойно захоронить павших и даже собрать их тела. Прибывшее пополнение могли бросить в бой вскоре после прибытия, и опознать тела погибших товарищей порой оказывалось просто некому. Только в 1941 г. советские безвозвратные потери (убитые, умершие от ран, попавшие в плен и пропавшие без вести) составили 3 137 673 чел.⁴.

Нередко погребение убитых производилось прямо в окопах, траншеях и блиндажах. Могилы при этом не регистрировались и не отмечались на картах, как того требовал довоенный приказ наркома обороны. Фронтовой товарищ сержанта А.М. Хашевского, погибшего в августе 1941 г. в боях за Днепропетровск, так рассказывал его отцу о похоронах сына: *«Я и еще двое друзей донесли Абрама до железнодорожной станции Новомосковск (от Днепропетровска в сторону Харькова 16 км), но здесь нас встретили немцы, которые опередили нас. Далее нести было не под силу, да и к чему. И вот, при станционном сквере, около каменного шпилья, мы похоронили своего лучшего друга, поставив дощатую надпись. Вы спрашиваете, сохранилась ли надпись, – увы, этого я не знаю. Время смерти и похорон тоже не скажу, ибо время смешалось, и вряд ли кто из нас им интересовался»*⁵.

В военных документах нередко содержится критика в отношении командования соединений действующей армии по вопросам организации похорон погибших военнослужащих. В специальной директиве Главного политического управления РККА «Военным советам и начальникам политуправлений фронтов и армий об организации

¹ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). М., 1994. С. 258–260

² ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 3. Л. 227.

³ См.: Щербанов В. Неинтересные находки Миусской земли // Пужаев Г.К. Кровь и слава Миуса. Таганрог, 2008. С. 363–364 и др.

⁴ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 60.

⁵ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 24.

погребения трупов погибших красноармейцев» отмечалось, что «многие командиры и комиссары действующих частей не заботятся о том, чтобы организовать сбор и погребение трупов погибших красноармейцев, командиров и политработников. Нередко трупы погибших в боях с врагом за нашу Родину бойцов не убираются с поля боя по нескольку суток и никто не позаботится, чтобы с воинскими почестями похоронить своих боевых товарищей даже тогда, когда имеется полная возможность»¹.

Однако ситуация мало менялась. 3 марта 1942 г. начальник политуправления Южного фронта дивизионный комиссар Мамонов писал военкому 12-й гвардейской стрелковой дивизии полковому комиссару Саботашевскому о том, что в частях «вашей дивизии плохо выполняется приказ НКО № 138 о погребении военнослужащих, погибших в боях. Место для похорон не отведено. Могилы копаются в огородах и у домов жителей. Трупы сваливаются в одну кучу. С убитых снимают всю одежду еще задолго до погребения и совершенно нагишом они лежат часами на глазах у местного населения. Надписи на могилах прикрепляются к веткам деревьев и в них не указаны полностью все фамилии похороненных военнослужащих». Считая такое отношение недопустимым, Мамонов требовал «донести о принятых мерах по ликвидации безобразий»².

Еще хуже ситуация сложилась с погибшими и умершими от ран военнослужащими 176-й стрелковой дивизии. При ее смене частями 218-й стрелковой дивизии на поле боя было обнаружено 100 трупов бойцов и командиров 176-й стрелковой дивизии. По словам Мамонова, «более возмутительное отношение имело место к умершим от ран». В селе Михайловка около расположения штаба 176-й стрелковой дивизии были брошены в силосную яму 15 трупов красноармейцев, умерших от ран в медсанбате. Начальник политуправления фронта требовал провести расследование, а виновных привлечь к ответственности, направив, наряду с письмом начальнику политотдела 12-й армии полковому комиссару Мальцеву, его копию прокурору Южного фронта³.

Описания в письмах и дневниках полей сражений также зачастую предстают во всей неприглядности – как «страшные кладбища», где нетронутыми остались трупы или уже скелеты погибших⁴. Одну из таких жутких картин поля после танкового сражения запечатлели воспоминания связиста Л. Рабичева: «Огромное пространство до горизонта было заполнено нашими и немецкими танками, а между танками тысячи стоящих, сидящих, ползущих заживо замерзших наших и немецких солдат. Одни, прислонившись друг к другу, другие – обнявши друг друга, опирающиеся на винтовки, с автоматами в руках. ...На меня напал ужас. Танки налезали друг на друга, поднимались на дыбы, а люди, вероятно, и наши, и вражеские – все погибли, раненые замерзли. И почему-то никто их не хоронил, никто к ним не подходил. Видимо, фронт ушел вперед и про них – сидящих, стоящих до горизонта и за горизонтом, забыли»⁵.

Писатель Д. Гранин, добровольцем ушедший защищать Ленинград в июле 1941 г., отмечал, что павших однополчан в ходе стремительного отступления первых месяцев войны хоронить вообще не представлялось возможным. «В лучшем случае сваливали тела в рвы и окопы, присыпали землей. Но чаще бросали на поле боя». С переходом

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17–6 (1–2). С. 97.

² ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 710. Д. 212. Л. 16.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 205–206.

⁵ Рабичев Л. Указ. соч. С. 103.

к позиционной обороне и уменьшением потерь убитых из батальона, в котором служил Гранин, стали сносить за насыпь рядом с железной дорогой, и там образовалось маленькое кладбище. Крестов и обелисков на могилах не ставили, так как дерево и вообще все, что могло гореть, использовалось живыми – шло на растопку, обогрев землянок. Места захоронений помечались большими орудийными гильзами, на которых выцарапывались имена и даты жизни погребенных¹.

Представления о хороших похоронах, бытовавшие в солдатской среде, были простыми и ясными. «Похоронили Васю хорошо. Вырыли ему специальную могилу, на столбце у могилы сделали надпись. Хоронили его с воинскими почестями», – сообщал сестре красноармейца Коровина его лучший друг, которому вскоре удалось навестить могилу и убедиться в ее сохранности². В то же время немало писем с фронта, в которых присутствуют сожаления о том, что тело погибшего товарища вообще «не удалось вынести с поля боя». В письмах боевых друзей и командиров нередко также предложения переслать домой личные вещи и деньги погибших, сообщения о возбуждении ходатайств об установлении пенсий их несовершеннолетним детям³.

Вопросы захоронения погибших советских военнослужащих стали серьезной проблемой и для оккупационных властей, так как их останки угрожали возникновением массовых эпидемий. Обычно она решалась путем принудительного привлечения местного населения для сбора и захоронения тел погибших военнослужащих РККА в естественных или рукотворных углублениях в местах их гибели – противотанковых рвах, окопах, воронках от снарядов и бомб, силосных ямах и т.д. Порой сбор и захоронение трупов советских воинов вообще не проводились, а районы кровопролитных боев просто объявлялись закрытыми. Казненных советских патриотов, партизан и подпольщиков оккупанты в устрашение остальному населению порой запрещали хоронить. В то же время собственных военнослужащих они хоронили со всеми необходимыми почестями, нередко в центре захваченных ими советских городов и других населенных пунктов, устанавливая кресты и таблички с именами погибших на могилах.

После первого советского зимнего контрнаступления 1941–1942 гг. и освобождения части оккупированной территории перед советским руководством также встала проблема захоронения не только своих бойцов и командиров, но и военнослужащих противника. 1 апреля 1942 г. было принято специальное постановление ГКО № 1517 «Об уборке трупов вражеских солдат и офицеров и о приведении в санитарное состояние территорий, освобожденных от противника». По данному постановлению «персональная ответственность» за своевременную и полную уборку трупов, очистку источников водоснабжения и представление именных списков захороненных бойцов и командиров в Центральное бюро по персональному учету потерь личного состава действующей армии возлагалась на председателей областных и местных исполкомов. Из местных граждан создавались команды для сбора и погребения трупов вражеских солдат и офицеров, ликвидации их кладбищ и отдельных могил на площадях и улицах населенных пунктов. В их задачи также входили проверка состояния братских могил бойцов и командиров РККА, приведение их в надлежащий порядок, а в случае необходимости перезахоронение тел, сбор и погребение трупов гражданского населения, бойцов и командиров РККА, а также трупов животных. При этом места для захоронения

¹ Ванденко А. Указ. соч. С. 51–52.

² Письма из войны: сб. документов. Саранск, 2010. С. 189.

³ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 93–94.

вражеских солдат и офицеров следовало отводить вдали от населенных пунктов, шоссе, дорог и братских могил бойцов и командиров РККА и гражданского населения. Военные советы фронтов выделяли в распоряжение исполкомов областных советов специальные команды саперов для разминирования полей сражения. Контроль над соблюдением санитарных правил по погребению трупов и очистке населенных пунктов возлагался на Государственную санитарную инспекцию и органы милиции¹.

Таким образом, вся тяжесть работы по погребению погибших военнослужащих и мирных жителей возлагалась на местные власти освобожденных районов. Перед захоронением требовалось произвести опознание и учет всех обнаруженных трупов по медальонам или другим обнаруженным документам. Однако уже 22 апреля 1942 г. в связи с тем, что местные советы с поставленной задачей не справлялись, начальник Главного управления тыла Красной армии приказал создать специальные команды для захоронения трупов бойцов РККА и неприятеля на каждом фронте, в каждой отдельной армии и Московском военном округе. Ответственными за захоронение назначались начальники санитарных управлений. Начальникам команд предписывалось изучать районы боев на местности и по картам, производить выявление и захоронение погибших не только на открытых пространствах, но и в лесных массивах.

С переходом советских войск в контрнаступление рассматриваемые проблемы продолжали сохраняться. Особенно они обострялись весной, когда из-под растаявшего снега появлялись останки погибших в зимнюю кампанию. Над местами массовой гибели людей стоял настоящий смрад, разложение трупов людей и животных не только мешало хозяйственной деятельности в освобожденных районах, но и грозило массовыми эпидемиями. Поэтому командование различных соединений отдавало соответствующие приказы: «В связи с наступлением оттепели проверить местность в расположении тылов полка, при обнаружении трупов красноармейцев произвести похороны»². Местные власти срочно создавали похоронные команды из имевшихся в наличии людей – стариков, женщин, подростков. Установить личность погибших, особенно в местах массовых кровопролитных боев, в этих условиях удавалось редко, как и соблюсти необходимые требования к погребальному обряду.

В то же время в крупных населенных пунктах производились торжественные перезахоронения погибших советских военнослужащих и казенных оккупантами мирных жителей, имевшие несомненное пропагандистское значение. Во время ритуальных церемоний украшенные живыми цветами гробы окружали приспущенные красные знамена, окаймленные черным крепом, десятки венков и букетов, рядом находился почетный караул. На траурных митингах, собиравших тысячи людей, выступали советские и партийные руководители, командиры освобождавших данную территорию воинских частей. Звучали заверения в том, что принесенные жертвы были не напрасны, а противник будет разгромлен в войне³.

Надписи на захоронениях погибших партизан и казенных мирных жителей также нередко содержали обещание мести противнику. Партизанка Анна, чей муж погиб при подрыве моста, сообщала родным, что он был похоронен в лесу, на берегу озера. Надпись гласила: «Спи спокойно, брат! Мы отомстим за твою кровь». На могиле уничтоженных немцами русских и евреев, бежавших из Литвы, партизаны устано-

¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 26. Л. 16–17.

² ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 24. Л. 52 и др.

³ Похороны партизан, погибших в боях за Родину // Адыгейская правда. 1944. 8 августа. См. также: Кринко Е.Ф. Майкопские партизаны. Майкоп, 2007. С. 104–105.

вили надпись: «Здесь находится прах невинных, зверски замученных и сожженных немецко-фашистскими варварами: красноармеец Корнилов Федор – 27 лет, Копиков Илья – 12 лет, Михейкина Янина – 29 лет, Михейкина Людмила – 7 лет, Михейкин Геннадий – 2 года, Гольдина Любовь – 40 лет, Гольдина Людмила – 17 лет, Гольдин Геннадий – 11 лет, Гольдина Зинаида – 15 лет, Фрумкина Фаня – 21 год, Фрумкина Жанна – 2 года, Шулькина Хася – 63 года. За ваши жизни зверь Гитлер расплатится своей жизнью. Мы отомстим!»¹

Особые сложности в организации похорон возникли в блокадном Ленинграде. В начале 1942 г. похоронные службы в осажденном городе оказались просто не в состоянии справиться с ежедневным захоронением на кладбищах тысяч умерших в связи с резким возрастанием смертности населения от голода и холода. Выходом стала организация крематория. Первая экспериментальная установка была запущена в находившемся практически на линии фронта городе Колпино 10 февраля 1942 г. на термическом участке цеха № 3 Ижорского завода. После кремации 7 трупов комиссия рекомендовала использовать «сжигание как средство реальное и необходимое в данной обстановке». За четыре месяца в крематории в Колпино были кремированы останки 5 524 чел., в основном бойцов РККА, павших при обороне города. В марте 1942 г. по решению ленинградских городских властей был переоборудован в крематорий 1-й кирпично-пемзовый завод. 16 марта состоялась первая кремация 150 трупов. После того как крематорий стал работать на двух печах и в три смены, его пропускная способность увеличилась. Например, 18 апреля было подвергнуто сжиганию 1 425 останков, а всего к 1 января 1943 г. кремировано 109 925 трупов. Благодаря работе крематория в Ленинграде улучшилась эпидемиологическая ситуация, а с 1 июня 1942 г. на городских кладбищах была прекращена практика массовых захоронений².

Продолжал функционировать во время войны и московский крематорий. Одних только военнослужащих РККА, умерших в московских госпиталях, здесь было кремировано и затем похоронено в братской могиле свыше 15 тыс. чел.

На фронте установленный порядок захоронений соблюдался далеко не всегда, для погребений погибших, особенно рядового и младшего командного состава, продолжали использоваться любые подручные средства. Л.Н. Пушкарев отмечает, что временные фанерные памятники-пирамидки со звездой (фанерной или из жести консервной банки) наверху как символом Красной армии, сделанные в спешке боев и установленные на месте гибели товарищей, были достаточно редким явлением. Чаще устанавливался столбик с небольшой дощечкой, на которой можно было прочесть фамилию погибшего, его год рождения, указание на род войск и т.д. Так, на обелиске солдатской могилы около моста через Вислу было написано: «Шофер Анатолий Воронцов, 1922 г.р., пал в бою с немецкими захватчиками при бомбежке моста через Вислу. Толя, мы отомстим за тебя! Смерть немецким оккупантам». На могильном холмике под обелиском лежали руль и фары машины, на которой погиб шофер. Нередко на могилу танкиста клали трак от гусеницы, а пехотинцу – каску, пробитую пулей³. Показательно описание К.М. Симоновым похорон погибших красноармейцев на Карельском перешейке во

¹ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 217; Вып. 2. С. 126–127.

² См.: Ленинград в осаде: Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. СПб., 1995.

³ Пушкарев Л.Н. Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 320.

время перехода советских войск в наступление в 1944 г.: «Около шоссе роют могилы. Попался под руки огромный рулон толстой финской, наверное, оберточной бумаги. Завертывают бойцов в эту финскую бумагу и кладут в братскую могилу»¹.

Еще меньше уважения проявлялось к останкам военнослужащих противника, их кладбища нередко просто уничтожались, без всякого перезахоронения. По воспоминаниям А.В. Бондаря, во время войны – командира танка Т-34, «разменяв девятый десяток, я жалею, что мы и немцы так по-варварски относились друг к другу на войне. Они наших убитых тягачами в болота стаскивали, ну и мы их. У нас могил немецких – раз-два и обчелся: немножко под Москвой, немножко под Сталинградом. Когда я был в Германии, в Липешендорфе, я увидел кладбище русских пленных Первой мировой войны и подумал: “Тогда немцы стояли на более высоком уровне развития. Они понимали: вот пленные, вот они умирают, вот здесь можно хоронить”. А немцы Второй мировой войны, охваченные идеями нацизма, уже такими не были. Мы тоже цивилизованностью не отличались – приходили на их полевые кладбища, сносили кресты и шли дальше»².

Только окончание войны сопровождалось постепенным улучшением состояния дел в похоронной сфере. Увидев кладбище советских солдат, погибших в боях за Бреслау, 18-летний разведчик С. Баруздин отметил в своем дневнике: «Могилы в хорошем состоянии, что особенно приятно. Ведь мы не привыкли к этому за эти месяцы». Через несколько дней его пути на Берлин встретилось еще одно большое кладбище. «Сюда свозят на подводах трупы убитых. Специальные команды, которые состоят большей частью из пожилых солдат, хоронят их, ставят памятники над могилами и изгороди. Рядом большие братские могилы, похожие на противотанковые рвы. Одна из них почти пустая. Лишь в одном углу лежат несколько убитых, слегка присыпанных сверху песком. На белой записочке надпись: “3.04.45 г. похоронены красноармейцы Хомутов, Аджинбеков. Место свободно”»³

В советское время тема смерти нечасто поднималась в средствах массовой информации, что создавало определенные трудности ее психологического переживания, которые до революции помогала решать религия. На фронте военнослужащие неминуемо думали о своей возможной гибели, поднимали эту тему в разговорах с товарищами по службе, в своих письмах и дневниках. Мысли о судьбе и цене жизни на войне присутствуют во множестве источников и отличаются фатализмом. Именно бесхитростный солдатский фатализм сквозит в коротком письме, написанном красноармейцем А. Аненко «из окопа» на родную ставропольскую землю: «Мама беспокоиться не надо жив буду увидимся когда-нибудь, а убьют конечно надо кому-нибудь и умерать»⁴. «Если бог войны подарит мне жизнь...» – мечтал Р.И. Штейнберг в письме школьной подруге. А.З. Раскин рассуждал в том же духе: «Все, что должно свершиться с тобой, хорошее или плохое, от тебя не зависит»⁵.

Однако непосредственные реакции на прямую угрозу жизни, первые смертельные случаи среди воюющих рядом вносили свои коррективы в подобные

¹ Симонов К. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. II. 1942–1945 годы. М., 1981. С. 384.

² Петров В.Н. Вспомним о павших... (о проблеме незахороненных в годы Великой Отечественной войны останков погибших и «пропавших без вести» солдат и офицеров и молодежной политике) URL: http://journal.oscfo.ru/nomera/7/vspomnim_o_pavshih/

³ РГАЛИ. Ф. 2855. Оп. 1. Д. 38. Л. 18 об., 19 об.

⁴ Герои терпения... С. 173.

⁵ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 181, 246.

настроения комбатантов. Уже в первый свой день на фронте, который был двенадцатым днем Великой Отечественной войны, Л.С. Френкель записал в дневнике: «Впервые появились фашистские самолеты... Начинаешь незаметно для себя испытывать чувство прямой опасности. Ощущение неприятное, передать даже трудно. В голову приходят разные фантазии. Умирать глупо без всякой пользы, да и вообще умирать, конечно, не хочется. Еще страшнее, если какая-нибудь дура-бомба оставит тебя калеккой, ну а главное, что это впервые, и поэтому инстинкт самосохранения еще очень велик»¹. Одна из первых фронтовых записей в дневнике В.Г. Кагарлицкого отразила потрясение смертью боевого товарища: «Три дня назад убило Лешку Шеко. Он только поговорил с майором и шел на батарею, как разорвавшимся снарядом его убило наповал. Как все-таки жалко Лешку! Его наградили орденом, выдвинули комбатом и вдруг такая смерть! Глупая и ненужная смерть, с которой никак нельзя примириться. Майор после этого ходил как прибитый, мы с ним вчера сидели, разговаривали, и он говорил, что после этой смерти им овладела какая-то апатия. Еще бы!.. Ведь это первый погибший офицер нашего полка»².

Глубину потрясения человека, только что вернувшегося из боя, выразил в своих военных записках Л.Г. Андреев, в 1943 г. – двадцатилетний рядовой Великой Отечественной войны: «По деревне сновали незнакомые бойцы, расхаживали свиньи, гуси, даже корова брела через деревню. Меня удивила эта жизнь, рядом со смертью. И показалось странным, что так много бойцов, спокойно прислушивающихся к выстрелам, убивающим их товарищей, ходят по деревне, в сотне шагов от которой гибнут из-за малочисленности солдаты одной с ними армии. Я едва добрался до дома, где спокойно отдыхал сутки назад, и свалился на пол, измученный только что пережитым напряжением. Тупое равнодушие охватило меня, и то облегчение, которое я испытал, скрывшись от пуль за первым домом, прошло. Человек, побывавший рядом со смертью, взглянувший в лицо ее, познал свое бессилие, свое ничтожество, и, раздавленный величиной его, – я почувствовал себя букашкой, ползущей по дороге титанов. Тело мое, казалось, придавливала книзу какая-то чудовищная сила, ныли ненужные мускулы. Сознание мое, пораженное увиденным, ужаснулось неумолимому, огромному, вставшему на моем пути, – остановилось, бессильное понять и вместить его. Я лежал на полу, и время текло мимо меня, взглянувшего в бесконечное...»³

Со временем ощущение непосредственной близости смерти притуплялось, фронтовики начинали шутить на тему «попадания в Наркомздрав либо Наркомзем». В письмах переводчика В. Раскина, который находился на передовой, «вел передачу на немцев», содержится много наблюдений по этому поводу, одно из которых звучит так: «Не хватит никакой трусости, чтобы бояться всех снарядов. Привыкаешь и к снарядам, и к смерти товарищей. Все это стало бытом и не удивляет...» Раскин приводит характерный фронтовой диалог: «Траншеей пойдешь? – Ну ее к черту. Мой осколок еще не привезли». И он же восхищается виртуозному умению некоторых однополчан каким-то чутьем определять, что «сейчас фриц огня вести не будет» или, напротив, «посиди, обстреляет фриц, тогда пойдешь»⁴.

¹ Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 19.

² Там же. С. 44.

³ Андреев Л.Г. Указ. соч. С. 175–176.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-33. Д. 1400. Л. 88, 44 об., 29.

Но даже самых смелых беспокоила нелепость или бесполезность собственной гибели. *«Я не боюсь трудностей, не боюсь и смерти. Но не хочется так нелепо погибнуть здесь, где-нибудь в лесу или болоте...»* – гласит запись из фронтового дневника Н.И. Френкеля, командовавшего полком в тылу врага в Белоруссии. Эти мысли не оставляли его и спустя неделю, уже после перехода линии фронта и воссоединения с частями 65-й армии: *«Да, теперь я могу сказать, что и я заглянул смертушке в глаза!!! Но я ее не испугался и поэтому она оставила меня... Очень уж не хотелось так бесславно погибнуть в “чертовом болоте”. Не жалко погибнуть, когда осознаешь пользу от этого общему делу. Обидно было погибнуть так, отдать так дешево свою жизнь и жизнь моих спутников»*¹. В приближении финала войны «котировки» жизни особенно повысились, что отразили дневниковые записи капитана Э.И. Генкина. В конце 1944 г. он писал о том, что *«с таким настроением воевать крайне трудно»*. Запись от 9 мая 1945 г., сделанная в г. Лобау, сообщает: *«Ну, вот война и кончилась. Собственно, это только официально. Сумасшедшие немцы продолжают стрелять. Сегодня они обстреляли меня в дороге. (Как обидно было бы умереть в “последний” день войны)»*²

Испытания, через которые проходило мирное население, порой формировали отношение к смерти, которое мало чем отличалось от переживаний фронтовиков. В ноябре 1941 г. М.Л. Биневич писал об этом жене из блокадного Ленинграда: *«Сейчас видишь столько кругом смертей, так часто подвергаешься опасности быть убитым или раненым снарядом, миной, осколками от снарядных разрывов в самом городе, что просто теряешь какой-либо вкус к этой опасности, не укрываешься, ибо и в убежище можешь быть похоронен под обломками разрушенного здания, так же как разорванным в клочья под воротами, и т.д. Смертей кругом много: умерла Фира, умерла твоя мамаша, убит Борис, муж петроградской Жени, убит Корнилов, неизвестно, куда пропала моя мамаша, расстреляно 150 тысяч евреев в Киеве и 300 тысяч евреев в Одессе и т.д. и т.п. Смерть в настоящее время явление обычное, и мы все же ее не чувствуем, пока не заденет нас лично. Человек всегда человек»*. *«Штабеля трупов»*, ситуация, когда *«покойника увидишь почти на любой улице, на лестнице, в квартире»*, наводили на мысли о последствиях, которых следует ожидать весной, – эпидемиях, способных повлечь за собой новые жертвы³.

Для большей части находившегося под угрозой оккупации населения эвакуация была невозможна по ряду личных обстоятельств (недостаток финансов, проблемы со здоровьем и пр.), и в таких случаях часто формировалась пассивная позиция в отношении собственной жизни. Ее, в частности, выразила пожилая жительница г. Сочи: *«Я никуда не еду – куда ж нам – убьют всех и нас убьют, а може и останемся...»*⁴

Бомбежки и зверства оккупантов, голод и истощение, недостаток теплой одежды в зимнее время и многочисленные болезни при отсутствии нормальной медицинской помощи – это неполный перечень причин, которые влекли за собой потери среди мирного населения. Именно поэтому смерть в силу естественных причин (например, по старости) зачастую ставилась в один ряд со смертями, которые являлись прямым следствием войны. Так, сочинец А.З. Дьяков, записавший

¹ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 240, 241.

² Там же. С. 279–280, 283.

³ Сохрани мои письма... Вып. 2. С. 90.

⁴ Герои терпения... С. 52.

в дневник печальные новости о смерти своей тещи в деревне и гибели на фронте брата жены, подвел их под общий «знаменатель»: «Да, много горя и слез принес кровавый Гитлер!»¹

Крайне ухудшившиеся в годы войны условия жизни вызывали жертвы, которые во многом остаются на совести власти, бездушно эксплуатировавшей человеческие ресурсы. В этом смысле показателен сюжет, который отразил в своем дневнике А.З. Дьяков (запись от 11.02.1942): «*Просматривая прошедший день, вспомнил о тов. Новосельцеве, который сегодня жил последний день – умер на рассвете, оставил семью – жена, двое детей. Работяга был – вначале грузчик (пришел на станцию из станции – 1934 г.), затем десятником погрузочных работ. Долго болел – “язвой в желудке”, которую вырезали дважды, а теперь еще приписали “туберкулез”. Человек умер преждевременно – 38 лет. Недели две назад, встретившись со мной – черный, исхудалый. Я спросил – “Как живешь?”, а он ответил – “Плохо – кушать нечего. Чувствую, как сохнет желудок, а с ним и я ... наверное, скоро “канут”, как немцы говорят. Обращался к райкому союза – говорят, ничем помочь не сможем. Вот когда работал – был нужен, все покрикивали, требовали еще больше работать, хотя я работал неплохо, а когда заболел – стал никому не нужен”. С таким убеждением и умер человек, оставив эту обиду в наследство своей семье – детям. Рабочие сегодня вынесли его гроб на руках – похоронили на бугорке городского кладбища, который виден из его окошка железнодорожного дома, где он когда-то жил до последних дней – и часто детишки будут посматривать в окошко и говорить – “вон бугорок, а там наш папа”*»².

Психологическая травма, связанная с гибелью на фронте родных, переживалась крайне тяжело. Анна Альтман писала сыну более 10 лет после его гибели (вплоть до 1954 г.). В письмах обращалась к нему как к живому, не теряя надежды на возвращение. Поскольку эти послания некому было отправлять, то женщина подшивала их в отдельные тетради-дневники (всего более 200 листов). 19 мая 1945 г. она написала: «*Ну вот и война закончилась... Я жду тебя, Марочка. Друзья мне говорят, надо терпеть и ждать. Разве я не жду, разве я не терплю, но сколько еще надо, сколько еще можно? Мне говорят, не сиди одна дома, и я бегу куда-то, уйду из дома, но мои мысли идут со мной и за мной... Я ходила к гадалке гадать, она сказала, что ты скоро приедешь героем... Я помню, Марочка, твои слова, как ты кричал мне из вагона: мама, держись. Я держусь, дорогой, пока держусь, а ты скорее вернись*»³.

О глубине переживаний женщин, продлившихся далеко за пределы времени войны, свидетельствует рассказ К.М. Симонова. Автор знаменитого стихотворения «Жди меня...», написанного в июле 1941 г., получал многие сотни, если не тысячи писем от «солдаток» Великой Отечественной войны. И постепенно пришло понимание, что для «не дождавшихся» стихотворение заключало в себе «*укор, упрек, обвинение*». Неразрешимость этого противоречия подтвердило письмо, пришедшее от когда-то молодой «солдатки»: «*В декабре 1943 года я получила письмо, написанное мужем 1 ноября в двенадцать часов ночи, в котором он писал: “Когда получишь мое письмо, мы уже будем по ту сторону Днепра”. Это было последнее письмо. Прошли декабрь, январь и почти весь февраль. Я ежедневно многократно заглядывала в почтовый ящик и шептала, как молитву, “жди меня, и я вернусь всем смертям назло...”*» и добав-

¹ Герои терпения... С. 64.

² Там же. С. 41.

³ Сохрани мои письма... Вып. 1. С. 168–169, 172–173.

ляла: *“Да, родной, я буду ждать, я умею”*. 23 февраля я узнала, что я, видимо, не умела ждать, *“как никто другой”*, что мне не дано дожидаться. Он был смертельно ранен... Я не хотела этому поверить даже после встречи с друзьями, присутствовавшими на похоронах. Все эти годы мои мысли многократно возвращались к вам – автору *“Жди меня”* – вроде вы в чем-то передо мной виноваты. Вот я и хочу вас попросить от имени всех тех, кто *“ждал, как никто другой”*, но увы... не дождался. Реабилитируйте нас. Напишите что-то в наше оправдание...»¹

Тяжесть личной утраты передает и дневник А.З. Дьякова, потерявшего в боях на Смоленщине единственного сына. День за днем он перебирал фотографии сына и те события жизни, которые их связывали. Примечательно, что в этот трагический момент всплыли на поверхность непростые условия жизни семьи (*«нужда и горе», «бедные условия, недоедание», «плохо одет и плохо кушал»*) – темы, которым в дневнике до того отводилось не так уж много места. Очевидно, что Дьяков никак не мог сосредоточиться на работе: *«Трудно мне! Могу ли я пережить – смогу ли я завтра так же бойко читать доклад или беседу рабочим, увлекаться материалом, историей, международным положением и т.д.? Нет – образ Виулена не изгладится из памяти»*. И даже задавался вопросом: *«Переживают ли так другие?»* Вероятно, чтобы передать значимость события, автор дневника описал сон, приснившийся ему вскоре после получения извещения о смерти: *«Видел сон, как будто я пришел на заседание Совнаркома или иного какого-то совещания, где ясно видел среди присутствующих тов. Сталина и произносившего речь тов. Кагановича Л.М. (сидя). Настроение у всех было веселое – переговаривались между собой о каких-то делах, мне непонятных. Я уже почувствовал неловкость, “не уйти ли”, мелькнула мысль. Сталин раза два глянул в мою сторону... Встал и опять остановился у письменного стола, где разложены фотокарточки Виулена и его друзей, присланные из его части с фронта»*. Трагическое событие нарушило весь привычный уклад жизни Дьякова. Он погрузился в дела, так или иначе связанные с ним (разослал письма родственникам, обратился в фотомастерскую для увеличения фотографии сына). При получении в военкомате повторного извещения о гибели сына узнал, что *«пенсия не полагается»*. *«Я ответил, что я работаю и не претендую...»* Вместе с женой приняли решение по окончании войны съездить на могилу сына и *«впредь пока живы»* ежегодно навещать ее².

После войны не только родственники, но и сами фронтовики, если имели такую возможность, навещали могилы боевых товарищей. Так, политрук 150-го инженерно-заградительного батальона А. Кобенко, в свое время сделавший в дневнике запись о гибели во время немецкой воздушной бомбежки г. Кропоткина красноармейца Петра Титова, позднее написал: *«Титов был отличный боец, мечтал после войны учиться на агронома, один сын у матери... Похоронили т. Титова за городской рощей на левом берегу Кубани у хут. Кубанский. После войны, когда я проезжал по этой дороге в командировки, останавливался у могилы т. Титова, отдавал хорошему солдату воинскую почесть»*³.

Подводя итоги, следует сказать, что в рассматриваемой сфере всегда было сильно влияние традиций: смерть как личная трагедия утраты «значимого другого» обычно переживается в общепринятых формах. Поэтому на протяжении столетий похо-

¹ Симонов К.М. Разные дни войны. Т. 1. М., 1977. С. 456–458.

² Герои терпения... С. 69–70.

³ Там же. С. 207.

ронный обряд мало меняется. Однако пришедшие к власти большевики стремились изменить порядок и условия не только жизни, но и смерти, вернее, обстоятельств ухода из жизни советских граждан и сопровождавших их ритуалов. Это особенно выразилось в стремлении широко использовать кремацию, которая, помимо экономических и гигиенических соображений, привлекала лидеров большевиков своим индустриальным характером, вписывавшимся в идеологические представления о строительстве «нового мира». Тем не менее похоронные практики оказались более устойчивы к преобразованиям, чем этого ожидали советские руководители. Дальнейшие трансформации похоронного дела и самого отношения к смерти советских граждан произошли уже в годы Великой Отечественной войны. Сам масштаб потерь во время войны, их частота и регулярность неизбежно придавали погребениям рутинный характер и новый статус в массовом и индивидуальном сознании, заставляя иначе, чем в мирное время, воспринимать смерть.

ГЛАВА 5

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Упоминание о стратегиях выживания советского человека стало своеобразным общим местом в исследованиях по истории повседневности. Однако в их изучении пока еще достаточно лакун, включая и само определение данного понятия. Практически неразработанными остаются типология стратегий выживания, механизмы, условия и обстоятельства их формирования, что позволяет считать рассматриваемую проблему недостаточно изученной.

Сам термин «стратегия» первоначально использовался для обозначения области военного искусства, включающей вопросы теории и практики подготовки вооруженных сил к войне и ее ведения. В дальнейшем он стал применяться и в других областях знания, прежде всего в экономике и управлении, в значении искусства планирования и руководства, основанного на долговременном прогнозировании. В широком смысле слова под стратегией понимается общий план какой-либо деятельности, без ее детализации, охватывающий длительный период времени.

В психологии и социологии достаточно интенсивно изучаются жизненные стратегии человека как формы целенаправленной организации им собственной жизни, включающие его отношение к имеющимся возможностям и ресурсам, их актуализации и реализации. Исследователями отмечается, что стратегия жизни представляет собой выбор ее основного направления, главных целей и этапов их достижения. В процессе жизни личность выступает субъектом деятельности, что позволяет ей соотнести свои возможности с поставленными целями. Жизненная стратегия рассматривается как способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни.

В условиях социальных трансформаций 1920–1940-х гг. жизнь советского человека, подвергаясь многочисленным рискам и угрозам, неизбежно приобретала характер выживания. Использование существующего опыта осмысления проблемы позволяет определить стратегии выживания как устойчивые способы и формы жизнедеятельности человека, поведенческие модели, направленные на достижение основных целей его существования – удовлетворение базовых физиологических и социальных потребностей личности. Содержанием стратегий выступает ряд социально ориентированных действий, правил принятия решений и практик их реализации. Стратегия выживания представляла собой способ адаптации человека к конкретным обстоятельствам жизни, а ее выбор во многом зависел от социального опыта, ресурсов и возможностей, системы ценностей, личных качеств, а также внешних условий деятельности конкретного человека.

Предметом изучения в рамках данного раздела выступают наиболее типичные формы поведения советского человека в условиях социальных трансформаций 1920–1940-х гг. При этом все многообразие стратегий выживания условно подразделяется на два основных типа. Первый составляют патерналистские стратегии выживания. Особая роль государства в российской истории привела к формированию психологии социального иждивенчества, в соответствии с которой именно официальной власти надлежало решать задачи по удовлетворению насущных проблем жизнедеятель-

ности населения. В рассматриваемый период времени иждивенческие настроения получили новый импульс своего развития, что оказалось не в последнюю очередь связанным со становлением государственной системы социального обеспечения. Став инициатором создания новых идеалов справедливости и социальной опеки, оно порождало и новые стратегии выживания, по большей своей части основывавшиеся на ожидании населением законной помощи со стороны государства.

Второй тип представляет собой различные девиантные стратегии, в зависимости от обстоятельств приобретающие делинквентный и даже криминальный характер. Необходимо отметить, что девиациями они выступали для советского социума как нормативно-ценностной системы, стремившейся к воспроизводству определенных образцов лояльного поведения. Однако в экстремальных условиях эти отклонения выступали вполне естественными реакциями части граждан на нестабильность и возросшую социальную напряженность, выражаясь в уклонении от выполнения существовавших норм и их прямом нарушении. К данным стратегиям выживания относятся различные хозяйственные правонарушения, дезертирство и уклонение от военной службы, а также коллаборационизм части советских граждан в годы Великой Отечественной войны.

5.1. «Кто более матери истории ценен?» Красноармейцы, инвалиды и семьи фронтовиков в системе социального обеспечения

О необходимости социального обеспечения и оказания посильной государственной поддержки трудовому населению страны победившего социализма заговорили практически сразу же после победы вооруженного восстания в октябре 1917 г. Однако только через год, 31 октября 1918 г., СНК РСФСР принял «Положение о социальном обеспечении трудящихся». Его действию *«подлежали все без исключения лица, источником существования которых являлся только собственный труд, без эксплуатации чужого»*. Случаями социального обеспечения признавались *«оказание всех видов лечебной, лекарственной и так называемой помощи родовспомоществования, нуждающимся в них лицам; временная утрата средств к существованию вследствие нетрудоспособности, независимо от причин ее вызвавших; постоянная утрата средств к существованию»*¹.

Подобного рода начинания, длительное время считавшиеся *«самыми демократическими и гуманными в отношении человека труда»*, на деле оказывались весьма далекими от идеалов социального равенства. Из сферы социального обеспечения на долгие годы по причине *«мелкобуржуазной сущности и хозяйственной неустойчивости»* были исключены крестьяне – самый обездоленный и многочисленный класс советского общества; российская интеллигенция, чей труд, по представлениям новой власти, едва ли мог претендовать на статус *«приносящего пользу обществу»*; а также разнообразные категории «бывших», охватывавшие собою всевозможные вариации потенциальных противников советского режима. Впервые в практике своего существования государственное призрение переставало быть сугубо помогающей службой, становясь инструментом мощного воздействия на идеологические пристрастия населения.

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

Обеспечение социального контроля реализовывалось посредством принципа, хорошо передаваемого крестьянскими пересудами тех лет, – «*поперек власти пойдешь – с голоду умрешь; за властью увяжешься – без головы останешься*». В ситуации хозяйственной разрухи, неурожая и начавшегося в хлебородных районах страны голода власть формировала новый социальный порядок, предусматривавший материальную поддержку и символические преференции для определенной категории граждан. Ими, как правило, становились люди, «идейно преданные» делу пролетарской революции. Степень этой преданности варьировалась от участия в вооруженной защите социалистического отечества до сочувствия его начинаниям со стороны нетрудоспособных граждан.

* * *

«Сражавшиеся на фронтах империалистической и Гражданской войны не должны голодать...» Будучи государством «сражающейся партии и воюющего пролетариата», подчинившим всю свою деятельность разжиганию пожара мировой революции и экспорту социализма, Российская Федерация, а затем и Советский Союз исходили из необходимости создания боеспособной и политически зрелой армии. При этом достижение поставленных целей оказывалось напрямую связанным с ее социальным положением в обществе, которое во многом зависело от вещей вполне заурядных – получаемого размера и частоты материальных поощрений, жилья и заботы о членах семьи. Однако по вполне понятным и труднопреодолимым причинам решить все эти проблемы «*сразу и окончательно*» не представлялось возможным. Вместе с тем вполне посильным становилось создание системы разветвленных социальных льгот, дававших красноармейцам особый социальный статус¹.

Так, уже в феврале 1918 г. для привлечения добровольцев в Красную армию СНК РСФСР принял декрет о пайках семьям призванных в армию². Правда, вскоре за ним последовало «Распоряжение № 203» от 25 августа 1919 г. комиссара социального обеспечения Винокурова, где он в ответ на многочисленные запросы с мест разъяснил, как должны формироваться подобные запросы. В частности он отметил, что «*спрашивают кредиты без всякой мотивировки: не приводится ни числа членов семейств, имеющих право на пособия, ни выдаваемая сумма за последний месяц. Сведения о числе членов семейств, получающих пособия, присылаются часто фантастические путем суммирования числа пайков за все время, когда так необходимы сведения о числе пайков за последний месяц выдачи или за каждый месяц отдельно*»³.

В августе 1919 г. окружные исполкомы получили инструкцию комиссара Наркомата социального обеспечения об организации отделов социального обеспечения на местах. В ней отмечались тяжелые условия, в которых приходилось бороться Красной армии, повлекшие за собою «*вынужденную необходимость*

¹ В данной связи нельзя не согласиться с мнением современного исследователя о том, что «рабоче-крестьянское правительство за годы своего существования провело целый комплекс социальных мероприятий, не столько улучшивших материальное положение отдельных групп населения, «сколько обеспечивая им более высокий социальный статус». См.: Ильюхов А.Л. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. М., 2007. С. 16.

² Ильюхов А.Л. Указ. соч. С. 18.

³ ГУ НАРА. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

отрывать от земли, от заводов, от семей, от престарелых отцов и матерей сотни тысяч здоровых работников, кормильцев семьи. Поэтому советская власть стремится облегчить положение призванных и мобилизованных и вместе помочь тем, кто пострадал от наступления разбоя и грабежей банд». Помощь предоставлялась в форме пособий, пенсий и пайка, размеры которых устанавливались в зависимости от состава семьи красноармейца и количества находившихся на его попечении иждивенцев; имущественного положения семьи (наличия амбарного хлеба, мелкого и крупного рогатого скота, собственного или «съемного» жилого помещения); занимаемой должности¹.

Анализ отчетной делопроизводственной документации Наркомата социального обеспечения за 1919 г. показал, что только «на один красный паек в 1919 г. истрачено 5 млрд руб... Паек выдается 5 643 176 членам семейств. На квартирное довольствие истрачено 150 млн руб., а на пенсию красноармейцам за полугодие текущего года – 100 млрд руб. На помощь инвалидным домам, профессиональное обучение и снабжение протезами – 168 млн руб.». Сумма обязательного социального пособия устанавливалась в зависимости от места проживания семьи красноармейца. В рассматриваемый период времени его размер определялся нахождением либо в хлебобродных (производящих), либо в живущих привозным хлебом (потребляющих) губерниях².

Любопытным изобретением времени являлся и классовый продовольственный паек, существовавший в 3 категориях. К сожалению, архивные источники весьма неохотно и скупно раскрывают его содержание. Тем не менее по косвенным упоминаниям можно предположить, что 1-я категория пайка, к которой были отнесены семьи красноармейцев, считалась более «выгодной и сытой». Его обладатели также могли претендовать на дополнительные продуктовые карточки при наличии у кормильца ордена Красной Звезды, к которому прилагалась месячная добавка «из 7,5 фунтов муки или хлеба, 1 фунт сахара и 1 фунт соли». Широкое распространение получила помощь увечным воинам. На профессиональное обучение и содержание инвалидов домов только на 1 ноября 1919 г. было выделено 300 млн руб., открыто 160 инвалидов домов с 11 739 «пансионерами», 235 учебно-производственных мастерских с 5 415 обучающимися инвалидами, 20 протезно-сборочных и 6 пошивочных мастерских³.

Напротив, семьи дезертиров лишались какой бы то ни было поддержки и помощи со стороны государства – «пайка, пособия и прочих прав, присвоенных всем честным красноармейцам». Однако в случае раскаяния и возвращения беглеца в строй его семья восстанавливалась на правах с прочими семьями красноармейцев. Она могла сохранить социальные блага и в случае наличия в семье наряду с дезертиром «другого честного красноармейца».

Красноармейцы оставались той категорией населения, выплата пособий которым не зависела от материальных затруднений власти. Так, в январе 1921 г. «ввиду недостатка в денежных знаках по Кубано-Черноморской области» циркулярным распоряжением областного исполнительного комитета настойчиво рекомендовалось «производить выплату пособий в следующей очередности: семьям красноармейцев, находящимся

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-71. Оп. 1.Л. 3.

² Там же. Л. 15.

³ ГУ НАРА. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

в настоящее время в Красной армии; семьям убитых, без вести пропавших воинов; сиротам, находившимся под опекой государства; инвалидам войны и труда; семьям умерших трудящихся»¹.

Однако такое положение сохранялось не долго. Уже в 1925–1926 гг. приоритетность выдачи пособий стала увязываться с наличием у семьи красноармейца сельского хозяйства, на поднятие которого они, собственно, и направлялись. Правом на социальное обеспечение пользовались *«инвалиды гражданской и империалистической войн; семьи красноармейцев, погибших в гражданской войне и служащих в Красной армии при условии, что по своему имущественному положению они являются беднейшими и не в состоянии существовать без государственной помощи; имеют в составе семей нетрудоспособных членов до 16 лет, стариков-женщин от 50 лет и мужчин от 60 лет и явных калек, находившихся на их иждивении; доказательства происхождения своей инвалидности в гражданской или империалистической войне»*².

Для получения пайка *«по правилам обеспечения красноармейцев»* члены их семей предоставляли удостоверение, заверенное подписью уездного военного комиссара, о том, что они являются действительными родственниками лица, призванного в Красную армию; удостоверение о составе семьи и о лишении средств к существованию, а также о *«нетрудоспособности отдельных членов как таковых»*. В случае появления *«хоть малейших сомнений относительно достоверности представленных документов»* назначалось обследование семьи. Семьи, замеченные в *«бумажном подлоге»*, снимались с государственных дотаций и в дальнейшем выплат не получали³. Размеры средних денежных выплат в середине 1920-х гг. только по одной Адыгейской автономной области варьировались от 1,5 тыс. руб. на одного члена семьи до 4,2 тыс. руб. – на пятерых и более, что зачастую превосходило оклады некоторых должностных лиц⁴. В 1927 г. Народный комиссариат социального обеспечения разослал на места циркулярное письмо о снятии с пенсионного обеспечения инвалидов белых армий и семей лиц, расстрелянных за контрреволюционные поступки или погибших в рядах вооруженных противников советской власти⁵.

При этом даже во второй половине 1920-х гг., когда на местах началась борьба с *«дефектами по линии социального обеспечения»*⁶, инвалиды Гражданской и империалистической войны, семьи красноармейцев, погибших и служивших в РККА, были отнесены к *«основным группам, стоявшим на гособеспечении»*⁷. Характер и формы оказания помощи этой категории населения также зависели от возможностей и представлений советской власти о нуждах и потребностях граждан. В 1931 г. в связи с введением новой формы обслуживания коллективизируемого населения – касс взаимопомощи – были введены и новые дифференцированные ставки пенсионного обеспечения для *«контингентов Гражданской и империалистических войн»*. Их размеры увязывались уже не только с составом семей инвалидов и наличием у них

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

² Там же. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 54. Л. 32.

³ Там же. Д. 63. Л. 24.

⁴ Хлынина Т.П. Страницы социальной истории советской Адыгеи: повседневная жизнь населения области в 1920-е гг. Майкоп, 2005. С. 39–40.

⁵ ГУ НАРА. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 63. Л. 36.

⁶ Суть *«дефектов»* сводилась к чрезмерному увлечению государственными средствами без *«надлежащего использования общественных и других средств»*.

⁷ ГУ НАРА. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 69. Л. 10, 10об.

подсобного хозяйства, но и с оценкой значимости разных для советской России войн. По Адыгее они выглядели следующим образом¹:

Ставки пенсии для контингента империалистической войны

Инвалиды	Не имевшие сельского хозяйства	Имевшие сельское хозяйство
Инвалиды I группы	35 руб.	15 руб.
Инвалиды II группы	15 руб.	9 руб.
Инвалиды III группы	11 руб.	7 руб.
Семьи с 3 и более нетрудоспособными	15 руб.	9 руб.
Семьи с 2 нетрудоспособными	11 руб.	7 руб.
Семьи с 1 нетрудоспособным	8 руб.	5 руб.

Ставки пенсии для контингента Гражданской войны

Инвалиды	Не имевшие сельского хозяйства	Имевшие сельское хозяйство
Инвалиды I группы	35 руб.	21 руб.
Инвалиды II группы	20 руб.	12 руб.
Инвалиды III группы	15 руб.	9 руб.
Семьи с 3 и более нетрудоспособными	20 руб.	12 руб.
Семьи с 2 нетрудоспособными	15 руб.	9 руб.
Семьи с 1 нетрудоспособным	11 руб.	7 руб.

* * *

«Инвалиды не нуждаются в жалости, они хотят быть полезными обществу...» Начало формирования системы социальной защиты инвалидов связывается с обнародованием 1 ноября 1917 г. правительственного сообщения о социальном страховании инвалидов. К ним причислялись все категории граждан, в той или иной степени лишенных возможности трудиться. Однако дальнейшее развитие событий, связанных с необходимостью завершения мировой и последовавшей вскоре Гражданской войн, предопределило не только «военизацию» понятия инвалидности, но и круг лиц, имевших первоочередное право на получение пенсии по инвалидности. Таковыми прежде всего оказывались военнослужащие Красной армии и члены их семей². Переход к мирной жизни неизбежно расширял этот круг, вовлекая в него и «гражданских» инвалидов.

В соответствии с ценностями системы социального обеспечения инвалиды труда и «увечные по рождению» были отнесены к четвертой по нуждаемости категории населения. Занимая, таким образом, промежуточное положение между «сиротами,

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 90. Л. 9.

² Малеева Т., Васин С. Инвалиды в России – узел старых и новых проблем. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/56010.htm>

находившимися под опекой государства» и «семьями умерших трудящихся», они существенно уступали по своим социальным возможностям красноармейцам. Молодое советское государство брало их не только под свою надежную защиту, но и стремилось дать им вторую, «более осмысленную и насыщенную трудовыми подвигами» жизнь. С учетом состояния здоровья и вытекающих из него возможностей инвалидам «под работу и полноценное существование» предоставлялись несколько типов домов и трудовых общежитий. Инвалидные дома (нередко называемые «домами вспомоществования увечным») первой категории устраивались для тех, кто «вследствие старческой дряхлости, увечья или хронического болезненного состояния совершенно не трудоспособны и не могут обойтись без постороннего ухода». Такие дома по своему устройству напоминали больничные учреждения с соответствующим распорядком дня и не могли рассматриваться в качестве «трудового резерва» страны победившего социализма¹. Инвалидные дома второй категории предназначались для граждан, утративших трудоспособность в результате старческой дряхлости или хронических заболеваний, однако способных обходиться без посторонней помощи. В них допускались «легкие работы сродни шитью, плетению или вязанию», а также «наемный труд в той мере, в какой он являлся необходимым дополнением к труду инвалидов».

Наряду с ними для инвалидов III и IV групп «со значительной потерей трудоспособности и не имевших возможностей работы в производственных мастерских» предусматривались трудовые общежития с легкими работами I типа. Труд в них являлся обязательным, проводился «систематически и регулярно. Количество часов работы для отдельных групп составляло не менее 3 часов и не более 6 часов. Самообслуживание обязательно в смысле личного обслуживания в полном объеме. В отношении общего обслуживания учреждения (уборка помещения, работа на кухне) оно производится лишь постольку, поскольку не вредит постановке дела и работе в мастерских, наемный труд допускается лишь в минимальном масштабе, поскольку он является необходимым дополнением к труду инвалида»².

На местах организовывались инвалидные колонии и артели. В июне 1922 г. Кубано-Черноморский областной собес выделил 30 тыс. руб. на открытие в одном из районов области инвалидной артели «Красный маяк».³ В то же время комитетом взаимопомощи, действовавшим при себе, принимается решение «об оказании всеобъемлющей помощи лицам, причисленным к I–III группам инвалидности, по вспашке, засеиванию и уборке принадлежащих им полей»⁴. Образовавшиеся в те годы артели включали в свой состав не только инвалидов, но и вполне здоровых граждан. Согласно списочному составу артели инвалидов Преображенского Адыгейской автономной области на 8 мая 1925 г., из 25 чел. только 13 имели «отклонения от физической

¹ Для людей, полностью лишенных трудоспособности, «совершенно беспомощных и безродных инвалидов войны», в середине 1920-х гг. планировалось строительство так называемых убежищ социального обеспечения. Они должны были заменить собою дореволюционные дома призрения и предназначались для городского населения. Однако в ситуации бесконечных денежных затруднений и формирования нового видения социальной ответственности граждан эта идея так и не была реализована. Показательно, что в национальных автономиях в течение долгого времени инвалидные дома не создавались, что во многом объяснялось господствовавшими там традициями почитания старших и домашнего ухода за больными. См.: ГУ НАРА. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 33. Л. 29, 42.

² ГУ НАРА. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.

³ Там же. Д. 16. Л. 42.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 16. Л. 46.

нормы трудоспособности», остальные «*пребывали в ней по причине отсутствия других мест работы*». По итогам проводившейся в том же месяце проверки из артели были исключены 18 чел. Среди причин их увольнения указывались: проживание за пределами села; пассивное отношение к артели; отсутствие инвалидности; обеспеченность; нечестность; алкоголизм. Артель занималась изготовлением кожаных изделий, состояла преимущественно из середняков и «*особых производственных достижений за собой не числила*»¹. В сводном отчете по области за 1925 г. назывались 4 инвалидные артели, расположенные на периферии и охватывавшие 34 чел., из которых 11 чел. не являлись инвалидами. Инвалидная кооперация по области носила преимущественно потребительский характер и лишь «*начинала приобретать сельскохозяйственный тип*». Среднемесячный оборот всех артелей не превышал 1250 руб., а заработная плата работников – 10–15 руб. На местном рынке «*инвалидная кооперация никакого влияния не имеет: слишком слаба и незначительна; вырабатываемая ею продукция распределяется непосредственно среди местного крестьянства и не доходит до рынка*»².

Особое значение трудоустройство и обучение инвалидов приобрели в начале 1930-х гг., что было вызвано ликвидацией безработицы в СССР. В частности, на I краевом совещании инспекторов собесов и председателей касс взаимопомощи Северо-Кавказского края, состоявшемся 15–17 марта 1934 г., подчеркивалось, что «*эти вопросы приобретают особое значение и должны рассматриваться не только как форма социального обеспечения, но и как мероприятие по покрытию дефицита в рабочей силе. В переживаемый нами период нехватки рабочей силы необходимо деятельность собесов перестроить в направлении максимального использования труда инвалидов, не ограничиваясь только контингентом собесов, но инвалидов труда и прочих инвалидов, принадлежащих к трудовым слоям населения, обратив особое внимание на трудоустройство инвалидов III группы. Применять жесткие меры в отношении лиц, уклонявшихся от общественных работ*». Органы собесов призывались стать «*штабами содействия рациональному использованию остаточного труда инвалидов*»³. Уже в течение 1931 г. по краю было обустроено 13 800 инвалидов III и значительная часть инвалидов II группы⁴.

Не менее рельефно складывалось и обеспечение различных категорий инвалидов. Так же, как и в случае с красноармейцами, размеры этих видов пособий зависели от конкретных заслуг перед социалистическим отечеством. На основании Постановления СНК РСФСР от 17 декабря 1920 г. «Об усиленных пенсиях престарелым и инвалидам педагогам» Кубано-Черноморский собес своим циркулярным распоряжением 31 мая 1921 г. объявлял: «*Педагоги, оказавшие своей педагогической деятельностью услуги РСФСР, в случае их инвалидности и семьи их, имеют право на получение пенсии в двойном против обычного размере. Педагогические заслуги устанавливаются на местах губотнаробами и подтверждаются губисполкомами. Желательно, чтобы указанные пенсии были по соглашению с продорганизациями натурализованы, хотя бы частично*»⁵. На размер оказываемой помощи влияло прежде всего имущественное положение инвалидов. В сельской местности уже к 1923 г. появились «*маломочные*», «*имущие*» и «*неимущие*» инвалиды.

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 22. Л. 71.

² Там же. Д. 33. Л. 218об.

³ Там же. Д. 90. Л. 305.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 8. Л. 29.

«Маломочные» проходили как «имевшие живой и мертвый инвентарь». В специально разработанной для комитетов взаимопомощи инструкции к этой категории инвалидов относились: «школьные работники», «имевшие одну хату и одну корову»; «имевшие одну хату, одну лошадь и одну корову»; «хату, корову, овцу», «хату и два стрижака». Практически ничем не отличались от них «имущие», в распоряжении которых оказывался все тот же «живой и мертвый инвентарь». В приводимых инструкцией примерах по их определению содержатся путанные и невразумительные критерии соотношения жилья, инвентаря и домашнего скота. Наиболее интригующим выглядит положение «неимущих» инвалидов, к которым отнесены граждане «с одной хатой», «хатой и коровой», «съемной квартирой и иногда коровой»¹. Положенные этим категориям пособия не имели четко определенного содержания и включали в себя «муку, цельное зерно, до 10 руб. денег, одежду, земельные орудия». К сожалению, выяснить, кому и на каких основаниях они предоставлялись, не удалось.

Между тем в многочисленных заявлениях, адресованных председателям сельских советов, встречаются упоминания о получении инвалидами различных групп таких пособий. В жалобе инвалида II группы Шаловское Ширванского округа Адыгейской автономной области Непиющего указывалось, что по причине нетрудоспособности и «маломочности» он был освобожден от единого сельскохозяйственного налога, а также всех остальных налогов на общих основаниях. Долгое время получал «пособию из муки и проса. Теперь сижу под домашним арестом за невыплату взваленного на меня непосильного налога. У меня сын, который учится в школе, но в последнее время по заявлению учительницы дать таковой один пуд пшеницы, отказался за неимением таковой и был выброшен из школы»².

В условиях обострения классовой борьбы в деревне, вызванной политикой ликвидации кулачества и насаждения колхозов, был изыскан еще один дополнительный источник помощи инвалидам. Разоренные хозяйства в виде «домашнего скарба, сельскохозяйственного инвентаря и других категорий национализированного имущества» передавались в особые фонды при местных исполкомах. Туда же поступали и всевозможные штрафы, взыскиваемые с отдельных хозяйств за «нарушение постановлений сельских сходов о выполнении плана хлебозаготовок». Из этих фондов «в случае надобности могла оказываться посильная материальная помощь (натурой или деньгами) инвалидному населению»³.

Не обходилось без курьезов. Так, к трехдневнику помощи слепым, проводившемуся в начале января 1930 г. в Адыгейской автономной области, был подготовлен лозунг «Долой филантропию – наследницу буржуазного общества. Вернем слепых к труду, научим грамоте, покончим со слепотой организованной помощью»⁴. В изданных к его проведению тезисах, подготовленных ВОС, приводилась сопоставительная динамика численности слепых по России, в которой явно угадывалась «классовая подоплека» происхождения столь страшного заболевания. На 1886 г. значилось 190 тыс. слепых, на 1897 г. – 248 тыс., на 1917 г. – 300 тыс. чел. Однако уже в 1926 г. таковых (без учета Якутии) насчитывалось только 238 тыс. чел. Данные цифры, по заключению авторов брошюры, наглядно

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 20. Л. 89.

² Там же. Л. 164.

³ Там же. Д. 97. Л. 6.

⁴ Там же. Д. 92. Л. 59.

свидетельствовали о том, что «слепота являлась неизбежным следствием классовых противоречий и своими корнями уходит в экономическую структуру классового общества, основанного на эксплуатации и политическом угнетении подчиненных классов»¹.

* * *

«...Принять меры к тому, чтобы семьи фронтовиков были окружены повседневным вниманием и заботой». В годы Великой Отечественной войны одним из приоритетных направлений советской социальной политики стало социальное обеспечение семей военнослужащих. Его осуществление осложнялось по ряду причин, из которых наиболее существенную роль играли два обстоятельства: во-первых, общее количество средств, выделявшихся на социальные расходы, в военные годы резко сократилось, во-вторых, в условиях массовой мобилизации советских граждан в ряды Красной армии и Военно-морского флота члены их семей составляли значительную часть общества. Всего за годы войны в армию, на флот и формирования других ведомств было привлечено 34,5 млн чел., в то время как население СССР к июню 1941 г. составляло 196,7 млн чел.² Социальное обеспечение семей военнослужащих, тесно связанное со стабильностью ситуации не только в советском тылу, но и на фронте, имело важное военно-политическое значение, решению данной задачи уделяли серьезное внимание различные высшие, региональные и местные партийные и советские органы и общественные организации.

26 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». Пособие назначалось по месту жительства семьи фронтовика, в городе его размер составлял от 100 до 250 руб., в зависимости от количества нетрудоспособных членов семьи, в сельской местности – 50 % этой суммы. Нетрудоспособными при этом считались состоявшие на иждивении дети, братья и сестры до 16 лет, если они не имели трудоспособных родителей; отец старше 60 лет, мать и жена старше 55 лет; жена и родители – инвалиды I и II групп, независимо от возраста³. В сентябре 1943 г. Совнарком СССР расширил количество лиц, относимых к иждивенцам и обеспечиваемых пособием по Указу от 26 июня 1941 г. К ним стали также относить бабушек и дедушек военнослужащих при отсутствии у них других родственников⁴.

В военные годы были также повышены размеры пенсий семьям, потерявшим кормильца, тем, кто потерял трудоспособность на фронте вследствие ранения или болезни; семьям лиц, награжденных орденами и работавших до призыва рабочими и служащими, производились дополнительные денежные выплаты. Семьям мобилизованных рабочих и служащих пособие назначалось с того дня, в который с ними был проведен полный расчет по месту прежней работы, семьям остальных мобилизованных – со дня их призыва в Вооруженные силы. В 1942–1944 гг. пенсионное обеспечение, установленное для военнослужащих и их семей, было

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 84. Л. 54.

² Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 13, 25.

³ Правда. 1941. 27 июня.

⁴ Зинич М.С. Будни военного лихолетья. 1941–1945. М., 1994. Вып. 2. С. 128.

также распространено на некоторые категории рабочих и служащих, работавших в районах боевых действий, и на их семьи: железнодорожников, связистов, военных строителей и других¹.

Кроме пособий семьям военнослужащих были предоставлены различные льготы: по налогам, обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции, жилищные и другие. Постановлением СНК СССР от 2 июля 1941 г. дети рядового и младшего начальствующего состава Красной армии и Военно-морского флота освобождались от платы за обучение в 8–10 классах средней школы, техникумах и вузах. В декабре 1944 г. от оплаты за обучение в вузе были освобождены дети офицеров-инвалидов войны и офицеров, погибших, пропавших без вести, умерших от ран и заболеваний, полученных на фронте; иждивенцы рядового и младшего командного состава.

5 августа 1941 г. СНК СССР принял постановление «О сохранении жилой площади за военнослужащими и о порядке оплаты жилой площади семьям военнослужащих в военное время». Военнослужащие не оплачивали занимаемую площадь, а члены их семей вносили квартплату и коммунальные платежи по льготным ставкам. Все иски к лицам, призванным в Вооруженные силы, и членам их семей по жилищным делам, а также исполнение судебных решений приостанавливались на период до конца войны. В тех случаях, когда жилплощадь военнослужащего оставалась незаселенной, квартирная плата за нее не взималась. За семьями призванных в Вооруженные силы СССР педагогов, медицинского и ветеринарного персонала, работавших в сельских районах, сохранялось на все время войны право на бесплатное пользование не только квартирами, но и отоплением, освещением. Временные жильцы, поселившиеся на площади военнослужащего, обязаны были по его возвращении немедленно освободить ее, в противном случае подлежали выселению в административном порядке².

В соответствии с законодательными актами военного времени в случае гибели военнослужащего на фронте за его семьей сохранялись все предоставленные льготы. В то же время семьи военнослужащих, попавших в плен к противнику, лишались социальных льгот на основании приказа Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 г. Согласно специальному Постановлению ГКО № 1926сс от 24 июня 1942 г. аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на 5 лет подвергались семьи лиц, перешедших на сторону противника, служивших в его карательных или административных органах, оказывавших содействие немецким оккупантам или добровольно ушедших с ними при освобождении захваченной территории. К членам семей изменников Родины относились отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно или находились на их иждивении к моменту совершения преступления или к моменту мобилизации в армию в связи с началом войны. Но если в таких семьях оказывались военнослужащие Красной армии, партизаны и лица, награжденные орденами и медалями СССР, их члены не подвергались аресту и ссылке³.

В целом принятая нормативная база позволила уже в первый год войны оказать существенную помощь семьям военнослужащих. Так, в результате проверки быто-

¹ Зинич М.С. Будни военного лихолетья. 1941–1945. М., 1994. Вып. 2. С. 4–5.

² Законодательные и административно-правовые акты военного времени: с 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М., 1942. С. 62–64.

³ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 93–94.

вых условий семей красноармейцев, их жалоб и заявлений в Темрюкском районе Краснодарского края выяснилось, что из 9 тыс. чел., призванных в ряды РККА, 1 февраля 1942 г. пособие получали 4,3 тыс. семей. Через районный собес им выплатили 2,2 млн руб. 205 семей командиров РККА по аттестатам ежемесячно получали более 100 тыс. руб. Партийные организации и руководители предприятий, учреждений, колхозов и совхозов периодически собирали семьи красноармейцев, знакомили с положением на фронтах, выявляли и удовлетворяли их запросы.

Семьям красноармейцев и командиров Красной армии оказывалась помощь в приобретении топлива, корма для скота, в ремонте помещений, ремонте и изготовлении обуви, устройстве на работу. В Темрюке было трудоустроено более 500 чел., на консервном заводе – 67 чел., рыбном заводе – 150 чел. Значительное количество членов семей военнослужащих состояло и работало в колхозах. Большая часть семей военнослужащих была обеспечена на зиму топливом: дровами, камышом, соломой. Предприятия, колхозы и совхозы предоставили подводы для перевозки топлива, а также обеспечили на зиму кормом их домашний скот. Детям фронтовиков в первую очередь предоставляли места в детских садах и яслях, многим – бесплатно, *«создавая все условия их матерям, чтобы они работали на производстве и не беспокоились за своих детей»*. 14 февраля 1942 г. Темрюкский райком ВКП(б) докладывал в крайком партии о том, что *«в преобладающем большинстве организаций жалоб и заявлений семей военнослужащих не имеется»*.¹

В то же время специальные проверки позволили выявить существенные проблемы в социальном обеспечении семей военнослужащих. Так, в ходе проверки бытовых условий семей красноармейцев в 21 колхозе и на сахарном комбинате им. Микояна в Кореновском районе Краснодарского края в мае 1942 г. положение 1539 семей из 1828 было оценено как хорошее: они имели свои дома, коров, птицу, свиней, огороды. 289 семей нуждались в помощи со стороны колхозов и других общественных организаций, испытывая недостаток хлеба, детской обуви, верхнего белья; в приобретении поросят, телок, обмене яловых коров. Из этих 289 семей 48 жили плохо, большинство являлись многодетными, насчитывая по 5–7 детей и лишь 1–2 трудоспособных членов семьи. Они не имели ни детской, ни взрослой обуви, ни белья, ни коров, испытывали недостаток в хлебе.

В частности, в станице Дядьковской колхоза «Парижская коммуна» в бедственном положении находилась жена красноармейца Мария Кузьменко. Имея 6 детей от 1 года до 14 лет, она жила в 3-й полеводческой бригаде, в 11 км от станицы вместе с еще одной семьей (в одной комнате ютились две семьи в 10 чел.). В докладной записке райкома партии отмечалось, что правление колхоза совершенно не обращало внимания на эту ситуацию, хотя М. Кузьменко работала *«все время честно и добросовестно»*. В колхозе «Прогресс», на хуторе Очеретова Балка, семья красноармейца Шмалько насчитывала 6 детей. Жена болела, дети не имели смены белья, два ребенка школьного возраста из-за отсутствия одежды в 1942 г. не посещали школу. В колхозе «Политотделец», в станице Сергиевской, семья красноармейца Дымова, имевшая 5 нетрудоспособных детей, в 1941 г. выработала свыше 700 трудодней. В докладной отмечалось, что зимой *«дом был завален. Очень плохо с бельем и обувью для себя и детей. Колхоз мало помогал и не обращал внимания»*. В том же колхозе в тяжелых

¹ Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945... Кн. 1. Хроника событий. 1941–1942 гг. С. 208–210.

условиях жила и семья красноармейца Афанасия Васильевича Китаева, имевшая 4 детей: «квартира сырая, на полах подпочвенная вода. Большая нужда в обуви и белье для детей. Недостаток хлеба и жиров».

Материалы проверок позволили принять меры к ликвидации недостатков через правления колхозов и советы. Семье А.В. Китаева предоставили хорошую квартиру, семье красноармейца Шмалько выслали деньги, закупили материал, сшили детям платья. 116 семьям выдали от 20 до 200 кг хлеба, в зависимости от состава и потребности. Для 54 семей был решен вопрос с государственными пособиями, 21 – оказана денежная помощь, 15 – организован ремонт домов, некоторым предоставлены планы и огороды. 12 семьям перевезли топливо. В результате «очень многие колхозницы, семьи красноармейцев стали более активно работать в колхозе, а те, которые мало работали, стали регулярно ходить на работу»¹.

В период оккупации части советских территорий противником положение семей военнослужащих резко ухудшилось. Оккупанты отменили для жен красноармейцев социальные льготы и, напротив, ввели обязательные поставки сельскохозяйственной продукции². В то же время при отделах социального обеспечения и благотворительности городских и районных управ создавались специальные бюро помощи гражданам, репрессированным в годы советской власти³. После освобождения оккупированной территории советскими войсками выплата государственных пособий и пенсий семьям военнослужащим возобновлялась в полном объеме.

Необходимо отметить, что до января 1943 г. назначение и выплата пособий и пенсий семьям воинов рядового и младшего начальствующего состава Красной армии и Военно-морского флота производились местными органами социального обеспечения. С января 1943 г., в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах улучшения работы советских органов и местных парторганизаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» при СНК союзных и автономных республик были созданы специальные управления, а при исполкомах областных, районных и городских советов – отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. В связи с тем что большая часть территории Краснодарского края была освобождена советскими войсками в январе – феврале 1943 г. решение крайисполкома об образовании отдела по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих было принято только 3 марта 1943 г. На него возлагалось обеспечение этой категории населения пенсиями, пособиями и льготами, устройство детей военнослужащих в детские учреждения, рассмотрение жалоб и заявлений. В городских и районных исполкомах вводилась должность заместителя председателя исполкома, являвшегося одновременно заведующим отделом по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих.

В течение марта – декабря 1943 г. ежемесячно в Краснодарском крае 185 тыс. семьям военнослужащих выплачивалась сумма в 21 млн руб. Всего к 1 января 1944 г. они получили 131 801 698 руб. Семьям офицерского состава выплатили: по аттестатам – 104 210 тыс. руб., возвратного пособия – 7 967 500 руб. и пенсий – 1 212 тыс. руб.

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 386. Л. 33–35, 150, 150об.

² ГАКК. Ф. Р.-498. Оп. 1. Д. 3. Л. 87.

³ Подробнее см.: Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000. С. 98.

Для оказания материальной помощи особо нуждавшимся семьям фронтовиков из добровольных отчислений населения и колхозов был создан продовольственный и денежный фонд. В 1943 г. из него было выдано 816 тыс. руб., 833,5 т муки, 378,5 т зерна, 1231 т картофеля и овощей, 12 т растительного масла. В 1943 г. в крае было отремонтировано 9,1 тыс. домов, в которые вселились 54 036 семей военнослужащих. От сельскохозяйственных поставок были освобождены 77 652 хозяйства семей военнослужащих и партизан, 4 193 хозяйства родителей фронтовиков¹.

Однако положение многих семей военнослужащих оставалось достаточно тяжелым, и местным властям приходилось прилагать существенные усилия для перемен к лучшему. Заведующий военным отделом Краснодарского горкома ВКП(б) П.П. Тарасов 3 июля 1943 г. докладывал в крайком ВКП(б) о том, что после оккупации города «многие семьи военнослужащих были обнаружены в жутком состоянии, обреченные на голодную смерть, как, например, семья Спицына К.С. (ул. Шаумяна, № 16): отец с матерью фронтовики, а их трое детей с бабушкой найдены при смерти, опухшие от голода». Детей прикрепили к столовой, выдали единовременную помощь в сумме 200 руб., хлеб первое время доставляли на дом. Жену погибшего под Севастополем фронтовика Псковскую обнаружили больной, без всяких средств к существованию. Ей выдали единовременное пособие в 200 руб., прикрепили к столовой Военторга, предоставили другую квартиру, устроили на работу, «благодаря своевременно оказанной помощи, гр. Псковская и ее сын снова восстановлены к жизни». Косарева, мать четырех сыновей, находившихся на фронте, была обнаружена опухшей и больной. Ей оказали помощь: привели в порядок квартиру, стали доставлять на дом обеды, выдали единовременную помощь в 200 руб. В тяжелых жилищно-бытовых условиях проживали еще более 50 семей, которым была оказана своевременная помощь: «выданы единовременные пособия; прикреплены к столовым; устроены квартирами».²

Всего в Краснодаре насчитывалось 5 332 семьи военнослужащих, получавших государственное пособие; им выдали с момента освобождения города по июнь 1943 г. 2 504 049 руб. 407 семей, получавших пенсии, получили 264 704 руб. П.П. Тарасов отмечал, что государственные пособия и пенсии оформлялись своевременно, 353 семьям военнослужащих отделы государственного обеспечения оказали единовременную помощь в сумме 53 730 руб. Кроме того, предприятия и учреждения оказали им денежную помощь на 52 651 руб. 3055 членов семей военнослужащих было устроено на работу, 375 подростков – на учебу.

В период весенней посевной кампании 1943 г. семьям военнослужащих было предоставлено 35 тыс. огородов, к столовым прикрепили 1 818 чел. 2 236 семьям военнослужащих, дома которых были разрушены вследствие бомбардировок, и вновь прибывшим предоставили квартиры, 99 квартир отремонтировали. К празднику 1 мая было выдано 500 специальных пайков, включавших сахар, масло и другие продукты. Семьям военнослужащих была также оказана помощь в приобретении и ремонте обуви и одежды: выдано талонов на 288, отремонтировано 175 пар обуви, выдано 400 м мануфактуры, 1 750 пар чулок и носков. Городской топливный отдел создал фонд топлива для семей военнослужащих в количестве 5 тыс. кубометров дров,

¹ Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945... Кн. 2. Ч. 1. Хроника событий. 1943 год. С. 143–144.

² Там же. С. 411.

а городской отдел государственного обеспечения выдал им 18 т овощей. Особое внимание уделялось детям военнослужащих: к столовой прикрепили 1 816 детей, в том числе 100 – бесплатно, в детские сады устроили 1 818 детей, в ясли – 464, дом младенца – 54 ребенка, детдом – 38 детей, в ФЗО и ремесленные училища – 93 подростка. К Первомайскому празднику были выданы детские подарки, 275 пар детской обуви, чулки и носки¹.

Непростая ситуация с продовольственным обеспечением сложилась в Краснодарском крае в ноябре 1943 г. в связи с засухой и снижением урожайности. В соответствии с постановлением СНК СССР от 15 ноября 1943 г. «Об экономии в расходовании хлеба» были введены сокращенные нормы снабжения хлебом и отменена дополнительная продажа хлеба без карточек. В городах и районах начались перебои в снабжении населения хлебом, выросли очереди у хлебных магазинов. В этой ситуации осложнилось положение многих семей военнослужащих, зависевших от централизованного снабжения. В крайисполком, крайком ВКП(б), краевой отдел торговли поступали многочисленные письма с просьбами о помощи, в них отмечалось, что некоторые из семей военнослужащих по несколько дней не получали хлеба².

Одним из источников информации о трудном положении семей военнослужащих в это время являются материалы военной цензуры, подготовленные по их переписке и регулярно поступавшие в крайком и райком ВКП(б) для принятия соответствующих мер. В специальных секретных письмах в райкомы ВКП(б) крайком партии указывал на «явно нездоровые настроения» среди семей военнослужащих, которые они передавали в своих письмах бойцам и командирам на фронт. В частности, Зоя Белецкая из станицы Журавской сообщала в своем письме от 13 октября 1943 г.: «Хлеба нет, и ничего нам не дают, все вывозят, и кукурузу до кочана, а как будут люди, неизвестно. Сев натурально сорван. Горючее есть, трактористы тоже, а деталей нет к тракторам, и тракторы стоят, а сейчас сильная засуха». В.И. Артюх из станицы Новомышастовской, колхоза «Политотдел», 2 октября 1943 г. писал: «Живем мы ничего, а хлеба, как украдем в колхозе немного зерна, так и хлеб есть, а то до сих пор не дают, а сами все грабят. В общем, 33-й год в дверях стоит. Хлеб не уродил на степи, а они на трудодни не дают то, что уродилось. Говорят, все на Красную Армию идет». Каждое подобное письмо крайком ВКП(б) завершал решительным требованием: «Сообщая только Вам об этом письме (без права разглашения его), обязываем принять меры к тому, чтобы семьи фронтовиков были окружены повседневным вниманием и заботой со стороны советских, партийных, хозяйственных организаций и колхозов». Отчеты военных отделов райкомов и горкомов партии свидетельствуют, что факты, приводимые в материалах цензуры, тщательно проверялись, бедствующим семьям оказывалась посильная помощь³.

В целом усилия советского руководства позволили добиться значительных результатов в организации социального обеспечения семей военнослужащих. Хотя работа государственного механизма нередко давала сбои в решении конкретных вопросов, власти стремились решительно пресекать все проявления бюрократизма в данной сфере. Существенную помощь семьям фронтовиков оказывали профсоюзные и комсомольские организации, женские советы и сами граждане. Комплекс

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 591. Л. 25–28, 109, 129–130.

² Кубань в годы Великой Отечественной войны... Кн. 2. Часть 1. Хроника событий. 1943 год. С. 678–680.

³ Там же. С. 689–691.

мер социальной защиты по отношению к одной из наиболее остро нуждавшихся категорий советских граждан позволил выжить многим из них и обеспечил условия для достижения победы в войне.

* * *

Вместо заключения, или зачем советская власть помогала красноармейцам, инвалидам и семьям фронтовиков. О социальных завоеваниях первой в мире страны победившего социализма написано множество книг. Они до сих пор остаются предметом особой гордости приверженцев социализма. Именно с ними связываются основные достижения советского государства за более чем семидесятилетнюю историю его существования. Однако даже небольшого и достаточно фрагментарного взгляда на историю формирования советской системы социального обеспечения достаточно, чтобы задуматься над ценою этих завоеваний. Как свидетельствуют архивные материалы, помощь, оказывавшаяся самым преданным (военнослужащим Красной армии и их семьям) и обездоленным (инвалидам) слоям населения, была весьма далека от идеалов социального равенства и справедливости. Она зависела не столько от материальных возможностей власти, сколько от идеологической преданности режиму, ратного и трудового участия в креплении его хозяйственных и политических основ. Принимая во внимание все трудности, с которыми пришлось столкнуться молодому советскому государству по строительству реального социализма, все же нельзя не видеть очевидного факта: люди для него существовали до тех пор, пока могли быть «*полезными обществу*». Это хорошо понимало и само опекаемое население, которое со временем стало рассматривать помощь со стороны государства в качестве основного источника своего существования, превратив категорию социальной полезности в надежный залог собственного выживания.

5.2. Спекуляция, хищения и другие хозяйственные правонарушения

Строительство социализма в отдельно взятой стране существенно ограничило хозяйственные ресурсы советской власти, вынуждая к максимальной концентрации имевшихся в ее распоряжении средств. Их распределение происходило в соответствии с государственными приоритетами, и удовлетворению потребностей населения при этом придавалось далеко не самое главное значение, что вынуждало советских граждан самостоятельно изыскивать разнообразные способы решения данных задач. Во многом их выбор зависел от социального статуса человека в формировавшейся новой социальной иерархии с ее сложно разветвленной системой взаимоотношений. Наряду с апелляцией к власти за помощью широкий размах приобрели спекуляция, хищения, злоупотребление служебным положением. Зачастую они оказывались единственно возможными способами приобрести необходимые средства существования, превращаясь в настоящие криминальные стратегии выживания. Незаконный характер данных действий, впрочем, не снижал масштаба распространения подобных практик.

Должностные правонарушения не являлись «изобретением» раннего советского времени, однако в условиях, когда возможности человека стали прямо определяться его местом в служебной иерархии, приобрели особое значение в жизнеобеспечении

советского общества. Так, управляющий Макеевских государственных рудников им. Томского П.Я. Есин и его заместитель Н.М. Жердев первым делом после своего назначения в ноябре 1926 г. отдали распоряжение о благоустройстве собственных квартир: «и пошли покупки кроватей, гардеробов, буфетов, трюмо, чайные и столовые сервизы, тарелки, ложки, чайники, рюмки, бокалы, ополонники (так в тексте, следует читать половники. – Прим. составителей сб. док.) и т[ому] п[одобная] утварь». Следующим шагом стало их «обмундирование: полушубки, кавказские валенки с галошами, хромо-вые сапоги и ботинки, суконные костюмы, суконные пиджаки, прорезиненные плащи и т[ому] п[одобное]». Все это оплачивалось завхозом рудников из подотчетных сумм.

После этого они стали устраивать на высокооплачиваемые руководящие должности «своих» людей, которые также не стеснялись в расходовании государственных средств, включая и обеспечение соответствующего их рангу выезда. «Посыпались, как грибы после дождя: сбруя, экипажи, пролетки, сани, бедарки (и обязательно на резиновых шинах) и разная управа, без которой предыдущая администрация обходилась, фартуки медвежьей шерсти». В результате «при полном обмундировании каждый администратор Рудоуправления имеет один экипаж пароконный, одну пролетку одноконную, одну бедарку одноконную. Конечно, все это на резиновых шинах. Одни сани пароконные, одни сани одноконные и по паре, конечно, хороших лошадей». Чтобы «замазать глаза» заведующим шахтами также было решено изготовить «по новой бедарке на резиновых шинах. Пришлось закупить патентованные оси, резины и бандажи и выпустить до 25 штук таких бедарок, которые стоят до 400 сот[ен] рублей каждая»¹.

Отдельные ответственные работники, получив доступ к материальным ценностям, организовывали собственные хорошо продуманные обменные схемы, фактически наживаясь на бедственном положении населения. Так, Каргопольский уездный союз кооперативов, получив от губернского союза около 1 тыс. пудов соли, вместо того чтобы распределять ее по волостным кооперативам, «открыл спекулятивную лавку и наменял соль: каждый пуд соли на два пуда 10 фунтов ржи. Те крестьяне, которые имели старый излишек хлеба, привозили в город по 80–90 пудов и променивали на соль... Заведующий союзом кооперации Борис Николаевич Попов также ведет спекуляцию солью, взятой также из кооператива, меняя один фунт соли на шесть фунтов ржи. Начальник мобилизационного отдела Захаров Тимофей прославился взятками в гор[оде] Каргополе, на что и поставил там же собственный дом. Кроме того за стакан денатуры устроит кого угодно в своем городе...»²

Во многих деревнях центральной России ключевой формой, в которую облакалось решение различных жизненных вопросов, и, соответственно, главной статьей взяточничества традиционно являлись продукты, особенно самогон. Член РКП(б) И.К. Иванов с возмущением писал в центральные органы власти и редакцию газеты «Известия» о положении дел в деревне Бор Толмачевской волости Бежецкого уезда Тверской губернии: «Старая русская привычка – и сейчас без четверти самогона большого дела не сделаешь, а именно нельзя переехать на хутор, нельзя получить “лес” без взятки и нельзя перевести скрытую пашню в фонд лесного ведомства и везде нужно “подмазать” хлебом, самогонкой, мясом и деньгами. Иначе никуда не ходи»³.

¹ Заявление группы коммунистов хозяйственного отдела Макеевских рудников В.М. Молотову // Письма во власть. 1928–1939... С. 23–24.

² Заявление курсанта С. Ильиных во ВЦИК // Письма во власть. 1917–1927... С. 274.

³ Письмо И.К. Иванова в ЦК РКП(б), ВЦИК, ВЧК, НКВД и редакцию газеты «Известия» //

Складывавшаяся система кланово-корпоративных связей выступала основой для формирования нелегальных практик распределения продуктов, товаров и услуг, получивших впоследствии название «блата». Именно они обеспечивали новой «советской буржуазии» и формировавшейся номенклатуре достаточно высокий уровень жизни. Главным способом повышения материального благосостояния для них выступало присвоение различного рода благ и оказание услуг им самим и их многочисленным родственникам при помощи разветвленной системы знакомств в обход действующего законодательства.

В условиях официально пропагандированного бытового аскетизма и всеобщего дефицита подобные действия вызвали резко негативную общественную реакцию, порождая соответствующие обращения в органы власти. Житель Новгорода П.Г. Гайтцук писал А.Я. Вышинскому: *«В лексиконе русского языка появилось слово “блат”. Я не могу буквально перевести это слово, так как оно, может быть, происходит от какого-либо иностранного слова. Но зато на русском языке я его хорошо понимаю и могу перевести буквально точно. В переводе на русский язык слово “блат” означает – жульничество, мошенство, воровство, спекуляция, разгильдяйство и т[ак] д[алее]»*. По словам П.Г. Гайтцука, блат стал основной практикой удовлетворения потребностей в советском обществе: *«Не иметь блата это равносильно тому, что вы всего лишены. В магазине вы ничего не достанете... Обратитесь с просьбой – к вам будут слепы, глухи и немые. Если вам нужно достать, т[о] е[сть] купить в магазине товар – нужен блат. Если пассажиру трудно или нельзя достать железнодорожного билета, то легко и просто достать по благу. Если вы живете без квартиры, то никогда не обращайтесь в жилуправление, в прокуратуру, а лучше займите хотя бы маленький блатик и сразу найдется квартира»*.

Автор письма утверждал, что при помощи блата можно *«отлично устроить свои личные дела по службе, за счет кого-либо другого, нарушая при этом всякую справедливость и законность... Попробуйте без блата чего-либо добиться. Вы разобьетесь, но ничего не добьетесь. Он опутал многих работников. Блат как будто бы узаконен, он вошел в моду, получил право гражданства и господства. Им охвачен большой процент работников»*. Широкое распространение данной практики привело к тому, что советские граждане *«перестали стесняться говорить о том, что я имею блат»*, т. е. *«тесную связь с жуликом, мошенником, а наоборот, стали гордиться этим»*. Но этим не ограничивалось негативное значение блата: *«Блат порождает спекуляцию. Всякий, кто спекулирует, он это делает, пользуясь благом. Блат мешает плановому снабжению. Блат разъедает и разлагает работу и работников государственных, общественных и кооперативных организаций. Он враг всякой справедливости и законности. Блат – это ловко замаскированная открытая дорога ко всякому безобразию и разгильдяйству. Блат подрывает авторитет и внушает недоверие к честным работникам, которые им не охвачены. Он чужд и враждебен нашему обществу, нашему государству»¹*.

Возможности «достать» тот или иной дефицитный продукт приобрели характер универсального платежного средства, заменив собою деньги в этом качестве. Со временем подобное теневое перераспределение ресурсов стало играть даже боль-

Письма во власть. 1917–1927... С. 307.

¹ Письмо гражданина П.Г. Гайтцук А.Я. Вышинскому // Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 171–172.

шую роль, чем официально установленные льготы и привилегии. Поэтому одной из самых обеспеченных категорий советского населения оказались работники системы торговли и общественного питания, хозяйственные и прочие руководители, а также материально ответственные лица, имевшие доступ к дефицитным товарам. Их массовые злоупотребления порождали социальное недовольство со стороны многих граждан: «Здесь вошло в поговорку: “Как живешь?” – “Как завхоз с кладовщиком”. В этом есть большая правда. Тут у меня есть несколько завхозов и кладовщиков знакомых... Зайдешь, бывало, к кому-либо на квартиру и удивляешься – мясо, масло, молоко и пр[очее]. Квартира обставлена не бедно. Вот у одного 7 душ... Жена больна. Держит прислугу. Сын – на велосипеде раскатывает. Кладовщик, жалованье 250 р[ублей], велосипед, корова, все одеты, без мяса и жиров не живут, – все есть. На то он и кладовщик, чтобы жить не по средствам».

Поэтому привлечение к юридической ответственности лиц, обладавших доступом к «закромам Родины», рассматривалось как справедливое возмездие: «Впрочем, жизнь ихняя не долговечна. Как раз этот кладовщик с 7 душами, велосипедом и 250 р[ублями] жалованья вчера удостоился визита НКВД – с обыском явились... В магазинах приказчики да завывающие меняются в кинографическом порядке. Расстраты приняли характер обычного явления. Приказчик с окладом в 120–150 руб[лей] чисто одевается, курит папиросы в 65 к[опеек], всегда карманные деньги – зайдешь на квартиру – все в порядке и нужды нет, – все эти завывающие, кладовщики, приказчики... – жулики. Между ними и ударники есть. В столовых работники на оклад в 80–100 р[ублей] в месяц содержат семьи в 4–6 человек... Более глупые, неопытные скоро пропадают. Другие – поумнее и хитрее – потихоньку сосут советскую коровушку». В этой ненависти к «кладовщикам» сочетались эгалитаризм первых лет советской власти, традиционное для русского крестьянина неприятие богатства, нажитого нечестным путем, и зависть к оказавшимся более успешным соседям, сочетавшаяся с обращениями при необходимости к ним же за помощью. Тот же автор письма сообщал: «...когда не можешь, обращаешься к ним. Клянчишь кило мяса или масла по себестоимости. Иногда и отламывается»¹.

Введение нормированного снабжения в конце 1920-х гг. создало новые условия для злоупотреблений: «Но выдать (заборные. – Прим. составителей сб. докум.) книжки одной части населения, а другую часть оставить получать без книжек – равносильно оставить продушину для утечки хлеба и муки. Вот пример: недавно следственная власть, как отмечено в газетах, нашла в Москве у одного спекулянта 75 мешков муки (375 пуд[ов]). Откуда такое количество муки этот господин приобрел?»² Чаще всего карточки подделывали или крали, выписывали лицам, не имевшим на них права, а также на имя умерших или выехавших граждан. Подделывались также врачебные рецепты, по которым выдавались дефицитные продукты. Взрослым выдавались детские карточки, предоставлявшие право на получение отдельных продуктов (например, только детям полагалась манная каша). Сами различия в ценах на продукты в государственных и коммерческих магазинах создавали определенные возможности для злоупотреблений, выражавшихся в утаивании части товаров, а затем их реализации по коммерческим ценам.

После отмены карточек в 1935 г. в системе снабжения сохранились закрытые распределители, магазины, столовые и буфеты для местных руководящих кадров и дру-

¹ Письмо Н.С. Кратюка В.М. Молотову // Письма во власть. 1928–1939... С. 279.

² Письмо служащего Е. Васильева М.И. Калинину // Письма во власть. 1928–1939... С. 71.

гих категорий, а также рабочие кооперативы и отделы рабочего снабжения (ОРСы). В них возникали те же нарушения, что и при карточной системе. Массовый характер приобрели злоупотребления заборными книжками, подделка и подчистка талонов, продажа их другим лицам по спекулятивным ценам. Сотни заборных книжек оставались у рабочих, уволившихся с предприятий, хотя они были обязаны их сдать¹.

Согласно действовавшему в СССР законодательству, хищения рассматривались как должностные преступления. В период нэпа в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. наказания за них были в большинстве случаев снижены, по сравнению с Уголовным кодексом РСФСР 1922 г., поскольку считалось, что степень их общественной опасности уменьшилась. Например, если за провокацию взятки УК 1922 г. карал лишением свободы на срок не ниже 3 лет или расстрелом, то УК 1926 г. – только лишением свободы до 2 лет. По ст. 109 УК РСФСР 1926 г. злоупотребление властью или служебным положением, имевшее следствием «явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия», причинение ему имущественного ущерба или нарушение общественного порядка, прав и интересов отдельных граждан, совершавшееся систематически «или из соображений корыстных», наказывалось лишением свободы на срок не менее 6 месяцев².

Бездействие правоохранительных органов при очевидном процветании спекуляции и коррупции усиливало недовольство населения: «К спекулянтам ОГПУ мер не принимает, а через это народ голодает. Вот все это заставило нас, рабочих и молодое поколение, организовать кружок “контрреволюционных [террористических] актов” по уничтожению деятелей соввласти, которые хотят голодом погубить все население города Пенза». Анонимные авторы предупреждали высших советских руководителей: «Мы Вам заявляем, что если своевременно не примите мер по снабжению, то будет в г[ороде] Пензе поднято вооруженное восстание»³. Ужесточение наказаний за хищения и спекуляцию отвечало социальным настроениям широких масс, испытывавших недовольство своим тяжелым материальным положением и ожидавших, что хоть кто-то понесет за него ответственность. Эти настроения власть стремилась использовать в собственных интересах, направляя социальное недовольство в «нужное» русло.

В августе 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной социалистической собственности». В отношении расхитителей грузов на железнодорожном и водном транспорте, колхозного и кооперативного имущества, приравненного к государственному имуществу, была установлена единая высшая мера «социальной защиты» – расстрел с конфискацией имущества, с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет. В качестве наказания при рассмотрении дел об охране колхозов и колхозников от насилий и угроз со стороны «кулацких элементов» предусматривалось лишение свободы на срок от 5 до 10 лет. Осужденные по этому закону не подлежали амнистии⁴.

Указанные меры наказания распространялись и на лиц, изблеченных в систематическом хищении товаров и растратах крупных денежных средств. Однако количество осужденных по данным видам преступлений оказалось невелико. В то же время

¹ Твердюкова Е.Д. Указ. соч. С. 23.

² Уголовный кодекс редакции 1926 г. М., 1927. С. 222–223.

³ Письмо анонимного автора В.М. Молотову и И.В. Сталину // Письма во власть. 1928–1939... С. 201.

⁴ Собрание законодательства СССР. М., 1932. № 62. Ст. 360.

постановление, получившее название «закон о колосках», широко применялось в отношении крестьян, срезавших неспелые колосья зерновых на колхозных или совхозных полях в условиях голода 1932–1933 гг. С 7 августа 1932 г. по 1 января 1933 г. за хищения были осуждены 54 645 чел. При этом за хищения в системе государственной торговли и кооперации к высшей мере были приговорены 188 чел., к 10 годам лишения свободы – 1008 чел.¹ 20 июля 1936 г. Генеральный прокурор СССР А.Я. Вышинский подготовил докладную записку высшим руководителям страны о том, что по итогам проверки более 115 тыс. дел в более чем 91 тыс. случаев применение постановления от 7 августа было признано неправильным, на основании чего было освобождено 37 425 чел. Всего по данному постановлению в 1932–1939 гг. было осуждено 183 тыс. чел.²

В 1934 г. постановлением ЦИК и СНК СССР главы о хозяйственных преступлениях уголовных кодексов союзных республик были дополнены статьей об ответственности за обворовывание потребителей и обман советского государства (в УК РСФСР – ст. 128-в). Данное преступление, выражавшееся в обвешивании и обмеривании покупателей, продаже товаров низшего сорта по цене высшего, нарушении установленных розничных цен, сокрытии от покупателей прејскурантов, карались лишением свободы на срок до 10 лет. Но даже в момент наибольшего размаха кампании с обворовыванием потребителя в августе 1934 г. в 80 % дел применялись наказания, не связанные с лишением свободы³.

Широко распространенным экономическим преступлением данного периода советской истории стала спекуляция. Ст. 107 УК РСФСР рассматривала в качестве спекуляции «злостное повышение цены на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок». 22 августа 1932 г. было принято специальное постановление ЦИК и СНК СССР «О борьбе со спекуляцией». Спекуляцией в нем признавалась скупка и перепродажа в целях наживы продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления. Таким образом, наказуемым стал теперь сам факт незаконной торговли. Наказанием за нее было установлено лишение свободы на срок не ниже 5 лет⁴. В ходе реализации этого постановления в РСФСР в 1932 г. были осуждены 22 616 чел., в 1933 г. – 33 826 чел. Предметом спекуляции в 25 % дел явились хлебопродукты, в 24 % – другие продукты сельского хозяйства, в 37 % – промышленные товары⁵.

16 марта 1937 г. в Главном управлении милиции НКВД СССР был создан отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС ГУМ НКВД СССР). 5 апреля 1939 г. было принято постановление СНК СССР, обязывавшее народные суды рассматривать дела о спекуляции в 5-дневный срок и проводить показательные судебные процессы над злостными спекулянтами⁶. Уже в 1940 г. штаты органов БХСС возросли более чем на 30 % по сравнению с 1939 г., в них были созданы специальные отделения по борьбе со спекуляцией.

¹ Твердюкова Е.Д. Указ. соч. С. 30.

² Попов В.П. Государственный террор в советской России, 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 26.

³ Твердюкова Е.Д. Указ. соч. С. 33.

⁴ Собрание законодательства СССР. М., 1932. № 65. Ст. 375.

⁵ Твердюкова Е.Д. Указ. соч. С. 46.

⁶ О борьбе со спекуляцией. Сборник законов, постановлений правительства, инструкций, ведомственных приказов, постановлений и определений Верховных судов СССР и РСФСР. М., 1939. С. 14.

Введение нормированного распределения и снижение легальных возможностей обеспечения продовольствием и другими товарами в годы Великой Отечественной войны стали предпосылками для нового роста массовых злоупотреблений и правонарушений в хозяйственной сфере. В структуре преступности во время войны возросла доля корыстно-имущественных преступлений: спекуляции, краж, разбоев и грабежей. Появились и новые виды имущественных преступлений: продажа эвакуированного имущества, кражи из квартир, где проживали эвакуированные граждане. Характерно, что главным предметом хищений выступали не денежные средства, а продукты и товарно-материальные ценности, которые затем пускались в продажу по спекулятивным ценам. Только за июль и август 1941 г. по ст. 105 УК РСФСР в Краснодарском крае было осуждено 79 «*дезорганизаторов советской торговли*», многие – за скупку печеного хлеба¹.

Самыми распространенными преступлениями в сельской местности в военное время стали кражи крестьянами зерна и другой сельскохозяйственной продукции. Так, в колхозах «Путь Ильича» и имени Ленина Рязанского района Краснодарского края в 1941 г. происходило массовое хищение зерна с тока небольшими партиями по 8–10 кг. В итоге безнаказанно было расхищено несколько тонн зерна². В колхозе им. С.М. Кирова Алтайского района Хакасской автономной области 6 колхозников похитили 1,2 т зерна, воспользовавшись тем, что его при приемке на элеваторе не взвешивали. В колхозе «Память Ленина» Шарыповского района колхозник, работавший на погрузке зерна, похитил 600 кг пшеницы. В колхозе «14 лет Октября» Бейского района 4 колхозников, воспользовавшись отсутствием охраны, похитили 10 кг пшеницы. Наказание было одинаково суровым к расхитителям, вне зависимости от размеров кражи³.

В качестве серьезных преступлений в годы войны рассматривались и нарушения в распределении собранного урожая. Так, в Боградском районе Хакасии председатель колхоза им. Богграда П.И. Кузьменко был осужден на 5 лет лишения свободы с последующим поражением в правах на 3 года за то, что роздал колхозникам на трудодни 101 ц хлеба, выдал им «*заимобразно*» 102 ц хлеба и продал «*на сторону*» 303 ц хлеба, сорвав в результате план поставок. В Аскизском районе председатель правления колхоза им. Буденного П.А. Костяков «*срывал подготовку к весеннему севу, разбазаривал семена*», за что был арестован и приговорен к 4 годам лишения свободы⁴.

В рядах действующей армии также широко встречались факты хищений и злоупотреблений своим служебным положением со стороны лиц командно-начальствующего состава и других военнослужащих, имевших доступ к материальным ценностям. Так, 4 декабря 1941 г. специальная проверка выявила факты преступной деятельности начальника филиала склада 1622 Санитарного управления Южного фронта техника-интенданта 1-го ранга Беккера. Спирт выдавался неоднократно без всяких накладных самому Беккеру и другим лицам, также без накладных и зачастую без ведома вышестоящего начальства отпускались и медикаменты.

В октябре 1941 г. Беккер, пользуясь суматохой эвакуации, присвоил себе находившиеся на складе в Ворошиловграде 120 кг сахара, 80 кг риса, 20 кг растительного масла.

¹ Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. С. 53.

² ГАКК. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 10. Л. 108.

³ Степанов М.Г. Указ. соч. С. 73.

⁴ Там же. С. 73.

Основную часть похищенных продуктов он отправил родственникам в Ростов-на-Дону. Значительное количество масла продал по цене 35 руб. за 1 кг. В акте, составленном комиссией по итогам проверки, отмечалось, что «Беккер, пользуясь бесконтрольностью и доверием, устраивал себе, как он сам говорил, “благополучную” жизнь». Так, выехав в служебную командировку в Сталинград, он взял с собой 20 кг картофеля, 20 кг муки, 50 кг сливочного масла и более 2 л спирта. Половину спирта распил с красноармейцами, вторую половину поменял на замшевые перчатки, а чтобы скрыть хищение, подделал подпись начальника административно-хозяйственного отдела (АХО). Для хозяина снятой им квартиры выписал 1 кабана и 100 кг муки. Портному за пошив двух гимнастеров и брюк отдал 9 кг сахара, 6 кг риса, 3,5 кг масла. Из купленных для бойцов бывшим начальником АХО филиала склада 1622 Шапиро 50 пачек махорки вынудил отдать его жене 30 пачек для обмена на продукты и спекуляции¹.

Отдельные военнослужащие РККА не гнушались совершать кражи и у местного населения, а также у советских предприятий, учреждений, колхозов и совхозов. Так, 42-й запасной стрелковый полк незаконно вывез из станицы Лабинской Краснодарского края 26 ноября 1941 г. не только 26,6 т картофеля, но и имущество столовой (инвентарь, посуду, солонья, пишущую машинку), нанеся ей ущерб в 6,3 тыс. руб. 122-й стрелковый полк 26-й стрелковой бригады «силой оружия» забрал на дороге между станицами Лабинской и Вознесенской 5 подвод с 27 мешками зерна, которые проводница В.М. Селезнева перевозила с элеватора².

Особенно часто случаи хищения с последующей перепродажей краденых вещей происходили в госпиталях и тыловых частях. В документах прокуратуры Краснодарского края отмечалось, что в Сочи весной 1942 г. «имеет место массовое хищение со стороны военнослужащих, находящихся на лечении в госпиталях, которые воруют вещи и продают частным лицам»³. В ночь на 12 января 1944 г. красноармейцы И.И. Шкура, Д.И. Иванов и А.А. Вознюк совершили кражу 80 кг семенной пшеницы со склада колхоза «Просвещенец» села Богатырка Ворошиловского района Приморского края. В ночь на 31 января 1944 г. военнослужащий П.С. Пономаренко, подъехав на автомашине к складу райпотребсоюза Ивановского района Приморского края, похитил 10 ящиков конфет, 3 куска мануфактуры, 22 пары обуви и другие товары. В ночь на 19 марта заведующий офицерской столовой 246-го стрелкового полка сержант Г.В. Тихий и старший повар Н.А. Самсонов украли корову у жительницы Гродековского района Приморского края Мазур⁴.

Подобные случаи вызывали болезненную общественную реакцию, противоречили поддерживавшемуся советской пропагандой образу Красной армии как защитницы народа, тем более что многие жители сами нередко старались угостить красноармейцев чем могли. Показательный пример привел в своем дневнике К.С. Симонов. По пути на Мариуполь в августе 1941 г. ему встретилось сначала несколько подвод с красноармейцами, а затем двое немолодых людей, оказавшихся председателем и бухгалтером местного колхоза. «Они дали с бахчи много арбузов красноармейцам, приехавшим на

¹ ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 748. Д. 7. Л. 277–284.

² ГАКК. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 10. Л. 69–70.

³ Там же. Л. 160.

⁴ Докладная записка начальника УНКВД по Приморскому краю Закусило на имя Л.П. Берия об уголовной преступности, совершаемой на территории Приморского края военнослужащими частей Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота // Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 394–395.

подводах, но потом последняя подвода отстала, и с нее соскочил красноармеец, который стал требовать еще арбузов, ругался и даже пригрозил гранатой». Симонову пришлось вмешаться, отругать виновника происшествия, приказать старшему по команде сержанту доложить об этом командиру части и успокоить обиженных стариков, у одного из которых трое собственных сыновей служили в РККА¹.

Советское командование старалось строго пресекать факты мародерства, не красивые Красную армию, разумеется, если находило виновников. Однако нередки были случаи, подобные происшествию 14 ноября 1941 г. «на участке работ у паромной переправы бригады Рыбакова», к которому «подъехала машина с военными, изъехала все ломы и кирки и уехала, не назвавшись»². Кроме того, гражданские власти не всегда находили поддержку и взаимопонимание с командованием отдельных частей и даже соединений, а также с военной прокуратурой в пресечении и расследовании данных происшествий, а также наказании виновных в них военнослужащих.

Значительный размах в годы войны приобрели обмер и обвес покупателей и другие нарушения правил торговли. Но количество привлеченных к уголовной ответственности в СССР по ст. 128-в оставалось сравнительно небольшим: в первом полугодии 1943 г. – всего 1805 чел., во втором полугодии – 1874 чел. Чаще всего виновные в обмане потребителей отделялись дисциплинарными взысканиями – предупреждениями и выговорами. Анализ судебной статистики в целом за 1937–1955 гг. свидетельствует, что в течение всего этого периода число осужденных по этой статье не превышало 4,5 тыс. чел. в год. Максимальная мера наказания (10 лет лишения свободы) применялась редко, а доля осужденных по этой статье к лишению свободы снизилась с 2,7 % в 1942 г. до 0,3 % в 1945 г.³

Массовый характер в 1941–1945 гг. получили правонарушения в сфере нормированного снабжения – хищения карточек в типографиях, карточных бюро, на предприятиях, в учреждениях и домоуправлениях, в магазинах и в контрольно-учетных бюро. Работники карточных бюро и домоуправлений, призванные контролировать выдачу карточек, присваивали карточки отъезжавших граждан, выписывали их на вымышленных и умерших лиц. В магазинах составлялись фиктивные акты на уничтожение талонов на хлеб и другие продукты, повторно использовались уже отоваренные карточки, а похищенные продукты перепродавались по рыночным ценам. Карточки также подделывались, поскольку из-за нехватки узорной бумаги их печатали нередко на писчей и даже газетной бумаге.

На расширенных заседаниях у заместителя наркома торговли СССР А. Скворцова неоднократно рассматривались вопросы «охраны социалистической собственности, строгого наказания расхитителей продовольственного фонда страны». Однако в Москву продолжали поступать острые сигналы с мест о продолжавшихся правонарушениях в данной сфере. Произведенной к концу 1942 г. Ташкентским горкомом партии проверкой было установлено, что 10,5 тыс. продовольственных карточек выдано незаконно, т. е. ежедневно расхищалось около 4 т хлеба. Всего в 1942 г. в Узбекской ССР было похищено продуктов на сумму в 3,4 млн руб. и промышленных изделий на сумму в 4,1 млн руб.⁴ Вал хищений и других правонарушений в системе продовольственного снабжения не могли остановить даже строгие наказания вино-

¹ Симонов К.С. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 1. 1941. М., 1981. С. 238–239.

² ГАКК. Ф. Р.-1544. Оп. 1. Д. 10. Л. 41.

³ Твердюкова Е.Д. Указ. соч. С. 34.

⁴ Зинич М.С. Будни военного лихолетья 1941–1945. Вып. 1. С. 45.

вных. Так, НКВД Удмуртской АССР в марте 1942 г. арестовал работников Увинского карточного бюро – кассира Мельчакову и бухгалтера Иткина за то, что при сжигании использованных пятидневных хлебных талонов они часть их похитили и сбывли через секретаря Увинского поселкового совета Гушину и других лиц. Всего таким образом было похищено талонов на 1805 кг хлеба¹.

В январе – марте 1944 г. за расхищение и разбазаривание продовольственных и промышленных товаров органы НКВД СССР привлекли к уголовной ответственности 40 671 чел., из них 16 598 чел. арестовали, вскрыв 8 964 организованных «*группы расхитителей социалистической собственности*». У преступников было изъято 43 136 000 руб. наличных денег, 32 362 руб. золотыми монетами царской чеканки, свыше 1 тыс. т разных продуктов и промышленных товаров на сумму 25 883 000 руб.

В Баку была раскрыта группа из 26 чел., включая 18 работников магазинов и 3 работников контрольно-учетных бюро Наркомата торговли, занимавшаяся хищением и сбытом использованных талонов на хлеб. Ежедневно участники группы похищали до 9–10 т хлеба. Все были осуждены на разные сроки лишения свободы. В колхозе «Большевик» Астрахан-Базарского района Азербайджанской ССР были арестованы 11 чел. за крупные хищения зернопродуктов и собранных в фонд обороны денежных средств. Председатель сельсовета Шукюров и председатель колхоза Книжников похитили и продали 22 т пшеницы, сданной колхозниками в фонд обороны. Путем уменьшения норм высева семян были похищены 17,5 т зерна, 46 голов крупного и мелкого рогатого скота, а также около 25 тыс. руб.

Председатель Данковского райисполкома Рязанской области Деев, председатель райпотребсоюза Чурилов, директор пункта Заготзерно Милешкин и районный уполномоченный Наркомата заготовок Котов в течение 7 месяцев похитили около 300 т муки и хлеба путем дачи завышенных заявок и скрытия переходящих остатков. В Старожиловском районе Рязанской области таким же образом было похищено 85 т хлеба и других продуктов на сумму в 200 тыс. руб., а в Шацком районе за 9 месяцев 446 т муки и хлеба. Военный трибунал войск НКВД Рязанской области приговорил Милешкина к расстрелу, Деева, Чурилова и других – к 10 годам лишения свободы. Чапаевский городской отдел милиции Куйбышевской области арестовал 44 чел., похитивших 24 т зернопродуктов с Томиловского элеватора Заготзерно. 7 чел. были приговорены к расстрелу, 31 чел. – к 10 годам лишения свободы, 6 чел. – к разным срокам лишения свободы и исправительно-трудовым работам. В Джамбульской области была раскрыта преступная группа из 10 чел., похитившая 65 т мясопродуктов на сумму около 500 тыс. руб. с Джамбульского мясокомбината.

В Кирове были арестованы руководящие работники предприятий легкой промышленности, похитившие различные товары, предназначенные для РККА, на общую сумму в 1,3 млн руб.: директор комбината «Искож» Гефен, директор комбината им. Ленина Дряхлов, бывший управляющий областной конторы Главлегснаба Гозенпуд, коммерческий директор комбината Бабун, главный инженер комбината им. Ленина Сухих и другие. Двое арестованных были осуждены к расстрелу, 14 чел. – к 10 годам лишения свободы, остальные – к различным срокам лишения свободы².

¹ Карпова Л.М. Деятельность милиции Удмуртии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2010.

² Докладная записка Л.П. Берия в ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП(б) о хищениях и разбазаривании государственной собственности // Советская повседневность и массовое сознание.

В докладе о работе органов милиции по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией за 1940 – первый квартал 1944 г. отмечалось, что до 10 % всех законченных ОБХСС дел составляли дела о злоупотреблениях в сфере действия нормированного снабжения. По распоряжению СНК СССР от 25 апреля 1944 г. Наркомат торговли СССР в июне провел сплошную проверку карточного контингента в 54 областях, краях и республиках с помощью 61,2 тыс. советских и партийных активистов. В результате проверки было отобрано 80 355 хлебных и продуктовых карточек у лиц, незаконно их получивших, и 67 866 «липовых» стандартных справок. Было обнаружено завышение контингентов на 20 115 чел., а у 36 879 чел. выявлено получение карточек с превышением норм снабжения. В суд за незаконное получение стандартных справок и карточек было передано 2 408 дел, и на 1 103 чел. наложены административные взыскания¹.

В хозяйственных правонарушениях участвовали и сотрудники правоохранительных органов, призванные их пресекать и следить в целом за соблюдением законности и правопорядка. В декабре 1941 г. в прифронтовом Кушевском районе Краснодарского края следователь, судья и работники милиции, пользуясь обстоятельствами, стали «по сходной цене» закупать зерно в колхозе им. Кирова. Судя по тому, что народный следователь Желенкин приобрел 1 ц зерна, его предполагалось использовать не только для собственного питания. Подобное «самоснабжение, дискредитирующее юристов» вызвало резкую критику краевой прокуратуры². В докладной записке о состоянии органов милиции Краснодарского края за апрель 1943 г. отмечалось: «Имея острую нужду в продовольствии, личный состав, особенно рядовой, вынужден продавать личные вещи на рынке, чтобы прокормить себя и свою семью. Мало того, зарегистрированы случаи спекуляции среди членов семей работников». Так, на рынке в Сочи была задержана жена шофера городского отдела милиции, «которая спекулировала привезенной из Абхазии кукурузной мукой, продавая последнюю по 100 рублей за килограмм»³.

Не раз нарушали порядок нормированного снабжения и представители партийной, государственной и хозяйственной номенклатуры. Они неоднократно приобретали необходимые продукты и товары через фонды подчиненных им бюджетных организаций (детских учреждений, больниц, школ) и предприятий. Повседневной практикой стала выдача продуктов по запискам прямо со складов, минуя торговую сеть. В решении Краснодарского крайисполкома от 26 марта 1943 г. подчеркивалось, что «за отпуск промышленных и продовольственных товаров по запискам и другим распоряжениям лица, отпускавшие пром. и продтовары, а также и лица, которые распорядились об отпуске этих пром. и продтоваров, привлекаются к судебной ответственности независимо от занимаемой должности»⁴. Но никакие угрозы не могли остановить правонарушений в сфере снабжения, ставших системным явлением в военное время.

Нередко номенклатурные работники и члены их семей прикреплялись к столовым, предназначенным для других слоев населения, порой сразу к нескольким

1939–1945. С. 381–382.

¹ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. С. 226.

² ГАКК. Ф. Р.1544. Оп. 1. 10. Л. 65.

³ Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... Кн. 2. Ч. 1. Хроника событий 1943 год. С. 214.

⁴ Там же. С. 202.

одновременно, устанавливали себе более высокие нормы снабжения. В письме Р.С. Землячке от 12 августа 1943 г. работница московского завода «Молния» Семенова сообщала *«о творимых безобразиях»* на ее предприятии. Директор завода К.Г. Бычков, *«получая литерную карточку, не гнушается брать ежедневно по два талона на дополнительные обеды из рабочего пайка, не имея на то никакого права»*. Также поступали и другие руководители предприятия – главный инженер Труханов, начальник отдела снабжения Нейман, председатель заводского комитета Сурков, парторг Горькова. Получая собственные карточки ИТР, они брали по 2–3 талона на дополнительные обеды в день из рабочего пайка. В результате сокращались возможности снабжения продовольствием менее обеспеченных слоев. По словам автора письма, *«жирея на рабочем пайке и оголаживая рабочих, они, эти “правители”, забыли о том положении, в каком находится Родина. Забыли, что лучшие сыны нашей Отчизны проливают свою чистую кровь за ее освобождение от немецких варваров. Они большие думают о жратве, о своем желудке, а на остальное плюют»*¹.

Широкое распространение в условиях военного времени получило мешочничество – нелегальная мелкая торговля. Многие советские граждане, как и в годы Гражданской войны, ездили на товарных поездах в деревни, где скупали или обменивали на вещи у крестьян продовольствие для собственного потребления либо последующей перепродажи на черных рынках. Мешочничество квалифицировалось как форма спекуляции, которая признавалась одним из наиболее опасных видов преступлений, подрывавших государственную систему централизованного снабжения трудящихся. 25 сентября 1942 г. Государственный комитет обороны СССР принял постановление «О мерах борьбы с мешочничеством», разрешавшее органам милиции производить у пассажиров изъятие продовольственных товаров, превышавших установленную норму провоза ручной клади (16 кг), а виновных в незаконном провозе привлекать к ответственности. На мешочников проводились специальные облавы, основной мерой взыскания за это правонарушение выступал штраф.

Но в условиях военного времени обмен вещей на продовольствие оставался одним из главных способов выживания широких слоев населения. Невзирая на официальные запреты, во всех городах возникли стихийные «толкучки». По словам Е.В. Гутновой, находясь с семьей в эвакуации в Томске, она зачастила *«на барахолку, продавая свои вещи и затем покупая на рынке невероятно дорогие и все дорожавшие продукты. Картошка стоила триста рублей ведро, полкило масла – двести пятьдесят рублей, литр молока – пять рублей. А мясо – уж не помню сколько, только не по нашему карману»*. К концу пребывания в Томске она распродала почти все вещи, *«осталось одно платье и одни туфли (ну, конечно, и теплые вещи)»*².

В донесениях органов НКВД зафиксированы случаи, когда мешочников брали под свою защиту и даже освобождали из-под стражи красноармейцы и краснофлотцы. Мотивами данных действий являлись не только хулиганские побуждения, но и вполне очевидное сочувствие жителям, среди которых находились родные и близкие военнослужащих, использовавшие ту же самую стратегию выживания. Так, 29 июня 1944 г. на станции Славянск Южно-Донецкой железной дороги к работникам милиции, снимавшим с поезда мешочников, подошли 13 краснофлотцев. Они избili

¹ Письмо работницы Семеновы Р.С. Землячке // Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 194.

² Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 216.

милиционеров и, угрожая оружием, стали возвращать мешочникам изъятые продукты. В ходе вспыхнувшей перестрелки краснофлотец Мельник тяжело ранил милиционера, ранил старшего сержанта войск НКВД и был убит при задержании. Порой в данных действиях принимали участие советские командиры. 14 июня на станции Шевченко Одесской железной дороги милиция сняла с поезда группу мешочников, *«везших зернопродукты и 11 голов скота на порожних платформах воинского эшелона № 101 436, следовавшего с оборудованием, принадлежавшим 36 железнодорожной бригаде»*. Следовавший с эшелоном генерал-майор Павлов приказал подчиненным ему военнослужащим погрузить мешочников обратно, а работников милиции принудил возвратить отобранные документы¹.

Постепенно сложилась практика, при которой привлечение к ответственности за спекуляцию считалось необоснованным в случаях продажи или обмена по рыночным ценам личных вещей, полученных для личного потребления нормированных продуктов питания или продуктов личного подсобного хозяйства. Кроме того, органы милиции и прокуратуры нередко стали учитывать субъективные обстоятельства, например, не возбуждать уголовного преследования против жен военнослужащих, обремененных семьей, и инвалидов войны, привлечение которых к ответственности представлялось нецелесообразным. Поскольку основной формой взыскания за данное правонарушение оставалась административная ответственность с взиманием штрафа, в большинстве союзных республик, в том числе в РСФСР, Азербайджанской, Армянской, Белорусской, Казахской, Киргизской, Туркменской, Узбекской и Украинской ССР снизилось количество осужденных за спекуляцию в военные годы. В то же время свыше 90 % приговоров с осуждением по ст. 107 УК соответствовали санкции статьи – лишению свободы на срок не ниже пяти лет².

22 января 1943 г. ГКО СССР принял постановление «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных товаров», возложив на военные трибуналы обязанность рассматривать и гражданские иски о возмещении причиненного преступлением материального ущерба. Особое внимание обращалось на возмещение ущерба, изъятие похищенного, денег и ценностей, наложение ареста на имущество преступников. Для реализации данного постановления НКВД издал соответствующий приказ, по которому расследование по таким преступлениям рекомендовалось проводить в 10-дневный срок.

Тем не менее разбор дел *«о расхищении и разбазаривании товаров»* в прокуратуре нередко затягивался. Более того, в большинстве случаев к уголовной ответственности привлекали и осуждали только низовых работников торговли (продавцов, кладовщиков), реже заведующих магазинами, как правило, за мелкие хищения. В то же время за разбазаривание и самоснабжение в крупных размерах руководителей ОРСов и директоров предприятий органы прокурорского надзора зачастую ограничивались административными взысканиями. Справка ВЦСПС за 1943 г. о задержках в разборе и прекращении прокуратурой дел на лиц, виновных в расхищении и разбазаривании продовольственных и промышленных товаров, содержала сведения не только о том, что прокуратура покрывала случаи расхищения хлеба и других продуктов, но и об активном участии самих работников прокуратуры в данных нарушениях. Например, прокурор

¹ Сводка донесений местных органов НКВД о преступлениях, совершенных военнослужащими за июнь – июль 1944 г. // Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 385–386.

² Твердюкова Е.Д. Указ. соч. С. 47.

Красноуральска полгода разбирал дело о систематическом разбазаривании управляющим красноуральской конторы Медьпроднаба Большагиным продуктов по запискам, а затем отнюдь не бескорыстно прекратил дело «за отсутствием оснований»¹.

Еще одним незаконным способом приобретения необходимых продуктов и товаров являлась контрабанда, хотя ее роль была значительно меньше, чем других правонарушений. Принятый в 1928 г. Таможенный кодекс СССР считал контрабандой сбыт предметов, провозимых пассажирами беспрошленно или без права реализации, а также продажу вещей, пропускаемых без лицензии в почтовых посылках. Они могли быть пущены в оборот внутри СССР лишь при условии предоставления документа, удостоверявшего истечение сроков пользования ими, а также справки таможенных органов, разрешавшей реализацию вследствие тяжелого материального положения владельца или невозможности пользоваться этими вещами². Но торговля данными товарами уже в 1930-е гг. превратилась в важную составляющую советской теневой экономики. Спад контрабандной торговли после 1933 г. объяснялся в советское время победой социализма, но в реальности был обусловлен усилением закрытости страны.

В годы Великой Отечественной войны в связи с частым приходом в Архангельский и Мурманский порты иностранных судов в них получила распространение мелкая контрабанда иностранных моряков, выражавшаяся в продаже без разрешения сигарет и шоколада. Первое время милиция бездействовала, а затем стала строго пресекать подобную деятельность. Тем не менее незаконные сделки не прекратились и продолжались на протяжении всей войны. Основными объектами контрабанды выступали потребительские товары: табак, спички, сода, черный перец, краски для тканей, шелковые вещи, зажигалки, швейные иглы, драгоценности.

В условиях социальных трансформаций с их нестабильной системой ценностных и правовых ориентаций в массовом порядке возникали практики жизнеобеспечения, шедшие вразрез с официальными требованиями и постановлениями власти. Война привела к появлению полуправовой и нелегальной теневой экономики, в которой использовались незаконные способы производства и распределения продуктов и товаров массового потребления. Возникшая ситуация не только вызывала ужесточение действовавшего законодательства и административное противодействие данным нарушениям, но и понимание их неизбежности в условиях тотального дефицита. Разрешение этой трудной дилеммы в конечном итоге привело к своеобразному положению, при котором действовал принцип избирательного наказания, практически несвязанный с тяжестью и масштабами совершенного должностного или хозяйственного преступления. В результате население, быстро адаптировавшееся к относительности идеалов социалистической законности и практикам их реализации, превратило аномальные модели поведения в долгосрочные и весьма эффективные стратегии выживания.

5.3. Дезертирство и уклонизм от военной службы

Необходимость защиты социалистических завоеваний и ожидание грядущей пролетарской революции потребовали от советской власти создания массовой

¹ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. С. 228.

² Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1929. № 1.

армии, в рядах которой оказались люди с разным жизненным опытом и психофизиологическими возможностями. Однако, находясь в плену собственных доктринальных представлений, большевики не допускали и мысли о том, что новому человеку окажутся присущи такие «постыдные» качества, как страх, паника, растерянность. Столкнувшись с их проявлениями в виде дезертирства и уклонения от службы в армии, они поспешили объявить их пережитками старой буржуазной морали. Длительное время также поступала и отечественная историографическая практика. Только в последние годы данная проблема начинает осмысливаться в плоскости изучения адаптационных возможностей человека.

Дезертирство – самовольное оставление военнослужащими своей части или места несения службы – существовало всегда, невзирая на жестокие наказания, а в условиях создания массовых армий на мобилизационной основе приобрело широкомасштабный характер. В годы Первой мировой войны в русской армии только официально было зарегистрировано 365 тыс. дезертиров. «Незарегистрированных» дезертиров насчитывалось еще 1,5 млн чел., а их общее количество составило почти 1,9 млн чел., или более 12 % от общей численности призванных в армию в 1914–1917 гг.¹ Основная масса военнослужащих дезертировала уже в 1916–1917 гг., в условиях нарастающей революции и развала армии, сопровождавшейся упадком воинской дисциплины.

Огромный размах дезертирства сохранился в годы Гражданской войны, причем в вооруженных силах и формированиях практически всех ее участников. В этом сказалась общая усталость российского общества от войны, а также низкий уровень организации и проведения мобилизационных кампаний. Только с 1 января 1919 г. по 1 декабря 1920 г. было выявлено и возвращено на службу в Красную армию 2 846 тыс. чел., в том числе 1 543 тыс. чел. явились добровольно, а 837 тыс. чел. были задержаны при облавах². Хотя советское руководство вело решительную борьбу с дезертирством, ее основными средствами первоначально являлись политико-воспитательные и организационные, а не карательные мероприятия. За семь месяцев 1919 г. из 1,5 млн задержанных «злостными» дезертирами были признаны 95 тыс. чел., из них к расстрелу приговорены 4 тыс. чел., а расстреляны «всего» 600 чел. Судя по официальным документам, не вернулось в действующую армию в 1918–1920 гг. 27,6 тыс. чел.³

Уклонение от воинской службы продолжалось и в мирные годы, хотя количество дезертиров стало снижаться. В 1921 г. из Красной армии дезертировали 231 тыс. чел., а в 1922 г. – 112 224 чел.⁴ В глазах молодежи служба в армии и на флоте постепенно приобретала популярность как доступное средство приобщения к образовательным и культурным ценностям, необходимое условие социальной мобильности. Для представителей дискриминируемых групп населения (лишенцев и других лиц, признанных «классово чуждыми») она являлась практически единственной легальной возможностью стать полноправным членом общества.

В то же время часть призывников уклонялась от воинской службы различными способами по разным мотивам. Советская власть признала возможность не служить по религиозным убеждениям евангелистов, баптистов, молокан, меннонитов, духовобо-

¹ См.: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне // Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 30.

² Гражданская война 1918–1921 гг. М., 1928. С. 83.

³ Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 134.

⁴ Гражданская война 1918–1921 гг. С. 84.

ров, численность которых в начале 1920-х гг. возросла. В ответ власти стали оказывать давление на их религиозных лидеров, и вскоре молокане, а затем и другие сектанты объявили о том, «что их молодые братья могут служить в Красной армии, но без оружия». Чтобы повлиять на результаты жеребьевки, членам призывных комиссий подносили деньги, самогон, продукты, дефицитные вещи. Размер взяток колебался в зависимости от состоятельности родителей призывника и местности. Но самым надежным способом уклониться от воинской службы являлся «белый билет» – справка о болезни, которую можно было приобрести у членов военно-врачебных комиссий.

В самой армии также нередко формировалось отрицательное отношение к службе. В 1924 г. в сводках о положении в РККА говорилось: «Недовольство вызывается главным образом недостаточным питанием, плохими условиями казарменной жизни и непривычной строгостью дисциплины. Отсюда многочисленные случаи дезертирства, самовольных отлучек, симуляции и самоизувечения, иногда со смертельным исходом». Случаи членовредительства отмечались практически во всех военных округах. Так, красноармейцы 15-го кавалерийского полка Уральского военного округа Лекарь и Денин с целью освобождения от военной службы влили себе в уши бензин¹. Способами симуляции и членовредительства выступали также искусственное сведение конечностей, выпадение прямой кишки, недержание мочи, грыжи, а также самострелы правой руки².

По советскому уголовному праву дезертирство как уклонение граждан СССР от выполнения конституционных обязанностей по обороне и защите социалистического отечества считалось одним из самых тяжких воинских преступлений. Однако не каждое оставление воинской части без разрешения командира квалифицировалось как дезертирство. Согласно УК РСФСР 1926 г., самовольное оставление военнослужащим своей части или места службы, продолжавшееся менее 6 суток, при условии добровольной явки признавалось самовольной отлучкой, а в отношении нарушителя применялись правила Дисциплинарного устава РККА. Побегом признавалось самовольное оставление военнослужащим своей части свыше 6 суток или неоднократная (не менее трех раз) самовольная отлучка. В качестве дезертирства рассматривались не только побег, но и неявка к месту службы при назначении, переводе, невозвращение из командировки, отпуска, лечебного заведения³. В мирное время основным наказанием для дезертиров выступало лишение свободы, в военное время дезертирство в СССР, как и в большинстве других стран, квалифицировалось как измена Родине и каралось более сурово, вплоть до смертной казни.

Несмотря на меры, направленные на укрепление воинской дисциплины, в предвоенные годы, особенно после назначения Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко наркомом обороны СССР, ее уровень не соответствовал необходимым требованиям. По данным, приведенным О.Ф. Сувенировым, в первой половине 1940 г. было совершено 3 543 дезертирства и 57 321 самовольная отлучка, в среднем ежедневно 19 дезертирств и 315 самовольных отлучек. Во второй половине 1940 г. – 3 273 дезертирства и 20 429 самовольных отлучек в среднем ежедневно 18 дезертирств и 111 самовольных отлучек. В первом квартале 1941 г. – 1 022 дезертирства и 4 724 самовольных отлучки,

¹ Жирнов Е. «Многочисленные случаи дезертирства, симуляции и самоизувечения» // Коммерсантъ-Власть. 2004. 20 сентября. № 37 (590).

² См.: Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. Т. 2. С. 109.

³ Павлюкович В.П. История развития законодательства о дезертирстве до принятия Уголовного кодекса РФ // За права военнослужащих. 2005. № 3.

в среднем за день 11 дезертирств и 52 самовольные отлучки. Хотя масштаб дезертирств и самовольных отлучек постепенно сокращался, их общее количество в условиях непосредственного нарастания угрозы новой войны для СССР остается впечатляющим. Всего за 15 последних предвоенных месяцев было совершено 7 838 дезертирств и 82 474 самовольных отлучки¹.

Начало Великой Отечественной войны вызвало настоящий подъем патриотических настроений. С первых ее дней многие советские граждане добровольно стремились попасть на фронт. По неполным данным, всего в 1941–1945 гг. в военные, советские и партийные организации было подано более 20 млн заявлений от граждан СССР с просьбой о зачислении их в действующую армию². В то же время массовый характер в годы войны приобрели дезертирство и уклонизм от военной службы, что позволяет рассматривать их в качестве распространенных девиантных и делинквентных стратегий выживания советского человека. При этом в отличие от добровольческого движения, дезертирство было и во многом остается одним из самых неизученных белых пятен истории Великой Отечественной войны. Данной проблеме не было посвящено ни одного специального исследования в советской историографии, а сам термин «дезертирство» отсутствовал в справочных и энциклопедических изданиях, посвященных войне. Только в последние годы появились специальные публикации, вводящие в научный оборот отдельные сведения по рассматриваемой проблеме. Однако до сих пор доступ к большинству материалов остается ограниченным для исследователей, что не позволяет воссоздать в полном масштабе картину рассматриваемого явления.

Главной причиной бегства с поля боя обычно является страх, заставляющий человека забыть обо всем – чувстве долга, своих служебных обязанностях, боевых товарищах, начальстве, собственной семье. Российские исследователи первых десятилетий XX в. считали, что переживания человека в бою приобретают физиологический характер, поскольку бой не только требует физического напряжения, но и вызывает реакции, подавляющие многие нормальные функции³. Особенно острый страх человек переживает в первом бою: тревожные эмоции многократно усиливает новизна и первичность впечатлений.

Причинами дезертирства также являются тяготы воинской службы, злоупотребления командиров, а также обстоятельства личного (психологического) характера (тоска по дому, неразделенная любовь, болезнь или смерть родственников и т.д.). Эти причины и сегодня нередко обуславливают бегство из армии солдат срочной службы. В то же время неуставные взаимоотношения между военнослужащими («дедовщина»), ставшие одной из главных причин дезертирства на современном этапе, в годы Великой Отечественной войны не играли большой роли. Напротив, сейчас практически утратили свое значение широко распространенные в 1941–1945 гг. политические причины дезертирства, связанные с недовольством советской властью у части граждан.

Неудачное для Красной армии начало войны, сопровождавшееся огромными потерями в живой силе и технике, разгромом и окружением десятков войсковых соединений, паникой и хаосом в управлении, предопределило появление значительного

¹ Сувениров О.Ф. Трагедия Красной Армии. М., 2009. С. 538–539.

² Сеницын А.М. Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1985. С. 26.

³ Фролов Ю. Изучение человека-бойца. М., 1926. С. 43–44.

количества дезертиров с первых дней боевых действий. За несколько дней, с 29 июня по 1 июля 1941 г., только в 6-м стрелковом корпусе особый отдел Юго-Западного фронта арестовал 697 чел. по обвинению в дезертирстве. Всего к 3 июля с начала войны в 6-м стрелковом корпусе было арестовано 5 тыс. дезертиров¹.

16 июля 1941 г. Государственный комитет обороны СССР принял постановление, в котором отмечалось, что части Красной армии «в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко держат великое знамя Советской власти и ведут себя удовлетворительно, а иногда прямо героически, отстаивая родную землю от фашистских грабителей». Наряду с этим впервые с начала войны официально признавалось, что «отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником». В постановлении сообщалось об аресте и предании суду военного трибунала «за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций» 9 командиров и политработников. В обоснование этих и подобных им мер говорилось: «Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной Армии. Поэтому расправа с паникерами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины является нашим священным долгом»².

В воспоминаниях Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского отмечается немало фактов «проявления военными трусости, паникерства, дезертирства и членовредительства с целью уклониться от боя. Вначале появились так называемые “леворучники”, простреливавшие себе ладонь левой руки или отстреливавшие на ней палец, несколько пальцев. Когда на это обратили внимание, то стали появляться “праворучники”, проделывавшие то же самое, но уже с правой рукой». По словам мемуариста, «случалось и членовредительство по сговору: двое взаимно простреливали друг другу руки. Вскоре вышел закон, предусматривавший применение высшей меры (расстрел) за дезертирство, уклонение от боя, “самострел” и неподчинение начальнику в боевой обстановке. Интересы Родины были превыше всего, и во имя их требовалось применение самых суровых мер, а всякое послабление ишкурникам становилось не только излишним, но и вредным»³. Но даже самые суровые меры не могли остановить нарастающую волну дезертирства. К 20 июля 1941 г. особые отделы НКВД задержали 103 867 бойцов и командиров, отбившихся от своих частей. Большинство из них, пройдя проверку, вскоре отправились обратно на фронт⁴.

Обстоятельства дезертирства различались: военнослужащие бежали с фронта и по пути на фронт, из действующих и тыловых частей РККА, во время отпуска и из госпиталей. Бежали в одиночку и небольшими группами, реже случались массовые побегі. Часто побегі были связаны с пребыванием военнослужащих в непосредственной близости от мест своего проживания. Так, 22 сентября 1941 г. начальник политотдела 35-й кавалерийской дивизии батальонный комиссар Бударин, обращаясь к начальнику Багаевского районного отдела милиции Ростовской области,

¹ Гланц Д. Восставшие из пепла. Как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы. М., 2009. С. 328.

² 1941 год: в 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 472–473.

³ Рокоссовский К.К. Солдатский долг // Военно-исторический журнал. 1989. № 6. С. 89.

⁴ Гланц Д. Указ. соч. С. 102.

писал о самовольном оставлении части 7 красноармейцами 162-го кавалерийского полка, призванными из данного района. Он просил «произвести розыск» данных красноармейцев и сообщить о его результатах¹. По истечении положенных 6 дней командование дивизии просило секретаря Багаевского райкома ВКП(б) «принять самые энергичные меры по розыску этих дезертиров, немедленному преданию их суду и ускоренному ведению судопроизводства»².

Массовость дезертирства выступала прямым следствием успешного продвижения войск противника, особенно его танково-механизированных соединений, вызывавших настоящую «танкобоязнь» у части красноармейцев. Красноармеец 161-го кавалерийского полка 56-й кавалерийской дивизии Кривошеин при виде немецкой бронетехники прострелил себе левую руку и поднял крик: «Танки!» За создание паники он был расстрелян³.

Уже само тревожное ожидание боя приобретало невыносимо тяжелый и томительный характер для человека, вызывая повышенную внушаемость, подавляя волю к сопротивлению, создавая невыносимую психологическую ситуацию, требовавшую хоть какого-то выхода. Панике поддавались не только рядовые бойцы, но командиры. Так, командир саперного взвода 56-й кавалерийской дивизии младший лейтенант Копылов, кандидат в члены ВКП(б), в ночь накануне боя 16 октября 1941 г. распустил свой взвод, а сам дезертировал⁴.

В условиях тяжелых поражений лета 1942 г. был издан специальный приказ наркома обороны СССР № 227, получивший название «Ни шагу назад!» Он запрещал отступать частям и подразделениям Красной армии без соответствующего приказа высшего командования. В качестве главных мер укрепления дисциплины в войсках стало создание заградительных отрядов и штрафных частей. Необходимо отметить, что заградительные отряды и до этого широко использовались в различных армиях. Уже с июня 1941 г. они создавались в РККА с целью «беспощадной борьбы со шпионами, предателями, диверсантами, дезертирами и всякого рода паникерами и дезорганизаторами». В директиве Ставки Верховного Главнокомандования № 001919 от 12 сентября 1941 г. отмечалось, что в советских стрелковых дивизиях на всех фронтах имелось немало «панических и прямо враждебных элементов», бросавших оружие. В директиве приказывалось создать в каждой дивизии заградительные отряды численностью не более батальона из расчета одной роты на стрелковый полк с целью не допускать самовольного отхода частей. Они подчинялись командиру дивизии и комплектовались из обычных красноармейцев, имели на вооружении танки или бронемшины. В отличие от них заградительные отряды НКВД в основном вели борьбу с немецкими диверсантами и шпионами, дезертирами и другим «преступным элементом» в армейском и фронтовом тылу.

Похожие функции выполняли созданные согласно приказу № 227 армейские заградительные отряды, располагавшиеся непосредственно за боевыми порядками воинских частей и призванные не допустить паники и массового бегства военнослужащих с места боя. При этом они являлись штатными подразделениями РККА, а их начальниками назначались оперативные работники особых отделов. Командующие фронтов стали издавать собственные приказы о формировании

¹ ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 4. Л. 26.

² Там же. Л. 32.

³ Там же. Ф. 228. Оп. 710. Д. 59. Л. 4.

⁴ Там же.

данных подразделений, даже не дожидаясь утверждения их штатов. Выполняя свои задачи, заградотряды могли открыть огонь над головами красноармейцев, бежавших с поля боя, и даже расстрелять отдельных военнослужащих перед строем.

Принятые меры сыграли определенную роль в укреплении воинской дисциплины, но не могли кардинально изменить ход боевых действий. В самый опасный момент продвижения вермахта на Кавказ 13 августа 1942 г. член Военного совета Северо-Кавказского фронта Л.М. Каганович писал И.В. Сталину о том, что, хотя на реках Кубани и Лабе «удалось рассадить войска и создать более или менее сплошной фронт, но как только противник прорвет фронт, хотя бы тремя-пятью танками в одном месте, то паника начинает охватывать ближайшие к прорыву части, и после некоторых боев эти части начинают отступать». Л.М. Каганович подчеркивал, что «мы направили главные силы на оздоровление дисциплины и морально-политической устойчивости командиров в соответствии с вашим приказом, улучшили работу суда и прокуратуры, расстреляли перед строем 37 дезертиров, разослали непосредственно на передовые линии 200 политработников, вызывали для разговора некоторых командиров и политработников, сами выезжали в части на позиции, однако результаты пока плохие. Нужна упорная и большая работа и борьба, чтобы оздоровить в первую очередь командно-политический состав, часть которого больна танкобоязнью, паникерством и отступленчеством». В заключение он сообщал: «Мы сейчас вылавливаем всех дезертиров, из отходящих групп сформируем новые части и штрафные роты». Но хорошо понимая, что одних призывов и расстрелов недостаточно, писал: «Я очень прошу вас, т. Сталин, помочь нам снарядами, об этом мы писали, помочь нам танками»¹.

Следует указать, что часть призывников и военнообязанных граждан, уже имевших на руках мобилизационные предписания, в условиях немецкого наступления в 1941–1942 гг. просто не смогла вовремя эвакуироваться, став дезертирами и уклонистами «поневоле». Например, систематический вывод военнообязанных и призывников с территории Краснодарского края начался только 6 августа 1942 г., когда на нее уже вторглись войска противника. В результате военное командование в течение нескольких дней несколько раз меняло маршруты и способы отправки колонн военнообязанных. Ценой невероятных усилий удалось вывести около 80 % из 103 тыс. военнообязанных, 3,5 тыс. чел. дезертировали, около 2 тыс. чел. оказались в окружении². Разбежались по пути следования на призывные участки сотни тысяч военнообязанных и в других регионах страны, попав под вражеские бомбардировки с воздуха. Большинство из них повторно призвали в РККА уже после освобождения их территории.

В целом в напряженный период оборонительных боев с 1 августа по 15 октября 1942 г. заградительные отряды на всех фронтах задержали 140 755 советских военнослужащих, по разным причинам оставивших передовую. Из них были арестованы 3 980 чел., расстреляны за трусость 1 189 чел., направлены в штрафные подразделения 2 961 чел. Значительное большинство – 131 094 чел. – возвратились в свои части и на пересыльные пункты, откуда вновь отправились на передовую. Необходимость

¹ Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945... Кн. 1: Хроника событий 1941–1942 гг. С. 332–333.

² Там же. С. 365.

в армейских заградительных отрядах отпала после перехода стратегической инициативы к советским войскам в условиях коренного перелома в войне, и по приказу наркома обороны СССР № 0349 от 29 октября 1944 г. они были расформированы. Количество дезертиров с фронта на завершающем этапе войны резко сократилось по сравнению с ее началом.

Практически с первых месяцев Великой Отечественной войны предпринимались меры по борьбе с дезертирством в советском тылу. Работа по розыску дезертиров и призыву новобранцев лежала здесь на районных военкоматах, а также органах НКВД. В специальном письме, направленном 4 июля 1941 г. во все городские и районные отделения внутренних дел, предлагалось с помощью военкоматов, военно-учетных столов милиции и сельских советов устанавливать лиц, уклонявшихся от призыва в Красную армию и Военно-морской флот, принимая срочные меры к их розыску и задержанию. Письмо ориентировало на возможность появления дезертиров с фронта, из воинских частей, предлагая незамедлительно организовывать проверку и выявлять подозрительных лиц в людных местах, гостиницах, заезжих и частных домах.

Наибольшие трудности борьба с дезертирством представляла в первый период войны вследствие как самого масштаба данного явления, так и отсутствия опыта у правоохранительных органов, состав которых ухудшился из-за ухода многих сотрудников на фронт. Особенно осложнилась ситуация на Северном Кавказе. Представителей ряда народов данного региона в межвоенный период призывали в РККА в ограниченном количестве, и только в 1940–1941 гг. призыв стал проводиться в полном соответствии с Законом о всеобщей воинской обязанности.

По данным НКВД СССР, при первой массовой мобилизации в Чечено-Ингушской АССР с 29 августа по 2 сентября 1941 г. из подлежащих призыву 8 тыс. чел. дезертировали в пути следования 450 чел., уклонились от призыва 269 чел. В октябре 1941 г. во время очередного призыва граждан, родившихся в 1922 г., из 4 733 чел. призывников уклонились от явки на призывные пункты 362 чел. Во время второй массовой мобилизации чеченцев и ингушей с 17 по 25 марта 1942 г. из 14 577 чел., подлежащих призыву, было призвано только 4 395 чел. Численность дезертиров и уклонившихся от призыва в республике выросла к этому времени до 13,5 тыс. чел. В связи с этим в апреле 1942 г. призыв в армию чеченцев и ингушей был вообще отменен. В 1943 г. по ходатайству партийных и общественных организаций ЧИ АССР был разрешен призыв 3 тыс. добровольцев. В аулах была проведена огромная воспитательная и разъяснительная работа, в результате которой удалось призвать в РККА даже более 3 тыс. добровольцев, однако вскоре из них дезертировало 1 870 чел.¹

Сложная картина наблюдалась и в других регионах страны, особенно горных и лесных массивах. В первой половине ноября 1941 г. в Спокойненском районе Краснодарского края насчитывалось 45 дезертиров, а всего с начала войны – 55 чел., большинство скрывалось в лесу². 21 ноября прокурор Мостовского района Краснодарского края докладывал о том, что 17 ноября при попытке к бегству был застрелен дезертир Тартышный, 1907 г.р., «в прошлом – сын крупного кулака», отсидев-

¹ Справка начальника УМВД Грозненской области Дементьева об экономическом и политическом состоянии бывшей Чечено-Ингушской АССР с 1937 по 1944 гг. // Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX вв.). М., 2011. С. 666.

² ГАКК. Ф. Р.-1544. Оп. 1. Д. 10. Л. 18.

ший 8 лет по ст. 58-10 и вышедший из мест заключения только в начале 1941 г.¹ Таких дезертиров в горах в ноябре 1941 г. скрывалось более 100 чел., было поймано и предано суду 35 чел., еще 17 чел. направлены в свои части². Весной 1942 г. группы дезертиров, постепенно превращавшиеся в банды, вооруженные гладкоствольными ружьями и кинжалами, стали осуществлять систематические нападения на фермы, грабить колхозные кладовые. Облавы районного отдела НКВД результатов не дали, и в каждом населенном пункте «решили вооружить охотничьими ружьями группы содействия из актива и привлечь их в активной повседневной борьбе с дезертирами»³.

26 декабря 1941 г. Л.П. Берия сообщал И.В. Сталину: «В результате принятых мер органами НКВД СССР с начала войны по 20 декабря. в тыловых районах задержано по подозрению в дезертирстве 189 137 человек, в том числе: по Ленинградской области – 78 196 и по Московской области – 23 454 (не считая задержаний военных командиров). Из этого числа задержанных органами НКВД арестовано 39 965, передано в райвоенкоматы и войсковые части 149 172 человека. Кроме того, в прифронтовой полосе особыми отделами НКВД за это же время задержано 448 975 человек, из них: арестовано – 42 900, передано в войсковые части Красной Армии – 406 075. Всего в тыловых районах и прифронтовой полосе органами НКВД задержано по подозрению в дезертирстве 638 112 человек, из них: арестовано – 82 865, передано в военкоматы и войсковые части – 555 247»⁴. С 22 июня 1941 г. по 1 июля 1942 г. на территории Ярославской области в ходе проверки документов у 1 150 204 чел. было задержано 5 599 дезертиров из РККА, 2 614 чел., уклонившихся от военной службы и военного учета, из них арестовано 4 545 чел. В ряде районов дезертиры стали создавать банды, оказывавшие сопротивление правоохранительным органам, нападавшие на советские предприятия и учреждения, совершавшие хищения государственной и личной собственности⁵.

Основная масса дезертиров скрывалась в сельской местности. В городах систематически проводились проверки с подомовым и подворовым обходом, позволявшие обнаружить дезертиров и лиц, уклонявшихся от воинской службы. На селе документы не так часто проверяли, и жители могли поверить или притвориться что поверили, что их односельчан отпустили с фронта по состоянию здоровья. Разоблачением грозили только письменные сообщения командиров воинских частей о дезертирстве военнослужащих. Впрочем, если им удавалось затеряться в суматохе боя и попасть в графу «пропали без вести», если воинская часть оказалась в окружении и погибла вместе со всеми документами, вероятность попасться уменьшалась. К тому же сельские жители, как правило, не выдавали «своих» дезертиров, опасаясь мести со стороны родственников⁶. В то же время их осуждали, особенно те односельчане, у кого на фронте воевали, а тем более погибали родные.

¹ Там же. Л. 12–12об.

² ГАКК. Ф. Р.-1544. Оп. 1. Л. 58.

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 486. Л. 57, 57об.

⁴ Жирнов Е. «Дезертир скрывался более года на высоком дереве, в гнезде аиста» // Коммерсантъ-Власть. 2011. 11 апреля. № 14 (918).

⁵ Волков А.Е. В борьбе с дезертирством. URL: http://www.uvdyar.ru/velikaya_otchestvennaya_vojna-print.htm

⁶ Дьячков В.А. Тамбовская деревня в годы Великой Отечественной войны (по воспоминаниям современников – сельских жителей) // Вторая мировая война, Великая Отечественная война советского народа – по архивным документам: Тезисы докладов и науч. сообщений участников конф. М., 1995. С. 70.

Дезертиры прятались в лесных массивах, скрывались у родственников и знакомых в амбарах, подвалах, подполах, на чердаках, охотничьих и промысловых зимовьях, схронах, дальних заимках и в других труднодоступных местах. Расплатой за жизнь была вынужденная изоляция от общества, ограничения в способах удовлетворения всех основных потребностей, поскольку дезертиры в светлое время редко могли покинуть места своих убежищ. Главную помощь дезертирам оказывали их родственники, близкие и знакомые. Поэтому родственников, скрывавших дезертиров, обычно осуждали на два-три года как их пособников.

К поиску дезертиров в советском тылу были подключены внутренние войска, органы НКВД и НКГБ, включая группы охраны общественного порядка и бригады содействия милиции, прокуратуру и другие советские правоохранительные органы. Но успех в борьбе с дезертирством во многом зависел от общественной поддержки, особенно в сельской местности, с традиционно высокой степенью социального контроля. С 1942 г. в приказах органов НКВД постоянно отмечались сельские жители – подростки, женщины, старики, проявившие смелость, решительность и инициативу при задержании дезертиров. Так, 8 мая 1942 г. 70-летняя жительница села Бектышево Переславского района Ярославской области Н.И. Багина заметила в лесу шалаш, крытый брезентом и ельником, и немедленно сообщила об этом в сельсовет. В результате были задержаны укрывавшиеся в шалаше дезертиры Дмитриев и Крутов. За «*проявление патриотического долга*» Н.И. Багина была премирована отрезом на платье. 15 мая председатель сельсовета деревни Якунино Арефинского района Ярославской области Кириллов задержал дезертиров Максимова и Соколова при помощи группы подростков. Ребятам наградили ценными подарками. Поощрен был и 14-летний В. Багров. Собирая ягоды в лесу недалеко от деревни Новое Переславского района Ярославской области, он обнаружил шалаш с продуктами и немедленно сообщил об этом в районный отдел НКВД. Прибывшая оперативная группа задержала трех дезертиров. 21 июня в селе Фроловское Мышкинского района заведующая почтовым отделением связи М.С. Соколова установила местонахождение дезертира Медведева и ночью, когда он спал в сарае, с помощью несовершеннолетнего сына задержала его и охраняла в сельсовете до приезда работников милиции¹.

В большинстве случаев граждан, обнаруживших дезертиров и участвовавших в их задержании, награждали материальными подарками, особенно ценными вследствие всеобщего дефицита военного времени. Однако вовсе не вознаграждение и его публичная и материальная ценность выступали главным мотивом, побуждавшим граждан включаться в борьбу с дезертирами, тем более что она представляла определенный риск для их собственной жизни. Значительная часть населения осознала, что дезертиры угрожают общественной безопасности, как в конкретном населенном пункте, так и на общегосударственном уровне. Сущность дезертирства как *индивидуальной стратегии выживания*, несмотря на массовый характер данного явления, неминуемо противопоставляла его обществу, большинство членов которого прилагало силы для достижения победы на фронте и в тылу, полностью поддерживая власть в данном вопросе. Неслучайно, что особенно часто содействие в обнаружении и задержании дезертиров оказывали подростки. Вследствие особенностей, присущих данному возрасту, они не только легко проникали в самые труднодоступные места,

¹ Волков А.Е. Указ. соч.

оказывавшиеся укрытиями для дезертиров, но и являлись одной из наиболее восприимчивых к властным призывам группой населения.

В период оккупации противником части советской территории немало дезертиров стало активно сотрудничать с захватчиками. Так, в период оккупации Староминского района Краснодарского края дезертир И.М. Черный добровольно поступил в жандармерию, участвовал в обысках и грабежах населения хуторов Копани, Северного и других населенных пунктов. Принимал личное участие с оружием в руках в уничтожении 8 советских парашютистов вблизи хутора Северного. Т.Р. Морозов дезертировал из РККА и вернулся домой в хутор Красные Горы Удобненского района, а во время оккупации добровольно поступил на службу старшим полицейским, выдал двух партизан, производил обыски у населения, отбирал и присваивал вещи, избивал жителей за помощь партизанам. Дезертир Н.А. Золотарев стал полицейским в родной станице Удобной, избивал арестованных, присутствовал при расстреле партизан. По приговору военного трибунала Северо-Кавказского фронта в 1943 г. после освобождения все указанные лица были расстреляны¹.

Значительный масштаб борьба с дезертирством приобрела на освобожденной от противника территории. В Краснодарском крае с февраля по апрель 1943 г. истребительные батальоны задержали 1 224 дезертира и 91 чел., уклонявшихся от воинской службы. Из призывников 1926 г.р. в апреле 1943 г. дезертировало, не дойдя до частей, свыше 1 тыс. чел., многие из-за ужесточения паспортного режима и систематических облав в населенных пунктах укрылись в лесах. В июне 1943 г. милиция в Краснодарском крае задержала 235 дезертиров, 182 уклониста от воинской службы, войска НКВД по охране тыла Северо-Кавказского фронта – соответственно 439 и 197 чел., а комендатуры в тыловых районах прифронтовой полосы – 124 и 144 чел. В июле было «выявлено и изъято» 787 дезертиров и 511 уклонистов. Совместными действиями органов НКВД и войск по охране тыла Северо-Кавказского фронта с 1 по 25 августа было задержано 278 скрывавшихся в лесах дезертиров².

С 1 марта по 1 октября 1943 г. краевая прокуратура расследовала и передала в суд 184 дела на 221 дезертира из РККА. Военным трибуналом гарнизона города Тихорецка за этот период было осуждено за дезертирство 473 военнослужащих. При этом у половины из них срок пребывания вне воинских частей составлял не более 20 дней, и только у 56 чел. он превышал 3 месяца. Эти данные расценивались как «показывающие плохую работу местных стансоветов и милиции по борьбе с дезертирством» ввиду того, что осужденные трибуналом дезертиры «очень долгое время были осевшими на местах их задержания»³. 16 ноября 1943 г. было принято специальное постановление бюро Краснодарского крайкома ВКП(б). Городским и районным военкоматам края и отделениям милиции было предложено усилить борьбу с дезертирством, обеспечить надлежащий порядок в учете военнообязанных, провести сплошную проверку забронированных лиц с целью выявления среди них дезертиров и бывших военнопленных, незаконно пользующихся отсрочками от призыва⁴.

Чтобы избежать фронта граждане подлежавшие мобилизации, нелегально приобретали документы об освобождении от призыва или увольнении из армии. Так, 10 октября 1944 г. Управление НКВД Ворошиловградской области арестовало 5

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 654. Л. 16–40.

² Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. С. 273, 398–400, 415, 489.

³ Там же. С. 671.

⁴ Там же. С. 669.

работников Ворошиловградского городского военкомата, выдававших фиктивные свидетельства о болезни военнообязанным гражданам и освобождавших их от службы в РККА за взятки в размере от 2 до 10 тыс. руб. Следствие выявило 13 дезертиров и лиц, уклонившихся от военной службы, которых преступники снабдили фиктивными документами. По делу было арестовано 15 чел. Подобные случаи наблюдались по всей стране, различались только размеры и формы взяточничества. В Казахстане, например, брали продуктами, а в РСФСР – в основном деньгами¹.

Уклониться от воинской службы позволяли и фальшивые документы. При этом поймать людей с фальшивыми документами было труднее, чем с документами, оформленными в военкомате. В ноябре 1944 г. Л.П. Берия докладывал: «НКВД Татарской АССР арестована группа лиц, изготовлявших фиктивные воинские документы об освобождении от службы в Красной армии, отпускные свидетельства, справки о ранении, о нахождении на излечении в госпиталях». Участники преступной группы также изготавливали бланки пропусков на въезд в города СССР и другие документы со штампами и печатями советских учреждений и организаций в целях получения остродефицитных продовольствия и промтоваров. Фиктивными документами и пропусками участники группы снабжали дезертиров и уклонистов от службы в РККА. Инициатором и руководителем группы являлся «арестованный по делу Ахмедзянов Х.Ш., 1908 года рождения, татарин, судимый в 1937 году за подделку документов, дезертир Красной армии, с 1942 года находящийся на нелегальном положении». Всего группа Ахмедзянова изготовила до 200 фиктивных свидетельств об освобождении от военной службы, за каждое из которых получила от 7 до 14 тыс. руб. В целях конспирации Ахмедзянов создал «штат контрагентов, которые подыскивали дезертиров и уклоняющихся от службы в Красной армии». За отдельную плату Ахмедзянов обеспечивал своих клиентов не только полным набором документов, вплоть до пропуска на проезд в выбранный дезертиром город, но и билетами на поезд, а его люди обеспечивали гарантированную посадку в вагон. Из 200 уклонистов, обеспеченных фальшивыми документами, НКВД смог найти только около 30².

Подобные «группы лиц, специально занимающиеся изготовлением подложных штампов, печатей и бланков разных документов: об освобождении от военной службы, командировочных предписаний, продовольственных аттестатов и т.д.» были также задержаны в Краснодаре, Ставрополе и других населенных пунктах. К тому же руководители предприятий, которым катастрофически не хватало рабочей силы для восстановительных работ, зачастую принимали на работу лиц призывного возраста, не проверяя «причин их увольнения из Красной армии», а в ряде случаев даже снабжали их документами и брали под свою защиту³.

Е. Жирнов, ссылаясь на воспоминания очевидцев, приводит еще один способ уклонения от призыва в действующую армию. По его словам, детей состоятельных родителей арестовывали за выдуманные незначительные преступления и «отправляли в зону общего режима где-нибудь на окраине родного города. Естественно, за взятку. Там их, опять же за мзду, расконвоировали и предоставляли приятную работу. На свободу с чистой совестью они вышли сразу после Победы»⁴.

¹ Жирнов Е. «Дезертир скрывался более года на высоком дереве, в гнезде аиста».

² Жирнов Е. «Многочисленны случаи дезертирства, симуляции и самоизувечения».

³ Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. С. 669.

⁴ Жирнов Е. «Многочисленны случаи дезертирства, симуляции и самоизувечения».

На фронте дезертиров обычно ждали суд и казнь по законам военного времени. Заседание военного трибунала проходило в самые сжатые сроки. Обычной мерой наказания дезертирам как изменникам Родины являлся расстрел, который немедленно приводился в исполнение. Впрочем, если позволяла ситуация, при вынесении приговора все же учитывались обстоятельства дезертирства. Так, 15 декабря 1941 г. военный трибунал 347-й стрелковой дивизии рассмотрел дело красноармейца 181-го кавалерийского полка И.П. Яценко, 1903 г.р., происходившего из крестьян-бедняков села Леонтьево Белореченского района Краснодарского края, беспартийного, женатого. Имевший 3 класса образования, И.П. Яценко работал бригадиром в колхозе села Леонтьево и был призван в РККА по мобилизации 3 сентября 1941 г. Находясь в боевой обстановке, 8 декабря 1941 г. самовольно оставил свою часть и отсутствовал до 11 декабря на станции Приморской, за что был приговорен к 10 годам лишения свободы без поражения в правах. Однако приняв во внимание, что до этого И.П. Яценко не был судим, принес чистосердечное признание, а также просил направить его на фронт, трибунал счел возможным применить отсрочку приговора, а при условии, что боец проявит себя *«стойким защитником Родины»*, предусмотрел возможность смягчить наказание¹. Свою роль сыграло и то, что часть И.П. Яценко вела тяжелые бои по прорыву Миус-фронта.

Дезертиров, пойманных в тылу и не уличенных в совершении каких-либо других преступлений, с учетом раскаяния отправляли на передовую, в штрафные батальоны, чтобы они могли *«искупить кровью вину перед Родиной»*. У большинства уклонистов, не явившихся в военкомат по повестке или иным способом избежавших призыва в армию, появлялся второй шанс служить Родине, но уже в штрафной роте. К высшей мере наказания приговаривали только за неоднократное дезертирство, а также грабежи и другие тяжкие преступления. К тому же из-за большого числа дезертиров у следственных органов не хватало времени на тщательное расследование каждого случая. Как правило, дела велись поверхностно, данные о дезертирстве вписывались в протокол со слов обвиняемого без проверки, детали побега с фронта, местонахождение оружия и соучастники не всегда выявлялись.

Определенный перелом в борьбе с дезертирством наступил только в конце войны. Это было связано как с переломом в ходе боевых действий на фронте, так и с активизацией самой борьбы с данным явлением в тылу. Тем не менее дезертирство оставалось одной из серьезных проблем советского руководства вплоть до конца войны. Если в 1941 г. в Бурятии было задержано 22 дезертира и 220 чел., уклонившихся от призыва на фронт, то в 1943 г. – 278 дезертиров и 121 чел., уклонившихся от призыва на фронт, а в 1944 г. – 204 дезертира и 86 уклонившихся. Всего в 1941–1944 гг. были задержаны 811 дезертиров и 485 чел., уклонившихся от призыва на фронт². В Ярославской области к 10 сентября 1943 г. оставалось значительное количество дезертиров, скрывавшихся в лесах и различных населенных пунктах. В Рыбинском районе насчитывалось 87 дезертиров, в Даниловском – 31 чел., в Нерехтском – 27 чел., в Ростовском – 23 чел., в Костромском – 20 чел., Ярославском сельском – 20 чел. В 1944 г. в Сталинградской области было обнаружено 6 тыс. дезертиров, что во многом было связано с прошедшими здесь боевыми

¹ ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 2. Л. 256.

² Министерство внутренних дел Республики Бурятия. На страже общественного порядка Бурятии. Улан-Удэ, 2002.

действиями. В Мордовской АССР за годы Великой Отечественной войны было призвано 241 тыс. чел., из них погибло 130 960 чел. За дезертирство в республике были арестованы 4 715 чел.¹

В июле – сентябре 1944 г. по всей стране органы НКВД, НКГБ, прокуратуры и военной контрразведки «Смерш» провели совместную широкомасштабную операцию по выявлению дезертиров и уклонистов. В ходе операции было задержано 170 757 чел., в том числе 87 923 дезертира и 82 834 уклониста от воинской службы. 104 343 чел. были переданы в райвоенкоматы и затем пополнили ряды РККА, 33 954 чел. были арестованы, а 181 чел. убит при оказании сопротивления².

В целом дезертиры и уклонисты составляли меньшинство советского населения. В ином случае СССР просто не смог бы выиграть войну, недаром получившую название Великой Отечественной. Тем не менее их количество за годы войны оказалось достаточно значительным. По данным Н.Ф. Бугая, только за три года войны 1941–1943 гг. дезертировали и уклонились от службы в РККА 1 666 891 чел., из них 1 210 224 чел. являлись дезертирами³. Общее количество дезертиров и уклонистов за годы войны составило по разным оценкам от 1,7 до 2,5 млн чел., включая военнотружущих, которые перешли на службу к противнику. При этом по статье «за дезертирство» были осуждены только 376,3 тыс. чел., а 212,4 тыс. дезертиров, объявленных в розыск, найти и наказать так и не удалось⁴.

Необходимо отметить, что дезертирство было присуще и другим странам-участницам войны, особенно в условиях нарастания кризисных явлений. В Третьем рейхе дезертирство приняло массовый характер тогда, когда стала очевидна неизбежность его краха, а общее количество дезертиров за время войны составило 3,5 млн чел.

В послевоенные годы в СССР дезертиры и уклонисты продолжали скрываться в лесных и горных массивах, других труднодоступных районах страны, а их поиск еще несколько лет активно вели советские правоохранительные органы. Отбывшие наказание дезертиры, как и члены их семей, продолжали подвергаться общественному ostrакизму. В селе им поручали наиболее тяжелые и хуже оплачивавшиеся работы, увеличивали нормы продовольственного налога, в городе ограничивали в продвижении по службе и награждении, лишали права на доступ к социальным льготам. Поэтому нередко они вместе с семьями перебирались на другое место жительства, где не знали об их прошлом.

Только через двадцать лет после Великой Отечественной войны была объявлена амнистия. Но отдельные дезертиры, не зная об этом, еще долго продолжали скрываться в подполах и на чердаках у своих близких и родственников. Судьбу Н. Тонких, просидевшего 20 лет на чердаке родительского дома в деревне Битюг-Матреновка Воронежской области, с 1942 до 1962 гг., описал В. Песков⁵. В селе Онишполь в Полесье в погребе родительского дома скрывался Н. Халимовский. Призванный в 18-летнем возрасте в войска 1-го Украинского фронта в конце 1943 г., он попал под

¹ Скворцова Л.Г. Безвозвратные потери уроженцев Республики Мордовия в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004.

² Зефилов М.В., Дёгтев Д.М. Все для фронта? Как на самом деле ковалась победа. М., 2009. С. 376–377.

³ История и историки. 2004. М., 2005. С. 238.

⁴ Там же. С. 378.

⁵ Песков В. Дезертир // Шаги по росе. М., 1963.

налет «юнкеров» и убежал домой, бросив винтовку. Родители были неграмотными и не выписывали газет, а от радиоточки отказались, опасаясь, что монтер заметит сына. Только в конце 1960-х гг. дезертира обнаружил неожиданно нагрянувший в гости дальний родственник, партийный работник.

Дезертир из деревни Сельцо под Торжком просидел в подвале собственного дома 29 лет, с 1941 по 1970 гг., и явился с повинной в городской отдел милиции, только когда занемогла скрывавшая его все это время мать. М. Дятченко просидел на чердаке собственного дома в селе Медведовка Черкасской области 45 лет, вышел на свет только в 1990 г., после смерти сестры, приносившей ему еду и газеты¹. Своеобразный рекорд поставил Я. Пинупс из деревни Котлери Пелечской волости Прейльского района Латвии. Получив контузию в бою, он самовольно вернулся домой в 1944 г. Скрывался сначала в лесу, затем перебрался в хлев, вырыв землянку прямо в навозе, а когда семья построила новый дом, перешел в старый. Срок добровольного заточения составил более 50 лет, с 1944 г. по 1995 г.² Страх за свою жизнь переродился в опасения наказания со стороны советского режима, преодолеть которые часть дезертиров оказалась уже не в силах.

Дезертирство и уклонение от службы в армии стали для части советских граждан стратегиями выживания в условиях, когда исход военного противоборства не был окончательно известен даже советскому руководству. Выбирая их, они подвергались суровому наказанию и общественному осуждению. Сосуществование подобных поведенческих практик наряду со стратегиями активного сопротивления противнику и выполнения своего служебного долга вовсе не свидетельствовало о слабости советской политической системы. Оно лишь отражало индивидуальные особенности адаптационных возможностей человека, оказавшегося в ситуации непростого выбора.

5.4. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны

Еще одной стратегией выживания советских граждан в период военного времени стал коллаборационизм, исследовательская судьба которого также оказалась довольно драматичной. Советские историки обычно приуменьшали масштабы коллаборационизма, сводя его причины лишь к факторам субъективного порядка – отрицательным качествам отдельных лиц. Рассматриваемый сквозь призму морально-этических категорий, коллаборационизм оценивался исключительно как «предательство» и «измена Родине». Напротив, в зарубежных работах коллаборационисты нередко рассматриваются в качестве «героев», осознанно выступивших против большевистского режима. В последние годы эта тенденция стала присуща и ряду современных российских публикаций.

Коллаборационизм представляет собой более сложное явление, которое не может быть глубоко понято и оценено в антитезе «герои» – «предатели». Причины коллаборационизма имеют разнообразный характер, различаются и мотивы, толкнувшие людей на путь сотрудничества с оккупантами. Среди них и честолюбие,

¹ Отшельник с чердака. URL: <http://bibliotekar.ru/divo/30-3.htm>

² Латвийский дезертир 50 лет просидел в подполье, скрываясь от советской власти. URL: <http://vlasti.net/news/96419>

и стремление к обогащению, и недовольство существовавшими в стране порядками. В то же время массовый характер сотрудничества с врагом предопределяли и другие факторы социально-психологического характера. Постепенно российские историки начинают рассматривать коллаборационизм как «способ выживания под пятой оккупантов»¹. Исследователи обращают внимание на силовое и моральное давление оккупационного режима, в условиях которого часть советских граждан теряла привычные политические и моральные ориентиры, добровольно или по принуждению становясь на путь сотрудничества. Свою роль играла нацистская пропаганда, националистические настроения, карьерные побуждения, соображения материальной выгоды и другие обстоятельства. Подобный подход позволяет перевести изучение коллаборационизма в плоскость социальной истории, рассматривать данное явление как социальную проблему, связанную с различными стратегиями выживания людей в экстремальных условиях немецкой оккупации. Однако первые публикации на эту тему носят фрагментарный характер².

С начала войны германское руководство, рассчитывая на «блицкриг», не планировало привлекать к сотрудничеству советских граждан. Гитлер вообще отрицательно относился к созданию вооруженных формирований из жителей СССР. Многие командиры частей вермахта практически с первых месяцев войны стали использовать советских военнопленных и местных жителей в качестве проводников, шоферов, возниц, подсобных рабочих на кухнях и в мастерских. Их называли «*наши русские*» или «*наши Иваны*», а позже за ними закрепилось обозначение «*Hilfswillige*» – «добровольная помощь» (сокращенно «хиви»). К концу 1942 г. их количество составляло 200 тыс. чел., весной 1943 г. – 500 тыс. чел. С осени 1943 г. наличие советских «добровольцев» предусматривалось штатным расписанием. В пехотной дивизии полагалось иметь 2005 «хиви» при общей численности состава в 12 713 чел.³ В отдельных немецких частях и соединениях количество «добровольцев» даже превышало установленные штаты. Так, 707-я немецкая пехотная дивизия была на 40 % укомплектована советскими военнопленными⁴. Каждый из них получал солдатский паек, а после двухмесячного испытания и официального зачисления в качестве «добровольца» – денежное содержание. В феврале 1945 г. численность «хиви» составляла 600 тыс. чел. в сухопутных войсках, от 50 до 60 тыс. чел. в военно-воздушных силах, 15 тыс. чел. – в военно-морском флоте Германии.

Подъем сопротивления на оккупированных территориях и огромные потери вермахта вынудили германское командование пойти и на создание специальных вооруженных формирований из советских военнопленных и жителей захваченных областей. Предполагалось, что они заменят немецкие войска, нехватка которых все более сказывалась на фронте, в выполнении некоторых функций в войсковом тылу. Уже осенью 1941 г. для борьбы с партизанами и охраны хозяйственных объектов военное командование сформировало при каждой из групп армий на Восточном фронте по одной казачьей сотне. Позже были созданы охранные батальоны, эскадроны и полки. Кроме

¹ Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60.

² Соколов Б.В. Оккупация. Правды и мифы. М., 2002 и др.

³ Раманичев Н.М. Власов и другие // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 294.

⁴ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 654.

того, формировались специальные отряды для борьбы с партизанами, службы обеспечения порядка, отряды вспомогательной полиции, численность которых в мае 1943 г. в зоне военного управления, примыкавшей к линии фронта, составляла 60–70 тыс. чел., а в рейхскомиссариатах с гражданским управлением – примерно 300 тыс. чел.¹

С января 1942 г. началось официальное формирование военных частей из советских военнопленных и жителей оккупированных областей, предназначенных непосредственно для боевых действий на фронте. В мае 1942 г. главное командование сухопутных войск и командование армий запаса объявило о создании восточных легионов на национальной основе: Туркестанского (из представителей народов Средней Азии), Армянского, Грузинского, Северокавказского и Волго-Уральского. В основе структуры «восточных войск» лежал пехотный батальон общей численностью около 900 чел., при этом почти все офицерские, а иногда и унтер-офицерские должности в них занимали немцы, составлявшие около 4 % численности. Всего за годы войны было сформировано 90 таких пехотных батальонов: 26 туркестанских, 15 азербайджанских, 13 грузинских, 12 армянских, 9 северокавказских, 8 крымских татар, 7 волжско-уральских. Созданный летом 1942 г. Калмыцкий кавалерийский корпус насчитывал 5 тыс. чел.

К середине 1944 г. также действовало 200 батальонов из русских, украинцев, белорусов и представителей других национальностей. Помимо этого, были созданы более крупные соединения из советских граждан: Русская национальная народная армия, Русская освободительная народная армия, а в 1944 г. – Русская освободительная армия генерала А.А. Власова, включавшая три пехотных дивизии, военно-воздушные силы и другие части. Помимо вермахта, советские граждане служили в создававшихся на оккупированной территории войсках СС, а также в формированиях немецких спецслужб, выполнявших диверсионно-разведывательные и иные функции. Среди казачьих частей и соединений, воевавших на стороне вермахта, самыми крупными были 1-я казачья кавалерийская дивизия Г. фон Паннвица, в феврале 1945 г. преобразованная в 15-й казачий кавалерийский корпус войск СС, а также Казачий стан походного атамана С.В. Павлова (после его гибели – Т.Н. Доманова). Общая численность советских коллаборационистов в войсках вермахта, СС и вспомогательной полиции в годы войны составила от 1 до 1,5 млн чел.

Основу коллаборационистских вооруженных формирований составили советские военнопленные, испытывавшие существенное воздействие нацистской пропаганды. Военнопленным сообщали о многочисленных победах вермахта, «захвате» Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Тбилиси и других советских городов, зачитывали приказ № 270 Ставки Верховного Главнокомандования, объявлявший их изменниками Родины². С целью ускорить создание национальных частей германское руководство инициировало появление в 1942 г. национальных комитетов из представителей эмиграции, которые занимались активной пропагандистской работой в лагерях для военнопленных.

Но главную роль в том, что советские военнопленные пошли на сотрудничество с противником, сыграло их тяжелое положение. Лагеря для военнопленных делились на пять категорий: сборные пункты – фронтовые лагеря, расположенные в непосред-

¹ Хоффман Й. История Власовской армии. Париж, 1990. С. 272.

² Крикунов В.П. Под угрозой расстрела или по доброй воле. О формировании в годы войны немецко-фашистским командованием национальных частей из числа военнопленных РККА и изменников Родины // Военно-исторический журнал. 1994. № 6. С. 43–44.

ственной близости от зоны боевых действий, пересыльные «дулаги» в оперативном тылу вермахта, обычно недалеко от железнодорожных узлов, постоянные «шталаги» (для солдат) и «офлаги» (для командного состава), основные рабочие и малые рабочие лагеря (колонны). Фронтвые лагеря и «дулаги» размещались в малоприспособленных для жизни сельскохозяйственных постройках, складских помещениях, но чаще всего на открытом пространстве – в оврагах и карьерах. Выбранные для размещения военнопленных места просто огораживались колючей проволокой, вокруг устанавливались сторожевые вышки¹. С 1943 г. немецкое командование формировало рабочие батальоны и команды, труд которых использовался в портах и на железнодорожных станциях, на предприятиях угольной, горнорудной промышленности, в черной и цветной металлургии.

Положение военнопленных СССР было намного хуже, чем военнослужащих других стран антигитлеровской коалиции. Германское руководство обосновывало это тем, что СССР отказался подписать Гаагскую (1907) и Женевскую (1929) конвенции, определявшие статус и условия содержания советских военнопленных. Однако Гаагскую конвенцию подписала еще Российская империя, а Женевская конвенция регламентировала отношения к военнопленным вне зависимости от того, подписали ли их страны конвенцию или нет². На самом деле жестокие условия содержания советских военнопленных обуславливались нацистской идеологией, в основе которой лежали принципы расизма, антикоммунизма, представления о неполноценности славян – «унтерменшей» («недочеловеков»), стремление к расширению «жизненного пространства» для Германии.

По приказу Главного командования сухопутных войск от 8 октября 1941 г. норма питания советских военнопленных при использовании их на тяжелых работах на 28 дней составляла: 9 кг хлеба, 800 г мяса, 250 г жиров, 900 г сахара. На день приходилось 321 г хлеба (642 ккал), 29 г мяса (43,5 ккал), 9 г жиров (81 ккал), 32 г сахара (128 ккал), всего 894,5 ккал. Между тем по существующим нормам работники физического (не тяжелого) труда в возрасте 18–40 лет должны получать в сутки 3400 ккал для нормальной работоспособности. Советские военнопленные, занятые тяжелым физическим трудом, получали в 3,8 раза меньше, что неминуемо обрекало их на дистрофию и голодную смерть.

При использовании военнопленных на других работах нормы питания были еще ниже. На 28 дней выделялось 6 кг хлеба, 440 г жиров, 600 г сахара. На день приходилось 214 г хлеба (428 ккал), 16 г жиров (144 ккал), 22 г сахара (88 ккал), всего 660 ккал. Мужчины в возрасте 18–40 лет, не занятые физическим трудом, должны получать в сутки 2800 ккал. Советские военнопленные получали в 4,2 раза меньше. Для восстановления работоспособности предусматривалась выдача дополнительного питания в течение 6 недель: до 100 г искусственного меда, до 50 г трески, до 3,5 кг картофеля в неделю. В день приходилось 7 г рыбы (5 ккал), 14 г меда (57 ккал), 500 г картофеля (450 ккал), итого 512 ккал. В общей сумме с энергоемкостью основного пайка получается 1172 ккал, обеспечивавших возможность выживания только на самом минимальном уровне, но не позволявших восстановить силы истощенному организму³.

¹ Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М., 1963. С. 352–353 и др.

² Дюков А.Р. Интерлюдия (3): Кто на самом деле предал советских военнопленных // За что сражались советские люди: «Русский не должен умереть». М., 2007. С. 345–357.

³ Веремеев Ю. Нормы питания советских военнопленных в 41 году. URL: <http://army.armor.kiev.ua/hist/paek-sov-plennyx.shtml>

Таким образом, советские военнопленные были обречены на вымирание в немецких лагерях, особенно в сборных, в которых содержались в первое время после пленения, от голода и инфекционных заболеваний, поскольку им практически не оказывалось никакой медицинской помощи. По сведениям немецкого командования, к началу апреля 1942 г. от голода и тифа погибло 47 % всех советских военнопленных в Германии. К тому же советских военнопленных нередко целенаправленно уничтожали, расстреливали, казнили, замучивали. Только на территории Польши захоронено 883 485 советских военнопленных¹.

Тема выживания заключенных (не только военнопленных) в немецких концлагерях заслуживает отдельного, самостоятельного анализа, задачи которого не могут быть полностью решены в рамках данного исследования. Часть военнопленных спасли от голодной смерти местные жители, в нарушение действующих правил снабжавшие их тем, чем могли. Жители оккупированной советской территории (в основном женщины) нередко выдавали военнопленных за своих родственников, в этом случае их могли выпустить за отдельную плату. Вероятно, отдельные немецкие военнослужащие также не всегда следовали нацистской идеологии. Однако современные авторы приводят лишь единичные приговоры немецких военных судов в отношении солдат и офицеров вермахта (в двух случаях – офицеров СС) за причинение ущерба продовольственной безопасности Третьего рейха «путем передачи продовольствия военнопленным или невыполнении заданий по изъятию зерна и скота из оккупированных местностей»².

Одной из самых распространенных стратегий выживания военнопленных в немецких лагерях стало вступление в различные коллаборационистские формирования. Так, в лагере военнопленных № 162, располагавшемся на стадионе «Динамо» в Краснодаре, под открытым небом содержалось до 10 тыс. чел. Военнопленные пухли от голода, завшивели, их ежедневно гоняли на работы, а за малейшую провинность избивали. В течение недели военнопленным не давали хлеба, вынуждая записываться в кубанские казачьи части. Чтобы спастись, назвали себя казаками и поступили на службу в вермахт многие военнопленные краснодарского лагеря № 182, не только не имевшие никакого отношения к казачеству, но и никогда даже не служившие в кавалерийских частях³.

Помимо военнопленных в коллаборационистские части привлекались и жители оккупированных территорий. Первоначально для этого использовались методы добровольной вербовки. Так, на оккупированной территории Краснодарского края для привлечения казачества практиковалась выдача семьям добровольцев денежного вознаграждения в 500 руб. «Особо преданные» казаки зачислялись в разряд «нового казачества», представители которого получали дополнительный земельный надел в 1 га на человека и по две лошади на хозяйство. Им также на 50 % снижали налоги. Жителей, отказавшихся вступить в ряды вермахта, подвергали различным притеснениям. Но незначительный приток добровольцев вынудил немецкое командование приступить к проведению мобилизационных мероприятий. Мобилизация осуществлялась через старост станиц под контролем немецких комендатур. Все уклонившиеся подвергались репрессиям вместе с членами своих семей. Так удалось

¹ Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 126.

² Веремеев Ю. Указ. соч.

³ Воскобойников Г.Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1993. С. 103.

набрать в казачьи части молодежь 1925–1926 г.р.¹ Тем не менее оккупационные власти не сумели полностью решить проблему личного состава «восточных» войск за счет местных жителей, и большинство коллаборационистов в вооруженных формированиях Третьего рейха составили военнопленные.

Все советские граждане (добровольцы, мобилизованные, военнопленные) включались в состав «восточных войск», позже переименованных в «добровольческие». Условия их формирования и порядок несения службы регулировало специальное «Положение о местных вспомогательных силах на Востоке», утвержденное Главным командованием сухопутных войск 16 августа 1942 г. Личный состав «восточных войск» получал в среднем 240 руб. в месяц, командиры – 465 руб. В казачьих частях холостым солдатам платили 250 руб., женатым – 300 руб. в месяц². Несмотря на многочисленные декларации об обращении с «добровольцами» как с равными союзниками, их оснащение и снабжение оказалось хуже, чем немецких войск. Многие «восточные войска» перешли на самообеспечение, обирая местное население.

Сами немцы обычно невысоко оценивали боевые качества «добровольческих» частей и редко им доверяли. Подразделения легионов придавались немецким частям, в каждую роту добавлялось до 30 немецких автоматчиков. Легионерам не указывали передний край советских войск и не объявляли боевую задачу. Взаимоотношения немецких солдат и «добровольцев» характеризуют слова пленного ефрейтора И.-М. Швейгера: «Общее мнение солдат таково, что все эти иноземные части в первый же удобный момент изменят и начнут стрелять в спину немецким солдатам»³. Действительно, по прибытии на фронт «добровольцы» часто переходили на сторону советских войск. Поэтому в 1943 г. немецкое командование приняло решение перевести наиболее надежные части в Западную Европу и на Балканы, а ненадежные расформировать. Наиболее надежными были формирования, созданные на добровольческой основе и из числа перебежчиков.

Задачи управления захваченными территориями и необходимость их использования в интересах Третьего рейха также обуславливали необходимость привлечения отдельных категорий советского населения к сотрудничеству с оккупационными властями. В качестве таковых германское руководство рассматривало «фольксдойче», а также многочисленные группы граждан, недовольных советской властью. Однако по постановлению Государственного комитета обороны СССР от 21 сентября 1941 г. граждане немецкой национальности были выселены на восток страны.

Гораздо более успешной могла быть идея привлечения к сотрудничеству с оккупационными властями всех недовольных советских граждан. Накануне войны в СССР было немало людей, в той или иной мере несогласных с действиями его руководства или пострадавших от них. Революция и Гражданская война, коллективизация и раскулачивание, национальная и религиозная политика, массовые репрессии и депортации создавали достаточно причин для недовольства советским режимом. Поиск «врагов народа» усиленно продолжался и в годы войны, а предпочтение в средствах укрепления тыла традиционно отдавалось карательным методам.

Многие выходцы из зажиточных слоев населения, офицеры, служившие в царской или белой армиях, раскулаченные, а также члены их семей действительно ока-

¹ ЦДНИКК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 3. Л. 10–11.

² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 743. Л. 2–3.

³ Кавказ. 1942–1943 годы: героизм и предательство // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 36.

зались в рядах коллаборационистов. В большинстве своем они имели основания для недовольства советским режимом, противостояние которому порой скрывалось за внешним конформизмом. Часть из них, по-видимому, рассчитывала на изменение существовавших порядков при помощи немцев и сознательно шла на сотрудничество с оккупантами. Так, бургомистр Майкопа Н.В. Палибин до революции был присяжным поверенным округа Московской судебной палаты, в звании поручика находился на фронте во время Первой мировой войны, с августа 1918 г. оказался в Добровольческой армии. В СССР жил по подложным документам, являлся членом коллегии защитников Кубанской области. Но в 1935 г. был «вычищен» и лишен возможности работать адвокатом¹. В Краснодаре шефом полиции стал бывший царский полковник Белый², атаманом Апшеронского района – раскулаченный Калашников³. При первой же возможности вступил в ряды немецкой армии И.П. Пелипенко из станицы Анастасиевской, переживший раскулачивание и голод 1933 г.⁴

Однако далеко не все репрессированные и недовольные советской властью граждане оказались в рядах коллаборационистов. От сотрудничества с немцами многих оттолкнул характер осуществлявшейся оккупационной политики, а также патриотические чувства. Некоторые «бывшие» приняли активное участие в организации сопротивления оккупантам. Казак К.Н. Чуприна, служивший в свое время в белой армии, стал атаманом станицы Пашковской с ведома партизан и выполнял их различные задания, в частности снабжал необходимыми документами⁵.

Следует согласиться с итальянским историком Дж. Боффа, который считает главным фактором, побудившим советских граждан к сотрудничеству с оккупантами, «элементарный шантаж голодом». По его словам, *«тот, кто хотел иметь хоть какую-то еду, должен был работать на оккупантов... для многих то был единственный способ утолить голод и сохранить жизнь»*⁶. Показателен доклад управляющего одного из предприятий о том, что *«без столовой на производстве невозможно удерживать рабочих»*, ибо последние стремятся перейти на предприятия, где организовано питание⁷.

Действительно, система снабжения жителей оккупированных территорий, особенно горожан, испытывала значительные трудности. Зарплата теряла свое значение как основной источник средств существования, да и она на ряде предприятий выдавалась лишь изредка. Побывав в Майкопе, партизанская разведка сообщила: *«Населению города хлеба не выдают. Рабочим, работающим на заводах, не платят денег»*⁸. По воспоминаниям рабочего краснодарского предприятия «Главмаргарин» В.М. Васина, ему в период оккупации лишь дважды выплатили зарплату, *«да и то оккупационными марками, на которые ничего нельзя было купить... Спасали кое-какие запасы, в основном – кукуруза»*⁹.

¹ См.: Палибин Н.В. Записки советского адвоката. 20-е – 30-е годы. Париж, 1988.

² Иванов Г.П. В годы суровых испытаний. Краснодар, 1967. С. 146.

³ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 2. Д. 7. Л. 18.

⁴ Казачий словарь-справочник. М., 1992. Т. 2. С. 273.

⁵ Давыдов С., Погорелов И. Испытание на прочность // Партизанские были. Краснодар, 1975. С. 143–144.

⁶ Боффа Дж. История Советского Союза. М., 1994. Т. 2. С. 108.

⁷ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 3. Л. 109.

⁸ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 902. Л. 6.

⁹ В оккупации // Вольная Кубань. 1995. 18 марта.

Служащие более стабильно получали заработную плату. Городской врач Новороссийска Архипов докладывал, что городская управа установила для врачей ставки в 600 и 700 руб. в месяц, из расчета окладов 1935–1936 гг., для среднего медперсонала от 225 до 265 руб. в месяц, из расчета окладов 1939 г. Но *«до прихода германских войск заработок врачей был выше. Врач со стажем 10 лет по двум совместительствам зарабатывал 1000–1200 руб.»* В то же время дороговизна жизни в Новороссийске, по его словам, выросла в 5–8 раз, и врачи очень нуждались. Позже главный врач Кубани отдал распоряжение начислять заработную плату медицинским работникам, исходя из советских окладов с 50-процентной надбавкой (для низкооплачиваемых категорий – 100 %), а высококвалифицированным кадрам установить персональные ставки. Для работников прифронтовых районов, где дороговизна жизни была еще выше, ставки повышались¹.

В привилегированном положении по сравнению с основной массой населения оккупированных районов находились представители местной администрации и полиции. Они получали стабильную зарплату, продовольственные пайки, имели другие преимущества. В частности, столовая для сотрудников краснодарской городской управы в ноябре 1942 г. получала мясо по цене 30 руб. за 1 кг, в то время как городской больнице приходилось платить за него на рынке по 50–60 руб.²

Поэтому служба в административных учреждениях и полиции представлялась хорошей возможностью для обогащения и реализации различных жизненных планов: удовлетворения личных и профессиональных амбиций, карьерных побуждений, сведения счетов и т.д. Она обещала покровительство и защиту оккупационных властей. Именно эти причины, в первую очередь, объясняют приток добровольцев на различные административные должности на оккупированной территории. Многие хозяйственные руководители и служащие советского аппарата продолжали работать на тех же должностях или выполнять близкие прежним служебные обязанности. Старший агроном Гражданской МТС Рудь стал начальником районного сельхозуправления, а агроном краевого земельного отдела при семеноводческом колхозе «Политотделец» Кралин – директором и агрономом МТС имени Кочубея. Районный ветврач В.И. Новикова работала в период оккупации в прежней должности. За хорошую работу оккупационные власти предоставили ей корову, телку, 4 овцы. Многие преподаватели немецкого языка служили переводчиками в комендатурах³.

При анализе мотивов коллаборационизма следует учитывать растерянность и страх, охватившие часть населения в результате неожиданной оккупации. После освобождения города секретарь Майкопского горкома ВКП(б) Ф.В. Ключко признался в том, что некоторые коммунисты упрекали его: *«Зачем вы нас здесь бросили»*. Действительно, многие жители просто не смогли выехать, *«ведь никто не знал, что 9 августа город будет сдан»*. Из 900 членов и кандидатов городской парторганизации на оккупированной территории осталось 228 чел. Оказавшись в критической ситуации, многие жители, в том числе и коммунисты, увидели в коллаборационизме реальный шанс для спасения себя и своей семьи от физической расправы, голода и лишений. Майкопский коммунист Брантов, став заведующим районным финансовым отделом, *«собрал 1 миллион денег у населения для немцев»*. Кандидат в члены

¹ ГАКК. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 18. Л. 3–4. Д. 19. Л. 72–73.

² Там же. Л. 62.

³ ЦДНИКК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 23. Л. 130.

партии Боков служил полицейским. Директор городского промкомбината И.И. Тийк, член партии с 1914 г., служил переводчиком в полиции¹.

В Шовгеновском районе Адыгейской автономной области из 185 членов и кандидатов партии на оккупированной территории осталось 97 чел., из них 49 чел. впоследствии исключили «за активную работу на оккупантов, измену Родине и предательство». Дезертировали из партизанского отряда и добровольцами вступили в немецкую армию коммунисты уполномоченный уголовного розыска А.А. Хакунов и районный прокурор А.Я. Хуштоков². Несмотря на предоставленный для эвакуации транспорт, самовольно остался в ауле Старый Бжегокай редактор Тахтамукайской районной газеты «За сталинский урожай» Г.А. Барчо, член ВКП(б) с 1927 г. Допрошенный следователем гестапо, он признался в работе в редакции и членстве в партии, а затем по его заданию исполнял обязанности эфенди в мечети³. Бывший агроном Адыгейского областного земельного отдела В. Курбатов в газете «Майкопская жизнь» клеймил «безмозглого Сталина» и «драконовскую эпоху рабско-крепостнического колхозного рая», заявляя, что теперь Адыгея «освобождена от клещей красного дракона»⁴.

Таким образом, в числе коллаборационистов по разным мотивам оказались представители самых различных социальных слоев – от прежних руководителей партийных, советских, хозяйственных органов и рядовых коммунистов до уголовных преступников, осужденных за убийства, взяточничество, хищения. Начальником Апшеронского районного полицейского управления стал Могожохов, бывший заведующий заготконторой Утильсырья, ранее осужденный на 8 лет за убийство⁵.

Идейные побуждения и страх перед оккупантами, с одной стороны, угроза физической расправы со стороны партизан и растущее недовольство оккупационной политикой – с другой, оказывали влияние на отношение коллаборационистов к выполнению своих служебных обязанностей. Часть из них «верой и правдой» служила новым властям. «Не будь я Миронов, если не поймаю бандита Свердлова⁶ и не поставлю его на колени перед господином комендантом!» – поклялся шеф полиции поселка Тульского, бывший директор школы⁷. Порой действия старост и полицейских отличались даже большей жестокостью в отношении населения, чем поведение солдат оккупационных войск, что нашло свое отражение в воспоминаниях очевидцев.

Однако значительная часть коллаборационистов оказалась ненадежным союзником оккупантов. По воспоминаниям партизан, когда они предложили сотрудничество старосте станицы Даховской И.М. Луценко, тот ответил, что «не против выполнять наши задания, но боится немцев». Партизаны «не трогали труса, но и он не выдавал фашистам наших людей»⁸. Специальным приказом по Анапской районной больнице запрещалась выдача справок об освобождении от службы полицейским без специаль-

¹ ХДНИ ГУНАРА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 9, 39.

² Там же. Д. 3. Л. 38, 38об.

³ Там же. Л. 55об.

⁴ Курбатов В. Расходятся черные тучи // Майкопская жизнь. 1942. 15 октября.

⁵ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 2. Д. 7. Л. 18.

⁶ Я.Р. Свердлов – командир Тульского партизанского отряда «За Родину!»

⁷ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 890. Л. 3.

⁸ Там же. Д. 1151. Л. 21.

ного направления от их начальства «ввиду выявленных злоупотреблений»¹. Староста хутора Круглого учитель Журавлев на вопрос о том, как занял эту должность, ответил: «Хуторяне выбрали... Не мог отказаться... А у меня жена и двое детей»². При встрече с партизанами он накормил их и оказал другую помощь, но не ушел в лес из-за семьи.

Были среди коллаборационистов и те, кто пошел на сотрудничество с оккупантами, выполняя задания подпольных органов. Добровольно вступили в 1-ю комендантскую роту 617-го охранного батальона советские военнопленные В. Юнашев, Г. Сечиокно, Г. Вдовиченко и другие члены подпольной группы С. Островерхова в Новороссийске. Получив доступ к служебной документации, пропуск в запретную зону и право ношения оружия, они выполняли различные поручения руководителей подполья, в том числе арестовывали и расстреливали как «большевистских агентов» лиц, активно сотрудничавших с оккупантами³. В сентябре 1942 г. полицейский А. Никулин расклеил сводки Совинформбюро в помещении полиции станицы Даховской. Увидев их утром у себя в канцелярии, начальник полиции С. Горбов, «перепугавшись, сбежал из Даховской, полицию немцы разогнали, назначив нового начальника»⁴.

Отсутствие контроля над деятельностью органов местной власти, низкая степень их ответственности, господство силы над правом и законом порождали массовые случаи злоупотребления ее представителей своим служебным положением. В приказе по Абинской районной управе № 34 от 18 октября 1942 г. сообщалось, что получившие ордера на обыск полицейские отбирали у населения «вещи домашнего обихода, одежду и прочее». У бухгалтера Бердникова «взяли литр спирта и распили», у бухгалтера Ватаева «взяли два набора на сапоги»⁵. Бургомистр потребовал рассматривать такие поступки как «мародерство, подрывающее авторитет местных органов управления и германской власти» и приказал виновных снимать с работы и передавать особому отделу С-1. Власти пытались бороться со злоупотреблениями, но их массовый характер свидетельствовал о том, что корни данных явлений объяснялись более глубокими обстоятельствами, чем личные качества тех или иных служащих.

Представители германского командования также неоднократно пресекали неправомочные действия местной администрации. Сельскохозяйственный комендант Кореновского района Краснодарского края, получив сведения о том, что члены станичных и хуторских управ, «а особенно чины полиции», без ведома руководителей берут любых рабочих лошадей, «чрезмерно эксплуатируют их и возвращают нетрудоспособными», потребовал прекратить подобные действия. Он угрожал старостам, «замеченным на работе пьяными», наказанием в виде штрафа, снятия с должности, ареста на 30 суток⁶.

В ряде случаев немецкие военнослужащие даже защищали местное население от произвола старост и полицейских. Немецкое командование в целом вообще скептически относилось к местной администрации. Любые проявления самостоятельности с ее стороны прямо пресекались, часто в унижительной форме. Действия местных властей обычно дублировали решения немецких органов. Основаниями для многих

¹ ГАКК. Ф. Р-1255. Оп. 1. Д. 1. Л. 206.

² ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 899. Л. 11.

³ Иванов Г.П. Указ. соч. С. 232–233.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1151. Л. 21.

⁵ ГАКК. Ф. Р-493. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 58, 60.

постановлений гражданской администрации являлись приказы немецких комендантов. Солдаты и офицеры вермахта прямо демонстрировали пренебрежительное отношение не только к старостам и полицейским, но и к членам управ и бургомистрам. Военное командование издавало специальные приказы, в которых обещало подвергнуть наказанию немецких военнослужащих, виновных в проявлении «*несправедливых действий*» против служащих полиции и вспомогательных вооруженных формирований¹.

Отношение самих жителей к новым властям характеризует типичный эпизод, происшедший в Абинском районе. Не пропущенная на склад с зерном ввиду отсутствия пропуска приемщица Калида заявила часовому казаку Мисько и начальнику районной казачьей жандармерии Косменко: «*Надели на свои рукава тряпки и командуют!*»² Массовые злоупотребления своим положением, мародерство и бесправие в отношениях с немцами дискредитировали местную администрацию в глазах населения.

По-видимому, наряду с выделением форм коллаборационизма (политическое, военное, экономическое, административное сотрудничество) имеет смысл выделять его типы: коллаборационизм «сознательный», связанный с неприятием советского государства, осознанным желанием содействовать оккупантам в той или иной форме, и коллаборационизм «вынужденный», определявшийся внешними по отношению к субъекту обстоятельствами (иными словами, коллаборационизм «сердца» или «желудка»), а также «псевдоколлаборационизм» – сотрудничество с противником для выполнения диверсионных, разведывательных и других задач сопротивления. Можно также говорить об активных и пассивных формах сотрудничества. Все эти градации очень условны, но их использование позволяет анализировать мотивы сотрудничества с врагом, говорить о различных проявлениях коллаборационизма.

В самом деле, различную роль в событиях военных лет играли сотрудники местных управ, не только выполнявшие приказы германского командования, но и способствовавшие нормализации жизни на захваченной территории, крестьяне, собиравшие урожай, часть из которого сдавали оккупационным властям, и члены национальных комитетов, участники карательных акций. Среди них, например, Ч. Сообцоков, вступивший добровольцем в 800-й батальон и командовавший расстрелами своих земляков, жителей аулов Эдепсукай и Джиджихабль. В 1944 г. он окончил военную школу в Берлине и получил звание оберштурмфюрера СС, соответствующее армейскому званию обер-лейтенанта³.

По-разному вели себя отдельные полицейские даже в одном и том же населенном пункте. В воспоминаниях очевидцев оккупации отмечалось, что «*полицай были разными: кто зверь, а кто – человек*»⁴. После освобождения жители нередко ходатайствовали перед следственными органами об уменьшении наказания для тех полицейских, которые вели себя лояльно по отношению к населению, и, напротив, указывали на тех, кто отличался особой жестокостью. Впрочем, последние редко дожидались прихода советских войск и стремились скрыться вместе с оккупантами, понимая неизбежность наказания и опасаясь за свою судьбу.

¹ Гриднев В.М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики 1941–1944. М., 1976. С. 85.

² ГАКК. Ф. Р-469. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

³ Молчанов В. Эсэсовец из ЦРУ // Комсомольская правда. 1981. 5 июля.

⁴ В оккупации // Вольная Кубань. 1995. 18 марта.

В целом развитие событий на захваченной советской территории оттолкнуло многих потенциальных сторонников оккупационного режима. Положение коллаборационистов характеризует факт, приводимый в одном из партизанских документов: «С вступлением в Новороссийск немецких войск прибыло домой 6 изменников, у которых румыны на глазах изнасиловали жену и дочь одного изменника, после чего они собрались уходить в лес для борьбы против оккупантов»¹. Попытки создания прочной социальной опоры режиму не имели никаких перспектив, а подъем сопротивления и поражения вермахта на фронте заставляли даже активных противников советской власти задуматься о целесообразности дальнейшего сотрудничества с оккупантами.

Выбор стратегии выживания, не ограничивавшийся рассмотренными практиками, зависел от самых разнообразных обстоятельств – преданности и полезности правящему режиму, занимаемой должности и наличия разветвленной системы служебных связей, ценностных представлений и моральных ориентиров, степени переносимости физиологических и психологических тягот. В зависимости от складывавшихся условий существования люди прибегали к различным формам поведения: кто-то уповал на помощь государства, кто-то самостоятельно решал стоявшие перед ним проблемы. Однако и в том и другом случае человек оказывался в довольно сложной, зачастую пограничной ситуации, заставлявшей его принимать конкретное решение, которое не всегда оказывалось созвучным общественным и властным ожиданиям. Наличие этого разрыва между должным и приемлемым не являлось отличительной особенностью советского общества. Тем не менее именно в нем оно получило свое наиболее широкое распространение. Аномальные стратегии выживания оказались не только ответной реакцией на несовершенство советской хозяйственной и политической системы, но и свидетельствовали об ограниченности адаптационных возможностей самого человека, зачастую становившегося на путь взяточничества или предательства. При этом не только чрезвычайный характер самих обстоятельств вынуждал человека совершать неблагоприятные поступки. Они во многом оказывались результатом его внутренней готовности переступить черту дозволенного. Именно эта готовность становилась источником превращения стратегий выживания в практики наживы и обогащения. К сожалению, возможности исторической науки в определении критических точек такого рода трансформаций пока еще весьма ограничены.

¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 623. Л. 130.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

История советского повседневья, о которой так много и охотно говорится в последнее десятилетие, начала обретать свои зримые черты лишь сравнительно недавно. За столь небольшой промежуток времени она успела превратиться не только в полноправное научное направление, но и стать настоящей интеллектуальной Меккой для той части профессионального сообщества, которая открыла для себя иную историю советского прошлого. Историю, в пространстве которой сопрягались героические будни социалистических новостроек и горькое разочарование аскетичностью советского быта; пафос высокого предназначения человека труда и «низменность» проявлений его будничных потребностей; чистота помыслов построения светлого будущего и довольно неприглядные практики их жизненного воплощения. Необходимость освоения этого плохо поддающегося единому охвату безбрежья человеческого существования уже вызвала определенные методологические трудности и породила ряд довольно любопытных теоретических проектов его осмысления. Повседневность все чаще признается единственно возможным выражением полнокровной жизни человека, вбирающей в себя все возможные траектории его развития.

Ощутимые прорывы в постижении повседневного мира советского человека связаны и с исследовательской реабилитацией источников личного происхождения, возможности и перспективы использования которых только начинают по достоинству оцениваться. Разрозненные и бескорыстные усилия не одного поколения современников, оставивших нам многочисленные описания плохо поддающихся рациональному пониманию поступков и помыслов людей того времени, становятся полноправными участниками современного историографического процесса. В его границах они не только приобретают статус величин, равнозначных крупномасштабным событиям советской эпохи, но и живут собственной самостоятельной жизнью. Ее ритм и причудливая размеренность порою свидетельствуют о явлениях куда более глубокого свойства, чем кажется на первый взгляд. Именно в пространстве повседневности и достигается понимание тех «неудобных» жизненных ситуаций, которые не могут быть прояснены средствами «высокой» исторической науки.

Наиболее отчетливо все «неудобство жизни» людей советского времени отразилось в эпохе 1920–1940-х гг., когда неистребимая вера в скорую счастливую жизнь поколения «революционных романтиков» разбилась о будни строительства нового мира. О том, каким образом происходила смена этих ощущений на уровне повседневного существования человека в условиях грандиозных социальных преобразований и военных потрясений, собственно, и должна была рассказать читателю представляемая книга. За ее пределами оказалось множество сюжетов, которые с той же степенью полноправности могли бы быть рассмотрены на ее страницах. Тем не менее ограничив свой выбор, с одной стороны, наименее разработанными в литературе темами, с другой – привычными проявлениями повседневности, авторский коллектив попытался решить две принципиально важные исследовательские задачи. Разобраться в том, что же собой представлял повседневный мир советского челове-

ка эпохи раннего тоталитаризма и каким образом он встраивался в пространство «большой» истории, стремящейся придать ему соответствующие идеологическим представлениям времени формы.

В процессе работы с различного рода документальными свидетельствами выяснилось, что повседневность как раз и оказалась той сферой человеческого существования, где внешний контроль и регламентация распорядка действий спокойно уживались с устоявшимся и привычным образом жизни. Нередко замещая и компенсируя друг друга, они в конечном итоге стали той стратегией выживания, которая помогала людям разного достатка и убеждений переносить им материальные трудности и идейные разочарования эпохи. Повседневность с ее рутинной обыденностью времяпрепровождения амортизировала не только бытовые, но и политические нововведения власти, предоставляя населению существовать как бы в двойном измерении – старого привычного окружения и нарождающегося нового мира. Недаром, оказавшись на передовой или на строительстве очередного гиганта советской индустрии, люди стремились обустроиваться «по старинке», не охотно следуя канонам социалистического общежития, а обзаведясь «должностью и портфелем», стремились к восполнению дефицита существования старинными дедовскими способами.

Сознательно отказавшись от сюжетов, связанных с выживанием голодавших деревень, спецпоселений и нацистских концлагерей, отражавших наиболее критические моменты существования советского человека, мы получили возможность рассмотреть нормальное состояние советского общества, воспринимавшееся непосредственными очевидцами периодом некоего исторического замешательства, соединившего в себе идеалы социальной справедливости и неприглядности существования подавляющего большинства населения. Показательно, что бытовые трудности и массовые разочарования в эпохе грянувшего эгалитаризма, находившие свое воплощение в различного рода сигналах во власть, не стали для советских граждан поводом к ее смещению. Напротив, многие из них, оказавшись перед необходимостью трудного, зачастую пограничного выбора, научились обходить ее запреты, приспособляясь к требованиям времени и умело лавируя между высоким чувством долга и практическими потребностями выживания. Ставя человека в порой невыносимые условия существования, власть в конечном итоге мирилась с его прегрешениями, оставляя за собой право определения пределов и форм их проявлений. Так, если на злоупотребления служебным положением власть часто «закрывала глаза», то за дезертирство и саботажничество с противником карала по всей строгости военного времени.

Многоликость проявлений советской повседневности и присутствие в ней «осколков» прежней, никуда не уходящей жизни заставляет задуматься над вопросами почти онтологического свойства: насколько глубоки и органичны оказались происходившие в обществе перемены? Насколько и каким образом изменилась социальная природа человека? Ограниченность находившихся в нашем распоряжении источников, их фрагментарный и зачастую односторонний характер, не позволяющий проследить дальнейшие судьбы конкретных людей и их претензии к власти, придают ответам на поставленные вопросы весьма относительный характер. При этом с большей долей вероятности можно заключить, что мир чувств советского человека, несмотря на повышенный эмоциональный накал их проявлений, особых изменений не претерпел; не изменились по существу и стратегии его выживания. Вместе с тем нельзя не отметить и присущее этому времени чувство сопричастности простого человека, рядового труженика к становящейся на его глазах новой реаль-

ности. Ощущение исторической значимости своей деятельности было сильнейшим мобилизационным механизмом, заложенным в советском проекте. Безусловно, это ощущение поддерживалось разветвленной системой политических и идеологических институтов власти; механизмом репрессивных и принудительных кампаний. Тем не менее политика (в большевистском понимании «непосредственной демократии») так и не стала неотъемлемой частью жизни советских людей, несмотря на предпринимавшиеся усилия советского руководства. Как правило, она заканчивалась там, где начиналась обычная жизнь с ее семейными заботами, бытовыми неурядицами и необходимостью удовлетворения потребностей человека в семейном уюте, дружеском участии и простой радости от покупки желанной вещи.

В свое время для характеристики Российской империи американский историк Альфред Рибер предложил термин «общество осадочных пород» (*sedimentary society*), подчеркивая тем самым то обстоятельство, что проводимые в ней реформы не меняли до основания социального устройства страны. Повседневный мир для советского человека образца 1920–1940-х гг. до некоторой степени и стал теми осадочными породами, в толще которых перемалывались многочисленные нововведения, позволяя их сухому остатку спокойно уживаться с «гримасами» прошлого. Работая над книгой, пытаясь понять мотивы и логику действий людей того времени, мы научились главному: мерить советскую эпоху аршином тотальной несвободы или всеобщего равенства бессмысленно. Она гораздо разнообразнее и интереснее в своих проявлениях, далеко выходящих за рамки отведенного ей официальной историографией места. Надеемся, что в какой-то степени нам удалось передать это знание и читателю.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные фонды

Архив Научно-просветительского центра «Холокост»:

Ф. 9. Оп. 1. Д. 118.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК):

Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 18, 19.

Ф. Р-469. Оп. 1. Д. 4.

Ф. Р-493. Оп. 1. Д. 2.

Ф. Р-498. Оп. 1. Д. 3.

Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 3, 7, 14, 67, 74.

Ф. Р-1255. Оп. 1. Д. 1.

Ф. Р-1324. Оп. 1. Д. 3.

Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 10.

Ф. Р-1621. Оп. 1. Д. 2, 3, 5, 6, 10.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО):

Ф. Р-4408. Оп. 1. Д. 7.

Ф. Р-4451. Оп. 1. Д. 16.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ):

Ф. 1235. Оп. 43. Д. 62.

Ф. Р-7021. Оп. 16. Д. 550, 551, 561, 562, 583, 584.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК):

Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 9, 15, 16, 142.

Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея»
(ГУ НАРА):

Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 130, 320, 397.

Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 44, 69, 77, 133, 140, 157.

Ф. Р-19с/р41. Оп. 1. Д. 728–1052.

Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 20, 24, 33, 54, 63, 69, 84, 90, 92, 97.

Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1.

Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 2, 9.

Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 1, 8, 16, 22, 33, 90.

Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 29, 130.

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ):

Ф. 2157. Оп. 8. Д. 2, 34, 64, 66, 83.

Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 1–10.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ):

Ф. 1250. Оп. 2. Д. 194, 196.

Ф. 1348. Оп. 7. Д. 39.

- Ф. 2855. Оп. 1. Д. 38.
- Ф. 2931. Оп. 1. Д. 1202.
- Ф. 2933. Оп. 1. Д. 1532.
- Ф. 3260. Оп. 1. Д. 55.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ):

- Ф. 17. Оп. 88. Д. 60, 126. Оп. 125. Д. 117, 125, 142.
- Ф. 69. Оп. 1. Д. 623, 743.
- Ф. 625. Оп. 1. Д. 7.
- Ф. 644. Оп. 1. Д. 26.
- Ф. М-1. Оп. 32. Д. 95, 174, 260.
- Ф. М-7. Оп. 1. Д. 262, 263, 494, 1391, 1394, 1773, 2588, 3567, 4333, 6146.
- Ф. М-33. Оп. 1. Д. 69, 169, 291, 292, 318, 354, 360, 369, 369а, 369б, 1208, 1400, 1407, 1442, 1446, 1454.

Хранилище документации новейшей истории Государственного учреждения «Национальный архив Республики Адыгея» (ХДНИ ГУ НАРА):

- Ф. 1. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 7, 28, 91, 130, 181, 201, 202, 234, 235, 238.
- Ф. П-1123. Оп. 2. Д. 581.

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ):

- Ф. 228. Оп. 710. Д. 59, 212, 748. Оп. 748. Д. 7.
- Ф. 3565. Оп. 1. Д. 4, 9, 11.
- Ф. 3586. Оп. 1. Д. 2, 3, 24.

Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ):

- Ф. 8288. Оп. 1. Д. 14, 15.

Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики (ЦДНИ КБР):

- Ф. Р-972. Оп. 3. Д. 404–410.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК):

- Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 386, 486, 591, 654.
- Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 451, 690, 890, 899, 902, 1151, 1186, 1230, 1234.
- Ф. 4372. Оп. 1. Д. 3, 23.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО):

- Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 16, 17.

Публикации документов

Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М., 2004.

Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М., 2011.

Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 26.

Вокруг статьи Троцкого «Уроки Октября» (октябрь 1924 – апрель 1925 г.) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 7.

1941 год: в 2 кн. Кн. 2. М., 1998.

Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1930–1940 годах: сб. документов. Ставрополь, 2010.

Законодательные и административно-правовые акты военного времени: с 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М., 1942.

Кавказ. 1942–1943 годы: героизм и предательство // Военно-исторический журнал. 1991. № 8.

Кожурин В.С. Народ и власть (1941–1945 гг. Новые документы). М., 1995.

Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. Кн. 2. Ч. 1. 1943 год. 2-е изд. Краснодар, 2005.

Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...». Т. 1. Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939–1949 гг.). Очерки и документы. Вологда, 2009.

Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. СПб., 1995.

Москва военная 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995.

Немцы на улицах Москвы: год 1944-й // Отечественные архивы. 1997. № 4.

О борьбе со спекуляцией. Сборник законов, постановлений правительства, инструкций, ведомственных приказов, постановлений и определений Верховных судов СССР и РСФСР. М., 1939.

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17–6 (1–2). Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1996.

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). М., 1994.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993.

Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1929. № 1.

Собрание законодательства СССР. М., 1932. № 62, 65.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1918. № 90.

Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003.

Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007.

Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000.

Уголовный кодекс в редакции 1926 г. М., 1927.

Опубликованные воспоминания, мемуары, письма

Андреев Л.Г. Философия существования. Военные воспоминания. М., 2005.

Берненко Ю. Тяжкий сон остался позади // Майкопские новости. 1993. 19 января.

«Весь народ сильно сдал телом»: Война и советский тыл глазами инженера И.А. Харкевича // Российская история. 2009. № 6.

«Птицегонство надоело до смерти...» (Из дневника И.И. Литвинова. 1922 г.) // Неизвестная Россия. XX век. Книга четвертая. М., 1993.

- «Я пишу последнее, быть может...»: Письма с фронта. Омск, 1994.
В оккупации // Вольная Кубань. 1995. 18 марта.
Ванденко А. Дно великой войны // Итоги. 2010. №18 (725).
Великая Отечественная в письмах. М., 1980.
Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения. Краснодар, 2010.
Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997.
Голубева-Терес О.Т. Ночные рейды советских летчиц. Из летной книжки штурмана У-2, 1941–1945. М., 2009.
Григорьев М.А. Петербург 1910-х годов. Прогулки в прошлое. СПб., 2005.
Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001.
Давыдов С., Погорелов И. Испытание на прочность // Партизанские были. Краснодар, 1975.
Деревенец А. Сквозь две войны. Записки солдата // Сквозь две войны, сквозь два архипелага... Воспоминания советских военнопленных и остовцев. М., 2007.
Дорога на Смоленск. Американские писатели и журналисты о Великой Отечественной войне советского народа. 1941–1945. М., 1985.
Дробязко С.Г. Путь солдата. С боями от Кубани до Днепра. 1942–1944. М., 2008.
Жукова Ю.К. Девушка со снайперской винтовкой. Воспоминания выпускницы Центральной женской школы снайперской подготовки. 1944–1945 гг. М., 2006.
Кондратьев В. Не только о своем поколении // Коммунист. 1990. № 7.
За нашу Советскую Родину! Воспоминания ветеранов – участников Великой Отечественной войны. Майкоп, 1995.
Из воспоминаний управляющего делами Совнаркома СССР Я.Е. Чадаева // Отечественная история. 2005. № 2.
Каргин Д.И. Великое и трагическое. Ленинград. 1941–1942. СПб., 2000.
Кацева Е. Мой личный военный трофей: мемуарная проза. М., 2002.
Козлов В.И. Великая Отечественная (воспоминания и размышления) // Молодая гвардия. 1997. № 7.
Кровью сердца. Петрозаводск, 1943.
Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Отцы-командиры. М., 2004.
Леванова Р.М. Мои воспоминания о Великой Отечественной войне // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2006. Вып. 2.
Левин И.И. Записки военного переводчика. 2-е изд. М., 1986.
Лето 1941-го. Между Гомелем и Брянском (Записки младшего лейтенанта) // Отечественная история. 2005. № 2.
Мальцев М.Н. «Верблюжья дивизия» штурмует Берлин. Миллерово, 2007.
Нагибин Ю. Дневник. М., 1996.
Наказ народа. М., 1943.
Немцы о русских. М., 1995.
Огненные строки. Письма с фронта и на фронт 1941–1945 гг. Ставрополь, 1985.
Палибин Н.В. Записки советского адвоката. 20-е – 30-е годы. Париж, 1988.
Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования. СПб., 2008.
Партизанские пословицы и поговорки. Курск, 1958.

Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 1947.

Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНМО»): сб. документов. Тамбов, 2005.

Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998.

Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 2002.

Письма гнева и ненависти. М., 1942.

Письма из войны: сб. документов. Саранск, 2010.

Письма из немецкого рабства. М., 1943.

Письма огненных лет // Кубань. 1972. № 7.

Письма патриотов. М., 1944.

Письма с фронта. 1941–1945. Сб. документов. Краснодар, 1983.

Письма с фронта. 1941–1945 гг. Сб. документов. Казань, 2010.

Письма с фронта. Алма-Ата, 1944.

Письма с фронта. Ашхабад, 1946.

Письма с фронта. Тамбов, 1943.

Письма с фронта. Ташкент, 1949.

Письмо Пунева Т.П. с фронта матери в с. Кугульта Ставропольского края // Воронежский вестник архивиста. Научно-информационный бюллетень. Воронеж, 2005. Вып. 3.

Пока стучит сердце: дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М., 1995.

Пыльцын А.В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. СПб., 2003.

Рабичев Л. «Война все спит»: мемуары, иллюстрации, документы, письма. М., 2008.

Рассказы детей Подмосковья о немецкой оккупации, записанные Комиссией ЦК ВКП(б) по составлению хроники Великой Отечественной войны. 1941 г. // Неизвестная Россия. XX век. Книга четвертая. М., 1993.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг // Военно-исторический журнал. 1989. № 6.

Семиряга М.И. Русские в Берлине. 1945 год // Международная жизнь. 1994. № 5.

Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1981.

Слуцкий Б.А. Записки о войне // Слуцкий Б.А. О других и о себе. М., 2005.

Соколов Б.Н. В плену. СПб., 2000.

Солдатские письма. М., 1965.

Солдатские письма: сб. документов. Саранск, 2005.

Соловьев А.Г. Тетради красного профессора (1912–1941 гг.) // Неизвестная Россия. XX век. Книга четвертая. М., 1993.

Сохрани мои письма...: Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 2007; Вып. 2. М., 2010.

Тажиудинова И.Г. Повседневность Великой Отечественной войны в дневнике сочинца А.З. Дьякова // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 4(18). 2011. № 1(19). № 2 (20).

Устная история в Карелии: сб. науч. ст. и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944). Петрозаводск, 2007.

- Фронтовые письма из калужских архивов: сб. документов. Калуга, 2010.
Чуковский К.И. Дневники (1901–1929). М., 1997.
Штейдле Л. От Волги до Веймара. М., 1973.
Это было на Ржевско-Вяземском плацдарме. Кн. 1. Ржев, 1998.
Я это видел... Новые письма о войне. М., 2005.

Художественные и публицистические произведения

- Алексиевич С. У войны не женское лицо... Документальная проза. М., 1988.
Гроссман В. Жизнь и судьба. М., 1988.
Имена на поверке. Стихи воинов, павших на фронтах Великой Отечественной войны. М., 1975.
Журавлев М.И. Революционная бдительность – драгоценное качество советского человека. М., 1944.
Как германские оккупанты уничтожали и громили наш народ в 1918 году. М., 1941.
Как русский народ бил немецких захватчиков. М., 1941.
Кубаткин П. Уничтожим шпионов и диверсантов. М., 1941.
Песков В. Дезертир // Шаги по росе. М., 1963.
Симонов К.М. Живые и мертвые: роман. В 3 кн. М., 1989.
Сквозь время: Стихи поэтов и воспоминания о них. М., 1964;
Слуцкий Б. Избранное (1944–1977). М., 1980.
Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. М.; Л., 1965.
Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. Стихотворения и поэмы. СПб., 2005.
Стихи остаются в строю. М., 1958.
Твардовский А.Т. Василий Теркин. Теркин на том свете. М., 2010.
Шолохов М.А. На Юге // Собр. соч. Т. 8. М., 1959.
Шолохов М.А. Наука ненависти // Собр. соч. Т. 8. М., 1959.
Эренбург И. Война. 1941–1945. М., 2004.
Эренбург И. Летопись мужества. Публицистические статьи военных лет. 2-е доп. изд. М., 1983.

Полевые материалы

- Воспоминания Емтыль М.Г., 1928 г.р., записаны Е.Ф. Кринко в г. Майкопе 25 февраля 2000 г.
Воспоминания Есипенко Л.В., 1928 г.р., записаны Е.Ф. Кринко в п. Краснооктябрьском Майкопского района 7 июля 1994 г.
Воспоминания Пихтиревой Р.П., 1930 г.р., записаны Е.Ф. Кринко в п. Краснооктябрьском Майкопского района Республики Адыгея 7 июля 1994 г.
Воспоминания Синюгина П.В., 1924 г.р., записаны Е.Ф. Кринко в г. Майкопе 19 ноября 2001 г.
Воспоминания Трепет Е.А., 1928 г.р., записаны Е.Ф. Кринко в п. Краснооктябрьском Майкопского района Республики Адыгея 7 июля 1994 г.

Воспоминания Тупыленко Н.А., 1923 г.р., записаны Е.Ф. Кринко в г. Майкопе 5 ноября 2001 г.

Воспоминания Фроловой Л.М., 1923 г.р., записаны Е.Ф. Кринко в г. Майкопе 26 мая 2002 г.

Воспоминания Чуканова В.М., 1925 г.р., записаны Е.Ф. Кринко в г. Майкопе 27 июля 2002 г.

Исследования

Монографии

Андреева А.Ю., Богомолов Г.И. История костюма: эпоха, стиль, мода. СПб., 2001.
Артемев В.А. Социальное время: прикладные и теоретические аспекты исследований (часть 1: предыстория и 1920–1930 гг.). Новосибирск, 2004.

Багдасарян В.Э., Орлов И.Б. Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX-й. М., 2005.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. М., 2002.

Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. М., 1994.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.

Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 60.

Воскобойников Г.Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1993.

Гинзбург Л.Я. Человек за письменным столом. Л., 1989.

Гланц Д. Восставшие из пепла. Как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы. М., 2009.

Голдман В. Террор и демократия в эпоху Сталина: социальная динамика репрессий. М., 2010.

Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996.

Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920-е – 1940-е годы. М., 2008.

Гражданская война 1918–1921 гг. М., 1928.

Гриднев В.М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики 1941–1944. М., 1976.

Гурова О.Ю. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М., 2008.

Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М., 1963.

Де Ионг Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958.

Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.

Емтыль Р.Х. Социально-экономическое и культурное развитие адыгейского аула (1920-е годы). Майкоп, 2003.

Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электростанционного завода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000.

Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1869.

Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1895.

Зайцев В.П., Туков В.В. Участие органов внутренних дел Кубани в битве за Кавказ в годы Великой Отечественной войны. Краснодар, 2007.

Зинич М.С. Будни военного лихолетья. 1941–1945. М., 1994.

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999.

Зефирова М.В., Дёгтев Д.М. Все для фронта? Как на самом деле ковалась победа. М., 2009.

Иванов Г.П. В годы суровых испытаний. Краснодар, 1967.

Илизаров Б.С. И слово воскрешает... или «Прецедент Лазаря». 25 тезисов и развернутое дополнение к светской теории воскрешения. По материалам Народного архива. М., 2007.

Ильюхов А.Л. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. М., 2007.

История и историки. 2004. М., 2005.

История советского крестьянства: в 5 т. Т. 3: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. М., 1987.

История советского рабочего класса: в 6 т. Т. 3: Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.). М., 1984.

История социалистической экономики СССР: в 7 т. Т. 5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. М., 1978.

Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004.

Кислицын Н.Г. Ленинград не сдаётся. М., 1995.

Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М., 1996.

Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.

Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингвосоциологического чтения. М., 1996.

Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.

Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1994.

Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000.

Кринко Е.Ф. Майкопские партизаны. Майкоп, 2007.

Ле Руа Ладюри Э. Монтайю. Екатеринбург, 2001.

Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб., 2006.

Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003.

Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2003.

Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010.

Маркевич А.М., Соколов А.К. «Магнитка близ Садового кольца»: стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005.

Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне 1941/1942 гг., 1943 г. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2011.

Миллер А. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008.

Мининков Н.А. Николай Леонардович Янчевский: историк, писатель, революционер. Ростов н/Д, 2007.

Министерство внутренних дел Республики Бурятия. На страже общественного порядка Бурятии. Улан-Удэ, 2002.

Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001.

Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939–1941. М., 1997.

Невежин В.А. Советская пропаганда и идеологическая подготовка к войне (вторая половина 30-х – начало 40-х гг.). М., 1999.

Невежин В.А. Если завтра в поход... М., 2007.

Олейников Д.И. Классическое российское западничество. М., 1996.

Орлов И.Б. Между «Царь-голодом» и «Товарищем Урожаем» (1921–1922 гг.) // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М., 2004.

Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2009.

Орлов И.Б., Юрчикова Е.В. Массовый террор в сталинской повседневности. М., 2010 и др.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1997.

Осокина Е.А. Золото для индустриализации: «ТОРГСИН». М., 2009.

Полетаев А.В., Савельева И.М. История и время: в поисках утраченного. М., 1997.

Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.

Потемкина М.Н. Эвакопоселение в Уральском тылу (1941–1948 гг.). Магнитогорск, 2008.

Пужаев Г.К. Кровь и слава Миуса. Таганрог, 2008.

Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: в 2 т. Краснодар, 2002.

Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси (историко-бытовые очерки XI–XIII вв.): сб. очерков. М.; Л., 1966.

Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001.

Сандомирская И. Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001.

Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991.

Сенявская Е.С. 1941–1945: Фронтное поколение: Историко-психологическое исследование. М., 1995.

Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

Синицын А.М. Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1985.

Соколов Б.В. Оккупация. Правды и мифы. М., 2002.

Солсбери Г. 900 дней. Блокада Ленинграда / Пер. с англ. М., 1993.

Сомов В.А. Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нижний Новгород, 2008.

Степанов М.Г. Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930-х – начале 1950-х гг. Абакан, 2006.

Сувениров О.Ф. 1937. Трагедия Красной Армии. М., 2009.

Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954. М., 1999.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Пер. с англ. М., 2001.

Фролов Ю. Изучение человека-бойца. М., 1926.

Хлынина Т.П. Социальная история советской Адыгеи: очерки политической антропологии. 1930-е годы. Майкоп, 2004.

Хлынина Т.П. Страницы социальной истории советской Адыгеи: повседневная жизнь населения области в 1920-е гг. Майкоп, 2005.

Хоффман Й. История Власовской армии. Париж, 1990.

Чугров С.В. Россия и Запад: метаморфозы восприятия. М., 1993.

Шнеер А. Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941–1945. М., 2005.

Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии / Пер. с нем. М., 2002.

Нариси повсякденного життя радянської України в добу непу (1921–1928 рр.): в 2 ч. К., 2009–2010.

Повоєнна Україна: нариси соціальної історії (друга половина 1940-х – середина 1950-х рр.): у 2 кн. 3 ч. К., 2010.

Статьи, сборники, материалы конференций

Артемов В.А., Новохацкая О.В. Эмпирические исследования затрат времени в СССР (1920–1930-е гг.) // Социологические исследования. 2008. № 4.

Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х годов // Отечественная история. 2003. № 6.

Барскова П. Вес книги: стратегии чтения в блокадном Ленинграде // Неприкосновенный запас. 2009. № 6.

Бибииков А., Медведев К., Олейников Н., Пензин А. Профилактики тотализующего мышления // Художественный журнал. 2009. Март. № 71/72.

Боле Е.Н. Движение добровольцев в годы Великой Отечественной войны: мотивация вступления в Действующую армию тылового населения страны // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006.

Булыгина Т.А. Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Ставрополь: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005.

Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. М., 1991.

Вашик К. Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов // Образ врага. М., 2005.

Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6.

Всеволодов В.А. «Образ врага» (к вопросу о характере советской пропаганды накануне и в период войны) // Трагедия плена. Красногорск, 1996.

Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 1.

Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне // Военно-исторический журнал. 1993. № 4.

Голубев А.В. Антигитлеровская коалиция глазами советского общества (1941–1945 гг.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002.

Голубев А.В. Советское общество и «образ союзника» в годы Второй мировой войны // Социальная история. Ежегодник. 2001–2002. М., 2004.

Голубев А.В. «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. 5. Магнитогорск, 2005.

Голубев А.В. Союзники в пропаганде и массовом сознании советского общества в годы войны // Россия в XX веке. Война 1941–1945 гг.: современные подходы. М., 2005.

Голубев А.В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х гг. // Отечественная история. 2008. № 1.

Голубев А.В. «Мы ждали второго фронта»: союзники глазами советского общества в годы Второй мировой войны // Российская история. 2009. № 6.

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Время как средство описания повседневного поведения (Структуры зависимых переменных) // Социологический калейдоскоп (Памяти Леонида Абрамовича Гордона). М., 2003.

Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Общий характер перемен в содержании бытовых занятий и функций быта // Социологический калейдоскоп (Памяти Леонида Абрамовича Гордона). М., 2003.

Горяева Т. Убить немца: образ противника в советской пропаганде // Родина. 2002. № 10.

Горяинов В.П. Критерии поступательности, обратимости, стагнации и предсказуемости социального времени // Социологические исследования. 2006. № 4.

Гринченко Г.Г. Принудительный труд в нацистской Германии: историческая память и проблемы анализа биографических интервью // Вторая мировая война в памяти поколений: сб. науч. ст. Краснодар, 2009.

Гудков Л. Страх как рамка понимания настоящего // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 6 (44). Ноябрь – декабрь.

Давыдов Д. «Я то, что есть, и я говорю, что мне хочется» (о «Последних стихах» Елены Ширман) // Новое литературное обозрение. 2002. № 55.

Дубин Б.В. Речь, слух, рассказ: трансформация устного в современной культуре // Дубин Б.В. Слово – письмо – литература: очерки по социологии современной культуры. М., 2001.

Дубин Б.В., Толстых В.А. Слухи как феномен обыденной жизни // Философские исследования. 1993. № 2.

Дубина В. Сексуальное насилие в годы Второй мировой войны: память, дискурс, орудие политики // Новая и новейшая история. 2010. № 1.

Дьячков В.А. Тамбовская деревня в годы Великой Отечественной войны (по воспоминаниям современников – сельских жителей) // Вторая мировая война, Великая Отечественная война советского народа – по архивным документам. Тезисы докладов и науч. сообщений участников конф. М., 1995.

Дюков А.Р. Интерлюдия (3): Кто на самом деле предал советских военнопленных // За что сражались советские люди: «Русский не должен умереть». М., 2007.

Ермолина Л.Г. Фронтовые письма в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея // Известия ОГИК музея. 2002. № 9.

Жирнов Е. «Сидел-сидел, утром проснулись, а он умер» // Власть. 2003. 24 февраля. № 7 (510).

Жирнов Е. «Многочисленны случаи дезертирства, симуляции и самоизувечения» // Коммерсантъ-Власть. 2004. 20 сентября. № 37 (590).

Жирнов Е. «Дезертир скрывался более года на высоком дереве, в гнезде аиста» // Коммерсантъ-Власть. 2011. 11 апреля. № 14 (918).

Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998.

Жучков В.Н., Кондратьев В.А. Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник // История СССР. 1961. № 4.

Зубкова Е.Ю. Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения // Российская история. 2011. № 3.

Искандеров А.А. Ленин, Троцкий, Сталин. Русская революция 1917 года в фокусе взаимоотношений ее вождей // Вопросы истории. 2009. № 7.

Кабанов В. Советская история в слухах // История. 1997. № 29.

Капица С.П. Об ускорении исторического времени // Новая и новейшая история. 2004. № 4.

Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6.

Кирсанова Р.М. Все дело в шляпе // Родина. 2003. № 7.

Кирьянова Е.А. Российское крестьянство в годы коллективизации: восприятие внешнего мира и отечественных реалий // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. Тезисы докладов Всерос. науч. конф. Москва, 25–26 ноября 2008 г. М., 2008.

Козлова Н.Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3.

Кондратьев В.А. О публикации писем советских людей периода Великой Отечественной войны // История СССР. 1986. № 6.

Костырченко Г.В. Советская цензура в 1941–1952 годах // Вопросы истории. 1996. № 11–12.

Крикунов В.П. Под угрозой расстрела или по доброй воле. О формировании в годы войны немецко-фашистским командованием национальных частей из числа военнопленных РККА и изменников Родины // Военно-исторический журнал. 1994. № 6.

Кринко Е.Ф. Повседневная жизнь населения оккупированной Кубани (1943–1943 гг.) // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, 1999. Вып. 1.

Кринко Е.Ф. Слухи Второй мировой войны // Диалоги с прошлым. Исторический журнал. Майкоп, 2002. № 2.

Кринко Е.Ф. Оккупанты и население в годы Великой Отечественной войны: проблемы взаимовосприятия // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005.

Кринко Е.Ф. История Второй мировой войны в слухах // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. Научный журнал. Сочи, 2008. Вып. 1–2 (3–4). Март – июнь.

Кринко Е.Ф. Неформальная коммуникация в закрытом обществе: слухи военного времени (1941–1945 гг.) // Новое литературное обозрение. 2009. № 12 (100).

Кринко Е.Ф. Репрессированная память: воспоминания несовершеннолетних «восточных рабочих» // Вторая мировая война в памяти поколений: сб. науч. ст. Краснодар, 2009.

Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г. «Сердце высказать не могу», или О повседневности чувств военного времени // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2009.

Кринко Е.Ф., Потемкина М.Н. Шепотом о главном: мир слухов военного времени // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории: сб. ст. Челябинск, 2011.

Кром М. Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. М., 2003.

Крылова А. Советское личное: «семейно-бытовая» тема в предвоенной советской литературе // Соцреалистический канон: сб. ст. СПб., 2000.

Кудюкина М.М. Враги и союзники глазами красноармейцев в конце 1920-х годов // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. Тезисы докладов Всерос. науч. конф. Москва, 25–26 ноября 2008 года. М., 2008.

Куприянов А.И. Историческая антропология. Проблемы становления // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996.

Левендорская Л.В. Фронтовые письма в фондах ГУ «Центр документации новейшей истории Ростовской области»: источниковедческие особенности и перспективы использования // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. Материалы Междунар. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону; Таганрог). Ростов н/Д, 2010.

Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. 1998. М., 1999.

Малинова О.Ю. Дискурс о России и «Западе» в 1920–1930-х годах. Попытки переопределения коллективной идентичности в новой системе координат // Космополис. 2008. № 2 (21).

Малинова О.Ю. Идентичность как тема публичного дискурса и категория научного анализа: методологические проблемы // Судьба исторической науки в современной Восточной Европе: Материалы науч.-практ. конф., Волгоград, 12 декабря 2007 г. Волгоград, 2009.

Мамонов В.М. О собирании документов личного происхождения государственными архивами СССР // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1980.

Марков А. Был ли секс при Советской власти? // Родина. 1995. № 9.

Медик Х. Микроистория // THESIS. 1994. № 4.

Мельтюхов М.И. Материалы особых отделов НКВД о настроениях военнослужащих РККА в 1939–1941 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002.

Мельтюхов М.И. 9 дней боевого пути красноармейца Бунина и его размышления о порядках в армии (1941 год) // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006.

Моисеева И.Ю. Фронтовые письма 1941–1945 гг. как источник по изучению темы «Человек и война» (на материалах Коми АССР) // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Материалы «круглого стола». Сыктывкар, 2004.

Момотова Н.В., Петров В.Н. Ценностный мир военнослужащих в письмах с фронтов Великой Отечественной войны // Социология. 2005. № 2.

Назаров А. Трансформация образа врага в советских хроникальных кинофото-документах июня – декабря 1941 года // Образ врага. М., 2005.

Николаев В.Г. Очередь как социальное наследие и элемент образа жизни // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2005. № 1.

Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. 1991. М., 1991.

Орлов И.Б. Становление системы государственного централизованного нормированного распределения в СССР (1941–1943 гг.) // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Материалы Междунар. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону; Таганрог). Ростов н/Д, 2010.

Осокина Е.А. Советская жизнь: обыденность испытания (на примере истории Торгсина и ОГПУ) // Отечественная история. 2004. № 2.

Павлюкович В.П. История развития законодательства о дезертирстве до принятия Уголовного кодекса РФ // За права военнослужащих. 2005. № 3.

Побережников И.В. Слухи в социальной истории: типология и функции (по материалам восточных регионов России XVIII–XIX вв.). Екатеринбург, 1995.

Попов В.П. Государственный террор в советской России, 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2.

Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии. Междунар. конф. Москва, 15 мая 2001 г. М., 2002.

Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг. Сб. ст. М., 2004.

Пушкарев Л.Н. Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002.

Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник. 2004. М., 2005.

Пушкарева Н.Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник. 2007. М., 2008.

Ракова А.П., Шанев А.А. Фронтовой быт Советской армии в годы Великой Отечественной войны по воспоминаниям участников // Известия ОГИК музея. 2002. № 9.

Раманичев Н.М. Власов и другие // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995.

Российская повседневность, 1921–1941. Новые подходы. СПб., 1995.

Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997.

Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996.

Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998.

Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. первый. М., 2000; Вып. второй. М., 2002; Вып. третий. М., 2006; Вып. четвертый. М., 2007; Вып. пятый. М., 2009 и др.

Сенявская Е.С. Женские судьбы сквозь призму военной цензуры // Военно-исторический архив. 2001. № 7 (22).

Сенявская Е. «Образ врага» и «бычье упрямство». Как русские и финны показывают друг друга в «военном» кино // Красная звезда. 2005. 7 июня.

Сенявская Е.С. Союзники Германии в мировых войнах в сознании российской армии и общества // Вопросы истории. 2006. № 11.

Сенявская Е.С. Фронтная повседневность Великой Отечественной войны: опыт конкретно-исторического исследования // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2009.

Серто де М. Хозяйство письма // Новое литературное обозрение. 1997. № 28.

Смирнов И. Соцреализм: антропологическое измерение // Соцреалистический канон: сб. ст. СПб., 2000.

Соколов А.К. Путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004.

Соломатин П.С. Фронтовые письма и корреспонденции в газету «Правда». 1941–1945 гг. // Исторические записки. 1965. Т. 75.

Сомов В.А. Письма участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2007. № 8.

Сорокин П., Мертон Р. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 6.

Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. М., 2009.

Сумленный С. «Германия проиграла войну осенью 1941-го» // Эксперт. 2010. № 16–17 (702).

Терушкин Л.А. Письма и дневники периода Великой Отечественной войны в Архиве НППЦ «Холокост» // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Материалы Междунар. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону; Таганрог). Ростов н/Д, 2010.

Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Этюды о русской истории. М., 2002.

Фельдман М.А. К вопросу об уровне жизни уральских рабочих в 1922–1928 гг. // Гуманитарный сервис. Кн. 1. История повседневности. М., 2003.

Филоненко С.И. Трофейные документы итальянского альпийского корпуса, разгромленного на Верхнем Дону в январе 1942 г. // Воронежский вестник архивиста. Научно-информационный бюллетень. Воронеж, 2005. Вып. 3.

Хархордин О.В. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. 2007. № 1.

Хлынина Т.П. Жалоба, или О чем писали в органы власти советские граждане в начале 1930-х годов // Диалоги с прошлым: исторический журнал. Майкоп, 2004. Вып. 3.

Хлынина Т.П. Время истории: исчезающая категория или новая стратегия освоения прошлого? // Гуманитарная мысль Юга России. Краснодар, 2006. № 1 (2).

Хлынина Т.П. Синдром осажденной крепости, или Как на Кубани появились национальные районы // Мир славян Северного кавказа. Вып. 3. (Памяти В.П. Попова). Краснодар, 2007.

Худенко А.В. Повседневность в лабиринте рациональности // Социологические исследования. 1993. № 4.

Человек в российской повседневности: сб. ст. М., 2001.

Человеческие документы войны. Воспоминания. Письма. Стихотворения. Статьи. Курск, 1998.

Чудакова М. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // Новое литературное обозрение. 2002. № 58.

Шаповалов В.Ф. Особенности российской сексуальной культуры. Семья и брак в России // Общественные науки и современность. 2007. № 2.

Шаповалов С.Н. Роль и значение государственных праздников в период Великой Отечественной войны // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3.

Шевырин С.А. Проявление оппозиционных настроений в политике Советской власти в крестьянской среде // Астафьевские чтения. Вып. третий (19–21 мая 2005 г.). Современный мир и крестьянская Россия. Пермь, 2005.

Шляпников С.Е. О биографическом кризисе (опыт анализа) // Социологические исследования. 2009. № 9.

Штомпка П. В фокусе внимания – повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8.

Шубкин В.И. Исторические предпосылки катастрофизма в России // Страхи и тревоги россиян. СПб., 2004.

Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.

Щепетов К.П. Немцы – глазами русских. М., 1995.

Щербаков В.П. Homo soveticus в сетях повседневности // Человек постсоветского пространства: сб. материалов конф. Вып. 3. СПб., 2005.

Сторінки воєнної історії України: 36. наук. ст. К., 2010. Вып. 13.

Диссертационные исследования

Григорьева О.И. Формирование образа Германии советской пропагандой в 1933–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

Иванов А.Ю. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник (по материалам Республики Татарстан): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009.

Карпова Л.М. Деятельность милиции Удмуртии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2010.

Кукушкина Е.И. Гносеологический анализ обыденного сознания как способа отражения действительности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1985.

Николаенко Е.В. Психологическая интерпретация феномена жалобы в русской культуре: дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2008.

Скворцова Л.Г. Безвозвратные потери уроженцев Республики Мордовия в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004.

Твердюкова Е.Д. Внутренняя торговля и ее государственное регулирование в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
Глава 1. «Жизнь как она есть»: советское повседневье в поисках дисциплинарной прописки	9
1.1. Повседневность как предмет социально-гуманитарных исследований	10
1.2. От концептуализации понятия к возможностям источников	25
1.3. Проверенные цензурой: письма военного времени как источник по истории советской повседневности	40
Глава 2. Морфология советского повседневья: пространство, время и границы.....	55
2.1. Пространство советского человека и особенности его восприятия	56
2.2. Время как исследовательская категория и ощущение жизни: насколько и как измеримо существование советского человека 1920–1930-х гг.	73
2.3. Особенности восприятия времени в годы Великой Отечественной войны.....	87
2.4. Запад в представлениях советского человека 1920-х гг.	96
2.5. Немцы и другие: образы противников в массовом сознании советского общества в 1941–1945 гг.	110
2.6. Расширение пространства: «Теперь мы знаем, что такое за границей...»	128
Глава 3. Труд, потребление, отношение к вещам	139
3.1. Работа, зарплата и соблазны потребления: 1920-е гг. в отдельно взятой области	139
3.2. Регламентация потребления, или Жизнь в условиях нормированного снабжения.....	155
3.3. Практики питания как составляющие фронтового быта.....	169
3.4. Ценность вещей: измерение военного времени	183
Глава 4. Духовные потребности советского человека и практики их удовлетворения.....	200
4.1. Советская праздничная культура, досуг и отдых новых трудящихся	200
4.2. «Поем, шутим и тем мы держимся»: праздничные и досуговые практики в 1941–1945 гг.	212

4.3.	«Книжный голод хуже хлебного»: чтение в годы Великой Отечественной войны	227
4.4.	Война и новый опыт взаимоотношений полов	239
4.5.	Шепотом о главном: слухи как источник информации	254
4.6.	В последний путь: похороны товарищей	268
Глава 5. Стратегии выживания советского человека		282
5.1.	«Кто более матери истории ценен?» Красноармейцы, инвалиды и семьи фронтовиков в системе социального обеспечения	283
5.2.	Спекуляция, хищения и другие хозяйственные правонарушения	297
5.3.	Дезертирство и уклонизм от военной службы	310
5.4.	Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны	324
Послесловие		336
Список источников и литературы		339

CONTENTS

Preface	5
Chapter 1. «The life as it is»: Soviet daily occurrence in search of a disciplinary registration	9
1.1. Daily occurrence as a subject of socially-humanitarian researches	10
1.2. From analysis concepts to possibilities of sources	25
1.3. Checked up by censorship: wartime letters as a source on history the Soviet daily occurrence	40
Chapter 2. Morphology Soviet daily occurrence: space, time and borders	55
2.1. Space of the Soviet man and features of its perception	56
2.2. Time as a research category and sensation of a life: how much and as measured existence of the Soviet man of 1920–1930s	73
2.3. Features of perception of time in years of the Great Patriotic War	87
2.4. The West in representations of the Soviet man of 1920s	96
2.5. Germans and others: images of the opponent in mass consciousness of the Soviet society in 1941–1945s	110
2.6. Space expansion: «Now we know, that such abroad...»	128
Chapter 3. Work, consumption, the relation to things	139
3.1. Work, the salary and temptations of consumption: 1920th in separately taken area	139
3.2. A regulation of consumption or a life in conditions normalized supply	155
3.3. Practices of food as components of a front life	169
3.4. Value of things: wartime measurement	183
Chapter 4. Spiritual needs of the Soviet man and practices of their satisfaction	200
4.1. The Soviet celebratory culture, leisure and rest of new workers in 1920–1930s	200
4.2. «We sing, we joke also that we keep»: celebratory and leisure practices in 1941–1945s	212
4.3. «Book hunger is worse grain»: reading in years of the Great Patriotic War	227
4.4. War and new experience of mutual relations of floors	239

4.5. Whisper about the main thing: hearings as an information source	254
4.6. In last way: funeral of companions	268
Chapter 5. Strategy of a survival of the Soviet man	282
5.1. «Who more mother of history valued?» Red Army men, invalids and families of front-line soldiers in social security system	283
5.2. Gamble, plunders and other kinds of economic offences	297
5.3. Desertion and deviationism from military service	310
5.4. Collaboration in the Great Patriotic War	324
Postscript	336
Bibliography	339

Научное издание

**Кринко Евгений Федорович
Тажидинова Ирина Геннадьевна
Хлынина Татьяна Павловна**

**ПОВСЕДНЕВНЫЙ МИР
СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА
1920–1940-х гг.:
ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ
СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Корректоры:

Ю.М. Валова-Романенко, С.А. Шестак, А.А. Яковлева

Оформление обложки

Е.Б. Орлова

Оригинал-макет

И.В. Кубеш

В оформлении обложки использованы фотографии,
предоставленные Архивом научно-просветительского центра «Холокост»
и Центральным архивом электронных и аудиовизуальных документов Москвы

Сдано в набор 01.10.11. Подписано в печать 28.10.2011.
Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 31,5.
Тираж 300 экз. Заказ №12/11.



Подготовлено и отпечатано DSM.
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081.
344066, Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9, тел. 263-57-66, 263-13-17
E-mail: dsmsgroup@yandex.ru, artdsm@aol.com, dsmside@gmail.com